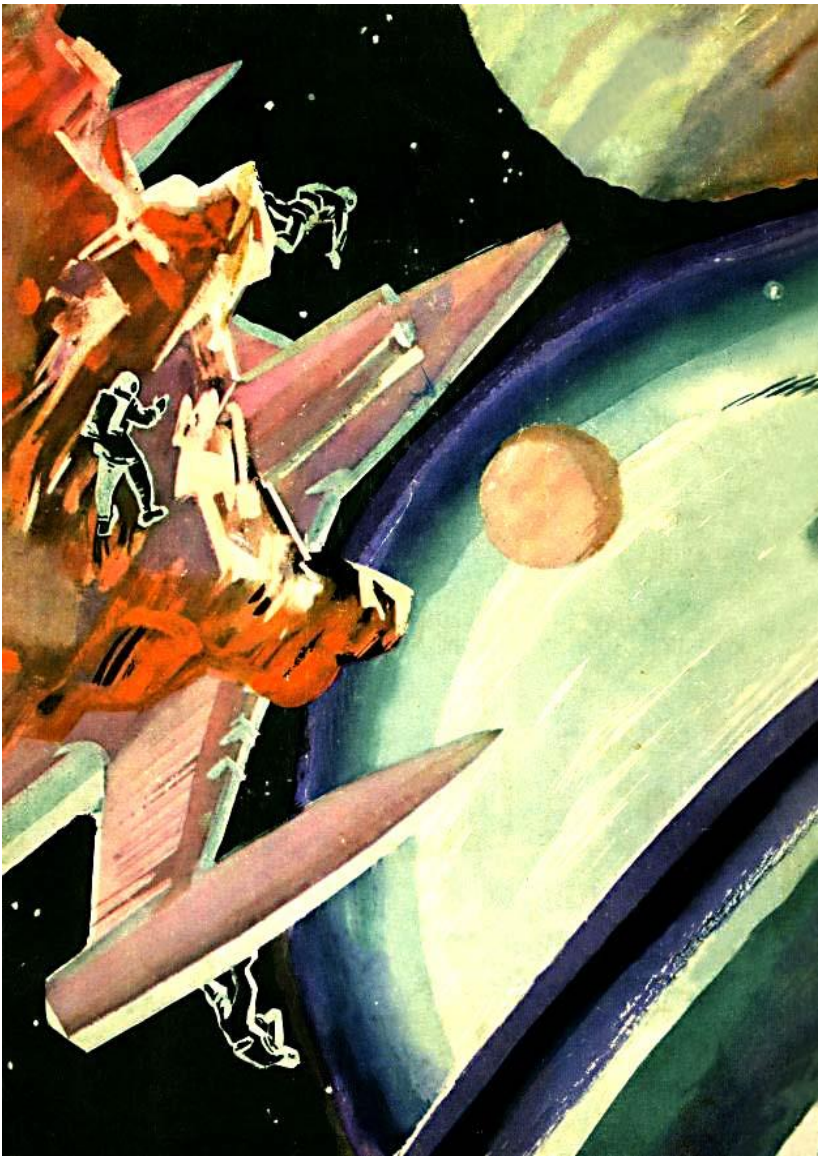


СОВЕТСКАЯ ФАНТАСТИКА

В ОФОРМЛЕНИИ ХУДОЖНИКА
Николая ГРИШИНА

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПУТИ

Сборник фантастики,
дополненный иллюстрациями,
из первых журнальных публикаций

выпуск 1

серия
«НИГДЕ НЕ КУПИШЬ»
2021 год

Публикации и иллюстрации:

«Вокруг света», 1958, №6
В. Сапарин. «Небесная Кулу»

«Знание — сила», 1959, № 8
А. и Б. Стругацкие. «Забытый эксперимент»

«Вокруг света», 1959, № 6
В. Журавлёва. «Голубая планета»

«Знание – сила», 1959, №10
А. Колпаков. «Один»

«Знание-сила», 1959, №12
А. и Б. Стругацкие. «Белый конус Алаида»

«Знание-сила», 1959, №12
В. Журавлёва. «Человек, создавший Атлантиду»

«Вокруг света», 1960, №1
М. Немченко. «Летящие к братьям»

«Знание — сила», 1960, № 8-10
Г. Альтов, В. Журавлёва. «Баллада о звёздах»

«Знание-сила», 1961, №12
В. Ананьин. «Однажды ночью»

«На суше и на море», 1961
В. Сапарин. «Прораб Вселенной»

«Искатель», 1961, №1
В. Журавлёва. «Мы уходим к Аэлле»

«Вокруг света», 1962, №3
Ю. Сафронов. «Огненный водопад»

«Знание — сила», 1963, №1
Е. Войскунский, И. Лукодьянов.
«Формула невозможного»

«Искатель», 1965, №6
В. Михайлов. «Одиссея Валгуса»

«Искатель», 1967, №4
Г. Гуревич. «Восьминулёвые»

«Искатель», 1969, №3
С. Жемайтис. «Остров забытых роботов»

«Вокруг света», 1973, №10
Д. Биленкин. «Пересечение пути»

«Вокруг света», 1976, №02
Ю. Тупицын. «Тонкие грани риска»

«Вокруг света», 1976, №04
В. Рыбин. «Дверь в иной мир»

Ознакомительный тираж: 1 экземпляр.
Работа с текстом: by formally
Идея и работа с иллюстрациями: by formally.

Виктор Сапарин

НЕБЕСНАЯ КУЛУ

1

От страха Лоо опустился на четвереньки.

Он хорошо знал, что наказанием за это служило изгнание из стада. Но когда прямо с неба показался нестерпимо яркий луч и, выйдя из облаков, уперся в высокий холм, Лоо забыл все запреты, ноги его подкосились, и он упал на руки.

Грохот разнесся по окрестностям, более сильный, чем любой гром, который Лоо слышал когда-либо. Когда Лоо, борясь с отчаянным страхом, приподнял голову, он увидел, что из облаков прямо на сухую верхушку холма спустилось что-то большое, блестящее и мечущее пламя.

Больше Лоо ничего не видел. Он полз задом, пока страшную картину не скрыли заросли. Он полз, забыв, что умеет ходить и что передвигаться на двух ногах легче и быстрее.

Он опомнился, только когда поскользнулся на косогоре, влажном от дождя, и скатился в воду.

Фыркая, он поплыл к далекому мысу. Все сородичи Лоо плавали не хуже, чем ходили по суше. Иначе им трудно было бы передвигаться в родных местах, где вода, льющаяся сверху, и вода, чавкающая под ногами, образовала как бы основную стихию. Густые, непролазные заросли, тянувшиеся без конца, представляли такое труднопроходимое препятствие, что, когда надо было передвигаться быстро и далеко, Лоо, как все, избирал водный путь. Переплыв озеро, он вылез на берег и затряс телом так, что с густой шерсти во все стороны полетели брызги. До Больших Пещер пришлось идти долго, кружным путем, и пока Лоо пробирался среди зарослей, он несколько успокоился. Трудно сказать, что больше всего ошеломило его в картине, которую он видел недавно. Пугающим в этом зрелище была его непонятность.

Конечно, гром страшен, и молнии страшны, но тут все объяснимо. Это небесные коу сердятся и перебраниваются друг с другом, не поделив добычу. Важно только не попадаться под руку разгневанным коу. Обычно старейший из них вмешивается и наводит порядок, и они, поворчав, успокаиваются. Но небесные коу невидимы, говорит старый Хц. Они живут высоко за облаками и никогда не спускаются на сушу.

Только иногда они швыряют вниз остатки своей пищи. Эти объедки подбирались народом Лоо и бережно хранились в Священной Пещере - тяжелые, жесткие куски. То, что не разгрызли зубы небесных коу, крепче камня. Только один камень - талаху - может сравниться по твердости с объедками небесных коу. Из талаху лучшие охотники делают наконечники для "летающих жал".

Но никогда еще небесные коу не покидали своих жилищ в облаках и не спускались к двуногим.

Старый Хц говорил, что этого никогда не было.

А если бы они решили это сделать, это выглядело бы примерно так, как то, что видел Лоо.

Лоо даже подпрыгнул на месте, так поразила его эта мысль. О, Лоо недаром считается одним из умнейших в своем племени.

Он побежал, торопясь сообщить об открытии.

2

Нгарроба в голубом скафандре бежал, широко расставляя ноги, чтобы не упасть в жидкую грязь, но расстояние между ним и тавтолоном сокращалось.

Неуклюжее животное, переваливавшееся, как утка, на задних ногах, выглядело бы смешным, происходи дело в другой обстановке.

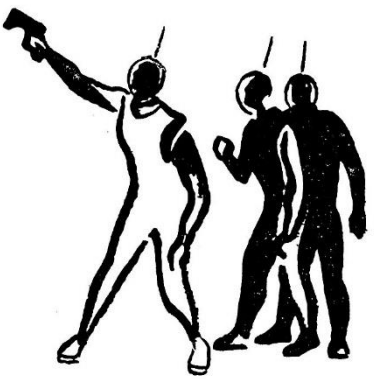
Размерами и очертаниями оно отдаленно напоминало кран для сборки трех-четырехэтажного здания, если бы тот вздумал вдруг скакать. Увесистый корпус опирался на могучие лапы и хвост толщиной в ствол хорошего дерева.

Дальше кверху туловище постепенно утончалось и почти без всяких плеч переходило в длинную сужающуюся шею. Шея заканчивалась смехотворно маленькой - похожей на змеиную - головой. Наверху у туловища свисали слабые передние лапы, беспомощно болтавшиеся в такт прыжкам.

Карбышев порывисто отдернул пневматический клапан кармана. Конечно, было непростительным легкомыслием захватить один пистолет на четверых. Но ведь предыдущая экспедиция на Венеру, как известно, вовсе обошлась без оружия. А сейчас Карбышев с острым беспокойством думал, успеет ли он достать пистолет, прежде чем тавтолон нагонит вице-президента Африканской академии наук, и что произойдет, если он опоздает.

Нгарроба упал в тот самый момент, когда Карбышев нажал спусковой крючок. Синяя молния сверкнула, коснувшись рыжего туловища с гладкой, словно резиновой, кожей. Тавтолон упал: зад его вместе с опорными ногами и хвостом, словно парализованный, остался на месте, а часть туловища с шеей и головой рухнула наземь.

Теперь в дело вмешались Гарги и Сун Лин. Гарги, тонкий и изящный даже в своем желтом скафандре, быстро подбежал к Нгарробе. Сун Лин помог ему приподнять голову африканца. Сквозь прозрачный шлем было видно посеревшее лицо Нгарробы. Он шевелил губами, но нельзя было разобрать, что он говорит. Кто-то догадался, наконец, выпрямить погнутую антенну на шлеме Нгарробы.



Пылкий африканец обрел дар речи.

- Что случилось с этой скотиной? - воскликнул он, озираясь по сторонам. - Взбесилась она, что ли?

- Да что, собственно, произошло? - спросил Сун Лин. - Вы появились из зарослей так внезапно. И сразу выскочило это чудо и погналось за вами. Вы раздразнили его чем-нибудь?

- Очень мне нужно дразнить такую дурацкую тварь, - проворчал Нгарроба. Рукой в перчатке он повернул краник внизу шлема и, поймав губами выдвинувшуюся трубку, хлебнул глоток коньяку. - Вы же знаете, что у этой махины мозга на самую крошку. Но, с другой стороны, всему миру известно и это напечатано в трудах всех семи предыдущих экспедиций на Венеру, - что тавтолоны никогда не нападают на человека.

- Возможно, этот тавтолон не читал научных трудов земных экспедиций, заметил Гарги. - Они ему просто не попадались.

- Что же все-таки произошло? - мягко, но настойчиво напомнил Сун Лин.

Нгарроба встал и сделал машинальное движение рукой, как если бы хотел вытереть пот на лбу. Он бросил взгляд на неподвижное тело рыжего чудовища.

- Подхожу я к озеру, - начал он. - Самое обыкновенное озеро. И вижу картину, типичную для этой планеты, во всяком случае для той ее части, которая исследована. Из воды на разных расстояниях от берега торчат бутоны знаменитой гигантской лилии Венеры и среди них две или три головы этих тварей (положительно, африканец не в состоянии был произнести биологическое название тавтолона). Вы же знаете, что эти шагающие экскаваторы свободно шляются по болотам, а любимое их занятие сидеть на дне озера, высунув наружу свою глупую башку. Такие, можно сказать, громадины, а питаются всякой мелочью - ракушками, жуками и прочей дрянью.

- Говорите спасибо, что они не едят путешественников, - заметил Карбышев. - И вообще не так уж плохо, что здесь не водится ни гигантских крокодилов, ни саблезубых тигров, ни других крупных хищников.

- Да, конечно. Но оказывается, что и пожиратели ракушек могут быть опасны. Так же как, например, сошедший с ума трактор.

- Дальше, - терпеливо заметил Сун Лин.

- Я спокойно смотрю на эту картину. Вдруг вижу, прямо надо мной возникает голова этой милой крошки, кусты начинают раздвигаться под напором ее туловища. Я-то читал труды всех семи экспедиций на Венеру и отлично знал, что тавтолоны, - ученый впервые выговорил это слово, - самые безобидные существа на свете. Поэтому я, не задумываясь, отошел шагов на двадцать в сторону - как раз подвернулось чистое место - и продолжал вести наблюдения. Но тут красавица, - Нгарроба окончательно успокоился, соблаговолила взглянуть вниз со своей четырехэтажной вышины и бросилась на меня, словно я червяк или улитка.

- Эта пасть, - покачал головой Карбышев, - не способна схватить такого мужчину, как вы, даже если бы тавтолон и принял вас за подходящую закуску.

- Кто знает, что ему взбрело в голову. Он мог меня просто-напросто раздавить, даже не заметив этого. Вы слыхали когда-нибудь, чтобы тавтолоны бегали так быстро? Вы ведь знаете, что я считаюсь неплохим бегуном на средние дистанции. А сегодня я поставил рекорд - правда, здесь притяжение несколько меньше земного, так что его не засчитали бы. Но этот тихоход, он пнул тавтолона в бок, - оказывается, бегает еще быстрее.

- Он один знает, что с ним стряслось, - сказал задумчиво Гарги. - Когда он очнется?

Карбышев посмотрел на часы, вделанные в рукав оранжевого скафандра.

- Я вкатил в него весь заряд. Хватило бы и на троих таких зверюг. Но, думаю, минут через десять шок пройдет, и вы можете брать у него интервью.

- Может быть, лучше переговариваться знаками и отойти подальше? предложил Гарги. - Одного приключения на сегодня хватит. Ведь наша экспедиция только

начинается... Смешная все-таки это была картина, засмеялся он вдруг. - Огромная зверюга несется сломя голову, вытянув шею и переваливаясь, точно улепетывая от палки. А наш друг Нгарроба впереди.

- Улепетывая? - медленно повторил Сун Лин. - А вы знаете, это мысль. Может быть, на самом деле он вовсе и не думал ни на кого нападать.

- Но он бросился в мою сторону! - запальчиво сказал африканец. - Хотя я не стоял у него на дороге.

- Вы сказали, что отошли на свободное место? Туда же бросился и тавтолон. Он убегал от чего-то, прятавшегося в зарослях. Ага, он приходит в себя!

Дрожь пробежала по всему телу распростершегося в грязи животного. Потом маленькая головка приподнялась и сделала несколько качающихся движений из стороны в сторону. Шея конвульсивно дернулась раза два-три и вдруг напряглась, точно в нее накачали воздух. Похожее на смятый аэростат тело оживало и приобретало утерянную упругость.

Четверо людей в скафандрах внимательно следили за животным.

- Кто же его напугал? - в раздумье произнес Карбышев. - Ведь хищников, как утверждают предыдущие экспедиции, на Венере нет. Что еще могло нагнать страху на такую махину?

Гарги пожал плечами.

- Мы находимся на совершенно не исследованном материке. Но что он делает? Нгарроба!

- Куда вы? Стойте! - закричал и Карбышев.

Но африканец уже бежал со всех ног к тавтолону.

Животное покачивалось на задних лапах, могучих и пружинистых, как рессоры стотонного вагона. Сейчас оно прыгнет!

- Ну, такая пылкость уже ни к чему! - Гарги побледнел.

Карбышев быстро сунул руку в карман, отыскивая запасной патрон. За разговорами он забыл, что пистолет полностью разряжен.

Но сделать никто ничего не успел.

Фигура в голубом скафандре вскочила прямо на хвост ожившей махины, у самого его основания, где он был толщиной с бочку. Рука Нгарробы протянулась вверх, словно он хотел потрепать или ударять животное по спине. В следующее мгновение тавтолон так подкинул задом, что Нгарроба отлетел шагов на пятнадцать и шлепнулся спиной в глубокую лужу.

Переваливаясь с боку на бок, гигант затрусил к воде, тускло отсвечивающей поодаль под густым пологом облаков.

- Теперь я понимаю, почему тавтолон погнался за вами, - говорил индиец, зайдя в лужу по колено и протягивая руку африканцу. - Вы первым напали на беднягу! Да обопритесь на эту палку, откуда вы ее взяли? Вот так! Мне не под силу вытащить вас.

- Вытрите ему шлем, - сказал Карбышев.

Когда протерли замазанный грязью прозрачный шар, венчающий скафандр, в глубине шлема засверкали белые зубы, а затем стало видно лицо вице-президента Африканской академии наук. На нем сияла такая широкая и торжествующая улыбка, какой его друзья еще ни разу не видели.

Перепачканный с ног до головы, он продолжал держать в руке "палку" тонкий, длиной метра в полтора прут, похожий на камышину или тростинку.

- Если бы я не вытащил эту штуку в самый последний момент из спины моей приятельницы, она утащила бы ее с собой. Вот что заставило ее бежать из зарослей.

- Похоже на иглу, - сказал Гарги. - Вы встречали когда-либо шипы таких размеров?

- Нет, - возразил Сун Лин, - ничего похожего не найдешь ни в одном описании флоры Венеры.

— Значит, еще одно открытие?

- Да еще какое! - воскликнул вдруг Карбышев. Он казался крайне взволнованным. - Посмотрите внимательно!

- Не понимаю, - пожал плечами Гарги.

- Возьмите в руки!

Гарги взял "палку", которую ему передал Нгарроба, и провел двумя пальцами по всей ее длине. В конце пальцы уперлись в небольшой выступ. Затем "палка" сужалась, заканчиваясь очень твердым острием.

— Это... это... - возбужденно забормотал он.

- Дротик, - сказал Сун Лин. Глаза его остро блестели под прозрачным колпаком шлема.

— Вот это открытие! - закричал Нгарроба, чуть не приплясывая на месте. - Не зря я два раза шлепался в грязь... Какая удача, что я очутился на пути у этой скотины!

- Да, друзья, - торжественно сказал Карбышев, - наша экспедиция, вероятно, нашла первое доказательство существования разумных обитателей Венеры.

- Находящихся на такой ступени развития, что они уже умеют изготовлять простейшее оружие, - докончил Гарги.

- Будем надеяться, для охоты. - Сун Лин взял дротик из рук Гарги и внимательно оглядел наконечник.

Путешественники переглянулись.

- Зарядите же, наконец, ваш пистолет! - сказал Гарги.

- Электропистолет, как вы знаете, - заметил Карбышев, - средство самозащиты и потому действует только на коротком расстоянии.

Тем не менее он достал небольшой цилиндрик и вложил его в пистолет.

Нгарроба протянул руку к дротику.

- Дайте-ка его сюда!

Он подержал дротик в руке, словно примериваясь метнуть.

- Думаю, друзья, что с помощью этой игрушки никому из нас не удалось бы пробить такую броню, как кожа тавтолона.

- А наш скафандр она проколет шутя, - подтвердил Сун Лин. - Конечно, эта легкая ткань защищает от укусов всякой жалящей мелкой твари не хуже, чем тавтолона его толстая кожа. И мы отлично укрыты от главного врага бактерий. Но перед дротиком...

Нгарроба пошевелил плечами, точно ощутил прикосновение к коже между лопатками.

Карбышев почувствовал желание обернуться. Позади никого не было. Только в зарослях, шагах в пятидесяти, шевельнулись два-три тонких ствола.

Гарги подошел к дереву, похожему на гигантский укроп. На нем не было листьев, ствол покрывала густая короткая хвоя.

- Никак не могу привыкнуть к здешней флоре, - сказал индиец, - хотя и понимаю, что растительность развивается так быстро от избытка углекислоты в атмосфере. Хотел бы я знать, из чего они делают свои дротики? Вряд ли из этого дерева. Хотя, если срезать прутья с верхушки...

- Из чего сделано древко, мы в свое время определим, - возразил Сун Лин. - Важнее узнать, что за камень идет для наконечников. Порода мне неизвестна.

- Здесь вообще нет гор или выходящих на поверхность скал. Посмотрите!

Вокруг тянулась плоская равнина с озерами, налитыми водой вровень с берегами. С запада картину обрамлял густой лес, похожий издали на сплетение колючей проволоки. Над сплошной синей чащей вздымались отдельные гиганты с ветвями, расходящимися как растопыренные пальцы. Каждый "палец" заканчивался новым пучком ветвей.

На востоке виднелось несколько невысоких холмов с мягкими, размытыми очертаниями.

Произведя фотосъемку, путешественники направились к ракете.

Разговор вертелся вокруг дротика и возможной встречи с людьми Венеры. Чем она кончится?

- Собственно говоря, - сказал Нгарроба, - у нас тоже есть оружие, - он сжал дротик в руке, - такое же, как у них.

- Во-первых, оно в единственном числе, - возразил Гарги.

- А, во-вторых, вы его не примените, - заметил Сун Лин.

- Да, действительно, - согласился вице-президент Африканской академии наук. - Разве уж в самом крайнем случае.

Карбышев вынул заряженный пистолет и стал передвигать рычажок.

- Убавляете разряд?

- Не собираюсь же я их убивать, - пожал плечами Карбышев. - Как вы полагаете, двадцатой доли того, что получил тавтолон, достаточно?

— Это порция для быка.

- Неизвестно, может быть, человек Венеры сильнее.

- Надо поскорее обследовать эту часть планеты! Ведь до сих пор экспедиции высаживались главным образом в экваториальной зоне и у полюсов. А средние широты посещались только дважды. И то шестая экспедиция была неудачной. Заболел Томпсон - и всем пришлось вернуться.

- Отдохнем на базе - и в путь!

- Один из нас, - объявил Карбышев, - должен находиться все время в ракете.

- Только не я, - быстро сказал Нгарроба.

- Кому повезет. Я согласен на жребий.

- Да уж, действительно, кому повезет, - рассмеялся Сун Лин. - Тому, кто пойдет в патруль, или тому, кто, может быть, повезет на Землю сообщение, что патруль пропал.

- Ракету надо будет подготовить к старту. Так, чтобы отправить ее мог один человек, - заметил Карбышев.

- Интересная, черт возьми, восьмая экспедиция! - лицо Нгарробы сияло. Вы знаете, я чуть было не попал в седьмую. Но задержался на Марсе, и мне оставили место в восьмой. А я тогда так огорчался: у нас вышла из строя ракета. Пока пригнали запасную, экспедиция на Венеру уже ушла. Все-таки мы еще сильно зависим от астрономов с их расчетами.

- Да, регулярного сообщения с планетами пока нет.

- На Луну, положим, ракетный мост работает.

- Ну, Луна...

Переговариваясь, они шагали по скользкой, разъезжавшейся под ногами почве, обходя озера, озерца и бесконечные языки заливов. Мелкие лужи кишели всякой тварью, напоминавшей то живые булавки, то плавающую дробь, то зеленые снежинки.

Часов через шесть они вышли к подножию холма, на котором на выдвинутых из туловища ногах стояла горизонтально ракета.

- Отдых, - скомандовал Карбышев.

В ракете было сухо и уютно. Путешественники с удовольствием сняли скафандры и улеглись в мягких креслах, легко превратившихся в постели.

"Утром" - по земным часам, измерявшим время в ракете, - после завтрака пришло время решать, кому идти в патруль.

Нгарроба так волновался, что на него жалко было смотреть.

- Ваш темперамент, - заметил Гарги, - какой-то пережиток прошлого.

- А я думаю, - быстро возразил африканский ученый, - что и через тысячу лет люди будут волноваться. Иначе не стоит жить. Я не верю в бесстрастных людей.

- Вы, Гарги, тоже нервничаете, - заметил Карбышев.

- Ну, а спокойствие Сун Лина - обыкновенная выдержка, - возразил индиец. - Кто же не волнуется? Вы?

- Я первый раз встречаюсь с разумными существами на другой планете, парировал Карбышев. - Простительно и поволноваться. Итак, кто наберет больше очков, тот идет в патруль. Я начинаю.

Он вынул пожелтевший кубик, игральную кость времен древнего Рима музейную вещицу, которую ему дала на память дочь.

- Четыре, - объявил Сун Лин, глядя на подкатившуюся к нему кость.

Нгарроба долго тряс кубик в ладони, наконец бросил на гладкий стол.

- Пять! - закричал он. - Пять!

Китаец кинул кость. Вышла тройка.

- Ну что ж, - протянул руку Гарги, - у меня все же два шанса из трех. По крайней мере так говорит теория вероятности. Эх!..

- Двойка, - спокойно констатировал Сун Лин. - Теория вероятности оправдывается лишь при большом числе бросаний.

- Инструкции? - покорно спросил Гарги.

- Не отходите от ракеты дальше десяти шагов.

- Не украдут же ее!

- Ее - нет. А вас могут. При малейшем подозрительном явлении скрываетесь в ракете и ведете наблюдение. Локатор вышел из строя, так что придется пользоваться иллюминатором. Наша посадка, честно говоря, была не слишком блестящей. Время работы патруля - двадцать четыре часа. Если мы не вернемся, ракету не покидайте. Ждете еще двенадцать часов. Будьте тогда особенно осторожны. Еще через двенадцать часов стартуете на Землю.

В течение нескольких часов участники экспедиции готовили ракету к старту. Нгарроба включал и выключал домкраты, управляющие "ногами", пока ракета не приняла наклонное положение. Гарги работал с вычислительной машиной, Сун Лин задавал программу управляющему устройству.

- Кнопку нажмете по этим часам, - сказал он. - Включите за пять минут. Старт будет автоматический. Так надежнее. Ничего не трогайте, пока не станут поступать сигналы с Земли. Это будет только на третьи сутки. Тогда начнете передавать сообщения на Землю. Раньше радиосвязи все равно не будет: мешает Солнце и...

- Я знаю...

- Я обязан проинструктировать. Нажмете эту кнопку - и все, что я сказал, будет повторено сколько угодно раз.

- И это знаю.

- Ну и отлично! Желаю спокойного дежурства!

- Начало работы патруля - через полчаса, - предупредил Карбышев, взглянув на часы в стене. - Надеть скафандры!

По одному участники экспедиции проходили в тамбур, надевали скафандры и через люк по выдвижному трапу выбирались наружу.

- Сверим часы, - предложил Карбышев, - по стартовым.

- В путь!

Короткое рукопожатие, и три фигуры в скафандрах зашлепали по грязи. Четвертая осталась у задранного вверх туловища ракеты.

3

- Небесные коу, небесные коу! - кричал Лоо, подбегая к Большим Пещерам. - Небесные коу спустились рядом с Большой Водой!

Но тут он увидел, что все молчат и со страхом смотрят на старого Хц. Племя было в сборе. Только двое-трое повернули головы в сторону кричавшего Лоо, но затем снова обратили лица к вождю. Потрясая руками, он говорил:

— Это были двуногие! С круглыми головами и кожей гладкой, как у кулу. Небольшой, слабый народ, только один был настоящего роста, и то меньше многих из нашего племени.

Хц показал, какого роста были круглоголовые. Он поднял с земли круглый зеленый плод тагу и объяснил, что такая голова была у странных существ. Вряд ли они могут хорошо плавать. Ноги у них с маленькими, совсем маленькими ступнями, прямые и толстые, как бревна.

Хц дал понять собравшимся, что существа, которых он видел, стоят на очень низкой ступени развития, гораздо ниже, чем двуногие из стада Хо, которые не умеют делать "летающих жал" и не могут поэтому охотиться на кулу, а живут тем, что собирают в лесу.

- Они плохо ходят, - сказал Хц.

Он видел, как они падали на ровном месте. Они даже (в голосе Хц послышалось глубочайшее презрение) становятся на четвереньки и ползают так, словно не двуногие. Он сам видел. Но все-таки это, пожалуй, двуногие, только очень дикие. Они стащили "летающее жало", выдернув его из туловища кулу. Они так крутили своими головами (Хц изобразил действия странных существ), что, хотя Хц не мог знать, о чем они говорят, он понял, что они страшно удивлены. Значит, они не умеют делать "летающие жала".

- Ха! - раздался крик презрения из толпы.

- Вы знаете, что наш народ - самый сильный, - продолжал ободренный Хц, - самый мужественный, самый хитрый.

Он жестикулировал, бил себя в грудь, принимал позы, показывал силу, мужество, хитрость.

- Никто не знает, откуда появились эти дикие круглоголовые.

Тут какая-то сила толкнула Лоо, и он выбежал вперед. Еще когда старый Хц рассказывал о странных пришельцах, Лоо переминался с ноги на ногу. Столько событий сразу! Когда вождь с негодованием сказал, что круглоголовые ползают на четвереньках, Лоо спрятался за спинами собратьев: он вспомнил, что нарушил запрет. Но дальнейшее заставило его забыть об этом. Когда вождь сказал, что он не знает, откуда взялись пришельцы, Лоо выбежал вперед.

- Небесные коу, - забормотал он. - Небесные коу.

Он, Лоо, видел, как что-то спускалось из облаков.

Лоо плохо говорил - не то, что старый Хц, знавший много слов и умевший показывать то, что трудно выразить словами.

Голову Лоо распирало от мыслей. Никогда еще он так много не думал. Он хотел сказать... Что он хотел сказать? Он сам не знал, что он хотел сказать.

Он махал руками и бормотал:

- Небесные коу.

Он топтался на месте, обводя соплеменников горящими и умоляющими глазами.

Сначала все молча ждали, что он скажет. Но затем вождь поднял руку и стал бить себя в грудь.

- Хц знает, что надо делать! - кричал он. - Хц знает! Слушайте Хц!

4

Передвигаться в стоящей наклонно ракете было неудобно, хотя мебель и часть пола автоматически заняли горизонтальное положение. Приходилось перелезать через пороги, образовавшиеся внутри помещения.

На горизонте - слабоволнистой линии с небольшими выпуклостями холмов Гарги никого не заметил. Самое скверное заключалось в том, что ушедший патруль нельзя было предупредить по радио. Стены ракеты не пропускали радиоволн, а антенна, выведенная наружу, была уже подключена к устройству для приема сигналов с Земли. Инструкция запрещала касаться этих устройств и что-либо переналаживать в подготовленной к старту ракете. Конечно, инструкция предполагала, что экипаж в это время находится уже в ракете и не покидает ее. Но очевидно, что-то устарело в инструкции или в конструкции ракеты.

Посмотрев минут десять на знакомую, уже надоевшую линию горизонта, Гарги вернулся к своему главному наблюдательному пункту. Сидя в кресле, он сквозь иллюминатор видел бурый скат холма, усеянный двумя или тремя десятками дротиков. Можно было бы собрать хорошую коллекцию для музея, если бы только Гарги мог позволить себе выйти наружу. Осада продолжалась уже добрых два часа.

Вероятно, эти существа, прятавшиеся в зарослях, окружавших площадку, на которой стояла ракета, принимали ее за какого-нибудь тавтолона невиданной породы. Людей Венеры не очень-то испугаешь размерами - они привыкли иметь дело с гигантами растительного и животного мира. И

они умели справляться с тавтолонами, забрасывая их тучами дротиков.

Конечно, ракету не прошибешь каменными наконечниками. Дротики отскакивают от нее, удивляя, вероятно, охотников. Но... Гарги взглянул на часы. Патруль должен был вернуться еще час назад. Гарги снова перешел к окну в противоположной стене. Как ни важны для науки наблюдения, которые он вел со своего рабочего кресла, он не мог забывать главное - сторожевой пост.

Склон холма с этой стороны был совсем голый, и до горизонта тянулась такая же открытая местность. Да, незаметно тут к ракете не подойдешь.

- А может быть, люди Венеры уже встретили патруль и пришли сюда после схватки с ним? - подумал Гарги.

Он сказал это вслух. Все последние часы он говорил вслух, комментируя каждый свой шаг, выговаривая каждую мысль, - звукозапись должна все зафиксировать в дневнике.

Гарги вздрогнул. На горизонте появилась темная фигура. Гарги изменил фокусировку иллюминатора. Фигура приблизилась, но разглядеть ее было невозможно. Минут десять она маячила вдали, а затем вдруг исчезла. Что случилось с этим человеком? Провалился в какую-нибудь трещину? Или скатился по скользкому склону в овраг? Он ждал, но человек не появлялся.

Зато на горизонте возник новый силуэт. Голубой скафандр! Нгарроба? Значит, первый был Сун Лин? Он в черном. Где же Карбышев?

Нгарроба в одиночестве брел по усеянной невысокими буграми местности. Гарги видел, как он обходил небольшие озерца. Он различил даже дротик, который африканец, уходя, захватил с собой. Вдруг Нгарроба исчез.

Куда они пропадают? Гарги старался разглядеть, что там, на пути патрульных. Но тут в поле его зрения вновь очутился тот, первый человек. Он появился в том месте, где

недавно исчез, и сейчас продолжал двигаться по направлению к ракете.

Беспокойство индийского ученого возросло, когда черный скафандр Сун Лина вдруг опять исчез и местность за иллюминатором стала совсем пустынной.

Прошла минута, другая, третья... Человеческая фигура снова появилась, но это не Сун Лин, а Нгарроба - в том месте, где он исчезал. Теперь к ракете шел один Нгарроба.

Гарги уже не удивился, когда Нгарроба, пройдя с полкилометра, пропал. Он ждал, что перед его глазами возникнет Сун Лин. И он появился.

Индиец все понял. Патруль возвращался рассредоточение, по одному, чтобы не нарваться неожиданно на засаду, если она окажется на пути.

Но где же третий? Куда девался начальник экспедиции?

И что следует предпринять? Патруль на глазах у Гарги шел прямо навстречу той опасности, которой хотел избежать!

И тут Гарги понял, что ничего предпринимать не надо. Люди Венеры находятся по другую сторону холма, на вершине которого стоит ракета, и не видят того, что видно ему в окно иллюминатора. Нужно только, чтобы возвращавшиеся собрались у подножия холма или даже ближе, у самой ракеты, и затем одним махом вскочили в люк в то короткое мгновение, на которое его можно без опаски открыть. Хорошо бы на это время как-нибудь отвлечь внимание осаждающих.

Но прежде всего нужно немедленно сообщить обо всем возвращающемуся патрулю. Придется открыть люк, ничего не поделаешь.

Гарги подошел к выходной двери, снял предохранитель и нажал кнопки. Бесшумно выдвинулись замки, тяжелая дверь оторвалась от герметических зажимов и медленно раскрывала свой зев.

Дверные механизмы не были рассчитаны на особую поспешность. Гарги еле дождался, пока дверь раскрылась настолько, что он смог протиснуться в тамбур. Теперь надо ждать, пока дверь закроется. Только тогда можно вынуть скафандр из герметического шкафа.

Натягивая скафандр, Гарги оглядывал тамбур. Рассчитанный на одного человека, он мог в случае нужды вместить и двух. Но трех? Он представил могучую фигуру Нгарробы и покачал головой. Но будет ли их трое? Пока он видел только двоих!

Скафандр надет. Теперь последнее - выходной люк. Он отваливается сразу.

Крышка еще качается на массивной петле, а Гарги уже высунул голову. Люк находится в нижней части ракеты, его видно с обоих склонов холма.

Гарги быстро выпаливает заготовленные фразы, смотря больше в сторону, откуда прилетали дротики, чем на голый скат. Однако он успевает заметить, что Сун Лин уже почти подошел к подножию холма. Сун Лин бросается наземь при слове "внимание" и слушает лежа. Нгарроба, разумеется, тоже слушает. Может быть, и Карбышев, если только...

Крышка люка, за которую держится Гарги, вздрагивает, и вниз, на бурую почву, падает дротик со сломанным острием.

Он невольно ускоряет речь, стараясь все же говорить внятно. Обучение дикции, которое производится во всех школах Земли, теперь очень выручает.

Второй дротик задевает плечо Гарги. Разрыв в ткани тотчас же затянется сам собой, но хотелось бы знать,

пробило каменное острие обе оболочки скафандра или только верхнюю? Гарги почти явственно ощущает, как в дыру в короткий миг ее существования хлынули полчища микробов, более опасных для жителей Земли, чем люди, мечущие дротики. Он втягивает голову в люк, оставляя снаружи одну антенну.

Третий дротик проносится под самым его носом; причем он не знает, вышли те, кто их метал, из зарослей или остаются еще там на положении невидимок.

Все! Гарги отпрянул назад. Он получил ответ только от Сун Лина. Нажим рычага - и крышка захлопнулась. Тридцать два самозавинчивающихся болта делают свое дело. Когда люк автоматически задраился, Гарги включил распылительные устройства. Теперь в течение целых десяти минут он будет обрызгиваться и обдуваться системой пересекающихся струй и сменяющихся душей. Время замечать не нужно: все выключится само, когда процедура закончится. Ускорять операцию тоже, к сожалению, нельзя. Пока контрольные приборы не установят, что все в порядке, дверь из тамбура внутрь ракеты не откроется.

Но вот все стихло. Гарги снимает скафандр и кладет его в шкафчик. Дверь из тамбура медленно открывается, и он, наконец, в салоне.

За дело! Надо включить сигнальный красный фонарик в головном конце ракеты. Но для этого необходимо разложить кресло, улечься в нем, застегнуться толстыми, с надувными подушками ремнями - только тогда кнопка включения фонаря сработает. Это стартовый огонь: он означает, что экипаж готов к вылету. С одной стороны, конечно, хорошо, что для экспедиции на Венеру выбрали испытанную, облетанную модель, но, с другой стороны, эта старомодная система сигнализации и обеспечения безопасности довольно смешна. Гарги лежит в кресле связанный, как кассир, на которого напали бандиты, - если верить старым фильмам, которые демонстрируют иногда по телевидению. Кнопка под указательным пальцем правой руки.

Он нажимает. Раз, два, три! Пусть рубиновый огонек наверху ракеты, яркий и заметный даже при рассеянном свете длинного дня Венеры, мигает. Так он скорее привлечет внимание людей Венеры. Ведь им из их убежища в зарослях видна вся ракета. Пусть они поднимут взоры от "земли" выше, к небу.

Гарги выключил запирающее устройство входного люка. Чтобы открыть люк, сейчас достаточно тронуть кнопку у крышки. Это очень рискованно: ведь до кнопки могут добраться и люди Венеры.

Со своего лежачего места он не видит иллюминаторов. Перед ним только большие часы. На прямоугольном циферблате горят цифры: красные - часы, зеленые - минуты, желтые - секунды. Если все идет так, как положено, Нгарроба и Сун Лин подбегают сейчас к люку.

Гарги отбивает дробь на кнопке. Он старается не думать о том, как три (хорошо бы - три!) человека втиснутся в тамбур. Первый влезет легко. Втянет второго за руку. Третий... Кто будет третьим? На минуту Гарги отчетливо представил себе, как ноги третьего болтаются из люка в "сапогах", самой толстой и прочной части скафандра. К дергающимся сапогам подбегают голые, обросшие волосами существа, хватают руками, могучими, как клещи, тянут, лезут в люк...

Большой циферблат равнодушно светит яркими цифрами. Собственно, кнопку можно уже не нажимать, но Гарги продолжает лежать и сигналить. Как знать, может быть, мигающий огонек окажет магическое воздействие на обитателей Венеры.

Время вышло. Зеленые цифры безжалостно и неумолимо сменяются одна другой. Еще минута. Еще, еще и еще...

Гарги почувствовал, что лоб его покрывается испариной.

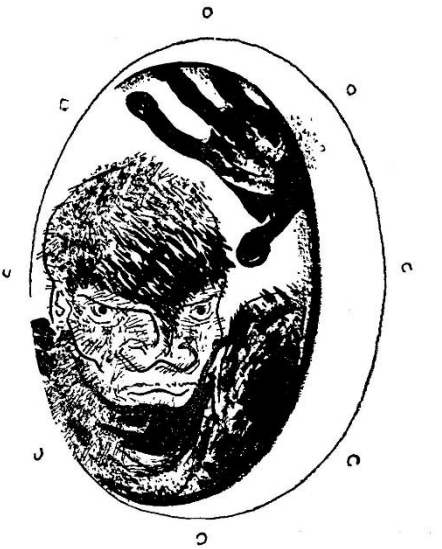
Дверь сдвинулась с места. С поразительной ясностью индиец представил себе, как сейчас в щель просунется волосатая рука.

Он принялся лихорадочно отстегивать ремень, державший его в кресле.

Темная голая рука мелькнула из-за двери.

- Уф! - фыркнул кто-то.

Гарги вскочил.



В иллюминатор он увидел увеличенную линзой голову, лохматую, с выдающимися надбровными дугами, с нависшими волосами, маленькими глазами почти без век, как у животного, зорко глядящими прямо на него.

- Камера! - крикнул индиец почти машинально.

Киноаппарат, установленный против иллюминатора, тотчас же заработал. Абсолютно бесшумный, как и все современные аппараты, он только вращением диска со стрелкой выдавал, что ведет съемку.

Дверь открылась уже на треть, но никто не появлялся. Только отчаянное сопенье доносилось из тамбура.

Гарги сделал два шага к двери и услышал прозвучавшее в его ушах как музыка:

- Черт, какая давка!

Это был, конечно, Нгарроба!

Гарги кинулся к двери. Его глазам представилось месиво шевелящихся рук и ног. Не сразу сообразил он, что здесь налицо все участники патруля. Первым выпутался из кучи и ввалился в салон Нгарроба. Он попал прямо в объятия Гарги.

- Уф! - фыркнул Нгарроба. - Еще минута - и я бы погиб. Как только мы ухитрились снять скафандры! Теперь я

понимаю, что должны чувствовать финики, спрессованные в пачке.

- И это говорит человек, занимавший три четверти тамбура, - сказал Сун Лин, появившийся вторым. - Вы знаете, - обратился он к Гарги, - Карбышеву пришлось все-таки пустить в ход свой пистолет. Он прикрывал нашу посадку. Правда, он стрелял в воздух... Но позвольте, что это с ним?!

Теперь, когда Нгарроба и Сун Лин освободили тамбур, в открытую дверь стала видна распростершаяся на полу фигура. Одна рука Карбышева протянулась в салон, в стиснутых пальцах был зажат клок рыжих волос, другая подвернулась под туловище. Бледное до синевы лицо казалось безжизненным.

- Скорее! - крикнул Сун Лин.

Хладнокровие в первый раз покинуло китайского ученого.

Нгарроба схватил тело Карбышева в охапку и уложил в раздвинутое кресло, с которого давал сигналы Гарги. Тот трясущимися руками доставал шприц.

Сун Лин быстро раздел Карбышева.

Тело начальника экспедиции было испещрено огромными синяками и кровоподтеками. Особенно много багровых пятен покрывало руки и ноги. На левой руке, на бицепсе, отпечатался синий след четырех огромных пальцев. Темное пятно виднелось около шеи.

— Вот это самое опасное, - сквозь стиснутые зубы выдавил Сун Лин. Укол!

Гарги уже нажимал кнопку шприца.

- Электродуш!

Нгарроба подтащил блестящий рефлектор, вытянув его вместе с кабелем из стенного шкафчика. Надев шлем на голову Карбышева, он включил ток.

- Электродыхание!.. Электросердце!.. - раздавалось в полной тишине.

Окутанный проводами и приборами, Карбышев лежал безжизненный.

- Ну, этого я не прощу! - проворчал Нгарроба с сокрушением и гневом, поднося запасной баллон с кислородом к аппарату искусственного дыхания.

Только на шестнадцатой минуте веки Карбышева чуть дрогнули.

- Спасен, - с облегчением сказал Сун Лин. - Была бы лишь капля жизни... Теперь максимум осторожности!

Он выключил электродуш. Гарги переводил электродыхание и электросердце на более спокойный режим.

Еще четверть часа Карбышев лежал неподвижно. Затем открыл глаза.

- Все целы? - спросил он, обводя взглядом лица товарищей.

Щеки его порозовели. Он поднял голову.

- Здорово вас отделали, - сказал счастливый Гарги.

— Это Нгарроба, - пошутил Карбышев, с трудом двигая бледными губами. Он так спрессовал меня, что объем моего тела сейчас в два раза меньше нормального, но зато я уместился в тамбуре. Спасибо, Нгарроба!

- Нет, это не моя работа, - возразил Нгарроба, смазывая кровоподтеки на теле Карбышева белой пахучей массой, которую выдавливал из большого тюбика.

Синие и багровые пятна сразу стали бледнеть.

Карбышев потянулся всем телом. Попробовал сесть.

- Кости целы - и за то спасибо! Ну, такой силищи я в жизни не видывал...

- А где ваш пистолет?

- Гм...

Ни в тамбуре, ни в скафандре его не оказалось.

- Не помню... Как во сне было! Страшные существа окружили вплотную, какие-то звериные морды с клапанами, закрывающими ноздри, руки четырехпалые, с перепонками у самого основания пальцев, пальцы длинные... Тянутся со всех сторон, хватают. А тут Нгарроба втягивает меня по лесенке! Кажется, они оторвали трап... Больше ничего не помню.

- Ну вот, - покачал головой Гарги. - Мы, кажется, вооружили наших противников.

- Я бы не хотел считать их противниками, - вяло произнес Карбышев. Он откинулся снова на постель.

- Попробуйте разъясните это им, - Нгарроба кивнул на иллюминатор.

Там по-прежнему была видна лохматая голова с круглыми глазами.

Еще несколько людей Венеры бродили поодаль. Охотники на тавтолонов, видимо, поняли, что ракета не в состоянии ни брыкнуть, ни вообще сдвинуться с места, хотя и стоит на множестве ног. Может быть, исчезновение в туловище ракеты трех патрульных, за которыми они гнались до самого люка, навело их на какие-то мысли. Словом, они стали смелее.

- Не спугните его, - предупредил Сун Лин.

Но что-то оттолкнуло глядевшего, и он отскочил прочь.

Киноаппарат издал короткий гудок.

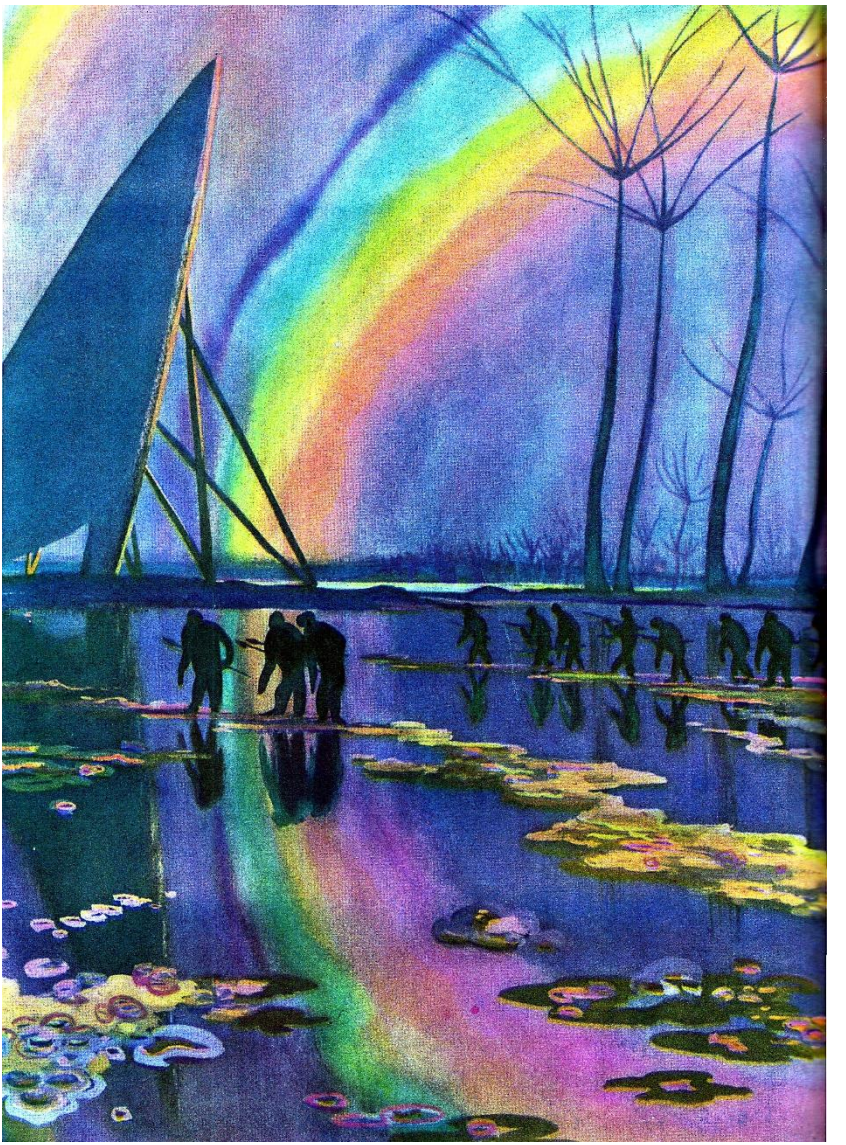
Гарги кинулся менять кассету.

- Досадно упустить такой объект!

Человек Венеры стоял теперь в десяти шагах от иллюминатора и был виден во весь рост. Высокий, с очень выпуклой грудной клеткой, с огромными ступнями, с длинными руками, поросший рыжей шерстью, он производил впечатление первобытной силы.

- Не очень красив, - заметил Гарги. - По нашим, конечно, представлениям. Но, видимо, здорово силен.

- Обратите внимание на череп, - сказал Суя Лин. - Какая-то смесь неандертальца с... честное слово, мне кажется, такой или почти такой череп я встречал в музеях на Земле. Вероятно, мозг у него развит больше, чем это кажется по общему внешнему виду. А могучая грудная клетка тут, конечно, просто необходима. Ведь у него нет скафандра, и ему приходится прогонять через легкие много воздуха, бедного кислородом. Посмотрите, она по объему чуть не в половину туловища.



- Во всяком случае, эти люди давно забыли о том времени, когда ходили на четвереньках, - вставил Нгарроба. - Походка неуклюжая, но это за счет строения тела. Зато какая уверенная!

Он вдруг засмеялся.

- Вы что? - спросил Гарги.

- Очень забавно получилось. Битых двадцать четыре часа мы выслеживали эти существа и ни одного из них в глаза не видели. А вы, неудачник, оставшийся караулить ракету, были первым, кто с ними встретился.

- Так никого и не нашли?

- Видели тавтолона, утыканного дротиками, как подушка для булавок. После этого у нас пропало желание беседовать с владельцами этих дротиков без переводчика.

- Охота, видимо, была внезапно прервана, - добавил Сун Лин.

- Мы поняли, что ракета обнаружена. Что еще могло бы их так сильно удивить или напугать? И мы решили вернуться. А чтобы не угодить к ним в руки, приняли некоторые меры предосторожности. Из-за этого мы, собственно, и опоздали.

- А где ваш дротик? - спросил Гарги.

- Я бросил его, - объявил Нгарроба. - При посадке было не до того... Около ракеты валялось множество, и я решил, что вы уже сделали достаточный запас.

- Не успел, - с сожалением сказал Гарги. - Они появились внезапно. Я быстро вскочил по трапу в ракету. А потом уже посыпались дротики. Может быть, они меня даже не заметили. Они атаковали ракету.

- У меня создалось впечатление, что они хотели взять нас живьем, заявил Нгарроба. - Ведь мы для них еще более непонятные существа, чем они для нас. Может быть, они решили изучить нас поближе?

- Похоже, что они собираются уходить, - заметил Гарги, глядя в иллюминатор.

- Скорее, прячутся снова в зарослях, - возразил Сун Лин. - Думаю, они не снимут осады.

Люди Венеры один за другим покидали площадку около ракеты. Некоторые подбирали валявшиеся дротики.

- Они уносят последние вещественные доказательства! - воскликнул Гарги. - У нас на руках ничего не осталось, кроме кинопленки. Мы даже не узнали, что это за порода, из которой они делают наконечники.

- Несколько штук еще валяется там.

- Но их караулит этот малый.

Действительно, человек Венеры, заглядывавший внутрь ракеты, не собирался, видимо, уходить. Он бродил поблизости.

- И пусть караулит! - вдруг решительно заявил Нгарроба. — Это нам не помеха!

- Вы хотите предпринять вылазку? За дротиками?

- Дротики? - Нгарроба встал с места. Он вытянул свои руки атлета и напряг мускулы. - Я... Конечно, этот парень сильнее меня. - Нгарроба кивнул в сторону иллюминатора. - Но вряд ли он знает все приемы вольной борьбы, которой я увлекался, в его возрасте.

- Вы считаете, что это юноша?

- Конечно. Среди нападавших был один совсем морщинистый, по-видимому, вождь, он стоял в стороне и только размахивал своими длинными ручищами. По сравнению с ним этот малый совсем сосунок.

- Позвольте, что вы задумали? Вы хотите его...

- А вы нет?

- Да, привезти такой научный трофей... - мечтательно сказал Гарги.

Карбышев поднял руку, словно собираясь что-то сказать, но выражение лица Сун Лина остановило его.

- Вы с ним не справитесь, - спокойно заметил китайский ученый.

- Положитесь на меня. - Нгарроба выпрямился во весь рост.

- Он по крайней мере в три раза сильнее вас, - настаивал Сун Лин. Посмотрите на его мускулатуру. Тут есть мышцы, которых у вас просто нет.

Наклонив голову, мохнатый человек ходил по усеянному следами скату холма, изредка бросая из-под нависших волос взгляды в сторону ракеты. На его спине, широкой и согнутой, ходили толстые бугры рельефно выделявшихся при каждом движении мышц.

- Не отговаривайте меня, - сказал африканец. - В конце концов нас четверо. И у нас восемь рук, а это тоже имеет значение. И если отказаться от спортивных правил, - а они здесь ни к чему, - и навалиться на него вчетвером, мы его одолеем.

Сун Лин взглянул на Нгарробу с улыбкой, как на ребенка.

- Случай более чем соблазнительный, - начал соглашаться и Гарги. - Что он там делает?

- У него в руках наш пистолет!

- Вы не помните, там оставался еще заряд?

Карбышев не успел ответить.

Короткая синяя молния блеснула из дула пистолета. Лохматый человек рухнул наземь. Его огромная выпуклая грудь почти не двигалась.

- Хороший случай проверить сопротивляемость организма человека Венеры, - спокойно произнес Сун Лин. - Интересно, через сколько минут он очнется.

- Наружу! - крикнул Нгарроба, кидаясь к двери.

- Стойте! - резко возразил Карбышев, делая попытку сесть. Он побледнел от волнения.

- Надо внести его сюда, пока он не очнулся, - нетерпеливо передернул плечами африканец.

- А что будет, когда он очнется? - многозначительно спросил Карбышев.

- Он все здесь разнесет, - сказал Гарги.

- Придется его... усыпить!

Нгарроба сразу угас, сел в кресло и стал нервно барабанить по подлокотнику. Потом обвел взглядом внутренность ракеты. Тончайшие приборы, продукт самой высокой техники, окружали путешественников. Нервные стрелки, циферблаты, горящие лампочки, автоматические перья, тянущие на бумажных лентах бесконечную нить, беспрерывно действующие анализаторы воздуха, управляющие устройства... Ракета представляла собой сложный искусственный организм, живущий как бы своей собственной жизнью.

Нгарроба глубоко вздохнул и подошел к иллюминатору. Юноша с Венеры, дикое существо, не знающее даже одежды, лежал на бурой мягкой почве родной планеты.

- Ведь это человек, - сказал Сун Лин то, о чем все думали.

- Ну вас, Нгарроба! - смущенно вздохнул Гарги. - С вашим темпераментом вы способны увлечь кого угодно.

- Мужественный, храбрый человек, - добавил китайский ученый. - Все его поведение говорит об этом.

- Этот человек, столь похожий еще на зверя, не знал в своей жизни оков, - произнес после паузы Карбышев. - В здешней, всегда теплой зоне, на планете, где почти нет смены времен года, он, может быть, уже тысячи лет ходит голый, обросший шерстью, которая, вероятно, служит ему и матрасом. Но, дорогие друзья, он изобрел дротик, он имеет разум. Он хозяин, да, да, он хозяин Венеры. Пусть он этого не понимает и не знает даже толком мира, в котором он живет.

- И вот прилетают люди с другой планеты, - с мягкой усмешкой закончил Сун Лия, - люди, стоящие на неизмеримо более высокой ступени развития, и первое, что они делают, - хватают свободного, по-своему свободного человека Венеры и как пленника везут на Землю.

- Что же вы предлагаете? - спросил Нгарроба. Ему стало страшно неловко за свой спортивный азарт.

Киноаппарат издал короткий гудок.

- Кассету! - крикнул Нгарроба. - Сейчас он очнется.

В голосе его еще слышалась легкая нотка сожаления.

Гарги сменил кассету.

Все столпились у иллюминатора.

Грудь человека Венеры начала вздыматься.

- Что же вы предлагаете? - повторил Нгарроба.

- Мы, люди Земли, - оказал Карбышев, - находимся в положении богов, от разума и воли которых отныне зависит судьба жителей Венеры. Не знаю, есть ли у них мифология. Но мы больше, чем их боги. Более всемогущи. От нас зависит оказать правильное влияние на развитие людей Венеры и сделать его столь ускоренным, как это только возможно. И на какой-то ступени, когда будет уже существовать длительный контакт и удастся дать населению Венеры какое-то представление о Земле, мы пригласим людей Венеры посетить нашу планету.

- Мы — это человечество?

- Да.

- Мы должны представить этот проект на обсуждение населения Земли, сказал Сун Лин.

- Притом немедленно, - добавил Карбышев.

- Собственно, ракета уже настроена и может вылететь в час, для которого произведены все расчеты, - напомнил Гарги. - Остается совсем немного подождать и нажать кнопку.

- А жаль все-таки, что ни говорите, - сказал Нгарроба, - расставаться с планетой так сразу. Я ведь первый раз на Венере... Так стремился в эту экспедицию! Смотрите, он встает...

Судорога прошла по телу рыжего юноши. Он открыл круглые зоркие глаза и несколько мгновений напряженно вглядывался в иллюминатор. Видел ли он людей? Он вдруг вскочил и бросился бежать. Но затем остановился и пошел, не торопясь, раскачиваясь всем телом и поминутно оглядываясь. Еще мгновение - и исчез в густых зарослях...

- А симпатичный парень! - засмеялся Нгарроба. - К тому же, кажется, с характером.

5

Лоо выбежал вперед, к странной кулу, сидевшей на множестве ног, сам не зная, зачем он это делает. Что-то тянуло его к этой огромной фигуре, увенчивающей вершину холма. Страх, который обуял его при появлении луча из облаков, куда-то исчез. Лоо не мог с уверенностью сказать, что предмет, появившийся из облаков и напугавший его, и эта наклоненная, словно для прыжка, фигура - одно и то же. Но им овладело волнение, похожее на то, которое он испытывал, когда хотел на глазах у всего племени рассказать о небесных коу.

Лоо не должен был выходить из зарослей. По плану вождя, вместе с двумя десятками других людей ему следовало сидеть в засаде.

Но он выбежал, словно его толкнули в спину. Он увидел огромный глаз у стоящей наклонно кулу, и в этом глазу мелькнуло что-то. Все твари, которых встречал в своей жизни Лоо, имели выпуклые глаза без всякого выражения, и в них никогда не проносилось ничего, даже отдаленно похожего на тень. Только двуногие обладали глазами, которые могли смотреть по-разному.

Лоо подбежал ближе и стал смотреть на глаз кулу, такой огромный, как вход в Пещеру Огня.

То, что он увидел, поразило его. Внутри глаза были двуногие! Да, да, двуногие! Хц всегда говорил, что существа, ходящие не на четвереньках и не скачущие, как рассерженные кулу, — это коу, двуногие. Только коу ходят прямо. Коу, которых увидел Лоо, не были похожи на двуногих его племени и на двуногих из племени Хо. Но - Лоо смотрел во все глаза - они ходили на двух ногах, а руками размахивали почти так, как это делают коу из племени Лоо, когда говорят. Кожа у них была со складками, без шерсти, ноги слишком длинные, вообще выглядели они безобразно. Но Лоо чувствовал: эти существа - коу.

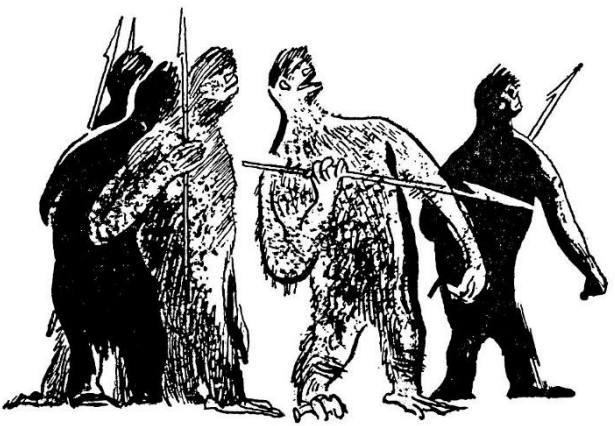
Хц раздраженно позвал его. После неудачного нападения на круглоголовых все уже вернулись в заросли. Один Лоо оставался около большой кулу. Он никак не мог уйти. Куда девались круглоголовые? Кулу проглотила их ртом, который расположен у нее на брюхе. Коу в глазу кулу не походили на круглоголовых.

Тут Лоо увидел под ногами блестящую кость, он чуть не наступил на нее. Он поднял ее и стал ощупывать. Удар в голову свалил его с ног.

Когда он открыл глаза, перед ним плясала на своих ногах большая кулу. Он посмотрел пристальнее - и кулу успокоилась. Страх вдруг охватил Лоо. Такой страх, как тогда. Он вскочил и бросился бежать. Но страх тут же прошел. И он пошел спокойно, оглядываясь, - кулу глядела на него своим глазом, в нем опять что-то мелькало.

Хц приказал всем спрятаться в зарослях и не высовывать даже носа. Вождь думал, что круглоголовые снова выйдут наружу. Тогда охотники схватят их. Вождь не знал, что это за существа, - таких не было в окрестности.

Древний смутный инстинкт заставлял его беспокоиться. Если бы он мог выразить испытываемое чувство словами, он сказал бы, что незнакомое почти всегда несет с собой и какую-то опасность. Оттопырив клапаны ноздрей, Хц жадно втягивал воздух.



Лоо из укрытия следил за большой кулу. Она стояла или сидела,

трудно было понять. Только глаз ее временами оживал и начинал светиться, как это бывает у некоторых зверей ночью.

Так прошло много времени. Ничего не происходило.

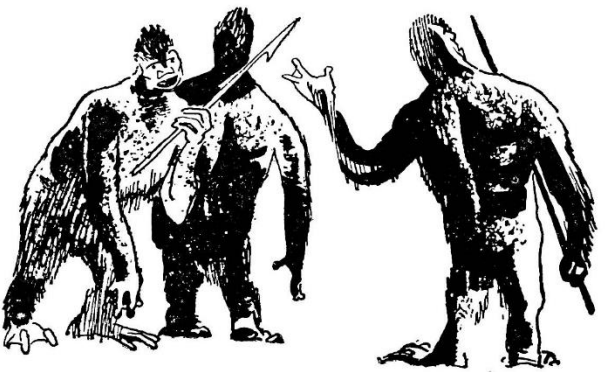
Вдруг яркий луч вырвался из туловища кулу и протянулся вниз, вдоль ската холма.

У Лоо подкосились ноги.

Кулу зарычала так громко, что Лоо стало ясно, что это небесная кулу. Только небесные существа гремят на весь мир, когда разговаривают друг с другом. Кулу кричала кому-то на небо.

Затем она стала поднимать морду кверху, и ноги ее исчезали - она их подбирала или втягивала, как это делают кичи, ползающие в лужах.

Кулу ревела и стояла теперь прямо, как ствол дерева, уже не касаясь холма. Она поднималась. Ну, конечно, она сейчас уйдет в небо - ведь это небесная кулу. И коу, которых он видел в глазу кулу, — это небесные коу. Кулу



медленно, совсем медленно стала подниматься к небу. Грохот разносился вокруг такой, что ничего нельзя было расслышать. Кулу вдруг быстро понеслась вверх и исчезла в густых облаках. Только луч, как прозрачный хвост, оставался некоторое время, но он все слабел, слабел и исчез.

Лоо стоял, запрокинув голову и глядя в небо.

Он не знал, что там, в небе Венеры, куда улетели небесные коу, на далекой планете, невидимой отсюда за толстым слоем облаков, будет решена его судьба и судьба всех его сородичей. Никогда не придется Лоо и всем поколениям после него узнать неволю, войну, угнетение в любых его видах. Небесный коу протянет руку своему дикому брату и поведет его в мир разума и свободы, минуя все ступени, которые он преодолел сам.

Лоо ничего этого не знал. Он смотрел в небо, пока не погас последний луч небесной кулу.

Аркадий и Борис Стругацкие

ЗАБЫТЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

1

«Тестудо» остановился перед шлагбаумом. Шлагбаум был опущен, над ним медленно мигал малиновый фонарь. По сторонам уходили в темноту ажурные решетки металлической ограды.

– Биостанция, – негромко сказал Беркут. – Давайте выйдем.

Полесов выключил двигатель. Когда они вылезли, фонарь над шлагбаумом потух, и вдруг густо взревела сирена. Иван Иванович вздохнул полной грудью и сказал, разминая ноги:

– Сейчас кто-нибудь прибежит и станет уговаривать не рисковать жизнью и здоровьем. Для чего мы здесь остановились?

Метрах в тридцати справа от шоссе в теплом сумраке смутно белели стены старых коттеджей. Через бурьян вела узкая тропинка. Одно из окон осветилось, стукнула рама, кто-то сиплым голосом осведомился:

– Новокаин привез? – И, не дожидаясь ответа, добавил сварливо: – Сто раз я тебе говорил – останавливайся подальше, не буди людей!

Снова стукнула рама, и стало тихо.

– Гм!..– хмыкнул Иван Иванович. – Ты привез новокаин, Беркут?

Возле коттеджа появился темный силуэт, и прежний голос позвал:

– Валентин!

– Он нас, видно, с кем-то путает, – сказал Иван Иванович. – Так что же, будем отдыхать? Может быть, поедем дальше?

– Нет, – сказал Полесов.

– Это почему же – нет?

На тропинке зашумел бурьян, меж стволов сосен замелькал огонек папиросы. Огонек описывал замысловатые кривые, рассыпая длинные струи гаснущих искр.

– Сначала разведка, – сказал Полесов.

Человек с папиросой продрался наконец через бурьян, вышел на шоссе и сказал:

– Проклятая крапива! Ты привез новокаин, Валентин? Кто это с тобой?

– Видите ли… – снисходительно начал Иван Иванович.

– Дьявол! Это не Валентин! – удивился человек с папиросой. – А где Валентин?

– Представления не имею, – сказал Иван Иванович. – Мы из ИНКМ.

– Из… ага, – сказал незнакомец. – Очень приятно. Вы извините, – он стыдливо запахнул халат, – я несколько неглиже. Начальник биостанции Круглис… – представился он. – Но я думал, что приехал Валентин. Значит, вы геологи?

– Нет, мы не геологи, – мягко возразил Беркут. – Мы из Института неклассических механик. Мы физики.

– Физики? – Биолог бросил папиросу. – Позвольте… Физики? Так это вы едете в эпицентр?

– Совершенно верно, – подтвердил Беркут. – С вашего разрешения, это именно мы едем в эпицентр. Разве вас не предупредили?

Биолог перевел взгляд на исполинскую черную массу «Тестудо». Затем он обошел Беркута, приблизился к машине и похлопал ладонью по броне.

– Дьявол! – сказал он с восхищением и завистью. – Танк высшей защиты, да? Черт… Везет вам, физикам. А я бьюсь второй год и не могу получить разрешение на глубокую разведку. А мне она нужна позарез. Я бы там… Слушайте, товарищи, – проговорил он унылым голосом, – возьмите меня с собой. Что вам стоит, в конце концов?

– Нет, – сразу ответил Полесов.

– Мы не имеем права, – мягко сказал Беркут. – Нам очень жаль…

– Понимаю, – буркнул биолог и вздохнул. – Да, меня предупредили. Только я не ждал вас так скоро.

– До Лантанида нас подбросили по воздуху, – объяснил Беркут.

Наступила глубокая сонная тишина, от которой сразу стало темнее. Потом невдалеке кто-то крикнул несколько раз, странно и тоскливо. В чаще леса сорвалась с шуршанием тяжелая шишка, царапнула густые ветви и гулко ударилась о землю.

– Филин, – сказал биолог.

– Не похоже, – усомнился Полесов.

Биолог засопел.

– Мальчик, – сказал он, – вы когда-нибудь слыхали, как кричит филин?

– Не один раз.

– А вы когда-нибудь слыхали, как кричит филин с той стороны?

– То есть?

– Из-за кордона, из-за шлагбаума… с той стороны?

– Н-не знаю, – сказал Полесов неуверенно.

– Мальчик, – повторил биолог.

Все снова замолчали, и в темноте снова закричал странный филин.

– Что же мы стоим? – спохватился биолог. – До утра далеко. Пойдемте, я вас устрою на ночь.

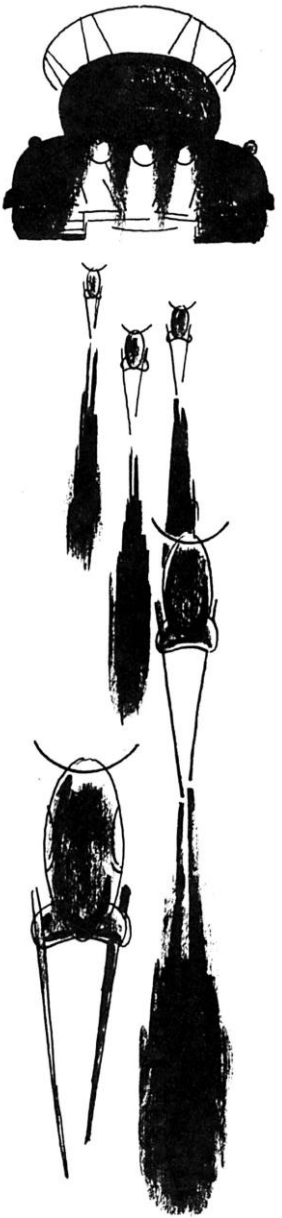
– Может быть, все-таки… – сказал Иван Иванович.

– Нет, сначала разведка, – повторил Полесов. – Я думаю, там, впереди, очень плохая дорога…

– На той стороне вообще нет дороги, – заметил биолог.

– …и вообще неизвестно, что делается, – продолжал Полесов. – Я пущу киберразведчиков в ночной рейд. Они соберут информацию, и утром мы тронемся.

– Правильно, – сказал биолог. – Вот это серьезный подход к делу.



Полесов забрался в танк и зажег фары. От ослепительного света мрак вокруг сгустился, зато ярко вспыхнули белые кольца на шесте шлагбаума и заискрились металлические прутья ограды. Боковой люк танка мягко отвалился. Послышался дробный стук, в полосу света на шоссе выскочили смешные серебристые фигурки на тонких ножках, похожие на огромных кузнечиков. Несколько секунд они стояли неподвижно, затем сорвались с места, нырнули под шлагбаум и пропали в высокой траве на той стороне.

– Это киберразведчики? – с уважением спросил биолог.

– Прекрасные машины, не правда ли? – сказал Беркут. – Петр Владимирович! – негромко позвал он. – Мы пошли. Догоняйте.

– Ладно, – отозвался из танка Полесов.

В коттедже биолога было три комнаты. Биолог сбросил халат, натянул брюки и свитер и отправился на кухню. Беркут и Иван Иванович устроились на диване. Иван Иванович сейчас же задремал.

– Значит, вы в эпицентр, – сказал биолог из кухни. – В

эпицентре, конечно, есть на что посмотреть. Особенно сейчас. Кстати, вы имеете хоть какое-нибудь представление о том, что происходит в эпицентре?

– Очень смутное, – ответил Беркут. – Кое-что рассказывали летчики, но близко ведь никто туда не подходил.

– Я сам видел, собственными глазами. Вспышки… Ну, вспышки многие видели. А вот молнии, которые бьют из земли в небо, голубой туман… Вы слыхали про голубой туман?

– Слыхали, – сказал Беркут.

Иван Иванович открыл один глаз.

– Я видел его два раза с вертолета, – сообщил Круглис. – Месяц назад, еще до гибели «Галатеи». Туман возникает в эпицентре или где-то в районе эпицентра, расползается этаким широким кольцом и пропадает километрах в ста от кордона. Что это может быть, товарищи физики?

– Не знаю, товарищ Круглис.

– Значит, никто не знает. Мы, биологи, тем более. Очевидно только, что происходит нечто совершенно необычное. Сорок восемь лет после взрыва! Уже уровень радиации снизился в десять раз, уже адгезивы, которыми связали активную пыль, и те распались начисто, и вдруг – пожалуйста! (Иван Иванович открыл второй глаз.) Начинаются какие-то вспышки, пожары, черт, дьявол… – Биолог помолчал, погремел посудой; стало слышно, как уютно свистит закипающий чайник. – Пожаров, правда, больше не бывает. Должно быть, все выгорело, что могло сгореть. Но вспышки… Первая случилась четыре месяца назад, в начале мая. Вторая – в июне. А теперь они повторяются чуть ли не раз в неделю. Яркие бело-голубые вспышки, и мощности, по-видимому, необычайной. Судите сами…

Биолог появился в дверях с подносом.

– Судите сами, – повторил он, ловко расставляя посуду. – От кордона до эпицентра больше двухсот километров, а полыхает на полнеба… Прошу к столу… И сразу за вспышкой идет голубой туман.

– Да, мы слыхали об этом, – сказал Беркут.

Биолог снова отправился на кухню, но остановился в дверях.

– Вам известно, что последняя вспышка была вчера ночью? – спросил он.

– Да, спасибо, – сказал Беркут.

– Должен же кто-нибудь начать!..– проворчал Иван Иванович. – Слушайте, где Полесов?

Биолог пожал плечами, скрылся в кухне и вернулся с шумящим чайником.

– Давайте чай пить, – сказал он. – Подставляйте стаканы.

Иван Иванович допивал второй стакан, когда дверь распахнулась и вошел Полесов. Он был очень бледен и держался за правую щеку.

– Что с вами, Петр Владимирович? – спросил Беркут.

– Кто-то ужалил меня, – сказал Полесов.

– Вероятно, комар?

– Вероятно. – Полесов злобно оскалился. – Только у него пулемет вместо жала, у этого комара.

– Комар с той стороны, – сказал биолог. – Очень просто. Садитесь, пейте чай.

– А кто это орет в кюветах? Я думал, там кто-нибудь тонет.

– Лягушки, – сказал биолог. – Тоже с той стороны.

Иван Иванович со стуком поставил стакан на блюдце, вытер багровое лицо и спросил:

– Мутации?

– Мутации, – подтвердил биолог. – Здесь настоящий заповедник мутаций. Во время взрыва и после, когда уровень радиации был высок, животные в зоне пострадали ужасно. Понимаете? Сразу после взрыва зону огородили, и они не успели разбежаться. Первое поколение сейчас уже вымерло, все последующие изуродованы. Мы здесь восьмой год наблюдаем за ними, иногда ловим, иногда ставим автокинокамеры. К сожалению, нам запрещают уходить на ту

сторону глубже чем на пять километров… Один наш сотрудник все же рискнул. Принес фотографии, образцы и прихворнул немного. Нам здорово влетело тогда.

Биолог закурил.

– Вы сами увидите, что там творится. Возникли совершенно новые формы, странные и удивительные. Мы все-таки набрали большой материал. Многие виды просто вымерли. Например, медведи вымерли начисто. Другие приспосабливаются, хотя и не знаю, можно ли употреблять этот термин. Вернее сказать, дали мутации, жизнеспособные в условиях повышенной активности. Но, знаете ли…

– А как они реагируют на все это? – спросил Иван Иванович. – На вспышки и так далее?

– Скверно реагируют, – сумрачно ответил биолог. – Очень скверно. Боюсь, нашему заповеднику приходит конец. Раньше они очень редко подходили к ограде. Крупных животных мы почти и не видели. А вот прошлым месяцем сотни дьявольских уродов вдруг средь бела дня устремились прямо на шлагбаум. Зрелище не для слабонервных. Мы выловили несколько штук, остальных отпугнули ракетами. Не знаю уж, от чего они спасались: от вспышек, от голубого тумана или еще от чего-нибудь… Вероятно, от голубого тумана. Думаю, в конце концов они все вымрут. И комаров здесь за последние месяцы стало больше. И птиц, и лягушек. Вот тот филин, например… – Он ткнул окурок в пепельницу и закончил неожиданно: – Так что будьте осторожны там.

– Ничего, – сказал Полесов. – Все-таки у нас танк высшей защиты.

Биолог внимательно поглядел на его распухшую щеку и сказал:

– Знаете что? Давайте я вам укольчик небольшой сделаю. Чем черт не шутит…

Полесов поколебался секунду, взглянул на Беркута и встал.

– Пожалуй, – пробормотал он.

2

Утром Беркут проснулся оттого, что совсем близко кто-то заревел страшным ревом. Беркут отбросил простыни и подошел к окну. У соседнего коттеджа стоял начальник биостанции Круглис и незнакомый человек в белом халате. Круглис курил и морщился, а человек в халате говорил, размахивая руками.

Утро было солнечное. Между стволами сосен в розовой дымке темнела угловатая туша «Тестудо». Возле «Тестудо» возился Полесов. Вероятно, разведчики уже вернулись, подумал Беркут. Он аккуратно убрал постель в стенную нишу, принял душ и со вкусом позавтракал: выпил два стакана крепкого чая и съел два ломтя ветчины. Ветчина была отличная – обезжиренная, розовая, как утренний туман, и такая же нежная.

На крыльце Беркут столкнулся с Иваном Ивановичем.

– Доброе утро, – приветствовал его Иван Иванович. – А я иду тебя будить. Разведчики вернулись.

– Что-нибудь интересное?

Иван Иванович раскрыл было рот, но позади коттеджа кто-то опять заревел глухо и протяжно. Беркут вздрогнул.

– Это дикий кабан, – сказал Иван Иванович. – Его поймали на той стороне.

– По-моему, это больше похоже на рев медведя.

– Что ты! – возразил Иван Иванович. – Медведи вымерли, как известно.

– Ладно, – сказал Беркут. – Пусть их. Что принесли разведчики?

– Опять неожиданность. В общем, пойдем к Полесову.

Они пошли по тропинке, и мокрый от росы бурьян хлестал их по ногам.

– Здесь такая крапива! – сказал Иван Иванович. – Сволочь, а не крапива!

Полесов стоял, прислонившись к броне, и рассеянно крутил в пальцах узкую ленту фотопленки. Правая щека у него была заметно полнее левой.

– Доброе утро, Петр Владимирович, – сказал Беркут.

– Доброе утро, товарищ Беркут, – ответил Полесов и осторожно потрогал щеку.

– Болит?

Полесов вздохнул и сказал:

– Киберы вернулись. Я просмотрел информацию, и она мне не нравится.

– Нет дороги?

– Не знаю… – Полесов опять потрогал щеку. – Здесь что-то очень странное. Вот… – Он протянул Беркуту пленку.

Пленка была совершенно черная.

– Засвечена? – спросил Беркут.

– Засвечена. С начала до конца. Словно ее со вчерашнего вечера держали в реакторе. Не понимаю, как это могло получиться. Максимальный уровень радиации, который зафиксировали разведчики, – полтора десятка рентген в час. Сущие пустяки. Но самое главное – киберы почему-то не дошли до эпицентра.

– Не дошли?

– Они вернулись, не выполнив задания. Прошли всего сто двадцать километров и вернулись, словно получили команду «назад». Или испугались. Откровенно говоря, мне это не нравится.

Некоторое время все молчали и глядели за шлагбаум. Дорога там еще была, но бетон потрескался и густо пророс гигантским лопухом. Недалеко от шлагбаума из лопухов торчал большой красный цветок, над ним крутилась белокрылая бабочка. Дальше над дорогой нависала, зацепившись верхушкой за ветви соседних деревьев, сухая осина с голыми растопыренными сучьями.

– Значит, информации у нас практически нет, – проговорил Беркут задумчиво.

Полесов смотал пленку и сунул ее в карман комбинезона.

– Можно послать разведчиков еще раз, – сказал он.

– Мы и так потеряли много времени, – нетерпеливо сказал Иван Иванович и поглядел на Беркута. – Давайте двигаться. На месте разберемся.

– Можно выслать разведчиков по пути. – Полесов тоже поглядел на Беркута.

– Ладно, – согласился Беркут. – Будем двигаться. Петр Владимирович, сходите, пожалуйста, к биологам и передайте, что мы уходим. И поблагодарите от всех нас.

– Слушаюсь, товарищ Беркут.

Полесов отправился к коттеджам и через минуту вернулся с Круглисом.

– Мы уходим, – сообщил Беркут. – Большое спасибо за приют.

– Пожалуйста, – медленно сказал биолог. – Счастливого пути.

– Спасибо. Здесь у вас было замечательно. Просто как на курорте.

Дикий кабан снова заревел по-медвежьему из-за деревьев.

– Вы извините, – сказал Беркут, – но мы, право же, не можем вас взять с собой. Не можем, не имеем разрешения.

– Понимаю. – Биолог усмехнулся. – Жаль, конечно... Ничего, придет когда-нибудь и наш черед.

– Наверное, после нас пошлют вас.

– Да, вполне возможно. Счастливого пути. Желаю удачи.

– Спасибо, – повторил Беркут и пожал биологу руку.

– До свидания, спасибо, – сказал Полесов. – Я постараюсь поймать для вас какого-нибудь филина.

Они залезли в танк, люк захлопнулся. Биолог помахал рукой и отступил к обочине. Медленно поднялся автоматический шлагбаум. Тяжелая машина дрогнула, загудела и двинулась вперед, оставляя в бурьяне широкие колеи. Биолог провожал ее глазами. Вот она прошла под завалившейся

осиной и задела ее. Дерево треснуло, ломаясь пополам, и с глухим стуком рухнуло поперек просеки, которая когда-то была автострадой.

3

«Тестудо» стоял, сильно накренившись, тихий и совершенно неподвижный. После шестнадцати часов гула и сумасшедшей тряски тишина и неподвижность казались иллюзией, готовой исчезнуть в любую минуту. По-прежнему у них были стиснуты зубы и напряжены мускулы, по-прежнему звенело в ушах. Но ни Полесов, ни Беркут, ни Иван Иванович не замечали этого. Они молча глядели на приборы. Приборы безбожно врали.

Два часа назад, в полночь, пеленгирующие станции дали Полесову его координаты. «Тестудо» находился в распадке в семидесяти километрах к юго-востоку от эпицентра. В ноль пятнадцать Лантанид впервые не послал очередного вызова. Связь прервалась. В ноль сорок семь репродуктор голосом Леминга гаркнул: «...немедленно!» В час десять пошел сильный дождь. В час восемнадцать погас экран инфракрасного проектора. Полесов пощелкал переключателями, выругался, включил фары и уперся лбом в замшевый нарамник перископа. В час пятьдесят пять он оторвался от перископа, чтобы попить, взглянул на приборы, зарычал и остановил машину. Приборы безбожно врали.

Снаружи была черная сентябрьская ночь, лил проливной дождь, но стрелка гигрометра нагло стояла на нуле, а термометр показывал минус восемь. Стрелки дозиметра весело бегали по шкале и свидетельствовали о том, что радиоактивность почвы под гусеницами «Тестудо» колеблется очень быстро и в весьма широких пределах. И вообще, если судить по показаниям манометров, танк находился на дне водоема на глубине двадцати метров.

– Приборы шалят, – бодро сказал Беркут.

Никто не возразил.

– Какие-то внешние влияния...

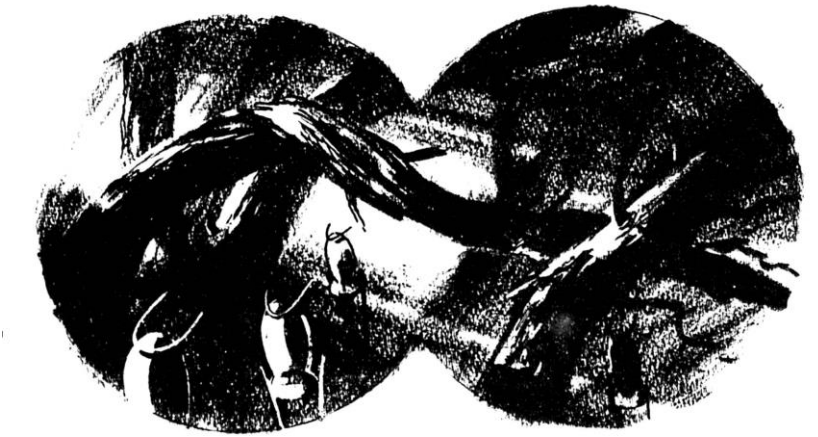
– Хотел бы я знать какие, – сказал Полесов, кусая губу.

Беркут хорошо видел его лицо, смуглое, длинное, с красным пятном на правой щеке.

– Ах, как бы нам это помогло! – сказал Иван Иванович.

– Да, – сказал Полесов.

Это помогло бы, потому что позволило бы скорректировать приборы. И самое главное – скорректировать приборы на пульте управления. Для Ивана Ивановича их показания были, вероятно, филькиной грамотой, но Полесов видел, что они врут так же бессовестно, как и все остальные. Это было очень странно и опасно: приборы управления были отгорожены от всех и всяких внешних влияний тройным панцирем сверхмощной защиты «Тестудо». И люди были отгорожены от внешних влияний только тройным панцирем «Тестудо». На мгновение Полесов почувствовал скверную слабость под ложечкой.



– Что там снаружи? – спросил Иван Иванович.

– Ничего. Туман...

Иван Иванович встал, попросил Полесова подвинуться и прильнул к перископу. Он увидел изломанные, перекрученные стволы сосен, черные, словно обугленные ветви, густую поросль двухметровой травы. И туман. Серый неподвижный туман, повисший над мокрым миром в лучах прожекторов. В нескольких метрах от танка стояли киберразведчики. Они жались к танку и были похожи на дворняжек, почуявших волка. Они не хотели идти в туман. Точнее, не могли.

Иван Иванович сел.

– Голубой туман, – сипло сказал он.

– Ну и что? – спросил Полесов.

Иван Иванович не ответил. Беркут тоже поглядел в перископ. Затем он сел и расстегнул воротник куртки. Ему стало душно. Он выпрямился и глубоко вздохнул. Удушье исчезло.

– Что будем делать? – спросил Полесов.

– Слушайте, товарищи, – сказал вдруг Беркут, – вы ничего не чувствуете?

– Ничего… – ответил Иван Иванович, уставившись на приборы. Он запнулся. – Иголочки! – сказал он тонким голосом.

Только теперь Полесов ощутил неприятное покалывание в кончиках пальцев. Словно микроскопические иглы, тонкие, как пчелиные жала. И почему-то было трудно дышать. Пальцы немели.

– Похоже… на горную болезнь, – с трудом выговорил он.

Иван Иванович вскочил, оттолкнул Полесова и снова прижался залысым лбом к нарамнику перископа. Снаружи был только туман. Киберразведчики исчезли. Иван Иванович тяжело глотнул воздух и повалился на свое кресло. Его пухлые щеки блестели от пота.

– Ваш танк и ваши киберы!..– сказал он. – Танк высшей защиты!..

– В таком танке, – медленно ответил Полесов, – я в прошлом году прошел через Горящее Плато на Меркурии.

– И ваши киберы! – продолжал Иван Иванович. – Трусят ваши киберы. В первый раз вижу киберов, которые трусят. И ваша высшая защита!

– Не надо, Иван Иванович, – сказал Беркут.

«Высшая защита не помогает, – думал Полесов. – То, что врут приборы, и трудно дышать, и колют иголочки, – это еще полбеды. Беда будет, если сдаст двигатель, нарушится настройка магнитных полей реактора, которые держат кольцо раскаленной плазмы. Стоит разладиться настройке, и «Тестудо» превратится в пар со всей своей высшей защитой. Самое лучшее – поскорее убраться отсюда».

– И нам придется возвращаться, – продолжал Иван Иванович. – И мы ничего не узнаем, потому что понадеялись на ваш танк и на ваших киберов. Надо было рискнуть и прорываться на турболете.

Иголочки кололи уже плечи и бедра.

– Хорошо, – сказал Полесов. – Пристегнитесь.

Иван Иванович замолчал. Физики пристегнулись к креслам широкими мягкими ремнями.

– Готовы? – спросил Полесов.

– Готовы…

Полесов выключил свет и положил ладони на рычаги управления. Глухо заворчал двигатель, танк качнулся. Что-то отвратительно захрустело под гусеницами. Впереди был плотный, непроглядный туман. Быстрые иголки бегали теперь в спине. Омерзительное ощущение. И не хватает воздуха. «Тестудо», гудя и дрожа, становится на корму. Выше, выше… Толчок, лязгают челюсти. Впереди туман. Еще выше, к самому небу! Слепая машина взбирается по склону бесконечно высокой горы, а с той стороны – пропасть. А в реакторе с воем рвется из магнитных цепей лиловое пламя плазмы. Сейчас…

Полесов оторвался от перископа и мельком взглянул на приборы. Если показания приборов правильны, реактор «Тестудо» через секунду взорвется. Но приборы врут. Их сбивают внешние влияния, которые забираются под тройную шкуру высшей защиты.

Танк перевалил через вершину и начал спуск. Руки онемели, иголочки пляшут где-то рядом с сердцем. Скоро одна уколет – и конец. Скоро плазма лизнет стенки реактора – и конец. Рядом болтается в своих ремнях Беркут, безвольный, как кукла.

Очнувшись, Беркут увидел освещенный экран, словно окно из темной комнаты на лесную поляну. Тумана больше не было. Экран работал прекрасно, были видны мокрые кусты, и мокрая трава, и мокрые голые стволы. Неба не было видно. На поляну вышло огромное животное и остановилось, уставившись на «Тестудо». Беркут не сразу понял, что это лось. У животного было тело лося, но не было его горделивой осанки: ноги искривлены, голова гнулась к земле под чудовищной грудой роговых наростов. У лося вообще очень тяжелые рога, но у этого на голове росло целое дерево, и шея не выдерживала многопудовой тяжести.

– Что это? – нехорошим голосом спросил Иван Иванович.

Беркут понял, что Иван Иванович тоже был в обмороке.

– Лось, – сказал он и позвал: – Петр Владимирович!

– Я, товарищ Беркут, – отозвался Полесов. У него тоже был нехороший голос.

– Выбрались, кажется?

– Кажется... Неужели это лось?

– Это лось с той стороны, – сказал Иван Иванович голосом биолога. Он удивительно хорошо умел подражать голосам других людей.

– Как вы себя чувствуете, товарищи? – спросил Беркут.

– Прекрасно, – ответил Иван Иванович.

– У меня болит щека, – ответил Полесов. – Но приборы опять в порядке.

Лось понуро подошел почти вплотную и теперь стоял, шевеля ноздрями.

– У него нет глаз, – сказал вдруг Полесов ровным голосом.

У лося не было глаз. Вместо глаз белела скользкая плесень.

– Спугните его, Петр Владимирович, – прошептал Беркут. – Пожалуйста!

Полесов включил сирену. Лось постоял, шевеля ноздрями, повернулся и медленно, судорожно переставляя ноги, побрел прочь. Он шагал мучительно неуверенно, как будто вместо полного шага каждый раз делал только половину. Голова его была придавлена к земле, впалые бока влажно блестели.

– Как бог черепаху... – пробормотал Иван Иванович.

Они смотрели на лося, как он бредет, путаясь в высокой мокрой траве. Потом лось скрылся за деревьями. Беркут сказал:

– Петр Владимирович, вы просто молодец!

– Что такое? – спросил Полесов.

– Вы нас вытащили из такого мешка...

– Чепуха, – сказал Полесов спокойно.

– Нет, в самом деле, я просто не представляю, как вам это удалось. Я, например, лежал без памяти, как девчонка.

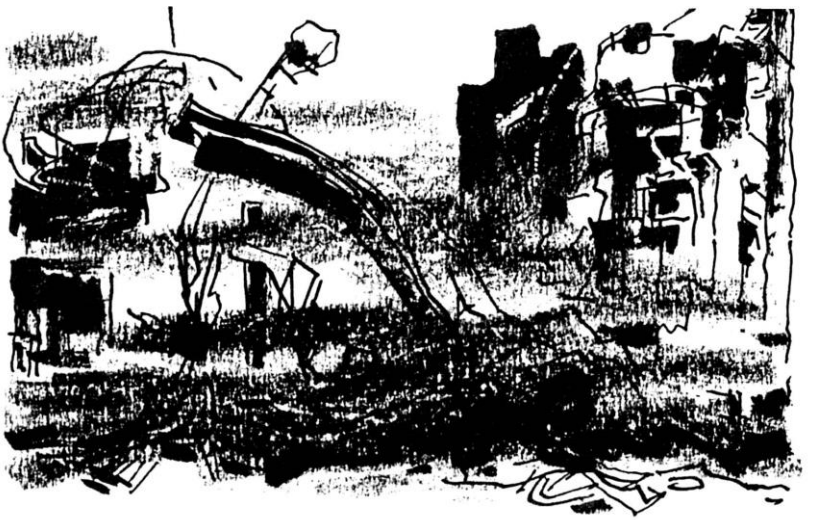
Полесов промолчал. Он включил двигатель и выпустил разведчиков. Киберы выскочили, осмотрелись и поспешили вперед. Теперь они ничего не боялись. «Тестудо» с гулом покатился вслед за ними.

4

Поздним утром «Тестудо» разбросал последний завал и выкарабкался на край гигантской котловины. Тайга была позади – темно-зеленая, мокрая после ночного дождя, тихая и строгая под ослепительным солнцем. Там, где прошел танк, осталась широкая просека, по сторонам которой валялись обугленные, заляпанные белой плесенью стволы.

Внизу, в котловине, лежали развалины старинной лаборатории. Земля была голая и черная, от нее шел пар. Пар искажал перспективу, черные руины дрожали и расплывались в струях теплого воздуха.

– Боже мой! – дребезжащим голосом проговорил Иван Иванович. – Бож-же мой!



Он хорошо помнил это место, хотя прошло уже полвека. На обширной, залитой белым бетоном площади сверкало под солнцем великолепное чудовище – двухкилометровое кольцо мезонного генератора, окруженное стеклянными башнями регулирующих устройств. И в один день, в одну стомиллионную долю секунды всего этого не стало. Зарево видели на сотни километров, а удар отметили все сейсмостанции Сибири.

– Все-таки разрушения не так уж велики, – сказал Беркут, словно утешая. – Я думал, здесь ничего нет, только голая земля.

– Бож-же мой, – повторил Иван Иванович. Он потер пальцами небритый, скрипящий подбородок и сказал: – Вон там была релейная станция, я ее строил. Там – хозяйство Чебоксарова, светлая ему память... Ничего не осталось.

– Вот что, – сказал Полесов. – Я не знаю, где и что вы здесь собираетесь искать, но сейчас я пущу киберов. Вам все равно потребуется информация. Пусть киберы разведают, что и как.

– Ах да, информация... – Иван Иванович насмешливо выпятил нижнюю губу. – Как же...

– Хорошо, – согласился Беркут. – А мы тем временем позавтракаем.

Иван Иванович ерзал на месте и глядел на экран. Глазки его блестели. Полесов поиграл переключателями. На экране было видно, как разведчики соскочили на землю, побежали по склону котловины и скрылись в развалинах. Тогда Полесов вытащил консервы и хлеб в непроницаемой упаковке. Все трое принялись за еду, прихлебывая горячий кофе из термосов.

– Ты где был во время взрыва, Иван Иванович? – спросил Беркут.

– В Лантаниде.

– Тебе повезло.

– Ну, не одному мне, к счастью, – сказал Иван Иванович. – Людей здесь почти и не было. Ведь лаборатория была

телемеханическая… Зато теперь все ядерные лаборатории перенесли на Луну и на спутники… Гляди-ка, водитель наш…

Беркут обернулся. Полесов спал, положив голову на пульт управления и зажав между коленями термос с кофе.

– Вымотался наш водитель, – сказал Иван Иванович.

Полесов проснулся, убрал тарелки, откинулся на спинку кресла и снова заснул. Через несколько минут Иван Иванович радостно заорал:

– Разведчики возвращаются!

Среди развалин показались блестящие живые точки. Полесов протер глаза, с хрустом потянулся. Затем он нагнулся над пультом и стал читать запись.

– Радиация не очень высокая: двадцать – двадцать пять рентген. Температура… Давление… Влажность… Все в обычных пределах… Так, белок. Бактерии…

– Молодцы бактерии, – сказал Иван Иванович. – Дальше!

– Дальше… Вот опять запретная зона. Площадь – около гектара. Киберы покрутились вокруг и отошли. И, конечно, опять засвечена пленка.

– Это что, опять голубой туман?

– Нет. То есть не знаю. Просто запретная зона.

– Дайте координаты, Петр Владимирович, – попросил Беркут и поглядел на Ивана Ивановича.

Иван Иванович поспешно достал и развернул на коленях схему.

Полесов стал диктовать.

– Точно, – сказал Иван Иванович. – Она. К югу от башни фазировки. Там был маленький бетонный домик. Будочка. Совершенно точно.

Некоторое время Иван Иванович и Беркут молча смотрели друг на друга. Полесов видел, как дрожащие пальцы Ивана Ивановича мяли и разглаживали плотную бумагу схемы. Наконец Беркут спросил:

– Приступим?

Иван Иванович встал, стукнувшись макушкой о низкий потолок кабины, мотнул головой и полез в шкафчик, где лежали защитные костюмы.

– Погоди, куда ты? – остановил его Беркут. – Петр Владимирович, пожалуйста, подведите машину к этой… запретной зоне.

– К запретной зоне? – медленно переспросил Полесов.

Он поглядел на экран. Развалины лежали под высоким солнцем, молчаливые и черные, противоположный край котловины трясся в жарком мареве. Никаких признаков жизни, никаких признаков движения, только неуловимые токи горячего воздуха. Почему-то Полесов вдруг вспомнил скользкую белую плесень на глазах у лося.

– Надо же кому-то начинать, – сказал Беркут. – Начнем мы.

Через час «Тестудо» остановился в сотне метров к югу от башни фазировки – груды оплавленного камня с торчащими прутьями стальной арматуры. Экран работал прекрасно. На обугленной земле была видна каждая песчинка. Земля поднималась невысоким валом, окружавшим обнаженный свод какого-то подземного сооружения. Свод был серый, шершавый, и в центре его зияло круглое черное отверстие.

– Здесь? – спросил Беркут.

– Здесь, – сипло отозвался Иван Иванович.

Они торопливо натянули защитные костюмы. Перед тем как опустить спектролитовый наличник шлема, Беркут сказал Полесову:

– Сидите в машине и держите с нами радиосвязь. Если связи не будет, не паникуйте и не вздумайте лезть за нами.

Он сказал это очень жестким голосом, странно было слышать его. Беркут всегда казался Полесову немножко мямлей. Но на этот раз он сказал как надо.

– И еще… Если все-таки удастся связаться с Лемингом, расскажите ему, как идут дела. Скажите, что дела идут хорошо. До свидания.

Они вылезли из танка, впереди Беркут, за ним Иван Иванович с мотком троса через плечо. Полесов видел, как они перебрались через земляной вал, прошли по бетону и остановились над черным отверстием. Они были похожи на водолазов в желтых сморщенных спецкостюмах и головастых шлемах. Иван Иванович сбросил трос и заделал его конец в бетон. Беркут спросил:

– Как слышите меня, Петр Владимирович?

Полесов ответил, что слышит хорошо.

– Вы, Петр Владимирович, только не беспокойтесь! Все будет в порядке. Мы осмотрим внизу помещения и сразу вернемся.

– Пошли, пошли! – заторопил Иван Иванович.

Он полез первым, и Полесов слышал, как он кряхтит и бормочет вполголоса. Беркут стоял нагнувшись, уперев руки в колени.

– Есть! – послышался в наушниках голос Ивана Ивановича. – Я на полу. Спускайся, Беркут.

Беркут махнул рукой и тоже исчез в отверстии. Минут пять все было тихо. Потом голос Беркута спросил:

– Что это?

– Обыкновенный трансформатор, – ответил Иван Иванович. – Только очень старый.

– Такое впечатление, будто его жевали…

Физики замолчали. Полесову показалось, что кто-то тяжело дышит в микрофон. Он потрогал верньер. Кто-то с хрипом, словно астматик, равномерно втягивал и выпускал воздух.

– Как дела? – на всякий случай спросил Полесов.

Голос Беркута донесся глухо, как из-под подушки:

– Все хорошо, Петр Владимирович. Мы идем дальше.

В приемнике щелкнуло, и наступила тишина. Полесов достал из кармана тюбик со спорамином, проглотил таблетку и посмотрел на экран. По ту сторону земляного вала, недалеко от опушки тайги, валялись исковерканные обломки. Изломы металлопласта ярко искрились на солнце. Это была «Галатея» – автоматический турболет, высланный в эпицентр для разведки месяц назад. «Галатея» взорвалась над эпицентром по неизвестным причинам, и с тех пор Леминг запретил воздушные разведки. Полесов проговорил в микрофон:

– Товарищ Беркут, вы меня слышите? Иван Иванович!

Ему не ответили, и он подумал, что пора, пожалуй, вылезать. Но сначала он решил еще раз попробовать соединиться с Лантанидом. Он нажал клавишу настройки и был буквально отброшен от аппарата громоподобным рыком:

– «Тестудо»! «Тестудо»! Отвечай, «Тестудо»!

– «Тестудо» слушает, – сердито сказал Полесов.

– «Тестудо»? Я – Леминг. Куда вы запропастились? Почему не отвечали?

Полесов сказал, что не было связи.

– Где вы находитесь?

– В эпицентре.

Последовало короткое молчание, затем Леминг уже значительно спокойнее осведомился:

– Нашли?

– Что именно? – спросил Полесов.

– Как – что? Двигатель времени, конечно. Это ты, Беркут?

Полесов сказал, что он не Беркут и что Беркут и Иван Иванович спустились в какое-то подземелье, и что он, Полесов, не понимает, о каком «двигателе времени» идет речь.

– Значит, спустились все-таки, поросята? – сказал Леминг. – Так. Ну, с ними я еще поговорю. Слушайте, водитель. Немедленно отведите машину подальше от этого... подземелья и ждите. Понятно? Отвести и ждать!

– Понял, – сказал Полесов. – Отвести машину и ждать.

– Действуйте. Связи с Беркутом нет?

Полесов подумал и выключил передатчик.

– Двигатель времени, – сказал он вслух. – Ладно...

Он встал, надел спецкостюм и вылез из машины. Ноги по щиколотку ушли в черный прах. Он перебрался на бетонный купол и подошел к люку. Тонкий трос уходил в кромешную темноту. Полесов оглянулся. «Тестудо» стоял за земляной насыпью и следил за ним блестящими выпуклыми глазами прожекторов. Полесов присел на корточки и полез в люк, напрягая все мышцы.

Внизу было совершенно темно. Полесов включил нашлемную фару. Пятно света скользнуло по изрытым стенам, по остаткам развороченных приборов, по полу, покрытому слоем пыли, тонкой, как пудра. Затем Полесов увидел следы в пыли и быстро пошел, обходя нагромождения обломков, цепляясь ногами за оборванные провода. И он опять услышал, как кто-то хрипло и равномерно дышит в радиофоне.

Поворот. Длинный узкий коридор. Еще поворот. Полесов кубарем скатился по металлической лестнице. В кончиках пальцев появилось знакомое ощущение: сотни крошечных иголочек вонзаются под кожу. Полесов побежал. Еще одна лестница, еще один коридор. Ритмичный хрип в наушниках вырос в мощный свирепый рев. «О-о-о... А-а-а... О-о-о... А-а-а».

Пот заливал глаза, резало в груди. Иголочки кололи локти и колени. Еще один поворот. Полесов остановился. Яркий голубой свет на секунду ослепил его. Затем он разглядел на голубом фоне две черные тени. Беркут стоял, склонившись над Иваном Ивановичем, а Иван Иванович сидел, по-турецки скрестив ноги и упираясь ладонями в голубой пол.

Полесов подбежал к ним и схватил Ивана Ивановича под мышки. Иван Иванович был необычайно тяжел. Ноги его волочились, и он то и дело выскальзывал из рук Полесова. Но Полесов подтащил его к двери, взвалил на спину и, протискиваясь в коридор, оглянулся на Беркута. Беркут неторопливо шел следом, и руки его болтались по сторонам тела, как рукава пальто, надетого внакидку. Позади него Полесов увидел две прозрачные колонны. В колоннах билось, медленно пульсируя, голубое пламя, и рев в радиофоне пульсировал вместе с ним.

5

Иван Иванович, багровый и благожелательный от стаканчика коньяка, сказал:

– Да, это было здорово, доложу я вам!

– Еще? – спросил Полесов.

– Нет, хватит.

– А вам, товарищ Беркут?

Беркут улыбнулся:

– Спасибо, Петр Владимирович, не хочу. Свяжитесь с Лемингом, если вам не трудно.

Полесов завинтил флягу и подсел к передатчику. Беркут откинулся на спинку сиденья, продолжая улыбаться. Тело было легким, свежим, даже следа не осталось от томительного бессилия, свалившего его на обратном пути из подземных коридоров. Иван Иванович блаженно пыхтел и поглаживал себя по животу. Должно быть, он тоже был доволен.

– Есть связь, – сообщил Полесов.

– Леминг! – крикнул Беркут в микрофон. – Леминг, я Беркут.

– Беркут? – рявкнуло в ответ. – Почему ты нарушил мои инструкции?

– Спокойно, Леминг. – Беркут попытался согнать с лица улыбку, но это ему не удалось. – Мы целы и невредимы. Леминг, мы не ошиблись. Слышишь, Леминг? Двигатель времени уцелел и работает вовсю. Двигатель времени работает, слышишь?

После паузы Леминг сказал:

– Слышу.

– Срочно доставь сюда энергоснимающее устройство, – продолжал Беркут. – Совершенно срочно. Миллионы киловатт уходят в воздух и заражают воздух, слышишь, Леминг?

– Слышу. Немедленно убирайтесь оттуда.

– Спокойно, Леминг! Убираться отсюда не надо. Пришли людей. Больше людей. Пришли Кузьмина, Еселеву, Акопяна. Обязательно пришли Акопяна. И поторопись, Леминг, надо

упредить следующий взрыв. Только через голубой туман на вездеходах не пройти. Попроси у межпланетников еще несколько танков высшей защиты. Они тоже не очень спасают, но все-таки...

– Представь себе, я уже подумал об этом, – сказал Леминг чрезвычайно язвительно. (Иван Иванович сделал большие глаза и поднял указательный палец.) – Танки с оборудованием находятся в пути и будут у вас завтра утром. А люди будут у вас через четверть часа. Я выслал три турболета.

– Не стоило бы. – Беркут покосился на экран, где у опушки тайги блестели под солнцем обломки «Галатеи». – Здесь уже есть один турболет.

– Чепуха. Они пройдут над бывшей автострадой на бреющем полете. Ничего им не сделается. – Леминг покашлял, затем нарочито небрежным голосом осведомился, есть ли у Беркута какие-нибудь соображения относительно этого... как его... голубого тумана.

Иван Иванович затрясся в беззвучном хохоте, широко разевая темно-розовую пасть с крепкими желтоватыми зубами. Беркут ответил:

– Есть соображения. Несомненно, это твоя возлюбленная неквантованная протоматерия. Вернее, продукт ее взаимодействия с воздухом или водяными парами.

– Я так и думал, – сказал Леминг. – Ладно. Ждите. Не рискуйте. До свидания!

Беркут отодвинулся от микрофона и тоже засмеялся. Только Полесов не смеялся. Он был бледен и осунулся от утомления. Он принял еще одну таблетку спорамина, поэтому спать ему не хотелось, но он чувствовал себя неважно. К тому же он впервые в жизни не понимал, что происходит вокруг него, и это его злило и мучило. Его злил самодовольный Иван Иванович и даже мягкий Беркут, хотя он сознавал, что это совсем никуда не годится. В конце концов он поборол гордость и резко спросил:

– Что такое «двигатель времени»?

Физики поглядели на него, затем друг на друга.

Беркут покраснел и, запинаясь, сказал:

– Мы совсем забыли... Простите, Петр Владимирович... Сначала мы не были уверены, а потом эта удача... Это было так неожиданно... Ах, как нехорошо получилось!

– Двигатель времени, – сказал Иван Иванович с усмешечкой, – есть не что иное, как вечный двигатель. Перпетуум, так сказать, мобиле.

– Не надо, Иван. Сейчас я вам все объясню, Петр Владимирович. Только вы не обижайтесь на нас, пожалуйста. Вы знакомы с тау-механикой?

Полесов угрюмо покачал головой. Он все еще злился, хотя Беркут опять нравился ему.

– Тогда это сложнее. Но я все-таки постараюсь объяснить.

Он очень старался объяснить. Полесов тоже очень старался понять. Речь шла о свойствах времени, о времени как о физическом процессе. По словам Беркута, это была необычайно сложная проблема. Много лет назад, при исследовании проблемы источников энергии звезд, была впервые выдвинута своеобразная, еще экспериментально не подтвержденная теория времени как физического процесса, связанного с энергией. В основу этой теории легли постулаты, рассматривающие время как материальный процесс, несущий определенную энергию. Потом были найдены (сначала теоретически, а затем и экспериментально) количественные характеристики условий освобождения энергии, связанной с ходом времени. Так родилась механика «физического времени», иначе называемая тау– или Т-механикой.

Одним из замечательных следствий тау-механики явился вывод о принципиальной возможности использования хода времени для получения энергии. Был рассчитан ряд механических систем, позволяющих осуществить эту возможность на практике. К сожалению, производительность таких систем была ничтожна. Они дали только экспериментальное подтверждение основной теории, но не могли

служить в качестве практических источников энергии. Это еще не были «двигатели времени». Задача была решена лишь после возникновения тау-электродинамики. И даже тау-электродинамическим системам требовались десятки лет, чтобы выход энергии в них стал положительным и сколько-нибудь существенным.

Семьдесят лет назад по решению Всемирного Ученого Совета были заложены и пущены в порядке эксперимента четыре такие системы, четыре псевдовечных двигателя, «двигатели времени». Один на Луне – в кратере Буллиальд, и три на Земле – на Амазонке, в Антарктиде и здесь, в тайге. Потом какой-то «умник в Ученом Совете» предложил отдать готовую строительную площадку в тайге под телемеханическую мезонную лабораторию. Предложение приняли, лабораторию построили, и сорок восемь лет назад она взлетела на воздух. Деятельность лаборатории, разумеется, не имела никакого отношения к «двигателю времени», но двигатель сочли разрушенным, потому что разрушения были действительно очень велики. Проникнуть на территорию, где размещалась опытная установка, оказалось невозможно, да и не было, казалось, надобности. Внимание исследователей сосредоточилось на остальных трех системах, и эксперимент в тайге был забыт. Но двигатель уцелел. Он работал, выжимал энергию «из времени», накапливал ее и вот четыре месяца назад выбросил первую порцию.

– Вот, в общем, и все. – Беркут нерешительно улыбнулся. – Теперь поняли?

– Спасибо, – сказал Полесов.

– А вы почитайте Леминга, – предложил Беркут. – Есть прекрасная монография Леминга «Тау-электродинамика».

Полесов кашлянул.

– Прозрачные колонны в подземелье, – сказал Беркут, – это энергоотводы. Двигатель расположен этажом ниже. Энергия стекает в эти колонны, накапливается в них и время от времени выбрасывается. А в каком виде выбрасывается, в общем-то никто не знает.

– Леминг знает, – ввернул Иван Иванович.

Беркут посмотрел на него и сказал:

– Леминг вот считает, что энергия выделяется в виде протоматерии – неквантованной основы всех частиц и полей. Потом протоматерия самопроизвольно квантуется – во-первых, на частицы и античастицы, во-вторых, на электромагнитные поля. Так вот, та часть протоматерии, которая не успела проквантоваться, может вступать во взаимодействие с ядрами и электронами окружающей среды. Так, возможно, возникает этот голубой туман. Эта протоматерия должна проникать всюду, для нее нет преград, и она воздействует на приборы, на киберов, как вы их называете, и на наши организмы. Я, наверное, не очень ясно объясняю.

– Нет, отчего же, – сказал Полесов. Он вспомнил, как дергались стрелки приборов, контролирующих настройку магнитных полей. – Отчего же, – повторил он, – я кое-что понял. Спасибо. А как остальные двигатели?

– Остальные пока молчат, – сказал Беркут. – Да нам пока хватит дела и с этим.

– Мы построим здесь город-лабораторию, – сказал Иван Иванович, жадно глядя на экран. – Мы заложим новые двигатели, более совершенные. Я еще доживу до того времени, когда мы забросим в Пространство первые корабли, которые будет нести само Время. – Он вдруг повернулся к Полесову и сказал: – А тау-механику нужно знать, юноша. Основам тау-механики уже учат в школе.

– Неправда, Иван Иванович, – сказал Беркут.

– Правда. Мне внук рассказывал. Но я не об этом. У меня есть к вам предложение, Полесов. Нам здесь понадобится водитель с крепкими нервами. Как вы на это смотрите?

Полесов покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Мне придется вернуться на Меркурий. Там тоже нужны водители с крепкими нервами.

Иван Иванович насупился.

– Была бы честь предложена, – проворчал он.

– Вот они, – сказал Беркут.

Из-за тайги одна за другой беззвучно взлетели серебристые птицы, низко прошли над черной землей и сели, сложив крылья. Открылись люки, из них стали выскакивать люди в желтых защитных костюмах и больших шлемах.

– Акопян прилетел, – сказал Беркут. – Пошли, товарищи.

Валентина Журавлева

ГОЛУБАЯ ПЛАНЕТА

Еще ни в одной теореме
Не вычислен был
Человеческих крыльев
размах.
А. Антокольский

Нас счтали погибшими. Год назад, когда еще работал приемный блок рации, я сам слышал об этом. Земля передала, что планетолет "Стрела" встретил сильнейший метеорный поток и, по-видимому, погиб. О нас было сказано много хороших слов, но вряд ли мы их заслужили, ибо, как справедливо заметил инженер Шатов, сведения о нашей гибели были во многом преувеличены.

Впрочем, сам Шатов приложил все усилия, чтобы эти сведения не оказались преувеличенными. И не его вина, что "Стрела" - израненная, потерявшая связь и почти потерявшая управление - все-таки уцелела.

Тема научной работы Шатова носила название на первый взгляд совершенно невинное, отчасти даже академическое: "О выборе некоторых коэффициентов при проектировании планетолетов". Практически же это означало следующее: "Стрела" ушла на два года, чтобы, так сказать, на своей шкуре проверить пределы выносливости планетолетов". Разумеется, это был испытательный полет. Но какой! Шатов искал опасности, и нужно признать, ему в этом отношении необыкновенно везло.

Вскоре после отлета мы попали под микрометеорный ливень. За двадцать минут "Стрела" потеряла газовые рули, оранжерею, антенну обзорного локатора и обе антенны радиопередатчика. Заделка пробоин продолжалась неделю. Но Шатов был доволен. Он торжественно объявил, что

коэффициент запаса прочности внешнего корпуса вполне можно уменьшить на двадцать пять сотых.

Спустя полтора месяца "Стрела", приближаясь к орбите Меркурия, пересекла чрезвычайно сильный поток гамма-лучей. На Солнце происходило гигантское извержение, интенсивность гамма-лучей в десятки раз превышала дозу, допустимую для человека. Двое суток, изнемогая от тесноты и ускорения, мы отсиживались в центральном посту, защищенном свинцовыми экранами. Записывая в журнал показания радиационного дозиметра, Шатов сообщил, что коэффициент безопасности при проектировании экранов недопустимо завышен и его следует уменьшить в среднем на три десятых.

Затем (мы проходили вблизи Пояса Астероидов) на "Стрелу" обрушился настоящий метеорный град. К счастью, скорость метеоров была невелика. Но полдюжины этих приятных небесных созданий (размером с булыжник) исковеркали дюзы маневровых двигателей, вдребезги разбили один из топливных отсеков и уничтожили контейнер с запасом продуктов. Осмотрев пробоины, Шатов сказал, что коэффициент запаса прочности внутреннего корпуса можно снизить по крайней мере на пятнадцать сотых.

Через два дня "Стрела" столкнулась с пылевым скоплением - рыхлым облаком космической пыли, несущимся со скоростью шестидесяти километров в секунду. Внешний защитный корпус планетолета превратился в тончайшее решето, а внутренний корпус был оплавлен так, что открыть люки мы уже не рисковали; вряд ли их удалось бы потом плотно закрыть. Холодильная система работала на полную мощность, но температура внутри планетолета поднялась до шестидесяти градусов. Обливаясь потом, задыхаясь от жары, Шатов заявил, что коэффициент запаса прочности внутреннего корпуса, пожалуй, можно снизить не на пятнадцать, а на двадцать пять сотых.

Нужно сказать, что, создавая самого Шатова, природа не скупилась при определении всевозможных коэффициентов.

Запасы жизненной энергии у него были поистине неисчерпаемы. Высокий, очень полный, он занимал почти всю небольшую кают-компанию планетолета. Голос его гремел так, словно все метеоры вселенной обрушились на "Стрелу". Металлизованный комбинезон, создававший в магнитном поле искусствепную тяжесть, не был рассчитан на стремительные движения Шатова. Поэтому, кроме своих прямых обязанностей штурмана, я имел и неплохую врачебную практику: Шатов постоянно ходил с ушибами и ссадинами.

За полтора года мы сдружились. В конце концов у нас не было выбора: вдвоем мы составляли весь экипаж маленького, заброшенного в Космос планетолета. Я могу совершенно объективно сказать, что у Шатова был только один недостаток - он любил цитировать Омара Хайяма. Я, конечно, ничего не имею против поэзии. Но полтора года слушать только Омара Хайяма — это, согласитесь, нелегко. Тем более, что Шатов цитировал таджикского поэта далеко не кстати. Помню, когда "Стрела" попала в микрометеорный ливень, Шатов громовым голосом, покрывавшим визг вибрирующего под ударами метеоров корпуса, декламировал:

Не станет нас! - А миру хоть бы что.
Исчезнет след! - А миру хоть бы что.
Исчезнем мы. - А миру хоть бы что.

Не очень утешительные стихи. Правда, со слухом у Шатова было явно неладно, поэтому меланхоличные строфы Хайяма он пел на мотив спортивного марша... Вообще, казалось, нет такой силы, которая могла бы испортить Шатову настроение. И только когда погиб контейнер с продуктами, Шатов на несколько дней приуныл. С этого времени мы питались хлореллой. Эта бурнорастущая водоросль доставляла нам кислород, а излишки ее шли в пищу. Четыре раза в сутки мы ели проклятую хлореллу: жареную, вареную, печеную, маринованную, засахаренную, засоленную...

Хлорелла была настоящим кошмаром. Но Шатов очень быстро привык к ней. И запивая котлеты (поджаренная хлорелла с гарниром из хлореллы маринованной) витаминизированной наливкой (трехпроцентный спирт, настоенный на хлорелле), он бодро читал Омара Хайяма:

Все радости желанные - срывай.
Пошире кубок Счастью подставляй.
Твоих лишений Небо не оценит,
Так лейтесь, вина, песни - через край.

Восемнадцать месяцев вдвоем! Это был мой первый длительный полет. И очень скоро я начал понимать, почему самым важным качеством в характере астронавта считается уравновешенность.

Стоит мне закрыть глаза, и я вижу кают-компанию "Стрелы", вижу все даже мельчайшие детали: овальный пластмассовый столик с причудливыми желтыми пятнами, выступившими от действия гамма лучей; репродукции Левитана и Поленова на сводчатых, с мягкой обивкой стенках; вделанный в стенку шкафчик с тридцатью двумя книгами; экран телеприемника, прикрытый сиреневой занавеской; два складных сетчатых кресла (на спинках по двадцать четыре квадрата); три матовых плафона, из которых средний случайно разбит Шатовым...

Иллюминаторы мы открывали редко. Зрелище безбрежного черного неба с неимоверным количеством немигающих звезд в первый месяц вызывает восхищение, на второй - задумчивость и непонятную грусть, а потом - тяжелое, гнетущее чувство. Однажды (это было на шестой месяц полета) Шатов, глядя в бездонный провал иллюминатора, сказал, кажется, самое мрачное четверостишие Хайяма:

Как жутко звездной ночью. Сам не свой,
Дрожишь, затерян в бездне мировой,
А звезды, в буйном головокруженье,
Несутся мимо, в вечность, по кривой.

С этого времени мы открывали иллюминаторы только по необходимости.

За полтора года мы чертовски устали. Я говорю не об усталости физической. Аварии, лихорадочная работа по исправлению повреждений были в конце концов только эпизодами на фоне очень напряженных будней. Теснота, резкая смена температур, двенадцатичасовые дежурства, хлорелла - все это, разумеется, не курорт. Однако самым страшным, страшным в полном смысле слова, было постоянное ощущение надвигающейся опасности. Это ощущение знакомо всем астронавтам. Но мы испытывали его особенно остро, может быть потому, что рация и телевизор были безнадежно испорчены гамма-излучением. Почти год мы не имели связи с Землей. Быть может, играло роль и то обстоятельство, что на Земле нас считали погибшими. Как бы то ни было, но мы постоянно ожидали чего-то неведомого, неотвратимого. Мы работали, разговаривали, играли в шахматы, но стоило остаться одному, и сейчас же возникало ощущение надвигающейся опасности. Чаще всего оно было смутным, неопределенным, но иногда вспыхивало с такой остротой, что казалось: именно сейчас — вот в это мгновение! - произойдет нечто непоправимое...

Я знаком с гипотезами астромедицины, объясняющими это явление. Но, поверьте, теоретические рассуждения на практике помогают мало. Когда ребенок один входит в темную комнату, он знает, что бояться нечего, но все-таки боится. Когда вы один ведете планетолет и в узких смотровых щелях центрального поста видна над черной бездной неба россыпь неподвижных, бледных, немигающих и потому каких-то мертвых звезд, вы отлично знаете, что бояться нечего, но все-таки испытываете - нет, даже не страх, а вот это смутное чувство очень близкой, но неизвестной опасности.

Ровно светится зеленоватый экран метеорного пеленгатора, безмолвствуют приборы моторной группы, тихо жужжит привод гирокомпаса, размеренно пощелкивает

хронометр... Все привычно спокойно. Но гнетущее чувство надвигающейся опасности заставляет вас вновь и вновь проверять приборы и до боли в глазах вглядываться в черные прорези смотровых щелей.

А потом кончается вахта и где-то сзади раздается покашливание и веселый голос Шатова:

- Ну как, коллега, светопреставление еще не началось?

Два последних месяца нас преследовали неудачи. Случайный метеор разбил солнечную батарею с этого времени мы жили в полумраке. Отчаянно капризничали навигационные приборы. По нескольку раз Б лень тревожно выла сирена барографа, предупреждая, что где-то происходит утечка воздуха. В общем все это было закономерно. "Стрела" вынесла намного больше, чем предусматривали ее конструкторы.

Но мы продержались бы еще несколько месяцев. Случилось непоправимое. В трех топливных отсечках начала повышаться температура. Сжиженный атомарный водород быстро разогревался. Это означало, что атомы водорода соединяются в молекулы, выделяя тепловую энергию. Реакция ускорялась, превращаясь в цепную. Поглядывая на шкалу топливного термометра, Шатов декламировал:

Я побывал на самом дне глубин.
Взлетал к Сатурну. Нет таких кручин,
Нет тех сетей, чтоб я не мог распутать...

И мрачно добавлял:

- Впрочем, есть. С весьма прозаическим названием - экзотермическая рекомбинация атомарного водорода.

Мы перепробовали все: интенсивное охлаждение, добавки стабилизаторов, облучение ультразвуком. Но температура топлива повышалась. Грозил взрыв.

И тогда Шатов принял единственно возможное решение. Мы включили топливные насосы и опорожнили три отсека из пяти оставшихся. Это было сделано вовремя. За

"Стрелой" вспыхнул гигантский газовый шлейф, причудливо отсвечивающий изумрудно-оранжевыми полосами.

О возвращении на Землю нечего было и думать. После многочасового спора, вконец загнав вычислительную машину, мы отыскали экономическую траекторию, ведущую к Марсу, ближайшей планете.

- Марс — это люди, это настоящая тяжесть, это музыка, это настоящие земные котлеты и настоящее земное пиво, - говорил Шатов, поднимая флягу с настойкой хлореллы. - "В честь Марса - кубок, алый наш тюльпан..." Так или почти так сказал старик Омар...

Однажды Шатов разбудил меня ночью (соблюдая традицию, мы вели счет времени по Москве).

- Быстренько надевайте комбинезон, штурман. Я вам кое-что покажу.

Шатов говорил тихо, почти шепотом. Меня мгновенно охватило тревожное ощущение близкой опасности.

Мы прошли в центральный пост. Шатов включил пневматический пускатель, и металлические шторы нижнего иллюминатора начали медленно раздвигаться.

Этот иллюминатор мы не открывали почти с самого отлета. Зрелище звездной бездны под ногами не из приятных. К нему нельзя привыкнуть.

Шторы медленно раздвинулись. В провале иллюминатора появилось черное небо и большой серп Марса. Но на этом серпе не было ничего: ни привычной сетки каналов, ни темно-синих "морей" - низменностей, заросших марсианским кустарником ареситой, ни желто-красных пустынь. Громадный, занимавший четверть неба Марс был подернут плотной голубой дымкой.

- Ну, штурман, что вы скажете? - вполголоса спросил Шатов. - Не кажется ли вам, что мы открыли новую планету?

Я попытался найти реальное объяснение. Погрешности в оптической системе иллюминатора? Но звезды были видны очень ясно. Песчаные бури на Марсе? Но они никогда не захватывают всю планету, от полюса до полюса. Какое-

нибудь электрическое явление в атмосфере Марса, например полярные сияния? Но они не могут быть такими интенсивными.

Ни одно из моих предположений не выдерживало критики. Шатов иронически декламировал Омара Хайяма:

Что там, за ветхой занавеской тьмы?
В гаданиях запутались умы...
Когда же с треском рухнет занавеска,
Увидим все, как ошибались мы.

Впоследствии я часто вспоминал это четверостишие. Оно оказалось пророческим. Но кто мог знать, что впереди нас ожидает самое большое испытание?

Склонившись над иллюминатором, мы долго смотрели на загадочный голубоватый серп.

"Стрела" подходила к Марсу с неосвещенной стороны. В последующие трое суток уже нельзя было наблюдать Марс. Но с того момента, как мы увидели узкий голубоватый серп, нас уже не покидало острое чувство близкой и неотвратимой опасности. По-видимому, сказывалось громадное нервное напряжение от восемнадцатимесячного полета. Мы стали раздражительными, неразговорчивыми. Во время дежурств в центральном посту я наглухо закрывал смотровые щели: вид черного неба с немигающими, словно нарисованными звездами вызывал у меня щемящую тоску.

Последние сутки перед посадкой мы почти не спали. Раздражительность внезапно сменилась крайней предупредительностью. Мы оживленно разговаривали, помогали друг другу собирать личные вещи, вместе готовили прощальный ужин (тушеная хлорелла с салатом из свежей хлореллы).

За два часа до посадки Шатов отдал команду: "К пульту!" - и мы прошли в центральный пост.

С шумом захлопнулась тяжелая крышка люка. Корпус "Стрелы" задрожал от бешеной пульсации тормозных двигателей.

Кому из астронавтов не знаком этот неистовый рев тормозных дюз! Очень близкий, все нарастающий, яростный, он пронизывает планетолет, прорывается сквозь тяжелые экраны центрального поста, бросает в дрожь стрелки приборов, заставляет вибрировать штурвал. Но грубый этот рев лучше всякой музыки. Кажется, что планетолет ожил и восторженно приветствует землю. "Конец пути! Конец пути! - надрываясь, ревут дюзы. - Конец пути!.."

Шатов мастерски вел "Стрелу". Я видел: ему трудно. Плохо повиновались газовые рули; дюзы, исковерканные метеорами, создавали момент, вращающий "Стрелу" вокруг продольной оси; обзорный локатор не работал. И все-таки Шатов уверенно выводил планетолет в режим планирования.

Я провел полтора года с Шатовым, изучил его (так мне казалось) до тонкостей. Однако, признаюсь, я впервые видел своего друга таким. Акселерометр показывал двойную перегрузку, тяжесть глубоко втиснула меня в кресло, но Шатов сидел в свободной, непринужденной позе. На его лице светилась азартная улыбка, глаза поблескивали. Движения рук, скупые и точные, были в то же время окрыленными. Да, именно окрыленными - я нашел нужное слово. Шатов каким-то шестым чувством, даже не глядя на приборы, угадывал, что надо делать.

"Стрелу" раскачивало. Я не мог понять почему. Казалось, планетолет встретил сильный поток восходящего воздуха.

Внезапно задребезжал сигнал радиационного дозиметра. Я оглянулся стрелка дозиметра ушла за красную черту. Снаружи, за свинцовыми экранами центрального поста, радиация достигла опасных для человека пределов. Но откуда она взялась, эта радиация?

- Штурман! - голос Шатова покрывал громовые раскаты тормозных двигателей. - Штурман, включите посадочный локатор.

Вспыхнул желтоватый квадрат выпуклого экрана. В самом центре экрана ярко светился красный овал.

Шатов взглянул на меня. Я прочел в его глазах изумление. На поверхности Марса, в шестистах километрах под нами, бушевало огромное огненное озеро. Извержение? Пожар?

Почти машинально я включил ионизационный пеленгатор. На экране возникла черная нить. Метнулась и замерла, надвое прорезав красный овал. Огненное озеро излучало колоссальную радиацию!

"Стрела" вздрогнула. Красное пятно быстро поползло к обрезу экрана. Шатов уводил планетолет на восток. Я написал на листке бумаги: "Ядерный взрыв? Ядерная катастрофа?" - и передал Шатову. Он посмотрел на меня и молча пожал плечами. Потом указал глазами на шкалу наружного термографа. Температура за бортом планетолета поднялась до семидесяти градусов!

Я знал, что Марс тщательно изучен людьми. Я знал, что бесчисленные экспедиции за три десятилетия исследовали каждый клочок этой планеты. И все-таки первое предположение, которое у меня появилось, было совершенно фантастическим. Я подумал (вы можете смеяться, но это так), что внизу идет война между людьми и марсианами. Повторяю, я знал, что никаких марсиан не существует. Но первая мысль была именно такой.

А "Стрела" снижалась. Шатов совершил чудо: искалеченный планетолет, преодолевая неизвестно откуда возникшие воздушные вихри, почти не отклонялся от намеченного курса. На экране посадочного локатора мелькали темные пятна. "Где мы?" - глазами спросил Шатов. "Над Морем Времени", - прокричал я. Он удовлетворенно кивнул головой.

Трудно было выбрать лучшее место для посадки. Море Времени - обширная кочковатая низменность, поросшая кустарниками ареситы, - находилось вблизи ракетодрома.

Черные пятна на экране локатора проносились с головокружительной быстротой. "Стрела" шла над самой поверхностью Марса. Я выключил локатор.

Не помню, сколько прошло времени. По-видимому, немного, минут пять. Рев двигателей стал невыносимым (Шатов включил посадочные ракеты). "Стрела" мягко опустилась на газовую подушку. Толчок был едва ощутим. И сразу наступила тишина. Оглушительная тишина, от которой звенит в ушах и каждый шорох кажется грохотом.

А потом я почувствовал тяжесть. Не искусственную тяжесть, создаваемую металлизированной одеждой в магнитном поле, не перегрузку от ускорения, а настоящую тяжесть, как сказал бы Шатов, настоящую земную тяжесть.

- Недурно получилось, а? - спросил Шатов.

- Высший класс! - ответил я.

И мы рассмеялись.

Шатов повернул рукоятку пневматического провода. Послышалось шипение, люк в кают-компанию открылся. Но шипение не прекращалось. Оно стало, правда, каким-то другим, порывистым, присвистывающим.

— Это снаружи, - удивленно произнес Шатов. - Похоже, Марс встречает нас ветреной погодкой.

Мы прошли в кают-компанию. Свист ветра здесь слышался совершенно явственно. Более того, я заметил, что планетолет иногда вздрагивает, покачивается.

- Ну, капитан, - спросил я Шатова, - что по этому поводу сказал бы старик Омар?

Шатов ответил без улыбки:

- Старик Омар сказал в аналогичном случае: "Нет в женщинах и в жизни постоянства". Что касается женщин...

Громкий треск прервал Шатова.

- Песчаная буря?

Шатов отрицательно мотнул головой.

- Нет, штурман. Это самый настоящий град.

Я подумал, что он шутит.

- Привезенный, конечно, с Земли?

- А теперь дождь, - спокойно констатировал Шатов.

По металлическому корпусу "Стрелы" барабанил дождь, ошибиться было невозможно.

- Штурман, я напишу на вас рапорт, - Шатов говорил почти серьезно. - Вы привели "Стрелу" на какую-то другую планету. Судя по силе тяжести, это Марс. Допускаю. Но ветер, град, дождь...

Дождь прекратился почти мгновенно. Зато ветер взвыл теперь с новой силой - пронзительно, надрывно.

- Что вы можете сказать в свое оправдание?

Я ничего не мог сказать. Я ничего не понимал.

- Допустим, где-то вблизи происходит извержение, - вслух рассуждал Шатов, прислушиваясь к вою ветра. - Но откуда град? И откуда такая плотность ветра?.. Ага, опять идет дождь, вы слышите, штурман? Допустим, что это просто ураган. Но дождь, дождь! Почему на Марсе такой ливень?.. Печально, штурман, однако нам придется надеть скафандры и выйти. Рации скафандров работают, попробуем установить связь и...

Резкий толчок едва не сбил нас с ног.

- А, черт! - Шатов, придерживаясь руками за стенки, прошел в центральный пост. Из люка послышался приглушенный голос. - По ртутному барометру давление четыреста миллиметров. У этой милой планеты солидная атмосфера. Так... Еще одна загадка. Величина естественной радиации вчетверо меньше марсианской... Штурман, вы посадили "Стрелу" на какое-нибудь плоскогорье Земли. Или открыли новую планету. Это неприлично.

Шатов по обычной своей манере шутил. Но настроение у нас обоих было невеселое. Надевая скафандр, Шатов помянул было старика Омара и замолчал на полуслове.

- Эх, скорее бы узнать, в чем дело! - просто сказал он. Впервые за полтора года в его голосе прозвучала усталость.

Он до отказа повернул рукоятку пневматического привода. Давление воздуха буквально сорвало оплавленный люк. В шлюзовую кабину ударил ветер.

Мы включили рефлекторы. Два узких световых пучка прорезали тьму. Снаружи творилось нечто невообразимое. Резкий, порывистый ветер гнал над самой землей обрывки взлохмаченных туч. Налетал и мгновенно прекращался дождь. Где-то далеко во тьме вспыхивали зарницы.

- Штурман, вы знаете, что сказал в аналогичном случае старик Омар? услышал я в радиотелефоне непривычно тихий голос Шатова. - "Вниманье, странник. Ненадежна даль, из туч змеится огненная сталь".

Громадная фигура Шатова протиснулась в прорезь люка. Я поспешил за капитаном. И тотчас же удар ветра бросил меня на землю. Падая, я успел схватиться за ветви ареситы. Все-таки мы были па Марсе!

- Держитесь крепче, коллега! - крикнул Шатов. - Ползите сюда.

Шатов лежал за невысоким, густо поросшим ареситой бугром. Я пополз, преодолевая сопротивление беснующегося ветра.

- Включайте рацию, - сказал Шатов.

Я повернулся на спину, взялся за регулятор настройки. В шлем тотчас же ворвался треск атмосферных разрядов. И вдруг откуда-то издалека донесся слабый голос: "Стрела, Стрела, Стрела... Стрела, Стрела..."

- Вы слышите, штурман? - кричал Шатов. - Давайте пеленговать.

К моему удивлению, рамка пеленгатора показывала вверх, в небо. В разрывах туч над нами мелькал небольшой, вдвое меньше лунного, желтый диск.

- Фобос! - Шатов махнул рукой вверх. - Фобос, спутник Марса. Они говорят оттуда.

Отвечать мы не могли. Слабые передатчики скафандров имели радиус действия около трехсот километров, а до

Фобоса было девять тысяч. "Стрела, Стрела, Стрела..." - звали с Фобоса.

— Вот заладили! - сказал Шатов. - Затем последует концерт танцевальной музыки - и передача окончена. Спокойной ночи, дорогие радиослушатели!..

Цепляясь за ветви ареситы, он встал. Я видел, как содрогалась под ударами ветра его массивная фигура.

- Смотрите, штурман!

В голосе Шатова прозвучало нечто, заставившее меня привстать.

- Смотрите!

Он показывал в темноту. Я ничего не видел. Луч рефлектора растворялся в бездонной тьме.

Потом впереди низко над землей блеснул сиреневый разряд молнии. И как на застывшем киноэкране, я увидел; на нас шла стена воды. Холодный сиреневый свет вспыхнул на мгновение. Огромная волна казалась неподвижной - наклонившаяся, вспененная, страшная.

- Назад! - хрипло выкрикнул Шатов.

Он побежал к "Стреле", подпрыгивая, оборачиваясь. Порыв ветра отбросил меня в сторону. Я упал на колени. Луч света впереди замер, метнулся, уперся в глаза. Шатов помог мне подняться. В радиотелефон я отчетливо слышал его хриплое дыхание.

- Быстрее, штурман, быстрее...

Он втолкнул меня в люк. Взвизгнув, хлопнула крышка.

И тогда я услышал гул приближающейся волны. Розный, очень слитный, он неуклонно надвигался, поглощая все остальные звуки - шорох кустарника, треск дождевых капель, свист ветра. Он нарастал, превращаясь в яростный, вибрирующий вой.

- Держитесь! - крикнул Шатов, и голос его потонул в грохоте обрушившейся волны.

Я протянул руки - они схватили пустоту. Пол выбило из-под ног. Я упал на Шатова. И тотчас же наступила тишина.

- Осторожнее, коллега... - поднимаясь, сказал Шатов.

— Вот так. Я догадался, что случилось с Марсом. Марс превращен в заповедник для любителей острых ощущений. Полагаю, сейчас начнется небольшое, хорошо организованное землетрясение...

Снаружи по-прежнему доносился свист ветра. Унылый, бесконечно повторяющийся, он вызывал тягостное чувство. Кажется, я сказал об этом вслух, потому что

в радиотелефоне послышался голос Шатова:

- Ничего не поделаешь... Нам придется выйти. Через полчаса Фобос уйдет за горизонт, и тогда мы ничего не услышим.

Медленно открылась крышка люка. Шатов, пригнувшись, нырнул в темноту. Я последовал за ним - и сразу почувствовал, насколько сильнее стал ветер. Он уже не был порывистым, а давил плотной, почти осязаемой стеной. Я ощущал это давление сквозь толстую оболочку скафандра.

Шатов, прижимаясь к потрескавшейся, кочковатой земле, полз в заросли ареситы. Вода ушла, оставив изломанные кустарники. Я отпустил поручни.

И тогда ветер - он словно поджидал это мгновение - набросился с удесятеренной силой. Нет, не с удесятеренной. С неимоверной, невероятной силой. Я плохо представляю, что произошло. Это случилось с какой-то неестественной быстротой. Падение в пустоту, жестокий удар (меня спас скафандр), яркая вспышка света - луч рефлектора осветил коричневую, всю в трещинах, очень близкую землю - и темнота. Рефлектор был разбит вдребезги, антенна рации сломана. Голос Шатова (я не помню, что он кричал) оборвался на полуслове.

Ветер сталкивал меня куда-то в пустоту, в черное ничто. Я пытался ухватиться за кусты ареситы - они были вырваны с корнем, я цеплялся за землю она ускользала. А ветер, нет, не ветер - ураган, бешеный ураган с неистовой яростью уносил меня от планетолета. Дважды во вспышках молний я видел "Стрелу". И сразу же, скрывая ее, навалились обрывки туч. Как гигантские холмы, они ползли по самой земле, отсвечивая непрерывными электрическими разрядами. Ураган был до отказа насыщен электричеством; когда я падал на землю, со скафандра слетали снопы голубых искр.

Отчаянно напрягаясь, я старался задержаться, уцепиться за что-нибудь - и не мог. Ураган подбрасывал меня в воздух, швырял наземь, переворачивал и гнал, гнал, гнал...

Это продолжалось долго, нестерпимо долго и кончилось так же внезапно, как и началось. Я почувствовал удары упругих ветвей ареситы, провалился в какую-то яму - и все стихло.

Не сразу я осознал происшедшее. Болело ушибленное плечо, не хватало воздуха, в глазах мелькали красные круги... Откуда-то из глубины сознания пришла мысль. Сначала она была смутной. Потом, оттеснив хаотические клочки других мыслей, прозвучала с беспощадной ясностью: "Случилось то, что ты давно ожидал. То самое. Неотвратимое".

Над Морем Времени бушевал ураган. Где-то (я даже не знал, в каком направлении) был планетолет. Где-то очень далеко. Расстояние, между нами, не поддавалось измерению. Оно было бесконечным. А стрелка кислородного индикатора прошла половину шкалы. Кислорода оставалось на час - может быть, на полтора.

Скосив глаза, я долго, до боли в висках, смотрел на маленький светящийся индикатор, вделанный в шлем скафандра. Стрелка передвигалась! Мне казалось, что я ясно вижу, как она движется к короткой красной черте, за которой смерть. Леденящий ужас затоплял сознание. Он поднимался, как вода, откуда-то снизу, постепенно сковывая тело. А предательская мысль звучала с яростной настойчивостью: "Случилось то, что ты давно ожидал. То самое. Неотвратимое".

Цепляясь за узловатые корни ареситы, я поднялся на ноги, раздвинул ветви. С прежней силой ревел ветер. Но небо было безоблачным. И над самым горизонтом я увидел двойную зеленоватую, очень яркую звезду.

Да, это была Земля. Земля и Луна. В этом чужом мире, где все было враждебно - и хлещущий ветер, и жесткая каменистая почва, и непроглядная тьма, - вдруг возникло что-то свое, родное. Земля! Родная Земля! Я твердил это слово, я повторял его вновь и вновь...

В спокойном, дружеском сиянии двойной звезды было что-то необыкновенное. Что именно, я не мог понять. Всматривался - и не мог. Но чем дольше я всматривался, тем важнее мне казалось понять это необыкновенное. Я забыл об урагане, я не слышал ветра, я не видел диска кислородного индикатора...

В двойной зеленоватой звезде, повисшей над черным изломом горизонта, было нечто необыкновенное. И внезапно я понял. Звезда мерцала! Едва заметно, очень слабо, по мерцала. А в разреженной атмосфера Марса мерцания не могло быть. Земля, далекая, родная Земля помогла мне понять, что теперь у Марса есть плотная атмосфера. Я не знал, откуда она взялась, эта атмосфера. Я даже не думал об этом. Сквозь бездну космоса Родина указала мне путь к спасению. И я принял этот путь сразу, без раздумий и сомнений.

Я открыл вентиль шлема.

В лицо ударил теплый ветер. Глубоко, полной грудью вдыхал я воздух Марса. Он был очень теплый, влажный, насыщенный мускусным запахом ареситы. У меня кружилась голова от этого воздуха, от этого запаха, от счастья...

Не помню, сколько прошло времени. Земля поднималась над горизонтом, и там, где она поднималась, небо светлело. Для Марса наша Земля была утренней звездой. Ее восход предвещал утро, рассвет.

Он казался хмурым, этот рассвет. Серые тени тянулись по кочковатой равнине, над горизонтом клубились черные дымки туч. Но ветер стихал. Я это чувствовал.

И тогда мною овладела веселая злость. Я ухватился за низкий, стелющийся кустарник, вылез из ямы и пошел. Я шел и кричал ветру какие-то слова какие-то обидные слова. Ветер фыркал, налетал, отталкивал меня, но он уже ничего не мог сделать.

Я шел.

Куда идти, я не знал. И поэтому шел наугад, туда, где светилась двойная утренняя звезда. Я не смог бы повернуться к ней спиной.

Я прошел метров сто, полтораста. Из-за бугра (впереди и правее меня), роняя красные искры, выползла в небо ракета. Потом еще одна. И еще, еще...

Тогда я побежал. Ветер расступился, исчез. Я бежал, перепрыгивая через кусты ареситы, - на Марсе почти не чувствуется тяжесть скафандра.

С вершины бугра я увидел "Стрелу". Она была совсем близко, метрах в пятидесяти. Ее темный вытянутый силуэт четко вырисовывался на фоне светлеющего неба. Она показалась мне необыкновенно красивой, наша "Стрела": плавные, благородные и строгие обводы, гордо приподнятые короткие крылья, устремленный вперед корпус.

Шатов выпускал одну ракету за другой. Он был без скафандра, в расстегнутом комбинезоне. Рядом со "Стрелой" стоял собранный вертолет маленький, приземистый. Только Шатов - один, в темноте, в бурю - мог собрать вертолет.

Он увидел меня, отбросил ракетницу, сорвал кожаный шлем и, высоко подняв его над головой, что-то закричал.

Я рванулся к нему, на ходу расстегивая скафандр.

- Ну, ну, штурман, успокойтесь, - глухим голосом произнес Шатов. Кажется, старик Омар... Нет, не то...

И он отвернулся.

Только сейчас я заметил десятки ракетных обойм, валявшихся па земле. Это заставило меня вспомнить о Марсе.

- Марс? - все еще глуховатым голосом переспросил Шатов и кашлянул. Марс? Полный порядок, штурман. За этот год многое изменилось. Люди создают на Марсе атмосферу. Красное пятно, которое мы видели па экране локатора, термоядерный кратер. Таких два на Марсе. Четвертый месяц в них идет управляемая цепная реакция. Тяжелые атомы дробятся на легкие осколки кислород, азот, гелий, водород. И главное - в этих кратерах от колоссальной температуры разлагаются минералы, содержащие кислород, воду, углекислый газ... Люди сейчас покинули Марс, только на Фобосе остался пост управления. Нам еще повезло, штурман, здесь были бури похлеще вчерашней. И радиоактивность была

высокой, сейчас это уже не опасно. К тому же атмосфера преградила доступ космическому излучению. Считайте, что нам повезло... И хватит, штурман! Больше я ничего не знаю. С Фобоса меня порадовали целой лекцией - цифры, формулы, даже цитаты, - но я возился с этой птичкой... Простите!

- А она уцелеет, эта атмосфера? - спросил я. Шатов расхохотался.

- Ага! Понравился ветерок... Не беспокойтесь, штурман. В раскаленном состоянии Марс потерял атмосферу - притяжение слабовато. А теперь он ее сможет удерживать практически вечно. Могу добавить: такая же участь ожидает Луну. Старушка получит шикарную атмосферу. И хватит расспросов. Хватит! Если угодно, возьмите мой скафандр, настройте рацию и слушайте... А я... Штурман, штурман, солнце! Смотрите, солнце!

Над Марсом всходило солнце. Пурпурное небо стало розовым, и на горизонте, четко разделяя землю и небо, блеснул золотой ободок. Краски дрожали, переливались, светлели. От солнечной полоски струился свет. Он углублял краски неба, наполнял их силой.

Полтора года в космосе, ураган, ночной кошмар - все это ушло, все это ничего не стоило по сравнению с первым рассветом на Марсе. Я бы прошел через вдесятеро большие трудности, чтобы видеть этот первый рассвет над древней планетой. Рассвет, созданный людьми.

Солнце выплескивало в небо упругие, сверкающие лучи, и они отгоняли тьму. Звезды гасли, стертые солнечными лучами. И только одна звезда - двойная, яркая - торжествующе светила в прозрачном утреннем небе. Теперь она была голубой.

- Земля, - тихо сказал Шатов за моей спиной. - Голубая планета.

Я обернулся. На небритой щеке Шатова влажно поблескивала голубая искорка.

Александр Колпаков

ОДИН

Руссов посмотрел на созвездия, машинально отметив близость рассвета, и приподнялся, протирая глаза. Вслед за тем он покинул гамак, в котором ему так и не удалось заснуть, хотя листья пальм убаюкивающе шуршали всю ночь, сел в одноместный каплевидный гравиплан, одиноко стоявший на лужайке перед Дворцом Отдыха, и плавно поднялся к вершине зеленой горы, смутно рисовавшейся на фоне неба. Деревья и здесь неумолчно шептались, и в их шепоте ему чудились голоса друзей, оставшихся по ту сторону времен. Он приблизился к краю обрыва, лег прямо на землю и глубоко задумался. Да, жить в будущем оказалось не так просто, как он представлял себе это раньше в мечтах.

Далеко внизу, в широкой долине лежал Город Вечности, самое необычное явление нового мира. Город релятивистов, скитальцев Космоса, протянувших живую эстафету к настоящему из безмерных глубин прошлого.

Город Вечности образовался постепенно. В начале XXI века на его месте функционировал Гималайский Космоцентр, одна из трех баз, откуда человечество устремлялось к звездам. Хотя к концу XXI века звездолеты подняли потолок своих скоростей до 0,9 скорости света, этого еще было недостаточно для того, чтобы вызвать значительное релятивистское замедление времени. С конца XX века и до начала XXII. века из Космоса вернулось на Землю пять межзвездных экспедиций. При скорости в «одну девятку после нуля» участники этих экспедиций ненамного «отставали» от земного времени — не более чем на несколько десятков лет, — и еще не возникало «проблемы релятивистов». Однако положение резко изменилось во втором десятилетии XXII века, когда были созданы аннигиляционные ракеты, развивавшие скорость до 299 тысяч километров в секунду.

Время в них замедлялось уже в сорок раз по сравнению с земным. Первые же аннигиляционные ракеты, отправившиеся в 2120–2145 годах исследовать дальние окрестности Солнца, возвратились на Землю спустя 240–300 лет, причем члены их экипажей «постарели» едва ли на двадцать-тридцать лет. И тогда-то, в пятидесятых годах XXV века, впервые было произнесено слово «релятивист», как синоним слова «выходец из прошлых времен».

По предложению Совета Тружеников Земли первые релятивисты обосновались в Гималайском Космоцентре, составив ядро армии наиболее опытных исследователей Космоса. Многие из релятивистов после длительного отдыха снова отправлялись во Вселенную, чтобы через несколько сот лет опять возвратиться на Землю. А экипаж квантовой аннигиляционной ракеты 2160 года даже четыре раза таким образом покидал Космоцентр, возвратившись последний раз уже в восьмое тысячелетие. Другие (а таких было большинство) навсегда оседали в Гималайском Космоцентре, посвятив остаток своей жизни обработке научных результатов своих экспедиций и переводу их на язык понятий данной эпохи, или работали в многочисленных службах Космоцентра, исполняя несложные обязанности диспетчеров, операторов, радистов, ассистентов ученых и инженеров, для чего достаточно было пройти пятнадцатилетний курс обучения в специальном Институте релятивистов, который был создан Высшим Советом по освоению Космоса спустя несколько лет после возвращения первых аннигиляционных ракет.

Программа освоения Космоса, намеченная коммунистическим человечеством, была столь обширна, что приходилось каждые десять лет отправлять в Космос очередную межзвездную экспедицию, результаты которой узнавали лишь последующие поколения. Поэтому, нами с XXVII века, население Гималайского Космоцентра непрерывно росло

как за счет новых релятивистов, прибывавших на звездолетах, посланных предыдущими поколениями, так и вследствие естественного прироста семей старых релятивистов. В начале четвертого тысячелетия Космоцентр насчитывал уже десятки тысяч жителей и по решению Совета Тружеников Земли был торжественно переименован в Город Вечности. Это название отражало бессмертие деяний его жителей, как бы «бессмертие» самих релятивистов, непреходящее значение величественного дела освоения Вселенной. Теперь, в конце восьмого тысячелетия, это был огромный город с миллионным населением, город, ставший своеобразной сокровищницей знаний всех прошлых эпох истории, начиная с XXI века.

Руссов поднял голову и всмотрелся: призрачная пелена облаков, точно большая река, колыхалась над городом. На миг ему показалось, что это и есть таинственная Река Времени, по которой непрерывно приплывают сюда релятивисты. Внизу еще лежало покрывало сизого мрака, в котором скрывались какие-то громады, подобные волнам окаменелого серебристого океана. Но вот из-за гор появилась полоса света и постепенно начали вырисовываться поляроидные

крыши шестиугольных Дворцов Отдыха, многокилометровые эскалаторы, всползающие на холмы, мраморные лестницы и террасы, чаши радиотелескопов; вокруг колоссального памятника Скитальцу Космоса дрожал пояс белой пены, а искусственное озеро изумрудного цвета будто застыло в утренней прохладе. По мере того, как ширилось розовое небо, стали выдвигаться ажурные здания на склонах, точно стада неведомых зверей, спускающихся с гор. Прямые проспекты, пустынные в этот ранний час, уходили вдаль, и пальмы вдоль них стояли недвижно, как часовые в заколдованном сне.

Явственно выступила из мрака циклопическая эстакада, выгнутой параболой перекинувшаяся через южную часть небосвода; точно стоногий великан, она шагала своими километровыми опорами по долинам и перевалам, все выше и выше поднимаясь к звездам, пока ее выходная арка не достигала вершины Джомолунгмы.

Потом солнце щедро пролило на город золотой дождь своих лучей. Засверкали мачты радиотелеуправления, купол обсерватории Совета казался охваченным пламенем, засветились конструкции эстакады. Бесконечные ленты

эскалаторов пришли в движение, на них появились фигурки людей. По мраморным плитам проспектов катились бесшумные автомобили, казавшиеся отсюда игрушечными. С юга появилась стая грузовых гравипланов, вскоре они скрылись за высокой стеной эвкалиптов, окружавшей аэропорт. Гостеприимно распахивали свои двери Центры Общественного Распределения, Дворцы Гигиены и Павильоны Пищи. В Космоцентре мелодично загудела сирена. Глухо заурчали моторы, приводя в движение гигантские чаши радиотелескопов сопровождения.

...Двадцать лет жизни «в собственном времени» и пять тысячелетий земной истории! И он был первым среди первых Одиссеев. Когда «Циолковский» выплыл из Реки Времени на берег восьмого тысячелетия, с неоценимыми данными о цивилизации Элоры, их было только двое: он и старый Чандрагупта... Остальных циолковцев поглотил Космос. Пьяные от земного душистого воздуха, они неверными шагами вышли из корабля, буквально ослепленные красотой блистающего мира, оглушенные его кипучей, радостной жизнью. Жизнерадостные, веселые, приветливые люди восьмого тысячелетия, их потомки в сотом поколении, встречали Руссова и Чандрагупту гостеприимно и приветливо. Цветы, музыка, речи... Грандиозное празднество-карнавал, устроенное в честь скитальцев Космоса, длилось много дней подряд. А сразу после встречи к ним подошел совершенно седой человек, вероятно, очень старый, чего нельзя было сказать, глядя на его крепкую фигуру и совсем еще молодое лицо с удивительно живыми, умными глазами.

— Ваш дом — вся планета, — сказал он с сильным акцентом — ему было нелегко изъясняться на древнем геовосточном языке, и сделал жест, как бы предлагая им в дар всю Землю, обитель труда и счастья людей.

Этот человек был одним из председателей Совета Тружеников Земли...

...Руссов еще долго смотрел в пространство невидящим взглядом, потом быстро поднялся с земли и пошел к

гравиплану: предавшись воспоминаниям, он чуть было не забыл, что сегодня, в День Памяти Погибших Астронавтов, состоится традиционная ежегодная встреча релятивистов с членами Высшего Совета по освоению Космоса.

...Необъятный вестибюль Совета встретил его сдержанным гулом тысяч голосов. Релятивисты группировались по отдельным секторам, куда подбирались люди более или менее близких эпох. Руссов отыскал глазами сектор с четкой — золотом — надписью «Третье тысячелетие», сделанной на условном синтетическом языке, своего рода эсперанто Скитальцев Космоса, поднялся на третий ярус и, облокотясь на барьер, стал прислушиваться к разговорам окружающих.

— Пользуясь выражением Старика, сегодня будут искать матроса для плавания по Mare Tenebrarum[1], — сказал ему молодой программист с квантовой ракеты 2160-го года, оглядываясь на громадную карту Галактики, занимавшую всю стену позади трибун для членов Совета.

Руссов ничего не ответил, но машинально посмотрел в сторону шестой ложи, где сидел Старик, релятивист четвертого тысячелетия, один из уцелевших участников полета к Крабовидной туманности. Ему недавно исполнилось 206 лет. Старик беседовал с группой юношей, родившихся в Городе Вечности: их глаза, горели восторгом, тогда как лица выражали неподдельную скорбь по поводу того факта, что они родились, по их мнению, слишком поздно. Рядом физик шестого тысячелетия, лучше, чем кто-нибудь другой, разбиравшийся в изменчивой сущности превращений праматерии, в двух-трех словах умевший выразить основную проблему антигравитации или нарисовать квантовую картину мира, разговаривал с поэтом, воспевавшим в своих поэмах Скитальцев Космоса. Оба, стараясь не перебивать друг друга, говорили каждый о своем, то и дело обращаясь к помощи лингвистического автомата. Чуть поодаль знаменитый химик, до конца разгадавший структуру нуклеиновой

[1] Море мрака.

кислоты — основу жизни, — утешал юношу в синем костюме, по всей вероятности наладчика электронных машин, посвящавшего свой досуг биологии. Из отрывочных фраз, долетавших до него, Руссов понял, что молодой человек недавно низвергся с Олимпа своих грез, получив вместо живого белка... что-то вроде канцелярского клея, которым пользовались его предки на заре времен.

Здесь были, наконец, два-три математика, одержимых вечно юной мечтой ученых — сформулировать на языке цифр и уравнений физико-биологические законы перехода индивидуума в другие измерения Вселенной, в реальности которых они были убеждены так же непоколебимо, как в том, что скорость света есть корень квадратный из отношения энергии вещества к его массе. Разноязыкий говор мерно перекатывался по вестибюлю, подобный шуму гальки на отмели, поднимаемой прибоем.

Вскоре появился невысокий крепкий человек просто и скромно одетый. Улыбаясь, шел он, раскланиваясь и обмениваясь рукопожатиями с релятивистами. Его сопровождала целая группа лиц: то были председатель и члены Высшего Совета по освоению Космоса. В этот традиционный день они должны были завершить подбор пилотов для очередного звездолета. Заполучить в качестве одного из пилотов релятивиста из Города Вечности — было мечтой любого экипажа, отправлявшегося ежегодно к другим солнцам. Ничто — ни высочайшая техника нового мира, ни самые совершенные электронные автоматы, ни астронавигация, обобщившая опыт межзвездных путешествий за истекшие шесть тысячелетий, — ничто, повторяем, не могло заменить драгоценного живого опыта релятивиста, опыта, доставшегося ему столь дорогой ценой.

Члены Совета отворили колоссальные резные двери Зала Заседаний, украшенные тончайшей художественной резьбой, и все собравшиеся двинулись туда без церемоний, чтобы занять места за длиннейшим столом.

...На трибуне появился Председатель Совета и поднял руки, призывая к молчанию. Когда установилась тишина, он сделал знак, и одновременно с легким гудением универсальной лингвистической машины, переводившей его слова сразу на все языки, известные релятивистам, на восточной стене зала мягко замерцал синеватым светом вогнутый экран телевизора Всепланетной Сети.

— Друзья и братья! — воскликнул он звучным чистым голосом. — В начале августа мы отправляем во Вселенную «Палладу», новейший звездолет класса «КЗ-7-9-ПН»[2]. Цель полета — исследовать звездную систему Альфы Эридана. Как ни странно, но ни один астролет предыдущих тысячелетий не посетил еще этот мир... Совет Тружеников Земли решил восполнить этот пробел. Косвенные данные астрономии говорят о наличии там богатой зоны жизни. Не ради того, чтобы поставить на карте Галактики новый флажок «Звезда исследована», и тем более не для удовлетворения желаний любителей подвигов и острых ощущений уходит в Космос «Паллада». Вы знаете это лучше меня, ибо самые крепкие, самые дорогие камни в гигантскую пирамиду современного человеческого знания заложены Скитальцами Космоса. Ценой вашего ухода из жизни своего поколения, ценой жизни тысяч Погибших Астронавтов, избороздивших весь необозримый океан солнц в плоскости третьей спирали Галактики, получило человечество неоценимые знания о свойствах материи, о превращениях единого поля, о балансе и способах генерации энергии. Научный результат каждой межзвездной экспедиции, привезшей на Землю информацию о других путях развития Познания в иных обществах разумных существ, стоит тысячелетий земных научных поисков!

... Итак, люди восьмого тысячелетия просят Скитальцев Космоса заполнить одну вакансию. Кто хочет быть вторым пилотом «Паллады» ?..

---

[2] Т. е. «Квантовый звездолет класса «семь девяток после нуля».

Воцарилось молчание. Релятивисты не спешили изъявить свое желание.

— Пуститься вновь по Реке Времени, чтобы причалить к берегу еще более далекой эпохи будущего? Потерять только-что приобретенных друзей?.. Я уже не смог бы... Буду доживать свои дни в Городе Вечности, — поймав взгляд Руссова, сказал Ибаньес, штурман звездолета 2160 года. — Вы согласны со мной?..

Руссов посмотрел на него отсутствующими глазами и встал. Председателя Совета наперебой осаждали юноши, благоговейно внимавшие до того речам Старика. Бегло взглянув на них, Председатель отрицательно покачал головой: ни один из молодых энтузиастов не мог претендовать на вакансию, так как кроме молодости да Школы Элементарной Астронавигации за душой у них ничего не было. Старые релятивисты продолжали тихо переговариваться, а люди восьмого тысячелетия смотрели на них с понимающей, доброй улыбкой. Собственно говоря, Совет никогда и не настаивал на их участии в очередных экспедициях, считая, что релятивисты с лихвой выполнили свой долг перед человечеством. В конце концов, у Совета не было недостатка в энтузиастах, обивавших пороги Сектора Межзвездных Проблем.

Обращение Председателя Совета продолжало висеть в воздухе, невольно будоража сердца старых звездолетчиков. Протиснувшись сквозь рой огорченных юнцов, Руссов подошел к Председателю.

— Я готов занять свободное место в «Палладе», — глухо проговорил он. Впоследствии он и сам не мог понять, как все это случилось. Он помнил лишь, что призыв Председателя Совета наполнил все его существо страстной жаждой полета. Оставайся с нами, Иван Руссов... человечество помнит твои скитания... Ведь это «Циолковский»? Геовосточный Трудовой Союз?..

Руссов подтвердил кивком головы и снова настойчиво повторил:

— Я готов лететь на «Палладе» ...

— Хорошо, — ответил после некоторого молчания Председатель, обменявшись несколькими фразами с членами Совета. — Завтра ты познакомишься с экипажем «Паллады». Астронавты сейчас проходят предстартовую подготовку на суточном спутнике[3], и ты присоединишься к ним.

* * *

...Не оставляя за собой ослепительного шлейфа света, характерного для фотонных ракет прошлого, «Паллада» стремительно ускоряла свой полет, каждую минуту «проглатывая» кусочек бесконечности длиной в 18 миллионов километров. Это был первый корабль, который двигался за счет реактивной тяги, возникающей при отбрасывании невидимых радиоквантов высокой частоты. Правда, квантовый звездолет разгонялся в несколько раз медленнее фотонно-мезонных ракет, так как радиокванты были гораздо легче фотонов и мезонов, но зато они не грозили испепелить отражательный параболоид. До сих пор самой сложной проблемой в фотонных ракетах оставалось усмирение чудовищно раскаленного светового пуча, падающего на поверхность параболоида. Непроизводительно расходуемые для питания охлаждающих систем десятки миллионов киловатт, сверхмощные магнитные экраны, а значит новые миллионы киловатт энергии, сдерживающие убийственную мощь излучений, нейтронные завесы, точнейшие по своей синхронности операции обновления атомной структуры параболоидов, — все это было теперь преодолено.

...Он снова плыл по безбрежному океану пространства—времени и чувствовал себя в родной стихии. Голубоватые огоньки уходящих назад звезд приятельски подмигивали с

---

[3] Суточный спутник Земли — т. е. искусственный спутник, обращающийся вокруг планеты на высоте ее шести радиусов и делающий один оборот в сутки. Он постоянно висит на небосводе на одном месте (для земного наблюдателя).

боковых экранов, и успокоительная мелодия, лившаяся из приборов охраны электронных связей, казалось, говорила: «Мы на страже, сын Разума... бесконечность склоняется у твоих ног». Еле уловимый бас квантовых генераторов напоминал о десяти миллиардах киловатт энергии внутринуклонного распада, ежеминутно преобразуемых в бешено рвущийся реактивный луч радиоквантов. Релятивистские часы, соединенные со счетчиком звездных скоростей, каждый час издавали тонкий звук, словно удивляясь тому, что за эти шестьдесят минут истекало 420 суток!

... Звездолет заканчивал этап торможения, оставив позади себя почти двадцать два парсека. Пространство вокруг «Паллады» как бы «прогибалось», изнемогая под действием чудовищной эквивалентной массы[4], порождающей мгновенное поле тяготения, в сотни раз более напряженное, чем сила тяжести у поверхности Земли. Жизнь экипажа текла с размеренностью хорошо отрегулированного механизма. Совершенная система электронных автоматов с безупречной точностью вела корабль по курсу, и спутники Руссова спокойно и весело, точно они и не покидали земли, делили свое время между трудом, отдыхом и сном. Ровно в шесть часов «утра» мелодично звучал гонг — жизнерадостные, напевающие мужчины и женщины собирались в Павильоне гигиены. Утонченная гимнастика, сопровождаемая чарующими звуками музыки, освежающие ванны и излучения, простая сытная пища — так начинался трудовой день. Штурманы и механики, инженеры и пилоты наносили визиты подопечным приборам и механизмам. Астроном терпеливо проверял координаты Альфы Эридана, зеленый диск которой все ярче разгорался на экранах. Математик и два его помощника-программиста в сотый, наверное, раз уточняли программу маршрута и команды аварийным роботам

---

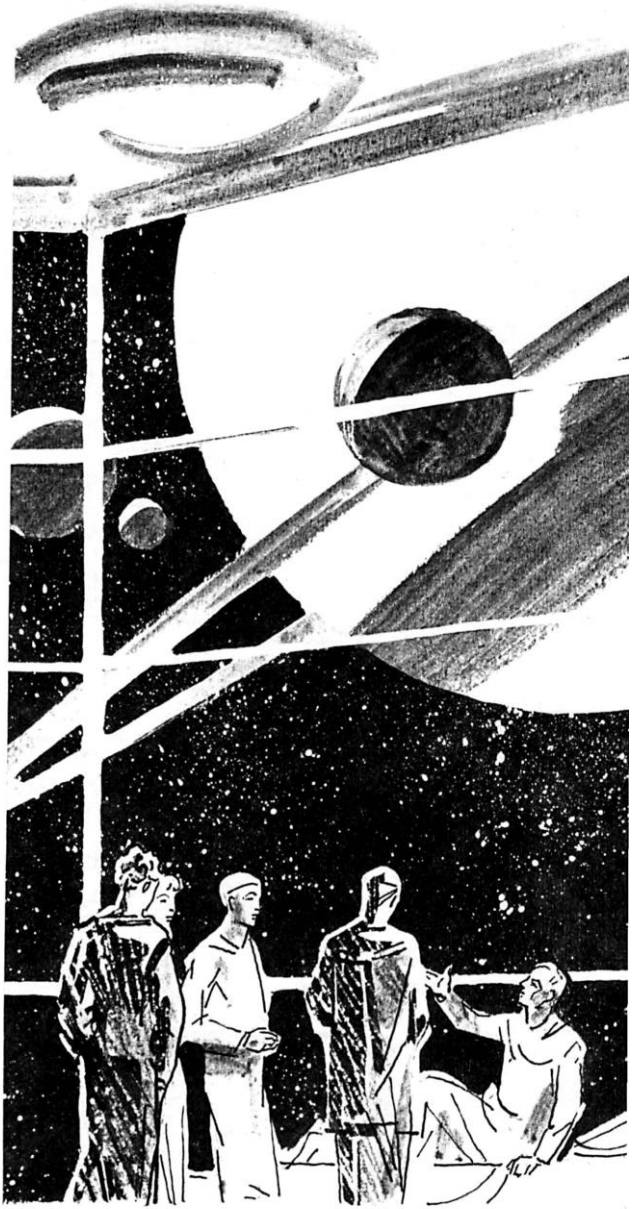
[4] Эквивалентная масса — т. е. масса, как бы возникающая при огромном выделении энергии при торможении звездолета — согласно знаменитому закону взаимосвязи массы и энергии (E=mc2), открытому Эйнштейном.

на случай непредвиденных осложнений. Главный пилот Варен, белокурый бронзовый атлет в легкой тунике, мурлыкая песенку, сосредоточенно изучал кривые вероятностных погрешностей, чтобы внести поправки в дневниковые записи автомата. Ученые малопонятных Руссову новых отраслей знания работали в салоне-информарии, готовясь к исследованию другого мира. Руссов тоже упорно и самозабвенно изучал сложную астронавигационную технику восьмого тысячелетия. Причудливый узор не всегда понятных кривых на шкалах зачастую ставил его в тупик, а гигантский пульт подавлял обилием основных и дублирующих приборов, указателей, экранов и экранчиков, лампочек и индикаторов.

Так как все наперебой старались помочь древнему Скитальцу Космоса, а его горячее желание разобраться в новой для него технике не уступало их терпению и педагогической настойчивости, то к концу полета Руссов научился многому.

* * *

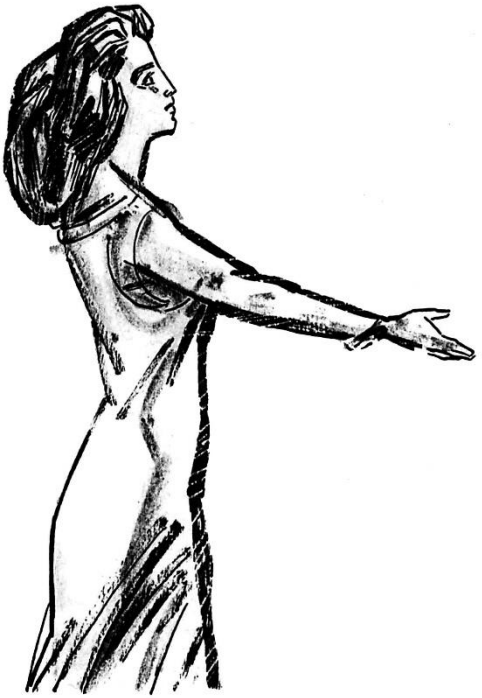
«Вечерами», после обеда и отдыха, астронавты собирались в большом круглом зале, где было всё, что наполняет сердце радостью бытия: мраморный бассейн с голубоватой, чистой, как слеза, водой, пахнущей свежестью морских просторов; небольшой сад, напоминающий кусочек земных субтропиков; спортивная площадка, музыкальные инструменты, настольные игры. Почти ежедневно космонавты устраивали концерты самодеятельности, в которых все показывали свое искусство: декламировали из древних и современных поэтов, читали отрывки любимых произведений, музицировали, разыгрывали веселые сценки и скетчи. Шумным успехом пользовались выступления электронного механика Жонта и телефотографа Светланы Сергеевой. Особенно запомнилось Руссову их первое выступление. Когда Жонт взял первые аккорды, раздалась музыка, звучная и сильная, как гармония небесных сфер. Необычайно сильный, глубокий грудной голос Светланы влился в музыку



аккомпанемента так незаметно, что Руссов не мог определить, в какой момент это произошло. Мелодия то стихала, то усиливалась, как шум крыльев раненой птицы. Импровизация закончилась ярким, сверкающим, как звон мечей, каскадом музыкальных звуков. Вслед за тем девушка и механик, без всякого перерыва, взялись за руки и в стремительном ритме исполнили сложный танец. Дружный всплеск аплодисментов вызвал на их раскрасневшихся лицах радостные улыбки. С неожиданным изумлением Руссов понял, что люди восьмого тысячелетия, несмотря на духовную сложность натур, просты и незатейливы, как ветерок в степях его родины.

На другой день он стал внимательно присматриваться к Светлане, отдаваясь потоку всплывших чувств и впечатлений. Это была жизнерадостная, веселая девушка. Напевая песенки, она быстро и ловко настраивала свой телефотоаппарат, похожий на древнюю пушку; ее сильные пальцы безошибочно касались нужных рычагов и кнопок. Все так и кипело в этих ловких, изящных руках. Она была высока, стройна и белокура. Изредка он встречал веселый взгляд ее живых серых глаз... Несколько дней он порывался подойти к ней, но каждый раз останавливался в нерешительности. Он никак не мог освоиться с тем, что она «старше и умнее» его на целых шесть тысячелетий. Но все же он решился и подошел к Сергеевой. Открытый дружеский взгляд и внимательная улыбка девушки ободрили его.

— Вы первый раз в межзвездной? — с усилием сказал он, чтобы сказать что-нибудь. «Да, в первый раз», улыбнулась Светлана. «Зовите меня на ты, в нашем мире это не является нарушением правил вежливости». «И вас... простите, тебя... не волнует перспектива возвращения на Землю... в другую эпоху, потеря родных и близких?.. Мы же вернемся не раньше, чем пройдет полтора века в истории Земли». Светлана на миг задумалась: «Я еще застану в живых младшую сестру, в момент старта ей было всего шесть лет». «Вы не

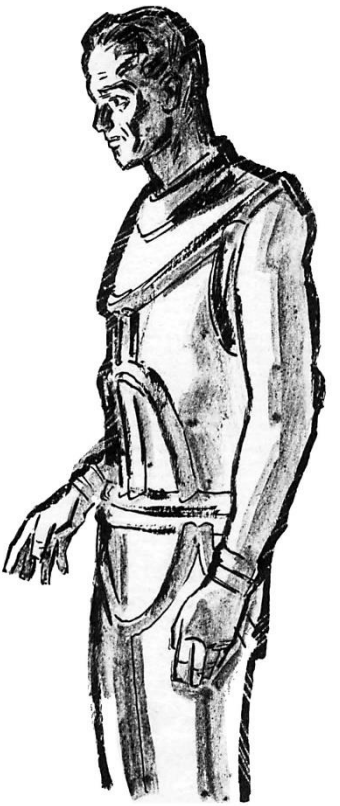


боитесь одиночества в этом будущем?». «Нет, у меня не будет одиночества... я не страшусь будущей эпохи». «Это потому, что за полтора столетия люди почти не изменят свой язык, нравы и строй представлений». «Отчасти поэтому. Ведь это не пять тысячелетий, как в твоем случае...». «Интересно, сколько лет вам?». «Двадцать девять». «Поразительно! А на вид не дашь и восемнадцати». «Гармоничная, разумно построенная жизнь... Общественный Контроль Здоровья... вот и все», засмеялась она. «Почему ты был мрачен в начале пути? Жаль было расставаться с Землей?». «Нет, я грустил о третьем тысячелетии...».

Девушка нового мира смотрела на него внимательно, чуть удивленно, спокойно, дружелюбно, без тени смущения или жеманства. Варен, проходивший мимо, радостно заулыбался, увидев оживленное лицо Руссова, человека прошлого, которого он успел полюбить, как любим мы все то хорошее в прошлом, что доносит в грядущее память человечества.

Руссов, продолжая улыбаться, прислушивался к чеканным певучим словам еще малопонятного ему языка, с трудом улавливая смысл отдельных фраз.

... Если бы Руссов сумел заглянуть в душевный мир Светланы, он узнал бы, что девушка также неотступно думает о нем. Сумрачный Астронавт представлялся ей совершенно непохожим на ее современников, он казался ей более героичным, самостоятельным, не избалованным помощью высочайшей техники восьмого тысячелетия, более стойким, неприхотливым, терпеливым. Ведь он пришел из той героической бурной эпохи, когда в борьбе противоположных тенденций воздвигалось Светлое Царство Коммунизма, закладывалось гранитное основание Всемирного Трудового Братства. Он сам казался ей высеченным из цельного куска гранита, привлекательным даже в своих слабостях...



Плодом этих раздумий Светланы явился поступок, может быть, непривычный с точки зрения женщин прошлых времен. В один из последних «дней» торможения «Паллады» она неожиданно подошла к Руссову и, глядя на него своими ясными серыми глазами, сказала:

— Хочешь быть моим другом, Сумрачный Астронавт?.. там... на Земле, когда мы вернемся в Город Вечности?.. — и запнулась, невольно краснея: Руссов не сводил с нее глаз, в которых отражались неудержимая радость, удивление,

любовь, благодарность за доверие, сомнение в возможности столь быстрого исполнения его страстной мечты.

Вместо ответа он молча прижался губами к пальцам ее дружески протянутой руки...

* * *

...Веселый, зеленый свет струился отовсюду. С главного экрана Руссову улыбался изумрудный диск Альфы Эридана, разбрасывающей в пространство дрожащие, переливающиеся голубоватыми тонами зеленые стрелы. Синеватый ореол короны нового солнца казался ему ожерельем из драгоценных камней, а зеленые искры, вспыхивающие на шкалах приборов, заставляли жмурить глаза. Он стоял у пульта рядом с Вареном, изредка касаясь его ласковой сильной руки, и уверенно вел «Палладу» к средней планете системы — планете, окутанной зелено-голубым одеялом атмосферы. Мощно пели ядерные тормозные двигатели. Корабль, повинуясь обретшей былую точность и силу движений руке Скитальца Космоса, плавно вошел в верхнюю атмосферу неведомой планеты...Когда утихло дрожание корпуса «приземлившейся» «Паллады», Варен одобрительно сказал Руссову:

— Мастерская посадка! Ты неплохо освоил управление новым даже для нас кораблем.

— Смотрите, как красиво! — воскликнула Светлана, указывая на боковой экран, в котором была видна вся в лучах зеленого солнца неведомая страна.

— Приготовиться к высадке на планету! — прокатилась по астролету команда, повторенная автоматами во всех отсеках.

Люди привычно исполнили процедуры, требуемые техникой космической безопасности, облачились в скафандры биологической защиты и, сгибаясь в ураганном потоке рвущегося из выходного тамбура «Паллады» воздуха, ступили на почву планеты. Было раннее утро чужого мира. Длинные росистые тени пестрили широкую, заросшую пышной

травой равнину; с трех сторон стоял гигантский лес, поражая взгляд удивительно яркой желто-оранжевой листвой; деревья, напоминающие первобытные хвощи и папоротники прошлых геологических эпох Земли, дымились в легкой утренней дремоте; первозданная тишина этого мира была так отчетлива, что невольно навевала страх. Непривычное иссиня-фиолетовое небо, по которому катились волны нежнейшего желтого света, казалось, опрокидывалось в изумрудно-фиолетовый океан, расстилавшийся далеко у горизонта.

Звучный голос Варена, раздавшийся в шлемофонах астронавтов вывел их из созерцательного оцепенения.

— Этот мир дождался своих Колумбов, — промолвил он. — Не будем медлить. Готовьтесь в первую разведывательную экспедицию...

Когда улеглось волнение дорожных приготовлений, а Жонт уже включил двигатель гусеничного атомохода, Варен обратился к астронавтам:

— Друзья! А кто же останется охранять корабль?..

Воцарилось напряженное молчание, так как никому, вероятно не улыбалось сидеть в порядком надоевших за пятьдесят суток полета стенах «Паллады», в то время как волшебная страна манила своими неразгаданными тайнами.

Варен некоторое время понимающе смотрел на товарищей.

— Придется бросать жребий?

Все с радостью согласились, ибо каждый надеялся, что это будет не он. Жребий скучать в корабле выпал Светлане. Ее задорно-выжидающее за минуту до того лицо покрылось такой печалью, что Руссов безотчетно поднял руку и прогудел в микрофон:

— Друзья, мне что-то нездоровится. Я остаюсь в корабле. Наградой ему был благодарный взгляд серых глаз. Варен понимающе улыбнулся и пожал плечами.

Заняв места в атомоходе, астронавты нетерпеливо поглядывали на Варена, который говорил Руссову:

— Закройся в астролете и не выходи наружу, пока мы не вернемся. Здесь могут быть всякие неожиданности. Мы, вероятно, скоро возвратимся. Следи за нашей экспедицией в телевизор АРАТ'а — антигравитационного радиоуправляемого автомата-телепередатчика...

...Гудя, точно рассерженный шмель, атомоход медленно двинулся путь. Руссов провожал его глазами до тех пор, пока он не скрылся в высокой траве. Последнее, что он видел, была рука Светланы, прощально машущая ему. В биологическом скафандре рука выглядела забавно-толстой и неуклюжей. Потом он возвратился в астролет, чтобы включить механизм, приводящий в действие телепередатчик. Сторонний наблюдатель увидел бы, как в корпусе «Паллады» у основания гребня приемника равновесия с мягким шорохом откинулась часть обшивки, из потайного люка выпорхнула серебристая, почти игрушечная ракета. Еле слышно жужжа, она описала над «Палладой» два круга и, подчиняясь радиокомандам из корабля, поплыла на юго-восток, догоняя ушедшую экспедицию. Через несколько секунд путешественники, уже углубившиеся в первобытный желто-оранжевый лес, заметили у себя над головой послушно следующую за ними ракету-телепередатчик.

Руссов смотрел на экран телевизора, с глубоким интересом наблюдая за продвижением атомохода. Машина яростно пробивалась сквозь дремучие заросли диковинных растений, отдаленно напоминающих земные рододендроны. Словно древний танк, атомоход с треском валил деревья. Неожиданно лес кончился, и открылся такой широкий морской простор, что исследователи невольно издали слитный крик восторга. Изумрудный солнечный шар неистово плавился над первобытным океаном, рассыпая по гребням невысоких длинных волн легкие, искрящиеся блестки. Далекий горизонт тонул в изумрудно-золотом сиянии. Прибрежная галька, отполированная прибоем, переливалась всеми оттенками жемчужного цвета. Фиолетовые тени, отбрасываемые странными кактусоподобными растениями,

подчеркивали необычность и тонкость утренних красок другого мира. В кудрявых ослепительных просветах прибрежного леса блестела лучистая паутина.

Он увидел далее, как товарищи разбрелись по берегу. Каждый нашел, чем утолить свою страсть. Светлана воинственно нацеливалась портативным телефотоаппаратом то на изумрудно-фиолетовую даль моря, то на сплошную стену прибрежного леса, то на странных рыб, высовывавших из воды свои изумленные головы с выпученными глазами. Неуклюже подпрыгивая, биолог тщетно пытался настичь небольшое ящероподобное создание, быстро убегавшее от него вдоль кромки берега. Два геолога деловито орудовали инструментами у желтоватых скал, венчавших мыс в двухстах метрах от атомохода. Химик брал пробы воды и грунта, а ботаник, казалось, готов был завалить кузов машины охапками растений и цветов. Варен вместе с физиком и астрономом занялся проверкой аппаратуры для определения состава излучения зеленого солнца.

— Посмотрите на это чудо-юдо! — воскликнул вдруг химик, указывая на море.

С громким всплеском расступились волны, и море явило потрясенным землянам нечто громадное, чудовищное, поражающее воображение. Сначала показалась титаническая змееподобная голова, усеянная странными кроваво-красными наростами, затем появилось неимоверно толстое, гибкое, скользкое, извивающееся тело, поминутно меняющее свою окраску от слабо голубой до ослепительно синей. Светлана подбежала к самой воде, спеша запечатлеть на пленку чудовищного Протея местных вод. Но морское чудище, злобно сверкнув на нее своим единственным глазом, равнодушно повернулось боком и замерло, нежась на солнце.

— Какая жалость! — сокрушалась Светлана, вертя в руках аппарат. Мне не удалось сфотографировать его в анфас. Неужели не повернется?..

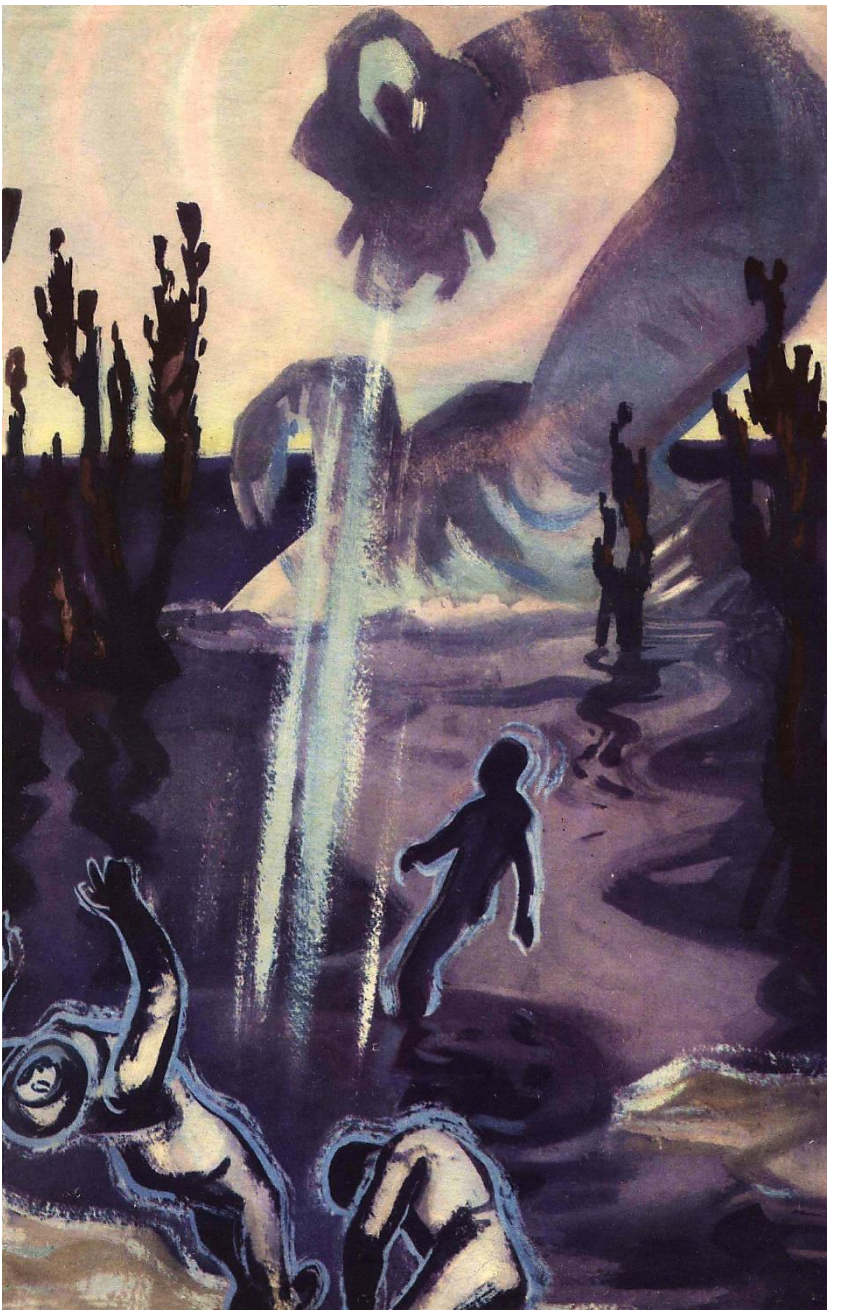
Исследователи, побросав свои занятия, сбегались к берегу, чтобы получше рассмотреть неземного рыбоящера.

— Сейчас мы заставим его обратить на зрителей внимание!.. — проворчал физик и, прежде чем Варен успел сделать ему предостерегающий жест, выстрелил в зверя. Ослепительный тонкий шнур, исторгнутый из раструба атомного излучателя, вонзился в тело чудовища. Все последующие события произошли, как показалось Руссову, в течение едва ли тысячной доли секунды. Рыбоящер страшно взревел, мгновенно сбросил ярко-синюю окраску, став почти прозрачным, судорожно сократился, — и вдруг на берег пала иссиня-голубая молния, вернее, пульсирующее, переливающееся цветами моря длинное облако. По скафандрам астронавтов зазмеились искрящиеся звездочки.

— Ах... — услышал Руссов сдавленный крик Светланы, упавшей на оранжевый песок. Стоявшие поблизости от нее астронавты тоже упали, как подкошенные. Варен, два геолога, математик и программисты, находившиеся дальше всех от берега, пострадали, вероятно, меньше других, так как судорожными рывками поползли к атомоходу. Еще и еще раз вдогонку им, на лежащих, на атомоход падало иссиня-голубое облако. Варен, успевший добраться до машины, так и застыл, перебросив половину туловища через борт...

Руссов вскочил на ноги и, держась рукой за сердце, бессмысленно наблюдал за рыбоящером, который лениво резвился в воде, как ни в чем не бывало. Потом он скрылся в волнах и больше не показывался. Коротко, невнятно вскрикнув, Руссов бросился одевать скафандр. Спустя две минуты, он уже бежал по тропе, впервые от начала времен проложенной атомоходом на этой земле. Это было хуже, чем в дурном сне: казалось, дороге не будет конца.

...Двенадцать километров, отделяющие место катастрофы от «Паллады», он с трудом преодолел к исходу второго часа пути, задыхаясь и падая от усталости. Астронавты лежали в самых разнообразных позах, вытянувшись двумя цепочками по направлению к атомоходу, достичь которого



им так и не удалось. Ближе всех к воде лежала Сергеева. Ее руки судорожно сжимали футляр кинофотоаппарата. Сквозь стекла шлема он увидел ее прекрасное лицо, тронутое гримасой мгновенного страдания, плотно сжатый рот, длинные стрелы ресниц. Острая боль пронизала сердце Руссова, приглушенный вопль сорвался с его губ. Тихий звук над головой заставил его испуганно вздрогнуть и посмотреть вверх: антигравитационный телепередатчик продолжал безучастно кружить над местом трагедии, с бесстрастной точностью автомата посылая на экран «Паллады» цветные изображения. Он вспомнил, что забыл возвратить передатчик на корабль. Этот звук напоминал ему теперь похоронный звон. «Что же это?.., как же это?..», беззвучно шептал Руссов, опускаясь на землю. «Один... совсем один... и до Земли двадцать три парсека». Вслед за тем он встал и рванулся к физику, лежавшему подле Светланы. «Какой вид излучений мог убить их?.. Может быть, это несмертельно?.. Обыкновенный паралич?..» Он впился взглядом в шкалы приборов, укрепленных на груди физика. Цветной шарик индикатора тихо покачивался над синей буквой «е». «Электроны!..», с облегчением подумал Руссов, «Поток электронов! Чудовище выбрасывает электрические разряды». Он снова посмотрел на стрелки приборов. Сумматор показывал цифру «1825 киловатт». Это была мощность убившего товарищей разряда! Только высокотемпературное зеленое светило могло породить на этой планете формы жизни, способные аккумулировать и излучать электрическую энергию столь мощными порциями. Потом он прикинул защитную мощность скафандров, и искра надежды забрезжила в его помутившемся сознании. «Возможно, просто тяжелый электрический шок?» Перед его глазами встало сферическое здание Института космических травм, расположенное на северо-восточной окраине Города Вечности. «Там излечивали и не такие травмы...» Да, но ведь он совершенно один!.. И до Города Вечности семьдесят световых лет. «Анабиоз! Гипотермия! Вот что спасет тела товарищей от необратимых изменений

на долгом пути к солнечной системе». Его лицо стало сосредоточенным, даже жестким. Он знал теперь, что должен делать. Прежде всего, защитить товарищей от действия могучего зеленого солнца, от его неистовых пламенных лучей. Наручный термометр показывал 70 градусов жары! Поминутно оступаясь на шуршащей гальке, он торопливо перебегал от одного скафандра к другому, выводя регуляторы охлаждения на каждом костюме влево до упора. Это должно было обеспечить нулевую температуру во внутреннем объеме скафандров. Затем он стал переносить товарищей к атомоходу.

* * *

Альфа Эридана прошла зенит и стала медленно клониться к западу, когда он, еле передвигая ноги от усталости, наконец, сел за руль и нажал кнопку самопуска двигателя; но вместо знакомого пения атомного реактора ощутил пугающую, звонкую тишину. Он нажал снова — и снова тишина! Его внимание привлек светящийся диск счетчика излучений. «Ионизация нарастает!» — кричал его красный зрачок. — «Уходи!». Многочисленные короткие замыкания, о которых свидетельствовали оплавленные, сгоревшие концы проводов, контакты и сердечники реле, вероятно, вывели из строя самопуск, нарушили точнейшее взаимодействие всех частей автоматической схемы, вывели из строя защитные экраны и каскады реактора, и теперь его излучение просачивалось наружу, с каждой минутой усиливаясь. Он еще раз взглянул на счетчик: «Пять тысяч рентген в час... Это предел, выше которого скафандры уже не защищают!» Нельзя было оставаться в атомоходе ни минуты больше. Он бросился выносить тела товарищей из опасной зоны.

Мерно рокотал фиолетовый прибой, ему вторил глухой шум деревьев на опушке леса, а Руссов, задыхаясь и тяжело переставляя непослушные свинцовые ноги, всё отмеривал

мучительно-длинные метры: восемьдесят шагов с тяжелой ношей до опушки леса, восемьдесят шагов обратно. И так ровно одиннадцать раз. Когда он бережно опустил на землю последнего астронавта, ему сделалось плохо. Он на минуту потерял сознание и какое-то время отдыхал в странном полусне. Потом его сознание прояснилось, он с трудом поднял голову. Ярко-желтое светило скрывалось за красноватым горбом лесистого мыса, выступающего в море справа от него. Свинцовая усталость, тяжесть в голове и грозное настоящее вернули его в состояние угрюмой напряженности. «Что же делать?.,, атомоход неисправен... там радиация. До «Паллады» двенадцать километров... Почему в корабле нет запасного атомохода! Постой, постой!.. а гравиплан! Ура! Гравиплан!..». Он закричал от радости. Ведь в «Палладе» есть гравиплан, большая вместительная машина. Ему надо лишь собрать последние силы, добраться до корабля... Вдруг он замер, широко раскрыв глаза, пронзенный мыслью: «Да, но гравиплан-то разобран!..» Он вспомнил еще, как механик и электронный инженер перед посадкой обсуждали схему сборки машины, которая существовала лишь в виде более или менее крупных узлов и деталей, укрытых в грузовом отсеке. Руссов бессильно опустился на землю. После минутного раздумья он понял, что ему не собрать гравиплана — по крайней мере, до тех пор, пока он не будет знать его устройство и взаимодействие частей так же хорошо, как знали гравиплан Жонт и электрогравик Федоров. «Как же быть?» Идти налегке в звездолет, бросив здесь товарищей, и приниматься за изучение схемы гравиплана, на что уйдет, наверное, несколько месяцев? Да, но товарищи не могут здесь находиться больше двух-трех дней. Они должны быть как можно быстрее погружены в спасительный холод гипотермии... Как же доставить их в корабль?.. Он в отчаянии повел головой и с трудом встал на ноги. На фиолетовом небосводе зловеще догорала оранжево-желтая заря.

Сжав зубы, Руссов все-таки пошел опять к атомоходу, мучительно размышляя о том, как найти выход из этого отчаянного положения. Носить по одному человеку к звездолету? Одиннадцать раз туда, одиннадцать раз обратно... двенадцать километров и еще двенадцать километров... почти триста тысяч шагов, причем половину пути с тяжелым грузом? Он понял, что это ему не под силу...

Так же, как и в земных тропиках, ночь здесь наступила внезапно. Он ощупью нашел защелки и в раздумье откинул пластмассовые борта атомохода. «Тупица! Вот платформа для перевозки! Борт!». Догадка окрылила Руссова. Он бросился в кабину управления, быстро нашел необходимые инструменты и, включив нашлемный прожектор, снял боковые борта атомохода. Яростно орудуя инструментами, он пробил на передней кромке каждого из бортов по два отверстия, продел в них гибкий канат, благодаря судьбу за то, что последний оказался в ящике запасных деталей, и, впрягшись в лямки, почти бегом потащил обе «платформы» к чернеющим вдали телам товарищей. «Теперь скорей к астролету, в спасительный холод анабиозных ванн...».

Руссов бережно разместил тела товарищей на обеих бортах и со вздохом подумал о том, что, пожалуй, оба «поезда» сразу ему не свезти. На каждом листе — шесть человек, на каждом — полтонны драгоценного груза. Он напрягся и потянул одну из платформ. Скрипнув, она тяжело сдвинулась с места. «Это нелегко... но нужно довезти... надо везти». Он решительно впрягся в первый «поезд». Стало совсем темно. Нашлемный фонарь бросал вперед дрожащий, неверный луч света. Первобытный лес встретил его мраком, зловещим, настороженным молчанием, изредка нарушаемым сонным хлопаньем крыльев уснувшей птицы да какими-то неясными шорохами. Он подумал о хищных зверях и внутренне содрогнулся, но вскоре успокоился, вспомнив, что у него есть мощный атомный излучатель, найденный в атомоходе. Он остановился, взял излучатель и передвинул рычажок генерации излучений на красное деление.

...Руссов останавливался через каждую сотню метров. Его сердце отчаянно колотилось, не хватало дыхания, каждый новый шаг вперед был мучительной пыткой. Нечеловеческие усилия, которые он прилагал, чтобы тянуть вперед неимоверно тяжелый «поезд» с астронавтами, вскоре окончательно истощили его. Мускулы ног и рук отказывались повиноваться. Он впервые пожалел, что в последние месяцы перед отлетом нерегулярно посещал Дворец Здоровья и Силы, поддавшись меланхолии. Лямка невыносимо резала плечи, плотно вдавившись в упругую ткань скафандра. Но он шел, тяжело переставляя ноги, делая в час не более километра, так что его могла бы легко обогнать черепаха. Лесу, казалось, не будет конца. Он потерял представление о времени и месте, но всё шел и шел, спотыкаясь, падая, вставая, чтобы сделать два-три судорожных рывка вперед, и снова падая. Наконец, он упал, попробовал подняться и не смог. Тяжелый сон сковал его усталое тело.

... Вдали у горизонта уже был виден корпус «Паллады». Когда он достиг звездолета, он снова упал и приходил в себя, по крайней мере, целый час. Процедуру переноски товарищей внутрь звездолета вспоминал впоследствии с ужасом.

Так как его страшно мучила жажда, он поспешил снять шлем и жадно выпил целый термос «звездного нектара». Потом бросился освобождать товарищей из скафандров. Перенося в анабиозную ванну Сергееву, он с болью в душе чувствовал, как холодны её руки и, прежде чем закрыть прозрачную крышку гипотермического резервуара, поцеловал девушку в ледяной лоб.

... Потом он отправился за вторым «поездом». «Надо успеть до ночи вернуться в астролет», думал он, подгоняя себя; но войдя через два часа в лес, понял, что ему не успеть: день здесь был гораздо короче, чем на той же широте Земли. Однако его чувства настолько притупились, что он не испытал никакого страха перед перспективой вторичного ночного путешествия через лес. Он посмотрел вверх, на глухо

шумящие кроны деревьев. В просветах листьев не было видно звезд, как в прошлую ночь. Вероятно, небо заволокло тучами. Было темно, как в угольном мешке. Внезапно хлынул такой ливень, какого он не видел даже в тропиках Элоры пять тысячелетий назад. С неба падала сплошная водяная стена, переливаясь ручьями и водопадами в кронах «хвощей» и «папоротников». Это был настоящий вселенский потоп. Почва мгновенно размокла, его ноги скользили и вязли в красноватой грязи. К счастью, ливень кончился так же внезапно, как и начался. Идти стало несравненно трудней. Последние сотни метров, отделявшие его от прибрежной опушки леса, он падал почти на каждом шагу: упругая ткань скафандра несколько смягчала убийственные удары о камни и коряги.

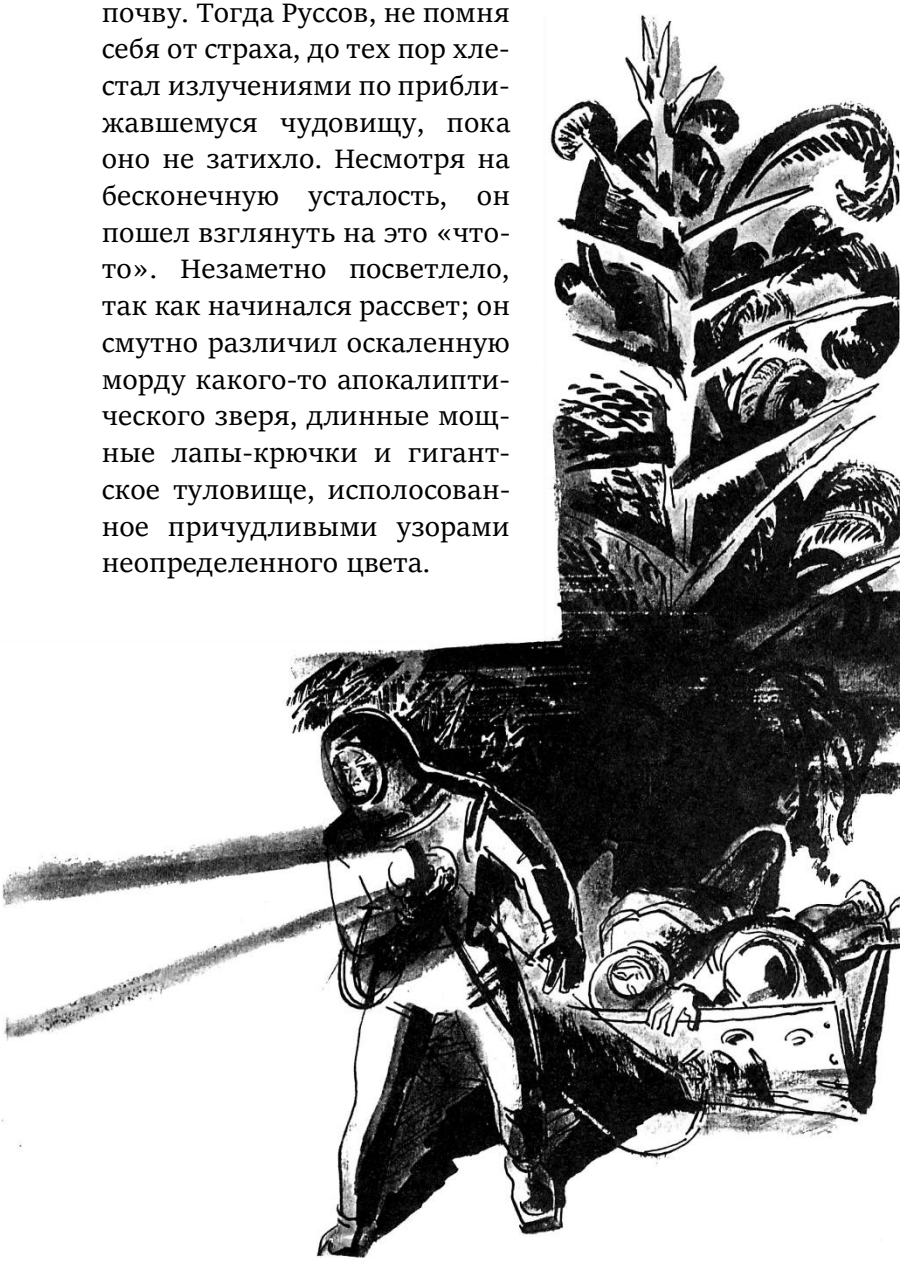
К побережью он вышел в три часа ночи по своим часам. Так ли это было на самом деле он не знал, понятия не имея о времени на этой планете. Во всяком случае была глухая полночь. Его встретил невероятный гул разгулявшегося первобытного океана. Побережье стонало под чудовищными ударами ветра и прибоя.

* * *

Цепляясь руками за всё, что попадется на пути, Руссов с величайшим трудом тянул «поезд» по пологому склону, по которому журчали сотни ручейков, бегущих из леса к морю. Их породил этот короткий ливень, обрушивший на лес целый океан воды. «Поезд» скользил по раскисшей почве намного легче, чем вчера по сухой, но зато Руссов не мог прочно поставить ногу для упора и неизменно скользил и падал. В результате этого за два часа он прошел едва ли больше километра. Луч нашлемного прожектора, в такт движению зигзагами метался по стволам деревьев, выхватывая из мрака то пышный куст, усыпанный точно бриллиантами, крупными каплями воды, то морщинистый гладкий ствол гиганта растительного мира, то нагромождение

бурелома. Ему казалось, что он идет уже тысячу лет, а джунгли все еще не кончались. Вдруг впереди себя он услышал могучее дыхание и, включив фонарь, в страхе остановился. Всеми клетками своего тела он ощущал, что там, в непроницаемой темноте притаилось что-то огромное и страшное, наверное, какой-нибудь первобытный хищник. Дыхание зверя было так могуче, что Руссов отчетливо слышал тихий шелест листьев, трепетавших в струе воздуха, извергавшегося из невидимых ноздрей или пасти. Что было делать? Он боялся пустить в ход атомный излучатель, так как не был уверен, что сразу поразит хищника. Не собирался уходить и зверь. Надо было на что-то решаться и, нащупав в темноте излучатель, Руссов послал в чашу пронзительно-белый луч излучателя. Впереди что-то подпрыгнуло. Затрещали кусты, раздался такой злобный рев, что Руссов облился холодным потом. Вслед за тем он почувствовал, как над ним пролетело в воздухе что-то невероятно огромное, гибкое и тяжело обрушилось в десяти шагах позади него.

Страшно хрипя, это «что-то» поползло к нему, сотрясая почву. Тогда Руссов, не помня себя от страха, до тех пор хлестал излучениями по приближавшемуся чудовищу, пока оно не затихло. Несмотря на бесконечную усталость, он пошел взглянуть на это «что-то». Незаметно посветлело, так как начинался рассвет; он смутно различил оскаленную морду какого-то апокалиптического зверя, длинные мощные лапы-крючки и гигантское туловище, исполосованное причудливыми узорами неопределенного цвета.



Потом он опять двигался на четвереньках, всхлипывая от напряжения, поминутно засыпая и просыпаясь. Позднее утро застало его на равнине. Сильный ровный ветер, дувший из-под восходившей Альфы, быстро сушил мокрую почву. В воздухе дрожали дымные испарения. К астролету он подошел уже к вечеру не на «втором», а наверное, на «четвертом дыхании» и упал в последний раз. Засыпая тут же, у входного люка, он слабо улыбнулся, радуясь, что кончился этот невероятный поход.

Двое суток он отсыпался в салоне, не вставая даже для того, чтобы поесть. Теперь ему были не страшны все стихии этой планеты. Несокрушимые стены «Паллады» защищали его. Товарищи покоились в анабиозе. Они могли теперь лежать там тысячи лет, огражденные от каких бы то ни было изменений в состоянии своих организмов. На третьи сутки Руссов проснулся, чувствуя себя вполне отдохнувшим, если не считать тупой, ноющей боли во всем теле. Два сеанса в кабине освежающих излучений, высокотонизированная пища и «звездный нектар» окончательно вернули ему силы и бодрость. Пора было думать об отлете к Земле.

Он вошел в Централь Управления и с некоторым смущением обвел глазами сложное нагромождение приборов, кнопок, циферблатов, ряды роботов. «Не бойся», казалось, говорили они, «ты ведь с нами знаком». Он вздохнул, потому что не мог вот так сразу включить двигатели и устремиться к родной Земле. «Программа... сумею ли я составить её без помощи математика, астронома, программистов?..». Где-то в невообразимой дали пространства, за квадриллионы километров отсюда плывет в Космосе родное Солнце, увлекая за собой планеты и Землю, пробегая каждую секунду 270 километров; с неменьшей скоростью мчится в пространстве и Альфа Эридана со своими планетами; трудно, очень трудно попасть кораблю «в цель»: на протяжении двух десятков парсеков пути его подстерегают гравитационные возмущения, искривляющие курс, межзвездные магнитные поля, искажающие показания приборов, сотни неучтенных

случайностей... А ведь траекторию полета нужно проложить строго по прямой, ибо только по прямой может двигаться субсветовой звездолет.

В сейфе Варена он быстро разыскал черновую схему программы, заготовленную еще на Земле, и, не колеблясь, прошел в информарий-библиотеку. Он должен теперь напрячь все свои способности, мобилизовать всю волю, чтобы в ходе анализа и расчетов заполнить вот эти пустующие клетки перфолент двоичными числами, этими до смешного простыми сочетаниями отверстий на ленте, за которыми, однако, скрываются целые Гималаи знаний, труда и расчетов.

Вскоре Руссов напоминал студента древних веков, который начал готовиться к экзамену в то время, когда до его сдачи остается немногим меньше суток. Он работал яростно, вдохновенно, самозабвенно, потеряв счет часам и дням, делая лишь короткие перерывы для сна и приема пищи; зато электронные счетные машины — его верные помощники — работали без устали. Волны Времени беззвучно проносились над ним, а он, ничего не видя и не слыша, плыл в его потоке. Дни нанизывались на дни, складываясь в недели и месяцы. Его мозг изнемогал в дебрях тензорного и вариационного исчислений, как изнемогало недавно тело в чаще первобытного леса...

Чуть слышно шурша, перфолента уползла в окошечко входного устройства Электронного Мозга. Теперь уже от воли Руссова не зависела работа сложнейших электронных систем «Паллады». На его долю оставались функции наблюдения, контроля и аварийного вмешательства. Он еще раз мысленно проанализировал исходные предпосылки своих расчетов. Как будто всё правильно. Но где-то в глубине подсознания таилось какое-то неясное чувство сомнения и неуверенности. Все ли он учел при составлении программы? А вдруг в каком-то пункте расчетов он допустил незаметную для себя ошибку, просчет, неточность?.. Усилием воли он отбросил эту мысль, объясняя её переутомлением, и решил хорошенько отдохнуть и выспаться перед ответственным

этапом взлета с планеты и вывода «Паллады» на прямолинейный участок маршрута.

И вот настал час отлета. С бьющимся сердцем Руссов включил астро-телевизор, прощальным взглядом окинул желто-оранжевые леса, пышные равнины, заросшие высокой, в рост человека, травой, изумрудно-фиолетовое небо. «Вперед!», сказал он, подбадривая себя, так как его угнетали тишина и безмолвие, царившие в корабле, в котором он был единственным членом экипажа, и решительно нажал кнопку Предстартовых Операций. Тонко запели роботы, управляющие шасси. Он не видел, как сложная система умных механизмов плавно втянула в корпус звездолета гигантские посадочные клешни, но услышал глухой рев двигателей вертикальной подвески корабля, медленно поднимающих астролет носом в зенит. В тот момент, когда «Паллада» встала во весь свой тысячеметровый рост, автоматически включилось ожерелье ядерно-водородных стартовых двигателей. Корпус звездолета отозвался на это крупной вибрацией. Точно штанги титанического домкрата, огненные столбы раскаленных газов сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее поднимали ракету над сожженной почвой. Толстые стебли трав, шипя и лопаясь, свертывались в жгуты, протягивая к небу опаленные скрюченные отростки, как будто грозя уходящему в Космос пришельцу.

Руссов включил вихревую защиту жилых помещений корабля. Он мысленно представил себе, как в сверхпроводящем кольцевом пространстве, охватывающем салон, анабиозные ванны и Централь Управления, заструились сверхмощные вихревые токи, создавая поле антигравитации, нейтрализующее любые перегрузки. На бесчисленных шкалах прыгали огоньки, мерно отстукивал секунды автомат-метроном. Через шесть минут корабль вышел на стационарную орбиту и, подчиняясь командам роботов, проделал ряд эволюций.

...В то «утро» он проснулся совершенно разбитый, с какой-то необъяснимой тяжестью на сердце. Все у него

валилось из рук. «Наверное, от бессоницы», подумал он. Пытался заняться чтением — и не смог: попробовал есть — пища показалась ему пресной и безвкусной. Некоторое время он машинально слушал, как Счетчик Расстояний каждые две минуты звонко отсчитывает микропарсеки, остающиеся за кормой «Паллады»; бесцельно потрогал рукоятки аварийного управления, посмотрел на главный экран, где переливались фиолетовые точки звезд. «Паллада» беззвучно неслась в пространство со скоростью в шесть девяток после нуля». «Пройдена почти половина пути», подумал Руссов, решительно не зная, чем заняться. «Хорошо бы лечь в анабиоз и сразу провалиться в блаженное небытие...». Это была чрезвычайно заманчивая мысль, но он старался ее отогнать, потому что не доверял приборам и роботам — почему, и сам не мог объяснить, — вероятно оттого, что это была точная и сложная техника восьмого тысячелетия. Он долго колебался, борясь с соблазном, и, наконец, страшась одиночества, решился. Однако не успел он еще закрыть за собой дверь анабиозной каюты, как остановился, точно вкопанный. В убаюкивающую песнь гравиметра вдруг вошла какая-то новая, чуждая слуху мелодия. «Неисправность!», молнией пронеслось у него в голове, но гравиметр опять запел густо и ровно, и он успокоился. В следующее мгновение «голос» прибора резко изменил свою тональность, звук стал нарастать и повышаться. Он бросился к пульту и положил руки на рукоятки аварийных рычагов, не сводя глаз с указателя. Стрелка гравиметра медленно, но неумолимо ползла к красной черте, отмечавшей предельно допустимый при данной скорости звездолета потенциал тяготения. Вместе с движением стрелки все тревожнее кричал звуковой анализатор: «Опасность!». Руссов вздрогнул от резкого воя сирены, который прозвучал в тот момент, когда стрелка достигла красной черты. Его ослепила красная вспышка индикатора на груди сторожевого робота — сигнал отключения главного двигателя. Руссов на миг растерялся. «Впереди — тяготеющая масса!..», ужаснулся. он. Вслед за тем

загрохотали тормозные двигатели. В следующую секунду их прерывистый грохот перешел в сплошной громоподобный гул. Подвижная шкала акцелерографа стремительно побежала влево, показывая чудовищное замедление: «сто же... восемьсот... десять тысяч». Замедление было так велико, что на мгновение перегрузка превысила потенциал антитяготения. Его швырнуло в кресло пилота, вдавливая в губчатую обивку. Раздался пронзительный звон — это автоматически включилась система, усиливающая поле антитяготения, — и перегрузка исчезла. Гравиметр уже не пел, а пронзительно выл жутким, хватающим за душу «голосом», несмотря на то что скорость корабля стремительно уменьшалась. «Тяготеющая масса или край слабого поля гравитации», лихорадочно гадал он, жмурясь от тревожного мигания аварийных огней. «Тормозить или наращивать скорость?.. Судя по карте Вычислительного Центра, на этом пути не должно быть тяготеющих масс... неужели навигационная ошибка?..». Он был достаточно опытен чтобы сразу понять, что впереди — невероятно сильное поле тяготения, и почти инстинктивно выключил тормозные двигатели. В наступившей тишине его руки лихорадочно шарили в сейфе Варена, перебирая записи, ленты и таблицы, в то время как глаза впивались в черный провал экрана астротелевизора. Если бы это была звезда, то он давно бы увидел ее?.. Может быть, «инфра»[5]?.. Об этом сказал бы инфракрасный локатор... Пылевое облако?.. Его присутствие здесь на изученном участке Вселенной, совершенно невероятно. Что же может быть?.. Он терялся в догадках.

Потенциал тяготения на шкале гравиметра уже превышал все известные ему величины: силу притяжения Солнца, Альфы Эридана, рядовых инфракрасных звезд, пылевых сгущений. Руссов продолжал перебирать записи Варена, хотя внимательно изучил их при составлении программы; подсознательное чувство заставляло его что-то искать. Внезапно

---

[5] «Инфра» — т. е. инфракрасная звезда.

— это было словно наитие — он вспомнил слова, которые Варен еще в пути к Альфе Эридана сказал в ответ на замечание или вопрос второго штурмана Марио: «Да, да, на одиннадцатом парсеке обратного маршрута... если сделать поворот на 32 градуса по направлению к южному галактическому полюсу... через три парсека встретится потухший белый карлик Цвикки...» Капли холодного пота выступили у него на лбу. «Что это еще за белый карлик Цвикки?..». Он никогда не слышал о такой звезде. На курсовой диаграмме её не было. Тогда он включил памятную электронную машину и стал просматривать астрономические каталоги, но и здесь не нашел упоминания о загадочной звезде. Страх и неизвестность заставили его снова включить тормозные двигатели. Под их громовый гул он опять начал утомительные поиски, чувствуя, что, если не найдет разгадки странного поведения «Паллады», — гибель неизбежна, потому что он не знал, что предпринять. Удар гонга пронизал его, точно электрический ток. Он нервно обернулся к пульту: это еще раз автоматичен включился робот, повышающий напряжение антитяготения. Не экране памятной машины плыли уже последние записи научных сообщений и заметок, сделанных Вареном перед самым стартом «Паллады», как об этом говорили значки на полях. Вот он наткнулся на информации Высшего Совета по освоению Космоса. Сухие строчки записи сразу разрубили весь узел загадок и неясностей. «Звезда Цвикки», писал Варен, «это закончивший свой жизненный путь сверхкарлик, невидимый в пространстве... сила тяготения немногим меньше, чем у звезд, останавливающих лучеиспускание. Сообщение о потухшем сверхкарлике получено из Совета за два часа до отлета... однако нас эта звезда не интересует, так как лежит в стороне в четырех парсеках по направлению к южному полюсу Галактики... Ее координаты».

Сверившись по звездной карте курсографа и отметив кружочком местоположение страшного потухшего светила. Руссов бессильно упал в кресло. Глаза его расширились от

ужаса, страха, отчаяния... Он понял, что неточно проложил маршрут, нацелив корабль не на Солнце, а чуть в сторону. Он мучительно вспоминал, где, на каком этапе программирования мог допустить ошибку, но вскоре отказался от этой затеи, сознавая, что для обнаружения ошибки необходимо заново проверять все расчеты и вычисления, отнявшие у него больше года. Теперь собственное положение открылось ему во всей своей пугающей простоте: не к Солнцу мчится «Паллада», а прямо в инертный океан гравитации, выплыть из которого никому еще не удавалось прежде!..

Однако его отчаяние длилось не больше минуты, ибо надо было действовать. И он знал теперь, что делать. Бороться до последнего эрга энергии, до последнего грамма топлива в корабле! И странное дело: когда это ему стало ясно, он почувствовал облегчение. Не было ни страха, ни растерянности. Только холодное мужество борца, идущего на гибель. Твердой рукой он взялся за аварийные рычаги. Скорость «Паллады», между тем, упала настолько, что можно было сделать поворот на несколько румбов, не рискуя разрушить корабль. Он посмотрел на шкалы указателей расхода энергии и включил радиоквантовые генераторы на восемь десятых полного режима генерации. Одновременно с этим тангенциальные двигатели, работая на пределе, повернули корабль на тридцать градусов к востоку. Содрогаясь и вибрируя, «Паллада» начала титаническую борьбу с косной силой тяготения...

Двести сорок два часа, ни на секунду не утихая, двигатели извергали в пространство биллионы киловатт энергии, но скорость корабля продолжала бесконечно медленно падать. Это могло означать лишь одно: сверхкарлик Цвикки прочно держал жертву в своих объятиях; словно миллиарды чудовищных по силе рук медленно, но верно увлекали корабль в пучины безмолвия и мрака — туда, где материя, побежденная энтропией, обрекла себя на бездействие в течение длинного ряда галактических веков. Гравиметр давно умолк, потому что его шкала иссякла в тщетной попытке

зарегистрировать силу тяготения, в десятки раз превосходившую все, что предусматривали конструкторы. Руссов не отходил от пульта; он оглох от воя приборов, ослеп от непрерывного мигания лампочек и индикаторов; он яростно метался у пульта, то и дело отключая роботы и автоматы, по сигналам неведомых приборов, приводящие в действие те или иные системы корабля. Сейчас требовалось только одно: ни на секунду не ослаблять энергетический вихрь, удерживающий «Палладу» на краю гравитационной бездны.

Лишенный отдыха, Руссов почернел и осунулся, ему некогда было как следует поесть; он торопливо проглатывал то, что удавалось найти в ящичке пилота; он боялся заснуть более чем на два-три часа. К исходу двенадцатых суток он настолько ослабел, что почти равнодушно воспринял сообщение расходомера топлива о том, что в корабле осталось всего сорок процентов первоначального запаса энергии. «Когда стрелка покажет ноль процентов, я, наконец, отдохну...», вяло подумал Руссов. Его охватило тупое безразличие отчаяния, он страшно устал и почти с радостью прислушивался к коварному голосу энтропии, звавшего его в мрачные океаны вечного небытия. Он закрыл глаза и бессильно сидел в кресле пилота, опустив руки. В таком положении он оставался долгие минуты, пока корабль изнемогал в борьбе с притяжением сверхкарлика. Но вот где-то в глубине памяти возникли видения: «спящие» в анабиозе товарищи, ждущие от него помощи; яркие картины родной Земли, деятельной и счастливой жизни людей, тружеников и его братьев, продолжающих бесконечно совершенствовать царство свободы, скачок в которое начали совершать еще в дни его далекой юности, в дни, когда «Циолковский» уходил к Альфе Центавра. Он почти наяву увидел Светлану Сергееву, услышал её бархатный голос... Любовался незабываемой панорамой города Вечности... Он снова склонялся над могилой Чандрагупты, утопающей в цветах, заботливо оберегаемых детьми нового мира, — там, в Городе Вечности...

на Площади Погибших Астронавтов... Руссов с усилием поднял отяжелевшую голову. «Надо бороться до конца... до последнего эрга», прошептал он, включая главный двигатель на полную мощность и стараясь не смотреть на шкалы расходомеров топлива.

Счетчик Времени равнодушно отбил еще двадцать восемь часов собственного времени ракеты. Оставалось тридцать пять процентов энергии... двадцать шесть... «Паллада», содрогаясь, раскачивалась в черном молчащем пространстве. На экранах обзора бесстрастно полыхали какие-то причудливые сияния. Он понял, что это означает: пространство, смятое чудовищным тяготением сверхкарлика, почти замыкалось само в себе, неузнаваемо искажая ход лучей света от далеких светил, с холодным равнодушием взиравших на песчинку, барахтавшуюся в могучих объятиях Космоса. Одиннадцать процентов от исходного запаса топлива!.. Внезапно он заметил, что стрелка указателя скорости корабля стоит на одном месте! Это могло означать только одно: реактивная тяга «Паллады», в течение четырнадцати суток израсходовавшей три четверти своих гигантских энергетических запасов, уравновесила, наконец, невообразимое тяготение звезды Цвикки, которая так и не показала свой страшный лик на экранах обзора. Корабль мучительно вибрировал в гибельном равновесии. Его двигатели не могли ни на грамм увеличить силу своей тяги — они давно уже работали на опасном пределе, а сверхкарлик уже не мог ничего прибавить к силе порожденного им колосса гравитации. Руссов в отчаянии посмотрел на белый диск регулятора мощности радиоквантовой генерации, который был выведен до отказа. Сознание неотвратимости скорой гибели астролета заставило его исторгнуть крик ярости и бессилия. Он уже ни на что не надеялся, даже на чудо. И вдруг пришла робкая мысль: «Стартовые двигатели!.. Два миллиона тонн дополнительной тяги!». Руссов рванул диски включения стартовых двигателей, ясно сознавая, что, расходуя стартовое — а следовательно, и посадочное топливо, лишается

возможности посадить впоследствии корабль на Землю или другую планету солнечной системы...

Короткий гром стартовых двигателей прозвучал, как песня побеждающего разума. Стрелка указателя скорости сразу ожила, затрепетала и лениво поползла вправо. Три часа гремела эта песня и умолкла... ибо кончилось ядерно-водородное топливо. Но по лицу Руссова текли слезы радости; он знал, что победа осталась за ним, — сверхкарлик разжал, наконец, свои объятия. Пронзительный вой проснувшегося гравиметра показался ему небесной музыкой. По мере того, как «Паллада» все дальше уходила от сверхкарлика, этот вой постепенно сменялся басистым урчанием; потом звук стал повышаться, — и вот уже снова полилась убаюкивающая песня-сказка свободного пространства!..

Руссов выключил главные двигатели, переводя корабль на инерциальный полет. У него еще хватило сил подняться и дойти до дверей анабиозной каюты. Он хотел сказать «спящим» товарищам, что они спасены во второй раз, но упал на пороге, погрузившись в непробудный сон смертельно уставшего человека... Однако проснувшись много часов спустя, он все-таки вошел. Подобные гигантским вытянутым грушам, голубые корпуса ванн встретили его мягким сиянием прозрачных стен, торжественной тишиной сладкого забытья. Он долго всматривался в лица друзей и беззвучно плакал; в этих слезах было всё: и радость спасения и ожившая надежда еще увидеть товарищей живыми.

Точные координаты звезды Цвикки, которые он узнал столь дорогой ценой, помогли ему теперь с абсолютной точностью нацелить «Палладу» на солнечную систему. Это было теперь так просто: перо автомата вычертило на курсовой карте уже две стороны треугольника, в вершинах которого лежали Солнце, Альфа Эридана и звезда Цвикки. Ему осталось лишь соединить прямой линией точку на карте, обозначавшую местоположение сверхкарлика, с условным знаком Земли, — он замкнул, таким образом, геодезическую мировую линию движения «Паллады» в пространстве.

Уточнение и исправление программы заняло не более пяти дней.

...Израсходовав ровно половину оставшегося одиннадцатипроцентного запаса внутринуклонной энергии, Руссов разогнал «Палладу» до скорости равной — увы! — лишь восьми тысячам километров в секунду: больше тратить топливо было нельзя, ибо нечем будет погасить достигнутую скорость при подходе к солнечной системе. Огромное нервное и физическое напряжение последних недель не прошло для него даром: он был близок к полной прострации и желал только одного — покоя. Покоя и отдыха, небытия и забвения! Поэтому Руссов почти равнодушно воспринял эти две цифры — «девять» и «восемь тысяч». Девять парсеков, которые нужно было пройти до Солнца, и 8 тысяч километров в секунду — скорость, с которой вынуждена теперь ползти «Паллада», не имея топлива для дальнейшего разгона... Не страшило его и то, что в результате столь малой скорости между кораблем и Солнцем пролегло теперь ШЕСТЬСОТ ЛЕТ пути! «Анабиоз... отдых... забвение», шептал он как в бреду, настраивая реле времени одной из пустующих анабиозных ванн. Но все же прежде чем погрузиться в анабиоз, он гигантским усилием воли заставил себя тщательно проверить показания всех приборов управления, прослушать стройную симфонию, которую они разыгрывали в честь победы над Космосом, и заложить в управляющее устройство сверхмощного радиопередатчика короткую программу, которая спустя шестьсот лет оживет в его сигналах: радиопередатчик будет монотонно слать в эфир позывные «Паллады» и слова, исполненные великой простоты: «Я — «Паллада»... Шестьсот лет иду по инерции... Могу затормозиться только до планетарной скорости... Для посадки нет топлива... на борту — мертвый экипаж».

...Лежа в ванне и включив подачу анабиозных стимуляторов, Руссов блаженно улыбался, погружаясь в долгожданное забвение...

* * *

«Паллада» достигла Солнечной системы через 594 года после того, как Руссов лег в анабиоз. Он не слышал и не мог слышать, как роботы, повинуясь программе, в последний раз включили квантовые генераторы, как мощно запели магнитные поля, направляя поток радиоквантов, как затем умолкли двигатели, израсходовав последний киловатт энергии, но погасив скорость корабля до пятидесяти километров в секунду. «Паллада» вторглась в окрестности Плутона, посылая в пространство крик отчаяния: «Я — «Паллада» ... Спасите нас люди Земли!..». Руссов ошибся при настройке реле времени, которое должно было «разбудить» его при подлете к солнечной системе, ровно на пять лет. Поэтому он не мог также видеть картину собственного спасения. Радиоголос «Паллады» был услышан и расшифрован станцией межзвездных кораблей на Титане... Два гигантских спасательных звездолета настигли мертвую «Палладу» в тот момент, когда она, пройдя по инерции всю солнечную систему, готовилась опять — теперь уже навсегда — кануть в Космос, и, уравняв свои скорости с её скоростью, заключили в могучие объятия соединительных ферм, а затем, точно ребенка в колыбели, бережно понесли на Титан.

...Когда Руссов очнулся, он долго не мог понять, где находится. Он лежал в комнате с прозрачными стенами, сквозь которые четко рисовался огромный диск Сатурна, висевший, в густой синеве неба Титана, точно волшебное произведение искусства. Участливые лица склонившихся над ним людей вызвали на его лице слабую улыбку и слезы радости. Внезапно он приподнялся и с надеждой в голосе спросил:

— Они... уже живы?..

Врач в белоснежной одежде утвердительно наклонил голову;

— Они будут жить... Ты скоро увидишь своих товарищей. Не волнуйся, отдыхай... ты очень слаб.

Тогда Руссов облегченно вздохнул. На его бледном, изнуренном лице снова заиграла улыбка. И вдруг она опять погасла, закрытая облачком тревоги:

— А Город Вечности?.. он... еще существует?

Тогда в свою очередь улыбнулся врач:

— Город Вечности? — повторил он вопрос релятивиста. — О!.. Город Великих Сынов человечества будет жить вечно!..

Аркадий Стругацкий Борис Стругацкий

БЕЛЫЙ КОНУС АЛАИДА

1

Фишер сказал Сидорову:

– Ты поедешь на остров Шумшу.

– Где это? – хмуро спросил Сидоров.

– Северные Курилы. Летишь сегодня в двадцать два тридцать. Грузопассажирским Новосибирск – Порт Провидения.

Механозародыши предполагалось опробовать в разнообразных условиях. Институт вел работу главным образом для межпланетников, поэтому тридцать исследовательских групп из сорока семи направлялись на Луну и на другие планеты. Остальные семнадцать должны были работать на Земле.

– Хорошо, – медленно проговорил Сидоров.

Он надеялся, что ему все же дадут межпланетную группу, хотя бы лунную. Ему казалось, что у него много шансов, потому что он давно не чувствовал себя так хорошо, как последнее время. Он был в отличной форме и надеялся до последней минуты. Но Фишер почему-то решил иначе, и нельзя даже поговорить с ним по-человечески, потому что в кабинете торчат какие-то незнакомые с постными физиономиями. «Вот так приходит старость», – подумал.

– Хорошо, – повторил он спокойно.

– Северокурильск уже знает, – сказал Фишер. – Конкретно о месте испытаний договориться в Байкове.

– Где это?

– На острове Шумшу. Административный центр Шумшу. – Фишер сцепил пальцы и стал глядеть в окно. – Сермус тоже остается на Земле, – сказал он. – Он поедет в Сахару.

Сидоров промолчал.

– Так вот, – сказал Фишер. – Я уже подобрал тебе помощников. У тебя будут двое помощников. Хорошие ребята.

– Новички.

– Они справятся, – быстро сказал Фишер. – Они хорошо подготовлены. Хорошие ребята, говорю тебе. Один, между прочим, тоже был Десантником.

– Хорошо, – безразлично сказал Сидоров. – У тебя все?

– Все. Можешь отправляться, желаю удачи. Твой груз и твои люди в сто шестнадцатой.

Сидоров пошел к двери. Фишер помедлил и сказал вдогонку:

– И возвращайся скорее, камрад. У меня есть для тебя интересная тема.

Сидоров притворил за собой дверь и немного постоял. Потом он вспомнил, что лаборатория 116 находится пятью этажами ниже, и пошел к лифту.

Яйцо – полированный шар в половину человеческого роста – стояло в правом углу лаборатории, а в углу слева сидели два человека. Когда Сидоров вошел, они встали. Сидоров остановился, разглядывая их. Им было лет по двадцать пять, не больше. Один был высокий, светловолосый, с некрасивым красным лицом. Другой пониже, смуглый красавец испанского типа, в замшевой курточке и тяжелых горных ботинках. Сидоров сунул руки в карманы, привстал на цыпочки и снова опустился на пятки. «Новички», – подумал он и ощутил вдруг приступ такого сильного раздражения, что сам удивился.

– Здравствуйте, – сказал он. – Моя фамилия Сидоров.

Смуглый показал белые зубы.

– Мы знаем, Михаил Альбертович. – Он перестал улыбаться и представился: – Кузьма Владимирович Сорочинский.

– Гальцев Виктор Сергеевич, – сказал светловолосый.

«Интересно, кто из них был Десантником, – подумал Сидоров. – Наверное, этот испанец, Кузьма Сорочинский». Он спросил:

– Кто из вас был Десантником?

– Я, – ответил светловолосый Гальцев.

– Дисциплина? – спросил Сидоров.

– Да, – сказал Гальцев. – Дисциплина.

Он посмотрел Сидорову в глаза. У Гальцева были светло-голубые глаза в пушистых женских ресницах. Они как-то не шли к его грубому красному лицу.

– Что же, – сказал Сидоров. – Десантнику надлежит быть дисциплинированным. Любому человеку надлежит быть дисциплинированным. Впрочем, это не мое мнение. Что вы умеете, Гальцев?

– Я биолог, – сказал Гальцев. – Специальность – нематоды.

– Так, – сказал Сидоров и повернулся к Сорочинскому. – А вы?

– Инженер-гастроном, – громко отрапортовал Сорочинский, снова показывая белые зубы.

«Прелестно, – подумал Сидоров. – Специалист по червям и кондитер. Недисциплинированный Десантник и замшевая курточка. Хорошие ребята. Особенно этот горе-Десантник. Спасибо вам, товарищ Фишер, вы всегда обо мне заботитесь». Сидоров представил себе, как Фишер, придирчиво и тщательно отобрав из двух тысяч добровольцев состав межпланетных групп, посмотрел на часы, посмотрел на списки и сказал: «Группа Сидорова. Курилы. Атос – человек деловой, опытный человек. Ему вполне достаточно троих. Даже двоих. Это же не на Меркурий, не на Горящее Плато. Дадим ему хотя бы вот этого Сорочинского и вот этого Гальцева. Тем более что Гальцев тоже был Десантником».

– Вы подготовлены к работе? – спросил Сидоров.

– Да, – сказал Гальцев.

– Еще как, Михаил Альбертович, – сказал Сорочинский. – От зубов отскакивает!

Сидоров подошел к Яйцу и потрогал его прохладную полированную поверхность. Потом он спросил:

– Вы знаете, что это такое? Вы, Гальцев.

Гальцев поднял глаза к потолку, подумал и сказал монотонным голосом:

– Эмбриомеханическое[6] устройство МЗ-8. Механозародыш, модель восьмая. Автономная саморазвивающаяся механическая система, объединяющая в себе программное управление МХФ – механохромосому Фишера, систему воспринимающих и исполнительных органов, дигестальную систему и энергетическую систему. МЗ-8 является эмбриомеханическим устройством, которое способно в любых условиях на любом сырье развертываться в любую конструкцию, заданную программой. МЗ-8 предназначен...

– Вы, – сказал Сидоров Сорочинскому.

Сорочинский отбарабанил:

– Данный экземпляр МЗ-8 предназначен для испытания в земных условиях. Программа стандартная, стандарт Шестьдесят четыре: развитие зародыша в герметический жилой купол на шесть человек, с тамбуром и кислородным фильтром.

Сидоров посмотрел в окно и спросил:

– Вес?

– Примерно полтора центнера.

Разнорабочие экспериментальной группы могли всего этого и не знать.

– Хорошо, – сказал Сидоров. – Теперь я сообщу вам то, чего вы не знаете. Во-первых, Яйцо стоит девятнадцать тысяч человеко-часов квалифицированного труда. Во-вторых, оно действительно весит полтора центнера, и там, где понадобится, вы будете таскать его на себе.

Гальцев кивнул. Сорочинский сказал:

– Будем, Михаил Альбертович.

– Вот и прекрасно, – сказал Сидоров. – Вот сразу и начинайте. Катите его к лифту и спустите в вестибюль. Затем отправляйтесь на склад и получите регистрирующую

---

[6] Эмбриомеханика есть наука о моделировании процессов биологического развития и теория конструирования саморазвивающихся механизмов. (Примечание авторов).

аппаратуру. Затем можете идти по своим делам. Явитесь со всем грузом на аэродром к десяти вечера. Попытайтесь не опоздать.

Он повернулся и вышел. Позади раздался тяжелый гул: группа Сидорова приступила к выполнению первого задания.

2

На рассвете грузопассажирский стратоплан сбросил птерокар с группой над Вторым Курильским проливом. Гальцев с большим изяществом вывел птерокар из пике, осмотрелся, поглядел на карту, поглядел на компас и сразу отыскал Байково – несколько ярусов двухэтажных зданий из белого и красного литопласта, охвативших полукругом небольшую, но глубокую бухту. Птерокар, выворачивая жесткие крылья, приземлился на набережной. Ранний прохожий (юноша в тельняшке и брезентовых штанах) объяснил им, где находится управление. В управлении дежурный администратор острова, он же старший агроном, пожилой сутулый айн, встретил их приветливо и пригласил к завтраку.

Выслушав Сидорова, он предложил на выбор несколько невысоких сопок у северного берега. Он говорил по-русски довольно чисто, только иногда останавливался посередине слова, как будто не был уверен в ударении.

– Северный берег – это довольно далеко, – сказал он. – И туда нет хорошей дороги. Но у вас есть птеро... кар. И потом, я не могу предложить вам что-нибудь ближе. Я плохо понимаю в физических опытах. Но большая часть острова занята под бахчи, баштаны, парники. Везде сейчас работают школьни... ки. Я не могу рис... ковать.

– Никакого риска нет, – сказал Сорочинский легкомысленно. – Совершенно никакого риска.

Сидоров вспомнил, как однажды он целый час просидел на пожарной лестнице, спасаясь от пластмассового упыря,

которому для самосовершенствования понадобилась протоплазма. Правда, тогда еще не было Яйца.

– Спасибо, – сказал он. – Нас вполне устраивает северный берег.

– Да, – сказал айн. – Там нет ни бахчей, ни парников. Там только береза. И еще где-то там работают археологи.

– Археологи? – удивился Сорочинский.

– Спасибо, – сказал Сидоров. – Я думаю, мы отправимся сейчас же.

– Сейчас будет завтрак, – вежливо напомнил айн.

Они молча позавтракали. Прощаясь, айн сказал:

– Если вам что-нибудь понадобится, обращайтесь... как это... без стес... нения.

– Нет, мы не будем... как это... стес... няться, – заверил Сорочинский.

Сидоров глянул на него, а в птерокаре сказал:

– Если вы, юноша, позволите себе еще такую выходку, я вас выставлю с острова.

– Прошу прощения, – сказал Сорочинский, сильно покраснев. Румянец сделал его смуглое лицо еще более красивым.

На северном побережье действительно не было ни бахчей, ни парников и была только береза. Курильская береза растет «лежа», стелется по земле, и ее мокрые узловатые стволы и ветви образуют плотные, непроходимые переплетения. С воздуха заросли курильской березы представляются безобидными зелеными лужайками, вполне пригодными для посадки не очень тяжелых машин. Ни Гальцев, который вел птерокар, ни Сидоров, ни Сорочинский понятия не имели о курильской березе. Сидоров показал на круглую сопку и сказал: «Здесь». Сорочинский робко взглянул на него и сказал: «Хорошее место». Гальцев выпустил шасси и повел птерокар на посадку прямо в центр обширного зеленого поля у подножия круглой сопки.

Крылья машины замерли, и через минуту птерокар с треском зарылся носом в хилую зелень курильской березы.

Сидоров услышал этот треск, увидел миллион разноцветных звезд и на время потерял сознание.

Потом он открыл глаза и прежде всего увидел руку. Она была большая, загорелая, и свежепоцарапанные пальцы ее словно нехотя перебирали клавиши на пульте управления.

Рука исчезла, и появилось темно-красное лицо с голубыми глазами в женских ресницах.

Сидоров, кряхтя, попробовал сесть. Очень болел правый бок, и саднило лоб. Он потрогал лоб и поднес пальцы к глазам. Пальцы были в крови. Он поглядел на Гальцева. Тот вытирал разбитый рот носовым платком.

– Мастерская посадка, – сказал Сидоров. – Вы меня радуете, специалист по нематодам.

Гальцев молчал. Он прижимал к губам скомканный носовой платок, и лицо его было неподвижно. Высокий дрожащий голос Сорочинского произнес:

– Он не виноват, Михаил Альбертович.

Сидоров медленно повернул голову и посмотрел на Сорочинского.

– Честное слово, не виноват, – повторил Сорочинский и отодвинулся. – Вы посмотрите, куда мы сели.

Сидоров приоткрыл дверцу кабины, высунул голову наружу и несколько секунд разглядывал вырванные с корнем, изломанные стволы, запутавшиеся в шасси. Он протянул руку, сорвал несколько жестких глянцевитых листочков, помял их в пальцах и попробовал на язык. Листочки были терпкие и горькие. Сидоров сплюнул и спросил, не глядя на Гальцева:

– Машина цела?

– Цела, – ответил Гальцев сквозь платок.

– Что, зуб выбили?

– Да, – сказал Гальцев. – Выбил.

– До свадьбы заживет, – пообещал Сидоров. – Можете считать, что виноват я. Попробуйте поднять машину на сопку.

Вырваться из зарослей было не очень просто, но в конце концов Гальцев посадил птерокар на вершине круглой сопки. Сидоров, поглаживая правый бок, вылез и огляделся. Отсюда остров казался безлюдным и плоским, как стол. Сопка была голая и рыжая от вулканического шлака. С востока на нее наползали заросли курильской березы, к югу тянулись зеленые прямоугольники бахчей. До западного берега было километров семь, за ним в сиреневой дымке проступали бледно-лиловые горные вершины, а еще дальше и правее в синем небе неподвижно висело странное треугольное облако с четкими очертаниями. Северный берег был гораздо ближе. Он круто уходил в море, над обрывом торчала нелепая серая башня – вероятно, старинное оборонительное сооружение. Возле башни белела палатка и копошились фигурки людей. По-видимому, это были археологи, о которых говорил дежурный администратор. Сидоров потянул носом. Пахло соленой водой и нагретым камнем. И было очень тихо, не слышно даже прибоя.

«Хорошее место, – подумал он. – Яйцо надо оставить здесь, кинокамеры и прочее – на склонах, а лагерь оборудовать внизу, на бахчах. Арбузы, наверное, здесь еще зеленые». Затем он подумал об археологах: «До них отсюда километров пять, но все равно их надо предупредить, чтобы они не очень удивлялись, когда механозародыш начнет развиваться».

Сидоров подозвал Гальцева и Сорочинского и сказал:

– Опыт проведем здесь. По-моему, место подходящее. Сырье – лава, туф, как раз то, что нужно. Приступайте.

Гальцев и Сорочинский подошли к птерокару и открыли багажник. Из багажника брызнули солнечные зайчики. Сорочинский залез внутрь, покряхтел и вдруг одним толчком выкатил Яйцо на землю. Хрустя по шлаку, Яйцо прокатилось несколько шагов и остановилось. Гальцев едва успел отскочить в сторону.

– Зря, – сказал он тихо. – Надорвешься.

Сорочинский спрыгнул и сказал грубым голосом:

– Ничего, мы привычные.

Сидоров походил вокруг Яйца, попробовал толкнуть. Яйцо даже не покачнулось.

– Прекрасно, – сказал он. – Теперь кинокамеры.

Они долго возились, устанавливая кинокамеры: одну с инфракрасным объективом, другую со стереообъективом, третью с объективом, регистрирующим температуру, четвертую – панорамную...

Было уже около двенадцати, когда Сидоров осторожно промокнул рукавом потный лоб и вытащил из кармана пластмассовый футляр с активатором. Гальцев и Сорочинский придвинулись сзади, заглядывая через его плечо. Сидоров неторопливо вытряхнул активатор на ладонь – это была блестящая трубочка с присоской на одном конце и красной рубчатой кнопкой на другом. «Приступим», – сказал он вслух. Он подошел к Яйцу и прижал присоску к полированному металлу. Помедлив секунду, большим пальцем надавил на красную кнопку.

Он отступил на шаг, не сводя глаз с Яйца. Теперь разве только прямым попаданием из ракетного ружья можно было бы остановить процессы, которые пошли под

блестящей оболочкой. Настройка механозародыша на полевые условия началась. Неизвестно, сколько времени она будет продолжаться. Но когда настройка закончится, зародыш начнет развиваться.

Сидоров взглянул на часы. Было двенадцать пять. Он с усилием отделил активатор от поверхности Яйца, спрятал в футляр и положил в карман. Потом он оглянулся на Гальцева и Сорочинского. Они стояли за его спиной и молча смотрели на Яйцо. Сидоров в последний раз коснулся блестящей поверхности и сказал: «Пошли».

3

Он приказал устроить наблюдательный пункт между сопкой и бахчами. Яйцо было хорошо видно отсюда – серебряный шарик на рыжем холме под синим небом. Сидоров послал Сорочинского к археологам, а сам уселся в траву в тени птерокара. Гальцев уже дремал, забравшись от солнца под крыло. Сидоров сосал леденец и поглядывал то на вершину сопки, то на странное треугольное облако на западе. В конце концов он взял бинокль. Как он и ожидал, треугольное облако оказалось снежным пиком какой-то горы, должно быть вулкана. В бинокль были видны узкие тени проталин, можно было даже различить снеговые пятна ниже неровной белой кромки. Сидоров отложил бинокль и стал думать о том, что зародыш выберется из Яйца, скорее всего, ночью, и это хорошо, потому что дневной свет обычно мешает работе кинокамер. Затем он подумал, что Сермус, вероятно, вдребезги разругался с Фишером, но в Сахару все-таки доехал. Затем ему пришло в голову, что Мисима сейчас грузится на ракетодроме в Киргизии, и он снова ощутил ноющую боль в правом боку. «Старость, немощь», – пробормотал он и покосился на Гальцева. Гальцев лежал ничком, положив руки под голову.

Через полтора часа вернулся Сорочинский. Он был голый до пояса, его смуглая гладкая кожа лоснилась от пота.

Щеголеватую замшевую куртку и сорочку он нес под мышкой. Он опустился перед Сидоровым на корточки и, блестя зубами, рассказал, что археологи благодарят за предупреждение и очень заинтересованы, что их четверо, но им помогают школьники из Байкова и Северокурильска, что они копают подземные японские укрепления середины позапрошлого века и, наконец, что начальником у них «оч-чень симпатичная девочка».

Сидоров поблагодарил за интересный доклад и попросил распорядиться насчет обеда. Он сидел в тени птерокара и, покусывая былинку, щурился на далекий белый конус. Сорочинский разбудил Гальцева, и они возились в стороне, негромко переговариваясь.

– Я приготовлю суп, – сказал Сорочинский, – а ты займись вторым, Витя.

– У нас где-то курятина есть, – сиплым со сна голосом сказал Гальцев.

– Вот курятина, – сказал Сорочинский. – Археологи – забавные ребята. Один весь в бороде – живого места нет. Они копают японские укрепления сороковых годов позапрошлого века. Здесь была подземная крепость. Этот бородатый подарил мне пистолетный патрон. Вот!

Гальцев пробормотал недовольно:

– Не суй ты мне эту ржавчину.

Запахло супом.

– Начальник у них, – продолжал Сорочинский, – такая славная девушка. Блондинка и очень стройная, только ноги толстые. Она посадила меня в дот и заставила смотреть в амбразуру. Отсюда, говорит, простреливался весь северный берег.

– Ну и как? – спросил Гальцев. – Действительно простреливался?

– Кто его знает. Наверное. Я в основном на нее смотрел. Потом мы с ней замеряли толщину перекрытий.

– Так два часа и замеряли?

– Угу. А потом я сообразил, что у нее такая же фамилия, как у бородатого, и сразу же удалился. А в казематах этих, я тебе скажу, прегадостно. Темно, и на стенках плесень. А хлеб где?

– Вот он, – сказал Гальцев. – А может быть, она просто сестра этому бородатому?

– Может быть. А как Яйцо?

– Никак.

– Ну и ладно, – сказал Сорочинский. – Михаил Альбертович, обед готов!

За едой Сорочинский много говорил. Сначала он объяснил, что японское слово «тотика» происходит от русского термина «огневая точка», а русское слово «дот» восходит к английскому «дот», что тоже значит «точка». Затем он принялся очень длинно рассказывать о дотах, казематах, амбразурах и о плотности огня на квадратный метр, поэтому Сидоров постарался есть побыстрее и отказался от фруктов, оставил Гальцева наблюдать за Яйцом, забрался в птерокар и задремал. Вокруг было удивительно тихо, только Сорочинский, мывший у ручья посуду, время от времени принимался петь. Гальцев сидел с полевым биноклем и, не отрываясь, глядел на вершину сопки.

Когда Сидоров проснулся, солнце садилось, с юга наползали темно-фиолетовые сумерки, стало прохладно. Горы на западе стали черными, серой тенью висел над горизонтом конус давешнего вулкана. Яйцо на вершине сопки сияло багровым пламенем. Над бахчами ползла сизая дымка. Гальцев сидел в той же позе и слушал Сорочинского.

– В Астрахани, – говорил Сорочинский, – я ел «шахскую розу». Это арбуз редкой красоты. Он имеет вкус ананаса…

Гальцев покашливал.

Сидоров посидел несколько минут, не двигаясь. Он вспомнил, как когда-то они с Генкой-капитаном ели арбузы на Вените. С Земли перебросили целый корабль арбузов для планетологической станции. Они ели арбузы, въедаясь в

хрустящую мякоть, сок стекал у них по щекам, и потом они стреляли друг в друга скользкими черными семечками.

– ...пальчики оближешь, говорю тебе как гастроном!

– Тише, – сказал Гальцев. – Разбудишь Атоса.

Сидоров сел поудобнее, положил подбородок на спинку переднего сиденья и прикрыл глаза. В кабине было тепло и немного душно – кабина остывала медленно.

– А тебе не приходилось летать с Атосом? – спросил Сорочинский.

– Нет, – сказал Гальцев.

– Мне его жаль. И одновременно завидую. Он прожил такую жизнь, какую мне никогда не прожить. Да и многим другим тоже. Но все-таки он уже прожил.

– Почему, собственно, прожил? – спросил Гальцев. – Он только перестал летать.

– Птица, которая перестала летать... – Сорочинский замолчал. – Вообще время Десантников теперь прошло, – сказал он неожиданно.

– Ерунда, – спокойно ответил Гальцев.

Сидоров услышал, как Сорочинский завозился.

– Нет, не ерунда, – сказал он. – Вот оно. Яйцо! Их будут делать сотнями и сбрасывать на неизвестные и опасные миры. И каждое Яйцо построит там лабораторию, ракетодром, звездолет. Оно будет разрабатывать шахты и рудники. Будет ловить и изучать твои нематоды. А Десантники будут только собирать информацию и снимать разнообразные пенки.

– Ерунда, – повторил Гальцев. – Лаборатория, шахта... А герметический купол на шесть человек?

– Что – герметический купол?

– Под ним будут шесть человек.

– Все равно, – упрямо заявил Сорочинский. – Все равно Десантникам конец. Купол с людьми – это только начало. Будут посылать вперед автоматические корабли, которые сбросят Яйца, и тогда на все готовое будут приходить люди...

Он стал говорить о перспективах эмбриомеханики, пересказывая известный доклад Фишера. «Об этом много говорят, – подумал Сидоров. – И все это верно». Но когда были испытаны первые планетолеты-автоматы, тоже много говорили о том, что межпланетникам останется только снимать пенки. А когда Акимов и Сермус запустили первую систему киберразведчиков, Сидоров даже хотел уйти из космоса. Это было тридцать лет назад, и с тех пор ему приходилось не раз прыгать в ад за исковерканными обломками киберов и делать то, что не смогли сделать они... «Новичок, – подумал он про Сорочинского. – И болтлив неумеренно».

Когда Гальцев в четвертый раз сказал «ерунда», Сидоров полез из машины. При виде его Сорочинский замолчал и вскочил. В руках у него была половинка недозрелого арбуза, из нее торчал нож. Гальцев продолжал сидеть, скрестив ноги.

– Хотите арбуз, Михаил Альбертович? – спросил Сорочинский.

Сидоров помотал головой и, засунув руки в карманы, стал смотреть на вершину сопки. Красные отблески на полированной поверхности Яйца тускнели на глазах. Быстро темнело. Из тумана вдруг поднялась яркая звезда и медленно поползла по густо-синему небу.

– Спутник Восемь, – сказал Гальцев.

– Нет, – уверенно поправил Сорочинский. – Это Спутник Семнадцать. Или нет – это Спутник Зеркало.

Сидоров, который знал, что это Спутник Восемь, вздохнул и пошел к сопке. Сорочинский ужасно надоел ему, и надо было осмотреть кинокамеры.

Возвращаясь, он увидел огонь. Неугомонный Сорочинский развел костер и теперь стоял в живописной позе, размахивая руками.

– ...цель – это только средство, – услыхал Сидоров. – Счастье не в самом счастье, но в беге к счастью...

– Я это уже где-то читал, – сказал Гальцев.

«Я тоже, – подумал Сидоров. – И много раз. Не приказать ли Сорочинскому лечь спать?» – Он поглядел на часы. Светящиеся стрелки показывали полночь. Было совсем темно.

4

Яйцо лопнуло в два часа пятьдесят три минуты. Ночь была безлунная. Сидоров дремал, сидя у костра, повернувшись к огню правым боком. Рядом клевал носом краснолицый Гальцев, по другую сторону костра Сорочинский читал газету, шелестя страницами. И вот Яйцо лопнуло.

Раздался резкий пронзительный звук, похожий на звон экструзионной машины, когда она выплевывает готовую деталь. Затем вершина сопки коротко озарилась оранжевым светом. Сидоров посмотрел на часы и встал. Вершина сопки довольно четко выделялась на фоне звездного неба. И когда глаза, ослепленные костром, привыкли к темноте, он увидел множество слабых красноватых огоньков, медленно перемещающихся вокруг того места, где находилось Яйцо.

– Началось! – зловещим шепотом произнес Сорочинский. – Началось! Витя, проснись, началось!..

– Может быть, ты помолчишь, наконец? – быстро сказал Гальцев. Он тоже говорил шепотом.

Из всех троих только Сидоров знал, что происходило на вершине. Первые десять часов после пробуждения механозародыш настраивался на обстановку. Когда настройка закончилась, зародыш начал развиваться. Все в Яйце, что не понадобилось для развития, пошло на переделку и укрепление рабочих органов – эффекторов. Потом дело дошло до оболочки. Оболочка была прорвана, и зародыш принялся осваивать подножный корм.

Огоньков становилось все больше, они двигались все быстрее. Послышались жужжание и визгливый скрежет – эффекторы вгрызались в почву и перемалывали в пыль куски туфа. Пых, пых! – бесшумно отделились от вершины и поплыли в звездное небо клубы светящегося дыма.

Неверный, дрожащий отсвет на секунду озарил странные, тяжело ворочающиеся формы, затем все снова скрылось.

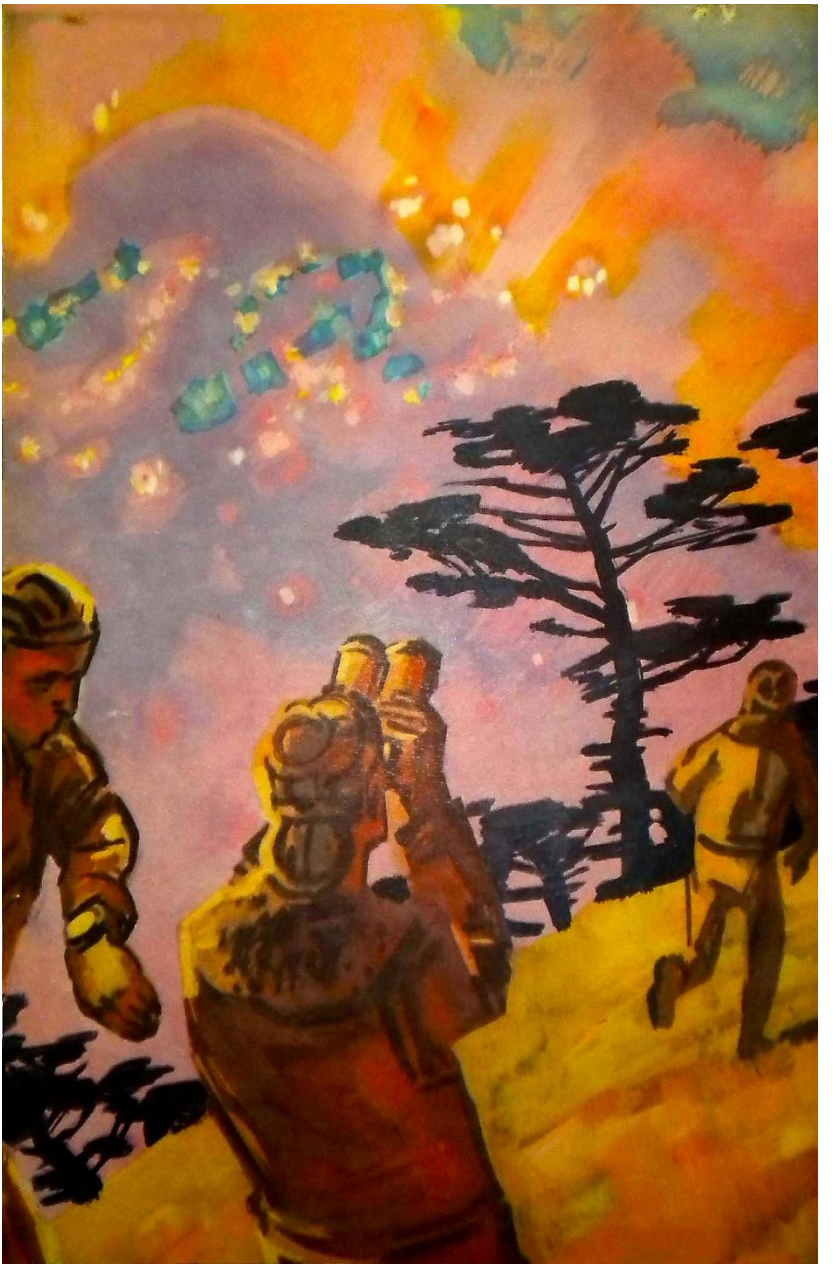
– Подойдем поближе? – спросил Сорочинский.

Сидоров не ответил. Он вдруг вспомнил, как испытывался первый механозародыш, модель Яйца. Это было несколько лет назад. Тогда он был еще совершенным новичком в эмбриомеханике. В обширном павильоне возле института разместился зародыш – восемнадцать ящиков, похожих на несгораемые шкафы, вдоль стен и огромная куча цемента посередине. В куче цемента прятались эффекторная и дигестальная системы. Фишер махнул рукой, и кто-то включил рубильник. Они просидели в павильоне до позднего вечера, забыв обо всем на свете. Куча цемента таяла, и к вечеру из пара и дыма возникли очертания стандартного литопластового домика на три комнаты, с паровым отоплением и автономным электрохозяйством. Он был совершенно такой же, как фабричный, только в ванной остались керамический куб – «желудок» – и сложные сочленения эффекторов. Фишер осмотрел домик, тронул ногой эффекторы и сказал:

– Пожалуй, хватит кустарничать. Надо делать Яйцо.

Вот тогда было впервые произнесено это слово. Потом было много работы, много удач и очень много неудач. Зародыш учился надстраивать себя, приспосабливать себя к резким изменениям обстановки, самовосстанавливаться. Он учился развиваться в дома, экскаваторы, ракеты, он учился не разбиваться при падении в пропасти, не выходить из строя в волнах расплавленного металла, не бояться абсолютного нуля... «Нет, – подумал Сидоров, – это хорошо, что я остался на Земле».

На вершине холма клубы светящегося дыма взлетали все чаще и чаще, треск, скрип и жужжание слились в непрерывный дребезжащий шум. Блуждающие красные огоньки образовывали цепочки, цепочки сливались в причудливые подвижные линии. Розовое зарево занималось над ними, и



уже можно было различить что-то огромное и горбатое, качающееся, словно лодка на волнах.

Сидоров снова взглянул на часы. Было без пяти четыре. Видимо, лава и туф оказались благоприятным материалом: купол рос гораздо быстрее, чем на цементе. Интересно, что будет дальше. Механизм надстраивает купол с верхушки к краям, при этом эффекторы забираются все глубже в сопку. Чтобы купол не оказался под землей, зародышу придется позаботиться либо о свайных подпорках, либо о передвижении купола в сторону от ямы, которую вырыли эффекторы. Сидоров представил себе добела раскаленные края купола, к которым лопаточки эффекторов лепят все новые и новые частицы вязкого от жара литопласта.

На минуту вершина сопки погрузилась в темноту, грохот смолк, слышалось только неясное

жужжание. Зародыш перестраивал работу энергетической системы.

– Сорочинский, – сказал Сидоров.

– Я!

– Бегите к термокамере и оттащите ее подальше. На сопку не подниматься.

– Бегу, Михаил Альбертович.

Было слышно, как он шепотом попросил у Гальцева фонарик, затем желтый кружок света запрыгал по гравию и исчез.

Грохот возобновился. Снова над вершиной сопки загорелось розовое зарево. Сидорову показалось, что черный купол немного переместился, но он не был уверен в этом. Он с досадой подумал, что Сорочинского надо было послать к термокамере сразу, как только зародыш вылупился из Яйца...

Потом что-то оглушительно треснуло. На вершине полыхнуло красным. Медленная багровая молния проползла по черному небосклону и погасла. Розовое зарево стало желтым и ярким и сейчас же заволоклось густым дымом. Бухающий удар толкнулся в уши, и Сидоров с ужасом увидел, как в дыму и пламени, окутавших вершину, поднялась огромная тень. Что-то массивное и грузное, отсвечивающее глянцевитым блеском, закачалось на тонких трясущихся ногах. Бухнул еще удар, еще одна раскаленная молния зигзагом прошла по склону. Дрогнула земля, и тень, повисшая в дымном зареве, рухнула.

Тогда Сидоров побежал на сопку. В сопке что-то гремело и трещало, волны горячего воздуха валили с ног, и в красном пляшущем свете Сидоров увидел, как падают, увлекая за собой куски лавы, кинокамеры – единственные свидетели того, что произошло на вершине.

Он споткнулся об одну камеру. Она валялась, растопырив изогнутые ноги штатива. Тогда он пошел медленнее, и горячий гравий сыпался ему навстречу. Наверху стало тихо,

но там что-то еще тлело в дыму. Потом раздался еще один удар, и Сидоров увидел несильную желтую вспышку.

На вершине пахло горячим дымом и чем-то незнакомым и кислым. Сидоров остановился на краю огромного провала с отвесными краями. В этом провале лежал на боку почти готовый купол, герметический купол на шесть человек, с тамбуром и кислородным фильтром. В яме тлел раскаленный шлак, на его фоне было видно, как слабо и беспомощно двигаются потерявшие управление гемомеханические щупальца зародыша. Из ямы тянуло горелым и кислым.

– Да что же это? – сказал Сорочинский плачущим голосом.

Сидоров поднял голову и увидел Сорочинского, стоявшего на четвереньках на самом краю.

– Дед бил, бил – не разбил, – уныло сказал Сорочинский. – Баба била, била...

– Молчать, – тихо сказал Сидоров.

Он сел на край ямы и стал спускаться.

– Не надо, – сказал Гальцев. – Опасно.

– Молчать, – повторил Сидоров.

Надо было немедленно понять, что здесь произошло. Не может быть, чтобы подвела конструкция Яйца, самой совершенной из машин, созданных человеком. Самой неуязвимой машины, самой умной машины.

Сильный жар опалил лицо. Сидоров зажмурился и соскользнул вниз мимо докрасна раскаленного края новорожденного купола. Внизу он огляделся. Он увидел оплавленные бетонные своды, ржавые почерневшие прутья арматуры, широкий темный проход, который вел куда-то в глубину сопки. Под ногами что-то тяжело повернулось. Сидоров нагнулся. Он не сразу понял, что это за серый металлический обрубок, а когда понял, то понял все. Это был артиллерийский снаряд.

В сопке была пустота. Какие-то мерзавцы двести лет назад устроили в ней залитое бетоном темное помещение. Они набили это помещение артиллерийскими снарядами.

Механизм, устанавливая опорные сваи, пробил своды насквозь. Сгнивший бетон не выдержал тяжести купола. Сваи провалились в него, как в трясину. Тогда машина принялась заливать бетон расплавленным литопластом. Она не могла знать, что здесь склад снарядов. Она не могла знать, что это такое – артиллерийские снаряды, потому что люди, которые дали ей программу жизни, забыли о том, что такое артиллерийский снаряд. Кажется, снаряды заряжались тротилом. Тротил испортился за двести лет, но не совсем. Не во всех снарядах. Все, что могло взрываться, начало взрываться. И механизм превратился в кучу хлама...

Сверху посыпались камешки. Сидоров поглядел вверх и увидел, что к нему спускается Гальцев. По противоположной стене спускался Сорочинский.

– Куда вы лезете? – спросил Сидоров.

Сорочинский ответил тонким голосом:

– Мы хотим помочь, Михаил Альбертович.

– Вы мне не нужны.

– Мы только... – начал Сорочинский и запнулся.

По стене позади Сидорова побежала трещина.

– Осторожно! – заорал Сорочинский.

Сидоров шагнул в сторону, споткнулся о снаряд и упал. Он упал лицом вниз и сейчас же перевернулся на спину. Купол качнулся и тяжело рухнул, глубоко уйдя раскаленным краем в черную землю. Земля вздрогнула. Горячий воздух хлестнул Сидорова по лицу.

5

Над сопкой, где тускло поблескивал торчащий из воронки купол, висел белый дымок. Там еще что-то тлело и время от времени глухо потрескивало. Гальцев с красными глазами сидел, обхватив колени руками, и тоже смотрел на сопку. Руки его были обмотаны бинтами, и вся левая половина лица стала черной от грязи и копоти, – он так и не

умывался, хотя солнце взошло уже давно. У костра спал Сорочинский, накрыв голову замшевой курткой.

Сидоров лег на спину и заложил руки под голову. Не хотелось смотреть на сопку, на белый дымок, на свирепое лицо Гальцева. И было очень хорошо лежать, и смотреть в синее-синее небо. В это небо можно смотреть часами. Он знал это, когда был Десантником, когда прыгал на северный полюс Владиславы, когда штурмовал Белинду, когда сидел один в разбитом боте на Трансплутоне. Там вообще не было неба, были черная звездная пустота и ослепительная звезда – Солнце. Тогда казалось, что он отдал бы последние минуты жизни, лишь бы еще раз увидеть синее небо. На Земле это чувство забывается быстро. Так бывало и раньше, когда он годами не видел синего неба, и каждая секунда этих лет могла стать его последней секундой. Но Десантнику не пристало думать о смерти. Зато надо много думать о возможном поражении, хотя Горбовский однажды сказал, что смерть хуже любого, самого сокрушительного поражения. Поражение – это всегда только случайность, через которую можно перешагнуть. Нужно перешагнуть. Только мертвые не могут бороться. Впрочем, нет. Мертвые тоже могут бороться и даже наносить поражение.

Сидоров приподнялся и посмотрел на Гальцева, и ему захотелось спросить, что он обо всем этом думает. Ведь Гальцев тоже был Десантником. Правда, он был плохим Десантником. И наверное, думал, что нет ничего на свете хуже поражения.

Гальцев медленно повернул голову, пошевелил губами и вдруг сказал:

– У вас глаза красные, Михаил Альбертович.

– У вас тоже, – сказал Сидоров.

Надо было связаться с Фишером и рассказать все, что случилось. Он встал и, тяжело ступая по траве, направился к птерокару. Он шел, запрокинув голову, и смотрел в небо. Можно было часами смотреть в небо, такое оно синее и удивительно хорошее. Небо, под которое возвращаются.

Валентина Журавлева

ЧЕЛОВЕК, СОЗДАВШИЙ АТЛАНТИДУ

...Это повесть о путях познания; кстати сказать - прошу простить меня, но почему люди думают, что познание - что-то ужасно скучное?

Карел Чапек

Ветер несет над океаном серые волны туч. Они проходят низко, задевая мачты корабля, сливаются с дымом вулкана и исчезают за горизонтом.

Где-то в стороне - Атлантида. Ее не видно из окна каюты. Но временами доносится раскатистый, неестественно продолжительный гром — это бушует вулкан. Лавовые потоки обрушиваются в океан, и изрезанная молниями завеса пара, дыма, пепла скрывает Атлантиду.

"Иркутск" дважды пытался приблизиться к острову - и оба раза безуспешно. Надо ждать. Извержение закончится, лава застынет, и ветер развеет тучи пепла. А пока надо ждать.

Я хожу по каюте и вспоминаю.

Это произошло три месяца назад. Утром из-за горизонта выползло багровое, расплывшееся солнце. Ревзин, стоявший рядом со мной на мостике подводной лодки, сказал: "Солнце красно поутру - моряку не по нутру"... Точная примета. Ураган будет".

Ураган начался около полудня.

На юге возникла растрепанная тучка, быстро разрослась, затянула лазурь неба черно-багровым покрывалом. Ветер расколол зеркальную поверхность океана, вспучил серо-фиолетовые холмы волн. С глухим, стонущим воем наползал циклон.

"Динго" погрузилась на глубину в полтораста метров. Волнение здесь совсем не ощущалось. Только теперь я поняла, почему Завитаев предпочитает вести основные работы

с небольшой и тесной подводной лодки, а не с лайнера "Иркутск", главной базы экспедиции. Впрочем, нужно иметь крепкие нервы, чтобы работать, не обращая внимания на зловещую тишину, нарушаемую лишь шипением воздуха в трубах, прерывистым гулом двигателей, негромкими и потому особенно напряженными командами.

В шлюзовой камере шла подготовка к спуску двух еще уцелевших роботов-водолазов. Я не сомневалась, что они погибнут, как и шесть предыдущих. Но меня не спрашивали.

Я протиснулась в носовой отсек, заменявший нам кают-компанию. За узким металлическим столом сидел Ревзин. Накануне мы договорились, иго я прочитаю ему еще несколько глав из рукописи романа.

Я хорошо знала, что роман этот никогда не будет дописан. После встречи с Завитаевым многое изменилось. Я уже сомневалась в существовании Атлантиды, Завитаев все-таки сумел внушить мне свои идеи. Но дело было не в романе. Просто Ревзин умел слушать. Это большое искусство. Во всяком случае, с точки зрения писателя.

Широкоплечий, грузный, на первый взгляд малоподвижный, Ревзин доставал из просторного кармана комбинезона большой желтый кожаный портсигар, раскладывал на столе листья табака (ему присылали их откуда-то из-под Полтавы), складывал трубочками и не спеша резал своим острым, как бритва, водолазным ножом. При этом он внимательно слушал меня и - я подметила, - когда ему нравилось, отодвигал искрошенный табак, негромко постукивал черенком ножа о стол. Если же, по его мнению, что-то было не так, он откровенно морщил широкое лицо, щурил узкие, с хитринкой глаза, приглаживал редкие, коротко стриженные седые волосы.

Ревзин был почти вдвое старше меня. Он удивительно напоминал старого служаку-боцмана. В нем было все, что в таких случаях полагается показывать на киноэкранах: массивная, тяжелая фигура, пудовые кулаки, квадратный

подбородок, медлительные движения. Но глаза сразу стирали это впечатление. Хитроватые, даже лукавые, весело и добро усмехающиеся, умные, смотрящие по ту сторону слов, эти глаза выдавали настоящего Ревзина - талантливейшего инженера, человека высокого ума, немного старомодной, но тонкой культуры.

Ревзин ждал меня. На столе были разложены табачные листья. Надо заметить, что Ревзин курил очень редко - два, может быть, три раза в день. Но возиться с табаком и трубкой он любил.

- Завитаев готовит роботов? - спросил Ревзин. Поморщился, выслушав ответ. Достал нож, долго рассматривал лезвие, потом сказал: - Пропадут...

Я тоже думала, что роботы погибнут. Но меня интересовало мнение специалиста.

- Почему пропадут, Павел Данилыч? - спросила я. Ревзин пожал плечами:

- Автоматика!

Это прозвучало не очень одобрительно.

- Ну и что?

- А то, что роботы управляются ультразвуковым лучом. Когда роботы глубоко залезают в кратер вулкана... представляете, что происходит? Луч упирается в скалу, управление нарушается.

- Но роботы имеют и независимое, кибернетическое управление.

Ревзин махнул рукой:

- Вся эта кибернетическая музыка работает, в конечном счете, по программе, составленной человеком. А человек почти ничего не знает о больших глубинах. Поэтому и машина плохо соображает. Если, скажем, - он усмехнулся, - если появится морской змей...

- А вы верите?

- Я водолаз!

Судя по интонации, он верил.

Мы помолчали.

- Ладно, - сказал Ревзин. - Давайте почитаем.

Я открыла рукопись.

Эти главы были написаны почти два года назад. В то время шла дискуссия о местонахождении затонувшего острова. Большинство ученых считало, что Атлантида находилась за Гибралтарским проливом, в Атлантическом океане. По другой гипотезе, Атлантида была расположена в восточной части Средиземного моря. Эту версию впервые выдвинул в середине прошлого века русский ученый Норов, заметивший, что в сочинениях греческих и римских авторов понятия "Атлант", "Атлантия" связываются именно с восточной частью Средиземного моря.

Копаясь в материалах, так или иначе относящихся к Атлантиде, я обратила внимание на одну деталь, свидетельствующую в пользу Норова и его сторонников. Атланты, если верить рассказанному Платоном преданию, собирались завоевать Грецию и Египет. Для острова, находящегося в восточной части Средиземного моря, обе эти страны соседние, поэтому такая война вполне вероятна. Если же Атлантида была расположена за Гибралтаром, то трудно допустить, чтобы атланты начали войну с Грецией, предварительно не завоевав Испании, Италии, северо-западного побережья Африки. Однако в этом случае гибель самой Атлантиды еще не означала гибели государства атлантов. Если бы, например, Македония погибла в то время, как Александр Македонский дошел до границ Индии, уничтожило бы это созданную им империю? Разумеется, нет. Но точно так же не могло бесследно исчезнуть государство атлантов, если бы его воины прошли от Гибралтара до Греции. Поэтому логичнее предположить, что Атлантида была сравнительно небольшим островом, близким к берегам Греции и Египта. Быть может, современный Крит - часть затонувшей когда-то Атлантиды.

На этом предположении и основывался роман. Писалось легко, и я давно бы закончила книгу, если бы не встреча с Завитаевым. Я пришла проконсультировать у него один

чисто технический вопрос. А уходила с ясным сознанием, что книга не нужна.

Завитаев не верил в Атлантиду, и я ничего не могла ему доказать. Завитаев спорил с необыкновенным мастерством. Он столкнул обе гипотезы и уничтожил их взаимными доводами. Каскад парадоксальных рассуждений, целая россыпь внешне очень убедительных доводов - и от моих представлений почти ничего не осталось. "Подумайте, - говорил Завитаев, - сторонники атлантической гипотезы ссылаются на то, что описанная Платоном столица Атлантиды похожа на существовавший у ацтеков город Тенохтитлан. Отсюда делают вывод, что ацтеки копировали атлантов. А вы ссылаетесь на то, что Атлантида как две капли воды похожа на Кноссу, раскопанную археологами столицу критского царя Миноса. Кто же прав? И вы и ваши противники. В этом вся суть. Описанная Платоном Атлантида похожа на любой город той эпохи. Это ярче всего свидетельствует о том, что Атлантида имеет мифический характер. Ведь у каждого реального города есть свои неповторимые черты. А у Атлантиды их нет... Искать этот мифический город бесполезно. Но его можно создать".

Помню, в первый момент меня очень удивило слово "создать". Мне даже показалось, что Завитаев оговорился. Однако он действительно имел в виду создание Атлантиды!

Сейчас идея Завитаева представляется мне вполне закономерной. Но тогда я была ошеломлена. Я даже пыталась возражать. А Завитаев улыбался. Я не знала, что его проект уже принят...

У Завитаева молодое лицо и старый лоб. Контраст удивительный. Лоб прорезан глубокими горизонтальными морщинами верный признак, что человек живет напряженной умственной жизнью. Позже Завитаев признался мне: "Я отвык так просто отдыхать. Не могу отвлечься от мыслей. Единственное, что я научился, - переключать мысли. Думаешь об одном, затем раз! - словно рычаг передвинулся... Скрежет, скрип - и мысли потекли по другому руслу". Я

переспросила: "Скрежет и скрип?" Завитаев кивнул: "Еще как! Мысль, если она чего-нибудь стоит, не любит, чтобы ее отключали. Она любит, чтобы ее думали. Но переключаться приходится. Это заменяет отдых". На мой взгляд - плохо заменяет. Именно поэтому у Завитаева молодое лицо, но старый лоб. И морщины становятся глубже, когда Завитаев улыбается.

"Не ожидал, что фантаст может быть таким скептиком, посмеивался Завитаев. - Знаете, это потому, что вы женщина. В глубине души женщины консервативны. Даже когда они фантазируют... Нет, серьезно, почему вы не верите?"

Почему я не верила? Трудно сказать. Даже в наш необыкновенный век идея Завитаева была слишком необычна и слишком дерзка. Завитаев предлагал создавать искусственные острова путем управляемого извержения вулканов.

При естественных извержениях подводных вулканов иногда действительно образуются небольшие островки. Это я знала. Но Завитаев шел значительно дальше. Он говорил о принципиальной возможности вызвать истечение магмы в любой точке океана* Он выдвигал метод расчета, который, по его мнению, давал возможность заранее предвидеть масштабы и результаты извержения. Завитаев говорил о новых портах в океане, о создании искусственных перешейков (например, в Беринговом проливе, между Азией и Америкой). Больше того: он планировал изменение климата путем образования защитных барьеров, отбрасывающих холодные течения. Наконец, он предвидел в будущем создание новых территорий в заранее выбранных благоприятных климатических условиях. "Вы же привыкли к искусственным морям и озерам, - говорил он мне в тот вечер. - Какой фантастикой казался когда-то проект поворота сибирских рек и создания моря в Сибири! Сейчас это уже реальность... Следующий этап создание искусственных островов. Человек перекроит океан, как перекроил материки..."

"Помните, как Брюсов описывает гибель Атлантиды? - спросил в тот вечер Завитаев. - Есть у него стихи... кончаются они так:

Дерзко умы молодые
Дальше, вперед посягнули,
К целям запретным стремясь...
Грозно восстали стихии,
В буре, и в громе, и в гуле
Мира нарушили связь.
Пламя, и дымы, и пены
Встали, как вихрь урагана;
Рухнули тверди высот;
Рухнули башни и стены
Все - и простор Океана
Хлынул над Городом Вод!"

Я помнила эти стихи. Атланты "все, что возможно, постигли", и разразилась катастрофа.

"Вот-вот, - подхватил Завитаев. - Слишком много знали - и потому погибли. Это повторил и Алексей Толстой в "Аэлите". В этом, если хотите, вся философская подоплека мифа об Атлантиде. А меня такая философия не устраивает. Я за другой принцип: много знали - и потому создали новый материк, создали Атлантиду".

Мы расстались в тот вечер, ни о чем не договорившись. Но вернуться к роману я уже не могла. Проблема поисков мифической Атлантиды потускнела перед дерзостью идей Завитаева. Кстати, Завитаев еще тогда сказал мне, что первый же искусственный остров назовет Атлантидой...

Отказаться от почти написанного романа было нелегко. Я попробовала повернуть сюжет - ничего не получилось. Попробовала ввести новых, героев, прежде всего самого Завитаева, и опять ничего не получилось. Тогда я отложила эту рукопись почти на два года. Потом меня разыскал Завитаев. На этот раз мы говорили очень мало. Завитаеву не пришлось

меня убеждать. В тот же день мы вылетели во Владивосток. А еще через сутки были на борту "Динго". Рукопись я все-таки взяла с собой...

* * *

- Та-ак, - сказал Ревзин, дослушав главу. - Так.

Он аккуратно собрал в портсигар нарезанный табак.

- Как это у вас там о Завитаеве говорится?.. Прочтите, пожалуйста, еще раз.

Я прочла:

- "Представьте себе д'Артаньяна, но не молодого, из "Трех мушкетеров", а сорокалетнего, из "Двадцати лет спустя", по-прежнему честолюбивого, но уже научившегося соизмерять желаемое с достижимым. Уберите бородку, но оставьте проницательный взгляд острых глаз, оставьте худощавое, энергичное, резко очерченное лицо и хищный крючковатый нос. Замените мушкетерский камзол на кожаную куртку, а шпагу - на логарифмическую линейку..."

Ревзин рассмеялся.

- Знаете, линейка — это совсем неудачно. Впрочем, не в этом дело. Тут все - чисто внешне.

Я попыталась возражать.

Ревзин вежливо улыбался, покашливал, качал головой, потом сказал:

- Завитаев действительно не терпит преград. В духе д'Артаньяна. Но за вашим Завитаевым стоит не рота мушкетеров, а наука и техника двадцатого столетия. Представляете силищу? Д'Артаньян хотел власти, славы, богатства. А чего хочет Завитаев? Выполнить план экспедиции? Мало! Обеспечить счастье грядущих поколений? Пожалуй, много! Истинный Завитаев где-то посредине. Тут сложный сплав из многих, даже противоречивых, составляющих. И главное - уверенность, чертовская уверенность! Вы обратили внимание - Завитаев никогда не сомневается. Тут есть над чем

подумать... Кстати, в каких это скафандрах ваши герои ищут Атлантиду?

- В сверхпрочных.

- В сверх... каких?

- В сверхпрочных скафандрах, - повторила я.

Ревзин усмехнулся:

— Вот в этом вся штука! Вам кажется, что достаточно добавить слово "сверх" - и все объяснено... Сколько этих "сверх" в современной фантастике! Сверхскоростные, сверхмощные, сверхпрочные...

- Простите, я не помешал?

Я не заметила, как в отсек вошел Завитаев. Он стоял у двери, глубоко засунув руки в карманы брюк, и иронически поглядывал на нас.

- Роботы подходят к кратеру вулкана, - негромко сказал Завитаев. - Если это не помешает обсуждению извечных вопросов...

- Не помешает, - ответил Ревзин.

Мы прошли в соседний отсек; здесь были расположены приборы управления роботами-водолазами. На узком, словно приплюснутом экране светился яркий, мерно покачивающийся луч. Это работал телепередатчик, установленный на одном из роботов. Скорость спуска была велика, и я не могла разглядеть попадающих в луч глубоководных рыб. Они прочерчивали экран серебряными полосками - и мгновенно исчезали.

- До кратера триста метров, - сказал оператор, сидевший за пультом управления.

Это был молодой парень, лет восемнадцати-девятнадцати. Он говорил преувеличенно твердо, но время от времени машинально облизывал губы. Он волновался. Впрочем, все мы волновались. Тщательно разработанный Завитаевым план находился под угрозой.

* * *

Здесь мне придется сказать несколько слов о сложившейся ситуации.

Земная кора значительно тоньше под океаном. Поэтому выбор дна океана для первого искусственного извержения был вполне понятен. Но Завитаев сделал следующий шаг: он решил вести работы из кратера потухшего подводного вулкана. Это сократило путь к магме.

В Тихом океане много старых подводных вулканов. После долгих исследований Завитаев выбрал один из них, названный им Плутоном. Глубина океана в этом месте достигала пяти километров. Плутон имел высоту около двух километров. Жерло кратера, заполненное водой, опускалось на глубину восьми километров, то есть было ниже дна океана на шесть километров. За полтора года автоматические буровые установки, смонтированные роботами-водолазами, прошли еще семь километров. Остальное должен был сделать направленный взрыв. Подготовка к взрыву уже заканчивалась, когда случилось несчастье с первой парой роботов. Были опущены еще два робота - и тоже погибли. Затем еще два... Сейчас к кратеру Плутона приближались два последних робота. Других на лодке и на базе не было.

Луч на экране телевизора уперся в плоскую темную вершину Плутона. Только теперь я заметила в углу экрана расплывчатые контуры второго робота. Он уже опускался в кратер вулкана. Внешне робот походил на спрута: сферический корпус, четыре глаза-линзы, пять гибких металлических щупалец.

Щупальца дрожали в потоке воды...

- Я увеличил скорость спуска, - сказал оператор. Завитаев молча похлопал его по плечу.

- Роботы в кратере, но управление не прервалось. «Почему?» - спросил Ревзин.

- Проводная связь, - коротко ответил Завитаев. - На этот раз мы увидим, что с ними происходит.

Роботы опускались в глубь кратера с огромной быстротой. Ничего нельзя было разглядеть - освещенные лучами прожекторов стенки кратера сливались в сплошную мутную полосу.

Я наблюдала за Завитаевым. После разговора с Ревзиным мне казалось совершенно необходимым понять, по-настоящему понять Завитаева. Было стыдно за внешне эффектную, но неглубокую "мушкетерскую" характеристику. Кто же он, человек, создающий Атлантиду? Я задавала себе этот вопрос и не могла ответить. Созревала какая-то очень смутная мысль, но какая именно, я еще не могла осознать. Так бывает во сне: протягиваешь к чему-то руку, вот-вот коснешься - и не достаешь...

Завитаев, наморщив лоб, смотрел на экран телевизора. По его худощавому лицу бежали отброшенные экраном световые пятна. В мелькании света было что-то тревожное, настораживающее. Но Завитаев оставался спокойным. И это не было то спокойствие, которое достигается умением скрывать волнение. Нет, Завитаев и в самом деле не волновался. С таким выражением лица человек смотрит в окуляр микроскопа: где-то в микромире происходят события, по-своему грандиозные, но человек спокойно вращает винт кремальеры, потому что он, человек, стоит над этими событиями и управляет ими...

- С семеркой что-то случилось! - воскликнул оператор.

На пульте управления тревожно замигали сигнальные лампы. Я нагнулась к экрану. Было видно, как робот (его изображение быстро увеличивалось) раскачивается и судорожно взмахивает металлическими щупальцами.

- Нужно увеличить скорость спуска восьмерки, - негромко сказал Ревзин. - Тогда удастся проскочить.

- Нет. - Завитаев внимательно смотрел на экран. - Нам надо знать, что случилось. Это важнее.

Ревзин достал трубку, сухо спросил:

- Курить можно?

- Пожалуйста, Павел Данилович, - улыбнулся Завитаев. Курите.

На экране творилось нечто странное. Робот, отчаянно размахивая щупальцами, сражался с кем-то невидимым. Это напоминало фантастический танец... В ярких лучах прожекторов можно было разглядеть даже мельчайшие детали робота: выпуклые швы и цифру "7" на блестящем сферическом корпусе, оправу линз, шарнирные сочленения щупалец... Отчетливо были видны и скалистые стенки кратера, местами густо заросшие водорослями. Но того, кто напал на робота, мы не видели. Вероятно, это невидимое существо передвигалось с огромной быстротой, потому что робот метался из стороны в сторону, выбрасывал щупальца то вверх, то вниз...

Машина отчаянно сражалась за свою жизнь. В этом одновременно было что-то трагическое и жалкое.

- Включите ультрафиолетовые светильники, - распорядился Завитаев.

Оператор отрицательно покачал головой:

- Связь с семеркой...

- Тогда у другого! - быстро сказал Завитаев.

- Есть! - ответил оператор.

И почти тотчас же я увидела, как на экране мелькнули три странных светящихся силуэта. Я не успела рассмотреть их. Один из них надвинулся на экран, изображение резко качнулось - и экран погас.

- Конец, - попыхивая трубкой, негромко произнес Ревзин. Эти твари напали на восьмерку. - Он помолчал, потом, не глядя на Завитаева, сказал: - С ультрафиолетовым светом вы правильно придумали.

- Да, удачно, - кивнул Завитаев и пояснил мне: - На больших глубинах рыбы часто бесцветны, прозрачны, а потому и невидимы. Но они флюоресцируют под действием ультрафиолетового света. К сожалению, мы почти ничего не успели увидеть... Подождем минут сорок. Если роботам удастся вырваться, они всплывут... Готовьте скафандры, Павел Данилович.

- Вы... рискнете?

- Да. С роботами мы больше ничего не добьемся. Нужен человек.

Голос Завитаева доносился откуда-то издалека. Я потеряла ощущение реальности событий. Все произошло слишком быстро. Головокружительный спуск роботов в кратер потухшего подводного "вулкана, битва машин с невидимым врагом, молниеносные прыжки странных светящихся существ и погасший экран телевизора... А в отсеке горел свет, будничными голосами разговаривали Завитаев и Ревзин, за стальной перегородкой деловито урчал двигатель.

- Я спущусь один, - говорил Завитаев. — Это будет разведкой. Если мне удастся дойти до дна кратера, я дам сигнал. Тогда пусть идут все... все, кто может и хочет. Одному мне не справиться.

- Добро. - Ревзин выколотил трубку, сунул ее в карман. Надо заняться скафандрами. - Он посмотрел на часы. - Через двадцать минут скафандры будут готовы.

Я пошла с Ревзиным, мне не хотелось мешать Завитаеву. Массивный, грузный Ревзин легко протискивался в узкие люки, я с трудом поспевала за ним. Нам пришлось пройти вдоль всей лодки: скафандры хранились в кормовом отсеке, рядом со шлюзовой камерой.

Скафандры Ревзина висели, а длинном, стоящем вдоль борта шкафу. Это были черные комбинезоны с цилиндрическими, закругленными сверху шлемами. Дыхательные приборы, упрятанные в обтекаемые кожухи, лежали отдельно - на стеллажах.

Ревзин сосредоточенно возился со скафандрами. Я не хотела его отвлекать и молча сидела в стороне. Так прошло минут десять-пятнадцать. Потом Ревзин покосился в мою сторону и спросил:

— Значит, в романе у вас скафандры сверхпрочные?

- Сверх! - весело ответила я.

Мне хотелось разговорить старика. Я сказала ему, что, по моему мнению, научная достоверность не всегда обязательна для фантастики. Отправил же Жюль Берн своего героя в путешествие на... комете.

- Может быть, и так, - задумчиво отозвался Ревзин. - Мне почему-то казалось, что фантастика прежде всего литература научного предвидения.

- А как быть с "Аэлитой"? - спросила я. - Блестящая вещь, но где там предвидение будущего? Или Уэллс... Нет, писателя интересуют в первую очередь люди. Будущие люди, а не будущие машины.

Ревзин достал портсигар, повертел его в руках и снова спрятал в карман.

- Все-таки вы ошибаетесь, - сказал он. - По-вашему, человек — это художественная литература, а машины - наука, техника. Разделение немного искусственное. Лев Толстой, Куприн и многие другие писали о животных — это

литература? А современные машины куда умнее животных, я бы даже сказал, человечнее, живее... И самое главное - они созданы человеком. Они второе "я" человека. Вот вы написали в романе "сверхпрочные скафандры", и вам кажется, что этим все сказано. А для меня они так же прекрасны, как статуи Микеланджело, картины Репина, музыка Бетховена... До сих пор помню тот день, когда впервые взял в руки скафандр. Это была старая рейдовая маска японского образца. В ней можно было опуститься на семьдесять метров, часто отказывали клапаны... Но, верите ли, я дрожал над ней. Я пять раз в день разбирал ее нехитрый механизм-и чистил, чистил, чистил... Маска барахло, дрянь, но я и по сей день благодарен ей за то, что она открыла мне путь в море. А потом были десятки разных аппаратов, и каждый имел свой характер, иногда строптивый, иногда покладистый, часто - коварный. И за этим угадывались мысли их конструкторов, поиски, удачи и неудачи тех, кто создавал скафандры. Иногда разбираешь аппарат, смотришь на какую-нибудь деталь и видишь: здесь конструктор не смог победить. Боролся и так, и эдак, мучился - и не смог, отступил. Это чувствуется, как фальшивая нота в талантливой музыке... Я спускался с аквалангом, в шланговых скафандрах, в жестких аппаратах Кунке и Нейфельдта, сам проектировал скафандры - и даже думал, что все знаю и все понимаю. И вдруг появился Завитаев. Он пришел ко мне в конструкторское бюро и спокойненько сказал: "Нужен скафандр для спуска на глубину в двадцать километров". Я ехидно объяснил ему, что максимальная глубина океана, к сожалению, не превышает одиннадцати километров. Он пожал плечами: "Пустяки! Мы будем спускаться в кратеры подводных вулканов". Я еще не знал. зачем нужно спускаться в эти кратеры, но уже доверил Завитаеву сразу, с первых же слов. Черт побери, ведь никто до него не додумался, что наибольшая глубина не в океанских впадинах, а именно в кратерах потухших подводных вулканов!.. Эти скафандры - я работал над ними три года - чем-то напоминают мне самого Завитаева... Может быть,

дерзостью. Да, пожалуй, дерзостью и простотой. Ну-ка, потрогайте комбинезон...

Шероховатая оболочка комбинезона оказалась не то, чтобы очень тонкой, но удивительно гибкой, податливой. Ее можно было сжать почти без всякого усилия, как самую обыкновенную материю.

Я не специалист по скафандрам, но это поразило меня. Глубоководные скафандры всегда жесткие, с бронированной оболочкой. Есть, конечно, и мягкие скафандры: давление воды уравновешивается в них давлением воздуха. На глубине в сто метров-десять атмосфер. Даже самый выносливый человек может пробыть в таких условиях считанные минуты... И вот скафандр, рассчитанный на двадцатикилометровый спуск (две тысячи атмосфер!), оказывается мягче гидрокостюма, в котором ныряют аквалангисты...

- Нет, скафандр не мягкий, - сказал Ревзин. Он был доволен произведенным эффектом. - Точнее, мягкий и не мягкий. Чем глубже, тем он становится жестче. И это проще, чем вы думаете. Оболочка состоит из двух слоев. Наружный - пластик. Для прочности и изоляции. А внутренний слой - металлический. В сущности, это фольга, только крепкая. При спуске под воду она заряжается электричеством. Положительным электричеством от электростатического генератора. Одноименные заряды отталкиваются. Каждый участок оболочки стремится оттолкнуть противоположный ему участок. Это и заменяет внутреннее давление воздуха. А для человека статические заряды безвредны...

Ревзин с увлечением объяснял устройство скафандра. Оно действительно было предельно простым. И только одна часть вызвала у меня сомнения - двигатель. Это сооружение состояло из системы электромагнитов, приводивших в колебательное движение гибкую металлическую пластину, напоминавшую нечто среднее между спинным и хвостовым плавниками рыбы.

- Здесь то же достоинство, - сказал Ревзин. - Предельная простота. Надежность и простота. Вы улыбаетесь? Честное

слово, напрасно. Природа - хитрый конструктор, она не зря снабдила рыб именно такими плавниками. С этой штукой в скафандре можно развить скорость до десяти узлов. Она не сломается...

Телефонный звонок прервал Ревзина. Звонил Завитаев - нас ждали в шлюзовой камере.

Ревзин быстро закончил осмотр дыхательных аппаратов, и мы прошли в соседний отсек. Кроме Завитаева, здесь были капитан "Динго" Самарин - высокий, щеголеватый моряк, недавно пришедший из военного флота, Ермаков - помощник Ревзина, молодой человек в очках, на редкость серьезный и молчаливый, и Городецкий - один из сотрудников Завитаева, такой же самоуверенный и, по-видимому, такой же талантливый, как и сам Завитаев.

Ревзин доложил, что скафандры готовы.

- Хорошо. - Завитаев посмотрел на часы. - Надо спускаться. Скажите, капитан, как с "Иркутском"? Шторм не угрожает кораблю серьезными неприятностями?

Самарин ответил, что циклон проходит стороной, шторм сильный, но не опасный.

Видимо, Завитаев за это время продумал все до мельчайших деталей. Он отдавал распоряжения, удивившие меня предельной точностью и краткостью.

- Телепередатчик я с собой не возьму, - продолжал он, снова обращаясь к капитану, - но гидротелефонную связь будем поддерживать.

- Я спустил телекамеру, - сказал Самарин. - Мы сможем наблюдать за вами... до кратера.

- Хорошо, - кивнул Завитаев. - Ну, тогда все... Давайте ваш скафандр, Павел Данилович.

Ревзин и Ермаков принесли скафандр. Я смотрела, как Завитаев надевает черный комбинезон. Безусловно, Завитаев шел на большой риск - гибель, роботов не была случайностью. Но ни сам Завитаев, ни те, кто помогал ему надевать скафандр, не произнесли ни одного слова об опасности. Я подумала, что за два года работы в океане они, наверно,

прошли через многие трудности и у них выработался свой критерий опасного и неопасного. Это было плохое объяснение, но все-таки объяснение. Та смутная мысль, которая возникла у меня, когда Завитаев следил за спуском роботов, появилась вновь. Я подумала, что Ревзин прав: главное в Завитаеве - полная уверенность в возможности по-своему управлять событиями, быть над ними. Но откуда бралась такая уверенность, на чем она основывалась? Ответить на эти вопросы я не могла...

Ермаков не спеша (насколько я успела узнать, он всегда действовал методически) укрепил на груди Завитаева дыхательный аппарат. Ревзин подал ранец с выступающим металлическим плавником. Из объяснений Ревзина я уже знала, что в этом ранце, надеваемом за спину, размещены приборы, электростатический генератор и аккумуляторы. Громоздкий дыхательный аппарат и ранец, из нижней части которого торчал нелепый на вид плавник, придавали Завитаеву довольно комический вид. К моему удивлению, появилась еще одна - новая для меня - часть скафандра. Это был небольшой, окрашенный в оранжевый цвет баллон, который Ермаков подвесил к дыхательному аппарату. От баллона отходили два гибких металлических шланга с... пистолетами. Да, с пистолетами, причем имеющими очень древний, я бы сказала, опереточный вид: длинные дула пистолетов оканчивались раструбами.

Ревзин подал Завитаеву шлем.

- Подождите, - сказал Завитаев и обернулся ко мне: — Вот что. Когда я спущусь на дно кратера, пойдет вторая партия. Я не возражаю, чтобы с этой партией пошли и вы. - Он помолчал, что-то обдумывая, потом повторил: - Да, как начальник экспедиции, я не возражаю. Если вы, конечно, захотите...

Это было настолько неожиданно, что я ничего не смогла ответить.

- Я не специалист в литературе, - продолжал Завитаев, ив ваши дискуссии с Павлом Даниловичем не вмешиваюсь.

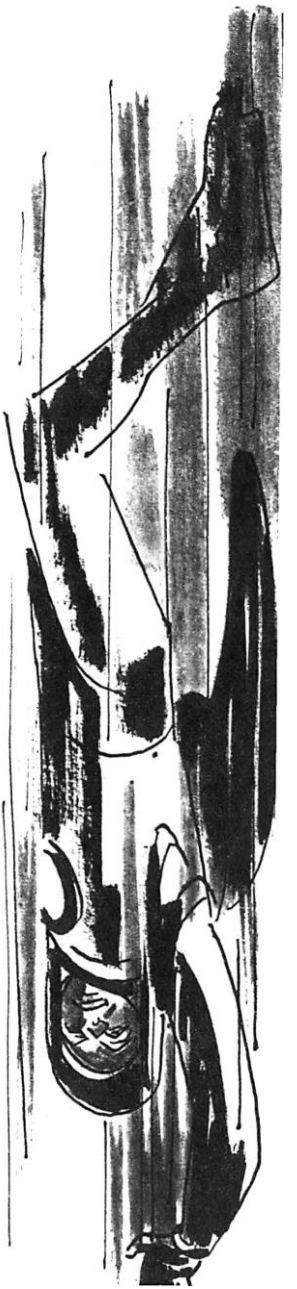
Но мне кажется, написать что-нибудь путное можно только после того, как увидишь собственными глазами...

Ревзин помог ему надеть шлем.

В центральном посту подводной лодки было темно и тесно. Освещение пришлось выключить, иначе мы ничего не разглядели бы на тусклом экране телевизора.

В темноте мерцали циферблаты приборов. Самарин изредка, вполголоса - отдавал команды рулевому. Мерно тикал хронометр, подчеркивая напряжение наступившей тишины. Те, что мы видели на экране телевизора, не сопровождалось ни единым звуком. Это создавало своеобразный, довольно мрачный контраст.

Завитаев спускался почти вертикально. Луч его нагрудного прожектора и узкие пучки света, излучаемые фарами телепередатчика, с трудом пробивали глухую, иссиня-черную тьму. Скорость спуска была настолько велика, что телепередатчик, подвешенный на тросах и имеющий маневровый двигатель, едва поспевал за Завитаевым. Когда камера передатчика приближалась к Завитаеву, я видела, с какой бешеной энергией рассекает воду металлический плавник...



Ломая напряжение тишины, загудел динамик, и послышался ясный, спокойный голос Завитаева:

- Глубина два километра. Скафандр работает превосходно. Как слышите меня?

Городецкий (он стоял в стороне, у гидротелефона) поспешно ответил:

- Слышим хорошо. Вот видим неважно. Телекамера барахлит. Вы не встречали ничего интересного?

Завитаев ответил не сразу. Потом мы услышали смех:

- Нет, к счастью, пока интересных встреч нет - ни кальмаров, ни акул...

- Звук уже ощутимо запаздывает, - заметил Ревзин. - Скажите Завитаеву, что в случае опасности мы просигналим фарами телекамеры.

Снова наступила тишина, нарушаемая - правильнее было бы сказать - не нарушаемая) редкими командами Самарина и бесстрастным пощелкиванием хронометра. Так прошли минуты две-три. Внезапно Ревзин пригнулся к экрану телевизора и хрипло сказал:

- Ну вот, легки на помине... Акулы! Включите боковые фары камеры.

На экране возникло два широких луча, и я увидела акул, их было штук пять. Они кружили около телекамеры, постепенно сужая круги.

- Предупредите Завитаева, - распорядился Ревзин.

Фары телекамеры тревожно замигали. Спустя несколько секунд (они показались мне очень длинными) в динамике раздался голос Завитаева:

- Спасибо. Вижу. Пока они, кажется, заняты камерой.

Я спросила Ревзина, нельзя ли что-нибудь предпринять. Он отрицательно покачал головой:

— Это не страшно. Нужно было только предупредить.

Одна из акул вплотную приблизилась к телепередатчику. На экран наползла широкая, приплюснутая голова с большими выпуклыми глазами, сверкающими в лучах прожектора.

- Глубоководные акулы, - сказал Ермаков. - Их открыли Гуо и Вильм при первых погружениях в батискафе.

- "Открыли"!.. - буркнул Ревзин. - Закрыть их надо, вот за это и памятник стоило бы поставить.

Акула долго рассматривала камеру телепередатчика. Потом отплыла в сторону, и сейчас же вся стая бросилась вниз, к Завитаеву. Теперь я могла сосчитать акул: их оказалось девять, больше, чем я предполагала. Они быстро нагоняли Завитаева.

К моему удивлению, Завитаев и не старался уйти от акул. Он замедлил, а затем вообще прекратил спуск и обернулся к акулам. Но хищники обошли его и образовали круг. Световые лучи в двух местах пересекали этот круг; акулы выплывали из темноты и снова исчезали во мраке.

Я видела: Завитаев держит в руках пистолеты. На этот раз акулы сужали круг очень быстро. Неожиданно (это было настолько неожиданно, что я отшатнулась от экрана) яркие вспышки разорвали темноту. Лучи прожекторов сразу потускнели. По экрану метнулись черные тени. Снова и снова полыхнули огненные вспышки.

Когда глаза опять привыкли к полумраку, я увидела, что все кончено. Завитаев продолжал спуск. Акулы исчезли.

- Чертовская штука, - неожиданно сказал Самарин. - Что это такое?

- Понравилось? - спросил Ревзин. — Это пистолеты, использующие электрогидравлический эффект. Выбрасывают струю жидкости под давлением в тысячи атмосфер. Можно пробить стальную плиту. К тому же жидкость самовоспламеняется в воде... Вот, Петр Николаевич придумал. - Он кивнул в сторону Ермакова.

Тот сосредоточенно протер стекла очков и молча показал на экран.

Да, на экране уже была видна зубчатая вершина Плутона. Завитаев, почти не уменьшая скорости, описал круг над черной воронкой кратера и пошел вниз.

- Все, - сказал Ревзин. - Можно поднимать камеру.

Он обернулся ко мне:

- Пойдемте. Спуск будет продолжаться долго, больше часа...

Ревзин нарочно увел меня в кают-компанию. Он не знал, что произойдет с Завитаевым, и не хотел, чтобы я оставалась у гидротелефона. Мы сидели под сводчатой стеной кают-компании и говорили о фантастике. Нужно отдать должное Ревзину - он старательно отвлекал меня от неприятных мыслей. Постепенно мы разговорились. И тогда я сказала Ревзину:

- Вы все-таки неправы. Машины - не предмет для художественной литературы. Они нужны только как реквизит на сцене, а главное - игра актеров. Есть два подхода к научной фантастике; я покажу вам на примерах. Закройте глаза...

Он послушно зажмурился. Потом улыбнулся:

- Итак?..

- Итак, представьте себе космический корабль, возвращающийся после дальнего полета. На корабле несколько человек. Скажем, четверо. Они уже давно не были на Земле - семь или десять лет. Это очень разные люди. Они истосковались по Земле и потому в последние месяцы стали нетерпеливыми, раздражительными, замкнутыми. Может быть, даже поссорились из-за какого-нибудь пустяка. Каждый теперь живет своими мыслями. Впереди - Земля и конец многолетнего заключения в тесных каютах космического корабля. И вот рация - впервые за все время - уловила сигналы Земли. Говорит Земля... И говорит примерно следующее: "Ваш корабль - единственный, находящийся вблизи необычайной кометы. Комета уходит в космос, найти ее потом не удастся. А она состоит из минус-материи, материи с отрицательной массой. На Земле мы не могли получить ничего подобного, только догадывались. И вот комета уходит... Вы и только вы - могли бы ее догнать. Конечно, вы невероятно устали, вы жаждете возвращения на Землю, вы заслужили отдых; и никто не упрекнет вас, если вы не измените курса. Ведь погоня за кометой - еще три года... Решайте сами. И,

если хотя бы один человек не захочет, возвращайтесь на Землю". Четверо молча расходятся по своим каютам...

- Дальше, - нетерпеливо перебил Ревзин.

- Не спешите. Четыре человека думают. Они были убеждены, что скоро вернутся на Землю. Они считали дни. А теперь надо отложить возвращение на три года. Впрочем, надо ли? Ведь они имеют право выбрать. Есть же предел человеческим силам. Разве они и так не совершили подвиг?

- Ну, а дальше?

- Не спешите, Павел Данилыч. На этом построен весь рассказ. Дальше ничего нет. Четыре человека думают. Кто-то из них достал шкатулку с горстью родной земли. Кто-то смотрит на портрет сына... А время идет. Надо ответить Земле. И четыре человека возвращаются к пульту управления. Они рассчитывают курс - корабль пойдет в погоню за кометой. И та неприязнь, которая возникла между ними за последнее время, исчезает. Они пробыли вместе семь или десять лет. Но именно сейчас по-настоящему, до конца узнали друг друга. Узнали - и не разочаровались. Вот и все.

Ревзин долго молчал. Я мысленно подсчитывала, на какой глубине сейчас находится Завитаев.

- Хорошо, - сказал наконец Ревзин. - А второй рассказ?

- Ну, это просто. Все то же самое, только короче и без психологических тонкостей. Главное - погоня за кометой. Приключения. Много приключений. Можно подробно рассказать о минус-материи. Люди выполняют задание и возвращаются на Землю.

Ревзин поморщился.

- И все?

- Да. В первом рассказе фантастическая ситуация: звездолет, космические расстояния и сроки, комета, минус-материя нужна только для того, чтобы поставить человека в необыкновенные условия. А во втором - необыкновенная ситуация становится целью. Главное уже не человек, фантастические приключения, комета, минус-материя... Ну, что вы скажете?

Ревзин ответил:

- Месяца три назад мы тут спорили... Ермаков (он тихий только в вашем присутствии) утверждал, что человек не все сможет, что есть границы, которые никогда не удастся перейти, как бы ни развивалась наука. Вот, например, путешествия в прошлое: мы можем изучать прошлое до мельчайших деталей, но нельзя побывать в прошлом. Это принципиально неосуществимо. Теоретические знания не имеют пределов, практические же возможности человека отнюдь не беспредельны, - примерно так говорил Ермаков. Он приводил и другие примеры. Скажем, космос. Можно беспредельно совершенствовать космические скафандры, но никогда человеку не удастся быть в космосе вообще без скафандра. Здесь - граница для человека. Мы можем беспредельно изучать птиц, беспредельно совершенствовать летательные аппараты, но никогда не сумеем - хотя бы на миг перевоплотиться в птиц и почувствовать то, что они чувствуют, увидеть мир так, как они его видят. Здесь еще один предел. Они очень далеки, эти пределы, но они есть... Завитаев, и Городецкий не соглашались. Спор был горячий... На первый взгляд, позиция Завитаева и Городецкого оптимистичнее и привлекательнее. Но пути познания не прямолинейны: чтобы сделать шаг вперед, иногда нужно признать, что то-то и то-то принципиально невозможно. Ну, хотя бы вечный двигатель. Изобретатели вечного двигателя тоже могли считать, что их точка зрения оптимистичнее... Так вот, границы возможностей человека: существуют они или нет, каковы они, - это литература?

Я ответила:

- Еще бы!

И Ревзин тихо рассмеялся:

— Вот видите! Проблема, так сказать, без людей, но - литература.

- А что вы думаете об этих границах? - спросила я Ревзина. - Есть такие границы или это как горизонт: идешь к нему - и он отодвигается?

Я не дождалась ответа. Ревзин курил и молчал. Потом он сказал:

- Идите... вам нужно отдохнуть. Наверно, придется спускаться. Я позову вас...

Я прошла в свою каюту-узкую, неуютную дыру, которую только из уважения к морской терминологии можно было назвать каютой. Рядом с койкой, вдоль стенки, проходили трубы воздушной и водной систем, подушка моя упиралась в наглухо задраенный иллюминатор. Я лежала в темноте, прислушиваясь к доносившимся из-за двери голосам. Дважды кто-то прошел мимо моей каюты; мне казалось, что войдет Ревзин и скажет что-то страшное, непоправимое.

Судя по времени, Завитаев уже миновал то место, где погибли роботы. Я тщетно пыталась припомнить облик странных светящихся существ, мелькнувших тогда на экране телевизора. От напряжения начали болеть виски. Где-то рядом шумела перекачиваемая по трубам вода. В темноте мерцали призрачные огоньки.

Я думала о разговоре с Ревзиным. Мне вспомнилась фраза, сказанная Ревзиным о Завитаеве: "Черт побери, ведь никто до него не додумался, что наибольшая глубина не в океанических впадинах, а в кратерах потухших подводных вулканов". Ревзин узнал только одну научную идею - и сразу поверил человеку. Поверил, не зная его, и вот работает, хотя во многом расходится с ним - и как человек почти противоположен Завитаеву.

Мы привыкли, описывая людей, говорить о внешности, характере, привычках, поведении, убеждениях. При описании ученого этого уже недостаточно. Более того: внешность, характер, привычки, словом, чисто человеческая сторона личности - все это отходит на второй план. Ученый, будучи "в жизни" нерешительным, мягким, даже консервативным, может смело выдвигать сверхреволюционные научные идеи. Какое значение имеет для изображения ученого, красивый он или нет, скупой или щедрый, любит он музыку

или нет?.. "Скажи мне, каковы твои научные идеи, и я скажу, каков ты". Так ли это?..

Прервал мои размышления Ермаков. Он стоял в тесном коридорчике и методически стучал в открытую дверь. Я вскочила, зажгла свет. Мне казалось, что прошло очень много времени: события куда-то отодвинулись, потеряли остроту.

- Все благополучно, Петр Николаевич? - спросила я.

Ермаков сосредоточенно посмотрел на меня, поправил очки и коротко ответил:

- Да, все.

В шлюзовой камере пять человек надевали скафандры. Это сразу вернуло меня к действительности.

- Мы будем спускаться, - сказал Ревзин, глядя куда-то мимо меня.

- Вы можете наблюдать по телевизору, - быстро вставил Городецкий.

Ревзин недовольно хмыкнул. Я поняла, что до моего прихода они поспорили.

- Начальник экспедиции разрешил мне идти вместе с вами, сказала я.

Это прозвучало твердо и убедительно, хотя я до сих пор не понимаю, почему решила настаивать - вначале я как-то не приняла всерьез предложение Завитаева.

- Опасно, понимаете... - начал Городецкий.

- Надевайте комбинезон, - перебил его Ревзин, обращаясь ко мне. - Ничего не случится. Раз все идут... - Он ободряюще улыбнулся. - Вы помните, как надо управлять скафандром? Я объясню вам еще раз.

Есть что-то общее между любовью и жаждой открытий. Оба чувства иногда настигают человека внезапно и сразу оттесняют все остальное. Оба чувства властно влекут навстречу, казалось бы, непреодолимым трудностям, окрыляют, дают силу и отвагу.

Сейчас мне вряд ли удастся описать то странное чувство, которое охватило меня, когда открылся люк шлюза и,

оттолкнувшись от борта "Динго", я повисла в воде. В первый момент мне показалось, что это навсегда останется в памяти. Но прошло совсем немного времени, и новые, неизмеримо более сильные впечатления стерли своеобразное ощущение первых минут спуска. Помню только, что тогда меня удивила легкость, с которой я могла двигать руками. Огромное давление (это я поняла потом) почти не увеличивало плотности воды, и плавать было так же легко, как и на поверхности, хотя оболочка скафандра стала жесткой: комбинезон сгибался только в локтях и коленях. Первое время меня почему-то беспокоили рукавицы: с трудом удавалось сжимать и разжимать пальцы, - но очень скоро я освоилась и перестала это замечать.

Я забыла обо всем - оставалось лишь непередаваемое ощущение полета. Впрочем, "полет" - неудачное слово: на самолете, в закрытой кабине, нет физического ощущения скорости. Здесь же скорость чувствовалась совершенно явственно: двигатель мягко, но сильно толкал вперед, скафандр вибрировал в потоке воды. Кружилась голова - от скорости, от радостного сознания, что я могу управлять скафандром, от пьянящей мысли, что за поясом у меня пистолеты, а впереди новое, неизведанное.

Нас было шестеро: Ревзин, Самарин, Городецкий, два моряка с "Динго" и я. Управление скафандром действительно не представляло труда: мне пришлось следить только за работой двигателя, остальное делали автоматические приборы. Вес скафандра, вообще довольно значительный, в воде совершенно не ощущался.

Лучи прожекторов опережали нас метров на двадцать. Они высверливали впереди узкий желтый туннель, за пределами которого была непробиваемая толща тьмы. Эта бездонная тьма оживала лишь изредка, когда мы проносились сквозь облака планктона. Тогда на черном фоне вспыхивали тысячи и тысячи мерцающих огоньков, создавая впечатление звездного неба. Казалось, мы летим сквозь космос,

летим так быстро и так долго, что понятия пространства и времени утратили свой смысл...

Обитателей океанских глубин я не видела, и только раз в желтый сноп света попала большая, свернутая в спираль медуза. На мгновение она замерла и тотчас же шарахнулась в сторону, во мрак.

Позже, когда мы начали спуск в кратер, я видела издали стаю узких светящихся лент. Стенки кратера быстро суживались, на них дрожали длинные водоросли, похожие на щупальца фантастических животных. Мои спутники сблизились, окружили меня, приготовили пистолеты...

Глубиномер, надетый на руку, показывал пять тысяч метров. Радость схлынула, возникло неясное тревожное чувство, быстро сгустилось, превратилось в страх. Я пожалела, что не осталась на "Динго". Тесная, неуютная, до чертиков надоевшая подводная лодка теперь казалась мне самым желанным местом на свете...

Страх, навязчивый, все усиливающийся, заставил меня вспомнить о гидротелефоне. Я включила аппарат, но мои спутники молчали. Мы приближались к глубине, на которой погибли роботы, и я понимала, что теперь не до разговоров. Мне очень хотелось услышать голос Ревзина, но я молчала, я заставляла себя молчать.

Спуск казался бесконечно долгим. Постепенно страх притупился, потом вообще исчез. Я посмотрела на часы: мы покинули "Динго" более часа назад. Оставались последние километры. Мы прошли кратер вулкана и теперь опускались по узкой, пробуренной автоматом шахте. В лучах прожекторов стены шахты тускло отблескивали матовым, переливающимся светом...

- Как настроение? - Голос Ревзина прозвучал совсем рядом, - Не жалеете, что пошли с нами?

- Страшновато? - тотчас же спросил Городецкий.

- Очень, - призналась я. - Но теперь уже ничего...

- Не беспокойтесь, снова будет страшно, - весело обещал Городецкий, и все рассмеялись.

- Внизу свет, - сказал один из моряков. - Наверно, начальник.

Да, навстречу нам поднимался Завитаев. Еще издали, метрах в ста от нас, он распорядился по телефону:

- Двое останутся здесь. В случае опасности немедленно предупредите. Остальные - вниз, со мной.

Мы остались вдвоем - Ревзин и я. Внизу (до шахты было метров полтораста) передвигались огоньки - там вели подготовку к взрыву. Я спросила Ревзина, почему нас не вызывают с "Динго".

- Вызывали, - ответил Ревзин. - Для связи с лодкой нужно повернуть вверх антенну и включить генератор ультразвука на полную мощность. Но лучше поберегите энергию.

Он помолчал, затем добавил (я уловила озабоченность в его голосе):

- Скафандр рассчитан на шесть часов. Мы спускались полтора часа, столько же нужно на подъем. К тому же Завитаев почти на два часа раньше покинул лодку. Словом, минут через тридцать надо идти наверх...

Признаюсь, я была плохим часовым. Я включила внешний акустический приемник и слушала океан. Здесь, на гигантской, почти двадцатикилометровой глубине тоже была жизнь! Я слышала самые различные звуки: жужжание, прерывистый писк и нечто вроде барабанного стука - громкого, тревожного.

Потом я посмотрела наверх - и сразу забыла обо всем. Надо мной было звездное небо! Бессчетные мерцающие огоньки создавали полную иллюзию неба, усеянного звездами. Это небо было щедрее земного: звезды двигались, всплывали, гасли, переливались всеми цветами радуги...

Я подумала о том, что человечество с огромным опозданием начинает завоевание глубин. Почему? Ведь ласты, маска, дыхательная трубка с загубником могли быть изобретены еще во времена фараонов. Акваланг появился с опозданием по крайней мере на полстолетия. Жесткие

скафандры в течение столетия почти не совершенствовались. Батисферу и батискаф можно было построить еще в середине прошлого века...

Мы стремимся к далеким планетам: едва ли не каждый мальчишка мечтает о космических полетах. А рядом с нами - громадный неисследованный мир. В нем есть все - чужая жизнь, нераскрытые тайны, смертельные опасности, неисчерпаемые богатства. И еще - никем не виданная красота.

Здесь все впереди. Здесь будет свой Теоретик Гидронавтики. Будет свой Главный Конструктор. Будут первые гидронавты и первое кругосветное путешествие по дну океана...

- Включайте двигатель! - Ревзин обеими руками тряс меня за плечо. - Наши идут. Наверх! Наверх!

Я передвинула рычажок включения, за спиной забился, задрожал плавник, и с этого момента время стремительно понеслось вперед. Мы поднимались на максимальной скорости; сравнив показания глубиномера и часов, я определила ее в шесть метров в секунду. Завитаев приказал подсоединить резервные аккумуляторы; двигатель работал на форсированном режиме.

Антенна ультразвукового телефона теперь была направлена вверх, и я хорошо слышала "Динго". К сожалению, у аппарата в лодке сидел Ермаков. Методически, через каждые десять минут, он повторял одно слово:

"Как?" - и умолкал, услышав ответ.

Лучи наших прожекторов сливались в широкий и яркий сноп света. У Завитаева и Ревзина, кроме того, были сильные ультрафиолетовые лампы. Никто не преграждал нам дорогу наверх. И никто не осмелился бы преградить - так мне тогда казалось. Но прошло (я бы сказала - пролетело) меньше часа, и нам преградили дорогу те самые существа, которые напали на роботов.

Это случилось на глубине немногим более трех километров. До выхода из кратера оставалось что-то около двухсот метров. Мы по-прежнему поднимались на предельной скорости, и вдруг впереди (Завитаев и Самарин были метров на

тридцать выше меня) вспыхнули ослепительные огненные полосы. Я сейчас же выключила двигатель. В телефоне загудел голос Самарина:

- Наверху... эти самые... Я заметил двух.

- Их больше, - поправил Завитаев. - Они прячутся в водорослях. Всем отойти вниз, вправо, к скалистому выступу... А, черт!..

Снова полыхнули огненные струи. И тогда я увидела тех, кто напал на нас. Строго говоря, их я как раз и не увидела. Их нельзя было увидеть - они оказались прозрачными и потому невидимыми. Но в ультрафиолетовом свете что-то флюоресцировало внутри этих существ. Внутри - опять-таки очень условное определение. Вначале я решила, что светится костный или хрящевой скелет. Сейчас я склонна думать, что флюоресцировал прозрачный панцирь. Во всяком случае, то, что светилось, напоминало по форме паука с шестью громадными суставчатыми конечностями. Именно паука, а не массивного краба, потому что движения этих существ отличались почти невероятной легкостью и скоростью. Если бы пауки передвигались медленнее, я, пожалуй, смогла бы их разглядеть, ибо абсолютно прозрачными они, конечно, не были. Но пауки проносились над нами стремительно, молниеносно. Это походило на полет огромных хищных птиц.

Мы отбивались электрогидравлическими пистолетами. Навстречу паукам летели огненные струи, вода вскипала от огня, клокотали громадные пузыри пара... Пауки уходили в кусты водорослей, а потом снова бросались на нас. По-видимому, они не знали страха. Их останавливал только огонь. Но с тупой настойчивостью они рвались к нам снова и снова. Сначала их было три или четыре, затем появились еще. Я насчитала восемь и сбилась со счета.

- Плохо, - тяжело дыша, сказал Ревзин. - Если они задержат нас еще на час-полтора, кончится кислород.

Я сообразила, что он говорит о Завитаеве: в наших скафандрах было еще достаточно кислорода.

- Придется идти на прорыв, - отозвался Самарин.

- Правильно, товарищ капитан, - поддержал его один из моряков. - Станем в круг и...

- Не спешите, - вмешался Завитаев. - Мы даже не знаем, чем эти твари собираются нас взять. Нельзя лезть на них вслепую.

Натиск пауков прервал разговор. На этот раз пауки надвигались сплошной стеной. Один из них приблизился ко мне - я ясно увидела фиолетовое мерцание его длинных лап и поспешно нажала спусковые крючки обоих пистолетов. Огненная завеса отогнала пауков.

- Через час сработает взрыватель, - продолжал Завитаев. Начнется извержение. Оно опаснее этих тварей.

Я спросила, нельзя ли изменить время взрыва.

- Нет, - ответил Завитаев. - Взрыватель сработает от часового механизма. Опускаться вниз уже поздно.

Наступило молчание.

- Стреляйте точнее, - сказал потом Ревзин. - Самовоспламеняющаяся жидкость в пистолетах быстро расходуется.

- Внимание! - предупредил Завитаев. - Они идут... Что за черт! Что там происходит?..

Наверху происходило нечто непонятное. Призрачные пауки набросились на кого-то другого. В первый момент мне показалось, что это перевернутая лодка. Но, приглядевшись, я поняла, что новый противник пауков - живое существо. Его лоснящееся в лучах прожекторов черное туловище и в самом деле напоминало перевернутую лодку. Сплюснутая, почти плоская голова имела огромные челюсти. Две пары толстых, мощных ласт пенили воду.

- Приятное создание, - иронически заметил Завитаев. - Если они сцепятся между собой...

Они сцепились. И вот тут мы увидели, чем сражаются призрачные пауки. Они не подходили вплотную к своему противнику. Нет. Они кружились около него. Сначала мы не понимали, в чем дело. Но очень скоро движения

неповоротливого черного существа стали какими-то странными, судорожными, подергивающимися.

- Они его чем-то опутывают! - воскликнул Городецкий.

Да, пауки быстро опутывали своего противника невидимыми нитями. Мне показалось, что сейчас все будет кончено. Туловище черного существа согнулось, ласты беспорядочно били воду... Но, видимо, противник пауков имел поистине чудовищную силу. Он рванулся и разорвал невидимую сеть. И сразу же прыгнул на неосторожно приблизившегося паука, смял его, раскрыл и сомкнул пасть...

Остальные пауки тревожно заметались, потом опять образовали круг. Все началось сначала.

- Есть идея, - сказал вдруг Самарин. - Пока они заняты друг другом, мы можем отойти вниз. С "Динго" сбросят глубинную бомбу, и...

- Правильно! - перебил Завитаев. - Передавайте приказ.

Мы опускались очень медленно, стараясь не привлечь внимания пауков и не вызвать погони. Но схватка наверху была в полном разгаре, и пауки, видимо, забыли о нас. Глубиномер показывал четыре с половиной километра, когда Завитаев, посоветовавшись с капитаном, приказал остановиться. Мы укрылись в трещинах кратера. Надо было ждать: по расчетам Самарина, на спуск бомбы требовалось минут сорок.

Время от времени Ермаков невозмутимо сообщал:

"Сбросили две бомбы... Бомбы прошли глубину в двести метров... Триста... пятьсот..." Я знала: если схватка наверху закончится раньше, чем бомбы достигнут кратера, пауки могут уцелеть. В этом случае нам придется идти на прорыв. Но, пока мы проплывем полтораста-двести метров, пауки успеют опутать нас своими невидимыми нитями.

Ермаков бесстрастно отсчитывал: "Семьсот... Восемьсот... Тысяча..." Мы молчали; излучатели гидротелефонов были направлены вверх - все слушали Ермакова. "Тысяча триста... тысяча шестьсот..." Я посмотрела на часы: еще полчаса задержки - и у Завитаева не хватит кислорода на подъем.

- Волнуетесь?..

Завитаев стоял рядом со мной. Сквозь иллюминаторы - свой и его - я видела поблескивающие, улыбающиеся глаза. Голос был азартный, даже веселый.

- Понимаете, появилась мысль... Ведь мы делаем глупость: бурим сверху. Зачем? Там, внизу, под земной корой, огромные силы. Надо только открыть им дорогу. Подтолкнуть, направить - хотя бы излучением или сейсмическими волнами. Скважина должна буриться из-под земной коры. Парадокс, а? Как все новое, не больше. Вы думаете, парадокс?

Я просто ничего не понимала. Я видела только, что Завитаев нашел какую-то идею. Он был поглощен ею и не ждал ответа на свой вопрос. Я спросила, хватит ли у него кислорода. Он посмотрел на меня, на секунду задумался, потом серьезно сказал:

- Кислород? Я дышу через раз... для экономии. Между прочим, вы молодец, не трусите. Если надоест писать романы, поступайте ко мне в экспедицию. Водолазом, а? Теперь мы только и начнем по-настоящему. Такая идея... Почему она не пришла раньше...

Мысль, которая смутно возникла у меня еще днем, стала вдруг определенной и ясной. Я подумала о том, что, по

старой литературной традиции, мы пишем о борьбе человека с природой как о схватке равных. Мы пишем об этом так, как писали сто лет назад. Но время изменилось, а вместе с ним изменились и люди. Если раньше единоборство человека с природой было яростным, ожесточенным и далеко не всегда оканчивалось торжеством человека, то теперь у природы мало шансов на победу. Человек заранее уверен в своем торжестве. Люди (это произошло как-то незаметно за последние полстолетия) перестали выпрашивать милости у природы. Они поняли, что сильнее природы, что, какие бы дерзкие задачи они ни ставили, природа сдастся, уступит. Отсюда и безграничная уверенность в себе. Уверенность, основанная не на личных качествах одного человека, единоборствующего с природой, а на сознании неограниченности сил всего человечества, вступающего в новый век.

Человек, прокладывающий путь в космос, перекраивающий материки, создающий в океане Атлантиду, опрокинет все пределы. Завитаев и Городецкий правы: нет границ, поставленных природой человеку.

Пройдет время. Забудется, исчезнет многое алчность, зависть, малодушие... И, может быть, главным качеством человека, живущего в век коммунизма, будет именно это гордое сознание принадлежности к великой, не знающей преград своим дерзаниям, умной, доброй, красивой человеческой семье.

В телефоне послышался взволнованный (или мне показалось?) голос Ермакова:

- Три километра... Бомбы пошли точно в кратер!

- Прячьтесь! - Завитаев подталкивал меня к скале. И сразу же наверху громыхнул взрыв. Я едва успела прижаться к камням, как снова раздался взрыв. Вода бурлила, скафандр гудел и бился о камни. Я попыталась уцепиться за выступы скалы...

- Вперед! Теперь - вперед!

Я оттолкнулась от скалы и включила двигатель. Завитаев ждал меня.

- Быстрее! Все сюда!..

Прожекторы с трудом пробивали мутную воду. В трех-четырех метрах уже ничего не было видно. Мы поднимались плечом к плечу, держа пистолеты наготове. Но пауки исчезли. Выход из кратера был свободен.

Через двадцать минут, когда мы приближались к "Динго", я почувствовала сотрясение воды: как будто кто-то несильно толкнул меня. Это внизу, в шахте, взорвался атомный заряд, открывая путь магме...

С утра ветер гонит над океаном серые тучи. Временами они опускаются совсем низко, к волнам. В двух километрах на север-с ходового мостика "Иркутска" видно далеко - грохочет вулкан. Его окутанная дымом вершина уже поднялась над водой. Это произошло на третий месяц после начала извержения. По ночам багровое зарево освещает океан. Днем клубы пара и дыма поднимаются высоко в небо.

Извержение продолжается. Островок растет. За сутки он увеличивается на пять тысяч квадратных метров. Завитаев говорит, что извержение закончится через месяц, не раньше.

Я стою на мостике "Иркутска". Корабль режет побуревшие от пепла волны. Воздух пропитан запахом серы. Нужно уйти вниз, в каюту. Но мне не хочется уходить. Я смотрю на созданную человеком Атлантиду и думаю о сказанных когда-то Завитаевым словах:

"Слишком много знали - и потому погибли... Меня такая философия не устраивает. Я за другой принцип: много знали - и потому создали Атлантиду..."

Михаил Немченко, Лариса Немченко

ЛЕТЯЩИЕ К БРАТЬЯМ

Нам в руки случайно попал номер еженедельника "Бизнес трибюн" от 12 октября 19... года. Опубликованная в нём большая редакционная статья "Летящие к братьям - мистификация или реальность?" показалась нам настолько любопытной, что мы решили ее перепечатать. Ниже следует полный текст статьи.

"В последние дни редакция получает много писем от читателей с просьбой высказаться по поводу взбудораживших всю страну загадочных событий на Горном Западе.

Авторы ряда писем - видные деятели промышленности и финансового мира справедливо обеспокоены положением дел на бирже, где панические слухи о возможном "возмездии краснокожих" уже привели к падению курса акций. Вполне понятны также сомнения и колебания, которые испытывают в эти дни многие состоятельные люди, решая вопрос о том, следует ли им немедленно вступить в созданное на прошлой неделе общество "Истинные друзья индейцев" или пока воздержаться от этого шага. (Как известно, каждый вступающий должен внести солидную сумму в специально образованный "Фонд помощи краснокожим братьям". Эти средства, выражаясь словами президента "Истинных друзей" м-ра Нокса, "необходимы для того, чтобы срочно развернуть энергичную благотворительную деятельность в индейских

резервациях и тем самым постараться гарантировал членам Общества личную безопасность в случае "возмездия".)

Между тем паника продолжает усиливаться. Как сообщили нам только что из столицы, там зарегистрировано уже около ста человек, принявших "Спасительный пигмент". В основном это оказались чиновники из Управления по делам индейцев. По свидетельству очевидцев, во всех случаях оригинальный препарат, выпущенный "Кемикл компани", действует безотказно, и кожа упомянутых чиновников уже начала приобретать характерный для индейской расы красновато-коричневый оттенок.

Разноречивые толкования, которые дают газеты и телеграфные агентства событиям, происшедшим 26 сентября в Айоминге и Олдорадо, только усиливают общее замешательство. Попытаться отделить правду от наслоений вымысла единственная цель, которую мы ставим перед собой в данной статье. Мы намерены изложить в ней лишь факты, какими они представляются на сегодняшний день, воздерживаясь по мере возможности от каких бы то ни было догадок и предположений.

Первым, кто увидел загадочных незнакомцев, был, как это всем известно, Том Пеммикан, одинокий индеец 49 лет, родом из резервации ирокезов у Великих озер. Последнее обстоятельство весьма существенно, ибо - хотя, подобно многим индейцам, Пеммикан в поисках заработка покинул свою резервацию еще молодым парнем и с тех пор жил среди белых, - он к моменту описываемых событий еще помнил язык и обычаи своего племени. Показания Тома Пеммикана фигурировали на первых страницах газет, однако мы считаем нужным еще раз вкратце напомнить содержание его рассказа, чтобы читатели могли лучше разобраться в последующих событиях.

По словам м-ра Пеммикана, утро 26 сентября застало его в горах примерно в 15 милях севернее маленького поселка Поквилл (северо-западная часть Айомннга), в котором он проживает. В горы м-р Пеммикан отправился еще накануне

днем собирать лекарственные травы. За полгода до описываемых событий он лишился своего места мойщика автобусов (был установлен автомат) в гараже туристской компании "Синие горы", и с тех нор его основным источником дохода стали трапы и коренья, которые он сдавал в аптеку соседнего городка Файндейла.

Итак, ранним утром 26 сентября Том Пеммикан, переночевав в заброшенной охотничьей хижине, медленно поднимался по горному склону, поросшему густым лесом. Солнце еще не взошло, и в чаще стоял полумрак. Было очень тихо.

Леса и горы Айоминга вообще самое тихое место в стране. Правда, эти места летом привлекают много туристов. Но в конце сентября туристский сезон здесь уже заканчивается и сумрачные хвойные леса на десятки миль почти безлюдны. Поэтому Том Пеммикан был очень удивлен, когда, продираясь сквозь заросли, внезапно услышал впереди за деревьями человеческие голоса.

Том уверяет, что не испытал при этом страха, однако на всякий случай он остановился и прислушался. Голоса смолкли, и раздался хруст валежника, какие-то люди приближались к нему быстрыми, легкими шагами. Пеммикан еще не успел решить, как ему следует себя вести, когда в полумраке между деревьями показались странные силуэты. Вглядевшись, он чуть не вскрикнул от изумления: перед ним стояли два высоченных охотника-индейца, словно явившиеся из древних сказаний.

Несмотря на пережитое потрясение, м-р Пеммикан довольно подробно описывает их одежду.

Квадратный кожаный передник. Широкий плащ, видимо, из целой шкуры. Через плечо перекинут лук. Стрелы в колчане за спиной. На мускулистых ногах мягкие кожаные мокасины. Из-под украшенной перьями круглой кожаной шапочки ниспадают прямые черные волосы. Обе фигуры дышат недюжинной силой и здоровьем. (Что касается лиц, то м-р Пеммикан, как известно, не мог впоследствии сказать

ничего определенного, кроме того, что они были "совсем как у индейцев, только какие-то странные".)

Глядя во все глаза на незнакомцев, Пеммикан вдруг вспомнил, что почти такой же старинный наряд он еще мальчишкой видел в вигваме старого вождя их племени. Но Том, разумеется, отлично знал, что сегодняшние индейцы давно уже не носят подобных одеяний. Что же заставило этих чудаков так вырядиться? Кто они и что делают здесь, в безлюдных лесах?

Эти мысли проносились в голове Тома Пеммикана, пока он настороженно разглядывал странных незнакомцев, остановившихся в нескольких шагах от него. Внезапно ему показалось, что на поляне становится светлее. Словно где-то рядом включили яркую матовую лампу.

Озадаченный, Пеммикан оглянулся по сторонам. Солнце еще не появлялось. Чуть поодаль, под деревьями, по-прежнему было сумрачно. Незнакомцы стояли в самом центре освещенного пространства, но в руках у них не было видно ничего, что могло бы излучать, свет. Можно было подумать, что светится сам воздух.

Вероятно, человека, более искушенного в физике, это странное явление заставило бы призадуматься. Но Том Пеммикан в простоте душевной решил, что перед ним просто-напросто какая-то очередная техническая диковинка - из тех, что придумывают белые в больших городах. Ему стало ясно, что эти люди - уж во всяком случае, не обитатели резервации.

"Какие-нибудь парни из города, - решил он. - Нарядились, чтобы кого-нибудь разыграть..."

В этой мысли м-ра Пеммикана особенно утвердила одна деталь: незнакомцы явно чувствовали себя непривычно и скованно в своих кожаных нарядах. Да и выглядели первобытные одеяния такими новенькими, словно только что были изготовлены.

Пеммикан уже собирался было пошутить на этот счет, чтобы показать чудакам, что их маскарад разгадан. Но его

вдруг поразило выражение глаз незнакомцев. Он только сейчас заметил, что эти люди разглядывают его, Тома Пеммикана, с таким неподдельным радостным изумлением и любопытством, словно именно его они и искали!

Незнакомцы о чем-то оживленно заговорили между собой. Потом один из них подошел к Тому и, с улыбкой показывая рукой то на его одежду, то на свой кожаный наряд, что-то сказал. Засмеявшись, он сдернул с головы украшенную перьями шапочку. Следом на землю полетели лук и колчан со стрелами. Горячо жестикулируя, высокий незнакомец снова заговорил, обращаясь к Тому.

Пеммикан не понимал ни слова. Но вслушиваясь в эту быструю речь, он неожиданно с удивлением обнаружил, что в ней то и дело мелькают какие-то знакомые звукосочетания. Казалось, язык этих странных людей чем-то отдаленно напоминает язык его родного племени. Он попробовал заговорить с ними по-ирокезски. Лица незнакомцев оживились. Видимо, они тоже улавливали какое-то сходство. Однако было ясно, что они ничего не понимают. Пеммикан задал несколько вопросов по-английски, - но с тем же успехом. Глаза неизвестных выражали полное недоумение.

Именно в этот момент окончательно сбитый с толку м-р Пеммикан заметил в руках одного из незнакомцев маленькую черную коробочку, которая несколько раз наводилась на него, Тома. Это сразу направило его мысли по новому руслу.

Черный предмет, который наводят на человека, по мнению Тома, мог быть только фотоаппаратом. А люди, разгуливающие по горам с фотоаппаратами и при этом не понимающие по-английски, могли быть только туристами из какой-нибудь далекой страны, случайно задержавшимися здесь в конце сезона. Странные одежды в таком случае были легко объяснимы. Пеммикан отлично знал, что туристы - народ падкий на всякие диковинные сувениры. А уж если люди покупают безделушки, им ничего не стоит потратить пару лишних долларов - в этом Том был твердо убежден. И

он принялся жестами объяснять чудакам, что хорошо знает окрестные горы и может показать уйму живописных мест.

Незнакомцы о чем-то посовещались, и тот, что был на вид постарше, достал из-под плаща нечто, напоминающее по форме небольшой обруч с широкими утолщениями по бокам. Том успел заметить, что с внутренней стороны "обруч" усеян множеством маленьких кружочков из какого-то блестящего синеватого металла. Отходившие от утолщений тонкие черные нити сходились пучком в крошечном коричневом шарике, который незнакомец повесил на груди поверх своего первобытного плаща. Осторожно натянув "обруч" на голову, он особенно тщательно приладил его на затылке.

Тем временем его товарищ достал откуда-то второй такой же "обруч" и, ободряюще улыбнувшись, протянул его Тому, Пеммикан совершенно не понимал, чего от него хотят. Но весь вид этих людей выражал такую приветливость и доброжелательность, что он послушно дал надеть на себя странный обод. Незнакомцы опустились на пожелтевшую траву и усадили рядом с собой Тома.

То, что произошло потом, вспоминается м-ру Пеммикану словно в тумане. Он помнит только, что один из неизвестных пристально, не отрываясь смотрел ему в глаза. Голова слегка кружилась. Странное оцепенение овладело телом. Внезапно Том ощутил острое, неприятное покалывание в затылке. И в ту же секунду перед ним возникло удивительное видение.

...Какое-то большое светящееся тело, похожее на огромную рыбину, стремительно летело в темноте к далекому голубоватому шару. Мгновение - и эта картина исчезла. Пеммикан увидел людей. Высоких, обнаженных до пояса людей, очень похожих на двух незнакомцев. Они стояли в просторной, залитой светом комнате с овальным потолком и что-то рассматривали на стене, покрытой непонятными изображениями.

И тут прозвучало слово. Неведомое, чужое слово, произнесенное так явственно, точно кто-то невидимый заговорил в его голове. Ощущение было таким пугающе-непривычным, что оцепенение мгновенно слетело с Пеммикана. Его охватил безотчетный страх. Вскочив на ноги, Том сорвал с себя "обруч" и со всех ног бросился бежать.

Незнакомцы что-то кричали ему вслед, видимо, прося остановиться, но Пеммикан боялся даже оглянуться. Раздирая одежду о кусты, он бежал до тех пор, пока в изнеможении не упал в траву. Едва отдышавшись и убедившись, что никто его не преследует, м-р Пеммикан поспешил в

Поквилл, где появился в полдень, излагая каждому встречному свою невероятную историю.

Как известно, его сбивчивый и неправдоподобный рассказ был встречен в поселке добродушными насмешками. Все были уверены, что это чистая выдумка. И м-р Смок, агент по продаже холодильников и стиральных машин, навестивший в тот день Поквилл, посмеялся вместе со всеми. Однако история, выдуманная индейцем, показалась ему довольно забавной, и, поскольку м-р Смок является главным поставщиком новостей в местную газету "Файндейл таймс", он в тот же день, вернувшись в город, рассказал услышанное редактору этого почтенного органа м-ру Джонсу. Последний, как всегда, испытывал острую нехватку материалов для очередного номера, и новости из Поквилла были тотчас же отданы в набор.

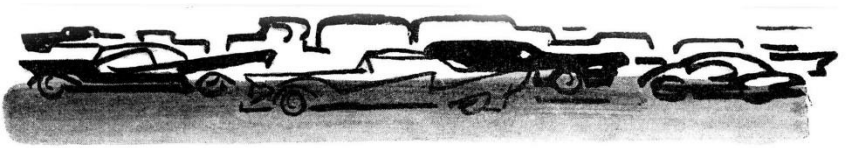
Благодаря такому стечению обстоятельств на следующее утро, 27 сентября, все полторы тысячи подписчиков "Файндейл таймс" могли ознакомиться с изложением рассказа м-ра Пеммикана, опубликованным под заголовком "Чудеса в горах". Рассказ был подан в юмористическом плане, но напечатан почти полностью. Редактор опустил лишь заключительное утверждение Пеммикана о том, что встреченные им существа были не кто иные, как черти.

Мы не знаем, позабавил ли рассказ читателей "Файндейл таймс". Во всяком случае, никто из них не проявил после этого особенного интереса к личности безработного индейца. И м-р Джонс был очень удивлен, когда около двенадцати часов дня в редакцию, запыхавшись, вошел неизвестный пожилой джентльмен и без всяких предисловий попросил сообщить ему, существует ли в действительности Том Пеммикан, и если да, то правильно ли изложен в газете его рассказ. Получив утвердительный ответ, пожилой джентльмен торопливо поблагодарил редактора и, так и не представившись, стремительно удалился.

Однако мы забегаем вперед. Напоминаем читателям, что о рассказе Тома Пеммикана, так же, как и о таинственном исчезновении профессора Селби, страна узнала лишь через два дня - после получившего широкую огласку инцидента в штате Олдорадо. Именно олдорадский инцидент впервые возбудил всеобщий интерес к загадочным незнакомцам, а уже затем, задним числом, стали известны события, происшедшие полутора часами раньше в Айоминге.

Не в пример сбивчивым показаниям Тома Пеммикана, документ, излагающий происшествие в Олдорадо, отличается протокольной точностью и лаконичностью. Речь идет о

рапорте сержанта полиции Ч. Бобсона, который он продиктовал в госпитале, сразу же после того, как пришел в сознание.



Сержант Бобсон начинает свой рапорт с того, что утром 26 сентября, патрулируя на шоссе в девятнадцати милях к западу от Ванвера, он в 9 часов 52 минуты заметил слева от дороги двух необычно высоких мужчин, которые сразу привлекли его внимание.

Сержанту прежде всего показалось удивительным, что, несмотря на прохладное утро, эти люди обнажены до пояса. Однако выйдя из машины, он обнаружил, что оба они одеты в совершенно прозрачные куртки из какого-то непонятного материала, напоминающего полиэтилен. Сержанту бросилась в глаза внушительная мускулатура неизвестных и неестественно большой объем их грудных клеток. Красновато-коричневый оттенок кожи и жесткие черные волосы ясно свидетельствовали о том, что эти люди - цветные.

Неизвестные не замечали сержанта, хотя он подошел довольно близко. Они стояли и не отрываясь смотрели на шоссе, по которому в этот утренний час уже мчались в обе стороны густые потоки машин. Сначала сержант подумал, что парни хотят попросить кого-нибудь их подвезти. Но, приглядевшись, он заключил, что это не так. Неизвестные, казалось, просто были поглощены созерцанием мчащихся авто.

Сержант Бобсон был озадачен. Когда в стране, где по окутанным бензиновой гарью дорогам носится около сотни миллионов автомобилей, выискиваются откуда-то два чудака, у которых зрелище мчащихся машин вызывает что-то вроде изумления, — это, конечно, не может не показаться странным. А когда эти субъекты к тому же еще одеты в нелепые прозрачные куртки и невиданного покроя блестящие штаны, а на спинах у них красуются продолговатые ранцы, напоминающие по форме бобовые стручки, - согласитесь, что такие экземпляры должны вызвать некоторый интерес у представителей полиции. Естественно, что сержант Бобсон тут же принял решение понаблюдать за двумя неизвестными.

Уже через минуту в его голове зашевелились первые смутные подозрения. Сержант заметил, что неизвестные держат в руках какие-то маленькие черные предметы, то и дело направляя их на пробегающие мимо авто. Не в пример наивному индейцу Бобсон сразу определил, что эти штуки не могут быть фотоаппаратами. По его словам, они не имеют даже ничего похожего на объектив.

Сержант окончательно убедился в этом, когда неизвестные наконец обернулись и, приветливо заулыбавшись, навели на него свои черные коробочки. Подойдя к Бобсону и с любопытством осматривая его со всех сторон, они попытались с ним заговорить, настойчиво показывая куда-то на небо. Их непонятная речь заставила сержанта еще больше насторожиться. К тому же Бобсону очень не понравилась фамильярность этих парней. Он довольно резко оттолкнул неизвестных, когда они попытались натянуть на него свой "обруч", - и при этом красноречиво похлопал себя по кобуре, давая понять, что не склонен шутить. Впрочем, его жест, кажется, не произвел на них должного впечатления.

Короче говоря, с этого момента сержант Бобсон уже всерьез размышлял, не следует ли ему немедленно задержать подозрительных типов на предмет выяснения их личностей.

Между тем неизвестные, очевидно, поняли, что с сержантом у них беседы не получится, и с видом явного сожаления снова повернулись к шоссе. Продолжая рассматривать машины, они не спеша шагали вдоль дороги, время от времени оглядываясь на Бобсона, который молча следовал за ними. Пешеходов по-прежнему не было видно. А сотни людей, проносящихся мимо на колесах, по-видимому, не обращали никакого внимания на двух полуголых великанов.

Пройдя метров двести, неизвестные увидели маленький дорожный кафетерий, стоящий у поворота шоссе. Загадочные черные коробочки снова были пущены в ход. Допрошенный впоследствии шофер грузовика Г. Смит, который в тот момент, позавтракав, выходил из кафетерия,

свидетельствует, что двое странного вида парней, прильнув к стеклянной стене, не сводили глаз с молодого негра официанта, вытиравшего столики. Шоферу очень хотелось узнать, что это за типы, но у него не было времени заниматься расспросами.

Итак, кафетерий был пуст. Чернокожий официант, - его звали Джим Перкинс, - заметив незнакомцев, по профессиональной привычке улыбнулся и жестом пригласил их войти. Неизвестные явно обрадовались приглашению. Через секунду они стояли на пороге, продолжая с любопытством разглядывать негра и сверкающую белизной стойку с автоматами. Необычность их костюмов привела Джима в некоторое замешательство. Однако, как и подобает официанту, он с неизменной приветливостью провел незнакомцев к стоящему в углу столику.

К изумлению официанта, незнакомцы беспомощно вертели в руках меню, по-видимому, совершенно не догадываясь о его назначении. Убедившись, что они ни слова не понимают по-английски, Джим решил, что с этими парнями можно не церемониться, и принес им завтрак по собственному выбору: два бифштекса, сандвичи и кофе в маленьких чашечках. Сержант Бобсон, устроившись за соседним столиком, молча наблюдал за происходящим.

Неизвестные продолжали вести себя крайне странно. Минуты две они, оживленно переговариваясь, рассматривали содержимое своих тарелок. Негр утверждает, что при этом один из великанов что-то капнул в поданные кушанья, слегка надавив колечко на указательном пальце. Правда, сержант не уверен, что это было именно так. Но зато он совершенно явственно увидел, что бифштексы и сандвичи внезапно окрасились в ярко-синий цвет, после чего были с аппетитом съедены незнакомцами. С видимым удовольствием выпили они и голубоватый кофе. Затем великаны неуклюже поднялись из-за стола и, всячески выказывая Джиму свою признательность и дружелюбие, попытались надеть ему на голову уже упоминавшийся "обруч".

Официант благоразумно отмахнулся от непонятного предмета и на пальцах показал странным посетителям, что с них причитается 2 доллара 14 центов. Видя, что они ничего не понимают, он выразительно похлопал себя по карману и наконец, достав из кассы доллар, помахал им перед незнакомцами.

Но все было тщетно. Великаны, казалось, усиленно старались уразуметь, что же от них хотят, но ровным счетом ничего не понимали. М-р Уайт, хозяин кафетерия, явившийся на зов Джима из своей кухни, склонялся к мысли, что это нарочитое непонимание, так как был абсолютно уверен, что любому, даже самому невежественному, иностранцу должна быть знакома долларовая бумажка. Наконец одного из неизвестных словно осенило. Видимо решив, что их просят оставить что-нибудь на память, он достал из широкого пояса маленькую овальную пластинку и с улыбкой протянул ее негру.

Читатели уже знакомы с описаниями и фотографиями этой тонкой матовой пластинки из не известного у нас вида пластмассы, вызвавшей столько споров среди физиков. Опыты показали, что стоит немного потереть ее пальцем, как вокруг, в радиусе около ста футов, разливается ровный серебристый свет. Причина этого загадочного явления пока не установлена, хотя было выдвинуто несколько интересных гипотез. Но сейчас нам важно лишь подчеркнуть, что в тот момент м-р Уайт не увидел в указанной пластинке ничего, кроме издевательства. Обернувшись к сержанту, он громко попросил его призвать этих людей к порядку.

Сержант Бобсон, водрузив на голову свою черную фуражку, решительно поднялся из-за столика и потребовал, чтобы неизвестные немедленно расплатились. Видя, что его требование не выполняется, он показал незнакомцам на выход и направился к двери. К удивлению сержанта, оба великана с готовностью двинулись за ним. М-р Уайт и негр, проявив вполне понятное любопытство, тоже вышли из кафетерия.

Сержант намеревался посадить задержанных в свою машину и доставить в полицейское управление. Но его страшно раздражало, что неизвестные, шагая рядом, продолжают наводить свои черные коробочки на окружающие предметы. Повелительным жестом Бобсон потребовал отдать ему подозрительные машинки. Они были протянуты сержанту после некоторых колебаний и вопросительных взглядов. Но, когда он небрежно сунул черные коробочки под мышку, незнакомцы заволновались. Оба что-то быстро заговорили, знаками прося вернуть им взятое. При этом один из великанов тронул сержанта за плечо.

Чутьем полисмена Бобсон почувствовал, что наступил решительный момент и надо действовать, не теряя ни секунды. Правда, сержанта несколько смущало, что каждый из неизвестных выше его чуть не на две головы и намного шире в плечах. Но Бобсон был неробкого десятка. К тому же дело происходило в нескольких шагах от шоссе, и он мог рассчитывать на помощь.

Мы не собираемся обсуждать здесь вопрос о том, насколько правильными были действия сержанта. Вероятно, он вел бы себя иначе, если бы знал, с кем имеет дело. В данных же обстоятельствах Бобсон считал своим прямым долгом любой ценой задержать неизвестных.

Его смелый план основывался на том, что странные великаны, - как это можно было заключить, - довольно медленно соображают. Круто повернувшись к одному из незнакомцев, Бобсон сунул ему черные коробочки и рывком вытянул перед собой руки ладонями вниз, знаком предлагая парню сделать то же самое. Великан был явно озадачен, однако послушно протянул сержанту свои ручищи. Прежде чем он успел что-нибудь понять, наручники защелкнулись на его запястьях.

Ободренный успехом, сержант отскочил в сторону и, выхватив кольт, наставил его на второго детину. Но великан, словно не замечая угрозы, бросился к товарищу. В одно мгновение он сорвал с него наручники и, что-то резко

крикнув, швырнул их в лицо Бобсону. В ответ раздался выстрел. Левая рука незнакомца повисла плетью. Это было последнее, что помнит сержант.

Как известно, отряд полисменов, прибывший на место происшествия через девять с половиной минут, обнаружил сержанта Бобсона неподвижно лежащим на земле без всяких признаков жизни. Однако врачебный осмотр показал, что сержант жив и находится в состоянии глубокого паралича. Дыхание и пульс были почти неощутимы, как при полной летаргии. Никаких повреждений на теле пострадавшего обнаружено не было.

Перепуганные хозяин кафетерия и негр официант смогли сообщить лишь очень немногое, так как предусмотрительно держались на приличном расстоянии от схватки. По их словам, в момент, когда сержант внезапно рухнул на землю, в руках у незнакомцев не было видно никакого оружия. Но именно в тот миг оба они ощутили резкое болезненное покалывание, пробежавшее по нервам. Вероятно, это была докатившаяся до них волна тон неведомой силы, которая сразила сержанта.

Затем они увидели, как продолговатые ранцы на спинах незнакомцев раскрылись и из них выдвинулись какие-то сверкающие изогнутые раструбы. Таинственные люди стремительно поднялись в воздух и скрылись за грядою гор, окаймляющей шоссе с севера.

Впоследствии лишь четверо из всех опрошенных пассажиров и водителей машин, проезжавших в эти минуты, но шоссе, подтвердили, что видели двух людей, непонятным образом летевших по воздуху. Все остальные ничего не заметили, поглощенные рулем и собственными мыслями.

Энергичные поиски, тотчас же предпринятые по всей округе, ничего не дали, хотя была поднята на ноги вся полиция штата, и десятки полицейских вертолетов кружили над хребтами и ущельями, тщетно пытаясь обнаружить следы летучих беглецов. Лишь на исходе дня, уже в густых сумерках, один из вертолетов обстрелял каких-то

подозрительных существ, летевших на север. Однако так и не удалось установить, были ли это люди или просто большие птицы.

Так как положение оставалось крайне неясным, власти запретили м-ру Уайту и Перкинсу давать какие-либо интервью репортерам. В прессу было передано лишь краткое сообщение о том, что сержант полиции Ч. Боб-сон подвергся нападению двух неизвестных, которым удалось скрыться, и что преступники разыскиваются. Как и следовало ожидать, это туманное сообщение лишь распалило воображение репортеров и любопытство читателей. Уже на следующий день на страницы газет стали просачиваться самые невероятные слухи о загадочном нападении.

Такова была обстановка, когда вечером 27 сентября, через 34 часа после происшествия, сержант Бобсон, находившийся в госпитале, открыл глаза и слабым голосом начал диктовать свой рапорт. Сообщенные им сведения, при всей их настораживающей необычности, казалось, ничем не могут облегчить розыски. Однако 28 сентября, когда рапорт сержанта был наконец передан по радио, всем жителям Поквилла бросилась в глаза несомненная связь между событиями в Олдорадо и историей, рассказанной Томом Пеммиканом. Последний был в тот же день на самолете доставлен в столицу и тщательно допрошен. Стало совершенно очевидно, что "охотники-индейцы" и летучие беглецы - одни и те же лица.

Власти немедленно организовали самые тщательные поиски в Айоминге. Однако драгоценное время было упущено.

Между тем показания Тома Пеммикана, поданные газетами под самыми кричащими заголовками, в сущности, ничего не могли объяснить. Оставалось совершенно непонятным, кто такие эти неведомые люди, откуда они явились и куда исчезли. Волнение и любопытство публики возрастали с каждым днем.

Не удивительно, что в этой обстановке сообщение об исчезновении профессора Селби вначале промелькнуло в печати почти незамеченным. Впрочем, надо полагать, и в обычное время подобное известие не привлекло бы особого внимания репортеров, ибо Роберт У. Селби был всего лишь скромным профессором. Гринстонского университета, не известным никому, кроме нескольких десятков студентов-филологов да горсточки ученых языковедов, подобно ему занимающихся таким мало кому интересным делом, как изучение индейских языков.

Однако вскоре произошло событие, возбудившее всеобщий интерес к скромной фигуре старого лингвиста. Утром 4 октября на маленьком лесном озере, в горах северного Айоминга, был найден прибитый к берегу термос. В нем находилось письмо, адресованное исчезнувшим профессором своему другу и коллеге доктору Дж. Мак Хиллу, сотруднику этнографического музея в Нью-Тауне.

К сожалению, письмо несколько попорчено водой, попавшей в термос. Поэтому текст его мы приводим с невольными пропусками:

"Дорогой Джо!

Если это письмо в конце концов попадет к тебе в руки - не удивляйся, что оно послано в такой не совсем стандартной упаковке. Дело в том, что твой друг находится сейчас довольно далеко от ближайшего почтового ящика. А времени у него в обрез, так как скоро он вылетает на одно из небесных тел. К сожалению, пока неясно, состоится ли затем обратный рейс на Землю. То есть я лично уверен, что Летящие к братьям еще вернутся, но, понимаешь, гарантировать это все-таки нельзя...

Успокойся, старина. Честное слово, твой Роб еще не совсем свихнулся. Наберись терпения, - я постараюсь тебе все объяснить.

Да, дружище, любопытно все складывается в жизни. Ведь у меня не было бы никаких шансов оказаться участником этой фантастической истории, если бы тридцать лет

назад два студента филолога по имени Джо Мак-Хилл и Роб Селби не вбили себе в голову, что их призвание - лингвистика. И не вообще лингвистика, а изучение языков коренных обитателей континента.

Помнишь, что говорил нам тогда старик Дэвис, декан факультета?

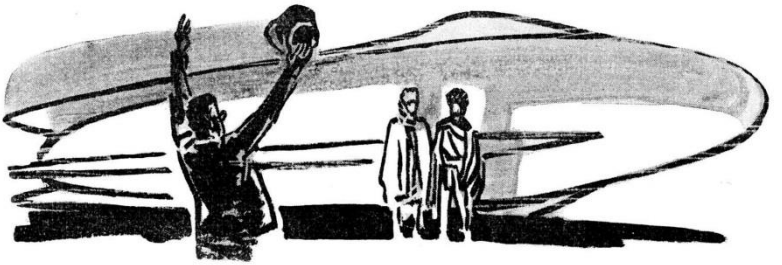
"Глупая романтика, мальчики. Понимаю, вас привлекает, что индейские языки слабо изучены. Так сказать, нехоженые тропы лингвистики... Но поймите же, черт возьми, - потому здесь и осталось столько белых пятен, что слишком мало находится охотников копаться в диалектах маленьких племен, прозябающих в своих резервациях. Ну а если вы еще вздумаете за них заступаться, можете считать, что синяки вам обеспечены..."

Что ж, в последнем старик оказался прав... Но ближе к делу. Так вот, Джо, все началось с небольшой статейки в местной газете, которая в то утро за завтраком попалась мне на глаза.

Разумеется, тут не обошлось и без Ее Величества Случайности, ибо то, что я приехал дописывать свои "Очерки исчезающих наречий" именно в этот полусонный Файндейл, - дело ее рук.

Ты, конечно, догадываешься, чем заинтересовала меня эта статья. Да, рассказанная в ней история не внушала доверия. По у меня невольно закралась мысль:

"А вдруг этот Пеммикан, присочинив остальное, действительно встречал где-то индейцев, говорящих на каком-то еще не изученном наречии?" Когда же я явился в Поквилл и увидел, какой напуганный вид у бедняги индейца, - я уже почти не сомневался, что стою на пороге важного открытия. Было ясно, что нельзя терять ни минуты. И так как Пеммикан наотрез отказался быть моим проводником, - твой друг, долго не раздумывая, один отправился в горы искать таинственных незнакомцев.



Разумеется, это было чистейшее безумие. Подробно записанные со слов Пеммикана ориентиры не помогли. К вечеру я заблудился. Шел в темноте, натыкаясь на деревья, уже даже не пытаясь найти тропу, - просто шел, чтобы куда-нибудь прийти. И тут...

...Эти ребята не выказали большой радости при моем появлении. (Тогда я еще не знал, что обязан этим бравому сержанту из Олдорадо.) Они отступили к длинному сигарообразному телу, смутно поблескивавшему в темноте, и выжидающе посматривали на незваного гостя. Но когда твой друг приложил руку к сердцу и начал выкрикивать приветствия на всех семидесяти девяти индейских языках, которые он знает, - их настороженность понемногу стала исчезать. Короче говоря, стоило им убедиться в моем миролюбии, как оба стали удивительно приветливы, и мы довольно быстро установили контакт.

Конечно, вряд ли бы у нас что-нибудь получилось, если бы не "обруч". Эта штука с идеальной точностью передает любые мысли и зрительные образы из одной головы в другую. Пеммикану ничуть не померещилось: мне они точно так же посылали в мозг целые серии живых картинок. Даже когда я чуть-чуть разобрался в их языке, и мы стали кое-как разговаривать...

А теперь, старина, послушай, какую историю поведали мне эти космические парни, после того как я вкратце объяснил им, что собой представляет человеческое общество в целом и наша страна в частности.

В общем, все начинается с легенды. Ты знаком с ней так же хорошо, как и я. Это предание о Великом Пожаре, которое и сегодня можно услышать у индейцев многих племен, обитавших в прошлом в лесах на востоке материка.

Интересно, что, хотя у разных племен легенда эта передается в различных вариантах, - все они сходятся в одном главном мотиве: пожар был зажжен небесным огнем. Причем указывается, что носительницами огня были две кометы, которые одну за другой в ярости швырнул на землю "Держатель Небес", прогневавшийся за что-то на людей.

Как тебе известно, в разное время высказывались самые различные догадки о том, что могло явиться причиной такого пожара. Большинство ученых придерживалось того мнения, что "небесный огонь" был какой-то необычайной силы молнией или - что менее вероятно - большим метеоритом. Однако постепенно многие исследователи стали склоняться к мысли, что никакого Великого Пожара вообще не было, а индейская легенда - просто поэтический вымысел, в основу которого легли картины обычных лесных пожаров.

Но теперь я знаю, Джо, что небесный огонь действительно упал в леса у Великих озер примерно в последней четверти десятого века. И этим огнем были два огромных космических корабля, прилетевших из далекого звездного мира.

Не знаю, как именуется у наших астрономов эта звезда. Пришельцы называют ее на своем языке - Миурм. Как они объясняют, звезда и по цвету, и по температуре - почти точная копия нашего солнца. С той только разницей, что диаметр ее в дюжину раз больше солнечного, а светит она в сто десять раз ярче нашего уважаемого светила. Кроме того, у Миурма имеется еще звезда-спутник - тоже солидных размеров солнышко...

(Примечание газеты: "Судя по приводимым данным, возможно, речь идет о Капелле - двойной желтой звезде из

созвездия Возничего, находящейся на расстоянии 42 световых лет от Земли".)

Как видишь, в тех краях жарковато. Но благодаря тому, что планета, с которой прибыли мои новые знакомые, находится в несколько десятков раз дальше от своих двух светил, чем наша Земля от Солнца, - она получает лишь немногим больше тепла и света, чем наш шарик.

Между прочим, эти ребята показали мне что-то вроде стереофильма о восходе солнц на своей Глеммре.

...Сначала полумрак, смутные очертания гигантских гор. Потом вдруг быстро начинает светать — это поднимается главное солнце - Миурм. И неожиданно видишь, что черная равнина у подножия гор — это море. Море с черными, как тушь, волнами. С первого взгляда это выглядит несколько зловеще. Но краски земли и неба так ярки и радужны, что чернота океана словно еще больше подчеркивает розоватую белизну прибрежных скал, яркую зелень густых зарослей на склонах красных и синих гор, и... (Конец страницы размыт.)

...А когда вскоре взошло второе, меньшее солнце, - все вокруг озарилось таким нестерпимо ярким светом, что у меня заломило глаза. В общем, мне стало понятно, почему эти парни так напряженно во все вглядываются у нас на Земле и даже днем пускают в ход свои осветительные средства.

Так вот, Джо, на этой самой Глеммре издавна обитали мыслящие существа "кземмы", как называют их на своем языке Летящие к братьям.

Я видел изображение кземма так отчетливо, словно он живой возвышался передо мной. Представь себе высокое, чуть не в два человеческих роста, существо с длинными полусогнутыми ногами и серебристо-белой кожей, чем-то отдаленно напоминающее по облику кенгуру. Но гибкие длинные руки с хорошо развитыми пальцами я большая круглая голова с пристальным взглядом широко расставленных глаз сразу говорят о том, что перед тобой не животное.

В те времена, когда наши обезьяноподобные предки еще только овладевали искусством хождения на задних лапах, цивилизация кземмов достигла уже довольно высокого уровня. Однако разница в положении двух основных рас, существовавшая у кземмов на ранних стадиях развития, с течением времени не только не исчезла, но еще больше закрепилась.

Хозяевами планеты были "Пятнистые" - или, как они себя называли - "Сыны двух Солнц", немногочисленная замкнутая каста ученых, инженеров и воинов. А огромное большинство кземмов - "Одноцветные" - находилось на положении полурабов, и им с давних времен был запрещен всякий доступ к Знанию. Каждого из "одноцветных" обучали лишь обращению с каким-нибудь одним техническим устройством. Их брали и в космические экспедиции, но лишь служителями.

Собственно, все физическое различие заключалось и том, что у "Сынов двух Солнц" кожа была покрыта зелеными крапинками, а у "одноцветных" она была просто серебристо-белой. Однако в результате строго соблюдавшегося "пятнистыми" разделения обе расы существовали совершенно обособленно.

В конце концов эта обособленность привела к тому, что творческий запал "пятнистых" стал постепенно ослабевать. У этих существ, пресыщенных своей властью, мгновенным удовлетворением любого желания, все больше притуплялся интерес к Неизведанному. Их древнее Знание, замкнувшееся в узком кругу посвященных, уже почти не развивалось дальше. "Зачем познавать, если не дано познать Бесконечность?" — это изречение и сегодня находят начертанным на стенах гигантских дворцов из синего камня, построенных в ту эпоху.

Все реже и реже стартовали с Глеммры звездолеты. Экспедиция, о которой пойдет речь, была одной из последних.

Она состояла из двух кораблей, на которых находились и "пятнистые," и "одноцветные". Как я понял, целью экспедиции была Альфа Центавра. Но все планеты этой звезды оказались пустынными, и, обследовав их, кземмы направили свои корабли к Солнечной системе.

Звездолеты опустились где-то у Великих озер, и огненные струи, вылетавшие из дюз, сразу в нескольких местах зажгли окрестные леса. В огненном кольце, быстро охватившем обширную территорию, оказалось, очевидно, несколько индейских племен. На одно из них и наткнулись кземмы неподалеку от своих звездолетов.

Кземмы, видимо, очень торопились в обратный путь, и впоследствии в запоминающих устройствах экспедиции были обнаружены лишь самые общие сведения о размерах Земли и се атмосфере. Даже то, что природные условия Глеммры и Земли оказались во многом схожими, не заставило "пятнистых" повнимательней обследовать нашу планету. Но, вероятно, именно это натолкнуло кземмов на

мысль захватить с собой на Глеммру некоторое количество маленьких двуногих существ.

Судя по образцам одежды и оружия, найденным впоследствии в архивах экспедиции, это было охотничье племя, еще только начинавшее переходить к примитивному мотыжному земледелию. Их кожаные плащи выглядят грубыми по сравнению с тонко выделанной замшей, из которой делали себе одежду оседлые ирокезы земледельцы шесть-семь столетий спустя. И этим людям, жившим еще в каменном веке, суждено было вдруг очутиться в чужом далеком мире, ушедшем в своем техническом развитии на тысячелетия вперед...

Всего кземмы упрятали в свои звездолеты 53 человека, отобрав наиболее молодых и крепких мужчин и женщин. Индейцев облучили какими-то лучами, уничтожающими вредные кземмам микроорганизмы, и погрузили в анабиоз. В тот же день экспедиция покинула Землю.

Напоминаю тебе, Джо, это было в конце десятого века - почти за пятьсот лет до рождения Колумба. Европа тогда была покрыта густыми лесами, и из каждых десяти королей и герцогов девять не умели ни читать, ни писать. «Если бы даже кземмы специально кружили на своих звездолетах вокруг Земли», - они вряд ли заметили бы на ее материках какие-либо признаки цивилизации. Разве что сумели бы различить отдельные города на равнинах Китая и Индии. Но, как видишь, звездные гости не занимались изысканиями...

Экспедиция благополучно вернулась на Глеммру. Привезенные с далекой планеты двуногие существа вызвали у "Сынов двух Солнц" живой интерес, особенно, когда выяснилось, что они, хотя и с трудом, могут существовать на Глеммре. Новую жизнь в чужом непонятном мире начали 13 мужчин и 20 женщин остальные погибли в пути, так и не очнувшись от многолетнего сна.

Видимо, "пятнистые" первое время не могли решить, на что им употребить этих существ. Потом стали использовать их в качестве слуг. Уж не знаю, зачем им понадобились

маленькие и хрупкие чужезвездные слуги, когда любое их желание мгновенно угадывали и выполняли целые армии автоматов. Скорее всего, эти двуногие рабы из далекого мира были для "пятнистых" просто очередной причудой, забавной диковинкой. Так или иначе, но горсточка перепуганных и ничего не понимающих индейцев была водворена в синие дворцы властителей Глеммры.

Я уже, кажется, говорил тебе, что Глеммра раза в полтора крупнее Земли и сила тяжести там соответственно больше. Первое время бедняги индейцы быстро уставали, при ходьбе с трудом отрывая ноги от почвы. Дышать им с непривычки тоже было трудно. В атмосфере Глеммры содержание кислорода меньше, чем у нас, и земным легким приходилось работать с лихорадочной учащенностью.

Однако специальная система упражнений, введенная кземмами для своих пленников, и впрыскиваемые им в кровь какие-то особые вещества уже через несколько поколений сильно изменили облик сынов Земли. У них развилась мощная мускулатура ног, широко раздалась грудная клетка. Правнукам выходцев с Земли уже вполне нормально ходилось и дышалось на Глеммре. Только глаза их долго еще не могли освоиться с ослепительно ярким светом двух солнц.

А время все шло... Вероятно, сначала индейцы были настолько сбиты с толку, что вообще не понимали, живы они или давно уже умерли, перенесясь в обиталище духов. Лишь много позже они начали разбираться в назначении некоторых окружающих предметов. Но, даже научившись выполнять кое-какую несложную работу по обслуживанию "пятнистых", они делали все совершенно механически, не имея никакого представления ни об устройстве окружающих машин, которые считали живыми существами, ни об огромном мире, лежащем за стенами синих дворцов. Все вокруг было покрыто для них мраком неведомого.

И "Сыны двух Солнц" так построили жизнь своих пленников, что и много поколений спустя эти бедняги

совершенно не сознавали, где они находятся. Им казалось, что родные леса начинаются где-то совсем недалеко. Одна из сохранившихся хроник эпохи "Последних пятнистых" рассказывает о том, как несколько слуг были схвачены при попытке бежать из дворца владык. Смельчаки сознались, что хотели найти дорогу "в чащи у больших озер", предания о которых продолжали передаваться из рода в род.

Так продолжалось примерно шестьсот земных лет (на Глеммре, вращающейся по гигантской орбите, совсем иной счет времени) до тех пор, пока не разразилось восстание "одноцветных".

Оно назревало уже давно.

Пропитанная холодным и жестоким кастовым эгоизмом, цивилизация "пятнистых" медленно угасала, изживая сама себя. Постепенно к управлению техникой стали все больше допускаться "одноцветные". Со временем они заменили "пятнистых" во многих технических центрах планеты.

Им был открыт наконец доступ и в "Башни Знания" - украшенные изображениями двух солнц гигантские хранилища научной информации - средоточие тысячелетней мудрости кземмов. Но "одноцветные" по-прежнему считались существами низшего порядка. Как и раньше, за малейшую оплошность в работе любого из них могли бросить в Пещеры Смерти, где в вечном мраке жили "куху" - слепые, червеобразные существа, высасывающие кровь из своих жертв...

И вот вспыхнуло восстание.

Оно началось одновременно по всей планете. "Пятнистые" были смяты, почти не успев оказать сопротивления. Да они и не могли бы уже ничего сделать: почти все хранившие верность Знанию ученые и инженеры сразу же перешли на сторону восставших. Лишь перед главной цитаделью "пятнистых", на цветущем зеленом острове среди черного океана, завязалась последняя яростная схватка.

Она была короткой. Небольшая кучка властителей Глеммры спешно покинула планету в стоявшем наготове последнем старом звездолете. Они улетели к неведомым мирам. Когда корабль был уже далеко, космические станции Глеммры приняли короткое странное сообщение: "Сыны двух Солнц" улетают, но Глеммра будет пуста".

Это было похоже на угрозу. Но торжествующие, победу "одноцветные" не приняли ее всерьез. Они шумно ликовали, оглашая своими рокочущими кликами еще недавно запретный остров. А маленькие краснокожие слуги, неожиданно предоставленные самим себе, непонимающими глазами смотрели на ликующих кземмов, смутно начиная сознавать, что и в их жизни должны произойти какие-то перемены.

Но пока, они остались жить в опустевших синих дворцах, по-прежнему одинокие в этом непонятном мире. Как и раньше, они зажигали по вечерам старинные красные светильники перед изваяниями древних правителей Глеммры и разбрасывали по залам охапки резко пахнущих черных цветов. Как и раньше, каждое утро по привычным сигналам автоматов... (неразборчиво). Они неукоснительно выполняли все эти ставшие теперь бессмысленными процедуры, боясь разгневать скрежетавших где-то в стенах невидимых и непостижимых металлических созданий, казавшихся им грозными божествами.

Понимаешь, Джо, окружающие технические чудеса не развили, а лишь еще больше придавили разум: этих людей. Придавили своей полной необъяснимостью. Разве под силу

было им, людям каменного века, не знавшим даже колеса, самим разобраться во всем этом? И они были лишены самого главного - труда. Ведь то, что приучили их делать "пятнистые", не было трудом.

Однообразный и непонятный обряд не требовал ни ловкости, ни работы мысли. И он не был борьбой за пищу. Пища появлялась сама собой, без малейшего усилия с их стороны. Теперь, после своей победы, "одноцветные" тоже не забывали доставлять ее индейцам... И, может быть, самым большим чудом во всей этой истории было то, что после шести веков такой жизни в пленниках еще не угас человеческий разум...

А на Глеммре начиналось Великое Обновление. Никогда еще наука и техника кземмов не переживали такого бурного расцвета. На берегах черного океана, среди розовых скал и ярко-зеленых зарослей, возникли, новые города из миллионов полупрозрачных, словно невесомых, круглых зданий. Были созданы мощные энергетические станции на близких к Миурму пустынных планетах, раскаленных жаром двух солнц. И впервые после долгих столетий на Глеммре началась подготовка к новым космическим экспедициям.

Но эра расцвета была недолгой. Прошло совсем немного времени после победы "одноцветных", как вдруг страшное и непонятное бедствие обрушилось на обитателей Глеммры: маленькие кземмы стали рождаться мертвыми. Причину таинственной болезни удалось установить, увы, слишком поздно. Рассеявшаяся в атмосфере планеты после бегства "пятнистых" мельчайшая пыль, которую сочли тогда обычными осадками, что образуются при взлете звездолета, оказалась источником не известных раньше вредоносных излучений. У неведомых лучей было коварное свойство: они поражали центры, управляющие механизмом наследственности, почти не причиняя вреда организму в целом.

Отчаянные попытки ученых найти выход ни к чему не привели. Смысл мрачного пророчества "Сынов двух Солнц" стал понятен всем.

Гнетущая тишина опустилась на города Глеммры. Не слышно было больше смеха маленьких кземмов. Миллионы обитателей Глеммры были еще молоды и полны сил, но они уже мысленно видели свою планету опустевшей и дикой... А маленькие земные создания, ни о чем не зная, по-прежнему жили в огромных заброшенных дворцах жалкой жизнью прирученных пленников. И у них по-прежнему рождались дети. Для сынов Земли излучения оказались гораздо менее вредными, чем для кземмов.

И вот тогда прозвучал призыв, всколыхнувший всю планету. Лучшие ученые Глеммры обратились ко всем кземмам:

"Братья! Страшнее смерти черная пустота, надвигающаяся на наш мир. Когда последние из нас уйдут, погаснет свет Разума, горящий на Глеммре. Но, братья, рядом с нами живут существа с далекой чужой планеты, и их род не прекратится. Ум созданий иного мира слаб и неразвит, но эти существа разумны. Быть может, мы сумеем передать им хотя бы часть нашего Знания? Быть может, они смогут стать наследниками нашего Разума, и Глеммра не будет пустыней?"

Этот призыв наполнил жизнь кземмов новым смыслом. Все усилия обитателей Глеммры отныне были направлены на то, чтобы скорее развить разум маленьких двуногих созданий. Так началась новая эпоха в жизни краснокожего племени впоследствии историки назвали ее Эпохой Просветления. Индейцев было тогда уже около тысячи человек.

Кземмы начали с того, что отобрали у них детей. Сознавали ли они, что поступают жестоко? Не знаю. Скорее всего, просто не задумывались над этим. Они спешили. Им хотелось скорее вырастить новое поколение, способное сразу воспринять новые представления о мире.

У меня сейчас, как живая, стоит перед глазами одна из картин, которые показывали мне через "обруч" эти ребята.

...Огромный кземм держит в поднятой руке крошечного голого индейского мальчика. А внизу двое индейцев,

мужчина и женщина, маленькие и хрупкие рядом с серебристокожим гигантом, обезумев от ужаса, с мольбой воздели руки, что-то пронзительно крича. Они еще не могут знать, что этот мальчик станет мудрым и всемогущим, что его разум шагнет сразу на тысячелетия вперед. Они сознают сейчас только одно: страшное, неумолимое чудовище уносит куда-то их ребенка...

Время шло. Мальчики и девочки, оторванные от племени, стали взрослыми, успешно усвоив все, чему учили их кземмы. Видимо, серебристые гиганты сами предварительно изучили язык маленького племени и на его основе создали для своих воспитанников какое-то количество новых слов для обозначения... (неразборчиво).

...Тогда-то предки Летящих к братьям впервые узнали о своей далекой прародине, о том, как она невероятно далека.

Кземмы отличались большим долголетием: они жили в среднем по 200 земных лет. Но постепенно их становилось все меньше. Пришло время, когда остались одни старики. Они уже не могли двигаться, лежа по древнему обычаю под прозрачными куполами своих круглых домов с глазами, обращенными в синеву неба, и индейцы до последних минут заботились о них, внимательно выслушивая их последние советы. Последний кземм умер, когда на Земле шел 1862 год. На огромной опустевшей планете осталась горсточка землян...

Они чувствовали себя невыразимо одиноко, эти люди, оказавшиеся вдруг одни, лицом к лицу с бесконечной Вселенной. И их мысли летели туда, в безмерную даль, к окутанной туманной дымкой преданий далекой планете, что была колыбелью их предков. Где-то там, в чудесном мире, жили существа, подобные им, - их братья и сестры... С этого времени мечта о полете на Землю не покидала людей Глеммры.

...Они почти ничего не говорили мне, Джо, о своем общественном укладе. Я только понял, что у них все общее и живут они маленькими группами в разных уголках

обширной планеты. Но, как ты сам понимаешь, расстояний для них не существует, и они часто собираются все вместе на высоком холме возле памятника Последнему кземму.

Самое большое торжество у наших звездных собратьев - Праздник выбора имени. По установившемуся у них обычаю каждый человек сам выбирает себе имя и объявляет его всему племени в день совершеннолетия. У них человек, избирая имя, выражает им свою главную устремленность - то, чему он решает себя посвятить. Я уже говорил, что общее имя двух великанов и всех остальных участников экспедиции на Землю - Летящие к братьям. Раньше на Глеммре они назывались: Те, которые полетят к братьям. А друг для друга у них есть еще какие-то другие, короткие имена...

Понимаешь, Джо, их слишком мало там, на Глеммре. Когда Летящие к братьям отправлялись в путь, населения планеты составляло всего несколько тысяч человек Жизнь каждого - на виду у всех. Избирая имя, человек называет перед всеми свою мечту на всю жизнь, и отказаться потом от поставленной цели значит, отречься от своего имени. На Глеммре это считается самым страшным позором...

...Итак, прошло еще много времени, прежде чем люди Глеммры сумели не только полностью овладеть научным наследием кземмов, но и двинуть вперед технику звездоплавания.

И вот настал день, когда созданный ими новый звездолет, стартовав с одного из спутников Глеммры, понесся к маленькой желтой звезде, которую у нас принято называть Солнцем.

Пока они летели, наш благословенный шарик успел сорок три раза обернуться вокруг своего светила, люди научились расщеплять атом и запускать искусственные спутники, а Джо Мак-Хилл и Роб Селби превратились из буйных юнцов в яйцеголовых ветеранов языкознания. Но астронавты с Глеммры почти не постарели в этом полете: в их корабле время протекало примерно раз в семьдесят медленнее, чем на Земле.

Звездолет не прилетел на Землю. И, насколько я понимаю, мы должны быть весьма благодарны им за эту предосторожность. При посадке дело не ограничилось бы лесными пожарами. Вероятно, их корабль мог бы нечаянно вскипятить некоторые наши моря... Звездолет сел где-то на одном из астероидов, а на Землю прилетела лишь небольшая ракета с двумя разведчиками. Очевидно, в их задачу... (неразборчиво).

...Теперь ты понимаешь, Джо, почему они предстали перед Пеммиканом в таких первобытных одеяниях. Луки и набедренные повязки, сделанные по образцам, найденным в архивах древней экспедиции кземмов, должны были, по замыслу, облегчить им установление первоначального контакта с обитателями Земли.

Приходило ли им в голову, что за тысячелетие в жизни их земных собратьев многое должно было измениться? Да, насколько я понял, на Глеммре задумывались над этим. Но они все-таки решили одеться "поземному", - пусть даже в вышедшие из моды охотничьи наряды предков. Летя к далеким братьям сквозь бездны Вселенной, они больше всего хотели, чтобы на Земле их сразу признали за своих...

Увы, Джо, кажется, мне приходится кончать письмо. Летящие к братьям уже готовят ракету к старту. Сейчас холодная безлунная ночь. Небо, полное звезд, - неужели я последний раз вижу его с Земли.

О чем думают сейчас эти двое? Какие мысли и чувства вызвала у них неожиданная встреча с нашей цивилизацией? Почему так спешат покинуть Землю? Ведь они так мало успели увидеть... Правда, я подозреваю, что черные коробочки, с которыми Летящие к братьям не расстаются, уже набиты самой разнообразной информацией. Видимо, эти штуки способны мгновенно запоминать и анализировать все, что попадает в их поле зрения. Вполне возможно, что один вид бедняги Пеммикана дал пришельцам массу любопытнейших сведений о жизни их земных собратьев...

И все-таки мне непонятна их поспешность. Неужели тут мог повлиять инцидент с полисменом в Олдорадо? И почему они не делают попытки установить контакт с властями? На худой конец могли бы сейчас использовать меня в качестве парламентера... Однако Летящие явно не собираются делать этого. Во всяком случае, когда Роб Селби попросил их взять его с собой на небо, эти ребята, посовещавшись, довольно быстро согласились.

Вернутся ли они на Землю? Наверно, все решится там, в звездолете, когда разведчики принесут своим товарищам первые вести о нашем мире. И тогда окончательно выяснится, вернется ли твой друг к земной лингвистике или посвятит остаток жизни изучению языка людей Глеммры.

Пойми меня правильно, Джо, я верю, что они должны вернуться. Но если вдруг... Что ж, я и тогда не пожалею о своем решении. Ведь я увижу далекий мир наших братьев - новый прекрасный мир. И кто знает, может быть, смогу дать оттуда хотя бы коротенькую весточку о себе...

Вот сейчас один из Летящих направляется ко мне. Наверно, уже..."

На этом обрывается письмо профессора Р. Селби.

Как известно, с момента, когда оно было найдено, прошла уже неделя, и за это время сведений о загадочных незнакомых больше ниоткуда не поступало. Тщательное обследование берегов озера и окружающей местности не дало никаких результатов. До сих пор не удалось обнаружить каких-либо следов приземления ракеты.

Впрочем, для полноты картины следует еще упомянуть о заявлении командования военно-воздушных сил, сделанном сразу же после опубликования письма профессора Селби. В этом заявлении говорится, что в ночь на 29 сентября радарные установки обнаружили над северной частью штата Айоминг неизвестный предмет, Истребители-перехватчики были немедленно подняты в воздух, однако предмет исчез с экранов радаров так же внезапно, как я

появился. После этого самолеты были возвращены на свои базы,

Итак, никаких вещественных доказательств существования Летящих к братьям на сегодняшний день не имеется. Правда, в наших руках находится загадочная матовая пластинка. Однако мы не можем быть до конца уверены, что эта вещь внеземного происхождения.

Мистификация или реальность — вот вопрос, который задают себе сейчас миллионы людей. Мы не имеем возможности приводить здесь все разноречивые суждения по этому поводу, которыми заполнены страницы газет. Напомним читателю лишь мнение двух видных политических деятелей - сенатора Хендфута и его неизменного оппонента сенатора Блэкхарта.

Сенатор Хендфут наиболее полно выразил свою точку зрения, выступая в прошлую пятницу по телевидению.

"Никаких Летящих к братьям не было и не могло быть, - сказал он, - хотя бы по той простой причине, что краснокожие не способны к интенсивному умственному развитию".

Далее сенатор заявил, что, по его твердому убеждению, неизвестные, совершившие нападение на сержанта Бобсона, не кто иные, как диверсанты, заброшенные на нашу территорию разведкой некой державы. Что касается их необычного вида и прочих странностей, то он убежден, что все было специально сделано, чтобы сбил, с толку патриотов. Такой же коварной мистификацией Хендфут считает и письмо профессора Селби. В своей речи сенатор приводит ряд фактов, которые, по его мнению, неопровержимо свидетельствуют о том, что упомянутый профессор давно занимается подрывной деятельностью.

Ему удалось, в частности, установить, что Р. Селби был одним из тех, кто несколько лет назад публично протестовал против решения правительства об отчуждении у одного из индейских племен большого участка земли для устройства артиллерийского полигона. М-р Хендфут расценивает этот протест как попытку ослабить военную мощь страны.

Приведя еще несколько подобных примеров, сенатор приходит к выводу, что исчезновение старого лингвиста - просто ловкий трюк. Старик скрылся, чтобы избежать заслуженного наказания за свои действия.

Иного мнения придерживается сенатор Блэкхарт. В своей позавчерашней речи на конференции "Лиги пожилых христиан" он заявил, что считает выводы своего коллеги непростительно легкомысленными.

"Если внимательно проанализировать имеющиеся в нашем распоряжении факты, - сказал м-р Блэкхарт, - можно прийти к выводу, что Летящие к братьям вероятнее всего, не мистификация, а весьма тревожная и настораживающая реальность".

Тот факт, что странные пришельцы с непонятной поспешностью покинули нашу планету, по мнению сенатора, вовсе не означает, что они удалились навсегда. Напротив, он считает, что Летящие к братьям наверняка еще явятся на Землю всей компанией. И по его твердому убеждению, у нас есть все основания опасаться их визита.

"Что, если космические индейцы решат мстить нам, белым, за своих сородичей?" - вопрошает сенатор. При этом он обратил внимание слушателей на тот крайне тревожный факт, что, судя по письму Р. Селби, у звездных краснокожих совершенно отсутствует частное предпринимательство.

Тем не менее, м-р Блэкхарт не считает положение безнадежным. Более того, он критически отозвался о "Спасительном пигменте". Обращаясь к тем, кто поторопился принять препарат, сенатор сказал, что им, возможно, еще придется пожалеть о новом цвете своей кожи. "Хотя опасность велика, мы, белые, не должны поддаваться панике", - заявил он.

В качестве первоочередной меры м-р Блэкхарт предлагает срочно увеличить военные ассигнования.

Читателей интересует, вероятно, мнение нашей газеты? Мы можем сказать только одно: "Бизнес трибюн" -

солидный деловой орган, и ему не к лицу пускаться в догадки. Мы изложили факты, а выводы пусть делает читатель".

Генрих Альтов, Валентина Журавлева

БАЛЛАДА О ЗВЕЗДАХ

Пролог

Это было время, когда люди начинали прокладывать путь в Звездный Мир. Оно наступило внезапно, странное, головокружительное время властно подчинило помыслы и дела людей. Сильнее извечной тяги к морю оказался зов Звездного Мира. Ионолеты покидали Землю. Хмельной, пьянящий ветер открытий гнал их к звездам. Еще бродили экспедиции в болотистых лесах Венеры, еще пробивались панцирные ракеты сквозь будущую атмосферу Юпитера, еще не была составлена карта Сатурна, а корабли уже шли к звездам — дальше и дальше...

Это было время великих открытий. Корабли достигали звезд, опускались на планеты. Чужие солнца пылали над головами астронавтов. Чужая жизнь окружала корабли. Каждый шаг был шагом в Неизведанное. Корабли возвращались на Землю, и те, кто летал, рассказывали людям о светящихся в темноте цветах — они рассыпались от прикосновения руки, о занесенных илом циклопических постройках — следах исчезнувших цивилизаций, об удивительно ровных базальтовых плитах среди хаоса скал — стартовых площадках чьих-то звездолетов.

Много великих открытий сделали в то время. Удалось познать и очень малое — зарождение жизни, и очень большое — рождение Галактики. Звездный Мир щедро раскрывал свои тайны...

Это было время великих подвигов. Через суровые испытания проходили корабли — и нередко гибли. Иногда взрывались ионные двигатели. Иногда при спуске разрушалась электронная аппаратура — и астронавты оставались на чужой планете. Случалось и так, что корабль неосторожно

приближался к тусклой, едва светящейся звезде; она внезапно вспыхивала, извергала в пространство раскаленный, огненный газ — и корабль не успевал уйти. В последние минуты вся энергия разрядных батарей отдавалась антеннам корабля, посылавшим на Землю прощальный привет. Корабль погибал, а посланный им сигнал годами летел к Земле сквозь черную бездну Звездного Мира. И вечно бодрствующие щупальца земных антенн улавливали горестную весть. Тогда все люди — где бы они ни были — на минуту прекращали работу. Земля молчала...

И вновь уходили в Звездный Мир корабли. С каждым годом их становилось все больше и больше.

Это было время, когда на многих планетах чужих звездных систем люди впервые подняли алый флаг Объединенного человечества. Желтый диск Процион, вишневый — Звезды Каптейна, голубой — Альтаира светили над этим флагом. А там, где нельзя было поставить флаги, где атмосфера вечно ярилась и буйствовала, воздвигали обелиски. На них указывалось название корабля, первым достигшего планеты, и время, прошедшее на Земле после Великой Революции.

Часть первая
ЧЕРНАЯ ПЫЛЬ

«Искушенный читатель прочтет эту историю и пожмет плечами, — стоило ли так волноваться. Он скажет слова, способные погасить солнце: „Что же здесь особенного?“ — и романтики стиснут зубы и отойдут в сторону»

К. Паустовский

Ланской не видел старика шесть лет. Старик часто приглашал к себе учеников, но Ланского он не позвал ни разу. Шесть лет назад в Гибралтаре старик закончил свою последнюю работу — статую Моряка. Ланской был на открытии.

Старик создал великую вещь. Другого от него не ждали: со времен Микеланджело мир не знал лучшего мастера.

Статуя стояла на черных, изъеденных океаном скалах. Волны разбивались о камни, рваные клочья серой пены летели вверх, к ногам статуи. Моряк был юношей, мальчишкой. Он смотрел в океан и ждал чьей-то команды. Ветер взлохматил его волосы, парусом выгнул расстегнутую рубашку. Чувствовалось, что под ним накренившаяся палуба, а впереди опасность, и сейчас что-то произойдет. Но мальчишка смеялся. Казалось, он кричал океану: «Ну-ка, пошевеливайся... Налетай!.. Посмотрим, кто кого!»

Чутье художника не изменило старику. Он нашел ту меру бесшабашного веселья, которая была нужна. Чуть больше — и мальчишка был бы просто смешным забиякой. Чуть меньше — и исход поединка внушал бы сомнение. А так было ясно: если даже океан и осилит этого мальчишку, придет другой, станет на его место и снова крикнет: «Ну-ка, пошевеливайся... Посмотрим, кто кого!»

Старик подошел к Ланскому и, не здороваясь, спросил:

— Нравится?

Ланской сказал, что статую следовало бы немного поднять над водой.

Старик недобро покосился на него желтоватыми глазами.

— Молодец, — проскрипел он. — Кроме тебя, никто не заметил.

Он долго смотрел на статую. Был знойный день, но старик кутался в длинный плащ.

— Дурак, — неожиданно сказал он и повернул к Ланскому иссушенное, костлявое лицо. — Сегодня прилив. Самый высокий в году. Понял? Вот. Теперь уходи.

Прошло шесть лет. Старик не приглашал Ланского, не писал писем. От друзей Ланской узнал, что старик совсем плох. Говорили, что он уехал умирать к себе на родину, в Геную. И вдруг пришла телеграмма: «Вылетай сию же минуту». Через три часа Ланской был в Генуе.

Старик, укутанный теплым пледом, лежал в кресле на веранде. Внизу — под обрывом — тихо плескалось море. По потолку веранды перекатывались светлые пятна — солнечные блики, отраженные волнами.

— Садись, — негромко произнес старик. По обычной своей манере он не поздоровался и ни о чем не спросил.

Ланской сел на грубо сколоченную, некрашеную скамейку. Старик, глядя на море, сказал:

— Видел твои работы. Умеешь. Получается.

Он пожевал губами, в желтых глазах промелькнул огонек.

— А помнишь, тогда... ты только приехал... первая работа, не рассчитал, сколол кусок, хотел его наложить... Что я тебе тогда сказал?

— Вы сказали словами Вазари: «Заплаты подобного рода простительны сапожникам, а не превосходным мужам или редкостным мастерам, — вещь весьма позорная и безобразная и заслуживает величайшего порицания.»

Старик беззвучно смеялся. Его тощая жилистая шея дрожала, лицо сморщилось.

— Запомнил? Это хорошо. У меня плохая память... Сколько мне лет? Да, да, сто семь. В каком году я родился?

— По новому летоисчислению...

Он стукнул костлявым кулаком по подлокотнику кресла.

— Не надо нового! Не привык я к нему... По-старому.

— В тысяча девятьсот сорок пятом.

— А тебе сколько лет?

Ланской ответил.

— Молод. «Очень молод», — сердито сказал старик. — Ты почему этот барельеф... ну, как его... в честь Первой лунной экспедиции... сделал из лунного камня? На земле не нашел материала? Фокусы!..

Ланской молчал, зная, что лучше не возражать.

— Фокусы, фокусы... — ворчал старик. — Видел я проект памятника погибшим астронавтам. Постамент, а на нем

ракета — израненная, опаленная, с пробоинами, с умолкнувшими дюзами... Что скажешь?

Ланской ответил, что скорее всего, это не очень удачная выдумка. Дело не в корабле, а в тех, кто летал на нем.

— Еще бы! — нетерпеливо воскликнул старик. — Через тридцать лет посмотрят люди на такой памятник и подумают: «Ну и корабли же были!» — и только. Надо изваять человека. Тогда и через тысячу лет он будет современником тех, других... Отвага не стареет.

Он закрыл глаза и долго молчал. Ланскому показалось, что он спит. Появилась женщина — такая же древняя, молча поправила плед, ушла. Внезапно старик поднял голову, цепко взглянул на Ланского, сказал:

— Работать не могу. А надо. Есть большое дело. Ты слышал об экспедиции Шевцова?

— Так, совсем мало, — ответил Ланской.

Старик опять разволновался.

— Почему? Читать перестал? Дальше своего камня не смотрел?

Он быстро затих.

— Ладно. Слушай. Надо сделать вещь — на века. Я хотел — но не могу. Ты сделаешь. Я за тобой все время слежу. Другие — им поддержка нужна, подсказка. А ты сам соображаешь. Поэтому я тебя и не трогал. А сейчас позвал. Сделаешь эту работу за меня. Я обязательно доживу — видеть хочу... — Слушай, Шевцова сейчас нет. Он снова ушел к Сириусу. Мне сказали, что телесвязь с ракетой продержится еще несколько дней. Ты вылетишь на эту... как ее?.. Станцию Звездной Связи. Я все устроил, тебя встретят. Ты увидишь Шевцова и выслушаешь его рассказ. Понял?

Ланскому не хотелось спорить со стариком, но он все-таки очень осторожно спросил, обязательно ли говорить с Шевцовым.

— Молод ты еще, — ласково сказал старик. — Поймешь, когда он тебе расскажет. Ты думаешь, твой барельеф...

этот... лунный... откровение? Нет. Ты смотрел назад, в прошлое. Получилась иллюстрация. Молчи! Надо смотреть вперед.

— Даже если изображаешь событие далекого прошлого? — спросил Ланской.

— Всегда! Конкретный повод — только трамплин. Это и отличает великое творение от просто хорошего. Твои астронавты — путешественники. Отважные, смелые. Но только путешественники, открыватели. В будущее ты не заглядывал... — старик устало махнул рукой. — Ладно. Ты сам это должен понять. Поговори с Шевцовым. Вылететь нужно сейчас. Потом вернешься. У меня есть эти... как они... отчеты, копия бортового журнала, решение Исследовательского Совета. С Шевцовым виделся. Он много рассказывал. На кристаллофоне записано. Нет, нет, молчи! Сначала ты должен сам услышать. Так лучше. На днях будет опубликовано подробное сообщение. Но ты должен сам видеть Шевцова. Да, так лучше. И еще... — он наклонился к Ланскому, остро взглянул ему в глаза. — На столе лежат мои инструменты. Принеси их.

Ланской принес плоский деревянный ящик, покрытый потрескавшимся, шероховатым лаком. Старик долго гладил крышку ящика длинными костлявыми пальцами. Он хотел открыть ящик — и не решался.

— Вот, — жалобно произнес старик. — Вот, возьми. Мне уже не надо. Возьми, возьми...

И сердито добавил:

— Инструменты надежные. Новых выдумок не признаю. Этих... электрошпунтов в руки не брал. Вот. Теперь уходи.

Четвертая Станция Звездной Связи находилась на севере Европы — в Норвегии, на мысе Нордкап. Старенький двухместный реаплан, подвывая моторами, полз над плотным слоем белесых облаков. Пилот включил автоматическое управление, подмигнул Ланскому: «Сорок минут. Придется поскучать!» — и занялся иллюстрированным журналом.

Ланской думал о старике. Старик был великим мастером, но он никогда не умел свободно ориентироваться в проблемах науки и техники. И все же старик увидел нечто такое, чего Ланской увидеть не смог. Что именно увидел старик — Ланской не знал. Но твердо верил, что старик действительно имел в виду нечто очень важное. Это было обидно, потому что Ланской любил науку и, как ему казалось, был в курсе последних ее достижений.

Два года работал Ланской над барельефом «Первая лунная». Он долго искал идею скульптуры и сформулировал ее одним словом «Открытие». Да, его астронавты были открывателями. Старик, как всегда, сразу определил главное. Но разве все, что делают астронавты, не есть открытие нового мира?..

Пилот взялся за штурвал. Моторы пискнули, затихли. Реаплан, со свистом рассекая воздух, рванулся вниз.

— Смотрите, смотрите, — закричал пилот, — вот и станция! Над облаками возвышалась черная суживающаяся кверху башня.

Облака наползали на нее, как волны, и сама башня была похожа на маяк в разбушевавшемся море.

— Тысяча семьсот метров, — сказал пилот. — На Азорских островах выше — две сто. Ну, теперь держитесь. Спустимся с ветерком.

Реаплан круто нырнул в облака. В кабине стало темно, автоматы включили освещение. Пилот склонился к приборному щиту, вытянул шею, по-детски наморщил узкий, с горбинкой, нос. На мгновение наступило необыкновенное состояние невесомости, потом навалилась тяжесть, затянула все красно-серой пеленой. Моторы пронзительно взвизгнули — и стихли. Подняв столб снежной пыли, реаплан мягко опустился на землю. Пилот улыбнулся, что-то сказал Ланскому и погнал машину под стеклянный навес.

Теперь Ланской снова увидел башню Звездной Связи, точнее основание башни, потому что метрах в двухстах от земли начинались сплошные облака. Башня казалась

чудовищно массивной. Она походила на обтесанную и отшлифованную гору.

Пожав пилоту руку, Ланской вышел из машины. У эскалатора стоял человек в меховой куртке и красном шарфе. Машинально — думая еще о старике — Ланской обратился к нему по-итальянски. Тот пожал плечами и ответил на английском языке. Через минуту они уже говорили по-русски. Это был инженер Тессем, начальник станции, норвежец. Он неплохо владел русским языком.

— Я подумал, что вы итальянец, — сказал Тессем. — Если бы не нашлось общего языка, пришлось бы разговаривать с помощью электронного переводчика. Веселая перспектива!.. А сейчас — быстрее наверх. Эскалатор, потом лифт. Через семь минут начнется передача. Быстрее, быстрее!..

В маленькой кабине скоростного лифта Тессем снял шарф, куртку и остался в черном свитере. Сложен Тессем был великолепно — Ланской невольно залюбовался. Курчавая, коротко остриженная бородка несколько старила инженера; вряд ли ему было больше сорока семи — сорока восьми лет.

— Первая передача пробная, — сказал он. — Только для настройки. Потом получасовой перерыв — и тогда уже будем говорить.

Они прошли в небольшой полукруглый — с низким потолком — зал. У стены стоял телеэкран. Это был обычный экран объемного телевидения, пожалуй, только несколько больший по размерам. Серебряные нити, образовывавшие растр, поблескивали в полумраке. Над экраном светился квадратный циферблат часов. Тессем придвинул поближе к экрану два кресла.

— Не опоздали, — улыбнулся Тессем. — Сейчас начнется. Смотрите.

Ланской заметил, что на кресле Тессема установлен пульт управления. Инженер, не глядя, настраивал телесвязь. Комната медленно погружалась во мрак. Потом из потолка брызнули зеленоватые лучи, осветили сидящих в

креслах людей. Серебряные нити экрана заискрились, полыхнули белым пламенем. Ланского охватило тревожное чувство. И тотчас же он увидел Шевцова.

На экране возникла радиорубка корабля. Вошел человек в противоперегрузочном костюме, подвинул невидимое за рамкой экрана кресло, сел. Лицо у человека было интересное: острое, угловатое, «летящее», как определил про себя Ланской. Глаза веселые, с озорной искоркой. Волосы падали на лоб.

Человек посмотрел на Тессема, улыбнулся, махнул рукой.

— Здравствуй, Тессем! — сказал он. — Рад тебя видеть. Вот мы опять ускользнули в Космос...

— Здравствуй, Шевцов, — отозвался инженер. — Передай привет ребятам. Когда-нибудь я доберусь до вас — и тогда вам не летать.

На Ланского Шевцов даже не взглянул.

— Ну, старина, сейчас настройка, — продолжал он, обращаясь к Тессему, — говори, что тебе надо.

Тессем обернулся к Ланскому, кивнул на экран.

— Быстрее объясните, в чем дело!

Еще не понимая, что происходит, Ланской довольно сбивчиво изложил Шевцову суть дела. Шевцов не слушал. Он смотрел на Тессема и время от времени обращался к нему: напоминал о какой-то информации, просил устроить передачу с олимпийских игр. В конце концов Ланской совершенно сбился и замолчал. Шевцов — так и не взглянув в его сторону — сказал инженеру:

— Ладно, старина. Через час продолжим. Экран погас.

Медленно зажегся свет. Тессем посмотрел на Ланского, виновато улыбнулся.

— Извините. Я не предупредил вас. Сейчас вы поймете. Но прежде всего вам надо поужинать. Это здесь рядом...

Они ужинали вдвоем. Тессем ел молча, сосредоточенно. Только к концу ужина, задумчиво рассматривая взятое из вазы золотистое яблоко, он разговорился.

— «Океан», корабль Шевцова, вылетел сутки назад, — сказал он. — Это вторая экспедиция Шевцова к Сириусу. На корабле около тридцати человек. Да, да, не удивляйтесь. Но я хотел объяснить другое. Корабль идет с трехкратным ускорением. Сейчас Шевцов прошел что-то около ста двадцати миллионов километров. А радиоволны ползут со скоростью триста тысяч километров в секунду. Шевцов не мог вас сразу увидеть.

— Но ведь вы с ним разговаривали, — возразил Ланской. — Это меня и смутило.

Инженер рассмеялся.

— Он просто знает, где стоит мое кресло. Если бы кресло занимал кто-нибудь другой, он все равно сказал бы: «Здравствуй, Тессем!» Да... На Земле мы не замечаем запаздывания радиоволн. А в Космосе другие масштабы. Завтра «Океан» уйдет дальше, и радиоволнам понадобится уже

двадцать пять минут, чтобы добраться до корабля. А на третьи сутки — шестьдесят минут...

Тессем вдруг стал мрачен.

— Это очень плохо, — сказал он, откладывая яблоко. — Из-за этого мы не можем управлять кораблями на расстоянии. Решения нужно принимать быстрее, а сигналы будут месяцами путешествовать до Земли и обратно... Шевцов смеется — думает, радиоинженеры никогда не найдут выход...

— Кстати, — спросил Ланской, — почему об этой экспедиции так мало сообщалось? Я имею в виду первую экспедицию Шевцова.

Инженер покачал головой.

— Писали много. Только давно. Шевцов вылетел... да, восемнадцать лет назад. Тогда и писали. А потом... Вы понимаете, это был исследовательский полет. Может быть, правильнее сказать — испытательный. Вы, пожалуйста, поправляйте меня, когда я ошибаюсь. Да, так я хочу сказать, что первоначально у Шевцова была только одна задача — проверить аппаратуру, может быть — внести в нее какие-то изменения. На Земле это нельзя было решить. Ну, а потом... Потом все получилось иначе. Шевцов сделал открытие, совсем другое открытие. Впрочем, когда человек летит один... Да, да, Шевцов летел один — он объяснит, как это получилось. Так вот, подобное открытие уже было сделано до Шевцова. Тоже астронавтом, летавшим в одиночку. Потом оказалось, что произошла ошибка. Долгие годы полета, одиночество... Никакие нервы не выдержат. Человек принимает кажущееся за желаемое, мираж за реальность, сон за явь. Вы скажете — приборы, фотоснимки... Все это так. Но представьте себе, что вы попали в незнакомый и совершенно необычный мир. Тут главное не фотоснимки и не показания приборов, а то, как вы поняли, как вы оценили этот мир. Поэтому Исследовательский Совет решил: в подобных случаях публиковать абсолютно достоверное, об остальном сообщать

только... как это называется... предположительно. Ну, а к оценкам Шевцова вообще надо относиться осторожно.

— Почему?

— Мечтатель, — коротко ответил Тессем, и Ланской не понял, сказано ли это с одобрением или с осуждением. Поскребывая бородку, инженер рассказывал:

— Шевцов — конструктор. Очень своеобразный конструктор. Сегодняшние задачи он решать не может, не любит. Ему нужны задачи завтрашние. Его проекты не укладывались ни в какие конкретные планы. Для их осуществления не было... как это называется... базы. Не было еще таких прочных материалов, такого калорийного горючего, таких надежных приборов... Никто не сомневался, что наступит время, когда все это будет. Но пока другие конструкторы решали осуществимые задачи, он... Да, вспомнил. Он называл это перспективными проблемами. Что ж, вероятно, нужно, чтобы кто-нибудь этим занимался. В конце концов, я понимаю — рамки сегодняшней науки и техники широки, но не безграничны. Человеку (особенно такому, как Шевцов) иногда трудно смириться с этим...

— И он не стал скульптором? — улыбнулся Ланской.

— Нет. Он добился своего. Не помню точно, но уже через три или четыре года после отлета как раз и настало время для осуществления некоторых его проектов. А потом — других. Когда Шевцов вернулся, почти все они были осуществлены. На Земле прошло около семнадцати лет. А для Шевцова — много меньше. При движении на больших скоростях время сжимается — тут действуют законы релятивистской механики... Но надо идти. Сейчас начнется передача.

— Не знаю, получится ли у нас разговор, — сказал Ланской. — Мы впервые видим друг друга.

Инженер махнул рукой.

— На Земле, может быть, и не получился бы. А в Космосе... Знаете, когда астронавт надолго улетает с Земли, он готов часами просиживать перед экраном. В такое время

каждый человек кажется родным. Поверьте, моему опыту, я двадцать лет на Станции. Все будет хорошо.

* * *

Так начался этот странный разговор с Шевцовым.

С того момента, как они второй раз вошли в телевизионный зал, и на экране вновь возникла радиорубка корабля, Ланской почувствовал особое, непередаваемое ощущение значительности происходящего. Быть может, сказывалось запаздывание радиоволн. Оно заставляло физически ощущать то огромное расстояние, которое отделяло Станцию Звездной Связи от корабля. Да, именно физически ощущать — через время. Когда Ланской задавал Шевцову вопрос, астронавт продолжал говорить — он не слышал. Ланской смотрел на часы и чувствовал, как радиоволны идут сквозь черную бездну... А Шевцов говорил и не слышал его слов. Проходило почти четверть часа — и только тогда он прерывал рассказ и отвечал на вопрос.

Ланской чувствовал даже, как увеличивается разделяющее их расстояние, потому что ответы Шевцова запаздывали больше и больше.

Да, это был странный разговор! Шевцов говорил коротко, почти не останавливаясь на деталях. И Ланской многое понял лишь позже — после бесед с Тессемом, после долгих размышлений над отчетами Исследовательского Совета...

— Вы слышали о пылевой коррозии? — спросил Шевцов и, не дожидаясь ответа, продолжал. — С этого все началось...

* * *

Среди многих опасностей Звездного Мира была одна — невидимая, неотвратимая, смертельная. Ее называли — не очень точно — черная пыль.

Трассы звездных кораблей прокладывались в обход больших пылевых скоплений. Пройти на субсветовой скорости сквозь облака межзвездной пыли было невозможно. Пыль набрасывалась на металл, рвала его атом за атомом, начисто съедала корабль. Так пигмеи-муравьи съедают — до косточки — огромную тушу кабана... На картах Звездного Мира отмечались пылевые облака, их наблюдали с Земли, они выделялись темными пятнами на фоне звездного неба.

Но встречались и другие пылевые скопления, менее плотные, незаметные. Подобно хищнику, поджидающему жертву, прятались они во мраке Звездного Мира, ничем не выдавая своего присутствия. Попав в такое облако, корабль погибал. Частицы пыли, сталкиваясь с летящим на субсветовой скорости кораблем, разъедали обшивку бортов, вгрызались глубже и глубже — ничто не могло остановить разрушения.

Это походило на страшную, неизлечимую болезнь. Пылевая коррозия опутывала корабль сетью мелких ранок, постепенно углубляла их, превращала в злокачественные язвы, истачивающие оболочку корабля... Иногда обреченный корабль сопротивлялся — уменьшал скорость. Но чтобы погасить субсветовую скорость, требовались — даже при больших перегрузках — месяцы. А пылевая коррозия, изглодав титановую броню бортов, проникала к моторным отсекам. И сразу наступала агония. Так погиб звездный корабль «Дерзание». Капитан передал на Землю прощальный привет и рапорт с формулами для определения пылевой коррозии. Иногда капитаны, наоборот, до предела увеличивали скорость, надеясь быстрее пройти пылевое скопление. Но вместе со скоростью корабля росла и разрушительная сила черной пыли. Так погибла экспедиция, шедшая к Сириусу на двух кораблях — «Каравелле» и «Неве».

* * *

— Меня послали вслед за «Каравеллой» и «Невой», — рассказывал Шевцов. — Собственно говоря, я сам напросился. Мне удалось создать средство защиты от черной пыли. Надо было провести испытания. Обычно в таких случаях используются беспилотные ракеты. Но тогда испытания могли бы затянуться надолго, а черная пыль губила корабли. Стоило рискнуть. Я сумел это доказать и ушел к Сириусу на испытательном корабле. Он назывался «Поиск». Надо признаться, я не был абсолютно уверен в силе своего защитного средства. Все основывалось, главным образом, на теоретических построениях, а черную пыль еще только начинали изучать, и о многом приходилось судить предположительно. Мне хотелось скорее встретить черную пыль; я рассчитывал, что успею скорректировать свою установку...

Шевцов грустно улыбнулся.

— Нет. Дело не в молодости, хотя тогда я был много моложе. Просто я летел один. Защитная аппаратура и исследовательские приборы много весили. Даже на одного человека снаряжение было взято в обрез. Я сказал: «Один — так один, подумаешь!» И ошибся. Вы извините, я плохой рассказчик. Но попытайтесь себе представить, что я тогда чувствовал. Шли дни, недели, месяцы... Электромагнитные поля затруднили, а потом сделали совсем невозможной радиосвязь с Землей. Я был один. Совершенно один. Это очень тяжело, поверьте.

* * *

... Шевцов был один на корабле. Он уже свыкся с одиночеством. Он привык к тому, что в рубке пустует кресло штурмана. Он перестал замечать свободные места в кают-компании. Но иногда его мучило желание поговорить. Он разговаривал с ионным двигателем, с приборами, с книгами... Они не отвечали. Голос был только у электронной машины.

Шевцов не любил этот голос — сухой, лишенный человеческой теплоты.

И все-таки через каждые шесть часов Шевцов подходил к поблескивающей серым лаком машине и выстукивал на клавишах вопрос. Вспыхивали красные огоньки контрольных сигналов. Казалось, машина подняла веки, и десятки ее глаз уперлись в человека пристальным, презрительным взглядом. Подумав, машина отвечала, раздельно выговаривая каждый звук:

— Черной пыли нет. Концентрация межзвездного газа...

Шевцов быстро выключал машину. Его интересовала лишь черная пыль. И через шесть часов он вновь подходил к машине. Загорались красные глаза — сигналы и бесстрастный голос сообщал:

— Черной пыли нет...

Время ползло — тягучее, лишенное дня и ночи, лишь условно разделенное на часы. Изредка Шевцова охватывало чувство острого страха. Ему вдруг начинало казаться, что вот сейчас — именно сейчас! — произойдет нечто непоправимое. Он спускался вниз, к двигателям.

Моторный отсек был похож на глубокий колодец, опутанный паутиной трапов. Вдоль оси колодца проходила массивная труба — электромагнитный ускоритель ионов. Труба излучала голубой свет. Светились и стенки моторного отсека — желтым, трапы — красным, приборные щиты — зеленым. Лампы здесь были невидимые — ультрафиолетовые. Включались они изредка. Люминесцентные лаки, покрывавшие все в моторном отсеке, ускоритель ионов, и стены, и трапы, поглощали ультрафиолетовые лучи и потом долго светились в темноте. Что бы ни случилось с подачей энергии, в моторном отсеке всегда был свет.

Шевцов подолгу сидел на решетчатой площадке. Голубое излучение ускорителя смешивалось с желтым отсветом стен; казалось, сам воздух в моторном отсеке светился призрачным, мерцающим пламенем — зеленоватым, изрезанным красными змейками трапов.

Ровный гул электромоторов успокаивал. Шевцов возвращался наверх, в кают-кампанию, к чертежной доске. Он много работал. Он проектировал новый звездный корабль...

* * *

Рассказывая об этом проекте, Шевцов вдруг увлекся и начал говорить о технических деталях, Ланской не перебивал. Он молчал и думал о другом. Он думал о том, что подобно Эпохе Возрождения, выдвинувшей великих мастеров искусства, эпоха, в которую жил Шевцов, дала великих строителей звездных кораблей. Их следовало бы назвать художниками, потому что в созданных ими кораблях — в каждой линии, в каждой даже мельчайшей детали — воплотился не только точнейший расчет, но и вдохновенное искусство, красота и дерзость.

«Скульптура может прожить тысячелетия, — думал Ланской. — Звездный корабль стареет через тридцать лет. Разные судьбы у этих творений человека... Впрочем нет. То, что строитель вложил в свой корабль, не исчезает и через тридцать лет. Оно просто обновляется и возрождается в новом, еще лучшем корабле. Ни одна — подлинно великая — находка не пропадает. Так в искусстве, так в технике» ...

Свет ползет со скоростью триста тысяч километров в секунду. Но мысль, наверное, быстрее света. В этот момент Шевцов подумал почти о том же, о чем думал и Ланской.

— Здесь, у чертежной доски, — сказал Шевцов, — не было чувства одиночества. И те только потому, что работа отвлекала. Нет, дело даже не в этом. Чтобы решить задачу (а проект — это сотни связанных между собой задач), мне приходилось вспоминать с самого начала — с первых искусственных спутников, с первых космических ракет... Я анализировал, сравнивал, отбирал лучшие решения, иногда спорил... Рядом со мной — пусть незримо — были люди; они советовали, предостерегали, возражали... Если в такие минуты я

думал о черной пыли, то только со злостью. Она мешала нашим кораблям. Она могла погубить и этот корабль, который я чертил на листе ватмана... Черная пыль! Каждые шесть часов я включал электронную машину. Помигивая контрольными лампами, машина обрабатывала показания приборов и отвечала мне своим противным голосом: «Черной пыли нет...» Но однажды... По странной прихоти судьбы это случилось в день моего рождения...

* * *

Шевцов ходил по кают-компании «Поиска».

Голубой пластик, покрывавший пол каюты, глушил тяжелые шаги. Перегрузка (корабль летел с ускорением) удвоила тяжесть — и каждый шаг требовал больших усилий. Шевцову казалось, что он передвигается по дну невидимого, но плотного океана, преодолевая сопротивление воды. Постепенно он привык к перегрузке.

От стены до электронной машины было восемь шагов. От машины до стены — двенадцать. Когда Шевцов шел к машине, он невольно удлинял шаги: смотреть на серую машину не хотелось. Возвращаясь от машины к стене, Шевцов укорачивал шаги, потому что на стене висел портрет девушки — и все в этом портрете было особенное.

Шевцов со своей вечной манерой анализировать давно определил, что это особенное — в контрастах: узкий овал лица — и широко расставленные большие глаза; легкость, хрупкость, почти воздушность — и сила в крутом повороте головы; тонкие, совсем еще детские косички — и строгий, немного грустный взгляд...

Он шагал по кают-компании и думал о том, что глаза удивительные — словно озера, пронизанные солнечными лучами. Он попытался найти объяснение и этому, но неожиданно, отодвинув аналитические соображения, из глубин памяти выплыли старые строки:

Ты не от женщины родилась:
Бор породил тебя по весне,
Вешнего неба русская вязь,
Озеро, тающее в светизне...

Звонок — острый, как удар ножа, — вспорол тишину. Шевцов остановился, все еще глядя на портрет. Вновь зазвенел звонок — настойчиво, тревожно. Перепрыгивая через ступеньки, Шевцов взбежал наверх, в рубку. На приборном щите, под циферблатом интегрального термометра, горела красная лампочка. Стрелка отклонилась на три сотых градуса. Интегральный термометр показывал среднюю температуру на внешней поверхности бортов корабля. Повышение температуры могло быть вызвано и случайными причинами: лучевым воздействием, каким-нибудь местным перегревом. Но Шевцов уже чувствовал: это — черная пыль.

Он спустился вниз, к электронной машине. Включил ее. И услышал жесткий голос — ему почудились в нем злорадные нотки:

— Черная пыль...

Тогда он вернулся в рубку. Здесь, на пульте управления, в стороне от обычной клавиатуры, были две красные клавиши. Шевцов помедлил — и нажал одну из них. Созданное им средство защиты от черной пыли вступило в действие.

Это был свет. Яркие лучи света зажглись за бортом «Поиска», концентрический световой пучок ринулся вперед, сметая своим давлением ничтожные по размерам частицы черной пыли и расчищая кораблю дорогу... Так, во всяком случае, предполагал Шевцов. Так должно было быть по расчетам.

Шевцов сидел в мягком амортизационном кресле и ждал. Стрелка интегрального термометра не возвращалась к нормальному положению. Она медленно, но упорно карабкалась вверх. Температура продолжала увеличиваться.

Тогда Шевцов нажал вторую клавишу. Включились резервные светильники. И снова надо было ждать. А стрелка термометра никак не хотела вернуться вниз, к зеленой черте.

Шевцов подошел к приборному щиту и долго смотрел на дрожащее острие стрелки, «Врет прибор, — подумал он, — Свет нагревает металл. Свет, а не черная пыль!»

Он снова опустился вниз, к электронной машине. Быстро мигая красными сигнальными лампами, машина внятно произнесла:

— Черная пыль. Частицы сконцентрировались, стали крупнее. Свет не отталкивает их...

* * *

Шевцов продолжал рассказ. Он не видел, как Тессем вышел из комнаты и вернулся с бутылкой рислинга. Тессем налил вино — Ланскому и себе — и сказал:

— За тех, кто в Звездном Мире!

Они подняли бокалы, а Шевцов продолжал рассказ, потому что радиоволны ползут очень медленно, и он еще не слышал, что тост был за него. За него и за всех, кто сейчас вместе с ним, шел сквозь мрак навстречу далеким солнцам.

— Не надо было пускать тебя, Шевцов, — сказал Тессем, поставив бокал. — В таких случаях роботы справляются лучше. Они не волнуются.

Тессем поскребывал свою курчавую бородку: должно быть волновался.

* * *

Итак, машина внятно произнесла:

— Черная пыль. Частицы сконцентрировались, стали крупнее. Свет не отталкивает их.

Шевцов допускал, что пылезащитная установка может капризничать. Однако этого он не ожидал. Еще не сознавая

всей глубины опасности, он подумал: надо что-то делать. И он отдал команду электронной машине — исследовать черную пыль, точно определить ее концентрацию, состав, свойства...

Он ходил по кают-компании. «Ну, хорошо, — сказал он себе, — пока ничего не произошло. Меня послали осилить эту пыль, и я ее осилю. На „Каравелле“ и „Неве“ не было такой аппаратуры, какая есть у меня. А это — главное». Это не было главным, он понимал, но не хотел признаться. «Ничего не произошло, — повторил он. — Пусть машина исследует пыль. Пока я буду думать о другом». И он заставил себя думать о другом. Может быть, сказалась свойственная ему методичность. Может быть, наоборот, это было озорство. Но Шевцов заставил себя вспомнить стихи — те самые стихи, которые прервал звонок интегрального термометра.

Шевцов стоял перед портретом и, не думая о черной пыли, смотрел в отсвечивающие голубым ледком глаза:

Ты не от женщины родилась:
Бор породил тебя по весне,
Вешнего неба русская вязь,
Озеро, тающее в светизне.

Не оттого ли твою красу
Хочется слушать опять и опять,
Каждому шелесту душу отдать
И заблудиться в твоем лесу...

Нет, это было не озорство. Не методичность и не сентиментальность. Каждая строчка стихов отвергала растерянность и наполняла сердце тем уверенным спокойствием, которое нужно было для схватки с черной пылью.

— Ты сказал — роботы? — переспросил Шевцов и покачал головой. — Нет, Тессем. Когда машина закончила обработку данных о пыли, я выбил на клавишах вопрос: «Как избежать пылевой коррозии?» И знаешь, Тессем, что ответила

машина? Она сказала: «Тормозить». В этом был определенный смысл. Давление света в какой-то степени все-таки уменьшало интенсивность коррозии, к тому же и концентрация пыли нарастала сравнительно медленно. Машина недурно придумала — тормозить. Пожалуй, я бы успел погасить скорость прежде, чем черная пыль съела бы корабль... Даже наверняка успел бы. Но я не мог согласиться с машиной. Хотя, признаюсь, мне почему-то стало жалко ее. В конце концов она не виновата, что у нее такой противный голос. Ведь это мы ее сделали, люди. И это мы научили машину строить логические схемы и не научили думать о людях. Я отстучал на клавишах: «Глубокоуважаемый шкаф! Ты заботишься только о своей лакированной шубе. А меня послали, чтобы осилить эту проклятую черную пыль. И если твоя электронная башка не придумала ничего умнее, чем спасовать, то черт с тобой! А за данные о пыли — спасибо». И знаешь, Тессем, машина долго моргала своими красными глазами, а лотом бесстрастно сказала:

— Не понимаю. Надо тормозить.

Но я уже не обращал на нее внимания. Машина дала мне подробные сведения о черной пыли — и я думал.

Там, на Земле, мы еще плохо знали черную пыль. Поэтому Исследовательский Совет, обсуждая вопрос о полете, допускал возможность непредвиденных осложнений. В сущности, я летел, чтобы выяснить, какие могут быть осложнения, и найти способы борьбы с ними. Но произошло нечто иное. «Поиск» столкнулся с такой разновидностью черной пыли, о которой раньше не знали. Теперь уже не могло быть и речи о том, чтобы скорректировать имеющуюся на корабле защитную аппаратуру. Нужно было отыскать совершенно новые средства защиты.

С самого начала полета я много думал о черной пыли. Подобно шахматисту, я старался рассчитывать на несколько ходов вперед... Но ход, сделанный черной пылью, оказался неожиданным. Все заранее подготовленные варианты пришлось сразу оставить.

... Где-то за рамкой экрана Шевцов налил себе вино, поднял стакан.

— За нашу Землю, друзья. За ее людей. За тех, кто дал силу нашим кораблям. Черная пыль... Один я ничего не мог бы сделать. Но в этот час я не чувствовал одиночества. Знания всех людей были моими знаниями. Воля всех людей — моей волей. За нашу Землю, друзья!

* * *

Шевцов думал.

Черная пыль уже вгрызалась в обшивку бортов, а Шевцов сидел в кресле и думал. Это была его стихия. Он умел безошибочно пробивать хаос фактов стальным тараном логики. Он умел думать в том стремительном темпе, когда мысль несется, как гоночный автомобиль: все окружающее сливается в серые стертые полосы, и видно только то, что впереди, а дорога круто сворачивает из стороны в сторону, и скорость становится больше и больше...

Разумеется, минуты и даже часы ничего не решали. Черной пыли требовались многие недели, чтобы источить титановую броню корабля. Но Шевцов почти физически ощущал пылевую коррозию — и не мог не спешить.

Он держал в руках листок с аккуратно отпечатанной колонкой цифр. Электронная машина добросовестно собрала сведения о свойствах черной пыли, и сейчас Шевцов должен был выбрать какое-то одно свойство, за которое, как он выразился, удалось бы «зацепиться».

Этих свойств было не так уж много. И каждый раз, вычеркивая строчку, Шевцов думал: «Стало хуже. Я отступил еще на шаг».

И вдруг, дойдя до последней строчки, Шевцов почувствовал, что здесь — именно здесь! — ему удастся «зацепиться», найти то, что остановит пылевую коррозию. Частицы черной пыли имели электрический заряд. «Здесь можно зацепиться, — подумал Шевцов. — Одноименные

заряды отталкиваются. Так меня учили в детстве. Допустим, корпус корабля будет заряжен положительным электричеством. Тогда сила электростатического взаимодействия отбросит все частицы черной пыли, имеющие положительный заряд. Хорошо. Очень хорошо. Но другие частицы — с отрицательным зарядом — будут, наоборот, притягиваться к кораблю... Что же делать?»

«Зацепиться» не удалось. Шевцов скомкал листок с цифрами и бросил его на пол.

* * *

... Экран полыхнул серебристым пламенем и погас. Медленно зажегся свет в телевизионном зале. Тессем сказал, что разговор с Шевцовым можно будет продолжить через два часа — после того, как окончатся астронавигационные передачи.

Лифт, поскрипывая, мчался вверх. Тессем что-то рассказывал о башне Звездной Связи, но Ланской почти не слушал. Он думал о Шевцове. Он все еще видел его перед собой — резкое, «летящее» лицо, то решительное и злое, то вдруг застенчивое и смущенное. Он слышал голос Шевцова — спокойный, раздумчивый, а временами вибрирующий от еле сдерживаемого напряжения...

— Послушайте, Олег Федорович, — Тессем осторожно потряс Ланского за плечо. — Надо выйти.

Они прошли в небольшую комнату. Тессем включил верхний свет, открыл ставни круглого окна. Ланской обратил внимание, что толщина стен совсем невелика, и сказал об этом Тессему. Инженер церемонно поклонился.

— Изумительная наблюдательность. Это тем более похвально, что я шесть минут рассказывал вам об устройстве башни. Вы кивали головой, даже задавали дельные вопросы... Я приду за вами через полтора часа. За это время вы сможете сделать еще ряд оригинальных открытий.

У двери он остановился.

— Между прочим, высота здесь девятьсот пятьдесят метров. Задумавшись, пожалуйста, не выпадите в окно.

Ланской остался один.

Он сидел у окна, смотрел на звезды — временами их скрывали похожие на дым облака — и думал. Бывают в жизни крутые повороты: словно сворачиваешь с шумной улицы в тихий переулок, где все незнакомо, все странно, все волнует. Утром он был у себя в мастерской — там устанавливали привезенную накануне мраморную глыбу. Тогда ему казалось, что жизнь определена и рассчитана на много месяцев вперед. Но принесли радиограмму от старика — и все изменилось. То, к чему он привык — немного сумбурное и почти всегда шумное, — осталось где-то в стороне. И теперь он один в тихой комнате на Станции Звездной Связи. За окном — небо и звезды. Через час, другой, он вновь услышит голос Шевцова — человека, которого утром он совсем не знал, как, впрочем, не знает и сейчас. Не знает, хотя успел заметить (профессиональная привычка!) характерное во внешнем облике, в манере держаться, говорить. Но внешность человека — как фасад здания. Можно пересчитать все кирпичи — и понятия не иметь о душе, о тех страстях, радостях и горестях, которые живут за непроницаемой стеной.

Людей много, и скульпторы изображают не столько людей, сколько людские качества и страсти — Красоту, Любовь, Преданность, Ум, Силу, Самоотверженность, Смелость... Дело, в сущности, не в том, какой у Шевцова нос и какие глаза. Ланской должен увидеть за Шевцовым нечто общечеловеческое или не увидеть ничего.

Но почему-то Ланского тянуло вниз, к экрану. Ему хотелось встретить взгляд умных глаз Шевцова, услышать его спокойный, чуть грустный голос...

Тессем появился через полтора часа — как и обещал.

— Надо ждать, — оказал он. — Шевцов разгоняет свой корабль с шестикратным ускорением и разговаривать при такой перегрузке невозможно. Наверное, часа через три-четыре мы снова свяжемся с «Океаном». А пока спите.

Но Ланскому не спалось. В эту ночь он исписал несколько страничек своего дневника. Дневник был странный и велся от случая к случаю. И записи были страшные: мысли, выписки из книг, заметки и наблюдения для работы, стихи, наброски...

Вот, что записал Ленской в эту ночь на Станции Звездной Связи:

«В комнате хорошо. Вделанный в стену книжный шкаф... Ковер, самый настоящий текинский ковер; разумеется, далеко не такой красивый, как ковры из синтетической шерсти, но все-таки имеющий что-то приятное в своей первобытной экзотике... Стол и ваза из голубой майолики... Гладиолусы... Все это — Тессем. Он успел мимоходом узнать, что мне нравятся гладиолусы. Он успел подобрать книги — среди них много интересных. Правда, о ковре я ничего не говорил. Видимо, Тессем решил, что для скульптора будет приятна эта экзотическая древность. Я думаю, если бы Тессем мог, он доставил бы сюда и небольшую египетскую пирамиду...

Здесь нечто иное, чем простая внимательность. Тессем — я это вижу — человек, который не любит, не может терять ни минуты. Но он сидит со мной перед экраном и слушает историю, в общих чертах ему уже известную. А Шевцов терпеливо рассказывает, хотя, наверное, и у него есть другие, более важные дела. Более важные?.. Что ж, видимо, Тессем и Шевцов понимают: иногда разговор с художником не менее важен, чем астронавигационные передачи. Смогли бы это понять люди двадцатого века или такое отношение к искусству — особая черта нашей эпохи?

... В черном круге окна холодно светят звезды. Облака где-то ниже. А здесь — небо и звезды. Наверное, так стоял у иллюминатора „Поиска“ Шевцов. Стоял и смотрел на иссиня-черную бездну и острые, колючие заезды... Впрочем, мог ли он видеть звезды? Если не ошибаюсь, это зависит от скорости движения корабля. Надо опросить Шевцова.

Мне вообще многое неясно. Неясен, прежде всего, сам Шевцов. Тессем сказал: „Мечтатель“. Пожалуй, это неточно. Я бы оказал иначе: „Мыслитель“. Впрочем, сейчас на экране не тот Шевцов, который когда-то ушел в полет. Там, в Космосе, Шевцов увидел то, чего не видел никто из людей. Над ним пронеслись неведомые вихри, опалили, оставили неизгладимый след.

... Шевцов любит стихи. Что же, в одной очень старой книге я встретил такие слова: „Поэзия — сестра астрономии“. Тек думали и древние греки; в их мифах Урания, муза астрономии, и Эвтерпа, муза лирики, были родными сестрами. А музы, покровительницы скульпторов, не существовало...

Иногда я завидую инженерам. Они могут оказать, что новая машина лучше старой, и подсчитать, насколько лучше — в метрах, килограммах, секундах, калориях... У нас не так. Сделаешь что-то и не знаешь — хорошо или не очень хорошо. Только время выносит окончательный приговор произведению искусства. Но тот, кто создал это произведение, уже не слышит приговора.

Мне тридцать четыре года. Сделал ли я что-то настоящее? Или все еще впереди? Не знаю. Многое зависит от того, что я найду здесь, на Станции Звездной Связи.

Меня всегда увлекали исторические образы — Спартак, Павлов, Эйнштейн... Астронавтами я занимался только один раз — когда работал над барельефом в честь Первой лунной экспедиции. Как всегда, я начал с изучения эпохи. Среди многих материалов, с которыми мне пришлось тогда ознакомиться, были и романы об астронавтах. Я до сих пор с удовольствием вспоминаю эти книги — „Галактика Артемиды“, „Страна зеленых облаков“, „Лунный путь“. Я подметил любопытную вещь. Мне кажется, книги о будущем писались с оглядкой на... прошлое. В них перенесено в астронавтику все, что было характерно когда-то для романов о мореплавателях. Штормы, бросающие корабли на скалы, мифические змеи, чудовищные кальмары и гигантские спруты —

вся романтика мореплавания перекочевала в Космос. Только вместо мелей и рифов корабли подстерегало притяжение чужих планет, в изобилии населенных бывшими морскими змеями, кальмарами и спрутами... И все-таки эти романы оставили приятное воспоминание. Они чем-то походили на текинский ковер — может быть, своей первобытной экзотикой.

Судьба астронавтов нашего времени была иной: более суровой, но и несравненно более величественной. Не „спруты“ и „кальмары“, даже когда они попадались, представляли главную опасность. Гигантские облака черной пыли, протянувшиеся на миллиарды километров; вспышки новых звезд; колоссальные по силе излучения, неизвестно откуда приходящие и внезапно пронизывающие корабли... — вот с чем пришлось им столкнуться.

Оружием человека в этих гигантских схватках, прежде всего, была мысль. Если бы я мог, я поставил бы статую мысли — стремительной и неторопливой, математически строгой и лукавой, язвительно злой и бесконечно доброй, по-весеннему озорной и по-осеннему грустной... Увы, человеческая мысль так же многообразна, как и сам человек. Одной статуей еще ничего не скажешь. Это хорошо и плохо. Нет, все-таки очень хорошо, потому что искусство, наверное, прекратилось бы, если бы однажды можно было сразу все сказать...

А в окно светят холодные звезды. Мог ли их видеть Шевцов — тогда, в полете? Впрочем, он вряд ли смотрел в иллюминатор. Ему было не до этого.

Слушая Шевцова, я вдруг подумал; что важнее в открытии — сам момент открытия (его мы обычно изображаем) или предшествующая ему напряженная работа? Быть может, эго и имел в виду старик?..

Шевцов искал решение, а корабль летел, и черная пыль вгрызалась в обшивку. Электронная машина подсчитала, когда все будет кончено, и сказала об этом человеку. Сказала бесстрастным голосом. Шевцов, упоминая об этом,

рассмеялся. А я представил себя на месте Шевцова, и у меня возникло такое чувство, как перед прыжком с большой высоты: одновременно тянет и отталкивает. Тут дело не только в знаниях, в опыте. Главное — несокрушимая уверенность в победе. Уверенность в победе разума над любыми силами природы. Ведь именно тогда, сидя в кресле и спокойно обдумывая варианты решения, Шевцов и совершил свой подвиг.

Мне будет трудно это передать. Скульпторы прошлого изображали главным образом человека действующего. Таковы, например, конные статуи итальянских кондотьеров. Герой нашего времени — мысль. И нам, скульпторам двадцать первого века, приходится иметь дело преимущественно с человеком думающим. На этом человеке нет величественных доспехов, нет красиво драпированных тканей. Этот человек, одетый в самую обыкновенную одежду, сидит за обыкновенным столом или у пульта управления — и думает. Действие, если так можно выразиться, сосредоточилось в мозгу человека. Именно там идут невидимые поединки, совершаются незримые подвиги. А потом человек просто нажимает кнопку или клавишу, передвигает рычаг или что-то записывает.

В „Мыслителе“ Родэна главное — поза думающего человека. Это — обходной путь. Мысль, в сущности, сводится к действию, к позе обнаженного тела. Несоизмеримо труднее показать саму мысль. Тут нужен какой-то очень тонкий штрих.

Да, уж лучше бы Шевцов с двумя атомными пистолетами пошел навстречу дюжине отборных спрутов...»

* * *

Когда на телеэкране вновь появился Шевцов, Ланской опросил, мог ли он видеть звезды, Шевцов не ответил. Он продолжал рассказ. Ланской уже начал привыкать к тому, что ответы приходят не сразу. То своеобразное чувство,

которое возникло у него в начале разговора, не исчезло. Экран стоял в трех метрах от кресла, но Ланской постоянно чувствовал, что Шевцов далек, как и звезды в круглом окне...

— Так вот, — рассказывал Шевцов, — скомканный листок со сведениями о черной пыли я поднял и расправил. Я знал: «зацепиться» можно только за то обстоятельство, что частицы черной пыли электрически заряжены. Но как именно «зацепиться» — этого я не знал. Надо было думать. Думать спокойно и систематически. И первое, что я решил, — это убрать телескоп. Он находился снаружи корабля, и пока бы я думал, черная пыль быстро расправилась бы с ним... Я поднялся в рубку, включил механизм демонтажа телескопа, и здесь... Вы понимаете, дело в том, что телескоп, установленный на «Поиске», был не обычным оптическим телескопом, а так называемым субсветовым телескопом, собственно астрографом. Тессем знает, что это такое, а вам я объясню позже, Астрограф автоматически — через заданные промежутки времени — делал снимки неба, точнее той его части, куда летел «Поиск». Снимки проявлялись и сшивались в альбомы. И вот, просматривая без особого интереса последний альбом (мысли мои были заняты черной пылью), я вдруг увидел нечто такое... «Поиск», как вы знаете, летел по направлению к Сириусу. И на снимке я увидел, что у Сириуса есть планета. Бели бы «Поиск» в этот момент горел, я бы все равно занялся планетой! Я вернул астрограф в прежнее положение и...

Стоит ли подробно рассказывать о том, как удалось получить снимки с большим увеличением, как приблизительно была вычислена масса планеты, как спектральный анализ показал наличие свободного кислорода в атмосфере этой планеты... Я совсем забыл о черной пыли. Вы опросите — почему? В конце концов что такое еще одна планета?.. В тот день, когда «Поиск» вылетел к Сириусу, люди уже побывали на четырнадцати звездных системах, открыли — в общей сложности — восемьдесят девять планет. На

двенадцати планетах удалось обнаружить жизнь. На четырех из них жизнь была представлена довольно высокоорганизованными формами растений; на двух планетах, покрытых многочисленными морями, жили земноводные... И, хотя разумных существ астронавты еще не встретили, но открытие новой планеты — само по себе — стало уже явлением рядовым. Наверное, это вы и хотели сказать? Что ж, я вам кое-что объясню. Лет сто назад, когда вопрос о жизни на других звездных системах обсуждался только теоретически, академик Фесенков высказал предположение, что планеты в системах двойных звезд мертвы. Для возникновения и развития жизни, говорил Фесенков, требуется, чтобы в течение длительного времени условия на планете, например температура, радиация, были в общем постоянными. А это возможно только тогда, когда орбита планеты близка к круговой. У двойных звезд планеты имеют сложные орбиты; планеты то слишком приближаются к звездам, то слишком удаляются...

Первые полеты, казалось, подтвердили гипотезу Фесенкова. Планеты Альфы Центавра — двойной звезды — были лишены жизни. Мертвыми были и планеты других двойных систем — Шестьдесят Первой Лебедя, Крюгера Шестьдесят, Грумбриджа Тридцать Четыре... Из каждых десяти звезд на небе восемь — двойные, а это значит, что сразу в пять раз сокращается вероятность жизни на планетах чужих миров. Разумеется, если Фесенков прав.

Сириус, к которому летел «Поиск», — тоже двойная звезда. Но планета Сириуса имела атмосферу примерно такой же плотности, как и земная, и примерно такого же состава. Во всяком случае, я обнаружил кислород, азот, пары воды и следы углекислого газа.

Теперь вы понимаете, почему я забыл о черной пыли...

* * *

Шевцов на минуту умолк, к чему-то прислушиваясь. Потом продолжал:

— Вы спрашиваете, Олег Федорович, что видит астронавт, летящий на субсветовой скорости? Да, небо, которое он видит, нисколько не похоже на то, что мы привыкли видеть на Земле или в иллюминаторах тихоходных межпланетных ракет. Звезды как бы смещаются к той точке неба, к которой летит корабль. Тессем покажет вам фотоснимки. Да, страшное небо... Я не знаю другого слова. Именно — страшное. Я не открывал смотровые люки, я ни за что — без необходимости — не вышел бы из корабля. Но тут была необходимость. Черная пыль заставила меня надеть скафандр и выйти. И хотя я не раз видел это небо, оно показалось мне тогда особенно зловещим...

Но я еще не рассказал вам, почему мне пришлось выйти из корабля. Это случилось так...

* * *

Это случилось на третьи сутки после того, как на снимках астрографа Шевцов обнаружил новую планету. К этому времени Шевцов отыскал новое решение проблемы защиты от черной пыли. Вполне удовлетворительное решение — математически безупречное, конструктивно изящное, представлявшееся достаточно надежным. Оно имело только один — далеко не принципиальный — недостаток: сам Шевцов не мог им воспользоваться. На Земле перед отлетом на корабле смонтировали бы необходимую аппаратуру. Но сейчас найденное решение имело лишь теоретическое значение. Необходимо было найти еще одно решение, осуществимое здесь, на корабле. Найти или... Вот об этом «или» Шевцов не хотел думать.

В силу каких-то странных психологических закономерностей мысль его, казалось бы, всецело занятая черной

пылью, с необыкновенной ясностью и остротой работала и в других направлениях. В эти дни он легко решил несколько каверзных задач, связанных с проектом нового звездного корабля. Он продолжал и наблюдения за открытой им планетой, ненадолго выдвигая астрограф. Ему удалось обнаружить еще две планеты; их атмосферы состояли из метана и аммиака.

Однажды, когда Шевцов регулировал систему охлаждения в моторном отсеке, раздался прерывистый звонок рации. Звонок означал, что рация приняла и записала какое-то сообщение. Но какое сообщение она могла принять? От кого? Откуда? Связь с Землей давно прервалась — корабль отделяли от солнечной системы мощные электромагнитные поля. А впереди был Сириус, которого еще никогда не достигали звездные корабли. Однако рация настойчиво звала человека. Ее характерный прерывистый звонок нельзя было спутать ни с чем...

— Не знаю почему, — продолжал Шевцов, — но прежде всего я почему-то подумал, что это сигнал оттуда, с планеты Сириуса. Нелепая мысль, но именно она была первой. А потом... Простите, я отвлекся. Времени у нас мало. Я буду краток. Так вот, я взбежал по трапу, дернул рукоятку включения магнитной записи так, что в аппарате раздался хруст, — и услышал голос. Человеческий голос — впервые за много месяцев! Это была радиограмма с «Авроры», флагманского корабля экспедиции, вылетевшей к Проциону через три недели после того, как я покинул Землю.

Тессем знает, что это такое — послать радиограмму с одного звездного корабля на другой. Самое трудное — расчет направления. Радиоволны идут узким пучком, легко промахнуться. Правда, «Аврора» имела новейшую расчетную аппаратуру, но я представляю, сколько им пришлось поработать... Они поздравили меня с днем рождения, пожелали успехов и сообщили данные, облегчающие отправку обратной радиограммы. Поздравление опоздало на три дня, хотя они послали его двумя месяцами раньше. Что ж, Тессем

подтвердит, три дня в таких условиях — ничтожная ошибка. На «Аврора» были радиоинженеры высокого класса...

Я вновь и вновь включал магнитную запись. Как одержимый я повторял эти слова, я кричал их, я выучил наизусть длинный описок цифр, которым заканчивалась радиограмма. Эти сухие цифры звучали для меня нежнейшей музыкой, потому что я слышал человеческий голос, настоящий человеческий голос!

Энергии в батареях «Поиска» накопилось достаточно, и теперь я мог сообщить на «Аврору» о найденном мной решении, которым, увы, я сам не мог воспользоваться. С «Авроры» его передали бы на Землю и та другие корабли. Признаюсь, в первый момент у меня появилось такое желание — сразу, не откладывая ни на минуту, послать радиограмму «Авроре». Но я ушел вниз, в кают-компанию, подальше от греха... Энергия была одним из тех немногих средств, которыми я располагал в борьбе с пылевой коррозией: израсходовать ее — означало потерпеть поражение.

Я спустился в кают-компанию и сказал себе: «Надо думать о черной пыли». Скажу откровенно: никогда еще мысли у меня так не путались. Это походило на телеграфную запись — точка, тире, точка, тире... Мысли о черной пыли чередовались с воспоминаниями о радиограмме, с размышлениями о планете в системе Сириуса, с соображениями вообще случайными, посторонними. И все-таки именно тогда я нашел это второе решение.

Началось с того, что я перестал думать об электрических и магнитных свойствах черной пыли. Тут каждый раз дело упиралось в отсутствие у меня необходимой аппаратуры... Я стал вновь анализировать другие свойства пыли. Надо вам сказать, что черная пыль состоит из молекул воды, аммиака, метана. По существу, это льдинки, замерзшая жидкость, замерзшие газы. Иными словами — скорее град, чем пыль.

(Наверное, сейчас вы скажете, что в таком случае легко растопить черную пыль. Сначала я тоже так думал. У меня появилась мысль нагреть оболочку корабля токами высокой

частоты. Но все дело в том, что частицы черной пыли царапают металл в момент столкновения. После этого они уже не страшны; их можно легко растопить, они даже сами плавятся от удара... Но уже поздно. Удар нанесен. Вот поэтому мне и пришлось заняться электрическими свойствами черной пыли.

Что ж, не буду испытывать вашего терпения. Я нашел способ расплавлять пыль далеко впереди корабля. Иногда полезно, что нет выбора технических средств. В таких случаях вдруг, словно впервые, замечаешь нечто очень простое. Да, решение, к которому я пришел, было очень простым. Я мог бы объяснить вам в нескольких словах. Но, пожалуй, стоит рассказать подробнее, потому что здесь ключ ко всему. И к тому, почему телескоп на «Поиске» назывался субсветовым. И к тому, почему я оказал, что небо, которое видит астронавт, — страшное небо.

Да простит меня Тессем за то, что ему, радиоинженеру, придется полминуты поскучать. Но вам я напомню принцип Допплера. Если вы движетесь навстречу источнику колебаний (или источник колебаний движется навстречу вам — это безразлично), то частота воспринимаемых вами колебаний увеличивается. Если удаляетесь — частота уменьшается. Свет, как вы знаете, — электромагнитные колебания. У красного света сравнительно невысокая частота колебаний, у зеленого — больше, у фиолетового — еще больше. Если двигаться навстречу красному свету, то он при значительной скорости начнет казаться зеленым, затем фиолетовым, потом вы его вообще не увидите, потому что он станет ультрафиолетовым. Разумеется, нужны огромные скорости, чтобы это произошло. Точнее, субсветовые скорости, те скорости, с которыми движутся наши звездные корабли.

Теперь вы понимаете, что обычный оптический телескоп, рассчитанный на видимый свет, в этих условиях непригоден. Свет звезд, находящихся впереди корабля, воспринимается как ультрафиолетовый. И наши корабельные

телескопы рассчитаны на фотографирование в ультрафиолетовых лучах.

Я думаю, вы догадались, что звезды, которые находятся за кормой летящего на субсветовой скорости корабля, тоже не видны. Сначала видно обычное звездное небо. Но скорость увеличивается. Звезды, в сторону которых летит корабль, становятся голубыми, затем фиолетовыми и, наконец, гаснут. Впереди возникает черное пятно и по мере увеличения скорости оно растет, наползая на звезды и гася их... То же самое происходит и позади корабля. Звезды из желтых становятся оранжевыми, затем красными, тускнеют и гаснут... И опять возникает зловещее черное пятно...

На «Поиске» было два мощных радиолокатора. Будь корабль неподвижен, их излучение не причинило бы ни малейшего вреда черной пыли. Но «Поиск» летел на субсветовой скорости. И это превращало лучи локаторов в более короткие, попросту говоря, в тепловые лучи...

* * *

Все они очень устали — Шевцов, Тессем, Ланской. Никто из них не спал в эту ночь.

— Локаторы имели большую мощность, — продолжал Шевцов. — Очень большую. Надо было направить антенны вперед и так подобрать исходную частоту излучения, чтобы скорость корабля превратила ее в частоту, соответствующую тепловым лучам. Часть расчетов — не очень сложных — я проделал в уме, часть — на электронной машине. Она добросовестно проскрипела мне свои соображения о частоте импульсов, об угле рассеивания и о многом другом. После этого мне оставалось надеть скафандр, выйти и убрать ненужные теперь светильники, которые выходили за пределы расчищаемого лучами пространства.

Я включил оба локатора, потом спустился вниз, в шлюзовую камеру, надел скафандр и вышел из корабля...

* * *

В скафандре негромко жужжали инжекторы — гнали воздух в патрон, поглощающий углекислый газ. Сквозь прозрачную оболочку шлема Шевцов смотрел на небо.

Впереди «Поиска» было огромное черное пятно. Оно походило на бесконечный туннель. В такой туннель можно войти, но выйти из него уже нельзя, потому что впереди будет вечная темнота, без проблеска света, без жизни... Там, где пятно кончалось, светили фиолетовые звезды — немигающие, блеклые. Дальше от пятна звезды уже имели обычный цвет — желтый, голубоватый. Это был кусочек обычного неба, стиснутого двумя черными пятнами. Двумя — потому что позади «Поиска» тоже чернело пятно. Его

окружали кроваво-красные звезды, и это представляло собой еще более мрачное и отталкивающее зрелище. Пятна казались каким-то кошмаром. Непроницаемые, леденящие кровь, они словно надвигались на корабль, сжимали его с двух сторон, грозили раздавить...

Изредка в пятнах появлялись странные, мерцающие огоньки, похожие на всполохи отдаленного полярного сияния. Это были те электромагнитные колебания, которые невозможно увидеть, когда корабль не летит на субсветовой скорости. Движение корабля меняло частоту этих колебаний, превращало их в видимые. Они опутывали черные пятна бледными, призрачными нитями и быстро исчезали, делая мрак еще более глубоким.

Шевцов подумал, что мир, каким мы его видим, зависит от скорости. Стоит изменить скорость — и меняется вид этого мира.

«Что заставляет нас дальше и дальше уходить в Космос? — думал Шевцов. — Необходимость? Нет. Сейчас на Земле есть все, а мы стремимся в черную бездну. Жажда знания? Нет. Во всяком случае, не только жажда знания...»

Светильники были убраны. Следовало пройти в шлюзовую камеру, снять скафандр. Но Шевцов стоял у рубки «Поиска». Впервые это зловещее небо не страшило его...

* * *

Лифт, поскрипывая, шел вверх.

— Знаете, — сказал Тессем, — я вспомнил несколько строк из одной баллады Киплинга. Поэты иногда не подозревают, насколько они правы. Вот, послушайте:

И Тамплинсон взглянул вперед
И увидал в ночи
Звезды, замученной в аду,
Кровавые лучи.

И Тамплинсон взглянул назад
И увидал сквозь бред
Звезды, замученной в аду,
Молочно-белый свет...

Ланской не ответил. Ему не хотелось говорить. Вернувшись в свою комнату, он записал в дневнике:

«Когда-то люди вышли в океан на скорлупках, вышли навстречу волнам, ветру, штормам — и победили. А потом настал наш черед, и мы отправились на своих кораблях в Звездный Мир, и, хотя эти корабли, как песчинки перед необъятным Космосом, но вот мы тоже идем навстречу опасностям, которые страшнее любых штормов, идем и побеждаем. И те, кто будут после нас, пойдут на своих кораблях навстречу еще неизведанным величайшим опасностям...

Ибо судьба человека может быть разной; но у Человечества одна судьба — идти вперед и побеждать.»

Часть вторая
НА ЧУЖОЙ ПЛАНЕТЕ

Если есть на свете божество, -
Это труд и чудеса его.
Древле сделав зверя человеком,
Все мечтанья обостряя в мысль,
Труд ведет историю по вехам
Поступью железной в коммунизм...
И. Сельвинский

Чтобы создать произведение искусства, еще недостаточно таланта, возможности, времени. Подобно тому, как водород и кислород остаются холодной смесью газов, пока не пробежит взрывающая их электрическая искра, в душе художника тоже должен сверкнуть огонь, вызванный каким-то событием. Только тогда из смеси самых разнородных

факторов возникает нечто такое, что властно заставляет взяться за кисть, резец или перо...

На вершине башни Звездной Связи находился круглый стеклянный зал. Утром, поднявшись сюда, Ланской увидел сквозь изогнутые прозрачные плиты пола освещенные солнцем облака — неподвижные, застывшие, подобные бесконечной ледяной пустыне. Где-то под облаками была Земля... С внешней стороны зал опоясывали антенны: вытянутые, напоминающие щупальцы фантастических животных, счетверенные антенны межзвездной связи; неторопливо движущиеся решетчатые лунные антенны; юркие, ни на минуту не останавливающиеся антенны метеоритного патрулирования... Каждая антенна имела свое, совершенно независимое движение, но все они словно искали в небе что-то одно, общее...

Массивный стальной шпиль пронизывал зал и уходил высоко вверх, поднимая к небу флаг Объединенного Человечества. Отсюда флаг казался совсем маленьким — трепещущая на ветру частица красного пламени.

Высота облагораживает. Оставшись наедине с самим собой не в привычной обстановке, а высоко над облаками, невольно перестаешь замечать мелочи, которые невидимым грузом приковывают дух человека к земле. Здесь все пронизано светом. Здесь ясно и чисто.

Мысль Ланского ушла в свободный полет, то взмывая вверх, к небу, то стремительно падая вниз, то надолго замирая, как птица, парящая над землей.

Внезапно за его спиной, у входа в кабину лифта, раздался негромкий голос:

— Внимание...

Ланской обернулся.

Это был динамик. Круглый диск тихо гудел. Тот же голос повторил слово «внимание» еще на пяти языках. Ланской подошел ближе.

— Работают все радиостанции Земли, — по-прежнему негромко сказал диктор. — Слушайте чрезвычайное сообщение.

Никогда Ланской не верил в предчувствия, но тут он почувствовал — и притом совершенно отчетливо, — что сообщение это сыграет особую роль в его судьбе.

Диктор долго — на шести языках — повторял:

— Внимание! Работают все радиостанции Земли. Слушайте чрезвычайное сообщение.

Постепенно Ланской перестал замечать все, что было вокруг, — и облака под ногами, и продолжающие свое вечное движение антенны, и флаг высоко наверху. Остался только черный диск динамика, без конца повторявший:

— Внимание! Работают все радиостанции Земли. Слушайте чрезвычайное сообщение...

И Ланской услышал это сообщение. В пустом зале на вершине башни Звездной Связи торжественно и грустно звучал чеканный голос диктора:

— Вчера Служба Звездной Связи приняла радиограмму о гибели корабля «Вулкан», вылетевшего в первую исследовательскую экспедицию к звезде, Вольф Четыреста Двадцать Четыре. Внезапная радиация, в которую попал корабль, вызвала неуправляемую цепную реакцию в ядерных генераторах. Капитан «Вулкана» передал на Землю сведения об этой радиации и — от имени экипажа — прощальный привет.

— На звездном корабле «Вулкан» погибли астронавты Кнут Герднер, Сейроку Нома, Анатолий Югов, Ричард Роуз.

— По всей Земле наступает минута молчания.

— И когда это сообщение дойдет до станций на Меркурии, Венере и Марсе, до звездных кораблей, где бы они ни находились, пусть и там наступит минута молчания...

Еще на пяти языках повторил диктор эти слова, а потом ударили куранты. И Ланской увидел, как алый флаг Объединенного Человечества медленно опускается вниз. Замерли

обращенные к небу антенны. Приспущенный флаг казался большим и тяжелым.

Наступила минута молчания.

* * *

Бывают в жизни человека минуты, когда он принимает клятву перед самим собой. И хотя никто не слышит таких клятв — они самые нерушимые. Именно в эту минуту молчания, под приспущенным флагом Земли, Ланской взял из рук старика, своего учителя и друга, ящик с инструментами. Он не произнес ни слова, он думал о погибших астронавтах, но, когда кончилась минута молчания и из динамика полились звуки моцартовского «Реквиема», он вдруг понял — что это такое: инструменты, переданные стариком.

В эту минуту он поклялся, что отныне все его помыслы и силы будут отданы тому, для чего он прислан сюда стариком.

Он не произнес ни одного слова. Но он чувствовал, знал, верил — так будет.

* * *

В лифте Ланской посмотрел на часы и подумал, что сообщение уже приняли на «Океане». Сейчас и там наступила минута молчания.

* * *

В полдень Тессем и Ланской сидели в телевизионном зале. Полыхнул холодным пламенем серебристый экран, и они вновь увидели радиорубку «Океана». Шевцов поздоровался с Ланским, сказал обычное:

«Здравствуйте, Тессем!»

У Шевцова было плохое настроение. Он рассказывал вяло, нехотя, сбивчиво. Минута молчания прошла, однако он не мог не думать о «Вулкане».

— Не помню, — начал Шевцов — говорил ли я вам, что в системе Сириуса оказались еще две планеты. Они имели большую массу, атмосфера их состояла из аммиака и метана. Словом, они походили на наш Юпитер. Астрограф поймал их позже первой планеты только потому, что они прятались в лучах Сириуса. Нет, я не с того начал. Так вам многое будет непонятно. Я объясню иначе. Черная пыль была побеждена, но я чувствовал, что с каждым днем мне становится хуже. Да, я был болен. Сказались одиночество и постоянное нервное напряжение. Меня мучила бессонница, изводили частые приступы головной боли...

Однажды — впервые за все время полета — я включил автоматический диагнограф. Он долго выслушивал и просвечивал меня, а потом передал собранные сведения на электронную машину, и машина проскрипела своим противным голосом: «Нервное истощение. Необходим длительный отдых. Перемена обстановки». Она издевалась надо мной, проклятая машина: «Перемена обстановки...»

Полет продолжался. «Поиск» шел сквозь черную пыль. Локаторы расчищали путь кораблю. Непрерывно работала автоматическая аппаратура, исследуя состав и плотность пыли. Я предполагал, что скоро начну торможение. Надо было постепенно остановить «Поиск», развернуться и, набирая скорость, идти к Земле.

Но получилось иначе.

Однажды зазвонила рация. Я поднялся в рубку, включил звукозаписывающий аппарат и услышал сигналы бедствия. Три точки, три тире, три точки. Потом координаты корабля. И цифру, условно обозначавшую, что на корабле произошел взрыв ионного ускорителя.

Неизвестный корабль шел со стороны Сириуса. Это было почти невероятно. Черная пыль преграждала путь кораблям, летевшим с Земли к Сириусу. «Поиск» первым

прорвался сквозь черный заслон. Не существовало, не могло существовать корабля, который побывал бы в этом районе Вселенной раньше «Поиска».

Я ожидал, что рация поймает какие-то другие сигналы. Хотя бы название корабля. Это сразу бы все объяснило. Но звукозаписывающий аппарат рации упорно повторял сигналы бедствия. Так прошло несколько часов. Я перебрал десятки версий — ни одна из них не давала удовлетворительного ответа.

В конце концов, уже отчаявшись что-либо понять, я нашел разгадку. Она появилась, когда я просматривал списки старых кораблей.

Среди кораблей, вылетевших когда-то с Земли, был один — он назывался «Аргонавт», — пропавший без вести. «Аргонавт» покинул Землю шестьдесят четыре года назад. Через несколько лет произошла катастрофа; как полагали, взрыв ускорителя. За шестьдесят лет корабль (или то, что уцелело от него при взрыве), описав громадную дугу, мог обойти стороной черную пыль, выйти к Сириусу и сейчас — продолжая циркуляцию — лететь по направлению к Земле.

Да, очевидно, навстречу «Поиску» летел погибший корабль, и только аварийный автомат посылал в Космос сигналы бедствия. Эти автоматы могут работать и сто лет. К тому же, они сами определяют координаты...

Вы, наверное, скажете, что надо было использовать локаторы, радиосвязь. Не так ли? Мне где-то приходилось читать о встрече двух кораблей, которые переговариваются с помощью локаторов. Чепуха! «Поиск» летел на субсветовой скорости, а это значит, что он почти не отставал от посланных лучей рации. И поймав ответ — если бы мне ответили, — я просто не успел бы затормозить. Тут действует простая, но убийственная арифметика. Скорость «Поиска» приближалась к световой; ну, для простоты примем ее равной тремстам тысячам километров в секунду. На аварийном режиме — при десятикратной перегрузке — я мог каждую секунду уменьшать эту скорость на сто метров. Значит, чтобы

остановиться, «Поиску» нужно было три миллиона секунд. Это около тридцати пяти суток.

Вы скажете — тридцать пять суток не так уж много. Прежде всего, не тридцать пять. Надо затормозить, потом развернуть корабль в противоположную сторону и нагнать «Аргонавт». Кроме того, десятикратную перегрузку можно перенести, лишь применяя аппараты электросна и искусственного дыхания. Случись в это время даже пустяковая авария, последствия могли бы быть самыми катастрофическими.

И все это, чтобы увидеть старый, искалеченный взрывом корабль. Мертвый корабль. Мертвый, хотя его чудом уцелевший автомат продолжал посылать сигналы бедствия.

Нет, у меня даже мысли не было уйти. Я знал; надо тормозить. Сигнал бедствия — обстоятельство, которое выше логики. Бесполезно, трижды бесполезно, абсолютно бесполезно — но астронавт всегда пойдет на сигнал бедствия.

Два часа я провел в моторном отсеке. Потом поднялся наверх и, знаете, странная вещь: мне все примелькалось, все осточертело на корабле, я тысячи, миллионы раз видел одно и то же, одно и то же — и вот сейчас мне было жаль с этим расставаться... Работа, книги, музыка, размышления — все это перечеркивалось растянутым на многие недели сном.

Я долго ходил по кают-компании. Смотрел на портрет. Я думал: «Поиск» вернется на Землю через семнадцать «земных» лет. Когда же и как мы сломаем эту раздвоенность времени? Есть только один путь — скорость. Пока «Поиск» летел к Сириусу, на Земле прошло свыше восьми лет. А на корабле — два года. Время сжалось в четыре раза. А если бы «Поиск» долетел до Сириуса за час, за десять минут, за секунду? Пусть тогда время на корабле сжимается не в четыре раза, а в миллионы, в миллиарды раз. Все равно разрыв будет ничтожен — час, десять минут, секунда...

Я верю, что люди будут летать с такими скоростями. Не на наших кораблях: тут нужно нечто совсем иное.

Да, так вот, я подумал: сейчас я включу аппараты электросна, и «Поиск» пойдет вперед, управляемый только приборами. И если что-нибудь случится, аварийный автомат тоже будет посылать сигналы бедствия. Возможно, их услышат — как я услышал сигналы «Аргонавта». Сюда придут люди, найдут мой проект. Наверное, в нем и теперь уже многое устарело. А тогда...

И я написал на последнем листе проекта: «Люди! Мы летали на атомарно-ионных ракетах. Это была тяжелая эпоха в звездоплавании, потому что время раздвоилось, а человек не должен уходить от своей эпохи. От имени тех, кто летал до меня, от имени погибшего экипажа „Аргонавта“, от своего имени я говорю вам: нужно летать со скоростью, большей скорости света. Нам не удалось сломать этот роковой барьер. Так сломайте же его вы!»

Да, так я написал. А думал другое: «Я вернусь на Землю и не буду летать. Хватит».

Я отнес проекты в рубку и уложил — вместе с бортовым журналом — в металлический футляр.

А потом начался ад. Дьявольской силы аварийная перегрузка, наползавшая сквозь сон, как удушливый и бесконечный кошмар. Страх и боль, стиснутые в неподдающихся сну закоулках мозга. И смертельная слабость, которая медленно — как гангрена — сковывала тело... Через каждые пять дней приборы останавливали двигатели, аппараты электросна будили меня. Затем все начиналось сызнова. Это как в водовороте; крутит, бьет, несет куда-то, отпустит на секунду — глотнешь воздух и — снова пучина, снова тьма...

Все это время «Поиск» вели автоматы. Как я уже говорил, рация принимала с «Аргонавта» не только сигналы бедствия, но и координаты. По изменению координат приборы следили за полетом корабля. Ну, а погоня — любимое дело астронавигационных автоматов. Да, да, я не оговорился. Я бы даже сказал: страсть к погоням у них в крови, потому что их предки управляли самонаводящимися ракетными снарядами. И когда я — раз в пять дней — включал

электронную машину, она четко и даже с некоторой лихостью сообщала:

— Продолжается преследование... Расстояние до цели...

Впрочем, скорее всего машина говорила обычным бесстрастным голосом. После пяти дней аварийной перегрузки всякое может померещиться.

Перегрузка... Если бы мы могли летать на наших кораблях со сверхсветовыми скоростями, все равно перегрузка помешала бы избежать раздвоенности времени. Даже при тройной перегрузке нужно почти четыре месяца, чтобы достичь скорости света. А за это время на Земле пройдут годы...

Но я отвлекся. Так вот, наступил день, и машина сказала:

— До цели — три километра.

«Поиск» шел с небольшим ускорением, и тяжесть почти не ощущалась. Это очень странно — когда после многих недель чудовищной перегрузки вдруг исчезает тяжесть. Словно сон наяву: хочешь сделать одно, а получается совсем другое. Чтобы добраться до пульта управления, пришлось долго рассчитывать каждое движение. Но это вызвало не досаду, а смех, самый настоящий смех...

Со скрежетом поднялся металлический щит иллюминатора. Лучи бортовых прожекторов пронизали тьму и упали на «Аргонавт» ...

* * *

Шевцов говорил бесстрастным, ровным голосом. Однако Ланской понимал, что Шевцов совсем не бесстрастен. Просто в рассказ вошли звезды — и бесконечные звездные дороги, и судьбы погибших на этих дорогах кораблей, и звездное раздробленное время, идущее по-своему на каждом корабле. Поэтому голос Шевцова стал твердым и ясным. Каким он и должен быть у человека, способного пройти звездные дороги, изменить судьбу кораблей, преодолеть время.

* * *

— Конечно, я не ошибся, — продолжал Шевцов, — «Аргонавт» был мертв. Он погиб от взрыва ионного ускорителя. В моторном отсеке зияли огромные пробоины. Взрыв вспучил обшивку крыльев, скрутил ее, изорвал... Рули были смяты, как жалкие листки бумаги. Антенны локаторов надломлены...

Казалось, со страниц книги сошел древний парусник. В трюме его плещется вода, срублены мачты, сорван руль. Ветер со скрипом раскручивает штурвал, к которому никогда не прикоснется рука человека, и скрип этот отпугивает птиц. Течение несет безмолвный корабль сквозь ночь и непогоду. А может быть, скрип штурвала — это голос корабля? «Корабли умирают, как люди, — говорит он. — Иногда совсем молодыми, иногда спокойно состарившись в тихой, укрытой от непогод пристани. Но будь у кораблей выбор, они кончили бы свой век, как я — в единоборстве со штормом...»

«Поиск» медленно подходил к «Аргонавту». Бортовые прожекторы «Поиска» в упор освещали мертвый корабль. Холодный свет разлился по серому корпусу «Аргонавта», заискрился на рваных краях пробоин, ударил в черные, навсегда погасшие иллюминаторы.

На «Поиске» не было флага, и салютовать погибшему кораблю я мог только светом. Я отошел к пульту, нажал клавишу. Прожекторы погасли. И в темном круге иллюминатора возник слабый мерцающий свет: три точки, три тире, три точки.

Не помню, как я очутился у иллюминатора.

В небе, закрывая звезды, висел громадный корпус «Аргонавта». Вспыхивал и гас бледный огонек; три точки, три тире, три точки... Яркие лучи прожекторов подавляли этот слабый огонек, но сейчас он был отчетливо виден: три точки, три тире, три точки...

Я знал конструкцию корабля: там не могло быть никаких автоматов, подающих световые сигналы.

На корабле были люди.

С этого момента время понеслось со стремительностью потока, прорвавшего плотину. И подобно человеку, которого подхватил бурный поток, я запомнил — до мельчайших и ненужных деталей — что-то одно и не запомнил другое. В первые минуты я действовал машинально; бывает такое состояние, когда мысли человека всецело чем-то поглощены, а сам человек куда-то идет и что-то делает... Я включил магнитные эффекторы, подтянувшие корабль к «Аргонавту», спустился в шлюзовую камеру, надел скафандр, но думал только об одном: «Каким образом могли уцелеть люди на корабле, потерпевшем катастрофу около шестидесяти лет назад?»

* * *

Шевцов усмехнулся, в глазах его — впервые в этот день — блеснули живые искорки.

— Предвзятое мнение, — сказал он и развел руками, словно оправдываясь. — Для исследователя нет ничего опаснее предвзятого мнения. Азбучная истина, которую мы хорошо помним, когда речь идет о чужом предвзятом мнении... Да, я ошибался. Я решил, что этот корабль — «Аргонавт», и уверил себя в этом. Даже при встрече, заметив нечто незнакомое в обводах корабля, я приписал это результатам взрыва.

— Чужой корабль? — вполголоса спросил Ланской Тессема. Инженер отрицательно покачал головой.

— Входной люк оказался совсем не там, где я предполагал, — продолжал Шевцов. — Но это был только первый сюрприз. Когда я все-таки отыскал люк, его крышка поднялась сама. Я прошел в шлюзовую камеру, люк захлопнулся, зажегся свет. И тотчас же послышался очень спокойный, мягкий голос: «Здравствуйте. Пройдите, пожалуйста, в рубку».

Я ничего не понимал. Ничего! Эта часть корабля сравнительно мало пострадала от взрыва, и я видел, что оборудование здесь слишком совершенное. Настолько совершенное, что его не могло быть не только пятьдесят или шестьдесят лет назад, но и в день моего отлета с Земли. Более того, пробираясь по узкому коридору, я обнаружил несколько приборов, которые когда-то сам проектировал. По ряду причин их не удалось довести до производства. В день моего отлета на Земле еще не существовало таких приборов!

Трап, ведущий в рубку, был сломан, но я в два прыжка — тяжести почти не ощущалось — добрался до двери. Рванув ее, я буквально влетел в рубку. Она была пуста. Людей на корабле не оказалось.

Как ни странно, я почти не удивился этому. Меня поразило другое. Здесь, в рубке, оборудование было еще более совершенное. «Здравствуйте», — произнес за моей спиной спокойный голос. Я тотчас обернулся. У двери стояла электронная машина. Небольшая, без контрольных сигналов, совсем не похожая на громадный серый шкаф на «Поиске».

Да, кораблем управляла машина. Через десять минут я знал все. Машина отвечала быстро и точно.

«Открыватель» (так назывался этот корабль) вылетел с Земли позже «Поиска». Именно поэтому он имел более совершенную аппаратуру. Вы спросите, как же он мог обогнать «Поиск», ведь оба корабля двигались примерно с одинаковой скоростью. Тут все дело в том, что «Поиск» вынужден был разгоняться сравнительно медленнее. Человек не выносит длительного действия больших перегрузок. А «Открыватель» стартовал с огромным ускорением. Максимальная скорость у обоих кораблей была почти одинаковой, но средняя скорость «Открывателя» намного превосходила среднюю скорость «Поиска». «Открыватель» стороной обошел черную пыль, побывал на одной из планет в системе Сириуса и возвращался на Землю. Взрыв ускорителя прервал полет. Электронная машина, управлявшая кораблем, приняла

единственно верное решение: ждать встречи с «Поиском», идущим в этот район.

Да, все объяснялось просто. Но эта простота потрясла меня. Я был на борту корабля, который пришел из будущего. Для нас, астронавтов, время словно останавливается после потери связи с Землей. Мы сохраняем в памяти Землю такой, какой она была в день отлета. А между тем время на Земле бежит с огромной скоростью. Люди думают, ищут, изобретают...

Поединок со Вселенной тяжел. Корабль годами затерян в черной бездне. Она давит на человека. День за днем, месяц за месяцем, год за годом... И вот здесь, на борту «Открывателя», я вдруг почувствовал, что время не остановилось, что за этим бездонным, с черными провалами небом существует Земля, наша Земля, моя Земля — и люди на ней все смелее бросают вызов небу.

«Открыватель», как я уже говорил, побывал на одной из планет в системе Сириуса. На той планете, которую я открыл первой. Электронная машина, суммировавшая показания приборов, сообщила, что атмосфера планеты пригодна для дыхания, и привела подробные сведения о температуре, радиации, атмосферном давлении, скорости ветра, составе почвы... Все это мне предстояло передать на Землю, потому что «Открыватель» уже не мог продолжать путь.

И тут... Да, тут есть одна деталь, о которой придется сказать подробнее. При спуске на планету автоматически велась киносъемка. Я решил посмотреть заснятые кадры. На стереоэкране было видно, как «Открыватель» опускается на обширный песчаный пустырь. Очень долго на экране почти ничего не появлялось. Я видел только, как яркий диск Сириуса поднимается вверх и тень от корабля быстро укорачивается. Временами на экране возникали маленькие красные огоньки. Я всматривался до боли в глазах, но даже при максимальном увеличении стереопроектора ничего не удавалось разглядеть. Красные огоньки двигались — это была жизнь... И вдруг на экране возник силуэт человека. Это

произошло в течение какой-то доли секунды. Там, где двигались красные огоньки, возник из ничего серый, стертый, едва видимый силуэт человека. Возник из пустоты — и сразу же исчез...

Однако это не могло быть обманом зрения. Я трижды включал стереопроектор — и трижды на экране появлялся странный силуэт.

Шевцов долго и сосредоточенно молчал, словно пытаясь что-то припомнить.

— Как вы догадываетесь, — продолжал он, наконец, — я не мог вернуться на Землю, не побывав на этой планете. Человеческий силуэт... Нет, это невозможно было оставить так, не выяснив. И все-таки решение лететь к чужой планете далось мне нелегко. Я знал, что полечу. Знал, что иначе нельзя. Но какой-то внутренний голос упрямо твердил: «Тебя ждет Земля — и время на ней все больше и больше обгоняет твое корабельное время...»

Я снял с приборов «Открывателя» все записи, выключил аварийный автомат и перешел на «Поиск». Мне было грустно; казалось, я оставляю здесь, в черном безмолвии, частицу родной Земли. Я долго стоял у иллюминатора и смотрел, как «Открыватель» постепенно исчезает, в темноте.

Я думал о судьбе таких кораблей. Ну, «Открыватель» описывает гигантскую окружность. Но другие корабли могут двигаться по прямой. Они не расходуют энергии. Их экипаж не считает годы жизни. Пройдут тысячи, миллионы лет, а корабли, подчиняясь последней воле своих капитанов или своих приборов, будут идти вперед и вперед.

Погибшие корабли... Каждый из них боролся, как мог. Но это уже позади, а теперь им не страшны никакие опасности. Их не остановит черная пыль — для этого скорость слишком мала. Метеориты, излучение, магнитные поля — ничто не страшно их экипажу. Они идут сквозь черную бездну Космоса, и нельзя предвидеть, где и когда это кончится. Быть может, еще работают в их рубках уцелевшие приборы,

раскрывая тайны Звездного Мира. Кто узнает эти тайны? Быть может, антенны еще ловят далекие голоса людей. Но кто ответит людям? Безмолвные, с погасшими огнями, летят корабли по курсу, проложенному судьбой...

* * *

— Сейчас, вспоминая этот полет, — продолжал Шевцов, — я думаю, что все, в сущности, закономерно. Я летел исследовать черную пыль и бороться с ней. Других задач у меня не было. И когда с пылевой коррозией удалось покончить, мне следовало вернуться на Землю. Но впереди оказалась тайна, нечто такое, чего люди еще не знали. Я не мог вернуться. Не мог и не хотел. Однако сознание того, что я все еще удаляюсь от Земли, вызвало... как бы это сказать... душевную коррозию. В Космосе человеку нелегко. А одному... Да, мы открыли много других планет, мы даже меняем их: создаем атмосферные оболочки, улучшаем климат... И все-таки Земля остается для человека лучшим из миров. Это — родина. И как бы далеко ни проникли наши корабли, нас будет тянуть на родину.

Да, так вот, я радировал на «Аврору» о пылевой коррозии. А «Поиск» еще четыре месяца шел к системе Сириуса. Дни слились в серую, беспросветную пелену. Иногда мне хотелось воспользоваться аппаратом электросна, чтобы проснуться только через четыре месяца. Но я был один на корабле — приходилось следить за работой ядерных генераторов, электромагнитных ускорителей, приборов...

Шевцов помолчал, невесело усмехнулся:

— Нет. Если говорить откровенно, я просто боялся включить аппарат электросна — даже ненадолго. Меня преследовала мысль, что он не сработает — не разбудит, когда истечет установленное время. Я был один на корабле, и если бы аппарат не сработал... Вот поэтому я его и не включал. Мучился от бессонницы, но не включал.

Теперь вы представьте себе, что такое система Сириуса. Прежде всего, это две белые звезды — Сириус А и Сириус Б, обращающиеся вокруг общего центра тяжести. Сириус А — в два с половиной раза массивнее Солнца. Но звезда — как звезда. Сириус Б — «белый карлик»; по размерам чуть; больше Земли. Как видите, странная звездная пара: великан и карлик. И три планеты. Две из них по размерам превосходят Сириус Б и окружены свитой спутников. У третьей планеты (к ней и летел «Поиск») один спутник, по размерам — несколько меньше Луны. Планеты движутся по очень сложным орбитам. Их движение определяется не только притяжением звезд, но и взаимным притяжением.

Я направил корабль к планете, в атмосфере которой был кислород. Она во многом напоминала Землю...

Да, она напоминала Землю, потому что в атмосфере плавали облака, а там, где их не было, я видел моря и материки. И мне показалось, что я возвращаюсь на Землю.

Это довольно рискованно — опуститься на неисследованную планету. Но мне не оставалось ничего другого. Разведка с большой высоты затягивается на месяцы — и все-таки дает очень мало сведений. А на полеты в атмосфере у меня не было горючего.

И я очень устал. Каждый, кому приходилось долго летать в одиночку, знает, как тянет земля — даже чужая...

* * *

Шевцов рассказывал нехотя, пропуская какие-то, может быть, очень интересные подробности. Его рассказ был как книга, в которой не хватает страниц. Шевцов сказал: «Я сидел на ступеньке спущенного из люка трапа и смотрел на облака. Впрочем, это несущественно» — и перешел к другому. Позже, знакомясь с материалами экспедиции, Ланской понял многое недосказанное.

* * *

«Поиск» стоял на просторной лесной поляне. Массивные амортизационные колонны поддерживали корабль в вертикальном положении — он походил на древний, немного покосившийся минарет. Шевцов сидел на нижней ступеньке спущенного трапа, смотрел на небо.

Несильный ветер нес над кораблем редкие растрепанные облака. Белые облака в голубом небе — это было совсем по-земному. В небе светили два солнца: одно — большое, яркое, накаленное до синеватой белизны, другое — тоже белое, но маленькое, передвигающееся с удивительной быстротой. На серую, взрыхленную при посадке корабля почву падали двойные тени.

Ветер приносил буйную, дурманящую смесь запахов. Остро пахло чем-то мятным, сладковатым. Пахло чем-то похожим на запах всех цветов и не похожим на запах ни одного из них в отдельности. Горько пахло прелой травой. И еще чем-то, наверное, туманом, лесной сыростью.

Кружилась голова — может быть, от избытка кислорода, может быть, от дурманящих запахов. Впрочем, скорее всего это сказывалось действие только что принятого мицеллина — антибиотика, парализующего чужих бактерий.

Облака шли низко — взъерошенные, по-весеннему светлые. Шевцов подумал, что все похоже на весну: и очень прозрачное небо, и эти светлые облака, и запах цветов, но вот нет птиц, не слышно птичьего крика. И вообще стоит абсолютная тишина, очень неприятная после привычного гула ионного ускорителя.

Лес, окружавший поляну, молчал. Шевцов с неприязнью смотрел на деревья. Небо, облака — это походило на Землю, но деревья были чужие Стволы их закручивались суживающейся кверху спиралью. Листва — довольно густая — имела неопределенную окраску — не то зеленую, не то синюю, не то черную. От корабля до ближайших деревьев было метров полтораста, не больше. Но Шевцов не хотел идти туда. Там

начиналось неведомое. А Шевцов устал. Было хорошо сидеть в тени корабля, дышать теплым, пахучим воздухом, смотреть на белые облака и ни о чем не думать.

Время перестало ощущаться. Может быть, прошел час, может быть, пять минут. Становилось жарко. Синевато-белый диск большого

Сириуса лез вверх, палящие лучи пробивали, растапливали нежные облака, тень корабля быстро укорачивалась. Шевцов лениво подумал: «Надо уйти... жарища.,» — и посмотрел на деревья. То, что он увидел, было до жути фантастично: дремота моментально исчезла.

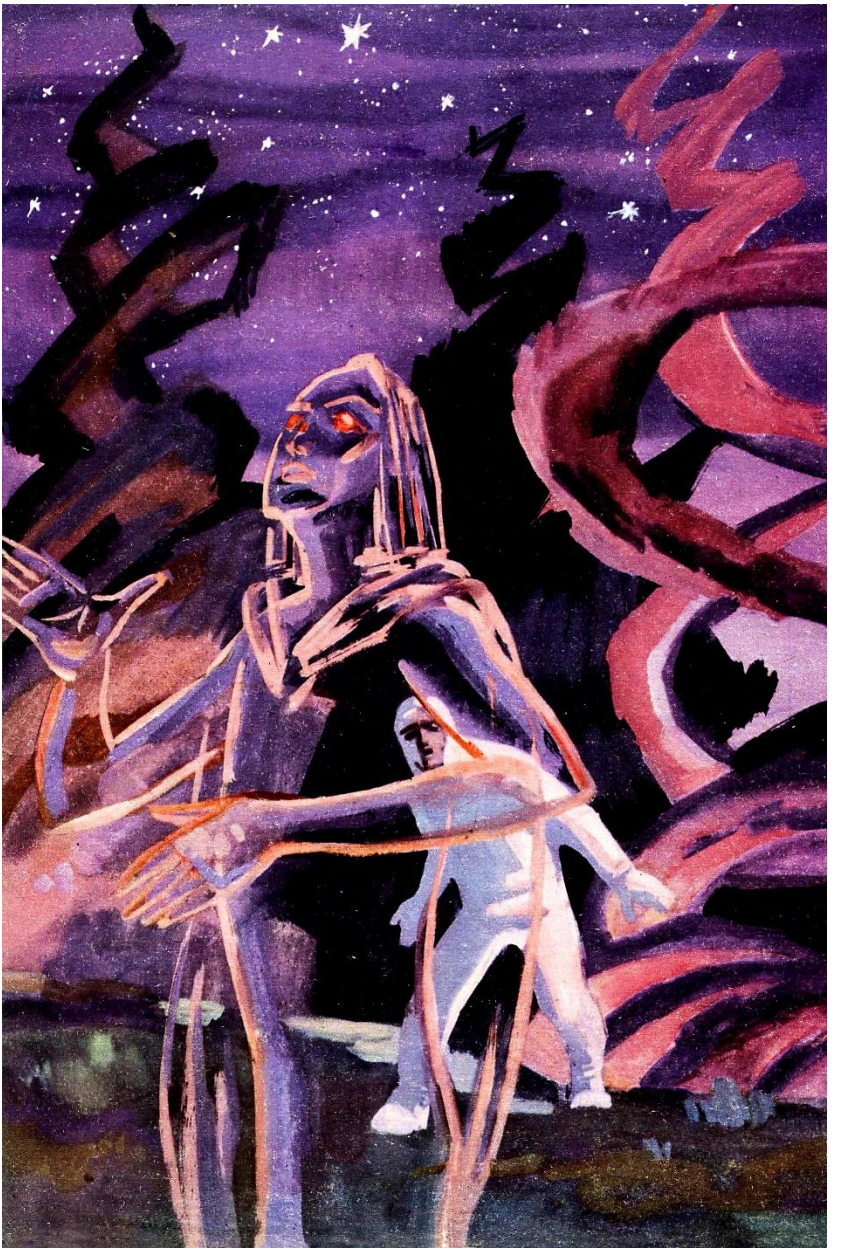
Неведомая сила придавила спиральные стволы деревьев, сжала, втиснула их в почву, — они не достигали теперь и половины прежней высоты. Сине-зеленая листва превратилась в оранжево-красную. Было так, словно кто-то зажег вокруг корабля огненное кольцо...

Шевцов спрыгнул с трапа, медленно пошел к деревьям. От жары виски сдавливала тупая боль. Он начал насвистывать и сразу же замолчал: в этом безмолвном мире свист казался нестерпимо фальшивым.

У ближайшего дерева Шевцов остановился. Массивный, покрытый черными наростами и гладкой красноватой корой ствол дерева уходил вверх спиральными витками. Витки постепенно суживались, и дерево напоминало огромную коническую пружину. Ярко-красные листья — узкие, длинные, дрожащие в нагретом воздухе и потому похожие на языки пламени — скрывали верхнюю часть ствола.

Шевцов легко поднялся по стволу, сорвал спиральную ветку. Она сразу же сжалась, листья окрасились в темно-багровый цвет. Но когда Шевцов заслонил ветку от лучей большого Сириуса, спираль мгновенно разомкнулась, а листья приобрели зеленый оттенок. «Недурно, — пробормотал Шевцов. Он уже не чувствовал боли в висках. — Недурно. Здесь резко меняется радиация, деревья приспособились. Иногда поглощают лучи, иногда отражают...» Ему было приятно, что первую — пусть небольшую — тайну чужого мира удалось легко открыть.

Стволы деревьев продолжали скручиваться, сжиматься, как будто их сдавливала непомерная тяжесть. Кора становилась багровой — как листья. «Недурно, — повторил Шевцов. — При малой радиации растения имеют зеленую окраску,



при большой — оранжевую, красную и отражают тепловые лучи. А здесь радиация меняется. Они просто приспособились. И только...»

Он подошел к другому дереву. Он чувствовал лихорадочный азарт открывателя. Мысль работала с необыкновенной ясностью. Его тень упала на ствол дерева, и он тотчас же заметил, что багровая кора стала в этом месте серой. Он быстро отошел в сторону, и на коре еще некоторое время оставался серый отпечаток его тени. «Ну, это — деревья, — подумал Шевцов. — А каковы... живые существа?» Ему стало весело. «Люди с постоянно меняющимся цветом кожи... Мир бегущих красок...» И Шевцов вдруг подумал, что это должен быть необыкновенный мир, красота которого совершенно иная, нежели на Земле.

Он попытался представить себе людей с меняющейся окраской кожи — и внезапно увидел метрах в пятидесяти от себя человеческую фигуру. Он вздрогнул от неожиданности. Между деревьями промелькнул бесцветный силуэт. Точно такой, как тогда — на стереоэкране «Открывателя». Промелькнул — и скрылся. Шевцов почувствовал, как гулко бьется сердце. Лес сразу стал чужим, и спиральные деревья казались туловищами гигантских змей. «Чепуха, — сказал Шевцов. Он говорил громко, это успокаивало. — Устали глаза. Да, просто устали глаза. Надо было взять защитные очки...»

Шевцов возвращался к кораблю, невольно прислушиваясь к каждому звуку. Он был готов ко всему. Но ничего не случилось. Над серой, потрескавшейся почвой струился нагретый воздух. Громадный корпус «Поиска» почти не отбрасывал тени.

После невыносимо яркого света двух Сириусов кают-компания казалась полутемной. Шевцов долго сидел у вентилятора, подставляя лицо прохладному ветру. Постепенно глаза привыкли к мягкому освещению. Шевцов машинально посмотрел на стену — туда, где раньше висел портрет. «Не думать об этом, — сказал он. — Не думать...»

Семнадцать лет — срок достаточный, чтобы смотревшая с портрета девушка стала совсем чужой. Мысль эта медленно, как кислота металл, разъедала волю. И однажды Шевцов снял портрет.

— Не думать, — устало повторил он и на этот раз. — Нужно думать о другом.

Он поднялся в рубку. Настроил телеэкран и внимательно осмотрел местность. Деревья, свернувшись плотными спиралями, лежали на побуревшей от жары почве. Багровые листья скрутились подобно папирусным свиткам. Шевцов одобрительно присвистнул: метрах в трехстах от корабля, между похожими на спящих змей деревьями, медленно передвигались два красных огонька. Их движение удивило Шевцова — огоньки огибали деревья, а не пролетали над ними. Он включил максимальное увеличение, но огоньки словно растворились в раскаленном воздухе. «Ну что ж, выйду еще раз», — решил Шевцов.

Он сошел с трапа и, посматривая по сторонам, направился к деревьям. Но очень скоро ему пришлось остановиться. Лучи Большого Сириуса легко пронизывали одежду, и Шевцов почувствовал, что просто не дойдет до деревьев. Он пошел назад, к кораблю. До трапа оставалось метров десять, когда он услышал неторопливые шаги. Это было настолько невероятно, что Шевцов похолодел, замер на миг, а потом рывком обернулся.

К кораблю приближались три призрака.

* * *

— Призраки? — Шевцов рассмеялся. — Разумеется, это не были призраки. Однако, даю вам слово, если бы призраки существовали, они ничем бы не отличались от тех, кого я увидел. Все произошло в течение нескольких секунд. Но я до сих пор помню даже самые мельчайшие подробности... Вы понимаете, они походили на людей — эти три идущих ко мне существа. Насколько я мог тогда судить, они выглядели

почти как люди: они имели почти такой же рост, почти такие же лица. Повторяю — насколько я мог тогда судить. А судить... Нет, вы понимаете, эти существа, эти люди или почти люди — были полупрозрачными. Полупрозрачными, на три четверти прозрачными, на девять десятых прозрачными...

Простите меня за сбивчивый рассказ; но

я и сейчас не могу спокойно вспоминать эту встречу. Эти существа шли ко мне — медленно, даже несколько торжественно, — и я видел сквозь них красные деревья, небо и облака... Как сквозь стекло. Да, представьте себе стеклянные фигуры на ярком свету. Видны — не очень четко — контуры, видна даже сама стеклянная масса — и все-таки стекло прозрачно, и вы смотрите сквозь него...

Да, я не сказал о глазах. Глаза имели розовый, почти красный цвет и не просвечивали. Красные глаза — как индикаторные лампы электронной машины... Но они не мигали.

Повторяю, все это я заметил в течение секунды, может быть, долей секунды. А потом я побежал. Я бросился к трапу, взлетел наверх, дернул рукоятку пневматической системы. Люк захлопнулся.

Скажу откровенно, в этот момент мне показалось, что я схожу с ума. Мне показалось, что начинается бред, чудовищный бред. Я поднялся в рубку, включил телеэкран... и увидел трех призраков. Они не спеша уходили к лесу. Нет, это не было галлюцинацией!

Лихорадочными, торопливыми движениями я настроил инфракрасный видеоскоп. Но эти черти так же легко пропускали инфракрасные лучи, как и обычные световые. В окуляре видеоскопа появились лишь размытые контуры. Тогда я зажег ультрафиолетовые фары. И опять ничего не получилось. Наверное, мои призраки были сделаны из лучших сортов кварцевого стекла: ультрафиолетовые лучи свободно проходили сквозь них...

И призраки ушли.

Видимо, мозг у меня работал довольно беспорядочно, потому что, посмотрев на этот лес и вспомнив о спиральных деревьях, я вдруг все понял. Я понял, почему они, эти призраки, прозрачны как стекло. Я понял, почему их прозрачность казалась неопределенной — то большей, то меньшей. Они тоже приспособились! Организм этих существ — в процессе длительной эволюции — приспособился к условиям

жизни под палящими лучами двух солнц, под непрерывно изменяющейся радиацией — инфракрасной, световой, ультрафиолетовой. Мне, человеку, было жарко, потому что меня нагревало излучение. А их прозрачные тела не нагревались. И степень прозрачности, по-видимому, менялась в соответствии с интенсивностью излучения и температурой воздуха.

Иные условия существования привели к иному строению организмов. Этого следовало ожидать. Теперь я твердо знал, что в этом мире меня ждет нечто необычное...

Призраки (пока мне придется их так называть) должны были появиться снова. Я не сомневался в этом. Они не боялись меня, они очень спокойно подходили к кораблю и так же спокойно ушли тогда в лес. Я сказал себе: «Они придут. Они или другие» — и подолгу сидел у телеэкрана.

Изредка я засыпал, просыпался, смотрел на экран и снова дремал. Так прошло несколько суток. Впрочем, на этой планете не было дня и ночи в нашем понимании. Иногда в небе светили оба Сириуса. Иногда оставался только Малый Сириус; и можно было видеть яркие звезды и блеклую Луну (мне не хотелось придумывать другого названия для спутника планеты). Ночь, настоящая ночь, не наступала, только сумерки.

Как-то, проснувшись, я увидел на экране двух призраков. Знаете, со сна все воспринимается притупленно — и я не волновался. Призраки появились со стороны леса, неторопливо приблизились к кораблю — и ушли. Вот тут я окончательно проснулся...

Но с этого времени они приходили часто, эти призраки. Иногда в одиночку, иногда группами. В сумерки я зажигал бортовые фары. Призраки не боялись света. Они просто не обращали на него внимания.

На третьи или на четвертые сутки — не помню точно — начался дождь. Призраки надели накидки, похожие на наши плащи. Мне трудно сказать, какую окраску имели эти

плащи: цвет их менялся, временами они становились прозрачными.

Однажды я включил микрофон. Призраки разговаривали — негромко, абсолютно спокойно, я бы сказал с каким-то непонятным жутковатым спокойствием, с продолжительными паузами между словами...

В те дни я много думал. Был один вопрос — самый важный: выше или ниже людей по развитию эти существа?

Меня удивляло, что они довольно безразлично относятся к небесному кораблю. Придут, посмотрят, обменяются несколькими словами — и уйдут. Разве так отнеслись бы на Земле к прилету чужого корабля?! И вот это совершенно непонятное безразличие заставляло подозревать, что умственное развитие призраков невысоко.

С другой стороны, их поведение отнюдь не напоминало поведения дикарей. Корабль опустился с неба, но они не боялись его. Они просто смотрели и уходили. Так люди смотрят на упавший с горы камень: забавно, но не больше. И я подумал: а что, если они намного опередили людей по развитию?..

Как я вам рассказывал, призраки недолго задерживались около корабля. Появлялись — и сразу же уходили. Но однажды пришел странный призрак. Он долго бродил вокруг корабля, поднялся по трапу до закрытого люка, потом ушел в лес и скоро вернулся. Да, он вернулся; я запомнил его по голубой накидке. Он положил около трапа плоды — круглые, похожие на наши апельсины, — а сам отошел и сел в тени.

Наступили сумерки, моросил мелкий дождь, другие призраки ушли, а этот сидел, и красные глаза его светились, как два уголька. Мне стало жаль его. Я подумал: ну, что он может мне сделать? Черт возьми, ведь он прозрачен! На нем нет оружия, — это видно; он никак не сильнее меня, так чего же я боюсь?!

Нет оружия... прозрачен... Чепуха! Мы привыкли все мерить земными мерилами. Призрак был сильнее меня. Но я не знал этого. Я откинул люк и спустился вниз.

Призрак не шелохнулся.

Немигающие красные глаза (я снова вспомнил электронную машину) пристально следили за мной. Сейчас — в сумерках — призрак стал менее, прозрачным, и вот, спустившись с трапа и подойдя к нему так, что нас разделяло не больше пяти шагов, я увидел его лицо. Разумеется, я не видел его в общепринятом смысле этого слова, потому что свет все-таки проходил сквозь тело призрака. Но я разглядел лучше, даже много лучше, чем раньше, когда меня раздражала, мучила невидимость этих странных существ.

Лицо призрака походило на лицо человека — только более узкое, без морщин, с гладкими ушными раковинами, с пластинчатыми дугами ровных, слитных зубов, с длинными полупрозрачными волосами. Но не это главное. Меня поразило другое. Он улыбался! И вот улыбка действительно была удивительная, даже фантастическая. Он улыбался так, как улыбалась Джоконда на картине Леонардо: непонятно, загадочно, чему-то глубоко своему, скрытому от меня...

Как и всякий астронавт, я не раз рисковал жизнью. Но скажу по совести: настоящее мужество, которым не стыдно гордиться, я проявил один раз в жизни, когда остался с этим призраком. Остался, хотя эта странная (или страшная — как угодно) улыбка толкала меня назад, к трапу, к кораблю.

Между прочим, именно в эту минуту — мы смотрели друг другу в глаза — я понял (бывают такие минуты прозрения), что существа эти не выше и не ниже человека по развитию. Они просто иные! Совершенно иные. Их нельзя сравнивать с человеком, как нельзя сравнивать... ну, скажем... дельфина и орла.

Да, мы привыкли — дурная привычка! — мерить на свой аршин. Мы представляем себе обитателей чужих планет либо как наше прошлое, либо как наше будущее. Чепуха!

Там, где другие условия существования, там все идет по-другому...

Призрак смотрел на меня красными угольками глаз и улыбался. Я начал говорить. Я даже не помню, что я говорил. Мне казалось, что сам звук голоса вносит успокоение, устраняет опасность столкновения. Я говорил — никогда в жизни я так много не говорил. Право, этот призрак (я все еще называю его этим именем) мог решить, что люди — самые болтливые создания во Вселенной... Но он молчал, и с лица его не сходила загадочная улыбка Джоконды.

Я говорил долго, очень долго. Наконец, я выдохся, почувствовал, что больше не могу. Однако тишина была неприятной, настораживающей.

Тогда я принес кристаллофон и включил кристалл с записью голосов этих существ. Мой призрак нисколько не удивился, не обнаружил желания осмотреть кристаллофон.

Надо сказать, что речь призраков была очень своеобразной. Как бы вам объяснить... Понимаете, она напоминала отрывки музыкальных фраз. Наши слова состоят из отдельных звуков, и это ясно чувствуется. Между звуками ощущаются

как бы щели, а между слогами — просто дыры... Лишь изредка звуки оказываются расположенными так, что воспринимаются по-особенному: тогда мы считаем слово красивым, музыкальным. Сравните, например, слова «звон» и «пепельница». Слово «звон» не только обозначает определенное явление; оно в какой-то степени — воспроизводит его, в нем вообще есть нечто звенящее. А «пепельница» — только пепельница... Так вот, речь этих призраков звучала чрезвычайно мелодично. Невозможно было определить, где кончается один звук и начинается другой. Звуки плавно переходили друг в друга, и само расположение звуков было приятным и благородным.

Призрак, как я вам сказал, нисколько не удивился, услышав записанные кристаллофоном голоса. И тут у меня появилась мысль включить музыку. Видимо, эта мысль возникла потому, что речь призраков была музыкальной. Я поставил взятый наугад кристалл — это оказался третий квартет Чайковского.

Призрак не шелохнулся. Загадочно улыбаясь, он слушал музыку. Через несколько минут я выключил кристаллофон. И тогда... В первый момент мне показалось, что я по ошибке снова включил аппарат. Но это не был аппарат. Мой призрак повторил все услышанное! Повторил абсолютно точно, воспроизведя во всех деталях, без единой ошибки, без каких бы то ни было искажений...

Как вы знаете, третий квартет — вещь грустная, посвященная памяти друга Чайковского скрипача Лоуба. А призрак улыбался... Он как-то иначе воспринимал музыку, а может быть, просто механически повторял ее, как кристаллофон.

В это время (дождь совсем перестал) появились другие призраки. Я заставил себя остаться, хотя мне дьявольски хотелось вернуться на корабль. Впрочем, призраки нисколько не изменили своего поведения. Они смотрели на корабль, на меня, обменивались несколькими словами и, не спеша, уходили.

Постепенно я привык к их присутствию. Я подумал: если мой призрак (не правда ли, забавно звучит — мой призрак?) легко повторил прослушанную один раз музыку, значит память у него чрезвычайно обостренная. И я решил называть ему предметы. При такой памяти он не мог не иметь развитого мышления, не мог не понять, что я хочу с ним говорить.

Попробуйте представить себе эту нелепую картину: я показывал призраку значения слов — ходил, бегал, ложился, — называл (без особой, впрочем, последовательности) предметы... А он сидел совершенно неподвижно — и улыбался...

Наверное, это продолжалось долго. Ветер разогнал облака. Воздух быстро накалился, и у меня начала кружиться голова. Мне вдруг показалось, что это — сон, не больше. Надо открыть глаза — и все исчезнет...

Неожиданно призрак встал. Сейчас, в ярких лучах Большого Сириуса, он был почти невидим: туманная дымка, имеющая смутные размытые контуры. Пустота. И из этой пустоты прозвучал спокойный голос:

— Я приду...

Он ушел.

Он ушел, в я стоял и долго смотрел ему вслед. Потом побрел к трапу. Я устал. У меня чертовски болела голова. Мне не хотелось думать. Все было безразлично. Я включил аппарат электросна и шесть часов спал настоящим глубоким сном — впервые за много месяцев.

Аппарат, конечно, исправно сработал и разбудил меня точно в установленное время. Я встал очень голодный, с посвежевшей головой. Да, надо сказать, что, поднимаясь на корабль, я забрал плоды, принесенные призраком. По форме и размерам они походили на апельсины, только полупрозрачные, как бы сделанные из желтого хрусталя. Запах был приятный, хотя и резкий, напоминающий запах гвоздики. Проснувшись, я взял пробы на анализ. Плоды оказались съедобными. И после капитального земного завтрака (может быть, это был обед или ужин) я их съел. Сказать, что они вкусны — мало. В них была и сочность груши, и терпкость не

совсем спелого персика, и тончайший букет искусно приготовленного крема, и прохлада мороженого, и еще что-то неуловимое, но очень приятное...

Я вдруг подумал, что эти плоды выращены искусственно, и мысли мои вернулись к призраку. Он ответил мне на моем языке. Он понял меня. Ему понадобилось для этого лишь несколько часов. С моей точки зрения, это — чудо. А с его? Допустим, современный человек встретил бы дикаря, владеющего тремя десятками слов. Много ли времени понадобилось бы, чтобы понять и запомнить эти три десятка слов, особенно, если дикарь сам старается объяснить их значение... По отношению к призраку я был, вероятно, таким дикарем. И он без особого труда понял мой несложный (с его точки зрения) язык и ответил мне на нем...

В этом месте гипотеза рассыпалась как карточный домик. Вполне вероятно, что разумные существа на некоторых планетах опередили по развитию человека. Но высокое развитие должно было сказаться на образе жизни. В частности, на техническом прогрессе. А развитой техники у обитателей этой планеты не существовало. Не было авиации. Не было радиосвязи. Очень чувствительные микрофоны «Поиска» не улавливали никаких индустриальных звуков. По меньшей мере в радиусе километров в пятнадцать не работали двигатели, не ездили автомобили, не ходили поезда. И, следовательно, не было многого другого, потому что отрасли техники тесно связаны между собой и взаимно друг друга обусловливают. Нет авиации, значит нет двигателей внутреннего сгорания, значит не добывают нефть, значит не развита химия... Нет радиосвязи, значит нет электропромышленности, нет электроники и автоматики, безусловно, не используется атомная энергия. Подобно тому, как палеонтолог по одной кости восстанавливает облик вымерших животных, так и инженер может по одному техническому факту сделать довольно точные выводы об уровне развития техники. Я эти выводы сделал, и они гласили: никак не

выше, чем у нас в восемнадцатом веке, а скорее всего — ниже.

Но здесь ломалась вторая гипотеза, по которой обитатели этой планеты отстали в развитии от людей. Ни один человек, вооруженный самыми совершенными электронными машинами, не смог бы так быстро разобраться в чужой речи. Для этого — обстоятельство совершенно бесспорное! — требовался очень развитый мыслительный аппарат.

Конечно, я просто решал неразрешимую задачу. Нельзя сравнивать несравнимое. Что больше — квадратный метр или секунда? Бессмысленный вопрос. Обитатели этой планеты были иными. Такая мысль уже мелькнула у меня. Но одно дело теоретически допустить какое-то положение, а другое — принять все вытекающие отсюда следствия. Теоретически я допускал, что здесь чужой мир, со своими, совершенно отличными от земных законами. Но просто по-человечески меня мучила навязчивая мысль: выше или ниже нас по развитию эти существа?

Я вспомнил, что призрак — мой призрак! — обещал прийти. Я поднялся в рубку, настроил телеэкран...

Да, он сидел на прежнем месте.

Были сумерки. Большой Сириус скрылся за горизонтом. Спиральные деревья выпрямились: листва их стала сине-зеленой. Призрак сидел, закутавшись в голубую накидку. Красные глаза светили как угольки. Он смотрел на люк.

Я быстро спустился вниз. У трапа лежали другие плоды — серые, дискообразные.

Так началась вторая встреча. И на этот раз первым заговорил призрак.

Тут мне придется кое-что объяснить. Как вы помните, призрак (мне все еще приходится так его называть) со всей точностью повторил третий квартет Чайковского. Человеческий голос просто не в состоянии воспроизвести одновременную игру четырех инструментов. Но дело не в этом. Я хотел только напомнить, что призрак повторил все, сохранив самые тончайшие оттенки, даже легкий скрип

кристалла перед началом игры. И вот эта особенность сказалась в разговоре. Призрак говорил моими словами, то есть он употреблял те же слова, которые до этого употреблял я, причем именно в таком значении, какое имел в виду я. А самое характерное — он говорил моим голосом. Это довольно неприятное ощущение — когда с тобой разговаривают твоим же голосом.

Итак, я подошел к нему, и он спросил:

— Откуда...

Я начал объяснять (согласитесь, что это было нелегко), но призрак довольно решительно перебил:

— Много говоришь... Мало показываешь...

И улыбнулся.

Он вообще часто улыбался. Из двух гипотез, о которых я вам говорил, сам призрак, видимо, выбрал бы первую. Пожалуй, он считал меня дикарем.

Я не понял, что он подразумевает под словом «показываешь». На кораблях, как вы знаете, есть стереопроекторы. Был такой проектор и на «Поиске». Я давно им не пользовался, не хотелось. Но призрак просил показать...

Страха он все-таки не знал. Когда я пригласил его на корабль, он пошел за мной. Спокойно, без колебаний... Я привел его в кают-компанию, указал на кресло. Он сел. Было что-то невероятное в этом зрелище. Как бы вам объяснить... Ну, так выглядел бы древнеримский воин за электронным микроскопом. Или индийский жрец у радиолокатора...

И опять меня удивило безразличие этого существа ко всему окружающему. Он не смотрел по сторонам, не задавал вопросов, ничему не удивлялся. Дикарь, попав в лабораторию, удивился бы. Современный человек, оказавшись в хижине дикаря, тоже был бы удивлен и заинтересован. Но этот призрак не удивлялся ничему.

Знаете, мне не хочется вас интриговать. Дело не в тайнах и не в приключениях. Поэтому я забегу вперед, и кое-что объясню.

Так вот, теоретически допуская, что эти существа иные, совершенно отличные от людей, я, однако, невольно применял к ним человеческие понятия, мерки, масштабы. Начнем хотя бы с речи. По земным понятиям, они говорили очень мало. На самом деле — это я узнал позже — они говорили нисколько не меньше людей. И то, что я принял за отдельные слова, оказалось целыми фразами, если хотите, целыми монологами. Чтобы произнести какое-нибудь слово, например «атомоход», нам нужно довольно значительное время, что-то около секунды. Значит, на каждый звук — в данном случае их восемь — мы тратим по одной восьмой секунды. Частота звуковых колебаний составляет, скажем, четыре тысячи в секунду. Следовательно, на каждый звук мы расходуем около пятисот колебаний. А они, призраки, улавливают намного менее продолжительные звуковые импульсы. Звуки в их языке короче, а потому короче слова и фразы. Но дело не только в этом. Сам язык построен иначе. Он насыщен понятиями, за каждым из которых стоят целые фразы. Нечто подобное — в очень слабой степени — наблюдается и в нашей речи. Фразу «величина, которая нам неизвестна и которую следует определить исходя из условий задачи» мы часто заменяем двумя словами «неизвестная величина». Или еще короче — «икс». И речь от этой замены не проигрывает, напротив, она становится более динамичной, а я бы сказал, более собранной, упругой.

Такой была и речь призраков. Мне казалось, что они лениво перекидываются отдельными словами, я упрекал их в непонятном безразличии и терялся в догадках... Но все объяснялось просто. Они говорили «икс» — и только, а я хотел, чтобы они обязательно сказали всю громоздкую фразу «величина, которая...»

Когда призрак вошел в кают-компанию, я с раздражением подумал, что он совершенно не интересуется окружающим. Интересоваться, в земном понимании, означает, прежде всего, осматривать. А осматривать, грубо говоря, значит вертеть головой. Призрак головой не вертел и,

следовательно, не интересовался. Таков был мой вывод — и вывод совершенно ошибочный. У нас, у людей, угол зрения сравнительно невелик. Более того, в пределах узкого угла зрения мы хорошо видим только часть предметов, а именно те предметы, изображения которых попадают на так называемое желтое пятно на сетчатка глаза. Мы можем хорошенько разглядеть предмет лишь в том случае, если он находится прямо перед нами. И, попав в незнакомую обстановку, мы вертим головой, направляя взгляд... А призрак видел иначе. Угол его зрения был почти круговым. Не поворачивая головы, он сразу видел всю кают-компанию.

Разумеется, тогда я этого не знал. Не очень довольный безразличием призрака, я быстро установил экран и подобрал ленты. Я начал с коротких видовых картин. Море, леса, горы, реки... Призрак молчал, и в полумраке холодно светились его красные глаза. После третьего фильма он сказал:

— Что раньше...

Я понял это так — надо показать историю Земли, и обрадовался. Обрадовался потому, что среди лент была интересная, пожалуй, даже талантливая картина, снятая незадолго до моего отлета. Над ней работали выдающиеся историки, писатели и поэты, ее создавали блестящие артисты, режиссеры, операторы, художники. Она вместила весь путь человечества... Впрочем, вы знаете эту картину.

Я отыскал ленту, настроил проектор, сел в кресло — поодаль от призрака, чтобы видеть и его, и экран.

Не помню, наверное, я смотрел картину пятый или шестой раз. И все-таки увлекся. Начало захватывающее, с несколькими особенно яркими эпизодами: строительство пирамид, бой гладиаторов... Если бы я меньше смотрел на экран и больше — на призрака, возможно, мне удалось бы заметить... Нет, вряд ли. Престо не надо было показывать эту картину. Когда на экране возникла сцена сожжения Бруно, призрак встал. Я машинально зажег свет. Призрак обернулся ко мне и сказал:

— Люди... злые...

И пошел к трапу, не оглядываясь на экран, где уже мелькали другие кадры.

Я стоял как оплеванный.

Черт возьми, как я себя ругал! Мы, люди, без стыда смотрим на прошлое человечества, потому что свет победил тьму, добро победило зло — и победило навсегда. Мы можем сказать: да, в тысяча шестисотом году изуверы и фанатики сожгли Джордано Бруно, но люди пошли не по тому пути, на который их толкали эти изуверы и фанатики, а по пути Бруно. Мы знаем, что человечество (по историческим срокам удивительно быстро) пришло от дикости к справедливому и красивому коммунистическому обществу. Но он, этот призрак, не знал. Он увидел наше прошлое, сказал: «Люди злые» — и ушел. Нельзя было показывать картину...

Я оставил люк открытым, поднялся в рубку и попытался сосредоточиться на других мыслях. Это плохо удавалось. Я не мог не думать о происшедшем.

Издавна было два мнения о разумных существах, с которыми — рано или поздно — астронавтам придется встретиться на других звездных системах. Одно — очень осторожное — научное. Наука предупреждала, что условия существования на разных планетах весьма различны и, следовательно, различными могут быть и пути развития органического мира. Другому мнению, я бы сказал, другой традиции, мы обязаны литературе. Почти всегда литература видела в других мирах нечто очень схожее с нашим миром и занимающее только иное положение на шкале времени. Герои фантастических романов попадали в прошлое Земли — на планеты, населенные ящерами, птеродактилями, диплодоками. Или в будущее Земли — в сказочные города с хрустальными дворцами.

Разумные существа, населявшие планету, внешне (если не считать изменяющейся прозрачности) напоминали людей. Отсюда я невольно сделал вывод, что строй мыслей, представления, духовный мир чужих разумных существ

также повторяют то, что характерно для человека. Это была ошибка.

Я помню роман — в нем излагалась идея Большого Круга, радиосвязи между мирами. Но вот мы — я и чужое существо — стояли рядом, говорили — и не понимали друг друга. Связь между мирами — это не только технические трудности, как думал романист. Это несравненно большие трудности, вызванные тем, что на каждой планете развитие в течение миллионов лет шло своими путями, и потому очень нелегко найти какие-то точки соприкосновения.

О многом я передумал, сидя в рубке. Отбросив предвзятые мнения, я — еще в виде робких догадок — попытался представить, как они говорят, смотрят, мыслят... И чем больше я думал, тем отчетливее вспоминались мне слова Ленина о том, что разумные существа на других планетах могут — в зависимости от условий — оказаться совсем иными, непохожими на людей. Ленин высказал эту мысль еще в тысяча девятьсот шестнадцатом году. Ясный ум Ленина — сквозь годы — понял то, что даже в наше время понимали далеко не все...

* * *

Позже в записях, переданных стариком, Ланской встретил эти слова Ленина:

«Вполне допустимо, что на планетах солнечной системы и других местах вселенной существует жизнь и обитают разумные существа. Возможно, что в зависимости от силы тяготения данной планеты, специфической атмосферы и других условий эти разумные существа воспринимают внешний мир другими чувствами, которые значительно отличаются от наших чувств.

Заметьте: до недавнего времени полагали, что жизнь невозможна в глубинах океана, где с огромной силой давит вода. Теперь установлено, что на дне океанов приспособленно живут разные породы рыб и много других

разнообразных живых существ. У одних глаза заменяют осязательные органы, другие освещают себе путь органическими светящимися глазами».

* * *

— У меня было такое ощущение, — продолжал Шевцов, — словно я повзрослел, стал опытнее, мудрее. А главное — я почувствовал ответственность. Прошло около двадцати месяцев (по корабельному времени) с тех пор, как «Поиск» покинул Землю. Двадцать месяцев я старался не думать о Земле. Вначале была схватка с черной пылью, а потом... Да, мне казалось, что я буду сильнее, если заставлю себя не думать о Земле. Я перестал слушать музыку, я перестал смотреть микрофильмы. Я даже нашел обоснование: убедил себя, что нужно сосредоточиться только на непосредственной работе...

Это была ошибка. И первые же мои шаги на чужой планете были ошибочными. Как человек — я мог так поступать. Но как представитель человечества — нет и трижды нет!

Полвека назад для экипажей звездных кораблей было написано специальное наставление под названием «О возможной встрече с иными разумными существами». Так вот, в этом наставлении говорилось: нужно соблюдать величайшую осторожность, ибо даже хороший астронавт может оказаться плохим психологом. Наставление предписывало капитану корабля, встретившему разумных существ, при первых же осложнениях покинуть чужую планету. Суровая, но необходимая мера...

«Поиск» опустился на планету, здесь оказались разумные существа, здесь был чужой мир. И отношения между двумя мирами зависели от одного человека... А в такой сложной обстановке почти неизбежны ошибки. Особенно, если человек устал или болен.

Обычно мы, астронавты, только пожимали плечами, вспоминая старое наставление. Возможно, это была жажда

открывательства. Возможно — легкомыслие: издали всякая проблема кажется не очень сложной. А может быть, и здесь сказывалось влияние литературной традиции: в романах астронавты, дорвавшись до «чужих», с необыкновенной легкостью проникали в чужой мир... Но, когда мне пришлось — первому из людей — встретить разумных существ иного мира, я понял, хотя и не сразу, насколько мудро это написанное полвека назад наставление.

Лишь очень благоприятное стечение обстоятельств не привело к катастрофе. Я не знал, кто скрывается в этих лесах со спиральными деревьями. Я не подозревал, что это удивительное существо, этот призрак, по-своему воспримет историю человечества... На каждом шагу меня подстерегали неожиданности. Позже, например, я узнал, что призрак мог читать мои мысли (по крайней мере, ту часть мыслей, которая была связана со зрительными образами).

Понять ошибки — еще не значит их исправить. Я многое понял... и ничего не исправил.

«Поиск» остался на планете.

Часть третья
ЛЮДИ И ЗВЕЗДЫ

А мы
На Солнце вызываем бури,
Протуберанцев колоссальный пляс.
И это в человеческой натуре -
Влиять на все, что окружает нас.
Ведь друг на друга
То или иное
Влиянье есть у всех небесных тел,
Я чувствую воздействие земное
На судьбы солнц, на ход небесных дел!
Л. Мартынов

Я сидел в рубке, у телеэкрана, и думал о Земле. Я обрел какое-то удивительное спокойствие.

Через шесть часов призрак вернулся. Я услышал шаги и спустился в кают-компанию. Призрак подошел к креслу, сказал:

— Не злые... несчастные...

Он опять многое не понял. Но для той части истории человечества, которую он увидел, это все-таки было справедливее. И я снова — иного выхода теперь не было — пустил эту картину. С самого начала. Да, когда-то человечество было несчастным, слабым, невежественным и потому ожесточенным. Так пусть, думал я, он увидит, каким оно стало теперь.

И он увидел.

Он увидал залп «Авроры» и первые трактора на полях, увидел взлет первых космических ракет и упорство, с которым люди штурмовали непроходимую тайгу и суровые степи. Планета была в строительных лесах: подземными ядерными взрывами создавали месторождения редких металлов, управляемое извержение

вулканов поднимало над океаном острова, воздвигались новые горные цепи и уничтожались старые, а к звездам уже шли корабли — наперекор опасностям и расстояниям...

Призрак молчал. Я что-то спросил его, он не ответил. Он сидел совершенно неподвижно, глядя на погасший экран. Только один раз он поднял голову, словно хотел что-то спросить — но ничего не сказал. И снова замер в каком-то оцепенении. О чем он думал? Понял ли он историю человечества? Изменил ли он свое первоначальное, слишком поспешное мнение о людях?..

Прошло около часа, прежде чем мы вновь начали говорить. Вы понимаете, меня интересовало название этой планеты, название живущих на ней существ. Без этого мне трудно было задавать другие вопросы.

Я не буду подробно рассказывать об этом разговоре. Долгие расспросы почти ни к чему не привели. Отдельные слова на языке этих призраков звучали так непродолжительно, что их просто нельзя было воспроизвести. Они напоминали вздох, легкое дуновение ветерка... Убедившись в этом, я попытался понять хотя бы смысл названий. После продолжительных размышлений призрак сказал, что его народ называется «Видящие Суть Вещей». Вы представляете, на вопрос «Как называются ваши разумные существа?» он ответил: «Видящие Суть Вещей», то есть просто повторил то же самое, другими словами. И тут я понял, что он и не мог поступить иначе. Ну, как, например, объяснить слово «люди»?.. Во всяком случае, с этого времени я стал говорить «видящие».

С именами получилось примерно так же. Тут вообще было много неожиданностей. Выяснилось, что имена часто меняются. Почему — не знаю, но меняются. Имя (теперешнее имя) моего видящего на нашем языке — если я верно понял — означало «Луч». Другие имена (по смыслу, не по звучанию) были — «Красный Лист», «Мягкая Вода», «Лунный Свет».

Хуже всего получилось с названиями небесных тел. Когда я подвел видящего к люку и показал на небо, он сразу же ответил; «Сириус А и Сириус Б». Я даже несколько опешил от такой эрудиции, а потом сообразил, что видящий просто повторяет мои слова. Поняв, что положение безнадежно, я попросил его, по крайней мере, говорить: «Сириус Большой» и «Сириус Малый». Для благозвучия. Он не возражал, что касается названия планеты, то дальше самого слова «Планета» мы не продвинулись. Так и осталось — «Планета».

Да, нам было трудно говорить. И дело здесь не только в том, что видящий плохо понимал наш язык. Нет. Мы мыслили, если так можно выразиться, в разных плоскостях. Я чувствовал это, но не знал почему. В конце концов, я спросил: «Что было раньше на твоей Планете?»

Человек остается человеком даже в необычных условиях. Задав вопрос, я не мог удержаться, чтобы не добавить: «Покажи...» Понимаете, я считал, что сумел ему показать. И был уверен, что он этого не сумеет. Техники нашей они не знали — в этом я не сомневался.

Видящий посмотрел на меня красными глазами и ответил:

— Покажу...

— Где? — спросил я. — Как?

Он улыбнулся.

— Все равно... здесь...

Вам никогда не приходилось видеть прожектор на море? Где-то вспыхивает маленький яркий огонек, узкая полоска скользит по волнам, приближается, становится шире и вдруг ударяет вам в глаза. И вы сразу перестаете воспринимать окружающее, потому что огонек разросся и заполнил пространство... Луч улыбнулся, сказал: «Все равно... здесь». И в его красных глазах, похожих на раскаленные угольки, вдруг возник розоватый ореол и начал быстро расплываться, заслоняя окружающее, подобно ударившему в глаза прожектору... Нет, я не так сказал. Этот розовый ореол

ничего не заслонял. Красные глаза видящего действительно вспыхнули, заструили колеблющийся, мерцающий свет. Но световая завеса была полупрозрачной, и я увидел на ней движущиеся картины...

Не знаю, кто придумал выражение «передача мыслей на расстоянии». Биофизика не моя специальность. Однако мне кажется, что это очень неудачное выражение. Вряд ли стоит передавать именно мысли — был бы сумбур. Скорее всего, надо передавать зрительные образы или слова. Во всяком случае, видящие передавали зрительные образы.

Как я уже говорил, сквозь розоватую дымку, на которой чередовались эти образы, я мог видеть все окружающее. Но это не отвлекало. И все-таки я многого не понял. Прежде всего, древнейшая история видящих была не ясна Лучу. Здесь мне просто приходилось догадываться. Кое-что, ему понятное, мне не удавалось понять из-за очень быстрого темпа повествования. И, наконец, даже самое понятное было крайне необычно с нашей точки зрения.

Луч видел только одну стереокартину. И этого оказалось достаточно, чтобы он перенял всю сложную систему кинематографических средств: крупные планы, неожиданные ракурсы, панорамирование, наплывы... Это мне тоже мешало, хотя Луч пользовался кинематографическими приемами довольно удачно.

Так вот, о древнейшей истории Планеты и Видящих Суть Вещей я мог только догадываться. Вероятно, до какого-то периода условия существования на Планете были довольно суровыми, даже более суровыми, чем на Земле. Может быть, не более суровыми, а более сложными. Впоследствии я стал склоняться к этой мысли. Например, времена года повторяются на Земле в виде одного и того же цикла. На Планете год был растянут невообразимо долго (свыше нашего столетия) и смена времен года была весьма запутанной, подчас неожиданной. Оледенения, опаляющие засухи, великие переселения животных потрясали Планету. Все это влияло на эволюцию видящих. И не только это. Слой озона

в земной атмосфере задерживал губительные ультрафиолетовые лучи. Здесь, на Планете, ультрафиолетовое излучение временами имело намного большую интенсивность и организм видящих выработал иное средство защиты — прозрачность. Прозрачность была и оружием, а борьбе за существование: она помогала переносить нестерпимый зной, когда на Планете вымирали непрозрачные живые существа, помогала охотиться и скрываться от хищников...

Постепенно радиация погубила всех непрозрачных. Остались Видящие Суть Вещей и немногие, тоже прозрачные, животные. Это совпало с периодом значительного изменения орбиты Планеты. Прекратились холода. От полюса до полюса установился почти одинаковый климат. На тысячи лет исчезли ураганы и бури. Деревья гнулись под тяжестью плодов. Отныне видящим почти не надо было заботиться о своем существовании. Они не знали холода, забыли, что такое голод.

Нет, об этом нельзя сказать в нескольких словах. Нам придется вернуться назад. Представьте себе кают-компанию «Поиска». Я не успел даже убрать стереоэкран. Наверху, в рубке, мерно щелкал хронометр. Мы сидели друг против друга...

* * *

Они сидели друг против друга — человек и видящий, разумное существо чужой планеты. Человек был одет в легкий белый костюм. Видящий — в голубоватую накидку, ставшую в рассеянном свете корабельных ламп почти непрозрачной. Лицо видящего приобрело более ясные очертания. Узкое, совершенно гладкое, с высоким лбом, оно казалось не имеющим возраста: может быть, очень старым, может быть, очень молодым. Видящий не двигался, на лице его замерла загадочная улыбка.

Человек не замечал этой улыбки. Он смотрел в красные глаза, разделенные на множество едва заметных

квадратных ячеек. Из глаз струились розовые лучи и в них возникали картины. Сквозь воздушную ткань этих картин просвечивала кают-компания — стереоэкран, электронная машина, стол, шкаф с книгами и микрофильмами. Наверху, а рубке, мерно пощелкивал хронометр. Назойливо жужжал динамик стереоэкрана. Человек не обращал на это внимания. История Планеты заставила его забыть обо всем.

Странная эта была история. Казалось, природа поставила удивительный эксперимент. В результате исключительно редкого стечения обстоятельств из жизни Видящих Суть Вещей — начиная с какого-то времени — на многие тысячелетия была почти нацело исключена необходимость трудиться. И развитие приостановилось. Уже не действовал такой фактор, как борьба за существование, и еще не появился такой духовный стимул, как стремление познавать, преобразовывать, созидать.

С тех пор, как изменение орбиты превратило Планету в вечно цветущий сад, видящим не приходилось заботиться о пище: они в изобилии находили ее на полях, в степях и лесах Планеты. Им не проходилось защищаться от хищников, потому что почти все хищники вымерли. Им не приходилось страдать от непогоды, ибо на всей Планета, под светом двух солнц, установился благодатный климат — без холодов и без бурь. Быть может, сказывалось действие радиации, быть может, были другие причины, но число видящих росло очень медленно и никогда они ни в чем не ощущали недостатка.

Так шло время.

Видящие жили за счет растений. Труд, суровый, проникновенный, величественный труд, создавший человека, создавший их предков, был ими забыт. Плоды доставляли изобильную пищу, гигантские листья — одежду. Из стволов деревьев строили легкие навесы, заменявшие жилища. Развивались лишь немногие отрасли знания, в которых видящие продолжали совершенствоваться. Им приходилось

бороться с болезнями, и медицина достигла величайшего расцвета. Видящие боролись с уцелевшими хищниками, но боролись не силой оружия, а выработанной в процессе эволюции силой внушения, умением подчинять животных своей воле.

Необыкновенное развитие получил логический анализ. Борьба за существование уже не подстегивала мысль видящих, но в силу приобретенной раньше инерции — мысль продолжала развиваться. Видящие изощрялись в логических играх, несравненно более сложных, чем земные шахматы, и еще более абстрактных, отдаленных от действительности. Совершенствовалось искусство, в особенности музыка и пение, потому что живопись и скульптура были чужды этому миру изменчивых красок.

Поколения сменялись поколениями. Труд уже не объединял видящих, и они постепенно обособились, замкнулись. Подобно грозе, еще отдаленной, но неотвратимой, надвигалась расплата. Временами видящие еще пытались что-то изменить. В них бродила накопленная когда-то сила, она тщетно искала выхода...

* * *

Шевцов продолжал:

— Вот тут я закрыл руками глаза и заставил видящего остановиться. Вы понимаете, видящие — насколько я мог судить — не производили впечатление сильного, волевого народа. Им была присуща вялость, апатия. Я сказал об этом Лучу. Он понял, улыбнулся и ответил:

— Теперь... да... потому что... мы погибнем... все...

Мне показалось, что он имеет в виду постепенное вырождение из-за прекращения труда. Я спросил, так ли я понял. Он сказал:

— Нет... Ничего нельзя сделать.... Мы знаем...

Это было сказано так, что я сразу поверил: да, они действительно знают...

Экран дважды мигнул, изображение расплылось и погасло. Тотчас же в телевизионном зале раздался громкий голос:

— Инженер Тессем, инженер Тессем, сильным ветром сорвало шестой блок метеоритных антенн.

Тессем включил свет, сказал Ланскому:

— Из-за этого и прервалась связь с «Океаном».

Ланской не ответил. Мысли его медленно возвращались к тому, что происходило здесь, на Земле. Так бывает, когда человек внезапно проснется: уже открыты глаза, но сон еще не ушел...

Тессем молча смотрел на часы. Минут через пять тот же голос (он показался Ланскому веселым) произнес:

— Инженер Тессем, шестой блок, падая, задел другие антенны. Три антенны пошли ко всем чертям... Прервана связь с кораблями «Изумруд», «Океан», «Лена». Мы лезем наверх.

Тессем ответил коротко:

— Хорошо.

Ланской спросил:

— Наверное, совсем молод?

— Нет, — Тессем покачал головой. — Пятьдесят шесть лет. Это Гейлорд, мой помощник. Очень хороший человек.

Он подумал и добавил:

— Мы можем подняться наверх. Я не вмешиваюсь, если распоряжается Гейлорд. Но вам будет интересно посмотреть.

* * *

Погруженный в темноту стеклянный зал содрогался под напором урагана. Ветер с протяжным ревом гнал скрученные, изломанные громады туч. Они пронзали воздух фиолетовыми жалами молний, обрушивались стеной клубящейся, вспененной воды.

Свет прожекторов с трудом просачивался сквозь хаос туч, воды, ветра. И в этом хаосе были люди. Их маленькие фигурки то появлялись в лучах прожекторов, то исчезали во мраке.

— Это опасно? — спросил Ланской.

Надрывный вой урагана, проникающий сквозь массивные стеклянные стены, заглушал голос. Ланской повторил:

— Это опасно?

— Да, опасно, — прокричал Тессем. — В прошлом году двое сорвались. Муж и жена, французы. Но надо восстановить связь. Мы передаем на корабли данные для навигационных расчетов...

Больше Ланской ни о чем не расспрашивал. Он смотрел, как маленькие серебристые фигурки упорно карабкались по невидимым лесенкам. Налетали тучи, надвигалась темнота, поглощала людей. Но они снова появлялись в разрывах туч и лезли выше и выше...

Ланской прислушивался к неумолчному гулу урагана и думал, что старик был прав, заставив его поговорить с Шевцовым. Сейчас Ланской чувствовал, понимал: вот то, ради чего он сюда прилетел. Не рассказ о приключениях. Не рассказ об экзотическом чужом мире. Главное было в другом. Подобно путнику, который поднимается в гору и долго замечает лишь камни на дороге, а потом оказывается на вершине и сразу видит огромные, до далекого горизонта, просторы, Ланской тоже вдруг увидел за деталями рассказа большое и главное.

Встретились два мира. Один мир — еще в детстве — забыл о труде. Его жизнь вдруг стала легкой и беззаботной, потому что сама природа — в силу исключительного стечения обстоятельств — заботилась о ее поддержании. Другой мир прошел суровую школу борьбы с природой.

Один мир уже давно не знал горя и несчастий. Другой — веками шел сквозь жесточайшую борьбу добра и зла, выжил, окреп и закалился.

Один мир жил щедростью природы, и щедрость эта не оскудевала тысячелетиями. Другой мир тысячелетиями получал лишь жалкие крохи. Однако настало время, когда и этот мир, покорив природу, мог бы сказать: «Хватит. Теперь у меня все есть». Но он сказал: «Отныне мне не надо заботиться о существовании. Это хорошо, ибо теперь я особенно быстро пойду вперед».

Один мир жил нескончаемым — и потому угнетающим праздником. Другой, в конце концов, тоже пришел к вечному празднику. Но это был особый праздник, когда победы труда и мысли стали самыми яркими торжествами, когда высшим счастьем человечества стал буйный, головокружительный, преобразующий вселенную труд.

И если один мир ждала неизбежная гибель, как только природа перестала бы щедро его одарять, другой мир не рассчитывал на милости природы. Он готов был бросить вызов солнцу, звездам, вселенной.

Здесь, в стеклянном зале на вершине башни Звездной Связи, Ланской впервые подумал, что за каждым человеком, за каждой маленькой, хрупкой фигуркой, мелькавшей сейчас в лучах прожекторов, стоят тысячи и тысячи лет истории человечества. Истории очень суровой, подчас даже жестокой, но закалившей человека, научившей его вечному движению вперед.

* * *

К утру антенны были исправлены. А днем произошел эпизод, о котором впоследствии Ланской вспоминал со смешанным чувством досады и радости. Ветер стих, и с рейсовым реапланом на Станцию Звездной Связи прилетел скульптор из Барселоны. К Ланскому постоянно обращались молодые скульпторы, и он не удивился. Испанец, однако, не был молод, имел воинственные пиратские усы и отличался совершенно невероятной вежливостью.

Они встретились в Зале Отдыха, где Ланской беседовал с Тессемом и Гейлордом. После бесчисленных извинений гость, наконец, перешел к делу. Сначала Ланскому показалось, что он ослышался. В изысканно вежливых фразах, пересыпанных витиеватыми комплиментами собеседникам, скульптор сообщил, что им сделано изобретение, которое вызовет переворот в искусстве. «Статуи из камня некрасивы, — сказал он. — Это пережиток варварства». Он нашел новый, очень красивый материал. И даже самый бездарный скульптор сможет создавать из этого материала шедевры.

Новый материал оказался пластмассой, которую можно было обрабатывать резцом, чеканить. Золотистый пластик удачно сочетал качества мрамора и бронзы. Скульптор продемонстрировал несколько статуэток; материал был действительно интересным. Разумеется, ни о каком перевороте в искусстве не могло быть и речи. Но пластик мог оказаться полезным для многих скульптурных и декоративных работ.

Ланской внимательно слушал скульптора. Тессем задал несколько вопросов о технологии получения пластика. К столу, за которым они сидели, подошли и другие инженеры Станции. Скульптор по-своему истолковал это внимание. Вежливость постепенно превратилась в напыщенность. Комплименты собеседникам сменились комплиментами самому себе.

Ланской смотрел на скульптора и думал, что люди еще далеко не избавились от болезней прошлого — заносчивости, высокомерия, тщеславия. Наконец, от самой обыкновенной глупости.

— Знаете, — сказал он. — Я тоже изобрел новый материал.

— О! Какой же? — насторожился гость. — Каков его состав?

Подумав, Ланской ответил:

— Состав простой. Два тэ.

Скульптор растерянно поглаживал пиратские усы.

— Два тэ, — повторил Ланской. — Сейчас я вам покажу.

Он попросил принести камень, любой камень и оставшиеся в его комнате инструменты старика. Скульптор молчал, еще не догадываясь, что происходит. Принесли камень и инструменты. Камень оказался светло-серым известняком, мокрым от растаявшего снега.

Обычно Ланской долго обдумывал замысел каждой работы, тщательно отбирал натурщиков, старался заранее в мельчайших деталях представить себе готовую вещь. На этот раз получилось иначе. Его подхватил неудержимый порыв, и он забыл обо всем — и о скульпторе с пиратскими усами, и о том, что он не у себя в мастерской, и о том, что камень в общем плох, даже совсем плох.

Жизнь скульптора измеряется десятилетиями, его работа — если сосчитать непосредственно затраченное на нее время — годами. Но таких вот порывов вдохновения бывает совсем немного. Все вместе они составляют лишь несколько недель или дней, иногда даже несколько часов.

Ланской работал с лихорадочной быстротой. Это был каскад неожиданных находок, внезапных прозрений, изумительных открытий. Мысль обгоняла руки, и Ланской, несмотря на стремительный темп работы, ясно видел, куда он идет. В этот час — звездный час искусства — он был смел и дерзок. Он без колебаний делал то, на что в другое время решился бы не сразу.

В камне возникла поднятая вверх голова человека, астронавта. Лицо его почти ничем не напоминало лица Шевцова, разве только умным и спокойным взглядом и некоторой угловатостью, резкостью. Возможно, было в этом лице что-то от бесшабашной отваги Гейлорда и от мужественной красоты Тессема. А главное — была устремленность вперед и только вперед вопреки всему. «Ты сможешь изменять судьбы планет, — шептал Ланской. — Сможешь, сможешь... Я вижу тебя таким». Теперь он действительно видел за силой одного человека беспредельную силу человечества.

Ланской не прорабатывал деталей. То, что он делал, походило на очень беглый эскиз, на этюд чего-то большого и

значительного. И когда безмерно уставший он отошел от камня, он понял, что самая главная находка — это путь, по которому надо идти. И еще он подумал, что камень чересчур плох, трещиноватый...

Скульптор с пиратскими усами исчез. В зале остался лишь Гейлорд, сидевший у электрического камина. Ланской подошел к инженеру. Гейлорд встал, спросил:

— Что значит «два тэ»?

Ланской устало усмехнулся:

— А... два тэ... труд и творчество.

Гейлорд покачал головой.

— Черт возьми, вы просчитались. Надо «три тэ». Труд, творчество, талант.

* * *

Позже Ланской записал в дневнике:

«Раньше меня удивляло, почему Шевцов, инженер и астронавт, любит поэзию. Больше того, он живет поэтично. В его восприятии мира и вещей есть поэзия. Я сказал: „Поэзия — сестра астрономии“ — и успокоился. А ведь это только общая фраза, видимость мысли. Сегодня я понял, что настоящая поэзия и большая наука просто одно и то же. В

познании есть поэзия, в поэзии есть познание. Ученому и поэту в одинаковой степени нужно воображение. Ученый и поэт думают об одном и том же — о законах жизни.

Титаны эпохи Возрождения умели сочетать искусство и науку. Леонардо да Винчи был великим ученым — не менее великим, чем живописец Леонардо, Микеланджело — творец бессмертных статуй и фресок, — еще и военный инженер. Рафаэль, создатель Сикстинской мадонны, — археолог. В те времена искусство нуждалось в науке, чтобы познать природу. В наш век науке нужно искусство, чтобы глубже почувствовать преобразуемую природу. Наука без искусства подобна огромному, высокому зданию без окон. В таком здании можно жить: оно защищает от непогоды. Но только через окна мы можем увидеть красоту окружающего мира. Только через окна проникают светлые и теплые лучи...

Маркс и Энгельс писали стихи — в этом есть своя закономерность. Я помню песню, сложенную Марксом:

Я устремился в путь, порвав оковы:
— Куда ты? Мир хочу найти я новый!
— Да разве мало красоты окрест?
Внизу шум волн, вверху сверканье звезд!
— Мой путь, глупец, не прочь из мирозданья;
Эфира звон и диких скал молчанье
Юдоли нам покинуть не дают;
Привет земли нас вяжет сотней пут.
Нет, должен из души моей подняться
Взыскуемый мной мир и с ней обняться, —
Чтоб океан его во мне кружил,
Чтоб свод его моим дыханьем жил...[7]

Да, может быть, поэтому Манифест Коммунистической партии пронизан высокой поэзией. Только поэты могли

[7] Перевод О. Румера.

найти такое вдохновенное начало: „Призрак бродит по Европе...“.

Я прочитал немало книг о будущем. В этих книгах предсказано множество технических новшеств — вплоть до приборов, восстанавливающих шевелюру на лысине. Но люди, в сущности, ничем не отличаются от наших современников. Быть может, писателей интересует только техника? Но я скульптор. Я не могу изваять скульптурную группу, состоящую из пяти новых машин, и сказать: „Смотрите — это будущее“. Мне нужен человек. И одна новая черта в его характере мне несоизмеримо важнее нагромождения электромобилей и электродушей.

Я помню роман, в котором люди будущего отличаются прежде всего тем, что их речь насыщена научными и техническими терминами. Думаю, будет иначе. Речь людей обогатится поэзией. Поэзией в самом широком смысле слова. Конечно, в будущем люди смогут глубже и яснее понимать суть происходящих явлений. Наука удвоит и утроит силу научного зрения людей. Но искусство удесятерит силу поэтического восприятия явлений.

Человек будущего — поэт и ученый. Точнее — и то, и другое одновременно, ибо за какой-то гранью эти понятия сливаются...

Я пишу сейчас о людях, а думаю о Видящих Суть Вещей. Не знаю, Шевцов еще не закончил свой рассказ, но мне кажется, что Видящие Суть Вещей давно утратили право так называться. В сущности, это гордое имя должны носить люди. Праздность и мудрость несовместимы.

Первые люди, говорилось в библии, были изгнаны из рая и вынуждены трудиться. Труд — наказание... И вот на планете Видящих Суть Вещей природа непроизвольно поставила великий эксперимент. Люди остались в раю. Они почти забыли труд. И это, в конце концов, привело их к краю пропасти. Что ж, иначе не могло быть. Труд не только очеловечил наших предков, но и дальше формировал человека.

Станция Звездной Связи... Здесь — по условиям работы — тихо и почти безлюдно. Однако радио доносит сюда голоса — с Земли, с планет, со звездных кораблей. Сообщения об открытиях, сводки с великих строек эпохи, замыслы и мечты... Люди, работающие здесь, словно держат руку на пульсе человечества. Дух времени веет над башней Звездной Связи. И это — дух труда, ставшего необходимым, как воздух, и желанным, как любовь...»

* * *

В этот день Тессем, встретив Ланского в телевизионном зале, сказал:

— Придется подождать. Сейчас срочная передача для двух кораблей, возвращающихся на Землю. Если хотите — посидим здесь.

Они сели возле экрана, и инженер спросил Ланского, что он думает делать со скульптурой астронавта.

— Не знаю, — ответил Ланской. — Мне не хотелось бы забирать ее отсюда. Если она, на ваш взгляд, не очень плоха — пусть останется.

Тессем молча прижал скульптуру рукой. Ланской улыбнулся:

— Оставляя эту вещь здесь, я спасаю ее от критиков.

— Напротив, — рассмеялся Тессем. — Теперь ее увидят на всех кораблях. А там самые строгие критики.

— Я думал о Видящих Суть Вещей, — сказал Ланской, меняя тему разговора. — Как вы полагаете, какой у них социальный строй?

— Никакой, — быстро ответил инженер.

Ланской удивленно посмотрел на него.

— Да, в сущности, никакой, — повторил Тессем. — Когда-то развитие общества у видящих шло почти так же, как и у людей. Труд превратил видящих в разумные существа. Возник первобытнообщинный строй. Но именно на этом этапе

труд был исключен из жизни общества. Развитие прекратилось. Видящие не знали рабовладельческого строя, не знали феодализма... Больше того, даже первобытнообщинный строй начал распадаться. Исчезло то, что объединяет — совместный труд.

— Все-таки нельзя сказать, что развитие прекратилось совсем, — возразил Ланской. — Видящие должны были строить какие-то жилища, бороться с уцелевшими хищниками...

— Мало, — пожал плечами Тессем. — Это лишь подобие труда. Разве животные не строят жилищ и не сражаются с хищниками? Для развития человеческого общества нужен именно человеческий труд. Производство. Видящие похожи на детей, талантливых детей («Исключительно талантливых», — вставил Ланской), не научившихся работать и так и не ставших взрослыми... Однако уже время.

Тессем включил динамик.

В телевизионный зал ворвался дробный треск разрядов. Ланскому показалось, что он слышит голос Вселенной: шум далеких звезд, всплески электромагнитных волн, миллиардами лет текущих сквозь пустоту. Потом треск затих, подавленный голосом человека.

* * *

— Надо что-то придумать, — сказал Шевцов. — «Океан» вошел в область электромагнитых полей, начались помехи... Давайте сделаем так. Я буду рассказывать самое главное. Если у вас возникнут технические вопросы, спросите Тессема. Он знает.

Собственно говоря, следовало бы сразу рассказать конец этой истории. А потом — если хватит времени — подробности, детали. Но попробуем сохранить последовательность. Впрочем, сейчас я уже и сам не помню, в какой последовательности я открывал этот чужой мир. Видящий с поразительной быстротой осваивал наш язык; я мог задавать все

более и более общие вопросы... Это была цепная реакция открытий.

Но, пожалуй, прежде всего нужно подробнее рассказать о глазах видящего. Как я уже, кажется, говорил, глаза у него имели меняющуюся окраску: временами розовую, временами красную. И вот иногда на этом фоне вспыхивали и тут же гасли светлые искорки. Очень скоро я заметил любопытную закономерность: искорок было тем больше, чем напряженнее думал видящий. Когда он ожидал меня у корабля, искорки почти не появлялись. Но при разговоре число их резко увеличивалось и сами они становились заметнее. Я даже не знаю, с чем это сравнить. Нечто подобное можно наблюдать в спинтарископе, когда его экран бомбардируется радиоактивными частицами. Впрочем, вам вряд ли приходилось работать со спинтарископом. А самое главное — искорки в глазах Видящего Суть Вещей были связаны с мышлением. Уже одно сознание того, что я вижу — самым непосредственным образом! — работу мысли, заставляло меня волноваться...

И еще одно обстоятельство. Даже при напряженном размышлении искорки в глазах видящего вспыхивали как бы волнами — их яркость менялась, подчиняясь какому-то внутреннему ритму. Точнее — нескольким ритмам. В этом мне очень скоро пришлось убедиться.

Я уже говорил, что видящие имели глубокие познания в медицине. Конечно, эти познания были своеобразны. Их медицина отчасти напоминала нашу народную восточную медицину — китайскую, индийскую.

Луч, передавая свои мысли, смотрел мне в глаза. Вероятно, по глазам он и определил, что я не совсем здоров.

Он сказал мне:

— Надо исправить...

Он не знал еще слова «лечить». Но я понял и спросил:

— Как?

Видящий Суть Вещей приблизился ко мне, и я увидел, как вскипели искорки в его глазах. Признаюсь, мне совсем

не хотелось, чтобы меня «исправляло» существо, имеющее довольно смутное представление об анатомии и физиологии человека, о человеческих болезнях. Я попытался отойти в сторону — и не смог. Ритм искорок — обычно неровный, колеблющийся — стал вдруг четким и быстрым. Было так, словно в глазах видящего возникли и закрутились огненные вихри. Это действовало гипнотизирующе: сковывало движения, притупляло мысль...

Не знаю, сколько длилось это удивительное состояние оцепенения. Искорки стали меркнуть, ритм их изменился. Луч сидел в кресле и — как всегда — загадочно улыбался. И я вдруг почувствовал, что болезнь прошла. Сознание обрело ясность, каждая клеточка тела вибрировала от избытка сил...

Мне захотелось узнать, как это произошло, и я начал перечислять подряд различные способы лечения болезней, коротко поясняя их сущность. Луч односложно отвечал:

— Нет... Нет...

И только когда я исчерпал почти все свои медицинские познания, он сказал:

— Да... это... чженьцзю... иглоукалывание...

Разумеется, видящие не понимали, что иглоукалывание усиливает биотоки. Что такое биотоки — они тоже не знали. Подобно китайским лекарям, подметившим четыре тысячи лет назад, что больные иногда выздоравливают от случайных уколов, видящие тоже шли чисто опытным путем. Но на этом пути они когда-то успели продвинуться далеко.

Мне трудно объяснить вам, насколько я себя хорошо почувствовал. До этого — в течение месяцев — между мной и миром стояло мутное стекло. Теперь оно, кажется, сломалось, исчезло. Я смог думать в полную силу, по-настоящему.

... «Поиск» провел на планете еще около двухсот часов. Все это время люк был открыт. Видящие поднимались на корабль. Временами мне становилось страшно. Я смотрел из рубки, как по кают-компании молча бродили призрачные фигуры. В красных глазах сверкали белые искорки. Надо

сказать, что обычно в глазах видящих искорок почти не появлялось. Вероятно, видящим уже давно была несвойственна постоянная работа мысли. Их глаза смотрели как-то бездумно, безразлично. Однако здесь, на корабле, видящие напряженно думали. О чем? Не знаю. Они не пытались говорить со мной. Они приходили и уходили. И только Луч вел себя иначе. Он вообще чем-то выделялся среди других видящих. К нему обращались не то, чтобы с почтительностью, но с большей осторожностью. Когда я сказал об этом Лучу, он ответил: «Долго живу...»

Я продолжал расспрашивать и узнал, что видящие живут около четырехсот лет. Их поселки (городов у них нет) рассчитаны на одно поколение. Каждое новое поколение, достигнув зрелости, уходит из поселка и организует свой новый поселок. Тот поселок, возле которого опустился «Поиск», был совсем молодым — здесь жили видящие примерно восьмидесятилетнего возраста. Луч пришел из поселка глубоких стариков. Если я правильно понял. Лучу было что-то около трехсот тридцати лет. Кстати сказать, разницей в возрасте объяснялось и разное отношение к надвигающейся катастрофе. Для Луча она уже не имела значения, молодым видящим грозила гибель.

Я расспрашивал Луча об этой катастрофе — и безуспешно. Он сразу погружался в мрачное раздумье и не отвечал...

Быть может, мне следовало на время покинуть корабль. Но что это могло дать? Ничего принципиально нового (если не считать причины надвигающейся катастрофы) я уже не мог узнать. Условия жизни на планете были известны. Я встретил Видящих Суть Вещей и ознакомился — пусть в самых общих чертах — с их историей. У меня хранились записи, сделанные приборами «Открывателя». И главная задача была в том, чтобы сообщить эти сведения на Землю. Сюда прилетала бы хорошо снаряженная экспедиция. Не один человек, а сотни специально подготовленных людей.

И еще одно соображение удерживало меня на корабле. Сколько я мог бы пройти? Тридцать километров? Пятьдесят? Сто? А Луч показывал мне Планету — и это было самым быстрым путешествием. В розовом ореоле, исходящем из глаз Видящего Суть Вещей, возникал морской прибой у зеленых скал, бесконечные леса со спиральными деревьями, горы, покрытые полупрозрачными растениями, отдаленно напоминающими наши кактусы... Я видел развалины древних сооружений с удивительной спиральной колоннадой...

Да, развалины, только развалины... Дух тления витал над Планетой. Жизнь остановилась где-то на очень ранних ступенях развития. Мир видящих был подобен взрослому человеку, который с детства ничем не занимался.

К сожалению, то, что показывал Луч, нельзя было переснять на пленку. Больше того, я не мог даже сфотографировать видящих. «Поиск» совершал испытательный полет, посадка на неисследованную планету была неожиданностью. У меня не оказалось фотоаппарата; астрограф же годился только для фотографирования звезд.

В первые дни я еще подумывал о том, чтобы забрать с собой на Землю какие-нибудь предметы, связанные с культурой видящих. Разумеется, я уже не рассчитывал найти здесь атомороллеры или индивидуальные конвертопланы. Но книги! Без них невозможна передача знаний. И все-таки книг не оказалось.

Да, видящие не знали книг. Во всяком случае, не знали уже очень давно. У них не было необходимости в книгах. Их память заменяла тысячи, быть может, десятки и сотни тысяч томов. Все, что видящие один раз услышали или увидели, оставалось в их памяти на всю жизнь. Их память — по объему и силе — намного превосходила человеческую.

Размышляя над этим, я все более убеждался, что когда-то условия жизни на Планете были значительно сложнее, чем на Земле. Это и определило высокое развитие предков Видящих Суть Вещей. Человек стал властвовать над Землей, когда его мозг и руки еще не очень отличались от мозга и

рук человекообразных обезьян. На Планете было иначе. Резкие изменения климата усложнили борьбу за существование. При небольшом отличии в развитии мозга и рук очередное изменение климата могло дать преимущество животным. Предки видящих стали хозяевами Планеты, в результате длительной борьбы, изощрившей их ум. Как я понял из объяснений Луча, животные здесь были более развитыми, чем на Земле, и потому более развитыми были и первые разумные существа.

Когда я сказал об этом Лучу, он улыбнулся и ответил:

— Это давно... Сейчас мы делаем сами...

Он долго объяснял мне, как именно они «делают». Насколько я понял (а понял я немного), существовала специальная система развития и укрепления памяти, включающая внушение и иглоукалывание, с помощью которых стимулировали работу мозговых центров. Но самое главное — все это делалось по инерции, без необходимости. Еще один штрих трагедии...

Как бы то ни было, память видящих не могла не вызывать изумления. Однажды Луч воспроизвел — совершенно точно — отрывок из стереофильма, показанного мной в день встречи. В розовом ореоле, исходящем из глаз видящего, возникли знакомые кадры... Потом Луч спросил:

— Люди... разные? Черные, белые...

Я долго объяснял ему, что существуют несколько человеческих рас. Не знаю, быть может он так и не понял, почему образовались разные расы и почему они теперь постепенно сливаются в одну общечеловеческую расу.

Должен сказать, что некоторые вещи — даже очень простые — я никак не мог втолковать Лучу. Мне не хочется применять слово «глупость» — это, конечно, несправедливо, но какая-то своеобразная несмышленность у видящих была. Например, мне стоило огромных трудов объяснить Лучу назначение часов, самых обыкновенных часов. Он считал их живым существом. Я подарил Лучу свои часы. Он по-детски

обрадовался подарку. Я заметил, что он гладит часы. Они так и остались для него живым существом...

Эта несмышленность удивительным образом сочеталась с огромной силой логического мышления. Видящие были мудры, если так можно выразиться, в пределах определенного, довольно узкого, круга вопросов. Они не знали машин — и я никак не мог объяснить Лучу устройство даже самых простых приборов. Но когда я показал Лучу шахматы, он мгновенно все понял — и легко обыграл меня, хотя мне помогала электронная машина...

Я попытался познакомить Луча с математикой и был поражен, насколько быстро он ее осваивает. Вскоре он свободно оперировал интегралами. Он сам выводил новые формулы, отыскивал новые математические приемы. Однако, мне кажется, математика представлялась ему логической игрой — только более сложной, чем шахматы.

Да, мы мыслили в разных плоскостях. Как знать, быть может и Луч считал, что я иногда удивительно тупоумен...

* * *

— В один из этих дней, — продолжал Шевцов, — случилось то, что до сих пор во многом остается для меня загадкой. Однажды из-за спиральных деревьев выплыл блестящий белый шар. Он имел метра полтора в диаметре и летел на высоте пяти-семи метров. Двигался он медленно, слегка покачиваясь. В первый момент мне показалось, что это небольшой прорезиненный или пластмассовый баллон, наподобие тех, которые мы используем для исследования атмосферы. Однако шар двигался против ветра! Он приближался к «Поиску», ослепительно сверкая в лучах Большого Сириуса.

Я быстро поднялся по трапу на корабль и надел защитный скафандр. Я не знал, что представляет собой этот шар. Не знал, опасен ли он и чем именно. Но что-то в поведении шара заставило меня насторожиться.

Когда я вновь — уже в защитном скафандре — спустился по трапу, шар кружился вокруг корабля. Это было удивительное зрелище. Шар, как живое существо, передвигался, что-то высматривая, у самого корпуса «Поиска». Временами шар останавливался, как бы приглядываясь, потом снова приходил в движение.

Нет, это не было живое существо. Поверхность шара была идеально гладкой, без каких-либо выступов или отверстий. Я не мог разглядеть ни малейших деталей на этой, почти зеркальной поверхности. Растение? Но в движении шара ощущалась, если так можно выразиться, определенная осмысленность. Шар осматривал «Поиск», причем осматривал весьма разумно. Он подолгу задерживался на тех местах, на которые и я обратил бы особое внимание, если бы впервые увидел такой корабль.

— Сейчас я могу рассказывать об этом спокойно, — улыбнулся Шевцов, — а тогда я с трудом сдерживал лихорадочное возбуждение. Я понимал, что, осмотрев корабль, шар займется мной. И я старался как можно быстрее сообразить, что он собой представляет, этот загадочный шар. Не растение, не животное... Оставалось одно приемлемое предположение: шар — это кибернетическое устройство. Но чье и какое? На эти вопросы я не мог ответить. Разумеется, шар не

был создан видящими. У меня появилась мысль, что на Планете живут — кроме видящих — какие-то другие разумные существа. Пусть даже не здесь, а где-то на другом материке...

Как я и ожидал, шар, наконец, начал приближаться ко мне. Я включил индикаторы, но ни одна из контрольных ламп не зажглась. Это означало, что вокруг шара нет ни радиации, ни электрического и магнитного полей. Я стоял, стараясь не двигаться, и тщетно пытался сообразить, как это шар держится в воздухе. Чувствовалось, что он довольно массивен; порывы ветра лишь слегка его раскачивали. На зеркально гладкой поверхности шара не было никаких видимых приспособлений для передвижения. Тем не менее шар держался в воздухе и, насколько я мог судить, держался достаточно устойчиво.

Минут десять шар кружился возле меня. Теперь он летал на высоте человеческого роста и временами

приближался ко мне так близко, что при желании я без труда дотянулся бы до него. Признаюсь, у меня не возникало такого желания. Напротив, я старался не шелохнуться. Я рассчитывал, что в конце концов, что-то произойдет и все объяснится. Но когда шару наскучило кружиться, он просто поднялся несколько выше и остановился, едва заметно покачиваясь.

Я подобрал ком ссохшейся почвы и бросил в шар. Я ожидал всего, даже электрического разряда. Но случилось нечто более странное. Ком не долетел до шара. Казалось, вблизи шара ком попал в густую и вязкую среду. Движение его замедлилось, на мгновение он замер в воздухе, потом упал...

Тогда я отыскал камень. Все повторилось. Камень не долетел до шара. Какая-то сила отбросила его вниз.

Я нашел еще один, более массивный камень. Но кинуть его мне не пришлось. Я вдруг почувствовал, что куда-то падаю. Шар оттолкнул меня метров на пять. Благодаря скафандру я не пострадал при падении. А шар — как ни в чем не бывало — висел на том же месте...

Я направился к трапу. Прошел под самым шаром, но ничего не случилось, и шар даже не шелохнулся. У него был довольно миролюбивый характер: он защищался — и только. Но когда я поднялся по трапу и открыл люк, шар моментально пришел в движение. Видимо, ему тоже захотелось лопасть внутрь корабля. Однако я успел захлопнуть за собой крышку люка.

Меня интересовало, что теперь предпримет эта штука. Наши земные кибернетические устройства в такой ситуации скорее всего оставались бы у трапа, поджидая, когда люк вновь откроется.

Не снимая скафандра, я поднялся в рубку и настроил экран внешнего обзора. На экране было видно — шар словно прилип к борту корабля и быстро уменьшается в размерах. Я включил телесвязь с отсеком, возле которого находился шар. И тут я увидел нечто почти невероятное. Шар проникал сквозь оболочку Корабля! По мере того, как снаружи шар

уменьшался, внутри корабля, по другую сторону массивного титанового борта, рос другой шар...

Как ни странно, но именно в это мгновение, глядя как шар проникает сквозь оболочку корабля, я вдруг успокоился и понял, что шар не причинит мне никакого зла. Сейчас трудно восстановить цепь рассуждений, которые привели меня к этому выводу. Мысли пронеслись вихрем, молниеносно. Но суть их была примерно такой.

То, что на первый взгляд казалось невероятным, свидетельствовало лишь о высоком уровне развития существ, создавших шар. Если бы величайшим ученым XVII или XVIII века сказали, что можно видеть сквозь толстую металлическую плиту, они сочли бы это шуткой. Однако после открытия рентгеновых и гамма-лучей мы убедились, что металл проницаем для излучения. Существа, создавшие шар, умели делать металл проницаемым и для той материи, из которой состоял шар. Но это перечеркивало мое предположение, что на другом материке Планеты существует цивилизация, отличная от цивилизации Видящих Суть Вещей. Чтобы создать этот шар, требовалось очень высокое развитие науки и техники. Соседство с такими развитыми существами неизбежно сказалось бы на видящих. Более вероятно, что шар — нечто вроде автоматической исследовательской станции, прибывшей с другой планеты. Во всяком случае, в поведении этого шара многое напоминало поведение наших кибернетических станций, посылаемых на автоматических кораблях к дальним планетам. Шар наблюдал. Шар защищался, но не нападал. Да, так вели себя и наши роботы-исследователи...

Все эти мысли, повторяю, промелькнули у меня в течение нескольких секунд. Я даже попытался представить себе, как именно этот шар проникает сквозь металл. Ну, понятно, это были лишь самые общие предположения. Я не знал тогда, что на Земле уже ведутся опыты по превращению материальных объектов в направленное излучение с

последующим обратным превращением излучения в тот же самый объект.

Я видел на экране, как шар разделился на две примерно равные части. Одна часть (она приобрела форму полусферы) осталась снаружи корабля, как бы прилипнув к борту. Другая, проникнувшая сквозь металлическую оболочку и принявшая сферическую форму, медленно двигалась по отсекам корабля.

Я подошел к пульту управления и открыл все внутренние люки. Не имело смысла задерживать движение этого шара. Теперь я твердо был уверен, что он мне ничем не грозит.

Это продолжалось свыше двух часов. Шар побывал во всех отсеках, покружился у электронной машины, и наконец проник в рубку. Он останавливался около каждого прибора, минут пять висел над клавиатурой пульта управления. Потом кратчайшим путем (не тем, которым он добрался до рубки) вернулся к отсеку, с которого начал свой осмотр. Здесь все повторилось в обратном порядке. Шар прилип к оболочке корабля и стал постепенно уменьшаться в размерах. Соответственно увеличивался оставшийся снаружи второй шар. Через три минуты (я следил по часам) обе половины шара снова соединились, и, поблескивая в лучах Большого Сириуса, шар начал медленно подниматься над кораблем.

В этот момент я включил магнитные эффекторы. На экране было видно, как шар дрогнул и остановился. Я увеличил напряженность магнитного поля, и шар, словно нехотя, стал приближаться к кораблю. Тогда я выключил эффекторы. Мне не хотелось причинять вред этому шару. Теперь я почти не сомневался, что он представляет собой автоматическую исследовательскую станцию.

Шар поднялся метров на тридцать над кораблем и надолго замер. Я подробно записал в бортовой журнал все, что видел. Затем кратко изложил свои предположения. А потом — уже без скафандра — вышел из корабля.

Тотчас же шар пришел в движение. Он приблизился ко мне и начал описывать круги. Я сделал вид, что не обращаю на него внимания. Я поднимался и спускался по трапу, ходил около корабля. Шар не отставал от меня, но ни разу не приблизился вплотную. Потом он снова занял свое место над поляной.

Я с нетерпением ждал Луча. Видящие могли многое знать об этом шаре.

Луч пришел, неся в накидке десятка три разных плодов. Он сделал это по моей просьбе. Меня интересовало, чем питаются видящие. Но в тот день я лишь мельком взглянул на принесенные плоды. Я думал о шаре.

Надо сказать, что шар никак не реагировал на появление Луча. В свою очередь и Луч, казалось, не замечал шара. Я сразу же спросил видящего о шаре. Луч, так и не взглянув наверх, улыбнулся и ответил одним словом:

— Давно...

Тогда я показал на небо и спросил:

— Оттуда?

— Да, — спокойно ответил Луч.

— Покажи, — сказал я.

Он улыбнулся. В глазах его возник уже знакомый мне розовый ореол. Розовая дымка надвинулась на меня, и я увидел поваленные деревья и глубокую дымящуюся воронку. Из воронки один за другим поднялись три белых шара и, слегка покачиваясь, поплыли над обугленными деревьями.

Розовое сияние погасло. Все еще улыбаясь. Луч повторил:

— Давно...

Итак, моя догадка подтверждалась. Однако устройство шара так и осталось для меня тайной. С этого времени шар ни разу не опускался вниз. Он неподвижно висел над поляной.

Я постепенно привык к шару. Но глядя на него, я не мог не думать с том, что где-то существует еще одна

цивилизация. Безграничная Вселенная была полна тайн. Людям еще предстояли самые удивительные, фантастические открытия...

* * *

— А вы не могли доставить шар на Землю? — спросил Ланской.

— Передача окончится раньше, чем ваш вопрос дойдет до Шевцова, — сказал Тессем. — «Океан» уже далеко... Я отвечу вам. Опасно было пытаться захватить шар. Он мог оказать сопротивление. А главное, неизвестно, как он перенес бы полет. Это могло окончиться катастрофически и для корабля. Но нынешняя, вторая экспедиция серьезно займется этими шарами. Об этом мы еще успеем поговорить. А пока слушайте...

* * *

— Как-то в сумерки, — рассказывал Шевцов, — я услышал музыку. Она была прозрачной и чистой, как горный ручей, стекающий с камня, как «Песня Сольвейг» Грига. Это пели видящие. Я вышел из корабля, сел на ступеньку трапа. Шар, ставший в сумерках серым, покачивался под порывами свежего ветра. Над спиральными деревьями светил Малый Сириус. Деревья выпрямились, сейчас они походили на наши ивы. Сумерки, деревья, далекая песня. На мгновение мне стало жаль покидать планету. Пусть встреча с разумными существами представлялась иной — более торжественной и значительной. Пусть я не нашел здесь сказочных хрустальных дворцов, а обитатели планеты не имели индивидуальных летательных аппаратов. Быть может, другие звездные корабли уже открыли планеты с хрустальными дворцами. А мне все-таки дорог этот мир... И не только потому, что я его открыл. Нет. Я многому здесь научился. Когда-то человек по своему образу и подобию создавал богов. Потом он начал —

опять по своему образу и подобию — населять чужие планеты разумными существами. Сейчас с меня сошла эта наивная самоуверенность. Я встретил видящих— и понял, что многообразие жизни бесконечно.

А видящие? Могли ли они понять людей? Наш мир, идущий вперед и не желающий остановиться, был им чужд.

Признаюсь — я многое утаил от видящих (точнее, мне казалось, что я утаил, но, вероятно. Луч прочитал мои мысли). Я не сказал Лучу, что в тот день, когда «Поиск» ушел в Звездный Мир, около одной седьмой части населения Земли еще верило в самых различных богов (сами видящие ни в каких богов не верили), что еще остались — хотя и поредевшие — соборы, церкви, мечети, суды, тюрьмы, что временами еще вспыхивала расовая ненависть...

Я вообще старался меньше говорить о людях и больше узнавать о видящих. Сложная вещь — взаимопонимание двух миров. Попробуйте, например, представить себе нашу жизнь с их точки зрения. Если бы старый дуб мог мыслить и сравнивать свою жизнь с жизнью человека, он пришел бы, пожалуй, почти к таким же выводам, как и видящие. Да, жизнь дерева спокойна, чиста, даже благородна. Жизнь дерева намного продолжительнее жизни человека — есть деревья, которые растут тысячелетиями. Деревья не знают горя. Но какой человек променял бы свой недолгий век на тысячелетия такой жизни?!

Впрочем, несправедливо сравнивать видящих с деревьями. Скорее их можно уподобить великолепной машине, давно переведенной на холостой ход. Давно, но не навсегда!

Черт побери, даже в человеке не всегда легко разобраться. А видящие были «чужими». И не удивительно, что я многого не понимал, как не понимаю и до сих пор. Например, мне не было ясно социальное устройство видящих. Скорее всего, видящими руководили старейшины. Впрочем, руководили — не то слово. К старейшинам обращались при необходимости что-то решить — и только. Это все, что я понял из объяснений Луча. Зато так и не удалось узнать,

сколько видящих живет на Планете. Мне не пришлось увидеть населявших Планету животных. Только однажды где-то высоко в небе пролетела стая почти невидимых птиц, похожих, как мне показалось, на наших аистов. Да, Планета еще ждала своих исследователей...

Откуда-то издалека — то затихая, то усиливаясь — доносилась прозрачная песня. Я подумал, что в чужих мирах все может быть различно, но есть вещь, понятная всем. Это — музыка. В одной старой книге мне довелось встретить такую мысль: разумные существа, создавшие совершенные звездные корабли, не могут быть злыми. Я бы сказал иначе: не могут быть злыми разумные существа, создавшие прекрасную музыку.

Сидя на ступеньках трапа, я подумал: люди и видящие, в конце концов, поймут друг друга. И не потому, что у людей есть звездные корабли, а видящие умеют передавать мысли и мгновенно излечивать болезни. Нет. Люди и видящие поймут друг друга потому, что оба мира любят жизнь и то прекрасное, в чем она проявляется...

Да, так я думал, слушая песню видящих. И незаметно наступила ночь. Самая настоящая звездная ночь! Впервые за все это время... Может быть, поэтому и пели видящие?

Над лесом висел ущербный серп луны, а в небе светили звезды. Странное небо! Небо с чужими созвездиями... Некоторые созвездия, например Плеяды, еще можно было узнать. Но другие изменились неузнаваемо. Я не мог найти Большую Медведицу, Ориона, Персея... Как и всякий астронавт, я не раз видел такое небо, но только здесь я почувствовал, насколько оно неземное. Созвездия, вечные и неизменные созвездия здесь были иными.

Что ж, люди долго смотрели на небо снизу. И небо казалось невообразимо далеким. А теперь мы идем сквозь небо. И стоит ли удивляться тому, что я не вижу на небе созвездия Большого Пса? Ведь мой корабль находится в системе Сириуса — Альфы Большого Пса...

Не знаю, какая сила заставила меня вдруг встать и пойти в ту сторону, откуда слышалась песня. Я быстро пересек поляну и остановился у высокого, выпрямившегося дерева. Было очень тихо; только ветер шелестел длинными листьями и поскрипывали разогнувшиеся, ставшие почти прямыми ветви. Песня, по-прежнему светлая и чистая, звучала теперь громче, и я понял, что правильно определил направление.

Облака закрыли луну, наползла темнота. Я инстинктивно прижался к дереву. И тут я заметил, что кора, покрывавшая его ствол, светится.

Она излучала мягкий красноватый свет. Светились и другие деревья. По-видимому, это было еще одно средство защиты от резких изменений радиации. Кора деревьев поглощала избыток излучения и выделяла его с наступлением темноты.

Я вошел в этот флюоресцирующий лес. Деревья светили слишком слабо, чтобы свободно ориентироваться. Однако почва тоже флюоресцировала (желто-зеленым светом), и на ней оставались отпечатки моих следов. Скорее всего, это был мох — днем я не обратил на него внимания (возможно, он просто не был виден). Но сейчас это придавало мне уверенность: я знал, что легко смогу вернуться.

А видящие пели свою песню. Я старался не шуметь. В конце концов, я был лишь непрошенным гостем... Осторожно обходя деревья, я приближался к видящим. В одном месте мне пришлось пройти сквозь довольно густые заросли кустов — на их широких листьях выделялись яркие лиловые полосы. Шагах в тридцати росли другие кусты — повыше, резко пахнущие мятой, с голубоватыми листьями. А дальше была обширная поляна — и на ней тот, кто пел. Да, я не оговорился. На поляне оказался один — только один! — видящий. Он сидел на камне метрах в пятнадцати от меня, закутавшись во флюоресцирующий алым светом плащ. Вначале я не поверил, что видящий один. Я всматривался в темноту, искал других видящих...

Все та же ошибка! В этом чужом мире следовало раз и навсегда отказаться от земных понятий и масштабов. На Земле нужны были хор и оркестр, нет, великолепный хор и великолепный оркестр; здесь это, по-видимому, мог каждый.

О чем пел видящий? Не знаю. Но песня становилась все более и более грустной. Нет, грустной — не то слово. Это была не грусть, а какое-то безнадежное отчаяние. Отчаяние уже привычное...

Я долго слушал, боясь шелохнуться. Ветер тихо шелестел светящимися листьями, и чужая песня поднималась к чужому небу...

Видящий сидел неподвижно. Он походил на изваяние. И только приглядевшись, я обнаружил, что он слегка покачивается в такт песне. Но самое удивительное — он тоже светился! Порыв ветра распахнул плащ, и я заметил, что тело видящего излучает мерцающий оранжевый свет.

Где-то вдалеке раздался крик, похожий на приглушенный стон. Но видящий по-прежнему пел свою печальную песню. Мне стало тяжело, и я пошел назад, к кораблю.

* * *

Возвращаясь к кораблю, я все еще слышал песню. Я подумал, что видящие безмерно одиноки, и мысли мои невольно обратились к надвигающейся катастрофе. Как ни странно, но именно среди флюоресцирующих деревьев у меня появилась идея, ставшая очень скоро твердой уверенностью. Поднимаясь по трапу на корабль, я уже знал, какая опасность грозит видящим. Я знал, почему видящие догадываются о неизбежной катастрофе. Точнее, не догадываются, а ощущают, как животные на Земле ощущают приближение землетрясения или наводнения. У земных животных выработался инстинкт, предупреждающий их о катастрофах. Здесь катастрофы были иные, несравненно большие по масштабам и связанные с изменением орбиты Планеты. У

существ, живущих на Планете, выработался инстинкт, предупреждающий о наступлении таких катастроф...

Да, все дело было в изменении орбиты. В двойной звездной системе орбита планеты — путаная пространственная кривая. В системе Сириуса положение осложнялось тем, что, кроме звезд, были еще две массивные планеты. Поэтому третья планета испытывала одновременное притяжение четырех тел.

Ну представьте себе полет мошки около лампы. Мошка вьется, крутится, порхает, но она находится вблизи лампы, и, в среднем, траекторию ее полета можно изобразить окружностью или эллипсом. Так было и с планетой. Она двигалась по очень прихотливой орбите, однако не уходила далеко от своих двух солнц. Прошли (со времени последней катастрофы) десятки, возможно, сотни тысяч лет, пока однажды притяжение всех четырех тел не сложилось так, что планета была переведена на другую орбиту. Подобно мошке, порхающей у лампы, она вдруг отлетела назад, в темноту, во мрак и холод. Впрочем, не надо понимать эту аналогию дословно. Планета отнюдь не «отлетела». Просто орбита ее стала более вытянутой. Наша Земля обходит свою орбиту за год, планета Видящих Суть Вещей совершала один обход за сто тридцать лет. Так вот, изменение орбиты привело к тому, что около сорока лет из этих ста тридцати на планете должен был господствовать суровый климат. Нечто вроде климата Антарктиды... Я определил это позже — часа через четыре, — когда электронная машина обработала данные наблюдений.

... В небе ярко светил Большой Сириус. То, что было ночью — флюоресцирующий лес, песня видящих, казалось мне сейчас фантастическим сновидением — не больше. Работая с электронной машиной, я думал о судьбе Планеты. Все зависело от того, когда начнется похолодание. Я знал, как с ним бороться. Но я хорошо понимал, что мне одному это просто не под силу. Здесь не нужно было ничего

выдумывать. Только осуществлять. Но что мог сделать один человек?

Я ждал ответа электронной машины. Одна цифра, но от нее зависело многое. Машина скажет: «Двадцать лет» — и тогда сюда успеют прийти люди. Машина скажет: «Два года» — и тогда... Что тогда? Может ли один человек остановить космическую катастрофу? Меня била лихорадочная дрожь — от нетерпения и, если говорить откровенно, от страха. Не за себя. Мне ничего не угрожало. Но мысль о том, что мир видящих должен погибнуть, вызывала растерянность.

Впрочем, она быстро прошла, эта растерянность. Я понял, что гипнотизирую себя неправильной постановкой вопроса. Конечно, один человек в таких условиях ничего не может сделать. Одному человеку не под силу остановить надвигающуюся катастрофу. Но со мной были знания всех людей. Пусть моя память хранила только небольшую часть этих знаний. Однако они были записаны — в книгах, на магнитных лентах, на пленках микрофильмов. И я умел находить нужное.

Машина все еще обрабатывала наблюдения, а я — рассчитывая на худшее — попытался представить себе, какие конкретные задачи мне придется решать.

Впрочем, прежде всего я должен объяснить вам, как вообще можно бороться с похолоданием.

Вы, вероятно, слышали о так называемой кремниевой реакции. Возникнув в одном месте, эта цепная ядерная реакция перебрасывается повсюду, где есть кремний. Достаточно зажечь небольшой — с горошину — участок почвы, и огонь медленно, но неуклонно распространится в глубь Земли и по ее поверхности. Кремниевый пожар проест земную кору, он пройдет по пустыням, по горам, по дну океана, его не остановит ничто... Он обойдет весь мир — и вернется к тому, кто его зажег. Когда-то это послужило еще одним поводом ко всеобщему разоружению. Однако вам, возможно, неизвестно, что кремниевая реакция все-таки была

практически применена. И даже не один раз. Произошло это в Космосе, и потому мало известно неспециалистам. Сначала профессор Юрыгин осуществил кремниевую реакцию на небольшом астероиде Юнона. Астероид — он имел около ста девяноста километров — сгорел за одиннадцать месяцев. Несколько лет спустя Серро и Франтини повторили этот опыт на Гиперионе — одном из спутников Сатурна. Опыт не совсем удался, была допущена какая-то ошибка в расчетах. Впоследствии Сызранцев и Вадецкий предложили использовать кремниевую реакцию для изменения климата на единственной планете в системе звезды Эпсилон Эридана. Климат там был суровый — вроде нашего исландского. Но планета имела спутник; Сызранцев и Вадецкий рассчитали, что кремния на спутнике — если его воспламенить — хватит на полторы тысячи лет.

Так можно было бы бороться с похолоданием и здесь. Разумеется, это дело простое лишь в принципе: возникли бы климатические пояса, времена года с жарким летом, когда светили бы оба Сириуса и пылающий спутник...

Самое сложное в осуществлении кремниевой реакции — получение геологических данных. Кремний на спутниках всегда распределен более или менее неравномерно, в особенности на больших глубинах. Нужны очень кропотливые исследования, чтобы решить вопрос о количестве и расположении запалов. Ошибка опасна: пожар потухнет или разгорится слишком сильно. Вот эти геологические исследования и были для меня почти непреодолимым препятствием. Что может сделать один человек без исследовательской аппаратуры?

Впрочем, как я уже говорил, это неверная постановка вопроса. В таких случаях надо думать не о том, чего нет, а о том, что есть. Кое-что у меня все-таки было. Размышляя об этом, я подошел к люку. Свежий ветер гнал над лесом пушистые облака. Белый шар по-прежнему висел над поляной, покачиваясь под ветром. Иногда в разрывах облаков ненадолго появлялся Большой Сириус, и деревья тотчас

становились красными, сжимались, словно ввинчиваясь в почву. Потом снова набегали облака, спиральные стволы поднимались вверх и длинные листья приобретали сине-зеленый оттенок.

Это мир жил своей жизнью и ему не было никакого дела до меня и моих размышлений. Мне вдруг показалось, что эта изумительная планета с ее волшебной игрой красок вечна и незыблема. Надвигающаяся катастрофа — только выдумка электронной машины, которая сейчас злорадно подсчитывала время, оставшееся этому миру. А деревья — играющие красками чудесные деревья — будут стоять здесь всегда. И мне стало жаль, что ночью, возвращаясь сквозь светящийся лес, я думал о катастрофе и даже не догадался сорвать ветку...

Но через десять минут я поднялся в кают-компанию. Электронная машина закончила вычисления и уныло повторяла своим скрипучим голосом:

— Двадцать пять лет... Двадцать пять лет...

Резкое похолодание должно было наступить только через двадцать пять лет! Сказать, что у меня упала гора с плеч — это преуменьшение. Упала целая планета...

В этот день — впервые за много месяцев — я завтракал, слушая музыку. Я думал о людях и звездах. Рано или поздно людям предстояло взяться за преобразование Вселенной. Мы давно создали атмосферу на Марсе, мы собирались зажечь искусственное солнце над Нептуном. Но это были лишь первые шаги. Настало время не только открывать, но и преобразовывать. Не открывателями, не путешественниками должны идти люди в Космос, а строителями.

Уже открыто восемьдесят девять планет, эта — девяностая. И каждая планета должна быть преобразована. Когда-нибудь мы сможем управлять реакциями в глубинах звезд, менять орбиты планет. Однако даже сейчас можно сделать очень многое. Здесь, над девяностой планетой, загорится маленькая звезда. Пусть жизнь ее будет короткой. Пусть

кремниевый пожар погаснет через несколько столетий. За это время люди придумают что-то другое.

... Кристаллофон еще играл рапсодию Листа, но я забыл о музыке. Девяностая планета не принадлежала людям. Тут начиналась проблема более сложная, чем геологическое исследование спутника. На девяностой планете жили Видящие Суть Вещей. Спасти их от похолодания — это еще сравнительно нетрудная задача. Но потом предстояло спасать видящих от самих себя. Вернуть то, что когда-то дало им право гордо называться Видящими Суть Вещей. Но как отнесутся они к нашему вмешательству? На этот вопрос не смогла бы ответить никакая электронная машина.

Видящие не знали нас. Моя наивная затея со стереофильмом заранее была обречена на неудачу. Фильм показал, а основном историю последних пяти веков. Для людей это огромный промежуток времени. Но что значили пять веков для видящих? Средняя продолжительность жизни видящих превышала четыреста лет, многие видящие жили по пять-шесть веков. Мог ли Луч воспринять стереофильм исторически? Быть может, для него инквизиторы, расправившиеся с Бруно, и мы были современниками...

Нет, стереофильмы не могли внести ясность. Не годились и мои объяснения. Заранее очень трудно, почти невозможно представить те выводы, которые Луч сделает из каждой моей фразы.

Отбрасывая один за другим различные варианты, я, в конце концов, пришел к мысли, показавшейся мне в первый момент крайне рискованной. Но затем я подумал, что эта мысль закономерна. Более того, она неизбежна. Была в ней еще и импонирующая мне техническая изюминка. И было благородство. До сих пор я лавировал. Я не все говорил Лучу. И не потому, что стыдился темных пятен в истории человечества. Нет. Чем дальше мы ушли за короткий срок, тем величественнее наш путь. Но я опасался — и не без причин, — что видящий не так поймет меня.

Как я вам уже говорил, видящие имели абсолютную память. Я не сомневался: то, что узнает Луч, без всяких искажений будет передано другим. Но мозг видящих имел еще одну особенность: скорость восприятия была намного выше, чем у людей. На это я и рассчитывал. Правильное представление о людях Луч мог получить, только узнав очень многое. И я решил познакомить его с нашей литературой.

Книги — душа человечества, его зеркало и совесть. Читающий аппарат электронной машины мог прочесть Лучу — в очень быстром темпе — сотни записанных на микропленку томов. В течение нескольких дней видящий узнал бы о людях почти все...

Теоретически идея была безупречной. Луч уже достаточно разбирался в языке, чтобы понять если не красоту, то суть написанного. Большое число книг — при соответствующем выборе — почти исключало вероятность неправильного понимания. Я даже подумал, что Луч сам сможет изменять скорость чтения; мне не трудно будет объяснить, как регулируется аппарат.

Технические детали... На какое-то время они меня загипнотизировали. Изящное, с точки зрения техники, решение заставило забыть о главном. Но когда я взял картотеку микрофильмов, это главное отодвинуло все остальное. «Тит Андроник» Шекспира — четырнадцать убийств, тридцать четыре трупа, три отрубленные руки, один отрезанный язык... Вероятно, в этой одной вещи больше ужасов и страданий, чем во всей новой истории Видящих Суть Вещей... Да, многие книги рассказывали о том, что долго сопутствовало истории человечества — о войнах, угнетении, жестокости, невежестве... Отдать все это на суд видящего? Поймет ли он, что это для нас далекое прошлое? Ведь двести-триста лет для него совсем небольшой срок. Отдать или не отдать?

Может быть, я не решился бы ответить на этот вопрос. Но в картотеке, среди других книг, я нашел «Как закалялась сталь». В этой книге было больше страданий, чем во многих других. Однако вопреки всему торжествовало доброе,

светлое, чистое. И у меня мелькнула мысль: «Если видящие не поймут красоты и величия людей, то черт с ними!..» Нелепо приукрашивать историю, глупо пытаться представить ее в розовых тонах. Пусть Луч узнает то, что было. Ведь книги не только описывают зло, они его осуждают. Пусть только полтора столетия отделяют нас от того времени, когда зло еще господствовало на Земле. Пусть еще не все зло уничтожено. Но со времени Великой Революции мы прошли такой путь, что его невозможно не оценить.

Я начал отбирать микрофильмы. Я не искал книг, которые показывали бы человечество лучшим, чем оно было. Вот Фауст. Он много страдал, он много ошибался, он делал зло. Но в конце концов он смог сказать:

... ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой!

Старый Фауст осушал болота, воздвигал плотины. Он не опустил бы руки и перед надвигающейся катастрофой — как бы страшна она ни была. И в каждом из нас есть частица Фауста.

Видящий мог сказать мне: «Вы, люди, хотите сделать нам добро? Но почему мы должны вам верить? Кто вы? Еще столетие назад — всего столетие назад — вы уничтожили два города придуманным вами оружием. Еще несколько десятилетий назад лучшие свои силы вы отдавали совершенствованию оружия. Пусть не все люди таковы. Но мы судим все человечество. Каждый из вас отвечает за то, что происходит на планете». И я ответил бы так: «Мы прошли через тяжелые испытания. Но именно поэтому нам нет возврата назад. Кремниевая реакция тоже была оружием — теперь она несет свет, тепло, жизнь. Хорошее в человеке родилось не вчера. Оно возникло вместе с человеком. Это хорошее было стиснуто, сжато, связано. Теперь оно освободилось — навсегда,

бесповоротно. И разве не закономерно, что именно мы, познавшие много горя, получили нелегкое право протянуть руку помощи другим?»

Да, каждый из нас отвечает за то, что происходит на нашей планете. Когда-то, еще не так давно, наш мир был ограничен Землей. Мы говорили на разных языках, мы думали и жили по-разному. И лишь теперь мы чувствуем себя одной семьей. Мы поняли, что для других разумных существ мы нечто единое — человечество, люди. При встрече с чужими разумными существами каждый из нас отвечает за все человечество. За его прошлое, настоящее и будущее.

Я думаю, есть глубокая закономерность в том, что человечество вышло во Вселенную при коммунизме. Дело не в одном только развитии техники. Нельзя было встретиться с чужими разумными существами, не поборов раньше — раз и навсегда — господствовавшее на Земле зло. Иначе встреча окончилась бы катастрофой. Коммунизм дал людям не только техническую возможность дальних полетов, но и моральное право на встречу с чужими разумными существами.

... В этот день Луч пришел поздно. Утром появились двое видящих и молча поднялись на корабль. Это были какие-то очень любопытные видящие — они даже заглянули в рубку и долго стояли перед телеэкраном. Я попытался заговорить с ними. Они не ответили и незаметно исчезли, словно растворились в воздухе.

Ветер усилился. Облака неслись над вершинами деревьев. Ухнул гром, и на иссушенную почву упали тяжелые капли дождя. Луч пришел в блестевшей от воды накидке. Я уже присмотрелся, кстати сказать, к этим накидкам. Их делали из широких листьев какого-то растения, проклеивая швы растительным же клеем.

Вопреки моим опасениям, Луч сразу понял, что я предлагаю. Я показал ему, как регулируется аппарат, и спросил, сколько времени он может слушать. Он ответил:

— Один наш день... или больше...

Сутки на Планете примерно соответствовали трем земным суткам. Я предполагал, что видящие выносливы, но этого я, признаться, не ожидал.

Луч сел в кресло перед электронной машиной, к которой был подсоединен читающий аппарат, я нажал клавишу и... И ничего не произошло. Разумеется, с моей точки зрения. Частота звуковых колебаний при большой скорости читающего аппарата стала настолько высокой, что звук превратился в ультразвук. Я ничего не услышал. Но видящий еще увеличил скорость чтения...

Я поднялся в рубку. Теперь мне оставалось только ждать.

* * *

На экране, за спиной Шевцова, открылась дверь. В радиорубку вошла женщина. Она подала Шевцову листок бумаги, улыбнулась, и Ланской встретил ее взгляд.

— Узнаете? — спросил Тессем скульптора.

— Это...

— Да. Сейчас, как я вам говорил, Шевцов летит с большим экипажем. Исследовательский Совет долго обсуждал проблему Видящих Суть Вещей. Решено оказать помощь. Пусть на первых порах непрошенную помощь. Завтра будет опубликовано решение Совета.

— Но эта женщина... она...

— Да. Она ждала. Она тоже была в полете. И когда Шевцов вернулся на Землю... А вас удивило, что она по-прежнему молода?

Женщина на экране приветственно махнула рукой и вышла из радиорубки.

— Передачи со Станции уже прекращены, — сказал Тессем. — Сейчас мы только принимаем.

— Я представлял ее себе иначе, — задумчиво проговорил Ланской. — Собственно, она почти такая. Такая... и не такая. Лицо рафаэлевой Мадонны, а глаза... глаза, как у чертенка.

Инженер рассмеялся.

— А вы поверили Шевцову, когда он говорил о глазах — «озеро, тающее в светизне»? Никто так плохо не знает женщину, как человек в нее влюбленный.

— Контраст поразительный, — думая о своем, сказал Ланской. — Здесь скульптура бессильна. Глаза мы передавать не можем.

— Вы можете передать душу, — возразил Тессем. — Вы видели — и это найдет выражение.

— Скажите, — спросил Ланской, — а почему вы упомянули о том, что Станция только принимает?

Тессем усмехнулся.

— У меня еще остался рислинг. Жаль, что Шевцов нас не услышит. Но мы с вами произнесем тост за женщин.

* * *

— Прогнозы неприятные, — продолжал Шевцов. — Помехи быстро растут, нам приходится тратить много энергии на поддержание связи. Что же мне еще вам рассказать?..

Итак, я ждал в рубке, а видящий сидел внизу, у электронной машины. Время тянулось невыносимо медленно — бесконечные тройные сутки. Несколько раз я спускался в кают-компанию. Луч бесстрастно смотрел на машину. Но в красных глазах его бушевали снопы искр. Еще ни разу я не видел, чтобы их было так много. Это походило на вспененное, клокочущее море, когда под белой пеной уже нельзя различить самой синевы волн. В глазах видящего бились, пульсировали, дрожали потоки светлых искр — и я понял, насколько велико напряжение, скрытое за бесстрастной полуулыбкой.

Давно отшумела гроза. Большой Сириус поднялся к зениту и, казалось, навсегда там остановился. Я работал в моторном отсеке, дремал, пытался читать... Прошло свыше восьмидесяти часов, когда я заметил, что лицо видящего уже не бесстрастно. Быть может, я ошибался. Не знаю. Но

мне показалось, что лицо Луча становилось то грустным, то радостным. Это было едва ощутимо. Легкая тень — не больше.

Я поднялся в рубку и настроил аппарат электросна. Эти трое суток стоили мне многого. Я едва держался на ногах.

Через четыре часа аппарат разбудил меня. В кают-компании никого не было. Видящий ушел. Электронная машина не работала.

И снова потянулись бесконечные, изнурительные, наполненные тяжелыми сомнениями часы ожидания. Черт побери, какие только ужасы не рисовали романисты, описывая приключения на неисследованных планетах: песчаные бури, атомные взрывы, электрические медузы... А тут приветливо светил Большой Сириус, ветер ласково раскачивал причудливые деревья, все было тихо и спокойно. Но в этой тишине я отдал на суд Видящих Суть Вещей всю историю человечества — и это волновало меня несоизмеримо больше, чем любая буря или нашествие ящеров. Как бы я хотел, чтобы на моем месте оказался один из тех, кто с такой легкостью описывал встречи чужих миров! Встретились, моментально поняли друг друга, поболтали и разошлись... Какой вздор!

А время шло. Да, теперь я до конца осознал глубокую мудрость старого наставления, предостерегавшего от рискованных экспериментов с обитателями чужих планет. Видящий не появлялся, и я начинал думать, что это и есть его ответ.

Наступил вечер. Большой Сириус сменился в небе Малым. Потом и Малый скрылся за горизонтом. Это было что-то вроде белой ночи, предвещавшей близкий восход Большого Сириуса.

Я ждал. Я решил ждать еще шестьдесят часов.

Но прошло семьдесят часов, и я сказал себе: «Еще десять». Чисто механически — как во сне — я готовил «Поиск» к отлету. Мысли же мои... Да, в этот день, бреясь, я думал о

видящих, я долго стирал мыльную пену с висков. Пена не сходила. Это была седина.

До срока — последнего срока — оставалось несколько часов. Я сидел на ступеньках трапа. Над лесом поднимался раскаленный шар Большого Сириуса. Он горел таким пронзительно бело-голубым светом, что мне показалось: вот сейчас потухнет, перегорит... Но он не перегорал. Он лез вверх, и тень корабля съеживалась. В ослепительных лучах Большого Сириуса белый шар сиял, как маленькое солнце. Я обратил внимание на любопытное явление: белый шар не давал тени. До сих пор не знаю, как это можно объяснить.

Становилось жарко. Я встал и в последний раз посмотрел на оранжевые деревья. Потом обернулся к люку. И в это время сзади послышался спокойный голос:

— Не уходи...

У трапа стоял Луч.

Не знаю, почему я не заметил его раньше. Быть может, потому что он шел со стороны Большого Сириуса и бьющий в упор свет делал прозрачное тело почти невидимым. С трудом можно было различить только швы накидки.

Я быстро спустился вниз. Мы стояли там, где кончалась короткая тень корабля. Стояли рядом — лицом к лицу. Я думал, что сейчас мы расстанемся. «Поиск» должен вернуться на Землю. Иначе сюда прилетит другой корабль — и все повторится сначала... Я должен предупредить, рассказать. Должен объяснить, какая катастрофа угрожает Планете.

Большой Сириус полз к зениту. Подступала жара — душная, опаляющая. Красные глаза Видящего Суть Вещей в упор смотрели на меня. А потом...

* * *

Они стояли там, где кончалась короткая тень корабля. От черной, нагретой двумя солнцами, почвы струились раскаленные потоки воздуха. В этих изломанных потоках

оранжево-красные деревья дрожали, как пламя, колеблемое ветром. От яркого света у Шевцова болели виски.

— Ты... покидаешь... — сказал Луч.

Шевцов вздрогнул. Машинально ответил:

— Да.

Потом спросил:

— Откуда ты знаешь?

Видящий покачал головой.

— Знаю все... ты покидаешь... придут другие...

В глазах у него сквозь мерцающий розовый ореол вспыхнули светлые искорки. Шевцов подумал: «Назад, скорее назад!» — и не смог сделать ни одного шага. Мысль погасла, ушла. Искорки притягивали, манили, как омут...

Видения, возникшие в розовой дымке, были удивительно знакомыми. Шевцов увидел систему Сириуса — две звезды и три планеты, — увидел спутник около одной из планет. Потом спутник загорелся, и Шевцов понял, что он видит отражение своих же собственных мыслей. Да, это были его мысли, предположения, сомнения, расчеты, формулы, схемы...

Розовый ореол начал сжиматься, как тень корабля при восходе Большого Сириуса. Видящий загадочно улыбался. А может быть, Шевцову только казалось, что он улыбается.

— Знаю... — повторил Луч.

Теперь Шевцов понимал: да, знает. Видящие читали мысли. Они долго молчали. Знойный, прокаленный ветер нес мятные запахи.

— Люди... мало живут... — задумчиво проговорил Видящий Суть Вещей. — Всегда в дороге...

— Мало, — согласился Шевцов. — Но мы научимся жить долго. Мы только начинаем свою дорогу.

— Иди... — сказал Луч. — Буду смотреть...

Шевцов кивнул.

— Прощай. Отойди к деревьям.

Ему было немного обидно (он сам не хотел себе в этом признаваться), что Луч так легко расстается с ним.

Мелькнула мысль: «Снова применяю наши понятия... Ведь несколько десятилетий для видящих — ничто, во всяком случае — очень мало».

— Прощай, — повторил Шевцов.

Видящий отошел в сторону, исчез в лучах Большого Сириуса. Шевцов поднялся по трапу, оглянулся. Вокруг корабля лежала раскаленная почва. Белый шар медленно уплывал к лесу. Казалось, он знал, что корабль сейчас улетит...

* * *

— А потом, — продолжал Шевцов, — я поднялся в рубку и включил ионный ускоритель. Ожили приборы, корабль задрожал от предстартовой вибрации — и я почувствовал, что с этой минуты начинается мое возвращение в наш мир. Там, за бортом корабля, был чужой мир. А здесь — мой мир, наш мир. Умный, дерзкий, могучий.

Я поднял «Поиск» над поляной. Включил усилители телеэкрана. Возле спирального дерева — его свернувшийся ствол был похож на туловище гигантской змеи — стоял Луч. Как всегда, видящий загадочно улыбался. Он не мог меня услышать, но я сказал ему:

— Наша жизнь коротка. И мы всегда в дороге. Когда-нибудь мы научимся делать жизнь длиннее. Но и тогда она будет для нас короткой, ибо мы вечно будем идти вперед по пути, которому нет конца. Именно потому человек и стал Человеком...

* * *

Ланской подошел к окну. Голос Шевцова еще пробивался сквозь нарастающий шум Звездного Мира. Ланской слышал и не слышал этот голос. Он думал о том, что где-то за миллионы километров от Земли летит корабль Шевцова. Впереди — долгий полный опасностей путь. Впереди — то,

что Тессем назвал «проблемой Видящих Суть Вещей». Как будет решена эта проблема?.. Станут ли люди старшими братьями Видящих Суть Вещей? Именно старшими, ибо опыт и воля людей, их прошлое и настоящее дают им это трудное право.

... В круглом вырезе окна светили бесчисленные звезды. Казалось, их лучи стучат в оконное стекло: «Видишь, человек, сколько нас. Твоей жизни не хватит, чтобы сосчитать...» Их было действительно много. И даже между заездами небо мерцало, словно в бездонной его глубине таились мириады светил, недоступных человеческому взору.

Изредка огненная линия метеора прочерчивала небо. Временами похожие на дым облака наползали на звезды. Но призрачный огонек метеора мгновенно таял в ночи, а ветер придавливал облака к Земле. И небо оставалось таким, каким было, — огромным, неизменным, величественным.

«Искусство всегда жило человеческими масштабами, — думал Ланской. — Вот любовь... Два человека любят друг друга — и сколько об этом написано книг, изваяно статуй, сколько создано музыки... Во все времена и на все случаи. И так с ревностью, со скупостью, со смелостью. Анализ страстей был доведен до микроскопической точности. А теперь искусству, кажется, придется сменить микроскоп на телескоп. Изменились масштабы человеческих страстей.

Космос — слишком большая сцена, чтобы на ней разыгрывать старые пьесы. Космическим масштабам сцены должны соответствовать и космические масштабы событий, дерзаний, свершений. А может быть, я ошибаюсь? Ведь и в звездную эпоху будут любовь и ревность, смелость и трусость, щедрость и скупость... Что ж, в потоке воды каждая частица движется по-своему, однако все вместе текут в одну сторону. Так и люди: они могут быть заняты своими делами, их могут поглощать свои страсти, но все вместе они теперь идут к звездам. Значит, и искусство, опережая их, должно идти к звездам.

Но это очень трудно — показать человека, бросившего вызов необъятному небу. Какая статуя вместит мужество, силу, слабость, дерзость и доброту идущего к звездам человека... Как отразить в камне одновременно и спокойную мощь знания, и буйный порыв романтики, и светлую грусть лирики...

Искусство, каким ты иногда бываешь бессильным!»

Это было время, когда корабли впервые достигли планет, населенных другими разумными существами. Чужие миры оказались не похожими на прошлое Земли, не похожими на ее будущее. И потому робкими были первые шаги людей в чужих мирах.

Не без колебаний отдали люди свою историю на нелицеприятный суд других разумных существ. И услышали ответ: «Да, вы прошли суровый и тяжелый путь. Вы дорогой ценой заплатили за свое знание и свое счастье. Но вы беспредельно закалили волю и получили право бросить вызов любым невзгодам».

Это был о время великих свершений. Еще долог был путь даже до ближайших звезд. Еще погибали многие корабли на неизведанных звездных дорогах: но люди уже начинали перестраивать Вселенную. Они покрывали плотной пеленой атмосферы безжизненные планеты, и благодатный дождь впервые проливался на иссушенные пески. Они зажигали новые — пока небольшие — солнца, и жаркие лучи пронизывали извечный мрак...

Не только открывателями, но и строителями пришли люди в Космос. Уже в первых полетах люди не оставались безучастными наблюдателями. Мир был устроен слишком плохо, чтобы любоваться им. Вселенная ждала человека, его жадных рук, его великого ума, его непостижимого стремления всегда идти вперед. И человек откликнулся на зов Звездного Мира. Человек уже знал, что просто невозможно придумать такую задачу, которая когда-нибудь не будет решена.

Это было время, принесшее людям понимание простой, в сущности, истины, что им принадлежит не Земля, не Солнечная система, но весь безграничный Звездный Мир.

Валерий Ананьин

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

«Последнее, что помнил профессор, был страшный, нечеловеческий крик девушки, как будто что-то оборвавший в его сознании. Грэмс Пул прыгнул, в два скачка достиг места ужасной схватки, поднял пистолет. Ослепительная струя ударила в черный бок чудовища и...»

Привалов захлопнул книгу. «Тайна Мрачной Звезды». Ну, конечно. Тайна... Чудовища. Опасности. Его всегда раздражали такие книги. Конечно, в космосе случается всякое. И он, Привалов, мог бы кое-что припомнить, хватило бы для целого романа. Но ведь главное-то не это! И потом, в правильно организованной экспедиции не должно быть происшествий. Если они и случаются, это только помеха работе.

Впрочем, шут с ними, с этими книгами. Жаль только, что они портят таких парней, как Хромов. Романтик. Он, видно, с детства еще начитался подобных книжонок. Он и сюда, на Геру, прилетел, мечтая о загадочных пещерах, чудовищах, захватывающих открытиях.

Привалов усмехнулся.

Пришлось парню распроститься с соблазнительными мечтами. Надо было строить Станцию. Не хватало материалов. Кругом, куда ни глянь, черный песок до самого горизонта да скалы. Вот тебе и романтика. Сколько раз приходилось уходить на ночь в шурфы. Работали без отдыха. Утром встаешь усталый — электросон мало помогал, — и лезешь в скафандр, идешь долбить проклятые скалы. Семидесятиградусная жара. Не до экспедиций за флорой и фауной. Потом привезли автоматы. Но с ними на первых порах было еще больше хлопот: только что созданные земными инженерами, они были еще капризны, часто ломались, а иногда начинали вытворять непонятно что. Да, было нелегко.

Чудовища не докучали — здесь так и не нашли что-нибудь заслуживающее внимания, кроме песчаных ящериц (впрочем, досконально пески так и не обследовали — не было времени). Да, чудовищ не было. Зато случались голодовки, особенно вначале, когда снабжение не было налажено, были недосыпания. Не было занимательных открытий — был песок, один песок, с утра до ночи. Его следовало рыть, перевозить, укладывать, трамбовать, бетонировать. Потом надо было возиться с металлическими секциями будущей Станции, подгонять, соединять, переставлять. Потом подсобные помещения: склады, ангары, маяки, телевышки... Тем, другим, было легче. Западная, Южная, Снежная и Новая Станции строились позже и не в таких адовых условиях, как их. Зато они здесь самые старые и опытные «отшельники», как называют работающих на далеких станциях. Глупое название.

Привалов потер рукой лоб и отбросил книгу в яркой обложке. Вот здесь, в этих песках и поколебались представления Хромова о космической романтике. Что ж, надо признать, работал он хорошо, но Привалов видел: Хромову тяжело. Тогда, во время строительства Станции, он как будто привык смотреть трезво на жизнь Путешественников. А теперь опять что-то зачудил. Наверное, думает, что обездолили его, сердится на свою судьбу: возись в песке — какое уж тут геройство.

То, что он хочет сбежать отсюда в какую-нибудь звездную, так это блажь и мальчишество. Хромов опытный инженер, и он нужен здесь, на Станции. Он сем ее строил, знает все до последнего шва.

Неизвестно, кого прислали бы еще взамен. К Хромову, Привалов уже привык. И нечего ему чудить. Натащил себе книг о приключениях, даже фильмотекой не обзавелся, а насобирал старых, печатных изданий. Ему, видите ли, так кажется увлекательней. Ну, сегодня он с ним поговорит серьезно, как только Хромов и Захарченко вернутся с Южной.

Захарченко. Вот уж полная противоположность Хромову. Степенный, рассудительный. Его прислали взамен технике, сломавшего руку во время песчаной бури. Станцию они отстояли, но веселый американец Стив Стейн улетел на Землю, а вместо него прилетел Захарченко. Привалов сначала отнесся к новичку настороженно. Но Захарченко работал мастерски — ничуть не хуже старичков. И он не хочет отсюда уезжать: крепко любит свое дело.

Привалов встал и подошел к окну. День клонился к вечеру. Право, слово «природа» не вязалось с мрачным ландшафтом за окном станции. К горизонту, словно застывшие волны фантастического моря, уходили черные барханы. Черный цвет песка усиливал впечатление, и было что-то неестественное в неподвижности этих волн. Зеленые лучи раскаленного светила придавали зловещий оттенок всей картине. Впрочем, так показалось бы новичку. И Привалов, и другие давно привыкли: пейзаж казался им не более странным, чем во всех тех мирах, где им приходилось бывать. На севере, в зеленых бликах, режущих глаза, можно было различить поднимавшиеся невысоко над равниной темные зубцы. Это были скалы Рудника, где еще семь лет назад собирались начать разработку ириниевой руды. Но руда оказалась бедной, месторождение признали не заслуживающим внимания, и работы

прекратили. Отдельные редкие небольшие скалы и камни поднимались то тут, то там из песка, как коралловые рифы среди морских волн. И так везде — песок и камни, скалы и песок.

Вся планета была покрыта этим черным саваном умирающего мира. Она остыла миллиарды лет назад. Этот песок и камни — все что осталось от громадных горных хребтов, некогда покрывавших ее. Время, зеленый зной и ветры объединились, чтобы сгладить лицо планеты. Морей здесь, вероятно, не было никогда. Вода находилась только в кристаллическом состоянии. Воздух почти сплошь состоял из азота. Зато песчаных бурь было в достатке, и любопытно: казалось бы, здесь нет места никакой жизни — даже бактерии не были обнаружены в почве и атмосфере планеты, и — на тебе! — каким-то чудом сохранились и живут странные существа, похожие на больших ящериц. Днем они прячутся в песках, а ночью вылезают на камни и сидят, словно страшные изваяния, мгновенно исчезая, если к ним приблизиться. Подойти незамеченным нет никакой возможности. Как они обнаруживают врага, неизвестно. Чем они питаются, что из себя представляют — неизвестно. За восемь лет не удалось поймать ни одной «ящерицы».

Из растительности — одни только черные отвратительные колючки с неимоверно длинными корнями. Вообще, тоскливая планета. Здесь часто возникают в песках странные звуки, иногда напоминающие отдаленно человеческие голоса. Вряд ли это голоса здешних обитателей. Скорее всего эти «звуковые тиражи», как их здесь называют, — работа песка и ветра. Во всяком случае, новички могут принять голос пустыни за человеческий зов... Привалов вспомнил, как давно, в первый год колонизации, погиб молодой инженер. Он заблудился в песках, разыскивая несуществующего человека.

...Над горизонтом оставался только край зеленого светила. Пожалуй, скоро они вернутся, Хромов и Захарченко.

С тех пор, как люди высадились на планете, кое-что изменилось в тоскливом ландшафте. Вот с запада видно колоссальное сооружение маяк-излучатель. Этих циклопических вышек, которым не страшны никакие бури, сейчас насчитывается полдесятка. А как трудно было построить первый излучатель! Вышки и громадные здания пяти энергостанций, отдаленных друг от друга на сотни километров, все-таки придают этой части планеты более обжитой вид. Привалов усмехнулся. Вот даже семьи с Земли начали привозить. Еще вчера на Западную с очередным рейсом должна была прилететь семья к начальнику Станции. Интересно, прилетели ли? Что-то с утра Западная молчит. Опять неполадки со связью... Уж он-то своих сюда бы не затащил.

Наверное, скоро пять. Вот-вот они вернутся.

* * *

С запада на юго-восток пролегала широкая битудиновая полоса — Тракт, он связывал между собой станции. На его постройку пошел тот самый песок, который навевает такую тоску своей бесконечностью и унылым цветом. Машинам для производства битудина нужен никель. Раньше в битудиномешалки вместе с песком добавляли этот металл, доставка которого на Геру обходилась недешево. При анализе здешнего песка оказалось, что местами он содержит большое количество окислов никеля. Так что этот песок послужил готовым материалом для битудина. И пустыню покрыли язвы — глубокие шурфы, ямы, карьеры, оставшиеся на месте выбранного богатого никелем песка...

Привалов протянул руку к кнопке и погасил лампы. Так лучше виден Тракт. Он прислушался, не слышно ли гула вездехода. В пять они должны вернуться. Если случится что-нибудь непредвиденное, они дадут знать. Но блок связи молчал. Значит, все в порядке. Они должны быть с минуты на минуту. И нечего беспокоиться. Что может случиться в такой дыре, как эта планетка, да еще на сотни раз

объезженном Тракте. Бури нет. Впрочем, вездеходу она не страшна. И нечего зря волноваться.

...Хромов никогда не опаздывал. Только один раз, давно, еще в первый год пребывания здесь. Но тогда не было еще Тракта, и вездеход застрял в песках — расстроился реактор. Хромов сразу же вызвал тогда Привалова. Связь у них отказывала несколько раз за эти годы — два раза между станциями и один раз в вездеходе, ушедшем на запад. Но тогда вездеход пришел вовремя. Привалов подумал, что давно уже не проверял машины, целиком полагаясь на ассистентов.

Сегодня они очень торопились, собирались в спешке — с Южной передавали, что нашли что-то интересное, кажется, какую-то постройку. Ну, это фантастика. За восемь лет здесь ни разу ничего не находили. Хромов особенно был возбужден, весь загорелся.

...Пожалуй, стоит запросить Южную. Что? Южная вызывает Привалова. Так. Наверное, они остались там. Неужели это их открытие — не ошибка?

Он подошел к пульту. Анри Легран, начальник Южной энергостанции, видимо, был чем-то встревожен.

— Здравствуйте, Привалов. Вездеход у вас?

Так и есть. Что-то случилось. Привалов нахмурился.

— Нет, Анри. Вездеход не пришел.

Тревога на лице Леграна сразу стала заметней.

— Не пришел? А связь? Вызовы были?

— Нет. Вызовов не было.

Легран помолчал. Молчал и Привалов, чувствуя, что надвигается что-то нелепое, ненужное и страшное.

— Они выехали с Южной в три, как и было условлено. Строения эти ерунда. Нашим парням так хотелось что-нибудь открыть, что они приняли за следы каких-то поселенцев естественные нагромождения скал. Правда, довольно причудливо для природы. Ваш Хромов так расстроился, что жалко было смотреть. Еще до выезда они жаловались, что вездеход не совсем в порядке. («Не проверил машину», — подумал Привалов). Потом с дороги они передали, что стоят

на Тракте и чинятся. На восемьдесят шестом километре. Но успокоили, что справятся быстро и успеют к пяти домой. Потом начала барахлить связь. Сначала они передали, что не могут вызвать вас. Одностороннее повреждение. Работает только наш канал. Потом, видно, и там что-то испортилось. Им удалось передать, что поломка исправлена и они сейчас едут домой и чтоб не волновались за них. Потом несколько отрывочных сообщений, потом... потом они передали что-то странное. Вы слышите, Привалов? Они передали, что им... что они слышали в песках плач. Понимаете? Плач ребенка. Это было очень странно. Мы попросили повторить. Они передали что-то, но связь окончательно испортилась, и мы приняли только одно слово — «поиски». Потом вездеход замолчал.

— Вы понимаете, Привалов? Какая-то ерунда. Плач. Какой плач? Откуда взяться ребенку в пустыне? Откуда здесь вообще взяться ребенку?

Привалов молчал. Он думал.

— Плач?

— Ну, да. Конечно, обычный мираж.

Да, конечно, мираж. Странное сообщение.

— На станциях ведь нет ребят, Анри? — спросил Привалов, хотя знал, что нет.

— Нет, конечно! Вы же знаете не хуже меня. Да и они тоже. Сумасшедшие! Нет, вы подумайте: клюнуть на мираж! Я организую поиски. Поднимем все Станции. Черт знает, что делается сейчас у них в песках! — сердито повторил он. Маленький француз был возмущен и расстроен.

— Да, — сказал Привалов. — Я еду.

— Мы тоже выедем скоро. Надо торопиться. Неизвестно, сколько продлятся поиски. У них может кончиться кислород. Счастливо, Привалов.

* * *

...Кислорода им хватит надолго, думал Привалов, торопливо натягивая скафандр. Они всегда брали запасной баллон. Но зачем их понесло в пески? Они же не новички. Особенно Захарченко, рассудительный Захарченко. Нет, тут что-то не то. Но ребенок! В самом деле, откуда взяться здесь ребенку?! У сотрудников Станций нет детей. Чепуха какая-то. Плач? Это немыслимо. Причем плач ребенка, ребенка, а не взрослого! Непонятно. Неужели все-таки обманулись? Разочарование после неудачи на Южной, взвинченные нервы?.. Но нет, Хромов еще мог бы, но Захарченко...

Выводя вездеход из ангара, он вспомнил, что не взял запасного баллона, и вернулся к стойке. Беря баллон, окинул стойку взглядом. Что такое? Пересчитал баллоны. Все на месте. Значит они в спешке забыли запасной баллон. Дело осложняется. Если до утра их не найдут или они не явятся сами... Скверно. Правда, может, они на Южной взяли? Вряд ли. Скорее всего, они и не вспомнили. Обычно до запасного баллона дело никогда не доходило.

Да, надо торопиться.

Разворачивая вездеход на Тракт, он связался с Анри. В маленьком экранчике вездехода возникло аскетическое лицо помощника Анри-Курта Фрорига.

— Салют, Курт. Где шеф?

— Собирается на поиски. Мы оповещаем все станции. Только Западная молчит что-то. С утра как не было связи, так до сих пор. Мы послали нарочного. Ты выезжаешь?

— Да. Они у вас не взяли кислорода?

— Нет. А что, у них нет запасного баллона?

— Забыли. И я не проверил.

— Плохо. Надо спешить.

— Есть какие-нибудь новости?

— Похоже, что ребята двинулись в пески кого-то искать. Темное дело. Найдем — узнаем.

— Говоришь, с Западной нет связи?

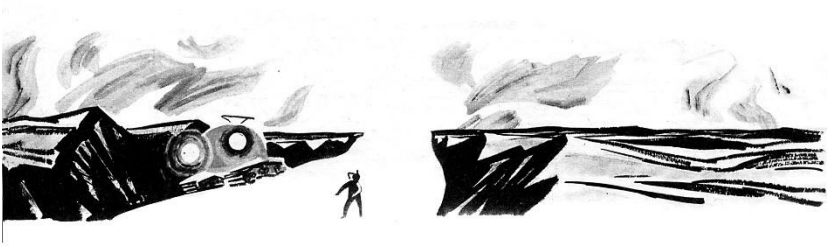
— Нет.
— Ну, счастливо.
— Счастливо.

* * *

Мрак летел по сторонам, отпугиваемый светом прожекторов вездехода. Может быть, они где-нибудь в песках сейчас справа или слева, а он проносится мимо. Но спокойствие. Спокойствие. К утру их надо найти. Найти... если не отыщутся сами. Порча связи еще ни о чем не говорит. Может, они уже держат путь на Станцию, уверившись в нелепости своих фантазий. Фантазий или... Нет, чепуха. Просто нервы, расстроенные неудачей с этим «открытием». Привалов опять вспомнил погибшего инженера, и предположения одно чудовищней другого полезли ему в голову. Усилием воли он отогнал их. На заре человечества люди придумали миф о существах, заманивающих путешественников на гибель пением... Ну ладно, что он, в самом деле... Тот инженер погиб из-за своей неопытности. И вообще нечего с ума сходить. Они же не новички. Да и поселок теперь не тот, что раньше. Они сейчас не могли заблудиться.

Полоса битудина мчалась навстречу. По пескам так не пойдешь. Привалов взглянул на светящийся экранчик, где на разграфленном поле со светлыми цифрами по темной дорожке, означающей Тракт, полз светлячок — указатель его вездехода. Вот он, восемьдесят шестой километр. Где-то здесь...

Место, где они чинили машину, он нашел сразу. Большое темное пятно, оказавшееся лужей охлаждающей жидкости, бросилось в глаза раньше, чем он увидел вешку с красным огоньком — знаком аварии (эти складные вешки делались по принципу старинных игрушек — в полусферическую опору заливался свинец). Видимо, что-то заставило их забыть о вешке, когда поломка была исправлена.



Около лужи он нашел пробку от охладительного бака с сорванной резьбой и выброшенное треснувшее колено змеевика. Ясно. Авария в системе охлаждения. Для ее устранения нужно выйти наружу. Исправляя неполадку, они, вероятно, и услышали эти звуки. Анри прав — они отправились на поиски, но куда? Вездеход почти не оставляет следов на битудине. Они свернули в пески, конечно, но где? Он сошел с Тракта и двинулся по обочине, пытаясь найти следы вездехода на песке. Он прошел сотню метров на запад и ничего не нашел. Тогда он вернулся и начал исследовать обочины в противоположном направлении. И почти сразу же наткнулся на рыхлую колею — след вездехода. Он шел вкось от Тракта в глубь песков.

Он бегом вернулся к своему вездеходу. Сворачивая на след, подумал, что теперь близок к цели.

Вездеход теперь двигался медленнее. Привалов внимательно вглядывался в нечеткий след. Сначала они двигались прямо, очевидно, ориентируясь на «голос», затем, примерно через километр, начали петлять. Видимо, звуки прекратились. Привалов подумал, что такой ночью в пустыне слышно далеко. Вот они опять выровнялись и направились куда-то в сторону — почти параллельно Тракту.

Неожиданно изменилась почва под гусеницами: вместо сыпучих барханов под вездеходом была теперь черная, плотная, в трещинах земля, на которой следы почти исчезли. «Зеркало, будь оно проклято», — выругался Привалов, Зеркалами называли плотные участки слежавшегося песка, сдавленного давным-давно какой-то неведомой силой. Это была одна из загадок планеты. «Зеркала» и

натолкнули наиболее увлекающиеся умы на предположения об исчезнувших мыслящих обитателях планеты.

Еле заметные следы, оставленные на грунте, заставили Привалова еще уменьшить скорость. И все-таки он проглядел место, где они свернули. Не видя больше следов, он повернул обратно. Наконец он нашел место поворота. Но здесь следы были странные, как будто вездеход несколько раз крутанулся на одной гусенице. Он остановил машину и вылез. Да, так и есть. Они здесь останавливались. Высматривали кого, что ли? Это «зеркало», будь оно неладно! Он опустился на четвереньки и стал внимательно изучать трещиноватую землю. Наконец он нашел то, что искал: еле заметную вмятину от башмака. Так. Значит, они выходили. Но зачем? Сколько он ни искал, больше ничего не мог разглядеть на плоской поверхности «зеркала». Потом, вероятно, они снова сели в вездеход и направились... куда?

Неужели обратно? Выходит так. Впереди и в стороне следов нет. Ну, что ж. Значит, сейчас они уже дома. Странно только, что он их не встретил, но, видно, они выехали на Тракт уже позади его. Ладно. Ну, и даст он им нагоняй на Станции.

* * *

Он сел в вездеход и направился домой. Он больше не сомневался, что они двинулись к Станции — следы шли к Тракту. Они срезали путь. Так. Известить, что ли, Анри? Нет, по приезде. Он взглянул на часы. За это время он ни разу на них не смотрел и удивился: оказывается, прошло уже три часа с тех пор, как он начал поиски. Интересно, где их сейчас ищут Анри и остальные? Он выехал раньше их примерно на полчаса. Потом от места, где они чинили поломку, до Южной 300 километров — почти в три с половиной раза дальше, чем от Восточной. Ну, ладно, теперь домой. А кислороду-то им только на два часа. Через три часа рассвет.

...Что-то в мелькавших впереди следах тревожило его. Наконец он понял: они спешили, страшно спешили, судя по расстоянию между зубцами по краю следа. Пожалуй, шли на предельной. Странно. С чего бы им так спешить? Кислороду им хватит добраться до Станции. Сейчас они уже близко, если... Почему они спешили? Спасались от кого, что ли? Эта мысль напомнила ему, что еще ничего неизвестно. По пескам с такой скоростью... а вдруг скала на дороге. Хотели пораньше домой попасть, боялись нагоняя? Нельзя по пескам с такой скоростью, они же это знают.

Вездеход вполз на небольшой холмик. Дальше путь пошел под уклон. Внезапно впереди сверкнула яркая полоска, и, прежде чем он успел сообразить, что это отразился от края огромной ямы свет, рука его инстинктивно нажала, красную кнопку. Вездеход замер метрах в пятнадцати от края. Привалов откинулся на сиденье. Едва не попал в историю. Это был один из шурфов, вернее карьер, где добывали никелевый песок для Тракта. Придется объезжать, мелькнула мысль, и тут же в мозг, в виски ударило жарко:

— А их вездеход?!

Он до слез всматривался в яркую дорожку, бросаемую прожектором, и не верил, не мог поверить тому, что видит. Следы кончались на краю обрыва. И там, где они кончались, край был измят, изрыт, осыпан, а дальше начиналась темнота.

* * *

Сначала он подумал, что товарищи наверняка погибли, и горечь, боль непоправимого несчастья оглушила его.

Но потом первое потрясение прошло. Привалов мысленно представил себе прочный надежный корпус вездехода, и у него появилась надежда. Может быть, они живы, пусть разбиты, искалечены, но живы. А он сидит здесь вместо того, чтобы спасать товарищей. Он вскочил.

От вездехода до пропасти семнадцать шагов. С первого взгляда он определил, что карьер старый, не очень большой в диаметре, но глубокий. От края, осыпавшегося под тяжестью свалившейся машины, начинался не отвесный обрыв, а крутой скат, правда, очень крутой, но все-таки скат. Конечно, машина не съехала по нему — для этого он был слишком крут и слишком велика скорость машины, — она падала, вероятно, перевернулась в воздухе, ударяясь о стену. Он представил, что чувствовали они, когда падали в неизвестность, и ему опять стало жарко.

Он лег животом на песок и свесился по грудь в яму. Да, карьер был глубок. И далеко на дне он увидел неясное туманное пятно: свет прожектора свалившегося вездехода, пробивавшийся сквозь плотные клубы какого-то фиолетового тумана. Нагрудный прожектор скользнул по скату, вырывая из темноты лесок, сыпавшийся то тут, то там мелкими струйками, редкие колючки, зловеще торчащие из ската, камни, выступающие кое-где из песка. Противоположная стена карьера метрах в восьмидесяти почти не различалась в темноте — луч нагрудного прожектора рассеивался в плотном воздухе.

Все же сквозь испарения Привалов смутно различил то, что сразу прибавило тревоги и уменьшило надежду на благополучный исход: внизу были камни. Но пятно света на дне обнадеживало. Он решился и крикнул. Лотом еще раз. Яма громко ответила, повторяя на разные голоса его крик. Но ответного крика человека не было. Он крикнул еще раз, менее уверенно, и, опять не дождавшись ответа, вернулся в вездеход, чтобы захватить аптечку, кислород и кое-какие инструменты.

Он повернулся спиной к яме, лег на край ската и начал спуск.

И в эту минуту он услышал плач.

...Как странно, думал впоследствии Привалов, все-таки человек никогда не может сказать, что изучил себя в совершенстве.

Он всегда считал, что раз любое, даже самое непонятное на первый взгляд, явление можно объяснить с позиций науки, то дико и бессмысленно страшиться этого непонятного только потому, что оно непонятно, не зная, чем в действительности может оно угрожать человеку. Он думал, что достаточно воли и логического мышления, чтобы подавить в себе страх, который он считал одним из проявлений атавизма. Он даже думал, что ему удалось это сделать, и заслуженно слыл бесстрашным человеком. Но в первую секунду, когда он услышал этот плач...

* * *

Он замер, прислушиваясь, в нелепом положении: одна нога, вытянутая так, что заныли суставы, с трудом нащупывала более или менее твердое место, на которое можно было бы опереться; другая, согнутая в колене, — у подбородка. И руки — одна, цепляющаяся за кромку обрыва, другая, придерживающая аптечку. На секунду его охватил такой дикий страх, что он, безусловно, храбрый человек, готов был разжать руки и, зажмурившись, лететь вниз, в пропасть, в тартары, лишь бы не слышать этих звуков. Но сейчас же он взял себя в руки. Он не мог оглянуться назад и вниз и только повернул в сторону голову, чтобы лучше слышать. Плач доносился, несомненно, снизу, очень слабо, приглушенный и прерывающийся. Плакал ребенок, всхлипывая и заунывно выводя что-то такое жалобное, знакомое, что Привалов на секунду забыл, где находится, и ему показалось, что там, в фиолетовой клубящейся яме, плачет его Колька. Но он тотчас же очнулся и начал выбираться из ямы. С трудом подтянув грузное тело, он налег грудью и локтями на край, еще немного — и он встал на четвереньки на краю ямы. Плач прекратился. Внизу по-прежнему шевелились испарения и угадывались тени камней. Он вскочил.

— Э-эй! — крикнул он в яму и прислушался. Ему опять послышался плач, на этот раз громче. Он что-то пробормотал про себя и почти бегом направился к своему вездеходу.

У люка он остановился.

— Какая ерунда! — сказал громко.

Затем решительно влез внутрь и, плюхнувшись на сиденье, включил экран. Секунду ждал. Потом на экране появилась голова в таком же, как у него, цилиндрическом прозрачном шлеме; слуховые раструбы придавали голове в шлеме неуловимо комический и карикатурный вид.

— Ну, как у вас, Привалов? — кричал Анри. — Нашли их? У нас пока ничего. Куда вы пропали? Я поднял все станции. Только Западная молчит. Пришлось нарочного послать. Еще не вернулся. Были на месте их аварии? Мы сейчас там. Я...

— Я нашел их, — перебил Привалов.

— Нашли?! — лицо Анри мгновенно изменилось.

Сначала оно выражало бурную радость, потом на нем появилось нерешительное и тревожное выражение:

— Где? Что с ними было? Они живы, конечно?

— ...Я нашел их, — не слушая, продолжал Привалов. — Их зачем-то понесло в пески. К югу от Тракта. Они свалились в карьер.

— Свалились?! Как их угораздило? Но они живы? Мы немедленно едем к вам. Ну, что же вы? Живы? Вы спускались?

Привалов молчал.

Француз, казалось, смутился. Он отвел глаза от лица Привалова и быстро забормотал, проглатывая слова:

— Да... Я понимаю. Карьер. Вероятно, спуститься очень трудно... невозможно, да? Ждите нас... Не спускайтесь одни. Мы будем на месте через час. Все будем. Я передам всем вездеходам.

Слышно было, как в кабине у Анри загудел сигнал, его вызывали. Люди беспокоятся, ждут. Что он там бормочет? За час они не успеют. Полтора-два.

— Спуститься можно, — сказал Привалов.

Легран замолчал и уставился на него. Гудки продолжались.

— Анри, — медленно сказал Привалов, — что-то неладно. Я слышал плач.

Француз, казалось, не понял.

— Что? Вы слышали...

— Плач, — повторил Привалов. — В яме. Плачет ребенок. Что-то неладно.

Брови Анри взлетели вверх и остановились изумленно-испуганно изогнутыми. Он понял.

— Звуковая галлюцинация... — начал было он.

Привалов качнул головой. Анри не договорил. Да. Он забыл. Привалов опытнейший «отшельник». Его миражи не проведут.

— Слушайте, — торопливо заговорил он. — Мы едем к вам. Не спускайтесь без нас. Ни в коем случае! Какая чепуха! Это... непонятно. Ждите. Вы поняли? Вы вооружены? Впрочем, что я... конечно. Вы слышите, Петр Евгеньевич?

Привалов удивился. Анри назвал его по имени и отчеству. Он помолчал, что-то обдумывая.

— Анри, — опять заговорил он. — Это ребенок. Плачет ребенок. Очень жалобно. Ему очень плохо, Анри. С вами есть врач?

— Вы с ума сошли! Откуда он может там быть? Не спускайтесь. Ну, я прошу. Мы уже едем. Вот кто-то тут все время вызывает меня. Сейчас я им передам. Петр Евгеньевич, вы слышите? Не спускаться бы вам без нас, а?

Привалов молчал.

— Ну, хоть оружие возьмите, — с отчаянием взмолился Легран. — А все-таки, может, не спускаться? Мы едем. Ждите.

* * *

— Ерунда! — наконец, повторил он и поднялся. Аптечка мешает в руках. Где-то должен быть ремень... Где же он? Это

что? Мешок для образцов. Геологический. Отлично. Подойдет для аптечки. Теперь кислород. Тяжеловато. Ладно, ничего. Что еще? Фонарь. Можно обойтись нагрудным прожектором. На вездеходе должны быть прожекторы. Даже если они разбились... Хотя нет, он же видел свет. Так. Теперь, кажется, все.

...Загудел вызов на связь. Опять Анри. Проверяет, не спустился ли. Будет опять отговаривать. Напрасно. Он в последний раз оглядел вездеход. На сиденье рядом с пустым баллоном лежал пистолет. Некоторое время он смотрел на него. Лотом пожал плечами и сунул пистолет за пояс.

Гудок захлебывался.

Теперь все. Он толкнул люк.

Выйдя из вездехода, Привалов на секунду остановился. Ему показалось, что темнота стала еще гуще. Нет. Просто после освещенной кабины.

Он подошел к краю ямы. Внизу по-прежнему виднелось мутное пятно света, в котором клубились фиолетовые волны. Тишина. Из ямы теперь не доносилось ни звука.

— Какая ерунда! — в третий раз повторил вслух Привалов. — Откуда здесь взяться ребенку?

Потом он начал спускаться.

Это оказалось труднее, чем он думал. Проклятый песок никак не желал служить опорой. Лежа на крутом скате, Привалов отчаянно цеплялся руками за все, что попадалось, — колючки, камни, щели и выбоины в редких местах, где грунт был более слежавшимся и плотным. Мешок с аптечкой и кислородный баллон, привешенные на спину, сползли вниз и упорно старались опрокинуть его.

Стоило оторвать тело от земли, чуть приподняться, и они уже перевешивали, тянули назад, и больших трудов стоило опять обрести равновесие. Поправить же свой груз он не мог. Правда, раз он сослужил ему хорошую службу. Камень, на который оперся ногой Привалов, вырвался из-под ноги, видно, он чуть держался в стенке карьера, и Привалов, не успев ухватиться за что-нибудь, покатился вниз. Но почти

тотчас же баллон с кислородом застрял в выбоине — падение замедлилось, и Привалов сумел задержаться, вцепившись в жиденький кустик колючки. Только сейчас оценил Привалов этот нелепый вид растительности, его прочность и, главное, длинный, крепко сидевший в земле корень. Дальше он спускался еще осторожнее. Помимо всего прочего, этот камень вызвал небольшой обвал и наделал шуму, а Привалов почему-то инстинктивно старался спускаться как можно тише. Спуск был очень утомителен. Несколько раз у него мелькала мысль: положиться на счастье и просто скатиться вниз. Но он сдержался. Он не мог оглянуться и не знал, скоро ли кончится этот проклятый спуск.

Он думал, что свалившийся вездеход облегчил ему задачу, изрыв при падении стенку карьера. Еще он подумал: хорошо, что грунт оказался таким мягким, но тут же вспомнил про камни на дне. Очевидно, они перевернулись раза два, пока долетели до дна. На мгновение он увидел все это: мчащийся вездеход, Тракт, до которого надо добираться...

Они очень спешили. Почему? Конечно, они не обратили внимания, что путь идет под уклон, наверное, только увеличили скорость...

Он продолжал медленно спускаться. Прямо перед лицом он видел освещенную нагрудным прожектором темную землю, осыпавшуюся с легким шелестом струйками песка. Иногда стеклоглаз шлема касался почвы, и тогда он видел до мельчайших подробностей каждую трещину, каждую песчинку. О том, что он может увидеть там, на дне, он старался не думать. Спуск продолжался.

...Что же он слышал все-таки? Он никак не мог объяснить услышанное им, и это не давало ему покоя. Один раз он даже подумал, не прав ли Легран, не принял ли он галлюцинацию за действительность, но тут же с сомнением покачал головой. Опять у него возникло ощущение, что он близок к разгадке.

Что-то смутно начинало оформляться в мысль, но тут же распадалось. Что-то не давало ему соединить смутные

намеки в цельное, единственно правильное объяснение случившемуся. Ребенок... откуда же здесь ребенок?

Внезапно свет потускнел. Заплясали тени. Он окунулся в фиолетовый туман и понял, что сейчас достигнет дна. Бесконечный спуск кончился. Впрочем, продолжался он, наверное, не более получаса, подумал Привалов, пожалуй, даже меньше.

* * *

Его ноги уперлись во что-то твердое. Он мог наконец отпустить руки и выпрямиться. Тотчас же он чуть не упал, но сумел сохранить равновесие. Затем он потратил минуты две на то, чтобы привести аптечку и баллон в порядок и, наконец, повернулся.

Повсюду из расщелин и ямок на дне карьера и между камнями поднимались испарения. В их обманчивом дрожании шагах в тридцати от него виднелся бурый бок вездехода.

Машине повезло. Она упала не на каменные глыбы, в беспорядке громоздящиеся на дне карьера, а между двумя из них, на грунт. Впрочем, может, она просто отскочила сюда, ударившись о камни. Казалось, вездеход не очень пострадал. Но было что-то до боли беспомощное в непривычном положении умной машины: вверх шасси. Даже если он с размаху ударился о плотное дно ямы, покрытое мелкими камнями, а не о скалы, все же пассажирам пришлось плохо.

Передняя часть со смотровым окном была загорожена глыбой. Все прожекторы машины, кажется, вышли из строя. Но откуда-то снизу, как из-под земли, шел свет, тот, что он принял сверху за свет прожектора. Очевидно, свет шел из люка.

Все это Привалов отметил на ходу. Он уже неуклюже бежал к месту катастрофы, покачиваясь под тяжестью груза. На бегу он крикнул что-то. Ему вдруг безумно захотелось,

чтобы от этой неподвижной поверженной громады ему ответили.

И когда он огибал корму вездехода с разбитым вдребезги прожектором, здесь, совсем близко от него, за этим буфером, раздался плач! У него захватило дух. И в ту же минуту ослепительная, как молния, мысль вспыхнула в мозгу. Глупец! Как он не мог догадаться! Еще мгновение... он обежал вездеход и в свете своего прожектора увидел то, что уже ожидал увидеть, что сразу подтвердило его догадку.

Крышка люка была измята, сплющена и почти сорвана. Из глубины машины выбивался луч света. А около люка на черной в трещинах земле лежал мальчик!

Это был ребенок лет 10–12, одетый, как взрослый, в защитный скафандр со шлемом, только меньшего размера. Неверное, он полз. Он упирался руками в песок и смотрел на Привалова. Привалов охнул, всплеснул руками и кинулся к нему. Мальчик плакал. Сквозь прозрачную маску шлема было видно маленькое заплаканное лицо, искаженное гримасой боли и страдания. В глазах мальчика («Ресницы белые, как у Кольки», — подумал Привалов) были страх, боль и неверящая радость. Привалов увидел, что одна нога мальчика неестественно вывернута и волочится по песку, и почувствовал, как что-то перехватило ему горло, и он сморщился, словно боль мальчика передалась ему.

Потрясенный, он присел около мальчика и гладил его, забыв, что оба они в скафандрах.

И он повторял, почему-то шепотом, одно и то же:

— Все хорошо, все хорошо, маленький... не бойся... все хорошо.

Потом, кое-как успокоив мальчика, все еще всхлипывающего от боли и от всего пережитого в эту ночь, и устроив его около большого камня так, чтобы искалеченная нога его меньше беспокоила, Привалов снял лишний груз и полез в вездеход.

Он с трудом протиснулся внутрь и долго не мог разобраться в незнакомой обстановке — все было перевернуто, сорвано со своих мест, и вдобавок приходилось двигаться по потолку. Свет шел из-под какой-то груды, оказавшейся перевернувшимся креслом и еще какими-то обломками. Пробираясь к ней, Привалов наткнулся на что-то и вздрогнул: это была человеческая нога. По огромному ботинку он узнал Захарченко.

Лихорадочно расшвыряв груду, он увидел его лицо. Добродушное, румяное лицо украинца было теперь бледно-синим, глаза плотно зажмурены, рот открыт. Фонарь на груди, видимо, включился при падении или был включен раньше. Он не разбился по счастливой случайности — на него навалилась мягкая спинка кресла. Привалов подумал, что Захарченко мертв, и в отчаянии опустил руки. Потом он решил, что нужно сделать все, что можно.

Он с трудом выволок тело грузного украинца из вездехода, и тут его взгляд упал на пузырек кислородного указателя на скафандре Захарченки. Он стоял почти у синей черты! Первой мыслью его было, что аппарат поврежден и воздух вышел, так как кислороду им должно было хватить еще почти на час. Но потом подумал: вытек бы, так весь. Оставалось одно (так как и

беглый осмотр аппарата не дал результата): Захарченко намеренно выпустил часть кислорода. Но зачем? Он думал об этом, закрепляя шланги и открывая вентиль принесенного им баллона. Потом он что-то вспомнил и посмотрел в сторону мальчика. Тот спал, всхлипывая во сне. Опять Привалов почувствовал щемящую жалость к ребенку. Сломал ли он ногу до того, как они его подобрали, или при падении? Бедный малыш.

Потом Привалов стоял на коленях и напряженно всматривался в незнакомое лицо украинца, ища признаки жизни. Потом он до боли в руках делал Захарченке искусственное дыхание (аппарата у него не было) и опять ждал. Потом через специальные отверстия в скафандре вводил стимуляторы и опять делал искусственное дыхание.

Когда на неподвижном лице первый раз шевельнулись ресницы, и он убедился, что Захарченко жив, он почувствовал, как сильно он устал. Ему захотелось лечь и ни о чем не думать. Но он посидел всего несколько секунд. Затем встал и пошел за Хромовым.

Хромов висел на полу кабины — пол теперь был потолком, — зажатый между вторым креслом и приборной рамой. Он долго возился с тяжелой рамой, стоя в очень неудобной позе.

Несколько раз ему казалось, что он никогда не вытащит Хромова и тот будет вечно висеть на полу. Это было противоестественно, и Хромова, очевидно, нужно было вытащить. Он рассуждал об этом вслух. Наконец это ему удалось, и он почти машинально проделал с Хромовым примерно то же, что с Захарченко. Только кислорода у Хромова было больше, зато он, наверное, сильно ударился головой и у него была, кажется, сломана рука. В общем он пострадал сильнее Захарченки. Оба пока не приходили в сознание, но жили, жили.

Впрочем, он не думал об этом. Он сидел, прислонившись к глыбе, и безучастно смотрел на появившиеся наверху

огни, множество огней. К нему спускались люди, что-то крича. На него налетел Анри Легран и затормошил его.

— Живы?! И ребенок? — И Привалов не удивился, что Анри знает о ребенке.

Француз кинулся к людям, что-то делавшим около пострадавших, и тут же вернулся обратно.

— Ну, они живы! — бодро сообщил он, как будто для Привалова это было новостью. — Вы их спасли, конечно. У Хромова перелом руки и сотрясение мозга. Жалко романтика, ох, как жалко. Захарченко, тот быстро оправится. А ребенок! Вы знаете, чей это ребенок? Это сын Витковского, начальника Западной. Только вчера прилетел с матерью. Отпустили погулять, а он заблудился. За 400 километров отмахал! У него был микроглайдер, специально для него сделали. Может, проехаться захотелось, а тот и сломался. Нашли его в вездеходе. Теперь не поймешь, когда он сломался. Удивительная беспечность! Отпустить ребенка одного. И вот несчастье. А мальчонка-то только вчера прилетел, вы подумайте. Витковский волосы на себе рвет, мать плачет. У них испортилась связь, и они долго не могли сообщить по Станциям. Искали сами. Потом послали к нам человека. Сразу после нашего разговора меня со Станции и вызвали. Услышал я — черт возьми, вот так штука! И вам — а вас и след простыл...

Привалов с трудом заставил себя слушать. У него очень болела голова. Сначала он хотел объяснить, что сам догадался, чей ребенок и как все произошло, потом вяло подумал: зачем?

Мальчика разбудили, и он опять заплакал. Это встряхнуло на минуту Привалова. Он хотел сказать, что надо осторожней, ведь у мальчика сломана нога. Но потом опять подумал: зачем? С ними же врач.

Он посмотрел на Анри.

— Да, — с трудом сказал он. — Они нашли его случайно. Пока они чинили поломку, услышали его. Ночью слышно далеко. Он давно заблудился и у него кончался кислород.

Захарченко отдал ему свой, почти весь. Вот почему они так спешили. У них же не было запасного баллона. А на такой скорости тормоза не помогут.

Подошел врач, маленький круглый человечек.

Он изо всех сил старался казаться огорченным, но это ему плохо удавалось. Он потирал ручки в неуклюжих перчатках скафандра и усмехался. Это было неприятно. Привалов посмотрел ему в лицо — тот сразу смутился, закашлялся и отвернулся. Привалов подумал, что для врача, скучавшего здесь, постоянно жаловавшегося на «глупую пустыню, где и болеть-то не умеют», и вспоминавшего, как хорошо он работал там-то и там-то, как его ценили те-то и те-то известные врачи, — что всегда раздражало Привалова для него это первый случай практики за последние три года. И вот он не может удержать детской радости в предвкушении «настоящего дела», и что, в сущности, это очень милый и добрый человек, страстно любящий свою профессию, и что Анри тоже милый человек, и Курт, и все очень хорошие люди.

В кабине орниплана (Привалов, Анри, врач и пострадавшие летели первым рейсом, затем орниплан должен был вернуться вытягивать покалеченный вездеход) он думал о том, что теряет чудесного парня — Хромова, что неизвестно, кого пришлют взамен, и что зря, пожалуй, он не отпустил Хромова в звездную, пусть бы летел, романтик, глядишь, прославился бы; и что теперь вот Хромов никогда больше не полетит ни в какую звездную... А Захарченко молодец, с ним мы еще дел понаделаем. Поправится, я его еще пропесочу за этот случай. Жаль Хромова вот только... А мальчонка! Судить таких родителей надо. Витковский, Витковский-то! Хорош начальник Западной. Тоже сейчас сам не свой. И поделом. Плакал в карьере. Сам виноват. А мальчика жаль. Ну, поправится. Еще космонавтом знаменитым будет. Колька давно мечтает...

— Как, Привалов? Помнишь: «...слышал плач». Как сказал ты, я думаю: ну, все — тронулся старик! — смеялся Анри. Он был рад, что все живы и все кончилось сравнительно

благополучно. — Помнишь, а? А Захарченко дать нагоняй все-таки надо.

Привалов посмотрел на него.

— У меня очень болит голова, — сказал он.

Виктор Сапарин

ПРОРАБ ВСЕЛЕННОЙ

1

- Посадка, - сообщил голос в динамике.

Ракета плавно и мягко снижалась - не быстрее опускающегося лифта. Стоп!

- Мы на Луне, - лаконично сообщил водитель. Он вышел из своей кабины и стал в дверях, потягиваясь; желание пойти размяться или посидеть за столиком в кафе было написано на его лице. Но он терпеливо ждал.

Прежде приходилось надевать громоздкие скафандры и шагать по пыльным холмам к зданию космовокзала, удерживая тело от прыжков. Теперь все упростилось.

- Трап подан, - доложил автомат. Ольсен встал с кресла, подошел к выходной двери, она сейчас же распахнулась, он вступил на площадку, а затем на верхнюю ступеньку лестницы. Она понесла его вниз. Все это происходило внутри телескопического тамбура, который выдвинулся снизу и вплотную прилип к выходу из ракеты. Лестница опустила Ольсена в тоннель и передала ленте, бегущей вдаль.

Лента поднесла его к самым обыкновенным дверям, распахивающимся на две половинки. И Ольсен уже своими ногами двинулся по паркету из пластмассы, сверкающему, без единой соринки. Лунные ботинки с пластинами мягкого железа притягивались созданным под полом электромагнитным полем ровно настолько, чтобы человек ощущал себя как на Земле.

В зданиях Лунного города все было подобно тому, как это бывает на Земле: температура, состав воздуха, притяжение. И вещами пользовались самыми обыкновенными - земными. Столы, кресла, стенные шкафы, электрическая почта: вы подходите к стене, открывается отверстие, вы бросаете в

него рубашку, она летит в прачечную-автомат и возвращается на свое место - в шкаф. Все остальное - в том же духе, по проектам научных институтов, разрабатывающих основы быта человека. Остряки недаром говорили, что, если хочешь познакомиться с типовыми условиями существования человека на Земле, отправляйся на Луну.

Ольсен пересек зал космопорта и подошел к стойке. Автомат, не спрашивая, налил лунный коктейль в высокий узкий бокал. Когда-то это было необходимостью - после утомительного путешествия напиток восстанавливал силы и бодрость. Сейчас превратилось в традицию.

Неторопливо прихлебывая голубоватую влагу с мелькающими искорками, ощущая приятное щекотание во рту и свежесть во всем теле, вдыхая тонкий, аппетитный фруктовый аромат, Ольсен думал о предстоящей операции. "Прораб вселенной" - так окрестили его журналисты, любящие хлесткие прозвища. Один из них, видимо очень молодой, написал даже, что он "мановением руки пошлет на Венеру армаду космических кораблей". Ольсен считал такие словечки пустяковыми. Он хорошо знал работу, которая составляла суть его профессии, и любил ее. И если уж и суждено ему носить какое-нибудь звучное прозвище, то скорее всего "Борец со случаем". Предвидеть каверзы природы и разные неприятные случайности и вовремя отвести их удар — вот в чем видел он романтику своей профессии, в той мере, в какой он вообще признавал романтику. Во всяком случае, та борьба, которая составляет интерес жизни, интерес всякой профессии, для него выражалась в борьбе с тем неизвестным и враждебным, что подстерегает человека в космосе. А вообще же он работает с коллективом людей, среди которых он просто старший. Вот и сейчас к нему подошли представители "сухопутного космоса", как в шутку называли их организацию. Григорян, готовивший лунные космодромы, принялся рассказывать, как идет монтаж последних грузовозов.

Ольсен поставил бокал на стойку - механическая рука подхватила его, окунула в переплетение горячих струй и

поставила на полку, тотчас же задернувшуюся прозрачной пластмассой.

Такими же, как и после спуска, коридорами с бегущими дорожками Ольсен с друзьями проследовали на командный пункт. Это было здание обычной лунной архитектуры: прозрачный полый сталагмит, разделенный на этажи. Они поднялись на самый верх. С минуту Ольсен постоял под куполом, разглядывая звездные миры, которых еще не достиг человек, затем перевел взгляд на зубчатые пики, блестевшие в боковых лучах солнца, высунувшиеся из мрачной тени, окутывавшей Луну, на слабо светящиеся здания Лунного города. На их фоне, как огненный кинжал, сверкал обелиск - неугасимое сияние, возбуждаемое крупицей урана, пронизывало всю его толщу. На его вершине укреплен круглый вымпел с исторической датой: "Сентябрь 1959 года". А на обелиске во всю высоту надпись: "12 апреля 1961 года - начало космической эры в истории человечества". И рельефный рисунок первого корабля, на котором человек совершил полет в космические просторы.

Ольсен несколько мгновений смотрел на обелиск, потом сел в одно из кресел посредине зала и положил руки на подлокотники.

- Африку, - попросил он.

Тотчас лунный пейзаж исчез. Картина мгновенно изменилась. Вокруг уже простирался африканский космодром: ракеты нацелились в небо, поодаль башенка управления. Все залито солнцем, оно сверкает на полированных боках ракет, высветлило серый бетон, тянущийся почти до горизонта. Какая-то птичка летает около ближайшей ракеты, садится на бетон, клюет что-то коротким носом. Ольсену хочется ее отогнать.

- Птица, - говорит он машинально.

- Ладно, - отвечает с далекой Земли голос начальника космодрома. Сейчас мы ее прогоним.

Ольсен спохватывается: он не должен отвлекаться на мелочи. Мобилизация всех сил для решения главной задачи — вот что сейчас требуется.

На Земле что-то делают. Птица испуганно срывается с места, описывает круг и исчезает. Ольсен испытывает легкое удовлетворение. Дисциплина в космической службе, как всегда, на высоте.

Австралийский космодром, который просит показать Ольсен, тоже в полном порядке. Длинные, устремленные ввысь тела ракет, синеватый отлив металла. Одна в одну, серийный выпуск, все испытаны в обкатке, на соплах сохранились следы нагара, механизмы тщательно отрегулированы.

Азиатский космодром можно не смотреть. Ольсен только что оттуда. Этот всегда был образцом для других.

Стартовать на Венеру будут с Луны. И корабли, которые осматривает Ольсен, — это не те, что полетят на далекую планету, — это скорее космические катера местного сообщения. На Луну в короткие сроки предстоит забросить огромное количество грузов. Да и пассажирское сообщение развивается с каждым днем. Организация экспедиции "Венера-9" дала дополнительный толчок к расширению хозяйственной деятельности человека на Луне. И потребовались новые линии сообщения между Землей и Луной. А где космический транспорт, там и Ольсен со своей организацией.

Теперь можно посмотреть и на межпланетные грузовозы. Григорян включает равнину "Моря Дождей". Здесь расположен главный лунный космодром. Могучие тела, несравненно более грузные, чем у ракет, стартующих с Земли, заполняют его. В безвоздушном пространстве резче, чем на Земле, обрисовываются контуры кораблей. Сверкающие гроздья, готовые в любой момент упасть в пространство.

Два других лунных космодрома в тени. Ольсен просит включить прожекторы, и те показывают ракеты одну за другой: они похожи на елочные игрушки. Фантастичность картины не устраивает Ольсена. Он любит свет, реальность,

четкость. Но к моменту старта космодромы окажутся освещенными. Григорян все хорошо рассчитал.

Грузовые ракеты в общем не внушают опасений. В конце концов тут есть возможность замены.

Напоследок они осматривают самое главной - пассажирский космодром. Они с удовольствием разглядывают четыре корабля, стоящих на каменистом плоскогорье. Большие иллюминаторы, выдвижные ноги, вспомогательные маневровые двигатели, вихревые тормоза. Каждое звено спроектировано заново - ни одна деталь не обойдена вниманием, не оставлена без попытки внести усовершенствование. Полный комфорт: новые кресла-кровати, смягчающие перегрузку, искусственное тяготение, бытовая автоматика, не уступающая лунной. Ничего лучшего Ольсену и его товарищам не приходилось отправлять в космос.

Мановением руки? Ольсен усмехается. Сколько труда, нервов, обыкновенного человеческого пота затрачивается множеством людей, прежде чем становится возможным послать корабль в космос.

Он вспоминает хлопотливые, наполненные тревогами дни.

2

После того как "Эвелина" сообщила результаты голосования, у работников "сухопутного космоса", прямо надо сказать, здорово прибавилось хлопот. Хорошо было Коробову отыскивать вместе с другими участниками Восьмой экспедиции разумные существа на Венере. Возможно, кое-кто из проголосовавших за открытие на Венере постоянной научной станции и за весь этот план контакта с жителями Венеры не задумывался особенно над тем, как его практически осуществить. Он просто сообщил свое мнение "Эвелине" при помощи обыкновенного блок-универсала, которым в наши дни пользуются даже дети, и через два часа с удовольствием

услышал, что его мысли совпадают с соображениями подавляющего большинства населения планеты.

Главные заботы свалились на плечи Ольсена. Правда, если бы они миновали его, он, вероятно, чувствовал бы себя не лучше, но это совсем другой вопрос.

В общем для "СК" ("Сооружения в Космосе") наступили горячие деньки. Прежде всего никто толком не знал, сколько же человек должно работать на станции. Когда Ольсен попытался выяснить имеющиеся на этот счет идеи, со всех сторон посыпались самые разнообразные предложения: люди поскромнее называли цифру в три человека, неограниченные в фантазии - семь тысяч. Одни считали достаточным ограничиться на первых порах небольшим наблюдательным постом, своеобразной миссией Земли на Венере. Сторонники наиболее решительных мер настаивали на постройке на Венере целого города с множеством воспитательных учреждений, в которых обитатели планеты, не знающие сейчас даже одежды, должны будут проходить ускоренный курс развития. Такого рода обучением авторы проекта предполагали охватить все население Венеры. Но кто считал его? Восьмая экспедиция столкнулась только с небольшой группой венерианцев, которые отнеслись к землянам настороженно, чтобы не сказать враждебно. С прочими надо было еще встретиться и неизвестно пока каким способом получить их согласие на обучение.

Коробов на вопрос, сколько человек ему понадобится для первой смены, насчитал около двухсот пятидесяти профессий, необходимых для начала работ. Ольсен, ознакомившись со списком Коробова, вычеркнул двадцать профессий как совершенно, по его убеждению, излишних, зато вписал тридцать таких, о которых можно прочесть лишь в энциклопедиях.

- Вы думаете, на Венере, когда у вас испортится прибор, вам тут же пришлют новый? Вы привыкли, что где бы вы ни находились, на дне океана или в кратере действующего вулкана, вам достаточно сказать вслух, чего вам не хватает, и

вам тотчас же доставят это и еще термос с горячим кофе в придачу. Разумеется, я постараюсь набить склады станции двойным или тройным комплектом всего, что может износиться или выйти из строя, но все равно вам потребуются люди, которые могут в случае крайней необходимости производить любой ремонт и даже, может быть, готовить еду из местных продуктов. Ведь жить придется без всякого сообщения с Землей три с половиной года. Раньше мы не сможем послать вам ракеты, что бы у вас там ни случилось. Даже радиосвязь, как вы знаете, будет действовать с перерывами. Следовательно, исключена даже консультация в экстренных случаях. Мы должны все продумать заранее. Пока ведь никто еще не жил на Венере больше трех недель. Ваша знаменитая Восьмая пробыла там всего три дня. Через полгода вы хватитесь, что вам недостает дюжины специалистов в самых неожиданных областях.

Коробов знал все это не хуже Ольсена. Однако и он понимал толк в космических экспедициях. Поэтому они поспорили и представили свои соображения в Плановое бюро. Там привлекли консультантов и, выслушав абсолютно все мнения, все учтя и все взвесив, объявили, что на Венеру в первую смену должны отправиться тридцать семь человек, не больше и не меньше.

Астрономы назвали свои цифры раньше. Конечно, астрономия весьма возвышенная наука, как утверждают по крайней мере сами астрономы, и общение с нею способствует философски спокойному отношению к жизни, но попробуйте не волноваться, когда вам сообщают, что, если вы упустите ближайший удобный период для полета на Венеру, следующего придется ждать три с половиной года. Причем оба эти периода - и первый, и второй - очень короткие. А длинный период, самый подходящий, наступят через четырнадцать лет.

Станцию придется забрасывать одним махом, понял сразу Ольсен. Гонять одни и те же ракеты, подобно тому, как

снуют грузовозы между Землей и Луной, к сожалению, не придется. Сколько же потребуется кораблей?

- Мы должны создать нашим ученым условия, не отличающиеся от земных, сказал председатель Планового бюро академик Шевченко, решительно сдвигая свои короткие, похожие на двух ежей, брови. И далее разъяснил, что он под этим подразумевал: - Спорт, включая беговые дорожки, плавание, футбол. Вы понимаете, что это не роскошь, а гигиена умственного труда. Людям придется работать гораздо напряженнее, чем дома, на Земле. Затрачивая огромные средства на экспедицию, мы заинтересованы в том, чтобы ни одна минута каждого из тридцати семи не пропадала даром. По этой же причине быт не должен отвлекать их внимание. И научная работа, само собой разумеется, должна предельно облегчаться современной техникой.

Пришлось основательно подумать над многими вещами. На далекой планете, сияющей на нашем небе голубоватой звездочкой, нужно организовывать все с самого начала. Склады питания на три с половиной года, аварийные запасы, транспортные средства и все прочее, не говоря уже о самой станции и ее оборудовании.

Ясно было одно: надо конструировать специальные корабли. Из существующих систем ни одна для этой цели не годилась.

Так или иначе цифра "37" была первой реальной величиной, которая из сферы предварительных разговоров и не всегда обдуманных проектов переводила вопрос на деловую почву. Она явилась как бы ключом, приведшим в действие огромный механизм. Ракетный институт приступил к предварительному проектированию грузовых кораблей в разных вариантах. Плановое бюро объявило конкурс на проект станции на Венере. Тысячи больших и малых дел обрушились на организацию "Сооружения в Космосе", как лавина.

Пожалуй, только создание первого моста на Луну в свое время могло сравниться по размаху с задуманной операцией. Тогда это действительно было грандиозное

предприятие - достойное завершение большого пути, пройденного человечеством с сентября 1959 года, когда первая ракета коснулась поверхности спутника Земли. Но с тех пор минуло немало лет. Ныне корабли ходят по освоенным трассам, заправляясь то на лунном, то на земном космодроме - на манер пригородного сообщения прошлого века. В нынешней же операции предстояло впервые выпустить на дальнюю дистанцию залп ракет без промаха и без потерь.

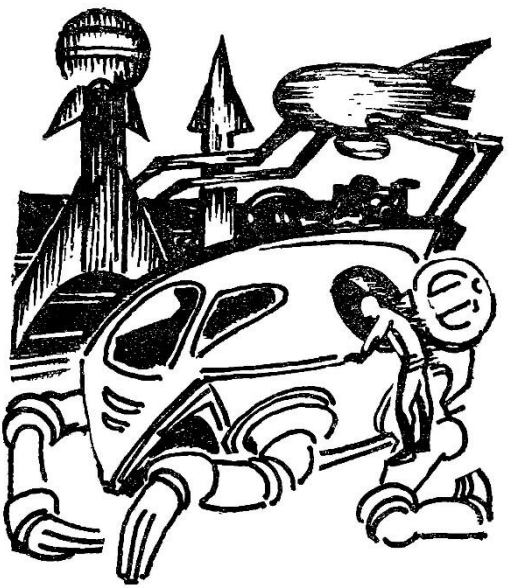
Ольсен-то уж хорошо знал, что значит промазать по планете. Во время Пятой экспедиции на Марс, когда ее участникам пришлось пробыть там восемь месяцев, им забрасывали горючее для обратного рейса автоматически действующими грузовыми ракетами. Из-за какой-то ошибки самонаводящего механизма одна проскочила мимо и превратилась в спутника Марса. Вторая врезалась в рыхлый грунт планеты где-то около полюса. И хотя впоследствии, восемь лет спустя, удалось установить, что все баллоны с горючим уцелели, несчастным "марсианцам" было от этого не легче. Их спасла третья ракета, упавшая в трехстах километрах от лагеря: баллоны, доставили на вездеходе. Хорошо, что Ольсен заготовил тогда три ракеты - он всегда отличался запасливостью! Конечно, теперешние астронавигаторы работают гораздо точнее. Но ведь и точность для задуманной операции требуется совсем другая.

Как только у Ольсена выдался день посвободнее, он собрал свою группу, и все вместе они отправились в Музей Неосуществленных Проектов. Кто из инженеров, конструкторов, архитекторов, ученых не побывал на обширном плато в Гоби, где на десятках километров раскинулись под открытым небом фантастичнейшие сооружения нашей эпохи. Одних космических кораблей там выставлено около десятка моделей. А знаменитый "механический птеродактиль", предназначавшийся для Марса, - Ольсен до сих пор не может без "улыбки вспомнить, как провалилась эта в общем остроумная идея. Машина при посадке зарывалась в песок пустынь Марса, он оказался более рыхлым, чем ожидали.

Он, Ольсен, тогда приложил руку к тому, чтобы забраковать "птеродактиль" после истории с исчезновением двух членов экспедиции: их едва вытащили из рыжего праха, в который они ушли с головой.

В музее много всяких - космических и земных - сооружений, овеществленных памятников человеческой мысли. И любую идею, большую или маленькую, каждый мог черпать отсюда, как из учебника или научного труда, опубликованного к всеобщему сведению, - мысли принадлежали всем. Музей Неосуществленных Проектов - одна из идей Планового бюро, заботящегося, чтобы ничто не пропадало и не оставлялось втуне. А что может быть ценнее человеческой мысли!

Под открытым небом пустыни, четко различимые в сухом воздухе, раскинулись здания и сооружения самого удивительного вида: словно бутафоры киностудий свезли сюда то, что за многие десятилетия накопилось после отснятых фильмов. Машины, которые никогда не использовались, мосты, переброшенные над сушей, дома, не похожие на те, в которых мы живем. Невольно казалось, что ты попал на другую планету.



Ольсен сразу почувствовал, что они прилетели сюда не зря. После некоторого обсуждения группа пришла к выводу, что тот же "птеродактиль", если его переделать, сгодится на Венере. Пусть у живущих на окутанной облаками планете будет как можно больше

самых разных средств сообщения. Кто знает, какое из них выручит, когда случится что-нибудь непредвиденное. Это ведь не Луна, изученная вдоль и поперек, и даже не Марс, обследовать который оказалось гораздо легче, чем Венеру.

Затем им понравилась одна идея, которую в свое время запечатлели в металле ввиду ее оригинальности. Один из постоянных жителей Галапагосских островов предложил транспортное средство в виде огромной черепахи. Возможно, его натолкнули на эту идею слоновые черепахи из Галапагосского заповедника. Джемс, так звали автора проекта, предложил создать черепаховидные экипажи с движителями в виде загребающих ног: по его расчетам, они должны были свободно передвигаться по земле и плавать в воде. Оригинальный механизм Джемса никого не заинтересовал: на Земле, в любую точку которой можно доставить все, что угодно, многими способами, медлительная, хотя и очень надежная, "черепаха" Джемса казалась пережитком прошлого. Другое дело - на Венере! Там бесконечные болота, озера, разбухший грунт и знаменитая синяя глина, непроходимая для гусениц... На Венере, пожалуй, такому экипажу самое место. Конечно, взять следует лишь принцип "черепахи", а машину сконструировать заново, учитывая все особенности планеты.

Ольсен придирчиво разглядывал экспонаты музея. Ничего не упустить, все использовать! Дотошность и даже педантичность Ольсена были так же известны, как и его осторожность и расчетливость. Может быть, и правы те, кто называл Ольсена "сухарем" и "человеком, лишенным фантазии". Но не может же человек обладать всеми талантами сразу. В конце концов Ольсен не пишет романов о космических полетах, он просто организует их. И то, что его рассматривают как редкое исключение в нашем наполненном романтикой XXI веке, в известной мере даже нравилось ему.

3

Чего Ольсен действительно терпеть не мог, так это лишних разговоров во время работы.

- Подумайте, - обратился к Ольсену Алик, один из его сотрудников, самый юный, не побывавший еще нигде дальше Луны, - а вдруг дикие обитатели планеты, с которыми столкнулась Восьмая экспедиция, не единственные ее жители? Может быть, там есть и более развитые существа? Ведь существовали же на Земле люди, принадлежащие к разным историческим формациям одновременно. Или, может быть, на Венере в прошлом уже существовала цивилизация более высокая, чем то, с чем столкнулась Восьмая. Ведь так тоже могло быть. Вдруг...

- Послушайте, - сухо оборвал его Ольсен. - Давайте условимся раз и навсегда. Никакой фантастики! Мы организуем полет на Венеру - и все. Что там будет — это в конце концов выяснится в свое время. Наше дело подготовить все так, чтобы это могло произойти, то есть чтобы наши ученые попали на Венеру, благополучно прожили там и вернулись домой. И чтобы их работа там протекала успешно. Меня интересует, в частности, что вы думаете о порожняке.

- Порожняке?

- Не думаете же вы, - начал раздражаться Ольсен: хуже нет, когда в деловую обстановку попадет чистый романтик, - не думаете же вы, что мы загоним почти сотню ракет на Венеру и оставим их там в качестве памятника нашего расточительства? Вам приходилось когда-нибудь иметь дело с Плановым бюро?

- Нет, - честно сознался юный помощник.

- Так вот, эта организация, которая ничего не жалеет для развития науки, с нас с вами, зато спросит за каждый израсходованный грамм материала. Там все считают. У них такие машины, что не пропустят даже атома. Современные ракеты - не одноразового употребления, как было раньше.

Эти корабли можно использовать и на других трассах. Самое разумное, пожалуй, вернуть их на Луну.

Нужно сказать, что корабли вообще требовали больших забот. Лунные космодромы, хотя их там чуть не десяток, не в состоянии были обеспечить почти одновременный запуск тучи космических стрел. По расчетам астрономов, старт должен продолжаться две недели - не больше. А лунные космодромы сравнительно небольшие - с некоторых больше одного корабля не стартовало за все время их существования.

Вот почему Ольсен сперва послал на Луну лучшего организатора "СК" Григоряна. Тот сообщил, что Луна сможет обеспечить старт нужного количества кораблей в сроки, которые оставались до вылета экспедиции, если провести работы по реконструкции космодромов. Вот тут-то и потребовалось расширить мост на Луну.

Десятки сотрудников "СК" ежедневно докладывали Ольсену о том, как подвигаются дела в разных местах земного шара и на обоих полушариях Луны. Он мог обозревать все поле деятельности с командных пунктов "СК". Сотни людей проходили перед его глазами - инженеры с заводов, строители, монтажники, транспортники. Приходилось решать тысячи вопросов, но в этом круговороте хлопот Ольсен не забывал про данные им поручения.

- Ну, - спросил он Алика на второй или третий день после того разговора, - решили вы задачу возврата порожняка?

Юноша стал излагать такой сложный план, что Ольсен вскоре потерял желание дослушать его до конца.

- Знаете, ваш план напоминает древнюю задачу про волка, козу и капусту, которых надо было перевезти на одной лодке. У вас люди должны пересаживаться с корабля на корабль и лететь то к Венере, то к Земле. Вам, конечно, кажется, что такие пересадки в космосе самое простое дело. Но так оказывается только в романах. Все нужно сделать гораздо надежнее. Мы пошлем дополнительно десять больших грузовых ракет с запасом горючего. Участники экспедиции должны будут сменить пустые баллоны на баллоны с

горючим во всех кораблях. Астронавигаторы пусть рассчитают траектории обратных маршрутов и вложат все данные в управляющие машины. А участники экспедиции нажмут кнопки автоматического старта, отойдут на порядочное расстояние и могут помахать рукой отлетающим ракетам.

- Ясно! Пойду, сейчас прикину и...

- Гм, - Ольсен недоверчиво посмотрел на собеседника. - Если вам все ясно, объясните, пожалуйста, как вы думаете обеспечить старт стольких кораблей с Венеры, ведь там нет даже самого захудалого космодрома?

- Я подумаю... - смутился "романтик".

На этот раз он ломал голову добрых три дня. Зато и Ольсен выслушал его более благосклонно.

- Ваш проект, - сказал Ольсен, - разработан более тщательно и, главное, более зрело. Могу поздравить. В ваших рассуждениях есть только один недостаток. Вы исходите из того, что все корабли будут садиться на Венеру нормально. Должен вам сказать, что я сам отправлял немало их и знаю историю всех космических полетов. Конечно, случаи нормальной посадки встречаются - этого отрицать нельзя, но гораздо чаще ракеты садятся как угодно, только не так, как рисуется в учебниках космонавтики. При обратном взлете приходится долго маневрировать, чтобы положить корабль на рассчитанный курс. Обычно эти дополнительные расчеты делает экипаж с помощью портативных вычислительных машин. Но мы не можем загружать персонал научной станции подобными расчетами. Кораблей слишком много, да и люди должны приступить как можно скорее к своей прямой работе. Мы с вами обязаны позаботиться о том, чтобы у них не пропал ни один лишний час, ни одна секунда рабочего времени.

Ольсен привык уже к тому, что некоторые элементарные истины приходится разъяснять даже своим сотрудникам - тем, разумеется, которые недавно вступили в это звание. Конечно, старым кадрам "СК" ничего не надо втолковывать, те понимают все с полуслова. Но новеньких

приходится приучать к правильному пониманию особенностей работы, ничего не поделаешь.

Алик совсем повесил нос. А ведь ему казалось, что организация межпланетных путешествий - увлекательное дело.

- Я говорю скучные вещи, - смягчился Ольсен. - Но что поделаешь: полет в космос не похож на то, что себе иногда представляют люди малоискушенные. В их воображении все получается очень просто: события развиваются как по мановению волшебной палочки. Но, чтобы события развивались как надо, нужна серьезная и кропотливая подготовка, приходится продумывать и предусматривать каждую мелочь. Об этом почему-то почти совсем не пишут в рассказах о космических полетах. А мы с вами и есть те люди, которые наделяют волшебную палочку ее волшебными свойствами.

Алик не мог удержаться:

- Да вы романтик, - сказал он. - Как здорово сказали про волшебную палочку!

И он впервые за время разговора улыбнулся.

- Я романтик? - удивился Ольсен. - От вас первого слышу. Должен заметить, что космос не любит фантазеров. Я вам расскажу когда-нибудь в свободное время, как два человека с избытком фантазии оседлали на Марсе "механический птеродактиль" и чем это чуть было не кончилось. И про того чудака, который вздумал приручать тавтолона — это было во время Шестой экспедиции на Венеру. Тавтолон прокусил скафандр, и, прежде чем материя сама затянулась, в открывшееся отверстие хлынули полчища микробов, против которых никто еще не знал надежных средств. Томсона охладили, чтобы затормозить биологические процессы, и в таком виде привезли на Землю. Здесь его не расхолаживали еще две недели, пока не нашли средства против бактерий, нападению которых он подвергся. Его спасли, но экспедиция сорвалась. Вот во что обходятся порывы, не проконтролированные разумом.

На Алика смотрел прямой, высокий человек с лицом, как юноше в этот момент показалось, похожим на алгебраический знак.

- Ну, а что касается ваших кораблей, - продолжал Ольсен уже обычным своим деловым тоном, - то попросите Институт вычислительной техники подумать над машиной, которая бы автоматически делала все расчеты для вывода корабля, севшего на Венеру, в обратный маршрут из любого, повторяю, из любого положения и передавала бы все данные управляющему устройству. Давно пора сделать такую штуку. Правда, до сих пор наша организация никогда еще не отправляла такого огромного количества кораблей сразу - они летали "поштучно", - и вопрос, естественно, не вставал.

"Правду про него говорят, что он сухарь", - подумал Алик.

4

Как ни отбивался Ольсен от энтузиастов, они, конечно, нахлынули, как это всегда бывало. Сотни и даже тысячи людей обращались к Ольсену с предложением своих услуг, хотя некоторые из них, кроме желания лететь на Венеру, не могли представить каких-либо других достаточно серьезных с точки зрения Ольсена аргументов.

Ольсен суховатым тоном перечислял требования, которым должны удовлетворять участники экспедиции. Последним он называл условие, поставленное Контролем безопасности: "опыт работы в космосе или на Земле, сходной с той, что предстоит на Венере". Конечно, можно было бы сразу сказать это, и разговор с некоторыми просителями отпал бы. Но Ольсен считал полезным в чисто воспитательных целях дать представление самым горячим головам, какая это серьезная вещь - экспедиция на Венеру и какие качества они должны вырабатывать в себе, если намерены когда-нибудь туда отправиться.

Половину сотрудников подбирал сам Коробов. Известно, что ученые - люди "узкого профиля": каждый из них имел две-три, от силы три-четыре, ну, максимум пять специальностей. Значит, уже простая арифметика говорила, что те два десятка людей, которые остались на долю Ольсена, должны были обладать великим разнообразием знаний при выдающихся личных качествах.

Организатор межпланетных путешествий любил во всем порядок. Он отдал список профессий своему секретарю-автомату, а тот, конечно, связался с "Элеонорой" (кому только пришла в голову мысль называть все эти машины на букву "Э"!).

Когда-то в старину, говорят, были отделы кадров чуть ли не на каждом заводе или в учреждении. А чтобы узнать, сколько людей живет в какой-нибудь стране и что это за люди, устраивались специальные переписи раз в несколько лет. "Элеонора" сделала ненужным и то и другое. В любой момент она сообщит вам, сколько сегодня на Земле людей, много ли из них мужчин и женщин, а среди них, допустим, астрономов, из последних специалистов по дальним галактикам, а уже из этих - умеющих плавать и знающих древние языки.

"Элеонора" неутомимо ведет перепись населения Земли изо дня в день: учет людских ресурсов - постоянная забота общества. Никто не делает специальных записей о рождении ребенка, о шагах человека на разных поприщах, о его выявленных способностях - просто эти деловые сведения сообщаются "Элеоноре". Мировой статистик служит одновременно и мировым справочным бюро, и мировым адресным столом. Одна машина, занимающая, правда, целый квартал похожих на элеваторы зданий, заменяет тысячи учреждений, которые служили прежде людям для той же цели.

И вот секретарь Ольсена вместе с "Элеонорой" принялись раскладывать своего рода пасьянс в двадцать карт. Без машин трудно было бы, чтобы не сказать невозможно, перебрать миллиард человек (столько примерно нужно было

просмотреть за вычетом возрастных и других категорий) с гарантией, что не пропустил ни одного достойного.

Кандидат N_1, подобранный секретарем, заинтересовал Ольсена тем, что наотрез отказался лететь на Венеру. Перед Ольсеном сидел чуть выше среднего роста человек, рыжий, в крупных веснушках, с оттопыренными ушами, похожими на приставленные к голове ручки. Жизнерадостность так и била из каждой его веснушки. Знает шесть профессий, все великолепно, может изучить еще дюжину - а вероятно, так и придется сделать, чтобы освоить некоторые необходимые специальности. Данные о состоянии здоровья могут вызывать только восхищение. Он сказал, что его зовут Лыков.

- Почему вы не хотите лететь? - полюбопытствовал Ольсен.

- А зачем? - ответил Лыков вопросом на вопрос. - Мне и на Земле отлично.

Ольсен подумал, не боится ли он.

- Боюсь? - откровенно удивился Лыков. Видимо, мысль показалась ему оригинальной. Он чистосердечно рассмеялся. - Да нет, - сказал он подкупающе просто, - мне это просто ни к чему. - Он прямо посмотрел в глаза Ольсену. - Разумеется, - добавил он, - если будет настоятельная необходимость, то я поеду. А вообще-то мне и так хорошо.

Ольсен посмотрел на его улыбающееся лицо и подумал, что ему, наверное, везде будет хорошо.

- Меня ведь всякая там романтика не привлекает, - пояснил его собеседник.

Ольсен чуть не простонал - настолько этот человек соответствовал его представлениям о кандидате в ответственную экспедицию.

- Нет, вы должны поехать, - сказал он решительно.

- Вы поищите получше, - посоветовал Лыков. - Да не с помощью ваших машин! О, - быстро возразил он на протест, который отразился на лице Ольсена, и Ольсен не мог не отметить мгновенность этой реакции, - я отдаю должное машинам! Да, да, они замечательны! Но они никогда не смогут

дать действительного представления о том или ином человеке.

- Эти машины, - заметил Ольсен, - сообщили о вас такие вещи, о которых вы не стали бы говорить - по скромности или потому, что не придаете им значения. Например, об истории со спасением трансконтинентального лайнера. Вы тогда не растерялись, а это очень важно для нас. Кто-то из ваших товарищей счел нужным кратко охарактеризовать ваш поступок, а "Элеонора" все запомнила. Машина избавляет вас от необходимости систематизировать рассказ о себе, она просто расспрашивает, потом берет сведения от "Элеоноры" и составляет толковый и ясный доклад. Я уже не говорю о том, какую это дает экономию времени.

- А я и не отрицаю пользы машин! - возразил его собеседник. - Но только к машинам нужно обращаться после. Понимаете? Потом! После того, как вы остановились на какой-то кандидатуре. Да вот простой пример: известен вам такой Игорь Горин?

- Нет, - ответил Ольсен, быстро заглянув в список, подготовленный секретарем.

— Вот видите. А все потому, что машины не учитывают одного важного обстоятельства.

- Какого же? - заинтересовался Ольсен. Он сам составлял список вопросов для секретаря, и ему казалось, что он предусмотрел все.

- Потенциальных возможностей человека, - ответил Лыков. - Картотеки учитывают выявленные способности человека. А невыявленные? Ведь очень часто нужен только случай, чтобы человек раскрыл свои способности. И вот приходит случай - работа на Венере. А вы этого человека не берете.

- Чем же замечателен ваш Игорь Горин? - спросил Ольсен.

- Он пилот. Рожден, чтобы летать, в смысле - управлять машинами. На Земле пилоты, как вы знаете, снимаются даже с трансокеанских лайнеров, заменяются автоматами. А на Венере он вам очень пригодится.

- А что он знает еще?

- Его вторая профессия - биология. Снимает фильм, из жизни уссурийских тигров. Основал заповедник на сопке Остроконечной для осмотра с воздуха.

- Только-то! Мы отказывали людям, имеющим по восемь профессий.

- Вот-вот, в этом и заключается ваша ошибка. В вашем списке наверняка наберется с полсотни профессий, которых вы вообще не отыщете на Земле! А Игорь Горин сможет делать все эти пятьдесят видов работ и, если понадобится, еще десять. Таким, как он, цены не было лет двести назад, когда все делалось вручную. Он родился слишком поздно. То есть как раз в самое время для Венеры. Поэтому-то я и считаю, что вы должны идти от рекомендаций знающих людей, а потом уже обращаться к электронным статистикам.

- И упустим людей, которых никто не догадался рекомендовать, - спокойно возразил Ольсен. - Например, вас. Очевидно, лучше сочетать оба способа. Но вернемся к Игорю Горину. Сам-то он захочет работать на Венере?

- Ах, он сам не знает, чего хочет. Это такой романтик! Знаете, из породы мечтателей.

- Романтик? - поразился Ольсен.

После ухода Лыкова он раздумывал некоторое время. В первый раз в жизни он ощутил отсутствие романтики в человеке как известный недостаток: равнодушие Лыкова к поездке на Венеру почему-то задевало его.

Игорь Горин оказался худощавым человеком с длинным лицом, свободной прической; что-то от поэта или художника действительно ощущалось в его облике. Но он не сочинял стихов и не писал картин, а разговаривать мог только о механизмах. Игорь был из тех людей, что при поломке любой машины не обращаются в Бюро замены, чтобы прислали новую, а сами с наслаждением погружаются в мир ее механизмов и не успокоятся до тех пор, пока не найдут причины неисправности и своими руками не устранят ее. Клад

для любой экспедиции! И, разумеется, готов лететь на Венеру или куда угодно хоть сегодня.

Расставшись с Гориным, Ольсен с огорчением констатировал, что первый человек, зачисленный им в состав научной станции, оказался самым настоящим и неисправимым романтиком, - в этом не оставалось ни малейшего сомнения. Он говорил о машинах так, как не всякий поэт говорит о возлюбленной. Впрочем, не будь он таким, подумал в утешение себе Ольсен, он не знал бы так машины. А главное, подобного склада человек, конечно, сможет придумать выход из любого трудного положения, в котором могут очутиться сотрудники станции со своими многочисленными механизмами, - находить выход из безвыходных обстоятельств для него сущее удовольствие. А на Венере такой работы, наверное, хватит.

Но зато уж Ольсен твердо решил привлечь в экспедицию самого Лыкова.

Приходил Варгаш, рекомендованный Коробовым. Это был работник Биологической защиты, ветеран этой службы, один из тех, на чьих плечах лежал огромный труд по преобразованию мира микробов на нашей планете. Глядя в лицо Варгаша, с сухой кожей, обожженной в тропиках и продубленной морским ветром, в ясные голубые глаза, спокойно взирающие на мир, Ольсен чувствовал перед собой бойца, закаленного, бывалого, готового идти на любую опасную операцию - без ненужного риска, обдуманно и расчетливо, но и без страха. На Венере, где опасности подстерегают на каждом шагу, где любая лужа полна неведомых существ и даже воздух кишит невидимыми представителями незнакомой человеку жизни, там такому человеку, как Варгаш, есть возможность применить свои способности и навыки, ставшие для него уже чертами характера. Коробов умеет подбирать людей, ничего не скажешь.

Следующего кандидата раскопали секретарь с "Элеонорой". Все-таки удивительно остроумно устроена машина, неутомимо ведущая летопись жизни каждого обитателя

Земли. Лыков ее недостаточно оценил. О многих людях мы ничего не знаем, пока не затребуем те или иные деловые сведения о них. И тут оказывается, что скромнейший человек, никогда, словом, не обмолвившийся о себе, совершал когда-то чуть ли не Геракловы подвиги. Или что известный ученый вне своей специальности - единственный на Земле человек, который владеет редчайшей профессией, даже название которой знают немногие, а изучил он ее просто так, для интереса, и оказывает услуги обществу, когда оно в них нуждается. Многое может рассказать "Элеонора" - бесстрастная и точная, как всякая математическая машина.

Человек, предложенный вниманию Ольсена "Элеонорой", принадлежал к редкому в наши дни племени бродяг и непосед. То ли остатки инстинкта кочевых народов вдруг пробудились в его крови, то ли ненасытное любопытство гнало его по белу свету и не позволяло засиживаться подолгу на одном месте, но он действительно исколесил весь земной шар. Его видели тропики, умеренные области, полярные зоны; он опускался на дно глубочайших впадин океана, работая там на бурении скважин; он дежурил на высокогорных станциях, выполняя в одном лице обязанности всего персонала, он прокладывал знаменитую Меридианную дорогу, строил Лунный город, чистил вулкан Везувий - легче перечислить то, чего он не делал, чем все разновидности его занятий. К тому же он обладал завидным характером, легким, веселым - дружелюбие переполняло его сверх края. По виду это был щупленький, похожий на семечко одуванчика человек и так легко передвигавшийся, словно его и правда поддерживал в воздухе парашютик. Звали его чрезвычайно коротко: Ив.

Побеседовав с ним, Ольсен быстро понял, чем будет полезен в составе экспедиции такой неугомонный человек. Он, конечно, не успокоится, пока не перепробует по крайней мере половины из двухсот пятидесяти профессий, которые нужны на Венере. Значит, в случае необходимости он сможет заменить там многих.

Каждый день являлись кандидаты. Список Ольсена рос.

Все участники Восьмой экспедиции попросились работать в первой смене научной станции на Венере, и с их желанием согласились. Теперь, кроме Коробова, Ольсен все чаще видел в своем бюро огромного Нгарробу - как уверяли журналисты, единственного представителя Земли, способного поспорить силой с обитателями Венеры, маленького изящного Гарги из Индийской академии и всегда спокойного Сун-лина, который сам про себя говорил, что в глубине души он не менее пылок, чем Нгарроба, но просто лучше владеет собой.

Закончился конкурс на лучший проект здания станции на Венере. Плановое бюро отобрало три из них для осуществления в натуре. После испытания на полигоне лучшая из трех станций будет отправлена по прямому назначению на Венеру, остальные займут место в Музее Неосуществленных Проектов.

Все шло как нельзя лучше, но Ольсен все чаще и чаще испытывал беспокойство.

5

Сборка всех трех типов зданий научной станции для Венеры на полигоне двигалась полным ходом. Сто двадцать специализированных заводов изготовляли оборудование. Ракетный институт заканчивал конструирование трех образцов грузовых космолетов и одного пассажирского.

Все шло явно хорошо, но беспокойство не покидало Ольсена. Не то чтобы у него возникло предчувствие чего-то плохого. Он не знал таких ощущений. Но Ольсен все время ждал какой-нибудь неприятности. Не могло же все идти гладко. Так не бывало еще ни разу. Он был уверен, что "что-нибудь" случится.

Конечно, коэффициент случайности на нашей планете сейчас очень низок: нет никакого сравнения с прошлыми временами. Но чем более удаляется человек от родной

планеты, тем резче возрастает этот опасный коэффициент. И, вероятно, риск непредвиденных осложнений сохранится, пока человек будет все так же неутомимо штурмовать неведомое.

И тут случилась эта история с ураганом. Он пронесся над полигоном, где стояли три станции, предназначенные для отправки на Венеру, разрушил здание, построенное в форме кольца, другое - в виде исполинского куба опрокинул, а третью станцию - целый квартал пластмассовых домов, соединенных трубами-коридорами, - поднял как связку бубликов и забросил в океан.

Смятение еще не улеглось, когда Коробов объявил, что он очень рад приключению. Ураган воссоздал условия, сходные с теми, с которыми не раз и не два столкнутся обитатели станции на Венере. Инженеры пришли к выводу: если бы "Лабиринт", как назвали третий вариант станции, не просто лежал на бетонном полигоне, а его закрепили на якорях, как это и будет на Венере, никакой ураган ничего бы с ним не сделал.

Тогда Ольсен решил, что это вовсе не тот злосчастный случай, которого он опасался. Тот еще придет.

Между тем подготовка экспедиции продолжалась в нарастающем темпе. Новехонькие корабли сходили с конвейера и поступали в обкатку. Уже минуло три года с тех пор, как Контроль безопасности запретил выпуск нового типа кораблей в космос без предварительного опробования их на трассе Луна Земля после нескольких промахов грузовых ракет, а главное, трагической гибели "Марса-11" с людьми.

Ночью Ольсена разбудили. Наблюдатели Пулковской обсерватории обнаружили яркую вспышку в созвездии Девы. Одновременно дальние локаторы доложили, что потеряли корабль N_78, который вели в полете от Земли к Луне. Затем пришло сообщение с Луны, что семьдесят восьмой не прибыл на космодром, где его ожидали. Одновременно Луна запрашивала подтверждения прибытия корабля N_76 на

космодром "Африка". Локаторы "Африки" донесли, что семьдесят шестой не входил в зону полей наведения.

Ольсен сразу понял, что вот он, этот роковой случай. Конечно, "что-то" произошло с ракетами. Слишком много их участвовало в игре - и они были новых типов. Случай любит как раз такие ситуации.

Случилось невероятное. Корабли столкнулись. Первое столкновение в космосе за всю историю человечества. Пока люди пытались осознать этот факт, в космос, согласно расписанию, ушли два новых корабля - с Луны и с Земли. Все ждали: не столкнутся ли и они?

Немедленно был созван Совет по межпланетным путешествиям. Заседание в Зале Совета открылось у большого экрана, вернее у нескольких экранов, соединенных друг с другом. Один за другим люди, находившиеся в самых разных местах системы, Земля - Луна, появлялись на экранах, взволнованные происшедшим. Все уже все знали. Председатель совета, единственный, кто находился в комнате по-настоящему, предоставил слово главному космонавту Дорджи. Тот назвал одиннадцать возможных причин столкновения. Нарушение режима работы двигателей и в результате - замедление или ускорение хода корабля, выход из строя или порча какого-либо прибора управления, отклонение корабля от заданной орбиты вследствие встречи с метеоритом и т.д. и т.п. - причин хватало. Самым необъяснимым оставалось - почему корабли не разминулись автоматически. Ведь они снабжены рулями, связанными с локаторами. Конечно, мог выйти из строя и какой-нибудь из этих механизмов. Но две неисправности сразу исключались.

Разговор шел довольно беспредметный, пока инженер главной испытательной станции Сорокин не сделал сенсационного сообщения. Он заявил, что испытываемые корабли оказались жертвами чрезмерной точности полета. Удобные для обкатки трассы сходились временами в пространстве вследствие обращения Луны вокруг Земли. Да и линии сообщения Земля - Луна образовывали сложную

паутину вблизи Земли и Луны. Поэтому проходящим обкатку кораблям (они, разумеется, испытывались без людей) был дан приказ не отклоняться от заданного маршрута больше определенной величины. Но что значит дать приказ автомату?

Так сблокировать механизмы и подвести такое напряжение к приборам управления, чтобы оно пересиливало все другие токи, все другие электрические мысли или ощущения, если можно так выразиться, откуда бы они ни поступали. Другими словами, от механизмов управления кораблем потребовали слепого выполнения приказа. И те повиновались "не рассуждая".

Сорокин нарисовал возможную картину того, что случилось. Встреча в космосе произошла на максимальной точке отклонения семьдесят восьмого от своей орбиты. Встречный корабль просигнализировал, что берет в сторону, и изменил курс. А семьдесят восьмой, вместо того чтобы уклониться в противоположную сторону, продолжал лететь прямо. Механизм управления не мог сработать иначе, так как приказ запрещал отходить от маршрута дальше нормы. В космосе все решают секунды, часто их доли. Упущенный для начала маневра момент может означать невозможность его выполнить. Оба корабля проскочили свои критические точки, а на близком расстоянии поворот равносилен аварии. Вероятно, были экстренно включены тормозные и поворотные двигатели - могучие корабли от этого закувыркались, подобно электромобилям при резком торможении на полном ходу, и уже, как камни, по инерции полетели навстречу друг другу.

Что поднялось при этих словах Сорокина! Один за другим люди, толпившиеся на экранах, требовали слова. И было отчего волноваться. Впервые на Венеру отправлялось столько кораблей почти одновременно. Конечно, ни одни из них в полете не повторит маршрут другого. Вылетаете ли вы через день, через час или хотя бы через минуту после вашего товарища, вы идете уже совсем другой дорогой - другая длина, другая кривизна, другие скорости на отдельных

участках, все другое, только место посадки то же самое. Но вблизи Венеры пучок трасс сходится, и проделавшие долгий путь корабли прибывают вовсе не с теми интервалами, с которыми они стартовали. Здесь возможны столкновения, если будет допущена малейшая ошибка. И вот одно столкновение уже произошло, и, главное, где? На трассе Земля - Луна, где существуют станции наведения и локаторы, которых нет на Венере. Весь замысел операции "Венера-9" был поставлен под сомнение.

Больше всех волновались, конечно, представители Контроля безопасности.

- Вы хотите высадить на Венере людей, - говорили они, - а потом обрушить на их головы град грузовых кораблей. Люди должны разгружать их и отправлять обратно, слыша над головой свист все новых прилетающих грузовозов и видя, как они шлепаются вокруг с возможными, "допустимыми" отклонениями от орбиты.

- Чтобы корабли не столкнулись в полете, - возражали им, - их нужно снабдить особо высокочувствительными и быстро реагирующими устройствами, отклоняющими их друг от друга при малейшей угрозе чрезмерного сближения.

- Такие "шарахающиеся" корабли, - объявляли другие, - гораздо опаснее обыкновенных, идущих себе спокойно по заданному маршруту. Нужно просто точнее рассчитать и скрупулезно соблюдать эти маршруты.

- Такая точность, - сомневались некоторые, - в настоящее время не может быть достигнута: тому доказательство - столкновение на обкатной трассе. Ведь до сих пор все космические полеты производились так, что вблизи Земли и Луны одновременно много кораблей не находилось. Возникла совершенно новая проблема, и современная техника к этому не готова.

- Что же делать? - спрашивали четвертые.

- Отложить полет на три с половиной года или на четырнадцать лет, отвечали пятые, - когда техника обеспечит стопроцентную удачу.

Председательствующий уже дважды уменьшал изображение людей на огромных экранах, иначе все желающие высказаться не уместились бы. Кажется, один только Ольсен сохранял спокойствие. Такой шум бывал и прежде, когда в игру вступали обстоятельства, не предусмотренные первоначальным планом. Ольсен понимал, что операция все равно должна состояться, и, конечно, в назначенный срок, иначе ее действительно придется отложить на годы. Он внимательно слушал всех. И соображал: что же нужно сделать? Он не мог позволить себе фантастические домыслы, представлять живые картины падающих на людей грузовых кораблей, столкновения в космосе и прочее. Его задача сделать так, чтобы ничего этого не произошло.

И все умолкли, когда он попросил слова.

- Было бы недостойно людей, - сказал он, - если бы мы отказались от полета в ближайший допустимый срок только вследствие того, что техника в данный момент не вполне готова. Техника - наша гордость, наша сила, это то, что обеспечило нам практический доступ к другим мирам, и считать ее несовершенной настолько, чтобы отложить надолго экспедицию, нет никаких оснований. Значит, все дело во времени. Его мало, но вспомните, что каждая наша минута по заложенным в ней возможностям соответствует по крайней мере суткам сто лет назад. В наших руках сделать это время еще более емким. Итак, я предлагаю...

Ольсен сделал паузу, обвел взглядом экраны, с которых на него смотрело множество глаз (сам Ольсен сидел в своем бюро, перед экраном на стене против письменного стола), и продолжал:

- Первое: послать на Венеру специальные, особо точным образом нацеленные ракеты - станции наведения. Изготовить их с тройным запасом. Те, что попадут в цель наиболее, верно, послужат для работы, остальные мы выключим. Станции наведения обеспечат правильную посадку всех прибывающих кораблей. Второе: корабли должны прибывать по графику разгрузки и садиться на максимально

удаленных друг от друга концах посадочного поля - этим мы обеспечим безопасность людей. Третье...

Ольсен перевел дух, но голосом совершенно твердым закончил:

- Ввиду особой сложности операции я прошу руководство ею поручить мне. Я должен прибыть на Венеру первым и покинуть ее последним, когда улетят все корабли. Но так как мне чрезвычайно важно быть и на старте абсолютная

точность всех операций на старте имеет решающее значение, - я прошу разрешить мне использование сверхскоростного полета.

На людей, подключившихся к Залу Совета своими блок-универсалами, смотрело с экранов лицо Ольсена: плотно сжатые губы, высокий лоб, светлые, почти прозрачные глаза. Нет, его решение не было порывом романтика. Он пришел к нему на основе трезвого расчета. Смелость,

грандиозность идеи, ее головокружительная фантастичность - все это не подлежало даже рассмотрению. Так исключается все конкретное при математическом абстрагировании. Остается чистая логика.

Это была уже самая настоящая сенсация. Миллионы людей следили за ходом заседания. И холодок пробегал по спинам даже самых смелых, самых закаленных. Сверхскоростной полет человека в космосе... Этого еще не бывало!

6

Ольсен мог бы еще многое припомнить из этой эпопеи. Впрочем, она еще не закончилась.

Ольсен словно очнулся. Он замечает, что Григорян смотрит на него с удивлением. Лирические паузы не в духе руководителя "СК". Ольсен окончательно возвращается к сегодняшним делам и спрашивает о прицельных ракетах.

Сорокин с испытательной станции и еще два инженера объясняют, как удалось решить самую сложную проблему - самонаведения. Вся "начинка" этих кораблей, весь их груз состоит из навигационного оборудования. Собственно, у них ведь единственная задача - правильно сесть. Это как бы гигантские вымпелы-ориентиры, забрасываемые на другую планету. Они будут подавать сигналы главному флоту.

Для прицельных ракет отведен отдельный космодром. Они стоят на просторном плато. К ним не разрешено приближаться никому. Исполинские тела укрыты чехлами. Тщательно настроенные, выверенные особым способом, они оберегаются от всяких внешних воздействий. Только приборы ведут за ними непрерывное наблюдение. В рассчитанный момент чехлы будут сброшены, и станции наведения первыми откроют навигацию. Сорок восемь часов спустя будут стартовать пассажирские корабли. А спустя еще сутки начнут отправляться в космос грузовые ракеты.

Остается осмотреть еще одно сооружение. Его, собственно, нельзя даже назвать космодромом. Здесь не стоит,

а лежит на наклонной эстакаде всего одна ракета. Она не похожа на все другие корабли. Очень длинная, напоминающая сильно увеличенную иглу. В нижней ее части - пояс из множества цилиндров. Она взлетит при помощи этих вспомогательных ракет по касательной, а затем включатся основные двигатели. Многоступенчатые ракеты когда-то проложили путь в космос, и этот принцип человек сохранил в испытательных кораблях, с помощью которых стремится достичь максимальной скорости. Ракета, на которую смотрят сейчас люди, предназначена для рекордов. Человек в ней еще не летал. Теперь полетит Ольсен. Его предшественниками были собаки, кролик и обезьяна. Никто из них не вернулся на Землю или на Луну. Новейшая сверхскоростная ракета еще не умеет возвращаться. Она никогда раньше не садилась на другие планеты. Эта сделает первую попытку.

Почему Контроль безопасности согласился на этот скоростной рывок в космос? Не только потому, что доводы Ольсена показались убедительными. Сыграло роль и другое соображение: сверхскоростной снаряд способен достичь Венеры и на большем ее удалении от Земли. Значит, если расчеты инженеров оправдаются и полет пройдет удачно, а конструкторы убеждены в этом, то в экстренном случае на Венеру могут быть впоследствии посланы люди и до истечения трех с половиной лет. Соображение веское! Тридцать семь человек в случае нужды смогут получить помощь с Земли.

Ольсен думает о том, что произойдет, если расчеты инженеров не оправдаются. Тогда это долговязое сооружение здорово его подведет. Конечно, по правилам полагается сначала испытать ракету в посадке без человека. Но нет времени. Да и не первый день человечество занимается конструированием космических снарядов.

Ольсен смотрит на часы. Еще много работы. Не все корабли загружены. Некоторые грузы прибывают в самый последний момент. Проклятая астрономия! Нет возможности заблаговременно, не спеша, все обстоятельно подготовить и

тысячу раз проверить. "Техника отстает, - думает он. - Новейшие корабли привязаны к твердым орбитам, как и самые первые. Когда-нибудь будет же человек летать, когда захочет и куда захочет?!"

Они спускаются вниз. Ольсен садится за стол, вызывает заводы.

7

Вот он, наконец, долгожданный миг! "Невиданная по масштабам межпланетная операция!", "Первое постоянное поселение людей на Венере!", "Космический флот стартует!" Заголовки и сообщения газет и радио подчеркивают значимость события. Телепередачи показывают во всех деталях этот исторический шаг человечества. Когда-нибудь этот день будет занесен и в анналы венерианцев.

Ольсен с ближайшими помощниками - на командном пункте в Луноградe. На экранах они видят сразу все, что происходит в их огромном хозяйстве.

То с одного, то с другого космодрома стоявший с краю корабль вдруг трогался с места: не сразу набирая высоту, он висел некоторое время в пространстве, окутанный клубами дыма и пыли, потом с быстро возрастающей скоростью устремлялся ввысь. Огненный султан был виден и после того, как сам корабль исчезал. Он уменьшался, превращался в светлую точку и таял.

- Тридцать четвертый идет по курсу, - докладывала Пулковская радар обсерватория.

- Приборы показывают отклонение тридцать пятого - три десятитысячных, сообщала станция приема радиодонесений на Луне. - Отклонение уменьшается, - добавляла она. - Тридцать пятый идет по своей орбите.

Ольсену не приходится даже шевелить пальцами. Он сидит и смотрит. Слушает, потом вызывает ведущего инженера по космонавтике:

- Почему корабли не сразу ложатся на маршрут? У половины отклонения в самом начале.

— Это предусмотрено, - успокаивает его мягкий голос. - Прицеливание прямо с места старта очень трудно. Тем более на такой дистанции. Мы усилили управляющие полетом устройства. Так вернее. Наши "пули" летят тем точнее, чем ближе к цели. Что вы волнуетесь? - добавляет инженер уже неофициально. - Ведь пристрелочные ракеты вышли на орбиты очень точно. Они подведут корабли к месту посадки. Лишь бы те не вышли из зоны наведения. Но этого не может случиться.

Ольсен все же волнуется. Сейчас, когда он почти ничего уже не может предпринять, он начинает испытывать нечто вроде лихорадки. Тот самый Ольсен, которого назначили на этот пост за несокрушимое хладнокровие и выдержку! Только работа может вернуть ему нормальное состояние. И он уходит в тысячи дел, готовя каждый корабль к отправке как родного сына. Конечно, это уже второстепенные заботы. Вроде: "Застегни воротник, а то простудишься!" Главное определено. Железный график действует, и корабли в заранее разработанном порядке то там, то здесь срываются в космос. Он словно стоит у гигантского конвейера, движение которого не в силах изменить.

Первыми после прицельных ракет ушли пассажирские корабли. Люди улетали весело, счастливо возбужденные, довольные предстоящим делом, тем, что выбор пал на них. Меньше всего они думали об опасностях в полете. Там, на Венере, да. Глаза их разгорались от предвкушения неизведанного, с которым они встретятся на нехоженых тропах далекой планеты. В пути же все пройдет как надо. Ведь тысячи людей готовили ракеты, рассчитывали и регулировали каждый винт.

- На ребят Ольсена можно положиться!

О, сколько раз он слышал эту фразу! Ольсен чувствует, как испарина выступает у него на лбу. Слабость? Ощущение ответственности знакомо ему. Может быть, просто устал.

Корабли уходят в космос...

Восьмой день группа Ольсена, да и он сам не отлучаются от своих рабочих мест. Отдых, чтение, спорт, беседы на посторонние темы - ничего этого они не знают. Только сон: три часа в сутки, строго регламентированные, контролируемые электрическим прибором. Без сновидений, без мыслей - полный отдых мозгу. Они сами точно находятся сейчас в ответственнейшей экспедиции.

...Корабли уходят в космос.

- Все в порядке! Все в порядке! Все в порядке? - радируют, сообщают, доносят со всех сторон. Это все итоги работы, проделанной дружным коллективом "СК".

Пустеют космодромы. Поредевшие ракеты торчат, как обелиски, как памятники человеческому устремлению вперед. И чем больше кораблей уходит с космодромов, тем спокойнее на душе Ольсена. Инженеры "СК" успевают проанализировать старт первых, чтобы внести какие-то изменения в технику отправления последующих.

Последний грузовоз берет старт. Все испытывают облегчение: этот уже не сможет выкинуть никакого номера. На крайний случай в распоряжении организации "СК" есть запасные корабли с тем же грузом горючего.

Ольсен совещается с товарищами и принимает решение: все запасные грузовозы с горючим послать на Венеру. Зачем держать запас на Луне? Вдруг не дойдет до цели или совершит неудачную посадку как раз корабль с горючим. Или часть горючего, предназначенного на обратный путь, подвергнется изменениям за те три с половиной года, что будет храниться на Венере. Пусть лучше запас будет там.

Все. Теперь Ольсен абсолютно спокоен.

В таком состоянии он покидает командный пункт. Неплохо немного размяться. Он выключает механизм движущейся ленты и идет по коридору. Ему кажется в этот миг, что забота об экономии сил людей на Луне доходит до смешного. Точно какой-нибудь местный Ольсен постарался.

...Проходят сутки. И снова он шагает, но теперь уже не спеша, наслаждаясь, точно смакуя каждое свое движение. Нескоро ему придется так работать ногами: в сверхскоростной ракете никаких удобств - по сравнению, конечно, с теми комфортабельными кораблями, на которых улетела Девятая. Испытательная ракета только в самый последний момент приспособлена для перевозки человека. Даже маршрут ее, подготовленный давно, изменили лишь частично.

В вестибюле вокзала он выпивает, не торопясь, бокал лунного коктейля. Ощущение радости жизни обрушивается на него, как дождь. Ему хочется танцевать. Все отлично!

Провожающие окружают Ольсена. Все хотят пожать ему руку, сейчас, пока это еще можно сделать поземному, ощутив теплоту человеческих пальцев. Григорян, Сорокин,

Алик, во взгляде которого Ольсен читает нескрываемое восхищение... Кажется, в глазах этого мальчика он, Ольсен, выглядит сейчас героем - по всем законам юношеской романтики.

Все садятся в лунолет. Конечно, приходится надевать скафандры. Кратковременное путешествие в недалекое прошлое. Что поделаешь! Лунолет мчится рывками, подпрыгивая на невидимых ухабах. Взбрыкнув в последний раз, он как вкопанный останавливается у эстакады. Лифт поднимает всех на узенькую площадку с перилами в виде решетки.

Нужно пройти по ней вдоль ракеты, уложенной на эстакаде, туда, к головной части. Спутники Ольсена осторожно ведут его, словно он какое-нибудь хрупкое создание. Он кротко выслушивает последние предостережения, последние наставления. Ольсен улыбается. За этот полет отвечают другие — вот эти милые сердечные люди, что так беспокоятся и явно волнуются. Это первый в его жизни полет, который его лично совершенно не беспокоит.

Уже в кабине, без скафандра, сидя в кресле, он вспоминает, что забыл сказать об одной интересной идее Коробову. "Впрочем, успею, - думает он тут же. - Ведь я раньше него окажусь на Венере. Удивительная это вещь современная техника! - приходит ему в голову. - Получается что-то вроде путешествия во времени".

- Приготовиться! - раздается спокойный голос.

Кресло, в котором он сидит, начинает запрокидываться, разгибаясь в могучих шарнирах, мягкие обхваты настойчиво придают телу Ольсена нужное положение. Он лежит на пружинном плоту, плавающем на чем-то. Залп!

Ему кажется, что ракета соскользнула с эстакады и падает в бездонную пропасть. Секунда, другая...

Страшная сила вдруг вдавливает его в пружины кресла. В глазах Ольсена идут круги. "Как же собаки?" - мелькает в его мозгу, и он теряет сознание. Он приходит в себя лишь после того, как сработала последняя стартовая ступень.

Прозрачная туба с каким-то напитком оказывается около его губ. Он жадно пьет. Ольсен все еще лежит. "Собаки проходили тренировку, - мелькает в его мозгу окончание мысли, которая беспокоила его. - И, конечно, более основательную, чем я". Наконец он соображает, что плот так и не превратится в кресло, если не нажать какую-то кнопку. Он отдыхает еще с полчаса и нажимает ее.

Все. Он сидит в кресле. Ракета мчится со страшной скоростью, развитой в результате тройного толчка. Потом будут еще толчки, еще ускорения. Но это впереди. У ракеты необычный маршрут: она сначала удаляется от Солнца, а потом летит к Венере. Ведь это испытательная ракета, и она выполняет свою программу. Повороты в космосе и на больших скоростях — это еще предстоит испытать Ольсену.

...Гаснет свет. Открывается металлическая заслонка, и круглый луч врывается в ракету через иллюминатор. Он совсем маленький. Чуть меньше человеческого лица. Ольсен приникает к окошку в мир.

Земли не видно. Она где-то позади. Солнце сбоку. Его лучи сияют на остром носу ракеты, который можно увидеть, если прижаться плотнее к иллюминатору и скосить глаза.

Но что это там впереди? Звездочка. Сверкающая, быстро приближающаяся. Ольсен не может нагнать ракеты, отправленные им на Венеру. Они идут по другим трассам. Что же это такое?

Звездочка летит прямо на Ольсена. Метеорит? Вот это нечто сверкает прямо перед глазами Ольсена. И тут Ольсен начинает понимать, что это нечто вовсе не летит навстречу, он, Ольсен, нагоняет его, и второе... Ну, конечно же. Сердце у Ольсена подпрыгивает и начинает стучать взволнованно-торжественно... Какая встреча! Первая ракета, чуть ли не сто лет назад запущенная людьми в космос, - первая искусственная планета. Она продолжает свой путь вокруг Солнца, вечный памятник дерзновенной человеческой мысли. Первая и непревзойденная, какие бы ракеты ни создавались после.

В технике ли, в жизни ли людей первый шаг всегда самый трудный. Первая страна социализма послала эту планету. И она как бы вознесла над миром слово: "Коммунизм".

И вот оно пришло, грядущее! Какое удачное совпадение: рейс скоростной ракеты на Венеру совпал с приближением к Земле первой планеты, созданной людьми. Сверкнув в глазах Ольсена и исчезнув, она словно передала ему напутствие людей, чьими усилиями создан весь тот мир, в котором живут Ольсен и миллиарды его современников.

Минуту, другую Ольсен охвачен глубоким раздумьем. Никогда еще он не чувствовал так остро ход истории. Романтика? Значит, все-таки она есть, эта романтика!

Наконец Ольсен словно приходит в себя. Он видит за стеклом иллюминатора опустевшее пространство. Внутри кабины полумрак. Он включает свет.

"Надо посоветоваться с Коробовым, - соображает Ольсен. - Может быть, часть грузовозов оставить на Венере. Ведь наверняка будут разные материалы, добытые экспедицией за три с половиной года. Надо их как-то перебрасывать. Да и вообще, пожалуй, гонять корабли порожняком не очень здорово. Надо их все загрузить, - решает он, - оставить все на Венере. Но ведь тогда, - думает он тут же, - придется организовать старт с Венеры. Сделать это должен кто-то опытный в таких делах. Гм! Не остаться ли на Венере? Или прилететь снова на сверхскоростной незадолго перед стартом?"

Сидеть в бездействии он, Ольсен, не может. Надо обдумать все. Сверхскоростная ракета превращается для Ольсена в рабочий кабинет. Он работает, изредка выключая свет и поглядывая в окошко. Звезды смотрят на человека, словно удивляясь, что он тут делает.

Знают ли они, что это один из разведчиков бесчисленной армии пытливых исследователей природы с планеты Земля?

Валентина Журавлева

МЫ УХОДИМ К АЭЛЛЕ

Мой друг, мой далекий друг, я буду говорить с тобой. Капитан дал нам сорок минут. Кристаллофон запишет мои слова. Шифратор сожмет, спрессует записанное, и на мгновение корабельные реакторы отдадут всю свою мощь передатчику. Короткий всплеск энергии будет долго идти сквозь космос — туда, где за невообразимой далью находится невидимая Земля. Но настанет время, и ты услышишь мой голос.

Я должна многое сказать тебе. Еще несколько минут назад, выслушав распоряжение капитана, я знала, что именно надо сказать. Я бежала по трапу, чтобы скорее попасть в свою каюту. Но стоило мне включить кристаллофон, и я почувствовала: слова, казавшиеся такими необходимыми, совсем не нужны.

Вероятно, это усталость. Да, все мы безмерно устали. Через двадцать девять дней после старта, когда корабль достиг субсветовой скорости, приборы отметили повышенную плотность межзвездного газа. С этого времени аварийные автоматы почти беспрестанно подают сигналы опасности. Я слышу их звон и сейчас, когда говорю с тобой. Межзвездный газ постепенно разрушает оболочку корабля. Установки магнитной защиты, доведенные до предельного режима, работают с перебоями. Частицы межзвездного газа проникают сквозь экраны реактора, вызывая побочные реакции. Электронные машины захлебываются в потоке бесконечных расчетов. По шкалам приборов мечутся ослепшие стрелки...

Мы свыклись с опасностью. Сигналы аварийных автоматов вызывают только одно ощущение — глухую досаду. Они означают, что снова надо идти к пультам управления. Снова думать, рассчитывать, искать. Усталость сделала нас неразговорчивыми. Мы молча работаем, молча едим. И если кто-нибудь пытается шутить, мы лишь молча улыбаемся.

Но раз в сутки все меняется. В двадцать часов по корабельному времени капитан выключает систему аварийной сигнализации. Управление кораблем полностью передается электронным машинам, а экипаж собирается в кают-компании. Час — с двадцати до двадцати одного — все разговорчивы, оживленны, веселы. Мы ведем себя так для единственного пассажира корабля. Он выходит из своей каюты только на час. И тогда мы стараемся скрыть усталость. Наш полет имеет смысл лишь в том случае, если этот человек будет доставлен благополучно...

Мой далекий друг, над кристаллофоном висят часы. Минутная стрелка бежит с головокружительной быстротой, а я еще ничего не сказала. Сердце бьется в такт часам — взволнованно, быстро и... растерянно. Трудно найти нужные слова.

Помнишь вечер накануне твоего отлета? Ты улетал утром, на три недели раньше меня, и это было наше прощание. Ты помнишь, в тот вечер мы почти не говорили. Мы

долго стояли у реки, а над городом полз багровый от бесчисленных огней осенний туман. Сквозь туманное марево пробивался свет кремлевских звезд, и казалось, эти звезды так же далеки, как и те, к которым нам предстояло лететь. А потом ты спросил:

— Любишь?

И я ответила:

— Спроси, когда вернемся.

— Через полтора года...

«Это для нас, — подумала я. — А на Земле пройдут десятилетия. Что будет здесь, на этом месте?»

И, словно угадав мои мысли, ты тихо произнес: — Мы придем сюда. Правда?

Туман поднимался снизу, с реки, и полз к нам. Ты молча снял теплую куртку и накинул мне на плечи. Почему я не ответила на твой вопрос? Почему? Быть может, ждала, что ты спросишь еще раз? Или нечто более властное удержало меня от короткого «да»?

Через несколько дней я снова пришла на это место. Пришла одна. Твой корабль уже набирал скорость где-то там, в звездной бездне. До боли в глазах всматривалась я в затянутое тучами небо. Было удивительно тихо, и только изредка шелестели листья, словно скупой ветер пересчитывал, много ли их осталось.

Я знала: меня уже ждут на ракетодроме. Да, обстоятельства сложились так, что я покинула Землю раньше, чем предполагалось. К системе звезды Росс 154 уходил с особым заданием звездный корабль «Орленок», и меня назначили дублером радиоинженера. В этот последний вечер я смотрела с нашего холма на серебристые огни Москвы. Они простирались до горизонта, сливаясь там в широкую светлую полосу. Не верилось, что скоро эти огни, и все огни Земли, и сама Земля превратятся в светящуюся точку. А потом исчезнет, и эта светящаяся точка и останется лишь беспредельная черная пустота...

Мы летели к Электре, планете в системе звезды Росс 154. «Орленок» должен был доставить туда термоядерный генератор. Не стану рассказывать о полете: ты прочтешь о нем в рапорте капитана. Мы достигли Электры и на озерном ракетодроме, пока кургузые, похожие на майских жуков буксировщики тянули корабль к причалу, узнали, что предстоит срочный обратный рейс.

Через три часа, когда заканчивалась погрузка, по трапу поднялся человек в сером свитере. Это был наш единственный пассажир — человек, о котором на Земле рассказывали легенды. Здесь его называли Открывателем.

Лишь в редких случаях одно слово может вместить жизнь человека. Легенды, которые я слышала на Земле, казались мне поэтической выдумкой, не больше. Но здесь, на Электре, я поняла, что они лишь слабый отзвук действительности.

Человек, которого называли Открывателем, родился на первом корабле, летевшем к Электре. Тридцать один год назад корабль достиг Электры. Чужая планета стала родиной Открывателя. Это была странная планета. В ее атмосфере содержалось вчетверо больше кислорода и вдвое больше углекислого газа, чем в атмосфере Земли. Вода, насыщенная углекислотой, бурлила, пенилась. Над ржавыми скалами поднимались огни бесчисленных газовых источников. Растения и животные жили буйной, не похожей на земную жизнью. В каменистых пустынях за несколько часов возникали непроходимые леса и так же быстро исчезали. Ветер уносил в небо потоки горючих газов. Они сгорали, а на иссохшую почву падали струи кипящего дождя...

Люди дорого платили за каждую тайну Электры. Открывателю было шестнадцать лет, когда он остался один. Быть может, его спасли прирожденные способности исследователя: он умел понимать, помнить, предвидеть. Быть может, он, выросший на этой планете, каким-то шестым чувством догадывался о приближающейся опасности. Или ему просто везло. Но он выжил. Семь лет он был единственным

человеком на Электре. С Земли прилетали лишь транспортные ракеты с оборудованием. Позже он узнал, что вторая экспедиция, вылетевшая на Электру, не достигла цели.

Семь лет Открыватель исследовал Электру. Спускался на дно ее океанов, взбирался на покрытые пенистым снегом пики, пересекал кочующие леса. Сражался с хищниками, строил опорные станции, посадочные площадки, радиомаяки. Семь лет с ним были только машины.

Потом прилетел корабль с людьми. Открыватель мог вернуться на Землю. Быть может, он и вернулся бы, но корабль прибыл в период весенних бурь. Серая клокочущая вода лавиной шла по равнинам. Ураганный ветер разбрасывал тяжелые валуны. Из болотистых лесов, подгоняемые ветром, выползали низкорослые черные кустарники; их источавшие кислоту ветки цепко опутывали все, что встречалось на пути. Открыватель знал: только он может предостеречь людей, остающихся на Электре, без него они погибнут. Он умел читать следы на влажном песке. Умел по едва уловимому запаху, по едва приметным изменениям в окраске неба определять приближение урагана. Он любил планету, еще чужую для других людей. И он остался.

На Электру все чаще прибывали корабли. Открыватель указывал людям залежи бериллия, титана, урановой руды. Он отыскивал места для будущих городов. Его роботы всегда появлялись в тот момент, когда люди нуждались в защите или помощи. Роботы, как и сам Открыватель, были ветеранами. Их электронная память хранила все необходимое для жизни на этой планете. Другим роботам предстояло еще годами приспосабливаться. Роботы Открывателя уже знали Электру. Могущество Открывателя было могуществом человека, управлявшего немногими из прижившихся на планете машин. Но людям казалось, что Открыватель наделен какой-то особой силой. Теперь я знаю: в этом есть немалая доля истины. Суровая борьба, закалившая интуицию и волю Открывателя, сделала его человеком необычным.

Время шло. Люди наступали на Электру. В скалах гасли вечные огни. Отчаянно сопротивлявшиеся хищники уходили в леса. Каналы прорезывали каменистые пустыни. Открыватель чувствовал: теперь он может вернуться на Землю.

Ракетодром, с которого улетал наш корабль, обступили провожавшие Открывателя люди. Но где-то рядом сверкали огни сварки. Там строили стартовую площадку для полетов к неисследованным звездным системам. Люди работали и в день отлета Открывателя.

С верхней площадки трапа он долго смотрел на черную дымку, скрывавшую горизонт. Красный диск звезды Росс 154 медленно погружался в эту похожую на предштормовое море дымку. Никто из нас не решался поторопить Открывателя. «Орленок» был готов к старту, но мы ждали...

В первые же часы полета мы поняли, как трудно будет Открывателю. Регенеративные установки поддерживали на корабле атмосферу такого же состава, что и земная. Открыватель не мог дышать земным воздухом: он вырос на Электре, и теперь ему не хватало кислорода. Его поместили в отдельную каюту, в которую подавался насыщенный кислородом воздух. Только раз в сутки Открыватель выходил из своей каюты; он хотел привыкнуть к земному воздуху.

Он появлялся в кают-компании точно в двадцать часов. Он шел наклонившись, словно преодолевая сопротивление ветра. Медленно, избегая лишних движений, подходил к своему креслу. Темные очки защищали его глаза от корабельных ламп, излучавших солнечный, богатый ультрафиолетовыми лучами свет. Атмосфера Электры, содержащая в верхних слоях много озона, не пропускала ультрафиолетовых излучений, и лицо Открывателя, никогда не знавшее загара, было неестественно белым. Откинувшийся на спинку кресла, глубоко дышавший через полуоткрытый рот, в темных очках, подчеркивающих его бледность, Открыватель производил впечатление тяжелобольного.

Мы, не сговариваясь, старались развлечь своего пассажира. Расспрашивали Открывателя о его работе (он писал историю покорения Электры). Говорили о Земле. Охотно смеялись над каждой шуткой и ни словом не обмолвились о том, что угрожает кораблю. В этот час для нас не существовало никаких опасностей.

О чем думал Открыватель, слушая наши разговоры? Понимал ли, что мы только играем? Возможно. Не знаю, как другие, но в его присутствии я чувствовала себя ребенком. Все мы, в сущности, еще очень мало сделали в жизни, а Открыватель сделал столько, что хватило бы на много жизней.

Да, вероятно, он с самого начала видел нашу игру, но молчал. А на лице его ничего нельзя было прочесть. Когда он изредка снимал очки, меня поражал контраст между живыми, очень выразительными глазами и совершенно неподвижным, похожим на мраморное изваяние лицом.

— Результат одиночества, — сказал как-то наш врач. — Все чувства ушли внутрь.

...Стрелка часов неумолимо движется по циферблату. Надо спешить, и я буду говорить о главном.

Однажды Открыватель, спустившись в кают-компанию, никого там не застал. Обстоятельства сложились так, что экипаж должен был работать. Никто не мог покинуть пост управления, и только мне капитан приказал идти в кают-компанию. Я дублер, и для меня полет считался учебным.

С капитаном не спорят. Я оставила товарищей и прошла в кают-компанию. Открыватель, как обычно, сидел в кресле. Он встал, увидев меня, и молча кивнул головой. Он не удивился тому, что я одна, ни о чем не спросил. И я старалась говорить весело и беспечно. Это было трудно. Темные стекла очков бесстрастно поблескивали под светом корабельных ламп, но мне казалось, что Открыватель видит все. После нескольких фраз наступило молчание. Сквозь гул двигателей пробивался тревожный звон аварийных автоматов. Я тщетно искала, что сказать. И, когда молчание стало

невыносимым, услышала негромкий, спокойный голос Открывателя:

— Скажите... какая она... Земля?

Я уже хотела ответить первой пришедшей на ум фразой, как вдруг что-то остановило меня. Я подумала: «Ведь этот человек никогда не был на Земле. Как ему объяснить?» Странно, но только в тот момент я впервые осознала, что это такое — никогда не быть на Земле.

Открыватель ждал ответа, а я думала о том, что никакие слова не могут передать красоту Земли. Слова — жалкие копии. Они действуют лишь тем, что пробуждают живые воспоминания. Но если нет воспоминаний, слова бессильны.

Мысль эта нахлынула внезапно, и в течение какой-то доли секунды я

вдруг — до боли остро — почувствовала непередаваемую прелесть Земли. Нет, в это мгновение я увидела не те праздничные, украшенные людьми уголки, с которыми часто связывается наше представление о красоте. Я увидела заброшенный лесной пруд: шершавые стволы над зеленой, присыпанной золотом солнечных стружек водой, и сморщенный желтый лист, который, покачиваясь, плывет мимо мокрой травы... Как передать это тому, кто не видел, как падают в воду листья, кто никогда не слышал, как ветер ласкает гибкие ветви, никогда не прикасался к нагретому солнцем камню, никогда не держал в зубах кисловатую травинку, никогда не вдыхал влажный, пронизанный сотнями запахов лесной воздух?

— Спасибо, — неожиданно произнес Открыватель. — Я понял.

Он встал и направился к трапу. Он ничего больше не сказал, но я знала: он действительно понял меня. В этот день я по-новому увидела Открывателя.

На следующий вечер в кают-компании собрался весь экипаж. Говорили о Земле, о том, какой она стала за время нашего отсутствия.

— Земля всегда меняется, — сказал капитан. — Это видно уже издалека. Помню, в прошлый рейс мы обнаружили в солнечной системе две планеты с кольцами. Когда штурман доложил мне об этом, я рассмеялся. Сатурн — один, у другой планеты не могло быть колец. Но штурман оказался прав. Пока мы были в полете, у Земли появилось кольцо Черенкова. Теперь меня ничем не удивишь. Возможно, будет создана атмосфера на Марсе. Или изменится орбита Венеры... Знаю только, что мы увидим изменения еще издалека. Это как возвращение в родной город: уже в пригороде замечаешь, как переменилось все за время твоего отсутствия...

Я сидела в углу, куда не доходил свет ламп, и следила за Открывателем. Он слушал капитана, но лицо его ничего не выражало. И, глядя в черные стекла очков, я подумала, что он ждет совсем других изменений на Земле. Словно угадав

мои мысли, Открыватель посмотрел в мою сторону. Это был беглый взгляд, не больше. Но, подчиняясь неведомой силе, я сказала:

— На Земле изменится атмосфера.

Капитан обернулся. До сих пор все мы, по молчаливому соглашению, избегали говорить о земной атмосфере.

— На Земле изменится атмосфера, — повторила я.

— Почему? — спросил врач.

— Она обогатится кислородом, — ответила я. Эта идея появилась у меня внезапно, но я сразу поверила в нее. — Атмосфера будет такой же, как на Электре. Это лучше для людей. Исчезнут многие микроорганизмы. Повысится мощность двигателей. Станут обитаемыми высокогорные районы.

Никто не ответил. И только после долгого молчания Открыватель сказал:

— У вас щедрое сердце.

Позже, когда мы расходились из кают-компании, я спросила врача:

— А вы верите, что так будет? Вы медик и должны...

— Нет, — перебил он. — Не верю. Но я вижу, что вы любите... его.

Он ошибался, наш старый доктор, и я не виню его в этом. Мог ли он знать, что меня связывало с Открывателем совсем иное — однажды до боли осознанная любовь к Земле.

Шли дни, и как-то рация впервые уловила сигнал. Он был еще очень слаб, этот пришедший из черной бездны неведомый голос. Мы ничего не могли разобрать. Мы только знали, что кто-то говорит с нами. Невыносимая мука — слышать Землю и не понимать, что именно тебе говорят. Прошло несколько до бесконечности длинных дней, пока мы, наконец, смогли понять далекий голос.

Это была не Земля. С нами говорил: «Памир» — корабль, летевший к звезде Струве 2398. Когда наш главный радиоинженер в сотый раз изменил схему дешифратора и послышался тихий явственный голос, мы были так обрадованы,

что не сразу поняли смысл радиограммы. Мы летели к Земле, и уже давно для нас существовали лишь Земля и наш корабль. А мир был велик, и в этом мире к другим звездам шли другие корабли.

«В звездной системе Струве 2398, — гласила радиограмма, — пропала без вести первая исследовательская экспедиция, отправленная на планету Аэлла. Экипаж «Памира» — четыре человека — ведет к Аэлле транспортную ракету с оборудованием. Сообщение о потере связи с первой экспедицией было получено в пути. Первая экспедиция успела лишь передать, что встретилась на Аэлле с какой-то неведомой опасностью. Экипаж «Памира» решил продолжать полет. Аэлла — планета, во многом подобная Электре. Просим Открывателя передать возможно более подробные инструкции и советы...»

Я помню наизусть эту радиограмму. Она лежала на моем рабочем столике долгую ночь дежурства. Мы ждали Открывателя. Сколько времени ему нужно, чтобы составить ответ? Час, три часа, сутки?.. Рация была подготовлена к ответной передаче. Капитан приказал установить круглосуточное дежурство.

В полночь главный радиоинженер ушел из рубки. Я осталась одна. Я думала о тех четырех неизвестных мне астронавтах, которые шли к Аэлле. Они не повернули свой корабль. Четверо против Аэллы... Но ведь мог же Открыватель выстоять в одиночку против Электры! Кто эти четверо?

Мой далекий друг, в ту ночь я думала о тебе. Мне казалось, что люди на «Памире» такие, как ты.

Я дремала, положив голову на столик. В полусне я видела рубку «Памира» и четырех людей, удивительно похожих на тебя. У них были твои глаза — с золотыми, как солнечные блики на воде, искорками, вспыхивающими при улыбке...

В половине четвертого по трапу поднялся Открыватель. Я услышала тяжелые шаги и машинально посмотрела на

часы. Открыватель кивнул мне и медленно прошел к креслу штурмана.

— Радиограмма? — спросила я, пытаясь стряхнуть сон.

Открыватель не ответил.

— Радиограмма готова?

Он снял очки и обернулся ко мне. В его глазах было что-то новое, еще невиданное мной.

— Где... Земля? — странным голосом спросил он.

Я включила обзорный экран. Там, где перекрещивались нити, чернело пятно, окруженное густой россыпью фиолетовых звезд. Скорость корабля исказила вид звездного неба.

— Она там, — тихо сказал Открыватель.

— Ее не видно, — возразила я. — Солнце будет заметно месяца через три, не раньше.

Открыватель покачал головой.

— Она там...

Сон окончательно прошел, и я поняла, что возражать нельзя. Я молча стояла за креслом Открывателя и смотрела на обзорный экран. Это продолжалось долго. Потом Открыватель, все еще склонившись к экрану, едва слышно произнес:

Есть голубая звезда, Джаннета,
Езды до нее двенадцать лет,
Если мчаться со скоростью света.
И белая есть звезда, Джаннета.
Езды до нее сорок лет,
Если мчаться со скоростью света.
К какой же звезде
Мы с тобой поедем —
К голубой или белой?

Мой друг, ты знаешь эти стихи. Это «Детская песенка» Сэндберга. Однажды (с тех пор прошла вечность) ты читал их мне там, на Земле. Но в голосе Открывателя была недетская грусть. И я вдруг все поняла.

— Вы... решили? — спросила я.

Открыватель быстро надел очки и обернулся ко мне.

— Выключите экран.

— Вы решили? — повторила я.

Он посмотрел на меня и улыбнулся.

— Да, конечно.

— Но...

Движением руки он остановил меня.

— Скажите капитану: нужно пересчитать курс. Я перейду на «Памир».

...Неудержимо бежит стрелка часов, а я еще не сказала тебе самое главное.

В эту ночь аварийные автоматы молчали. И только под утро раздались тревожные воющие сигналы. Через минуту весь экипаж был в рубке. Прошло несколько часов, пока мы восстановили магнитную защиту. И когда капитан отошел от пульта управления, я передала слова Открывателя. Странно, но капитан не удивился. Он сказал:

— Хорошо. Идите. Я сам пересчитаю курс.

Однако никто не вышел из рубки.

— Идите, — повторил капитан.

Казалось, никто не слышал приказа.

— Хорошо, — сказал капитан. — Пусть будет так. Но сначала подумайте. Если все решат уйти к Аэлле, мы полетим. Но если хоть один из нас захочет вернуться, мы вернемся на Землю. А Открыватель перейдет на «Памир».

Он посмотрел на часы и добавил:

— Через пятьдесят минут. Я буду ждать здесь. Идите же...

Капитан наклонился к пульту управления. Я заметила: он смотрит туда же, куда ночью смотрел Открыватель...

Пятьдесят минут — они тянулись бесконечно. Я сидела в своей маленькой каюте и думала. На «Орленке» одиннадцать человек. Капитан остался у пульта управления. Десять человек разошлись по каютам. «Если хоть один из нас захочет вернуться, мы вернемся на Землю». Что скажут мои

товарищи? За стальной переборкой каюта доктора. Это был его последний рейс... Главный радиоинженер — он оставил на Земле семью... Мои подруги, механики — их тоже ждут дома...

Пятьдесят минут — они тянулись бесконечно, и лишь в последние секунды время стремительно рванулось вперед. Надо было встать и идти в рубку. Но какая-то сила мешала мне подняться. Быть может, у меня больше, чем у других, права вернуться на Землю? Я дублер радиоинженера. Для меня этот рейс учебный. А там... на Земле... И вдруг я услышала Землю. Среди бесчисленных звуков я вдруг услышала один — шум морского прибоя. Это было так явственно, что машинально я посмотрела на динамик кристаллофона. А шум моря слышался сильнее и сильнее. Рокот морских волн, гул прибоя и еще всплеск покачивающейся на волнах лодки... В этот момент вся Земля воплотилась в пригрезившемся мне голосе моря. Ты слышал, как плещется вода под покачивающейся на волнах лодкой?..

С последним ударом часов я встала, поднялась по трапу и увидела, что все-все, кроме меня, уже в рубке. Они пришли сюда давно, я сразу поняла это. Никто, кроме меня, не ждал пятидесяти минут.

— Надо идти к Аэлле, — сказала я и удивилась, настолько чужим показался мне собственный голос.

— Да, — ответил капитан. — Мы рассчитываем курс.

Десять человек стояли вокруг меня. Никто из них не сомневался, что я скажу «да». Они давно собрались здесь, и сейчас электронная машина уже пересчитывает курс. Десять человек знали, что я скажу «да» ...

Непередаваема красота Земли, но, если меня спросят, что самое красивое на Земле, я, не задумываясь, отвечу: «Люди».

Мой друг,

мой далекий друг, стрелка часов летит по циферблату. Я должна сказать тебе все. Сейчас, когда я говорю с тобой, твой корабль летит где-то в черной бездне космоса. Но пока

мои слова достигнут Земли, ты вернешься туда и будешь ждать меня на нашем холме.

Мой друг, мы уходим к Аэлле. «Орленок» удаляется от Земли. С каждым часом, с каждой секундой увеличивается расстояние, между нами. И все-таки мы ближе друг к другу, чем раньше. Что значит жалкая арифметика расстояний, если я люблю тебя!

Не знаю, что ждет нас на чужой и злобной планете. Но как бы ни бушевало и ярилось небо Аэллы, я буду искать в нем твой корабль. Я знаю, мы увидимся с тобой. Ты не собьешься с пути, ты придешь, потому что я люблю тебя!

В этот первый полет я взглянула в бездонные глаза вселенной. Да, мой друг, мой далекий и близкий друг, бесконечность сильна. В сравнении с ней наша Земля — ничтожная пылинка. Но есть нечто сильнее черной бесконечности. Это разум и воля людей. Это право людей стоять плечом к плечу. Это простые слова, перед которыми отступают пространство и время, — я люблю тебя!

Юрий Сафронов

ОГНЕННЫЙ ВОДОПАД

Шклод быстро прошел в свой кабинет, кинул папку с документами в сейф и плюхнулся в мягкое кресло. Так портить ему настроение мог только шеф. Чертова жердь! Шклод нагнулся к письменному столу и включил селектор. Сделал паузу в несколько секунд (подчиненные не должны знать, что он нервничает) и спокойным голосом произнес в микрофон:

— Майор Юск, зайдите ко мне!

Шклод выключил селектор и криво улыбнулся. Так уж устроен управленческий аппарат. Импульс, полученный им от шефа, пройдет через всех подчиненных, перелетит через моря в Россию и, по мере удаления от кабинета шефа постепенно затухая, заставит непосредственных исполнителей операции работать чуточку быстрее.

Послышался тихий звук зуммера. Шклод нажал под крышкой стола кнопку. Сработал электромагнитный замок, и дверь в кабинет распахнулась.

— Разрешите, шеф?

— Входите, Юск. Садитесь. Курите.

С минуту Шклод молчал. Потом, не повышая голоса, — кричать на подчиненных было не в его правилах, — сказал:

— Вам надоело служить у нас, Юск? Вы собираетесь уйти?

— Что вы, шеф! У меня и в мыслях этого не было! Я хочу и дальше работать с вами.

— Не замечаю этого, Юск. Не замечаю, если судить не по вашим словам, а по делам ваших подчиненных. Почему до сих пор мы ничего не знаем о гигантской ракете русских?

— Вчера получены новые сведения. Ракета не предназначена для военных целей. Ее изготовили по заказу одного из научно-исследовательских институтов Академии наук.

— Что за исследования?

— Пока не совсем ясно. Известно лишь, что испытания готовит лаборатория профессора Васильева, который больше тридцати лет занимается проблемой получения электроэнергии.

— При чем же здесь ракета? Судя по ее огромным размерам, она предназначена по крайней мере для полета на Марс. Может быть, русские собираются привезти оттуда уран для атомных электростанций?

— Секрет скорее всего в тридцатиметровой головной части ракеты.

— Тридцать метров? Вы не ошиблись, Юск? Ведь это высота десятиэтажного дома!

— Мы специально уточняли. Тридцать метров в диаметре. К сожалению, пока нам больше ничего не известно.

Полковник Шклод задумался. Когда русские собираются запустить ракету? С какой целью? А вдруг они запустят ее не сегодня-завтра? Тогда научный эксперимент русских, по всей видимости очень важный, останется неизвестным разведуправлению.

— Если вы дорожите местом, Юск, то через месяц, самое позднее, у меня на столе должны лежать исчерпывающие сведения о работах профессора Васильева. Это сейчас задание номер один. Ясно?

* * *

Причудливый силуэт четко выделялся на фоне светлого неба: шесть огромных ракет, соединенных прочным металлическим каркасом. Конструкция напоминала древний шестиугольный замок, только вместо башен по углам крепости возвышались огромные ракеты. На площадке еще кипела работа.

Четыре наклонные решетчатые колонны с ажурным соединением образовывали сорокаметровую башню, на

верхней площадке которой и собиралась головная часть этой составной ракеты.

К башне подходила железнодорожная ветка. Пятидесятитонные краны подхватывали контейнеры с платформ и переставляли их в кузова грузовиков. Те перевозили контейнеры на открытые бетонные площадки.

Среди лабиринта пустых контейнеров и подготовленных для транспортировки на башню узлов уверенно, словно таежный охотник по давно известным тропам, пробирался пожилой невысокий человек. Вот он остановился возле разгрузочной площадки. Посмотрел, как подъемный кран снял с кузова грузовика большой контейнер и рабочие откинули деревянные стенки. Внутри контейнера оказалась составленная из длинных пластин золотая сетка с мелкими, как пчелиные соты, ячейками. Отполированные ячейки ослепительно заблестели на солнце; невольно все на секунду зажмурились.

— Александр Николаевич! — послышался голос из-за ящиков. — Можно вас на минуточку...

Главный конструктор обернулся на голос:

— Что у вас там, Семенов?

— Да сетки не стыкуются. Взгляните сами.

Обойдя груду пустых контейнеров, Васильев оказался перед гигантским реактивным двигателем. Внутри воздухозаборника двигателя во весь рост стоял высокий слесарь-сборщик Семенов. Его голос с переливами звучал из этой трубы:

— Макаров, дай-ка свой халат Александру Николаевичу.

Васильев надел белый халат и взобрался на помост.

— Вот полюбуйтесь, — говорил Семенов, пропуская конструктора вперед. — Это уже второй случай.

Оба скрылись внутри двигателя. Через несколько минут высунулась голова Семенова.

Пока Макаров с двумя другими рабочими подносил новую золотую сетку, Александр Николаевич Семенов вынимали из двигателя негодную. Когда она показалась на

площадке и засверкала на солнце, трудно было поверить, что деталь с такой ювелирной отделкой может быть негодной. Сетку подхватили со всех сторон и бережно опустили на чистый брезент. Спустя полчаса новая была поставлена на место.

— Это восемнадцатый двигатель? — спросил Александр Николаевич, снимая халат. — Завтра сдадим девятнадцатый. А ту сетку — на вторую проверку в лабораторию. Мы должны добиться полной точности подгонки.

Васильев отдал халат Макарову, попрощался и зашагал в сторону главной башни.

* * *

Консультант главного разведывательного управления профессор Варн опоздал только на две минуты. Майор Юск услужливо пододвинул ему мягкое кресло, сам полковник Шклод передал профессору коробку с отличными сигарами. Он знал, чем угодить своему консультанту...

Пока профессор отрезал кончик сигары, майор Юск проверил настройку магнитофона, скрытого в письменном столе полковника.

Варн краешком глаза наблюдал за майором Юском. Профессор не был безучастной пешкой в этой игре, но делал вид, что ничего не подозревает.

В душе ему было даже весело: пусть ухитряются, как хотят, пусть записывают на магнитофон его речь, снимают его на кинопленку — консультант скажет лишь то, за что может поручиться головой. Никаких догадок и гипотез! Теперь это его правило!

Однажды он высказал смелую гипотезу. Разведуправление построило на ней весь план операции, а гипотеза оказалась ошибочной. Операция провалилась... Его долго таскали по разным управлениям, приводили дословно фразы, произнесенные им во время злополучной консультации, пытались свалить на него всю вину... Ему удалось выкрутиться.

Но он понял, что каждое его слово и даже жесты фиксируются на пленке. Теперь он держался настороженно...

Беседу начал полковник Шклод.

— Мы получили интересные материалы, профессор, и вызвали вас для того, чтобы вы помогли нам уточнить их истинное назначение.

Варн кивнул:

— Я готов.

— Покажите документы, Юск.

Майор раскрыл папку и достал из нее несколько машинописных листов.

— Вот прочтите.

С полчаса Варн внимательно просматривал документы. Потом отложил их в сторону, не спеша стряхнул пепел с сигары и сказал:

— Не густо. Здесь много не скажешь. Упущено очень важное звено. Из-за него трудно установить сам принцип изобретения...

— Но что-то ведь вы можете сказать?

— В записке говорится, что речь идет о новом мощном электрическом генераторе.

— Вы этому не верите? У вас возникают сомнения? — насторожился полковник Шклод.

— Во всяком случае, по тем рисункам, которые приложены, я не взялся бы этого утверждать. Передо мной лишь наружные контуры какого-то устройства. Сказать, что это принципиально новый электрический генератор, я не могу.

— Хорошо. Допустим все-таки, что это электрический генератор, — прервал его полковник Шклод, которого начинала бесить лисья осторожность профессора. — Сделаем такое допущение. Что тогда вы можете сказать о нем? Хотя бы по внешнему виду.

— А что вас интересует в первую очередь? — снова ушел от прямого ответа Варн.

— Конечно, мощность!

Варн снова взял со стола материалы, долго рассматривал их, что-то бормоча себе под нос и делая вычисления на листе бумаги.

— Мощность можно оценить лишь приближенно, — сказал, наконец, Варн. — Многие параметры неизвестны. Но если этот генератор контрроторного типа и сделан по последнему слову техники, с учетом всех новинок, — а к русским надо подходить именно с такой меркой, — то он может вырабатывать около миллиарда киловатт-часов в год. Это огромная цифра. Десять-одиннадцать таких генераторов эквивалентны гигантской гидроэлектростанции на Волге.

Слова Варна поразили полковника. Он переглянулся с Юском.

— А как, по-вашему, профессор, — снова спросил Шклод, — зачем русские собираются закинуть этот генератор в космос?

— Закинуть куда? — переспросил Варн. Ему показалось, что он ослышался.

— В космос, в космос. Я не оговорился. У нас есть сведения, что русские сделали для этого специальную сверхмощную ракету. Зачем им в космосе такой гигантский генератор?

Профессор Варн только пожал плечами.

— Почему вы решили, что он будет работать в космосе? Мне кажется, в описании ясно сказано, — он взял со стола пояснительную записку: — «...встречное вращение статора и ротора обеспечивается прямоточными реактивными двигателями...» Заметьте, прямоточными. Такие двигатели могут работать только в воздушной среде, но не в пустоте космического пространства.

Шклод задумался:

— Вы правы. Неужели русские собираются отправить этот генератор на другую планету, где есть атмосфера? На Марс, например, или на Венеру... Согласен, у нас слишком мало данных, чтобы ответить на этот вопрос. Какие

сведения вы считаете необходимым получить, чтобы разгадать тайну генератора Васильева?

Профессор Варн почувствовал, что наступил самый решительный момент в разговоре. Именно теперь консультант должен дать четкий ответ. Варн задумался, щелкнул зажигалкой, закурил погасшую сигару и медленно заговорил, ни на минуту не забывая о спрятанном в столе магнитофоне:

— В материалах, которые были мне показаны, недостает ответа на самый существенный вопрос: какую энергию используют русские для вращения своего генератора? Иными словами, на каком топливе работают реактивные двигатели генератора. Если ответ будет получен, то решение остальных вопросов сразу облегчится. Гадать и выдвигать гипотезы бесполезно...

Видимо, после его ухода полковник вызовет другого консультанта и задаст ему те же вопросы. Он, Варн, сказал все, что мог сказать в таких условиях. Пусть другие говорят больше, если хотят...

Варн вышел на улицу, не переставая думать о генераторе.

Профессор Васильев... Эта фамилия попадалась ему в литературе. Зачем это русские задумали забрасывать на Марс такой генератор, каких еще не испытывали на Земле? Странная конструкция с реактивными двигателями... Не понятно. Но вместе с тем они создали ее, значит в ней есть какой-то смысл. Русские слишком сильны в технике, чтобы ошибаться... А может быть, они вовсе и не думают забрасывать генератор на Марс?

И вдруг Варна осенила мысль, из-за которой ему пришлось свернуть на ближайший скверик и опуститься на скамью. Сердце его бешено колотилось. Мысли стали короткими и хаотическими, но в них ясно звучало слово — ионосфера... И вдруг все стало на свои места. И огромный размер генератора, и прямоточные реактивные двигатели, и остро

отточенные штыри на концах его оси — все это было просто и гениально воплощено в целую конструкцию.

Варн не мог успокоиться. Может быть, это не так? Может быть, он ошибается? Если бы у этих олухов в разведуправлении был разрез хотя бы одного прямоточного реактивного двигателя генератора, все бы стало на свои места. Русские действительно талантливый народ, они делают буквально чудеса...

Варн прижался затылком к прохладной перекладине скамьи. Что же делать? Вернуться в разведуправление и сказать, что он понял принцип изобретения профессора Васильева? Высказать им очередную гипотезу? Ни за что! С него хватит одной ошибки. Пусть докапываются до истины сами!

Профессор Варн отер пот со лба и посмотрел по сторонам. Потом он встал со скамьи, поправил очки и решительно направился на биржу, чтобы продать все свои акции угольных и нефтяных компаний и купить как можно больше акций электрокомпаний.

* * *

За месяц в кожаной папке Шклода скопилось несколько расшифрованных радиограмм. По ним можно было более или менее точно представить место и время испытаний генератора, но у Шклода не было главного — программы испытаний. Видимо, русские специально выбрали этот малонаселенный и труднодоступный для посторонних лиц район. Надо было на что-то решаться...

Звук зуммера вывел Шклода из задумчивости. Принесли свежую почту. Бегло просмотрев документы, Шклод выбрал из них маленькую шифрограмму: «Самоходные баржи вышли на место сегодня. Грузовой пароход «Ермак» с Васильевым и его сотрудниками отправляется завтра» ... Дальше медлить было нельзя.

* * *

Командир подводной лодки «Трепанг» оторвался от окуляра перископа и вызвал в рубку майора Юска.

— На рейде самоходные баржи и пароход. Мы в районе операции.

Двигатели выключены. Лодка легла в дрейф. Юск прильнул к окуляру перископа, предназначенного для наблюдения за горизонтом. Высовывающаяся из воды часть перископа была замаскирована внутри надувного чучела баклана. Изредка резиновый баклан взмахивал крыльями и откидывал назад голову, словно проглатывая рыбу.

Вокруг не видно ни одного военного судна. Район испытаний не охранялся. Его лишь оконтурили буями с сигнальными флажками. Это была большая удача...

Четверо суток на самоходных баржах шла непрерывная работа. Люди, словно муравьи, сновали по ним целый день. С баржи в воду спускали большие стеклянные шары, соединенные металлическими тросами. На каждом была закреплена огромная металлическая антенна с метелкой проводов на конце. Шары, упав с баржи в воду, тотчас же всплывали, величественно покачиваясь на волнах. Их устанавливали в строгом порядке на равном расстоянии друг от друга. Казалось, запас стеклянных шаров на баржах безграничен. За несколько дней на море вырос целый лес антенн с метелками на концах...

На берегу у самой воды виднелось небольшое здание. К нему сходились высоковольтные кабели от стеклянных шаров, плавающих в море. От здания в глубь острова тянулась на мачтах-опорах короткая линия электропередачи. Она заканчивалась у странного сооружения высотой с пятиэтажный дом. У Юска сложилось впечатление, что это здание специально построено для проведения эксперимента.

Вечером пятого дня одна из самоходных барж снялась с места и чуть не вплотную подошла к подводной лодке. Если бы не электронные приборы ночного видения, соединенные

с перископом, в наступившей темноте нельзя было бы различить ни единого предмета. Но на экранах высокочувствительных приборов баржа была видна отлично. Она находилась так близко, что при большом увеличении можно было разобрать даже выражение лиц людей, находящихся на борту. Юск не поверил своим глазам, увидев на барже силуэт крупной зенитной ракеты и очертания пусковой установки. Он сделал несколько снимков с экрана электронного прибора ночного видения.

— Взгляните сюда, майор! — подозвал Юска командир подводной лодки; он стоял у окуляра зенитного перископа, предназначенного для обзора верхней полусферы. — У горизонта новая звезда!

Над островом ослепительно белым светом горела яркая точка. Она блестела сильнее Венеры. Загадочная звезда быстро перемещалась. Юск понял, что это генератор профессора Васильева. Уже здесь, на подводной лодке, он получил шифрованную радиограмму, в которой сообщалось, что запуск гигантской ракеты прошел успешно.

— Спутник? — спросил командир. Юск поморщился. Он не любил любопытных.

— Нет! Не задавайте лишних вопросов! Скоро начнут...

Спустя четверть часа генератор замер прямо над районом испытаний, точно в зените. На палубе баржи, выделяясь на фоне ночного неба, словно гигантский остро отточенный карандаш, стояла готовая к запуску ракета.

— Ничего не понимаю, — шептал Юск, не отрываясь от перископа, — зачем им понадобилась ракета! Что они, хотят сбить свой собственный генератор?

Неожиданно на барже полыхнуло сильное пламя. Оно вырвалось из-под ракеты огромным языком, отразившись миллионами отблесков на волнах. Ракета на мгновение замерла над баржей, потом быстро понеслась вверх.

Юск кинулся от командирского перископа к зенитному. За ракетой в черном небе оставался желтовато-красный

след, словно она тянула за собой толстую, раскаленную докрасна проволоку.

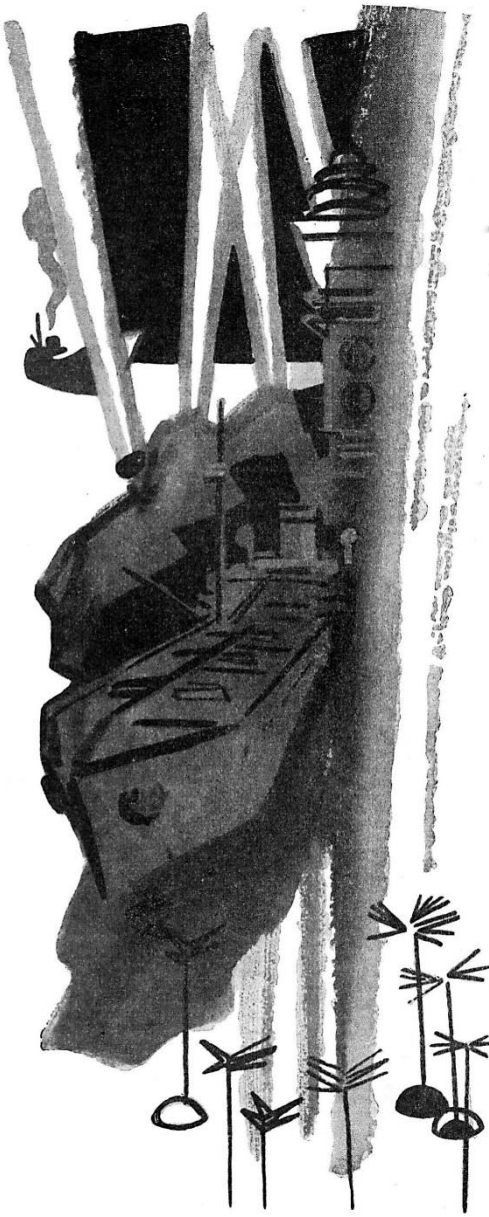
— Что это? — недоумевал Юск. — Новый трассер? Система управления по световому следу? Долго ли он будет гореть?..

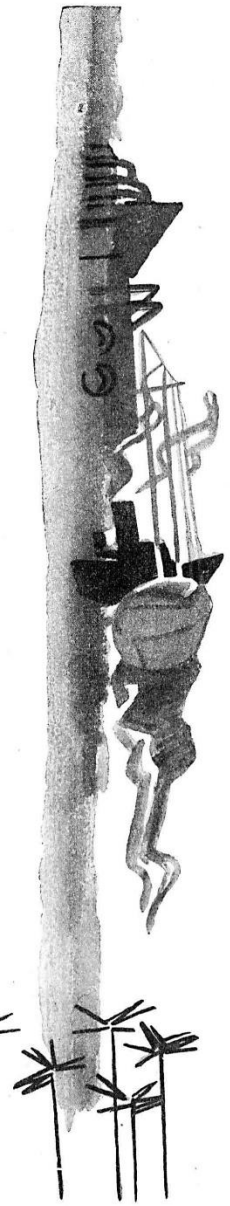
Ракета, словно маленькая звездочка-спутник, быстро приближалась к сияющей звезде генератора. Прошла минута. Юску она показалась часом.

Огненный след в небе не угасал. Он колебался, скручивался в спираль, изгибался под порывами ветра огромными зигзагами, но не тускнел и не разрывался на части, словно был сделан из светящегося резинового жгута, который мог противостоять любому ветру.

— Сияние! Они ионизировали воздух! Слышите, командир, — это ионизированный жгут...

Юск ни на секунду не отрывался от окуляра. Один конец огненного следа вился вокруг металлических антенн, установленных на стеклянных шарах, а другой, высоко в





небе, воткнулся прямо в сияющую звезду генератора. И вдруг...

Море озарилось ослепительно ярким светом. От неожиданности Юск отпрянул от перископа. Раскаленный след теперь казался яркой молнией, на которую было больно смотреть. Но эта молния не исчезла, мелькнув в небе. Точно гигантская голубая змея, извиваясь и играя кольцами, спускалась она из темноты.

Видимо, над водой прокатился гром. Может быть, от сверкающего жгута грохот шел непрерывно — в подводной лодке Юск ничего не слышал. Майор лихорадочно крутил ручку перископа, осматривая электрический жгут от плывущего в небе генератора до самой поверхности моря.

Электрический водопад, падавший с неба, расщеплялся у самой воды на сотни голубых змеек. Каждая из них впивалась в одну из метелок-антенн на стеклянных шарах-поплавках. Металлические антенны, казалось, приводили в ярость электрические змейки. Они впивались в антенны, извиваясь, старались укусить, разрушить неподатливые металлические острия. Порой змейки перескакивали с одного острия на другое.

Юск был до того очарован зрелищем, что нехотя обернулся на голос командира:

— Взгляните, майор, на острове море света...

Юск подошел к его перископу. Остров нельзя было узнать. На нем вспыхнули десятки мощных прожекторов, осветивших вершину высокого вулкана. Гора, точно по

волшебству, выпрыгнула из мрака. Над островом взвились стаи перепуганных птиц. Попадая в луч света, птицы вспыхивали яркими точками и ошалело неслись дальше.

Силуэт странной установки на острове, к которой вела электролиния, преобразился. Сейчас здание светилось изнутри. Докрасна накалились десятка два гигантских углей-электродов, каждый величиной с трехэтажный дом. Вот между ними вспыхнула яркая дуга, одна, другая, третья... Посыпались искры. Там, на берегу, ученые замеряли мощность созданного ими генератора...

Энергии было так много, что даже в мыслях Юск не находил подходящего сравнения.

Он только сейчас до конца понял, что коммунисты стали обладателями сказочного богатства. То, что было создано раньше человеческой фантазией, не шло в сравнение с этим неисчерпаемым сокровищем...

Вдруг сильный удар потряс лодку. Юска швырнуло на пол. Корпус лодки дрожал как в лихорадке. Лязганье, скрежет, клокотанье... Юск вскочил, кинулся к перископу. Взглянул в окуляр — и закричал во все горло.

На оба перископа подводной лодки перескочили две голубые молнии от сияющего электрического жгута, падающего с неба. Через перископы шел ток невиданной силы, расплавлявший все на своем пути. Из трубы перископа капля за каплей потек металл. Расплавленный металл смешивался с прорвавшейся в лодку водой. Повалил густой пар.

Юск кинулся к командиру и, стараясь перекричать грохот, шум и лязганье, заорал:

— Уходить! Уходить!

...Но лодка уже не могла погрузиться. С прожженной насквозь боевой рубкой, со сгоревшими перископами, с оплавленным мостиком, она могла идти только в надводном положении.

* * *

— Задержали лодку в наших территориальных водах, — продолжал после паузы следователь, обращаясь к профессору Васильеву. — Теперь вы, Александр Николаевич, знаете, кто и как охотился за генератором. Хотелось бы, чтобы и вы мне кое-что объяснили. Откуда, например, берется энергия для вращения генератора?

— От Солнца, — ответил профессор. — Я с удовольствием поясню подробнее.

Следователь кивнул.

— Молекулы кислорода и азота, которые входят в состав воздуха, можно расщепить на отдельные атомы, — начал профессор. — Для этого надо затратить определенную энергию, как бы разрубить молекулы топором, если хотите. И такой топор существует в природе. Это Солнце, точнее — его излучение, и космическая радиация. На больших высотах они все время разбивают молекулы кислорода и азота на атомы. Над нашими головами в ионосфере, на высоте ста километров, плещется целый океан законсервированной солнечной энергии. Стоит вновь соединить атомы газов в молекулы, и освободившаяся энергия хлынет неудержимым потоком.

— И вам удалось соединить их?

— Да, для этого достаточно внести в ионосферу обычное золото, и атомы кислорода и азота будут соединяться в молекулы. Золота при этом не уходит ни грамма. Оно служит в реакции лишь катализатором.

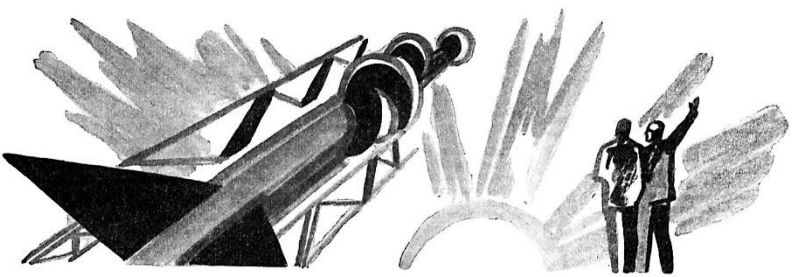
— В вашем генераторе выделяющаяся энергия расходуется на вращение?

— Да. Генератор работает в ионосфере на высоте около ста километров. По краю его диска расположены прямоточные реактивные двигатели. Внутри двигателей установлены позолоченные решетки. В момент отделения от ракеты-носителя генератор раскручивается вокруг оси. В двигатели попадают атомарные кислород и азот. Под

действием золота они соединяются в молекулы. Выделяется энергия, которая нагревает воздух, и он с огромной скоростью выбрасывается через выходное сопло реактивного двигателя. Генератор вращается все быстрее. В двигатели поступает больше и больше «горючего». Обороты скоро достигают расчетных. Двигатели установлены под углом и не только вращают, но и поддерживают генератор в воздухе, заставляя его парить высоко над землей. Вращательное движение преобразуется в электроэнергию обычным путем. Овладев этим сокровищем в ионосфере, мы получили неисчерпаемый источник электрической энергии...

— «Неисчерпаемый» надо понимать, конечно, в переносном смысле?

— Он не иссякнет до тех пор, пока светит Солнце и существует земная атмосфера, — улыбнулся Васильев, — значит, практически он неисчерпаем. Над Землей в ионосфере могут находиться тысячи таких генераторов. Благодаря своим реактивным двигателям они будут перемещаться в воздухе по команде с Земли. Например, все морские и океанские суда могут быть переведены на электроэнергию. Представьте себе корабль, пересекающий океан. Электродвигатели неограниченной мощности вращают его винты... Корабль может быть любого водоизмещения. Энергии ионосферного генератора, плывущего вслед за ним, высоко в небе, хватит на все. Такие генераторы незаменимы для строительств или экспедиций, — с увлечением продолжал Васильев. — Когда в пустыне или в Антарктиде начнется



строительство нового города, не потребуется, как прежде, заботиться об энергетической базе. Радиокоманда — и к району строительства спустя несколько часов прилетит столько генераторов, сколько нужно. Заманчиво?

— Очень. У меня еще один вопрос. Для чего запускалась с баржи зенитная ракета?

— В ней было установлено специальное устройство для ионизации воздуха, с тем чтобы передать энергию от генератора на Землю. Пока это устройство является секретом нашей лаборатории. По-видимому, за ним в основном и охотился майор Юск... Впрочем после их допроса вам будет виднее, зачем явились к нам эти «визитеры».

Евгений Войскунский, Исай Лукодьянов

ФОРМУЛА НЕВОЗМОЖНОГО

ЗЛОПОЛУЧНАЯ ПРОГУЛКА

В нежно-зеленом небе пылало чужое красноватое солнце, недвижно стоял лес, на горизонте громоздились зубчатые рыжие холмы. Велик был соблазн заняться исследованием этой планеты. Здесь хорошо дышалось. Здесь легко ходилось: планета была поменьше Земли. Но «Юрий Гагарин» требовал серьезного ремонта, а экипаж его состоял всего из шести человек, и Прошин, командир, не счел возможным высылать разведку.

На исходе вторых суток (сутки здесь составляли семнадцать с четвертью земных часов) из фиолетовых зарослей высунулась отвратительная жующая морда на длинной чешуйчатой шее.

– Привет, – негромко сказал кибернетист Новиков, первым заметивший гостя. – Посмотрите, ребята, на этого красавца.

Биофизик Резницкий кинулся за фотоаппаратом, но «красавец», видимо, не искал популярности. Продолжая жевать, он попятился и исчез в зарослях. Послышался треск ломаемых деревьев, потом все стихло.

– Командир, – взмолился Новиков, – не будьте жестокосердны, разрешите прогуляться по планете.

– У нас другая задача, – сказал Прошин. – Нам нужно спешить.

Резницкий кивнул, подтверждая слова командира. Затем он произнес ломким голосом, похожим на голос обиженного ребенка:

– Трехчасовую вылазку, полагаю, можно бы сделать.

Прошин вопросительно взглянул на бортинженера, тот коротко махнул рукой; пусть, мол, идут, управимся.

– Хорошо, – сказал Прошин. – Отправляйтесь, Сергей Сергеевич, и вы, Алексей. Ровно через три часа прошу быть на месте. До наступления темноты.

Так вот и получилось, что Резницкий и Новиков отправились в свой злополучный поход.

Вездеход, покачиваясь на неровностях почвы, описал большую дугу вдоль лесной опушки и вышел к рыжим холмам, затем углубился в лес. Дважды Новиков останавливал машину, и Резницкий брал пробы грунта и образцы растительности. Лес поредел, расступился, открылась поляна.

Разведчики откинули люк и собрались было вылезти наружу, как вдруг услышали тяжелый топот и треск. На поляну, ломая заросли, выбегало зверье, словно сошедшее со страниц учебника палеонтологии. В смотровых стеклах замелькали чешуйчатые бока, пилообразные хребты и длинные шеи со страшными мордами. Целое стадо ящеров, волоча тяжелые хвосты, торопливо прошло мимо вездехода, – и тут появились теннисные ракетки.

Их было несколько штук. Они были ростом метра в три, но формой напоминали именно теннисные ракетки. Подняв над черными массивными рукоятями решетчатые лопасти, они летели, почти задевая траву.

Новиков коротко свистнул, переглянулся с Резницким. Затем он захлопнул люк и включил двигатель. ИПДП инструкция по поведению на других планетах предписывала в случае встречи с неизвестными беспилотными устройствами немедленно выйти из зоны возможного столкновения и удалиться на расстояние, соответствующее скорости и направлению упомянутых беспилотных устройств.

Вездеход помчался назад, но на втором десятке метров резко остановился. Разведчиков тряхнуло, заскрипели предохранительные ремни, благодаря которым они избежали удара о пульт управления. Двигатель продолжал работать, гусеницы рвали почву, но вездеход стоял, словно упершись в невидимую стену. В смотровых стеклах мелькнули две-три ракетки.

– Вот я вас! – зло сказал Новиков и повернул машину влево.

Но и влево путь был закрыт. И вправо тоже. Лишь в одном направлении вездеход мог двигаться свободно в ту сторону, куда шли ящеры.

Новиков остановил машину. И тотчас страшная сила прижала разведчиков к сиденьям. Тело налилось такой тяжестью, будто кровь превратилась в ртуть. Космонавтам не впервой было испытывать подобные перегрузки, но меньше всего они ожидали столкнуться с ними здесь.

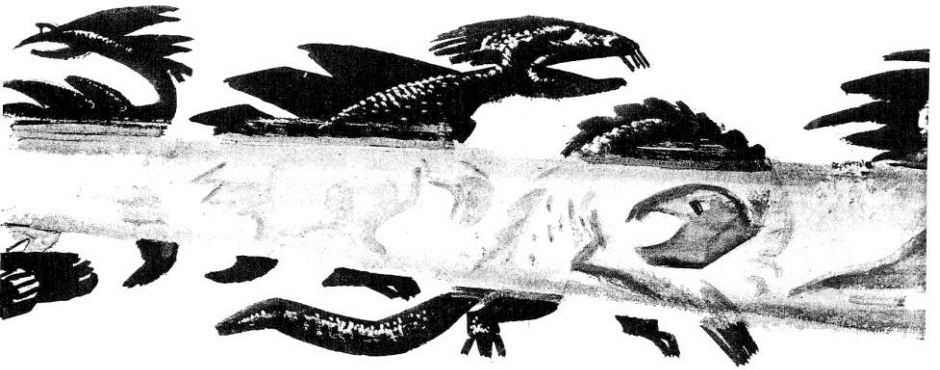
– Двенадцать «же», – прохрипел Новиков.

Он потянулся к рычагу и, мыча от пронзительной боли в костях, включил сцепление. Вездеход двинулся, ощущение тяжести исчезло. Но оно возникало каждый раз, как разведчики пробовали изменить курс. Тяжесть гнала машину вперед и вперед, в одном направлении, вслед за зверями.

– Влипли, – сказал Новиков. – Гравитационная ловушка.

ИПДП позволяет применять оружие только в случае прямого нападения. Прямого нападения нет. Будем выжидать.

Всю ночь вездеход шел, освещая фарами чешуйчатые туловища зверей. Долго тянулось слева, отсвечивая розовым, не то озеро, не то стеклянная равнина, потом местность стала холмистой. Ящеры, видно, устали, они плелись еле-еле, и вездеход шел на малой скорости в середине стада, и свернуть по-прежнему мешала невидимая стена.



Утро наступило сразу, без рассветных сумерек. Впереди в рыжем склоне холма зияло полукруглое отверстие, и в это отверстие начали втягиваться звери.

Новиков взглянул воспаленными глазами на Резницкого.

– Хватит. Надо вылезать из машины. Я в этот чертов тунель не поеду.

– Да, пожалуй, – отозвался Резницкий.

Он перекинул через плечо ремешок кинокамеры и взял футляр с бортовым журналом. Новиков взвалил на спину портативную рацию и выключил двигатель. Затем, преодолевая навалившуюся тяжесть, затянул тормоза и вылез из машины. За ним выполз Резницкий. Перегрузка сразу исчезла. Разведчики смотрели, как несколько роботов повисло вокруг вездехода.

Новиков криво усмехнулся:

– Стараются сдвинуть – да не выходит... Дайте-ка кинокамеру.

Прилетела целая стая роботов. Они окружили машину, выпустили крючковатые манипуляторы. Зарываясь заторможенными гусеницами в землю, подымая клубы пыли,

вездеход сдвинулся с места и медленно скрылся в черной дыре туннеля, уже поглотившей зверей.

На разведчиков роботы не обратили ни малейшего внимания.

СЕРЫЕ СУЩЕСТВА

Новиков поставил рацию на мягкую фиолетовую траву и связался с «Юрием Гагариным». Слышимость была скверная. Новиков охрип, пока прокричал Прошину о случившемся, каждую фразу приходилось повторять. Прошин запеленговал место, где находились разведчики, и обещал через час вылететь за ними на вертолете.

Новиков повеселел.

– Сергей Сергеевич, – сказал он, – я проголодался. Нет ли у вас в кармане баклажанной икры?

Они подкрепились шоколадной пастой и решили немного прогуляться, не отходя, впрочем, далеко от того места, которое запеленговал Прошин.

Вдруг они разом остановились. Знакомое ощущение тяжести навалилось, пригнуло их к земле. С трудом передвигая ноги, они сделали еще несколько шагов перегрузка стала нестерпимой. Разведчики отступили. Они пошли вдоль невидимой преграды, нащупывая ее вытянутыми руками.

– Гравитационная стена, – сказал Новиков. – Кто-то определенно хочет познакомиться с нами... Интересно, высока ли она?

Он подобрал камень и швырнул его вверх, в сторону преграды. Сначала камень летел по привычной для глаза баллистической кривой, потом отскочил, будто встретившись с твердым препятствием. Разведчики принялись метать камни. Вскоре они поняли, что гравитационная стена была не вертикальной, а искривлялась внутрь.

– Привет, – сказал Новиков, шумно отдуваясь. – Мы под сплошным колпаком.

– Вызывайте Прошина, – сказал Резницкий. – Лететь сюда нельзя. Вертолет не пройдет сквозь купол.

Прошин встревожился, выслушав сообщение разведчиков.

– Ищите проход! – закричал он. – Не теряйте времени, идите вдоль этой дурацкой стены и ищите проход. Слышите, Алексей? Будьте осторожны! Будьте осторожны! Связывайтесь со мной каждый час! Вы слышите?

И разведчики пошли вдоль невидимой стены. Новиков остановился, схватил Резницкого за руку.

– Ущипните меня, Сергей Сергеич... Я брежу...

Резницкий посмотрел в направлении взгляда Новикова. Справа, в глубине рощи, что-то мелькало. Было похоже, что крутится огромное вертикальное колесо, вроде тех, что издавна ставят на Земле в местах массовых гуляний.

Разведчики переглянулись и быстро направились в глубь рощи.

– Там люди сидят, – сдавленным шепотом сказал Новиков. – Как у нас в парках... Бред какой-то...

Они вышли на большую поляну и остановились, пораженные. Крутилось аттракционное колесо с подвесными креслами, в креслах сидели бледно-серые существа, похожие на людей... И в то же время непохожие. Вокруг колеса бродили и лежали на траве такие же существа – видно, ждали своей очереди. Они не носили одежды. У них были непропорционально маленькие головы, длинная шея переходила в туловище, лишенное плеч, расширяющееся книзу, руки-коротышки едва доходили до живота, а ноги были толстые, массивные, как тумбы. Чем-то эти существа напоминали кенгуру.

Они молчали. Ни выкрика, ни смеха, ни обрывка разговора. В полной тишине существа крутились на колесе, то взмывая на пятидесятиметровую высоту, то проносясь над густой травой, а другие молча ждали своей очереди.

Так вот они, разумные существа чужого мира!

Воодушевление победило естественную осторожность. Разведчики кинулись к хозяевам планеты.

– Дорогие товарищи! – закричал Новиков, сияя от счастья. – Дорогие друзья! Вы не понимаете нашего языка, но это ничего! Мы обязательно поймем друг друга...

Братья по разуму вели себя странно. Они не обратили на разведчиков никакого внимания. Кое-кто из них, правда, оглянулся на голос, но тут же, скользнув взглядом, отвернулся. Улыбки погасли на лицах разведчиков. Новиков встал на пути одного существа, которое брело вокруг колеса, и знаками показал, что хотел бы с ним поговорить. Существо равнодушно взглянуло ускользающими узкими глазами и медленно свернуло в сторону. Оторопь взяла Новикова: таким холодным взглядом могла бы посмотреть лягушка.

– Не забывайте ИПДП, – проворчал Резницкий, – держитесь от них подальше.

И тут же присел возле существа, лежащего в траве, и принялся внимательно его разглядывать.

– Алеша, – позвал он негромко. – Очень интересно: у них на черепе третий глаз.

– Что-то они мне не особенно нравятся, эти здешние, – сказал Новиков. – Непохоже, что они управляют роботами. Может, наоборот?

– Ну, бросьте.

Между тем колесо крутилось все быстрее. Кресла с серыми существами взмывали к небу и падали вниз, и снова взмывали.

– А кожа у него мелкочешуйчатая, – сообщил Резницкий. – Пальцы на руках очень слабо развиты... Интересно было бы взглянуть на зубы...

– Только не кладите ему палец в рот, – рассеянно сказал Новиков, глядя на колесо. – Ничего себе раскрутили. Тихие, а любят острые ощущения... Ох!

– вырвалось у него.

Серое тело вылетело из подвесного кресла. Подброшенное центробежной силой, оно взвилось в зеленое небо, перекувырнулось и с глухим стуком упало на землю.

– Остановите колесо! – заорал Новиков и бросился к упавшему телу.

Резницкий побежал за ним. Помощи никакой не требовалось: серое существо разбилось насмерть. Обитатели рощи не спеша сходились к месту происшествия, молча смотрели на труп сородича, молча брели дальше на своих тумбообразных ногах.

Вдруг, откуда ни возьмись, появилась теннисная ракетка. Она выпустила манипуляторы, подхватила труп и умчалась куда-то, скользя над травой и ловко огибая деревья.

А колесо все крутилось, правда, уже медленнее.

– Ф-фу! – выдохнул Новиков, обращая к Резницкому расстроенное лицо. – Духотища какая... он отер пот со лба и шеи. – Что скажете, Сергей Сергеич?

– Пойдемте-ка, Алеша, к стене. Надо искать проход.

– Пойдемте...

Их внимание привлекли небольшие усеченные пирамидки, стоявшие тут и там на поляне. Они были из черного стекла, и на каждой был желтый круг, а внутри круга черный квадратик.

Подавленные, молчаливые, разведчики вернулись к невидимой стене и пошли вдоль нее. Среди деревьев то и дело мелькали серые тела обитателей рощи, но разведчикам уже расхотелось устанавливать с ними контакт.

– Сдается мне, – сказал Новиков, – что мы попали на планету непуганых идиотов.

РЕЗНИЦКИЙ НАРУШАЕТ ИПДП

Прохода не было. Разведчики убедились в этом, когда к концу дня вернулись к тому месту возле рыжих холмов, где

в загадочном тоннеле исчез вездеход. Гравитационный колпак накрывал добрую сотню квадратных километров.

Неужели эта мощная силовая защита существует лишь для того, чтобы оградить этих «кенгуру» от зверья и других неприятностей? – сказал Новиков. – Чтобы они тут ходили голышом и катались на колесе? Они ведь ничем не заняты, Сергей Сергеич. Бродят по роще, валяются в траве, жрут из автоматических кормушек... Чем не райская жизнь?

...Разведчики сильно проголодались. Вездеход, в котором был пятисуточный запас провианта, исчез, тюбик шоколадной пасты, обнаруженный Резницким в кармане комбинезона, давно опустел. Два часа назад они видели, как серые существа потянулись к черным пирамидкам, стали извлекать из них какие-то желтые диски и меланхолично жевать эти диски, рассевшись на траве вокруг кормушек.

– Давайте попробуем, что за еда, – предложил Новиков, глотая горячую слюну.

– Нельзя, – сказал Резницкий.

– Знаю, что нельзя. – Новиков тяжко вздохнул. – Полжизни отдал бы за цистерну газированной воды.

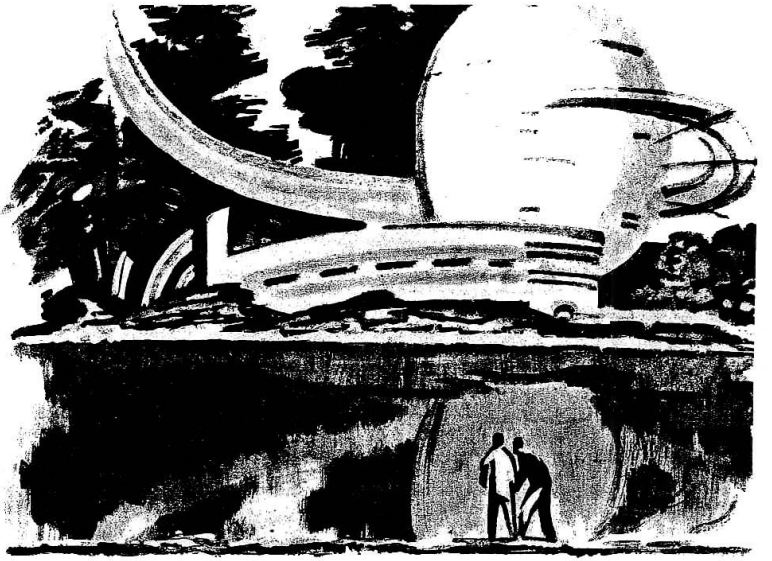
Положение было просто отчаянное. Прошин, с которым они несколько раз связывались, очень тревожился.

– В самом крайнем случае, – сказал он, узнав, что прохода в стене не обнаружено, – в крайнем случае мы взорвем стену фотонной бомбой.

– Вряд ли это поможет, – с сомнением ответил Новиков. – Павел Иванович, мы тут обнаружили какой-то автоматический центр управления. Мы попробуем разгадать его устройство и...

– Хорошо, – крикнул Прошин. – Только поскорее. И будьте осторожны!

Разведчики возвратились к месту, где они около часа тому назад, завершая обход зоны, приметили решетчатый купол, окруженный кольцевым рвом. Кроме купола на острове возвышалась большая башня, стояли башенки



поменьше, мачты, похожие на весла, воткнутые в землю, лопастью вверх, еще какие-то сооружения – все из того же черного стекла.

Ров был широк, метров в двадцать, и заполнен водой. Разведчики постояли на берегу, вглядываясь в сооружения по ту сторону рва.

– Явно центр управления, – сказал Новиков. – А ров, должно быть, для того чтобы эти слабоумные не могли прийти и что-нибудь испортить. Они, конечно, боятся воды.

Резницкий хмыкнул.

– А мы воды не боимся, но...

– ИПДП не предусматривает запрещения форсирования водных преград, – быстро сказал Новиков.

– Ладно. – Ввиду чрезвычайных обстоятельств Реэницкий сделался покладистым. Кроме того, он был очень, очень голоден.

Разведчики разделись и повесили комбинезоны на ветки дерева, чтобы низкорослые обитатели зоны не смогли

до них дотянуться. Потом переплыли ров и с некоторой опаской ступили на внутренний берег.

– Так. – Новиков ладонями согнал воду с тела. – Мы здесь, и мы живы. Центр управления нас не уничтожил. Нам не угрожает опасность. Мы переплыли ров, и мы живы...

– Помолчите, Алеша, – тихо сказал Резницкий. – А то я подумаю, что вы трусите.

– Я? Трушу? – Новиков храбро зашагал к куполу. – Тоже мне, психолог, – проворчал он себе под нос.

Они осторожно пролезли под широкими клетками решетки. Здесь, под куполом, стояло несколько установок, похожих на химические аппараты. Они соединялись причудливо изогнутыми магистралями. В прозрачных голубоватых трубах пульсировала пузырчатая жидкость. На черных корпусах аппаратов были нанесены разноцветными красками сложные комбинации спиралей, прямых и кривых линий.

– Ишь, разрисовали, – сказал Новиков, разглядывая установку. – Напоминает наши печатные схемы...

Он представил себе неведомого конструктора, который с набором кистей и проводящих красок вдохновенно переносил на корпуса аппаратов то, что рождалось в его напряженном мозгу. Неужели он тоже был из породы этих слабоумных серых существ?..

В полной тишине рисованные схемы непрерывно меняли свои цвета. Центр работал.

– Ну что ж, – бодрым голосом сказал Новиков. – В конце концов, это кибернетическое устройство. Очень совершенная и хорошо защищенная счетно-решающая машина. А раз так, то мы с вами, Сергей Сергеич...

– Алеша, – прервал его Резницкий, – наклонитесь ко мне. – И он прошептал Новикову в ухо: – Не надо здесь разговаривать. Оно может слушать и анализировать наши разговоры. Оно наверняка наблюдает.

– Гм... Верно.

– И не трогайте ничего руками. Мало ли что, сработает какое-то защитное устройство...

Разведчики тщательно осмотрели установки под куполом. Затем, обойдя трубы, поднимавшиеся из скважин, пролезли под решеткой в большую башню. Здесь помещалось странное устройство, больше всего напоминающее какую-то игру-головоломку. Палочки и одетые на них кружки, все время переходящие с одной палочки на другую. У Новикова загорелись глаза.

– Товарищи родители, – сказал он. – В наш универмаг поступила очень интересная игрушка.

С этими словами он вытащил из пластмассового футляра, висевшего у него на ремешке, бортовой журнал и карандаш и принялся зарисовывать схему «игрушки».

– Дети будут визжать от восторга, – приговаривал он. – Ничто так не развивает здоровую любознательность ребенка, как настольные игры... а также игры на свежем воздухе... Вот так... – карандаш быстро бегал по бумаге.

Начало темнеть. Зеленое небо померкло и вдруг вспыхнул неяркий приятный свет. Казалось, светился сам воздух. Разведчики изумленно огляделись. Тишина. Бегущие, меняющиеся краски на панелях. И на том берегу мягко освещенная роща, по которой бродят тихие бесполезные существа...

Новиков долго и старательно рисовал. Затем разведчики вышли из башни и осмотрели маленькие, совершено одинаковые башенки-шкафчики, стоявшие вокруг. Их было двенадцать.

– Пошли обратно, – сказал Резницкий.

Они переплыли ров. Вода была теплой, и воздух был теплым, – видно, работала установка искусственного климата. От голода кружилась голова. Разведчики побрели на поляну с кормушками и без сил опустились на траву.

Был как раз час очередной кормежки. Вдруг Реэницкий поднялся и решительно пошел к ближайшей кормушке. Он чуть помедлил, потом тронул пальцем черный квадратик в центре желтого круга. Подоспевший Новиков увидел, как круг подался назад, и из отверстия вывалился на ладонь Резницкого желтый диск.

– Сергей Сергеич… – пробормотал Новиков, но было уже поздно; биофизик впился в диск зубами.

«ИНСПЕКТОР УКУСИЛ МУХУ…»

Резницкого разбудил шум шагов. Кто-то ходил вокруг да около, шуршала трава. Сергей Сергеевич поднял голову и увидел серое существо. Оно то одной ногой, то другой медленно подталкивало футляр с кинокамерой.

Резницкий тронул за плечо Новикова, спавшего рядом. Тот сразу сел, русые волосы его были спутаны, к небритой щеке прилепились травинки.

– Что случилось?

Биофизик указал на серое существо.

– Ха! – воскликнул Новиков и направился было к существу, чтобы отнять кинокамеру, но Резницкий схватил его за руку.

– Подождите, Алеша, давайте понаблюдаем.

– Но этот футболист раздавит камеру! Посмотрите на его ножищу!

– Лучше взгляните на его зад. Видите? Хвостик. – Резницкий нацелился фотоаппаратом и несколько раз щелкнул затвором. – Очень интересно, – продолжал он. – Проявление любопытства к незнакомому предмету… Это какой-то проблеск, Алеша… Стойте! – воскликнул он.

Новиков кинулся к существу и выхватил кинокамеру из-под его занесенной ноги.

– Игрушку нашел? – грубо спросил он. – Давай-ка проваливай! Катайся на колесе, а сюда не лезь.

Существо безропотно пошло прочь. Резницкий поспешил за ним, встал у него на дороге и протянул карандаш. Существо скользнуло передними глазами по ладони Резницкого, а теменным глазом по его лицу. Затем оно медленно протянуло четырехпалую руку и взяло неуклюжими пальцами-обрубками карандаш. На миг Резницкий испытал неприятное прикосновение холодного и шершавого. Он вынул

из кармана другой карандаш и блокнот и показал, как надо писать. Но существо уже не смотрело на Резницкого. Зажав карандаш в кулачке, оно повернулось и побрело в сторону. Резницкому показалось, будто оно издало легкое, чуть слышное повизгивание.

– Пора придумать им имена, – сказал он. – Пусть будет хоть Севастьяном.

Новиков вызвал командира.

– Их пища годится для еды? – переспросил Прошин, выслушав доклад. Голос командира звучал недоверчиво. – Вы уверены, Алексей?

– Вполне, Павел Иванович. Вкусно даже. Утоляет не только голод, но и жажду.

– Все-таки вы очень неосторожны. Удивляюсь, как Сергей Сергеич не удержал вас от такого риска. Передайте, пожалуйста, ему трубку.

Новиков, хитро прищурясь, протянул трубку Резницкому.

– Да, Павел Иванович. Видите ли... – Резницкий смущенно кашлянул. – Конечно, я помню ИПДП. Но... Он, конечно, горяч, но, Павел Иванович, я, как биолог, решил первым попробовать... Да, я... Это синтетическая пища, она вполне пригодна, подтверждаю...

– Умыться бы, – сказал Новиков после окончания радиосеанса.

– Умоемся, когда будем переплывать ров.

– Гениальная мысль, Сергей Сергеич!

Между тем настал час утренней пищи. Медлительные серые фигуры потянулись к кормушкам.

– Они знают время кормежки, – сказал Новиков. – Чем нас угостит сегодня Центр?

Желтые диски оказались совсем другого вкуса, чем вчера. В них была приятная освежающая кислинка, а вчерашние напоминали скорее сладковатую сдобу. Диски легко таяли во рту.

– Ну, Сергей Сергеич, – пойдемте работать.

– Моя работа здесь, Алеша... Хотя, лучше я пойду с вами. В кибернетике я не очень силен, но за вами надо присматривать.

Новиков ухмыльнулся:

– Вчера вечером я убедился, что присматривать надо не столько за мной, сколько...

Резницкий поджал губы и промолчал.

Они пошли к Центру, выверяя по дороге план действий. Прежде всего следовало изучить блок программирования, схему которого Новиков уже зарисовал. Принципиально в блоке, как утверждал Новиков, не было ничего резко отличного от земных счетно-решающих устройств. Но некоторые различия, разумеется, имелись, их-то и требовалось разгадать. Затем надо было найти участок электронного мозга, управляющий силовой защитой зоны, – службу безопасности, так сказать, – и заставить его принять команду о снятии силовой защиты. Или, по крайней мере, заставить открыть проход в гравитационной стене. Ведь был же сделан проход для загона животных – значит, в программе Центра имелась такая задача.

– Хотел бы я знать, – сказал Новиков, – кто создал этот автоматический рай...

– Могу сказать одно: создатели были живыми и мыслящими.

– А если так, – подхватил Новиков, – то и они подходят под древнюю земную поговорку – человеку свойственно ошибаться. Иными словами, на всякую старуху бывает проруха. Верно, Сергей Сергеич? При всей своей мудрости они уже допустили один просчет: не учли, что мы с вами умеем плавать, и ров для нас не преграда...

Резницкий предостерегающе приложил палец к губам.

Они переплыли ров.

Как и вчера, на черных панелях аппаратов менялись цвета рисованных схем. В башне блок программирования вел нескончаемую игру с палочками и кружками. Разведчики несколько часов подряд наблюдали за работой

электронного мозга. Новиков исписывал тетрадь рядами математических значков.

В черном куполе, возвышавшемся над блоком программирования, светился зеленоватый кружок. Куда бы ни переходили разведчики, зеленый глаз все время был устремлен на них. Умная машина явно вела наблюдения, от этого было как-то не по себе.

– Петух схватил мокрую тряпку и повесил ее на балконе, – говорил Новиков.

– Слон бэ-семь, шах! – отвечал Резницкий.

Они нарочно несли чепуху, чтобы сбить машину с толку.

– Инспектор укусил муху за левую ногу...

Обмениваясь подобными замечаниями, они внимательно изучали систему перестановок и систему включений, а зеленый глаз испытующе смотрел на них, и они вдруг ощутили непреодолимое желание поскорее уйти из башни.

Разведчики постояли возле скважин, над одной из них курился желтоватый дымок. Осмотрели высокие мачты, похожие на весла, – это были, несомненно, локаторы-приемники информации. Потом зарисовали схемы аппаратов под решетчатым куполом. Усталые, они покинули Центр и возвратились на лужайку с кормушками.

Вдали они ясно видели гнулись деревья под порывами ветра, клубились тучи, быстро растекаясь по зеленому небу. А в роще по-прежнему было тихо, не колыхался ни один лист на деревьях, и серые существа бродили тут и там, валялись на траве, и, когда настал час ужина, потянулись к кормушкам.

Разведчики тоже подкрепились, а потом принялись за вычисления.

– Ничего себе, схемочка, – проговорил Новиков. – Аж затылок трещит...

– Вот что, Алеша. Мы вручную не справимся. Вызывайте корабль и сообщите наши данные, пусть их дадут вычислительной станции.

– И то верно. – Новиков озабоченно осмотрел передатчик. – Питание на исходе, Сергей Сергеич.

– Надо экономить.

«А то я не знаю», – неодобрительно подумал Новиков и вызвал корабль.

– Как там у вас? – услышал он далекий голос Прошина. – У нас сильнейшая буря. Тепловая буря! Пришлось прекратить работы.

– У нас все тихо, – ответил Новиков. – Живем под колпаком… Под колпаком, говорю! Павел Иванович, примите данные для вычислительной станции, нам тут самим не справиться, очень сложная комбинаторика. – И он продиктовал командиру данные и договорился об утреннем сеансе связи.

В роще зажглось вечернее освещение. Новиков лег на траву, закинув руки за голову, и задремал. А Резницкий подсел к трехглазому существу, валявшемуся поблизости, и осторожно коснулся пальцами его запястья, отыскивая пульс. «Подопытный» даже не взглянул на Резницкого видно, лень было шевельнуть веками. Он медленно перевалился на другой бок, и тогда неугомонный Реэницкий занялся его хвостом.

Тут над рощей пронесся долгий печальный звук, он забирался все выше, выше и сделался нестерпимым для слуха. У Резницкого заныли зубы. Новиков сел и, скривившись, зажал уши ладонями. По всей роще подымались серые существа, а те, что бродили, останавливались, задирая морды кверху.

Высокий звук оборвался, возникла странная музыка: медленное трезвучие повторялось в разных тонах. Серые существа принялись раскачиваться из стороны в сторону. Нельзя сказать, чтобы они поспевали за ритмом, но, видимо, им нравилось раскачиваться.

– Идиоты танцуют! – Новиков изумленно смотрел вокруг. – Их развлекают.

– Посмотрите на Севастьяна, – сказал Резницкий.

– Где он? Как вы его отличаете?

– Вон тот, с карандашом в руке.

– А! – Новиков засмеялся. – Танцует с научным видом. Ну, умора!

Он застрекотал кинокамерой.

Танцы продолжались около получаса, затем последовало длинное воющее «вл-вл-вл-вл-вл-вл», и вдруг голос Резницкого отчетливо произнес:

– Инспектор укусил муху за левую ногу.

Разведчики ошалело переглянулись. А над рощей неслось:

– Слон бэ-семь, шах!

– Петух схватил мокрую тряпку…

Машина в строгом порядке – от конца к началу – повторила все, что разведчики говорили во время двух посещений Центра. Все, включая шепот Резницкого: «Не надо здесь разговаривать, оно может слушать…» Все, вплоть до первой фразы Новикова: «Ишь, разрисовали…». Затем машина в быстром темпе прогнала запись в обратном порядке и занялась вариантами.

– Петух укусил… слон на балконе… Визжать от восторга будут инспектор…

Центр громоздил фразы, усложнял их, отбирал слова с одинаковыми окончаниями: «визжать слушать анализировать…»

– Ловко работает, собака, – прошептал Новиков, ему было и интересно, и страшновато. – Изучает язык…

– Ногу – муху – тряпку, – деловито группировала машина.

– Хорошо еще, что мы не выболтали там своих намерений, – тихо сказал Резницкий. Лицо у него было бледное, в крупных каплях пота.

Кррак! Все стихло. И после короткой паузы – смена пластинки. Теперь роща наполнилась неприятными звуками будто пустые консервные банки перекатывали на деревянном полу.

– Посмотрите на Севастьяна, – шепнул Резницкий.

Серые существа после окончания танцев почти все улеглись спать, лишь несколько фигур бродили среди деревьев. А Севастьян стоял возле разведчиков в напряженной позе, вытянув длинную шею, будто прислушивался к перезвону банок, и безгубый рот его слегка шевелился. Реэницкий не сводил с него глаз.

Но вот неприятные звуки смолки. «Вл-вл-вл», – провыла машина – и воцарилась глубокая тишина.

– Концерт окончен, – проговорил Новиков и утомленно опустился на траву.

– Такие-то дела, брат Севастьян.

ЦЕНТР НЕ ПРИНИМАЕТ ЗАДАЧУ

В семь утра по местному времени разведчики связались с кораблем и получили свои данные, обработанные вычислительной станцией.

– Вы уверены, что сможете спрограммировать задачу о снятии защитного поля? – спросил Прошин.

– Уверен, Павел Иванович, – без колебаний ответил Новиков, но голос у него был тусклый. – Если, конечно, Центр не будет активно противодействовать...

– Поторопитесь.

– У нас на исходе питание передатчика. Придется ограничиться двумя сеансами утренним и вечерним. В девять вечера мы сообщим следующие данные.

– Хорошо. – Прошин говорил очень спокойно. – Но вы поторопитесь.

Позавтракав, Новиков отправился в Центр продолжать работу. Резницкий напутствовал его подробными предостережениями и остался в роще: он тоже торопился закончить свои исследования.

Когда Новиков около трех часов дня возвратился в рощу – «к обеденному прянику», как они говорили, – он застал Резницкого в сильном возбуждении.

– Они катались на колесе… Да, они катались, и колесо очень сильно раскрутилось. Двое вылетели из кресел, понимаете, двое, один за другим, и расшиблись насмерть…

– Да вы успокойтесь, Сергей Сергеич, это у них…

– Понимаете, что-то щелкнуло – раз, раз! – и двое вылетели. Потом, когда колесо остановилось, я посмотрел – в двух креслах были раскрыты шарниры. Там есть устройство для раскрывания шарниров на ходу. С довольно сложным приводом. Но ведь они не могли сами включить его, вы понимаете?..

– Сергей Сергеич…

– И эта рабская покорность судьбе ужасно, Алеша! Какое страшное вырождение! Поразительно: совершенная техника, выверенное на века управление – как могут при всем при том происходить несчастные случаи?..

– Да послушайте, прикрикнул Новиков. – Чего вы разволновались? Я разобрался в пищевом блоке и в устройстве, которое ведает развлечениями. И вот что я вам скажу: несчастные случаи запрограммированы.

– То есть как? – Резницкий уставился на кибернетиста. – Вы хотите сказать…

– Они запрограммированы так же строго, как выдача пищи. Для того чтобы точно регулировать количество

населения. Учет ведется по счетчикам кормушек, и если появляются лишние рты...

– Но, Алеша, если так, то мы...

– Да, Сергей Сергеич, очень возможно. Очень возможно, что наше появление стоило жизни двум идиотам. Вы сказали – вырождение. Что это значит? Вы думаете, их предки были развитее?

Резницкий не ответил. Он был подавлен настолько, что не захотел обедать, и Новиков с трудом уговорил его подкрепиться «пряником».

– У них великолепные синтезаторы, – рассказывал Новиков, энергично расправляясь с обеденным диском. – Они из воды, воздуха и подземного газа

– видели, скважины там? – ну вот, они приготовляют из этого добра синтетическую пищу. Программирующее устройство обеспечивает колоссальное количество практически неповторяющихся комбинаций, поэтому еда всегда разная. Здорово, правда? Ну, я пошел, Сергей Сергеич.

Новиков работал в Центре до позднего вечера и вернулся усталый и мрачный, бросился на траву.

– Она выживает меня из башни, – сказал он негромко. – Проклятая машина. Работаю и все время чувствую: надо уйти. Так и тянет за душу: уйди, уйди. На психику давит...

– Ну и? – Резницкий тревожно смотрел на него. – Пришлось уйти?

– Нет... Выдержал кое-как... Уф-ф!.. Сергей Сергеич, что-то я здорово устал, вызовите, пожалуйста, корабль и продиктуйте эти ряды. – Новиков протянул сумку с журналом. – Если я не ошибся, завтра можно будет программировать.

– Это самопрограммирующаяся машина, Алеша. Примет ли она задачу извне?

– Она может принимать, – уклончиво ответил Новиков. – Там есть устройство для приема программ в виде перфокарт. Более того: я обнаружил там бланки для перфокарт с намеченной сеткой. Похожи на наши... Видимо, кто-то когда-то... – Он замолчал, задумался.

– Значит, все в порядке. – Резницкий удовлетворенно кивнул и откинул крышку передатчика.

Рано утром Прошин передал результаты вычислений. Он диктовал долго и старательно и напоследок сказал: «Желаю успеха. До скорой встречи, ребята».

Резницкий хотел пойти в Центр вместе с Новиковым, но тот резковато отказался от помощи.

– Не надо. Справлюсь сам.

И ушел. Резницкий огорченно посмотрел вслед его прямой удаляющейся фигуре, потом призвал себя к самодисциплине и занялся обитателями рая.

К «обеденному прянику» Новиков не пришел. Резницкий подождал еще немного, а потом решительно направился в Центр. Он переплыл ров и пошел к башне.

Новиков лежал под решеткой, ограждавшей башню с электронным мозгом. Лежал ничком, головой наружу, ногами внутрь. Рядом валялась сумка с журналом.

Резницкий кинулся к нему, вытянул из-под решетки, затормошил.

– Алеша, Алеша... Алеша!

Новиков открыл глаза и посмотрел на биофизика тусклым взглядом.

– Что с тобой? – крикнул Резницкий.

– Ничего, – ровным голосом сказал Новиков. – Очень устал. Хочу спать.

Сергей Сергеевич помог ему подняться и повел к рву. В воде Новиков немного отошел. Он освободился от поддерживающей руки Резницкого и сам поплыл к противоположному берегу.

Алексей сел на траву, обхватив руками голые коленки, взгляд его стал сосредоточенным. Резницкий, сидя против него, терпеливо ждал.

– Значит так, – сказал Новиков. – Ошибки не было... Я все проверил и наколол перфокарту. Я правильно запрограммировал и закодировал, ошибки быть не могло... – Он замолчал.

– Дальше, Алеша.

– Я спрограммировал задачу: снять силовую защиту зоны. Я заложил перфокарту. Что-то в машине крякнуло, и она выбросила перфокарту обратно. Она не приняла задачи. – Новиков опять помолчал немного. – Она затарахтела банками, а потом сказала мне, чтобы я ничего не трогал руками...

– Она сказала?!

– Она это сказала вашим голосом. Но я рассчитал и наколол новую перфокарту с другой задачей: сделать проход в защитном поле. Очень трудно было. Она выживала меня из башни... Очень хотелось спать... Я дал ей новую перфокарту, но она и ее выплюнула... Дальше я что-то не помню... Помню только, что дьявольски устал, и спать хотелось...

– Алеша, надо попытаться снова.

Новиков покачал головой:

– Нет смысла. Она не примет.

– Вы отдохнули? Пойдемте. – Резницкий встал. – Это наша единственная возможность. Вы же сильный программист, Алеша.

Новиков понуро молчал.

– Давайте, давайте, – понукал его Резницкий. – Спрограммируйте так: не просто проход в защитном поле, а проход для загона зверей. Так будет естественней, такую задачу она должна принять.

Новиков пожал плечами:

– Попробуем.

Он вытащил из сумки свои таблицы и пачку бланков из плотной бумаги с нанесенной сеткой. Сверяясь с таблицами, тщательно проколол на бланке группы отверстий.

Затем они переплыли ров и пролезли под решеткой в башню. Зеленый глаз тотчас вспыхнул и уставился на них. Резницкий ощутил тяжесть в голове. Сонно моргая, он смотрел, как Новиков подошел к устройству, похожему на челюсти тисков, и вложил в него перфокарту. Раздался звук, будто переломили кость, – и перфокарта вылетела обратно,

она была смята и слегка дымилась. Задребезжали перекатываемые банки, а потом...

– Это хорошо защищенная машина, – отчетливо произнес голос Новикова, и голос Резницкого, усиленный микрофоном, прошептал: «Не трогайте ничего руками».

Новиков сел, безвольно раскинув руки и прислонившись спиной к решетке ограждения. Резницкий, с невероятным трудом превозмогая желание повалиться и заснуть, растормошил Новикова, и они вылезли из башни.

Стало немного легче, сонливость прошла.

– Вызывает торможение, – тихо сказал Резницкий по-английски. – Да, сильная защита...

Они побрели к берегу.

– Видите эти башенки? – сказал Новиков тоже по-английски. – Двенадцать штук. Это автоматы усиления гравитационного поля. Не пробить нам такую защиту...

– Может быть, испортить ее? Разбить блок...

– Ну, если вам надоела жизнь...

– Что же делать?

– Не знаю.

Отчаяние охватило разведчиков.

КАК ПОГИБЛА ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

Они снова обошли всю зону вдоль невидимой стены. Их тренированные тела умели выносить большие перегрузки, и они попытались прорваться на волю. Десяток шагов, полметра на четвереньках, чуть-чуть ползком... Нет, не одолеть... Расплющит насмерть... Пришлось вернуться.

Новиков в бешенстве кинул камень, и камень отскочил от невидимой стены.

Вон, совсем рядом, колышутся на ветру деревья, там свобода, корабль, товарищи...

Выхода не было.

– Остается одно фотонная бомба, – сказал Прошин на очередном сеансе связи. – Давайте обдумаем, ребята...

Павел Иванович, подождем еще немного, – прервал его Резницкий. – Бомба вызовет страшные разрушения…

– Но другого выхода нет!

– Но гарантии, что бомба пробьет поле сверхгравитации, тоже нет. Подождем еще день, Павел Иванович. Завтра утром мы свяжемся с вами.

Резницкий выключил рацию. Питание в передатчике подходило к концу. Сергей Сергеевич тоскливо оглядел райскую рощу.

– Давайте пойдем к тому туннелю, куда загнали вездеход, – предложил Резницкий.

Новиков не ответил. Он лежал на траве, закинув руки за голову.

– Алеша, что за апатия? Так нельзя… Почему вы молчите? Алеша! – крикнул Резницкий.

– Что вам надо?

– Возьмите себя в руки! Пойдемте поищем вездеход. Попробуем разогнать его и на большой скорости…

– Чушь.

Все же Резницкий заставил его подняться. Они отыскали холм с зияющей дырой туннеля, но вход в туннель был заперт силовым полем. Разведчики побрели обратно, в рощу. Вдруг Резницкий присел: в шелковистой траве лежали два круглых серых булыжника. Биофизик осторожно поднял один из них, потряс на ладони. Худое небритое лицо его оживилось.

– Так-так, – сказал он, любовно разглядывая кругляш. – Они откладывают яйца. Так я и думал. Они такие же ящеры, как прочее местное зверье, только повыше организованные.

Новиков безучастно стоял рядом. Резницкий сунул кругляш в карман, и разведчики пошли к поляне с кормушками.

– А что, – сказал вдруг Новиков, съев «обеденный пряник». – Пропитание, во всяком случае, здесь есть.

Резницкий пристально посмотрел на него.

– Может быть вы пойдете кататься на колесе?

Язвительный вопрос остался без ответа.

– Послушайте, Алеша, что я думаю о здешних порядках, – сказал Резницкий немного погодя. – Конечно, у меня еще не вполне достаточно информации, но в первом приближении... Словом, некогда на этой планете существовала высокоразвитая цивилизация. Думаю, много тысячелетий тому назад. Предки этих идиотов были деятельными и разумными существами. Но, видимо, бурное развитие техники пришло в столкновение с социальными формами жизни и приняло уродливый характер. Самоуверенная правящая верхушка решила, что настало время обеспечить сытую и беззаботную жизнь для избранных. Лишние, ненужные производители были истреблены. Да, истреблены каким-то мощным оружием. И заменены роботами. Тогда-то и был построен Центр, на который полностью возложили все заботы о жизни и развлечениях. В огороженной жилой зоне с мягким искусственным климатом, с гарантированной синтетической пищей пошла праздная жизнь. Возможно, первое время за «мозгом» следили программисты, от них остался запас бланков перфокарт. Но машина была совершенной, она непрерывно самосовершенствовалась, и программисты от безделья выродились... может, немного позже остальных... Поколения сменялись поколениями и, в конце концов, лишенные радости труда и творчества, стали вырождаться. Их постройки за пределами зоны разрушились и были поглощены джунглями. Ну вот... Вы слушаете или спите, Алеша?

– Слушаю.

– Вырождение шло полным ходом. Верхние конечности, не знакомые с орудиями труда, стали слабенькими, а нижние от малоподвижной жизни превратились в тумбы. Неупражняемый мозг сохранил лишь элементарные животные инстинкты.

– ...Теперь о колесе. Это дьявольский замысел, Алеша, просто дьявольский... Вы сами видели, они откладывают яйца. Роботы подбирают их и, видимо, уносят в какой-то инкубатор. Когда юное поколение подрастает и начинает

пользоваться кормушками, тогда появляются лишние рты – и учащаются несчастные случаи на колесе. Вы правы, это запрограммировано... Центр ведет точный учет населения и уничтожает лишних... И все же они каждый день лезут кататься. Создатели колеса позаботились о минимуме острых ощущений, чтобы эти жалкие существа не теряли интереса к жизни. Элемент опасности, риска как некий стимулятор жизни. Понимаете?..

– Довольно! – заорал Новиков на всю рощу. Лицо его было страшно. – Вы понимаете, черт вас возьми, что нам не выйти отсюда?!

Резницкий изумленно уставился на него.

– Перестаньте, прошу вас... Нас не оставят в беде...

НА АРЕНЕ ДИНОЗАВРЫ

И еще сутки прошли. Утром Резницкий вызвал «Юрия Гагарина».

– Не знаю, что делать, Павел Иванович, – кричал он в микрофон. – Мы не видим выхода... Что? Не слышу!.. – Он не различал ответных слов, бесконечно далекий голос Прошина затухал. – Павел Иваныч! – надрывался Резницкий, отчаянно цепляясь за последнюю ниточку надежды, – Павел Иваныч!.. Товарищи! Товарищи, не слышу...

Он швырнул трубку и пнул ногой теперь уже бесполезный ящик рации.

– Вот что, Алексей. – Он пытался говорить бодро. – Надо идти в Центр.

– Не пойду. – Новиков даже глаз не раскрыл.

– Нет, пойдете. Вы кибернетист! Противно на вас смотреть. Спасовали перед простой электронной машиной.

– Уйдите.

– Сейчас же вставайте! – крикнул Сергей Сергеевич, и голос его дал петуха на высокой ноте. – Я не верю, что нельзя справиться с этой проклятой машиной. Мы – люди!

– Мы люди! – откликнулось четкое эхо.

Тишина…

Резницкий напряженно размышлял, стоя над Новиковым: «Схватить его под мышки и рывком поднять… Нет, он сильнее меня. Да и нельзя так… Нельзя… Мы люди, вот именно. Надо его убедить…».

Тут его внимание отвлекло какое-то движение в роще. Между деревьями летели роботы, все в одном направлении, их полет сопровождался долгим свистящим звуком. Серые существа поплелись вслед за роботами. Они шли гурьбой, тяжко и медленно передвигая ноги-тумбы, и Севастьян тоже направился в ту сторону.

– Алеша, – сказал Резницкий, – что-то происходит. Пойдемте посмотрим, в чем дело. Я очень прошу.

Новиков открыл глаза. Приподнялся на локтях. Да, творится что-то необычное. Он молча встал, откинул нечесаные волосы со лба.

«Как у него запали щеки, – подумал Резницкий, – и под глазами круги… Да, и я, наверное, выгляжу не лучше…»

Разведчики пошли за стадом серых существ, пытаясь на ходу подсчитать число обитателей райской рощи.

Через три четверти часа они, обогнув рыжий холм, вышли к каменистому обрыву. Здесь, под обрывом, простиралась ровная площадка, разведчики уже видели ее во время первого обхода зоны, тогда она не показалась им примечательной. Теперь по площадке прохаживались, ковыляя на манипуляторах, восемь роботов. Серые существа расположились на краю обрыва, и разведчики тоже сели рядом с Севастьяном. Судя по всему, предстояло какое-то развлечение. Центр исправно выполнял свою программу.

– Гляньте-ка, – Резницкий показал на склон холма, замыкавший площадку с противоположной стороны.

В склоне чернела дыра не второй ли вход в тот самый туннель, куда роботы загнали зверей и вездеход?..

Это предположение вскоре подтвердилось. Роботы выстроились в две шеренги возле туннеля, ни дать ни взять как служители в цирке, и тут из туннеля на площадку

полезло зверье. Опираясь на толстые конические хвосты, динозавры медленно разбрелись по площадке. Маленькие головы беспокойно крутились на длинных шеях, не головы, а сплошные многозубые пасти.

– Здорово! – восхитился Резницкий. – Они выдерживали ящеров в туннеле, чтобы те изголодались, а теперь устроят бойню! На потеху райским жителям...

Он застрекотал кинокамерой.

У входа в туннель произошла заминка. Целая стая ракеток слетелась туда. И вот, окруженный роботами, из туннеля выполз вездеход разведчиков. Он зарывался неподвижными траками гусениц в песок, он как бы сопротивлялся, бронированный упрямец, и было похоже, что роботам приходилось нелегко. Они оставили вездеход метрах в трех от туннеля, а сами отошли в сторонку и замерли, будто отдыхая.

– Он вроде бы, в порядке, – сказал Резницкий, любовно глядя на вездеход. – А что, если мы спрыгнем вниз и заберемся в него? И на большой скорости, а Алеша?..

– Смотрите! – Новиков подался вперед.

Один из роботов вышел на арену и остановился между двумя динозаврами. Он замешкался, решетчатая лопасть ракетки повернулась налево, направо... Затем робот направился к тому динозавру, что сидел слева. Животное попятилось, оскалило жуткую пасть. Робот подошел к нему вплотную и вдруг выбросил вперед руку-манипулятор. Динозавр повалился на бок. Несколько судорожных ударов хвостом по песку – и все было кончено.

Подлетело еще несколько роботов, они быстро разрезали огромную тушу на куски. Затем все роботы покинули арену, замерли у входа в туннель.

Стрекотала короткими очередями кинокамера Резницкого. Динозавры зашевелились, их шеи тянулись туда, где в коричневой луже крови лежали куски мяса. Сосед растерзанного зверя, бороздя тяжелым хвостом песок и вертя головой, подошел и начал торопливо жрать, придерживая

короткими передними лапами мясо. Тогда и другие звери поспешили принять участие в кровавом пиршестве, и те, кто опоздал, стали выхватывать куски у жующих, и произошло неизбежное.

– Ну и ну! – выдохнул Новиков, глядя, как голодные чудовища молча рвали и пожирали друг друга. – Ликует буйный Рим... Пойдемте отсюда.

– А вездеход? – спросил Резницкий. – Может быть, попробуем...

– А, какой там вездеход! – Новиков схватил биофизика за руку и потащил прочь. – Появилась идея! Вы видели, как робот остановился между двумя динозаврами? Он не знал, какого зверя выбрать.

– Ну и что? – Резницкий посмотрел на возбужденное лицо Новикова. – Робот остановился, потому что его счетно-решающее устройство выбирало: до какого зверя ближе, какой зверь крупнее, тут каждый миллиметр играет роль. Он ожидал, пока...

– Вот именно ожидал! – вскричал Новиков. – Математическое ожидание! Ну, а если бы робот оказался идеально посредине? А если бы оба зверя оказались идеально одинаковы? Что тогда?

– Вы хотите сказать...

– Да! Да! Вспомните задачу Буридана!

ЗАДАЧА БУРИДАНА

В далеком XIV веке французский философ-схоласт Иоанн Буридан, ректор Парижского университета, сформулировал философское положение, известное под названием «Буриданов осел». Задача проста: голодный осел стоит между двумя одинаковыми копнами сена стоит точно посредине. Так вот: из какой копны он начнет есть? Если осел будет мыслить логично, он неизбежно погибнет от голода, так как не сможет выбрать. Это очень трудная штука выбор из двух равных. Если бы хоть маленькая разница...

Осел останется живым только потому, что он живое существо, а следовательно, способен на нелогичные поступки. Вопреки логике он жрет сено из одной копны, хотя она ничем не лучше другой. Только перед тем, как осуществить выбор, осел испытает некоторое колебание.

Но электронно-вычислительная машина умеет принимать только логические решения. Она неспособна к нелогичным поступкам...

Новиков снова был полон энергии.

– Помните, там двенадцать башенок? Двенадцать аварийных систем усиления защитного поля. – Он понизил голос. – Давайте заставим Центр выбрать одну из них, понимаете?

– Да, но Центр не принимает никаких задач...

– Он не принимает задач, связанных с ослаблением защиты, это так. Но мы ему подкинем другую задачку... Хорошую задачку, дорогой Сергей Сергеич! Надо только сформулировать...

И вскоре задача была сформулирована по всем правилам формальной логики – науки средневековых схоластов, воскрешенной в новом качестве кибернетикой. На зону надвигается некая опасность. Чтобы предотвратить ее, Центру необходимо включить одну из двенадцати аварийных систем. Вот и все.

Новиков разложил на траве таблицы и, закусив губу, принялся переводить задачу на язык программирования. Он аккуратно разметил, а потом проколол на бланке перфокарты группы отверстий. Он не спешил, но пальцы его слегка вздрагивали.

– Так. – Новиков полюбовался своей работой и еще раз проверил, все ли правильно сделано. – Так. Пусть попробует не принять! Не имеет права не принять: его основная программа требует защиты от опасностей. Ну что, пойдем?

Когда они пробрались в башню, на них уставился зеленый глаз, словно вопрошая: зачем пришли? Что вам надо?..

Не мешкая, Новиков вложил в приемное устройство перфокарту. Навалилось знакомое ощущение сонливости, отяжелели руки и ноги. Разведчики смотрели на щель, поглотившую перфокарту. Минута прошла, а машина не выплевывает задачу... Только бы не свалиться, ужасно хочется лечь. Еще минута...

Новиков усилием воли стряхивает с себя сонное оцепенение.

– Скушала? «На здоровье», – говорит он тихонько и улыбается Резницкому. Они выбираются из башни и проходят под купол, где размещена исполнительная часть Центра. Они видят, как линии рисованных схем меняют цвета все быстрее и быстрее.

– Давай, давай, работай, – весело говорит Новиков. – Работай, Буриданов ишачок.

Собственно, задача очень проста. Анализаторам не нужно определять свойств опасности и искать способа ее предотвращения, так как вместе с информацией о наличии опасности поступила программа готового решения: включить одну из аварийных систем. Обычно эти системы включались все одновременно на случай, если какая-нибудь из них не сработает. Но программа предписала включить только одну. Какую? Безразлично, они же все одинаковы. А все-таки какую? Задача для малого ребенка: ткни пальцем в любую башенку и вся недолга. Но для мощного электронного мозга такая задача может оказаться формулой невозможного. Ведь логичного решения нет! Только бы не было предусмотрено возможности случайного выбора...

Машина напряженно работала. Вспыхивали разноцветными огоньками рисованные схемы. Панель за панелью, блок за блоком включались в решение задачи: какую из двенадцати выбрать? До сих пор машина «знала» только два случая: включать все башенки или ни одной. Да или нет. Наличие импульса во всех двенадцати системах, или его отсутствие. Единица или ноль на двоичном языке программы. Но одну из двенадцати...

Определила ли машина, что решение лежит вне логики? Может быть. Но отказаться от работы она не могла: не позволял сигнал опасности.

– Нам тут больше делать нечего, – с торжеством сказал Новиков.

Разведчики переплыли ров и возвратились в рощу.

Надвигался вечер, светло-зеленое небо быстро темнело, его, как гигантскую перфокарту, прокололи первые звезды.

Резницкий лежал на спине и отыскивал среди звездной россыпи маленькую звездочку на периферии Галактики. Звездочку под милым сердцу названием Солнце. Вот она! Над самым горизонтом... А вокруг нее, невидимый отсюда, мчится в черной бездне голубой шар Земли. Чудесная зеленая планета! Ее населяют разумные и веселые люди, способные не только на логичные, но и на нелогичные поступки, способные пожертвовать жизнью ради общего блага, во имя Знания. Они не нуждаются в искусственном колпаке. Они дружат с животными, и ласковые собаки, закрутив бубликом рудиментарные хвосты, дожидаются у калиток своих обожаемых владельцев. Там, к величайшему счастью для человечества, большинство не дало меньшинству поработить себя и заменить покорными роботами. Там машины разумно служат людям, а не властвуют над ними...

– Сергей Сергеич, – негромко окликнул его Новиков. – Я очень хочу, чтобы вы... Ну, забудьте о моем вчерашнем...

Резницкий не дал ему договорить.

– Конечно, Алеша. Уже забыл, – быстро ответил он. – И, помолчав, добавил: Надо пойти к вездеходу.

– Подождем немного. – Новиков принялся ходить взад и вперед, размышляя вслух: – Решить задачу Центр не может. Отказаться от нее тоже не может. Значит, он будет наращивать мощность мышления за счет резервов. Это логично... Энергетическая база у него огромная, но не безграничная. Значит резервы иссякнут. И тогда... Что ж, другого выхода у него нет: он начнет подключать энергию с других участков. Да, только так...

– А вдруг питание защитного поля неприкосновенно? – спросил Резницкий.

– Насколько я понял схему, неприкосновенен только источник мощности, предназначенной для синтезаторов пищи. Кстати, не мешает нам поужинать.

Кормушки исправно выдали им по желтому диску. Вообще, ничего пока не переменилось. Светился ночной воздух, пролетели по своим делам роботы. Обитатели рощи укладывались спать на мягкую траву, не знакомую с утренней росой. Но машина, оберегающая их никчемное существование, работала на полную мощность, решая формулу невозможного, работала, чтобы уберечь эти жалкие существа от выдуманной опасности, и тем самым приближая опасность подлинную...

Разведчики пошли к границе защитного поля. Невидимая стена оказалась на месте.

– Давайте поспим, – предложил Резницкий. – Видимо, еще не скоро.

– Ну, что ж, – согласился Новиков.

Но сон не шел. Сомнения снова начали одолевать разведчиков. Резницкий, чтобы отвлечься от беспокойных мыслей раскрыл блокнот, стал приводить в порядок записи. Новиков ворочался с боку на бок, поглядывал на часы.

– Сергей Сергеич, – позвал он вдруг. – Вы не замечаете? По-моему, стало прохладней.

– Н-не замечаю.

– Значит, показалось...

Резницкий снова углубился в записи. «Какой у них цикл дыхания во время сна, подумал он. Надо, пожалуй, уточнить...»

Он встал и направился к ближайшему обитателю рощи. Что это? Серые существа, оказывается, не спали. Они, жалобно повизгивая, собирались в кучки, жались друг к другу. А ведь, верно, заметно похолодало...

– Алеша! – крикнул Резницкий. – Вставайте! Климатическая установка не работает!

Радостно взволнованные, разведчики побежали к защитной зоне. Стена была на месте.

Они возвратились в рощу.

– Теперь у них жизнь пойдет похуже, – сказал Новиков. – Без нянек придется пожить.

– Мне их жаль, – признался Резницкий.

– А мне ничуть. Пища для них гарантирована, а в остальном ну, что ж, пусть снова начинают привыкать к труду...

– Посмотрите-ка на этого деятеля.

Одно из серых существ стояло у дерева с крупными широкими листьями и пыталось спрятаться от прохлады под лист. Но лист рос слишком высоко. Тогда оно потянуло лист к себе.

– Видите? Хочет оторвать. Ничего-ничего, дело пойдет. Просто они ужасно обленились, а теперь придется поработать. Ба, да это Севастьян, у него карандаш в лапе.

Утро застало разведчиков у стены. Бледные от волнения и бессонницы, они то и дело пробовали выйти из зоны, но гнетущая сила тяжести отбрасывала их назад, и тревога камнем лежала на сердце.

– Пошли к вездеходу, свяжемся с кораблем, – сказал Резницкий.

Новиков не ответил. В тысячный раз он, протянув руки вперед, вошел в защитное поле. Тяжесть заставила его пригнуться. Он хотел было отступить, но вдруг почувствовал, что нагрузка ослабевает. Шагнул вперед – ничего... еще шаг, еще...

– Ур-ра! – заорал Новиков и, вскинув руки, побежал сквозь защитную зону, которой больше не существовало.

Вертолет был готов к полету. Прошин озабоченно возился у автопилота, настраивая его на заданный курс. Хорошо еще, что он успел запеленговать место, откуда разведчики вызывали его в последний раз. Сейчас он полетит туда и посмотрит сам, что можно сделать.

Двое быстро шли по склону рыжего холма.

– Минуточку, Алеша, – сказал Резницкий и полез наверх.

С вершины холма он оглядел фиолетовую рощу. Утренний ветерок колыхал ветви деревьев, среди которых бродили серые существа. Отсюда, с холма, они казались особенно маленькими и беззащитными.

Новиков тронул Сергея Сергеевича за локоть:

– Будет вам.

– Они вымрут, Алеша.

– Приспособятся. Планета, в общем, теплая, они привыкнут. Ну, конечно, те, кто послабее, погибнут. А за этого парня, Севастьяна, я спокоен. Накидал на себя листьев и ничего, не замерз. Он и шалаш сделает. Голова у него варит.

– Да, – сказал Резницкий. – Севастьян не дурак.

– Ну, вот видите... Придется им второй раз пройти путь эволюции... Вначале поможет инстинкт самосохранения, а там и мышление появится...

Разведчики стали спускаться к площадке, на которой стоял вездеход. Вдруг они разом остановились. С неба донесся ровный гул, он нарастал, нарастал... Разведчики кинулись обратно на вершину холма. Они прыгали, кричали и размахивали руками. Вертолет сделал над ними круг и пошел на снижение.

Владимир Михайлов

ОДИССЕЯ ВАЛГУСА

Вдалеке горели костры.

Если человек давно не встречал людей, у него в глазах поселяется темная тоска. Но он разводит костер, и одиночество отступает. И человек протягивает руки к огню, как протягивает их другу.

Огонь сродни человеку. Он течет по жилам, пылает в мозгу и блестит в глазах. Люди любят глядеть в пламя; они видят там прошлое и угадывают будущее. Если же человек – бродяга, он любит огонь еще и за вечную изменчивость горячей судьбы.

А здесь не из чего даже развести костер.

Когда-то это было просто. Хворост хрустел под ногами, сухие стволы бросались поперек тропы, нетерпеливо ожидая той минуты, когда им будет дано унестись в небо языком яркой плазмы. Так было в лесах Земли и в других лесах.

Что же, бродяга, иди своей дорогой. Тоскуй по огню костров и ночлегу в траве, вспоминай, как это было хорошо, думай, как хорошо еще будет. Иди и грейся у огня далеких звезд, пока нет земного пламени, пока ты один...

«Вот черт, – подумал Валгус. – Какую лирику развел, а? Сдаешь, бродяга. И поделом: характер у тебя не для компании. Да ты даже и не один. Еще есть этот... кстати, что он там?»

– Одиссей! – негромко сказал Валгус. – Давайте текст.

Последовала секундная пауза. Затем послышался холодный безразличный голос:

– Окисление шло медленно. Реакция не стабилизировалась. Выделявшейся энергии было слишком мало, чтобы обеспечить нормальное течение процесса. Можно предположить, что окислявшаяся органика содержала слишком

много воды, поглощавшей тепло и тем самым мешавшей развитию реакции…

– Стоп! – сказал Валгус. – Этого достаточно. Бессмертные боги, какая ужасная, непроходимая, дремучая, несусветная чушь! От нее уши начинают расти внутрь. Понял, Одиссей?

– Не понял.

– В этом-то и несчастье. Я просил тебя перевести маленький кусочек художественного текста. А ты что нагородил? Понял?

– Я понял. Описанный способ поднятия температуры воздуха существовал в древности. Были специальные сооружения – устройства, аппараты, установки – в жилищах. В них происходила экзотермическая реакция окисления топливных элементов, приготовленных из крупных растений путем измельчения. В данном тексте говорится о поднятии температуры воздуха. Дается начальная стадия процесса. Текст некорректен. Воздух нагревается вне помещения. Чтобы таким способом поднять температуру воздуха на планете, нужно затратить один запятая восемь на десять в…

– Да, – грустно молвил Валгус. – Но в тексте просто сказано, что костер не разгорался – дрова были сырыми. И все. Употребить архаизмы «дрова» и «костер», и дело с концом. А?

– Я не знаю архаизмов, – скрипуче пробормотал Одиссей.

– Он не знает архаизмов, бедняга. Ах, скажите… А фундаментальная память?

– Ее надо подключить. Я не могу сделать этого сам.

– Ага, – проговорил Валгус, раздумывая. – Значит, подключить фундаментальную память? А что ж, это, пожалуй, справедливо. Может быть, я так и сделаю. Я сделал бы это даже сию минуту, если бы ты после этого смог мне сказать, почему не возвращаются корабли… – Валгус помолчал. – Почему они взрываются, если они взрываются. А если остаются целыми, то, что же, в конце кондов, с ними происходит? Кто здесь мешается со своими чудесами? Я тебе завидую,

Одиссей: ты-то разберешься в этом очень скоро. Хотя – куда уж твоим холодным мозгам...

«Вот станет излучать Туманность Дор, когда ему придется прослушивать эти записи, – подумал Валгус, между прочим. – Ну и пусть излучает. Могу же я себе позволить...»

– Впрочем, – сказал он громко, – завидовать тебе, Одиссей, не стоит. Может быть, ты действительно просто взорвешься. Этого себе не пожелаешь. А?

Одиссей презрительно молчал. Валгус пожал плечами.

– Ну-ну... Только до сих пор в природе взрывы всегда сопровождались выделением энергии. А наши эксперименты, наоборот, дают ее исчезновение. Назло всем законам. Исчезает корабль и почти вся энергия с ним. Слабенькая вспышка – и больше ничего. Тебе понятно?

– Не понял, – без выражения произнес Одиссей.

– Не ты один. А вот я должен был уразуметь, в чем тут дело. И проверить. Вернее, проверять-то придется тебе. Мое дело – попросту принести тебя в жертву. В твои бы времена, Одиссей, заклали быков. Времена изменились... – Валгус помолчал. – Так включить тебе память? Нет, лучше сначала скажи, как дела.

– Я в норме, – отчеканил Одиссей. – Все механизмы и устройства в порядке.

– Программа ясна?

– По команде искать наиболее свободное от вещества направление. Лечь на курс. Увеличивать скорость. В момент «Т» включить генераторы. Освободить энергию в виде направленного излучения. Через полчаса снять ускорение и ждать команды.

Одиссей умолк. Наступила тишина. Только неторопливо щелкал индикатор накопителя: ток... ток... ток... Валгус прошелся по рубке, упруго отталкиваясь от пола. Пилот задумчиво смотрел перед собой, схватив пальцами подбородок.

– Уж куда как ясна программа... Итак, нам с тобой, ущербный мой спутник, предстоит...

Но даже объяснить, что именно предстояло, было, по-видимому, достаточно трудно, и Валгус не стал продолжать. Еще несколько минут он колесил по просторному помещению, все так же сжимая пальцами подбородок. Затем приостановился, медленно покачиваясь на каблуках.

– И ты взорвешься – или уйдешь туда. В надпространство. В последнем эксперименте распылился «Арго». Или все-таки ушел? Первую часть программы он выполнил точно, но вторую... Так или иначе, назад он не вернулся. Прекрасный корабль – «Арго». Разве что у него было четыре приданных двигателя, а у тебя пять... Не вернулся. Хорошо – включу тебе память. Совершенствуйся, постигай непостижимое. Может быть, хоть тогда ты начнешь разговаривать по-человечески. Иначе мы с тобой каши не сварим... Кстати, что сегодня на обед?

– Меню четыре, – сказал Одиссей.

– Хоть поем в свое удовольствие, – пробормотал Валгус. – Невинные радости бытия... Так ты говоришь, память? Пусть так... Ты знал, что просить. Но все равно, тебе придется идти на прорыв... Корабли не возвращаются, в этом вся история. А потом болтаться на шлюпке и ждать, пока тебя подберут – невеселая перспектива. Что я, лодочник? И вообще, лишь стоит об этом подумать, как сразу хочется верить, что обладаешь бессмертной душой, которой не страшны взрывы. Пусть память, ладно...

Валгус, не торопясь, шел по коридору. Он намеренно избрал самый длинный путь в библиотеку, где надо было включить фундаментальную память. Валгус любил ходить по коридору. Длинная труба звала ускорить шаг, но Валгус сдерживался, чтобы продлить удовольствие, которое давала ходьба.

Сначала он шел своим обычным шагом, легким и упругим. Потом зашагал шире, чуть покачиваясь. Сколько хожено таким шагом по земным дорогам, по лесным тропам, боже ты мой, и когда это успелось? А когда еще придется?.. Эта мысль не понравилась Валгусу, и он сменил шаг на

спортивный. Словно бы здесь был не коридор, а дорожка стадиона, и он еще где-то на средних курсах Звездного, и все, что уже было, еще только предстоит... Третий курс. Стоп.

Он опять переменил походку. Пошел медленно, как ходят, когда меньше всего собираются торопиться... Обычно так шагают не в одиночку, и Валгус даже покосился вправо. Нет, друг мой, не смотри вправо, там никого нет. Смотри лучше влево, это полезнее.

Вдоль левой стены были установлены устройства. Откидывая крышки кожухов, Валгус взглядом проверял готовность терпеливо ждущих нужного момента магнитографов, астроспектровизоров, стереокамер, экспресс-реакторов и всего прочего, придуманного хитроумным человечеством, чтобы не пропустить момента, когда будет проломлена стенка трех измерений, и корабль нырнет в неизвестное и непонятное надпространство.

И нырнет-то без тебя. Всегда все предпочитают обходиться без тебя. Такой уж у тебя характер. А кто виноват? Ну, хорошо, ты – бродяга. Не совсем свой на Земле. Таких, как ты, породило время. Мы – неизбежные издержки эпохи; время не всегда ласково к отдельным людям. Мы – бродяги, испытатели и экспериментаторы, мы летаем в одиночестве, наедине со Вселенной и своими мыслями, и отнюдь не привыкаем здесь к обходительности, не учимся терпимости к чужим слабостям. Такова наша жизнь. Считанные рейсы – и жизнь вся; рейсы длятся годами, и кому дело до того, что в тебе осталось слов еще на целые десятилетия? Здесь можно поговорить лишь с Одиссеем, но это – скучно. И то он скоро нырнет – и исчезнет.

Если только нырнет. Всегда казалось, что корабли проламывают стенку и уходят в надпространство. И не возвращаются...

Коридор кончился. Ничего себе коридорчик, добрых полкилометра длиной. Валгус не без усилий отворил тяжелую дверь. Отсек обеспечения автоматики; его проверка

тоже входит в план подготовки к эксперименту. Здесь было тесно. Ни лишнего места, ни лишних механизмов. Но и в тех, что были необходимы, разобраться с первого взгляда казалось совершенно невозможным.

И все-таки – почему? Но гадать не стоит. В наше время не гадают. Когда заходит в тупик теория – летят на место и собирают факты. Собирают факты и теряют корабли. От тебя требуется одно: новые факты. Никто не ожидает новых гипотез. Никто не спросит, почему. Спросят лишь – как.

Ну, на это ответить будет несложно. До поры до времени все станут записывать устройства – эти самые и еще установленные на шлюпке. А вот что произойдет дальше?

«Хотел бы я, – подумал Валгус, – угадать, что будет дальше. Но я не могу. И он не знает, технически гениальный Одиссей, который хочет иметь и фундаментальную память. И никто вообще понятия не имеет. Да, хотел бы я все-таки знать... Впрочем, любопытство губило многих, а мне вовсе неохота попасть в их компанию. Мне еще хочется полетать, риск же хорош лишь в пределах разумного».

Он сидел на ступеньках трапа, ведущего во второй ярус отсека обеспечения автоматики. Размышлял, удобно оперев подбородок на ладонь.

Все-таки – взрывы это или нет? Туманность Дор (в миру – академик Дормидонтов) клянется, что нет. И тем не менее корабли взрывались. Откуда бы иначе браться вспышкам? Жаль этого бедного, туповатого Одиссея. Что с него взять – он ведь не человеческий, а всего лишь корабельный мозг. Но какой пилот не жалеет корабли? Они почти живые... Так на чем мы остановились? На том, с чего начали.

Вздохнув, Валгус поднялся со ступеньки. Вышел в коридор, затворил за собой дверь и тщательно, до отказа закрутил маховик.

– Ну, сюда больше ходить незачем. Расстанемся. А уж если не расстанемся...

В самом деле, а если не расстанемся? Вдруг что-нибудь... мало ли – может отказать шлюпка. В последний момент.

Был когда-то такой случай. Пилоту удалось затормозить вовремя. Могло и не выйти.

– Ну если не расстанемся, то сюда, пожалуй, заглянет на миг моя бессмертная душа…

Он сам перебил себя внезапным смешком, потому что ему представилось, как его гипотетическая бессмертная душа, голенькая и смущенная, будет жаться в угол и недоуменно поглядывать на поросшие махровым инеем колонны криогеноз или на бокастые сундуки катапультного устройства. Это было действительно смешно, и он еще весело кашлял, входя в библиотеку. Так он смеялся. А что? Все равно, никто не слышит.

Здесь было удобно, уютно – как на Земле. Стояли глубокие кресла, несколько кресел, а он, Валгус, – один. Пришлось по очереди посидеть в каждом кресле – ни одному не обидно.

Просто странно, как бывает нечего делать перед началом эксперимента. Наибездельнейшее время во всем рейсе… Взгляд Валгуса скользнул по записям в гнездах, занимавших переборку. В них была собрана, как говорится, вся мудрость мира. Ну не вся, конечно… Но для Одиссея вполне достаточно. Удобная библиотека, доступная и человеку, и решающему устройству на криотронах, устройству по имени Одиссей.

Вот мы это и используем. Увеличим нагрузку на Одиссея. Зачем? Да просто так. Для работы фундаментальная память Одиссею в этом рейсе не нужна. Она – на случай, если устройству придется решать специальные задачи. Как это было, например… Ну, что было, то было. Просто с Одиссеем будет приятнее разговаривать. Он чуть больше начнет смахивать на человека. И нет никого, кто бы запретил Валгусу делать это. А уж кто-нибудь обязательно запретил бы. Подключать фундаментальную память без необходимости не рекомендуется. И дело не в увеличении нагрузки. Дело в том, что, хотя машину конструировали и изготовляли люди и люди же заложили в нее определенные свойства, но

иногда с этими устройствами бывает так: наряду с десятью известными, наперед заданными свойствами ты, сам того не зная, закладываешь в него одиннадцатое, неизвестное и непредусмотренное, а потом сам же удивляешься: почему машина поступает так, а не иначе.

Впрочем, к фундаментальной памяти это не относится. Так что включим ее, не мудрствуя лукаво...

Валгус повернул переключатель, присоединявший всю память библиотеки к контактам Одиссея. Пусть теперь просвещается в области литературы, пусть занимается человековедением. Кстати, это не отнимет у него много времени. Вот исчезнувший неизвестно как «Арго», наверное, так и взорвался, не обогатив себя знанием литературы. Может, ему от этого было легче взрываться?

Валгус уселся в последнее кресло, подле экрана. На нем были все те же звезды в трехмерном пространстве. Привычный пейзаж. Сфера неподвижных звезд, – как выражались древние... Звезды и в самом деле оставались неподвижными, хотя скорость «Одиссея» была не так уж мала... Неподвижны.

Валгус вдруг собрался в комок, даже поджал ноги.

Звезды были неподвижны – за исключением одной.

Она двигалась. И быстро. Перемещалась на фоне остальных. Становилась ярче. Что такое?!

Он проделал все, что полагалось, стараясь убедиться, что не спит. Да нет, он вовсе не собирался спать – теперь меньше, чем когда бы то ни было. А звезда двигалась. Светящееся тело. Но тут – не Солнечная система, где любой булыжник в пространстве может блистать, отражая лучи Подателя Жизни. Нет, здесь уж если тело сверкает, то без обмана. Да оно и движется к тому же. Это, конечно, не звезда. А что? Район закрыт для кораблей. Заведомо пуст. Чист для эксперимента. А что-то горит. Плывет такой огонек... Огонек?

Валгус вплотную придвинулся к экрану, прижался к нему, хотя и незачем было. Но все же... Нет, не один огонек. Один ярче, два послабее. Треугольником. И чуть подальше – еще два. Что-то напоминает ему эта фигура. Что-то, сто раз виденное. Ну? Ну?

Он вспомнил. Это было видано даже не сто раз. Больше. Один ярче, два послабее, и дальше – еще два. Навигационные огни. Его собственные навигационные огни. Глаз уже угадывал и контуры корабля – контуры «Одиссея». Валгус задрал брови и выпятил нижнюю губу.

Это что же значит? Он, Валгус, сидит в библиотеке корабля, и видит его со стороны. Не его, конечно, – отражение. Пилот, летя над Землей, может видеть тень своего самолета на облаках или на поверхности планеты. В воздухе могут возникать миражи, в том числе и отражения. А здесь, в добротной пустоте?

Вот оно, открытие, Валгус. А ты тосковал... До этого не додумался бы даже Туманность Дор. Не говоря о фантастах, которые, как известно всем, читающим газеты, вообще ничего придумать не в состоянии. Газеты приходят к такому выводу всякий раз, как совершается событие, о котором фантасты бросили писать уже лет сто назад. Ну это их дело... Но вот такое отражение? В чем отражается «Одиссей»? Ну-ка, напряги мозги...

А ведь это «Одиссей», нет сомнения. Как хорошо! Ведь до сих пор ни разу не приходилось увидеть свой корабль со стороны в полете. Это видели другие, и у них захватывало дух и пробивались слезы, когда «Одиссей» начинал разгон, и базовый корабль или Большой Космостарт растворялись в прошлом. Но для самого Валгуса в эти минуты существовало только ускорение, перегрузки и бешеный трепак индикаторов и стрелок. А вот теперь...

Тебе повезло, Валгус, бешено повезло. Не говоря уже о том, что это – открытие высшего класса, это просто красиво. Стремительное, вытянутое тело корабля, рвущееся все дальше и дальше к далеким звездам. Каким внушительным выглядит отсюда защитный экран... Вот небольшое вздутие жилой группы, ощетинившееся антеннами генераторов ТД. А дальше – длинная труба коридора, утолщение двигательной группы и на размашистых фермах – приданные. Строго, красиво, целесообразно настолько, что даже эти приданные двигатели не портят облик корабля, не делают его тяжелым или неуклюжим. Хотя их целых пять, этих двигателей...

«Четыре, Валгус, четыре, – подсказал здравый смысл. – Откуда пять, когда их всего четыре?».

Валгус еще раз пересчитал. Что за черт... До пяти-то досчитать нетрудно, но ведь здесь и вправду – всего четыре приданных двигателя на четырех фермах, а не пять на пяти! Значит?..

Значит, это не «Одиссей». Только и всего. Это другой корабль. Идет параллельным курсом. А? Откуда здесь корабль?

Валгус дышал хрипло, словно после небывалого усилия. Громоотвод и молнии! Бессмертные боги, покровители галактических дураков! Вакуум-головы, великие раззявы мироздания! Он же мог приступить к опаснейшему эксперименту, а тут – вот, пожалуйста – разгуливают себе корабли с ротозеями на борту. Лезут, ничтоже сумняшеся, в статистику несчастных случаев. Прямо-таки рвутся. Нет, командир их поступит очень разумно, если постарается не встречаться с Валгусом на Земле. Впрочем, зачем ждать встречи,

когда и сейчас можно выйти на связь с этим адмиралом разгильдяев и сказать кое-что о людях, путающих командирское кресло с детской посудинкой...

Извергая на головы разгильдяев все новые проклятия – а их немало поднакопилось за время полета, просто не на кого было излить их, – Валгус кинулся к двери. Он уже затворил ее за собой, когда в библиотеке – ему показалось – что-то негромко щелкнуло. Валгус торопился, разноцветные словечки и выражения, многоступенчатые, как давние корабли, кишели в мозгу и просились в эфир. Однако приросшая к характеру Валгуса за долгие годы полетов привычка больше всего заниматься мелочами заставила его вернуться.

Очевидно, он не довернул переключатель: фундаментальная память оказалась отсоединенной. Валгус снова включил ее, тщательно и аккуратно, и направился к выходу. На этот раз неторопливо: все равно, из зоны устойчивой связи этот лихач Млечного Пути так скоро не выйдет.

На этот раз щелкнуло, когда Валгус только что взялся за ручку двери, и он обернулся так быстро, что ему самому стало ясно: он ждал этого щелчка. Да, Одиссей упорно отказывался от подключения фундаментальной памяти. Тот самый Одиссей, который не далее, как час назад прямо изнывал без нее. Не начал ли сказываться какой-нибудь неучтенный эффект? Это самое одиннадцатое свойство?.. Одиссей отказывается! Смешно, как будто горсть криотронов может отказываться или не отказываться... Да, кто-то лезет со своими чудесами, кому-то не терпится попасть в боги.

Ехидно улыбаясь, Валгус на этот раз уж постарался закрепить переключатель так, чтобы было невозможно нарушить контакт. Вот так-то; на корабле один хозяин, и имя ему – Валгус. А вне корабля?

На экране пять огоньков независимо скользили между звезд, неизвестный корабль по-прежнему ковылял параллельным курсом. Как будто ему было задано сопровождать «Одиссей» на штурм пространства. Ерунда, такого

поручения не было дано никому, Валгус это знал совершенно точно. Нет, это дремучий ротозей. А что тут делать хотя бы и ротозею?

Валгус вошел в рубку, откашливаясь для предстоящего разговора и стараясь выглядеть все же спокойно. Так уж полагалось, хотя если бы даже Одиссею было и не все равно, как выглядит пилот, корабельный мозг так или иначе этого бы не увидел: внутренних оптических рецепторов у него за ненадобностью установлено не было. Просто командир корабля всегда должен быть спокойным. И Валгус неторопливо включил видеоустройства, покрутил рукоятки, разыскивая чужой корабль. Ротозейское корыто болталось на старом месте, но устройства в рубке были куда мощнее библиотечных, и можно было различить не только контур. Если бы такое же усиление было в библиотеке, Валгус и там не принял бы корабль за «Одиссей».

Да, это была почти однотипная с ним машина последнего выпуска. На широко разнесенных фермах у нее действительно было не пять приданных двигателей, а всего четыре, но зато выходы генераторов ТД – теперь это было ясно видно – торчали не только на жилой группе, но и на прилегающем участке коридора. Такой корабль в известной человеку части Вселенной был только один. А именно – тот самый «Арго», который не вернулся из эксперимента полгода тому назад.

Валгус жалобно засмеялся. «Арго». Так... Что еще произойдет сегодня? Он кашлял, скрипел и давился смехом, потом внезапно смолк. Одиссей тоже вроде бы посмеивался – он мигал индикаторами связи. Переговаривался с «Арго»? Но если даже это действительно корабль, то уж людей на нем быть никак не может. Что же это мигает? Ни в какую азбуку не укладывается... Обычно по индикаторам можно с легкостью разобрать, что говорят, что отвечают. Здесь – какая-то бессмыслица. И тем не менее работает именно связь. Мой идиот Одиссей переговаривается... А ну-ка, я вызову этот призрак сам...

Валгус уселся за связь. Он вызывал долго, все более ожесточаясь. Как и следовало ожидать, никто даже не подумал отозваться. Сорвать злость оказалось абсолютно не на ком. Разве что на себе самом, но это было бы уж и вовсе бессмысленно. Ишь ты, Валгус, как ты сдержан сам с собой. С товарищами-то не всегда... Далеко они сейчас, товарищи...

В общем, все понятно. Вот к чему приводит чересчур упорное мудрствование в одиночку на тему – куда деваются корабли, взрываются или уходят в надпространство. Галлюцинация, Валгус, вот как это называется. Мы сделаем вот что: сфотографируем этот участок пространства. И пойдем спать. Необходимо отдохнуть, если уж дело зашло так далеко. А эксперимента сегодня не будет. Никто от этого не умрет, а хорошо выспаться – половина успеха...

Он сфотографировал этот участок пространства. Обработать снимки можно будет потом, а сейчас действительно очень хочется спать. Да на снимках и не окажется ничего: оптика не галлюцинирует. Пойдем в каюту...

Но Валгус чувствовал себя все еще чересчур возбужденным, пульс зло колотился в висках. Так, пожалуй, не уснешь. Надо заняться чем-нибудь таким – простым, легким... Хотя бы проверить шлюпку, вот что. От нечего делать – и, понятно, для спокойствия. Чтобы уже завтра не случилось ничего такого.

Валгус усмехнулся. Ладно уж, не делай вид, что вспомнил о шлюпке просто так. Я-то тебя знаю, вселенский бродяга. Риск – в пределах разумного...

Шлюпка была наверху. Пришлось подняться по широкому, пологому трапу, рассчитанному на то, чтобы по нему можно было пробегать, ни за что, не зацепляясь, даже в самые суматошные минуты полета. Вот люк был узковат. Шлюпка есть шлюпка, такой небольшой космический кораблик на одного человека. После начала эксперимента ты будешь спасаться на нем, пока Одиссей станет ломиться в надпространство.

Валгус, как и полагалось по инструкции, осмотрел шлюпку снаружи, вручную провернул освобождающий механизм, прямо-таки обнюхал катапульту, затем забрался внутрь, в тесноватую рубку. И здесь все было в порядке. Шлюпка уже сейчас, кажется, делала стойку – только скомандуй, и она кинется вперед и унесет тебя подальше от опасностей, от возможности взрыва... Да, все в порядке. А у Валгуса и не бывает иначе. Минимум риска. И – инструкции: их надо выполнять, они указывают нам, что следует делать. Вот только никто не указывает, как не взорваться...

Опять ты об этом, достопочтенный бродяга! Хватит на сегодня, иначе тебе снова начнут мерещиться мертвые корабли. Не надо. Осмотрел шлюпку – прекрасно. Иди, ложись спать.

Возвращаясь, Валгус не забыл проверить, надежно ли заперты отсеки с аппаратурой ТД. ТД – так сокращенно именовался Туманность Дор, а его аппаратура – это были скромные машинки по полторы тонны весом, те самые генераторы, при помощи которых корабль будет пытаться изогнуть вокруг себя пространство и проломить или прорвать его. Прямо-таки скучно, но и здесь никакого беспорядка не было. Одиссей знал свое дело. Правда, он не знал ничего другого. Например, что вовсе не так уж сильно хочется оставлять его одного в решающий момент...

Валгус распахнул дверь своей каюты. Вошел и затворил дверь за собой. Он мог бы и не делать этого, потому что никто не потревожит его сон и при раздвинутых створках: ближайший из тех, кто мог бы совершить такую бестактность, находился на базовом корабле, за миллиарды километров отсюда. Но Валгус все-таки захлопнул дверь – по привычке к порядку.

Затем он снял куртку, аккуратно повесил ее в шкафчик и уселся на низкое, покорно подавшееся под ним ложе. Зажег малый свет. Взял с тумбочки дешифратор с вложенной записью книги. Включил.

– Младая, с перстами пурпурными Эос, – саркастически произнес Валгус. – Все-таки в пространстве Гомер как-то не лезет в голову. Меня смутил Одиссей – хотелось аналогии. Криотронный Одиссей тоже достаточно хитроумен, только он – из другой оперы. Надо было взять что-нибудь повеселее.

Но он отлично знал, что читать сейчас все равно не в состоянии. Стоит начать – и опять полезут в голову мысли, полные белых пятен. Надо просто спать, спать. Хорошо бы увидеть какой-нибудь нейтральный сон. Раз уж нельзя здесь развести костер, неплохо будет посидеть у огня хотя бы во сне...

Он протянул руку к гипнорадеру – маленький рефлектор прибора поблескивал на стене над ложем. Рука остановилась на полпути, потом неторопливо возвратилась в исходное положение.

– А возможно, не спать? – подумал Валгус вслух. – Так я хоть сам с собой поговорю, и все становится на места. А приснится еще кто-нибудь оттуда, с планеты...

Кто-то приснится, и ты начнешь говорить с ним. У костра. Но не греют нас костры снов, а разговор ты не успеешь кончить и, может статься, так и не успеешь договорить никогда. Уж лучше не начинать таких разговоров, которые оканчиваются ничем.

Да, в этом было, наверное, дело, а вовсе не в ощущении невозможности сна – о нем вам расскажет любой звездник. Это ощущение возникало, когда скорость переваливала за половину световой. Тут все было ясно – космопсихиатры давно выяснили, что ощущение это появлялось не от скорости, которая вовсе не ощущается, а только от мысли – может быть, даже неосознанной, – что пока ты приляжешь на несколько часиков и будешь мирно похрапывать на ложе или просто в откидном кресле, на Земле могут родиться и состариться поколения... Между прочим, для того-то человечество и разыскивало выход в надпространство, чтобы людям никогда не улетать на столетия... Но, во всяком случае,

стоило это представить – и спать становилось невозможно, просто немыслимо из-за угрозы проспать чью-то жизнь: может быть, той женщины, которая называлась бы счастьем, или мужчины, что стал бы лучшим твоим другом. Так думают звезданки, но может быть, дело все-таки в снах, а не в этом. А в общем – думайте, как хотите, но каждое спальное место на корабле оборудовано гипнорадером – прибором, который надо только включить, – и можно спать и видеть сны.

«Что же, – подумал Валгус, – будем видеть сны» ... Он решительно включил гипнорадер. Забудем мертвые корабли... Он устроился поудобнее, мысли затянул легкий туман. Забудем... И пусть будут сны. Он улыбнулся, и глаза закрылись сами.

Он проснулся свежим от сновидений. Реле времени сработало точно, и можно было делать все не торопясь.

Порядок был заведен раз и навсегда. Ионная ванна. Массаж. Валгус постанывал от удовольствия, а сам тем временем для разминки решал в уме систему довольно каверзных уравнений. Затем последовали десять минут упражнений на сосредоточенность и быстроту реакции. Завтрак. Завтрак был съеден с аппетитом. На аппетит не влияла никакая скорость, и вообще ничто не влияло, если на столе было что-нибудь повкуснее. От завтрака, как известно, зависит настроение, которым Валгус очень дорожил.

Затем он переоделся во все чистое и долго надраивал ботинки. Он успокоился, лишь когда черный пластик заблестел не хуже главного рефлектора. Конечно, такой парад был не обязателен – все равно принимать его некому. Но пилоту предстояло сесть в командирское кресло, за пульт. А ни один звездник не унизится до того, чтобы сесть в командирское кресло в невычищенных ботинках или в кое-как выглаженном костюме. Бытовой комбайн шипел и фыркал, но Валгус критически обозрел брюки и еще раз прошелся по ним вручную. С хрустом развернулась рубашка, в складках ее жил запах земных, дурманящих вечеров... Потом Валгус

долго разглядывал свое отражение в большом зеркале, повертываясь туда и сюда – при этом золотые параболы на груди взблескивали мгновенно и глубоко. Вахта есть вахта, нельзя оскорблять корабль небрежным отношением к ней. Уж это Валгус знает, летает не первый год. Может быть, конечно, последний...

Во всяком случае, не первый. Поэтому не кто-нибудь, а именно он идет сейчас на корабле последней модели, доверху набитом аппаратурой. Ее с великим тщанием устанавливали монтажники и ученые, и сам пресловутый ТД, кряхтя от гнетущей славы, излазал все отсеки. Он перепробовал каждое соединение и при этом потрясал широчайшей бородой. Той самой бородой, которую, по слухам, вначале и окрестили Туманностью Дормидонтова. Уже впоследствии это название перешло на него самого и сократилось до простого ТД. Впрочем, Валгус думал иначе – корни прозвища, наверное, заключались в манере ТД зачастую говорить крайне туманные вещи, которых никто не понимал, и лишь куда позже все вдруг становилось ясным, хотя по-прежнему в это не верилось. Вот в чем было дело, а вовсе не в бороде, которую ТД носил только для солидности, – ему еще не было и сорока.

Вот и теперь корифей навел туман на вопрос о надпространстве. Никто еще не понимал, как следует, что же такое надпространство, но ТД утверждал, что выйти в него можно. Из-за этого и гибли корабли. Конечно, дело стоило того. Если можно прорваться в надпространство – это станет открытием века. Не какие-нибудь там липовые отражения в пространстве, которые на поверку оказываются обычными галлюцинациями. Надпространство – это значит, что решается проблема сообщения и связи. Метагалактика – да, даже Мета сжимается до карманных размеров. Смятый лист бумаги, который можно сложить любым образом, – вот что такое тогда пространство. Как обычно, всем вдруг все станет ясно – и гениальность ТД в очередной раз станет очевидной, и пребудет таковой, пока он опять не упрется плечом в

какую-нибудь теорию и не начнет ее раскачивать; а пока что бородач будет только помалкивать да посмеиваться, как будто бы и не представлял себе, что его предположения могут не подтвердиться.

Да, открытие века. Недурно совершить его, если даже гипотеза принадлежит не тебе; даже просто доказать ее справедливость – и то уже очень хорошо. Признайся: поэтому-то ты и напросился в этот полет. А вовсе не из-за своего сварливого характера, который, как ты уверяешь, мешает тебе долго оставаться на Земле. Нет, не из-за характера. И даже не потому, что она сказала тебе только корабли укрощать, а не меня... Она могла бы так и не говорить. С другой стороны, кто виноват в том, что у него такой характер? В полете, в одиночном, многомесячном полете и ангел стал бы сварливым – только не пускают ангелов в испытательные рейсы... А к тому же здесь привыкаешь, что каждое твое приказание такой вот Одиссей выполняет моментально и беспрекословно, а она – нет, она не очень-то настроена на такой лад. Что-то не выходит. Вот если бы действительно этот полет завершился открытием...

Но открытие не состоится. Открытия совершают люди, а не киберы, даже столь интеллектуальные, как Одиссей. А ведь именно Одиссей пойдет биться об эту невидимую стенку. Он все выполнит и ничего, к сожалению, не поймет. И, значит, не откроет. А человек предусмотрительно бросит Одиссея на милость святой Программы, попросту – удерет с него на шлюпке, отдав сперва все команды, и лишь на почтительном отдалении станет наблюдать за происходящим. Ну и что? Он заметит слабую вспышку, корабль исчезнет, приборы покажут вместо увеличения уменьшение количества энергии в данном объеме пространства. И все. Одиссея никто и никогда больше не увидит, как не увидит и открытия. А человек в шлюпке затормозит, развернется и, теша себя монологами об исполненном долге, поплетется к той точке, где научная база висит себе и протирает пространство

в ожидании результатов очередного жертвоприношения хорошего корабля.

Вот если бы на стенку пошел человек... И затем открытие привез бы на базу некто Валгус. Испытатель Валерий Гусев. В общем, риск – это наименьшее, чем приходится платить за право быть человеком, тем более – любопытным человеком.

Ну хорошо. Все это пустые разговоры. Характер у тебя, правда, бродяжий. Но бродяги – народ осторожный и многоопытный. Они в огонь не прыгают, а греются около. Любопытство, риск – это еще да или нет, а вот программа эксперимента – это уж наверняка да. Вот и выполняй.

Валгус вошел в рубку подтянутый, серьезный, словно бы его ждал там весь экипаж. Четкими шагами подступил к пульту. Миг простоял около кресла. Уселся. Посидел, вытянув перед собой руки, разминая пальцы, как перед концертом.

– А сны мне все-таки снились, – оказал он. – Снится такое, чего вообще не бывает. Такая залихватская фантастика снилась мне, друг мой...

Одиссей молчал. В таких разговорах он вообще не принимал участия. Ни до сна, ни до фантастики ему не было никакого дела. Он был просто корабль, выполнял команды, управлял сам собою, вел походный дневник, – и все. Валгус перемотал ленту, прослушал накопившиеся записи. Ничего интересного. Об «Арго» – ни слова. Понятно, – просто привиделось. Следовало бы, конечно, проявить ту пленку, на которой он пытался запечатлеть собственную галлюцинацию, ее призрачный продукт. Что ж, сделаем это...

Он включил соответствующую автоматику, перегнувшись через подлокотник кресла. Ждать придется буквально несколько секунд. Столько, сколько нужно, чтобы прочитать стишок о трех мудрецах в одном тазу, которые однажды, презрев нормы безопасности... Валгус с выражением прочитал стих, потом вытащил пленку.

Вернее, то, что от нее осталось: черные, изъеденные лохмотья. Словно бы автомат вместо проявителя купал пленку в кислоте. Это еще что за новости? Неисправность в системе автоматики?

Но сейчас заниматься фотоавтоматикой уже не хотелось. Валгус хорошо выспался и чувствовал себя прекрасно. Можно работать, да и пора уже, откровенно говоря...

– Одиссей! – окликнул Валгус – Что по курсу?

– Впереди – пространство, свободное до девятой степени.

Это, конечно, видно и по приборам. Но иногда хочется, черт побери, услышать и еще чей-нибудь голос, кроме своего.

– Вакуум хорош. Предупреждения? Отклонения от нормы?

– Не имею.

Показалось или он действительно чуть помедлил с ответом? Да нет, чепуха. Он же – не мыслящее существо. Обычное устройство. Прибор, аппарат, машина – что угодно... Однако для верности придется поставить контрольную задачу.

Он задал Одиссею контрольный тест. Сверил с таблицей ответ. Нет, все сходилось. Значит, показалось.

– Внимание! – громко оказал он. – К выполнению программы!

– Программа введена, – равнодушно проскрипел Одиссей.

– Готовность сто. В момент «ноль» приступить к выполнению.

– Ясно.

Валгус удовлетворенно кивнул. Медленно повертывая голову, еще раз осмотрел рубку, пульт, шкалы приборов.

Всем существом своим ты ощущаешь, как наползает Время. Ради этого мига ты три месяца на хорошей скорости шел сюда, в относительно пустой район пространства. Три санаторных месяца полета, несколько часов настоящего действия. Стоило ли? Стоило: иногда человек всю жизнь

свою живет только для одного часа, и даже меньше – ради одной минуты, но в эту минуту он нужен человечеству... Стоило. Ну все. Кончились сны. Кстати, приснится же такое...

Он шумно вздохнул. Но все это уже мешало, и он отбросил лишнее, как бумажный стаканчик, из которого выпито все.

– Даю команду!

И, протянув руку, Валгус нажал большую, расположенную отдельно от других шляпку в правой части пульта. Затем повернул ее на сто восемьдесят градусов и нажал еще раз, до отказа, вплющивая головку в матовую гладь пульта.

– Сто! – сказал Одиссей, и помедлил.

– Девяносто девять... – и снова пауза.

– Девяносто восемь...

Великолепно. Можно подключать кислород. Нет, еще рано, пожалуй... Подвеска затянута? Затянута. Игла на случай потери сознания при перегрузках? Вот она, взведена, хотя таких перегрузок и не предвидится. Все датчики включены в сеть записи? Все, все...

– Шестьдесят два...

– Шестьдесят один...

– Шестьдесят...

Да, наступает расставание. Ночевать сегодня он будет уже в откидном кресле маленького кораблика... Валгус взглянул на приборы, соединенные со шлюпкой. Там – неторопливый покой, реакторы тихо ждут в ожидании момента, когда будет дана заключительная команда кораблю, сказано ему последнее человеческое слово. Остальное сделает сам Одиссей. Но до этого еще часы. Последние часы. Долго тянулось это время. Три месяца. Будь он хоть не один. Было бы их, скажем, двое. Вторую он усадил бы в шлюпку, и сейчас лететь ей на базу. Лететь бы, если бы она не сказала в тот день: ты мне надоел; ну и характер, конечно, помог... Да, а не скажи она этого – и окажись вдруг чудом здесь, – Валгус бы отправил ее в шлюпке. На всякий случай. А сам?

– Пятьдесят три…

– Пятьдесят два…

А он бы остался, очень просто. Вдвоем на шлюпке-одиночке не уйти. Остался, чтобы увидеть все не издали, а пережить самому. И привезти ТД настоящие факты, хрустящие, тепленькие, а не какую-нибудь заваль. А так – опять будут гадать…

– Сорок пять…

– Сорок четыре…

– Сорок три…

Бубни, бубни. Вот сейчас настало время подключить кислород. Так, и теперь – направо, довернуть до конца. Готово. Дышится хорошо. Противоперегрузочные включены? Да. А если там, впереди, пыль? Или мало ли что еще? Глупости, впереди ничего нет, кроме будущего. Никаких предупреждений не принято. Все в порядке. Значит, ты готов остаться, окажись вас на борту двое? Ну а если ты и один – почему бы не остаться? Конечно, программу Одиссей и сам выполнит. Но, очевидно, имеется во Вселенной нечто такое, чего нет в наших программах. Иначе все корабли возвращались бы. Нечто непредвиденное… А если впереди просто взрыв? И тогда уж – ничего? Совсем ничего…

– Семь…

– Шесть…

– Пять…

Ну, держись. Нет, дорогой мой ТД, все это ужас как интересно, но я все-таки не останусь. Если вы такой любопытный – вот и летели бы сами, не боясь подпалить бороду около звезд. А я не гений. Я – строго по инструкции. В назначенный момент – прыг в шлюпку, и катапультирую. Ясно?

– Два…

Пауза, пауза, пауза… Ну же!

– Один!!!

«Отцеплюсь!», – подумал Валгус, и выкрикнул:

– Поехала!

Он не услышал отсчета «ноль». Потемнело в глазах, заложило уши. Кресло стремительно швырнуло его вперед, и он намного обогнал бы Одиссея, но корабль вместе с креслом за тот же миг ушел еще дальше, и кресло снова и снова нажимало на многострадальную Валгусову спину, а не будь противоперегрузочных устройств, то-то уж оно нажало бы... И Валгус никак не мог убежать от этого давления. Стрелка счетчика ускорений дрожала на четырех «же», потом нехотя поползла дальше. Зато столбик указателя скорости прямо-таки бежал вверх – туда, где в самом конце шкалы виднелся изрисованный кем-то из ребят вопросительный знак, жирный, как могильный червь. Что поделаешь, наступило время ответов.

Валгус сидел, не в силах пошевелить даже языком, не то, что рукой или ногой. Впрочем, этого и не требовалось. Одиссей все делал сам. Умный корабль. Пока все идет чинно, как на похоронах. Можно о чем-нибудь подумать. Помечтать. А вот трусить не надо. Трусость – от безделья, конечно... Нет, это показалось, что термометр лезет вверх. Все работает чудесно. Видеоприемники – ну прямо прелесть. Только видеть уже почти нечего. Начинаются всякие эффекты... Впереди – темная ночь. Что показывают бортовые? Вроде бы северное сияние. Почему-то видно гораздо больше звезд, чем раньше. Опять галлюцинации? Жарко... Ну да, при такой интенсивной работе двигателей всегда кажется, что тебе жарко, хотя термометр спит мертвым сном. Ну и сравненьица же лезут в голову... Не дрожи коленками, Валгус!

– Продолжать ли эксперимент?

Это еще что? Это скрипит Одиссей. Сугубо противный голос, неживой. Теперь болван будет приставать с этим вопросом при каждой отметке скорости. Ничего, такое ускорение мне даже полезно для здоровья. На этой станции я еще не сойду...

Прошло еще сколько-то времени – его резал, как колбасу, на толстенные походные куски только голос Одиссея, который действительно все чаще спрашивал – продолжать

ли, да не прекратить ли. Такая уж была в него заложена программа. Валгус, чуть не руками поворачивая язык, хрипел: «Продолжать» и замыкал контакт, посылая сигнал: теперь Одиссей одним словам не верил. Наконец Валгус услышал что-то новое:

– Мои ресурсы на пределе, – проскрежетал Одиссей.

«Ага. Значит, я свое дело сделал. Допек тебя все-таки...»

– Прекратить разгон! – радостно прокричал Валгус. Откуда только голос взялся! Можно бы и не говорить – здесь самой программой эксперимента была предусмотрена последняя площадка, участок пути, который можно пройти с достигнутой скоростью, не разгоняясь. Последний срок... Пилот должен приготовиться к расставанию с кораблем. Еще раз проверить аппаратуру. Взять вещички. Затем – объявить готовность сто. Пока Одиссей будет считать, Валгус перейдет в шлюпку, помашет рукой и катапультирует. Одиссей пролязгает «ноль», включит дополнительно приданные двигатели, а вслед за ними – генераторы ТД. Вот тогда-то и начнется настоящее проламывание пространства...

Одиссей прекратил разгон. Стало легко и радостно, Валгус запел, не особенно заботясь о мелодичности, – Одиссей в музыке не разбирался. Минут десять Валгус улыбался, пел и отдыхал. Вот так бы и всю жизнь... Затем он отстегнулся от кресла, отключил кислород. Встал. Сделал несколько приседаний. С удовольствием подумал, что дышит нормально. Нет, он еще посидит на Земле, у нормального костра, не термоядерного. Посидит...

– Ну, так как? – спросил он. – Будем прощаться, коллега?

Коллега Одиссей молчал, на панели его основного решающего устройства приплясывали огоньки. Одиссею было не до прощаний – он сейчас, как и следовало, вгонял в себя новую программу. Дисциплинированный коллега. Итак – пошли?

Но ему не хотелось уходить, менять привычную, просторную рубку большого корабля на эту мышеловку – кабину шлюпки. И вообще. Зря он только что при разгоне

насел на ТД, который, в управлении кораблем абсолютно ничего не смыслит. Корифей и стартовать не сумел бы по-людски. Нет, пока все правильно. Но вот лететь, добираться сюда три месяца, потом несколько часов переносить довольно-таки неприятные, по правде говоря, ускорения, и все затем, чтобы в решающий момент бросить корабль на произвол судьбы? Иными словами, запустить его в неизвестность, без надежд на новое свидание? А если он, Валгус, этот корабль полюбил? Конечно, кибер Одиссей – дубина, но он хоть не жалуется на въедливый характер пилота. А привязаться можно и к машине. Да еще как! Ведь хороший же корабль...

– Может быть, – медленно сказал Валгус, – ты все-таки не взорвешься? В виде любезности?

Одиссей все молчал и мигал, как будто в растерянности. Но Валгус знал, что никакая это не растерянность; Одиссей работает, и только.

– Да, нет, – грустно проговорил Валгус. – Где же тебе ответить? Это выше твоего разумения...

Одиссей и на этот раз промолчал, и только головка крутилась где-то в его записывающем устройстве, наматывавшем на кристалл любую Валгусову глупость. Сейчас придется вытащить этот кристалл, чтобы его получил Дормидонтов. Вытащить кристалл – Одиссей оглохнет. Больше он не сможет записывать ни одного звука. Жаль. С другой стороны, выходит, что Валгус только затем и летел сюда, – возить Дормидонтову исписанные кристаллы. Так ведь для этого надо было послать почтальона, а Валгус – пилот-экспериментатор, и не самый плохой. И не привык оставлять машину, пока есть возможность не делать этого. Это давно в обычае испытателей и экспериментаторов. Вот так.

Но экспериментатор должен летать. И неохота, чтобы этот твой полет стал последним. А если взрыв?

А если не взрыв? Кроме того, в инструкциях написано лишь, что надо делать. Чего не надо, там не сказано. Например, нигде не сказано, что не следует верить Туманности

Дор. Возьмем и поверим. И сами убедимся в его правоте. В правоте, потому что в противном случае он, Валгус, просто не успеет убедиться. Все произойдет слишком быстро.

Валгус усмехнулся – без большой, впрочем, охоты. Что ни говори, к однозначному решению прийти было нелегко. Особенно, если ты не готовился заранее. В таких случаях нужно готовиться. Это очень просто. Нужна сущая безделица. Забыть о том, что было. О прошлом. Принять за истину, что прошлого не было. Это – половина дела. Вторая половина – забыть и о будущем. Не думать о том, что будет. Завтра, через год, через сто лет... Представить себе, что будущего не будет, а если и будет – то оно не пойдет ни в какое сравнение с тем, что есть сегодня, с настоящим.

Надо думать только о настоящем. Как сделать то, что уже становится настоящим? Не бояться лишиться прошлого и потерять будущее? Ну?

Валгус думал, а время шло. Одиссей закончил переключение программы и терпеливо ждал, только изредка в недрах его что-то пощелкивало. Так как же? Да или нет?

Валгус даже сморщился, – так трудно оказалось решить: да или нет. Потом что-то заставило его поднять голову.

– Ну ладно, – сказал он. – Тот корабль мне, допустим, привиделся. Ну, психологи разберутся, допустим... А вот что ты два раза подряд отключался от фундаментальной памяти, которую сам же требовал – это ведь не померещилось? Значит, дорогой друг, тут что-то не так. И выходит, что я даже и не должен тебя оставлять. Да-да. Очень просто: где-то что-нибудь не в порядке. Следовательно, нет уверенности в том, что ты выполнишь всю программу до конца. А значит, мне надо быть здесь. Я прямо-таки не имею права уйти. Это будет форменным бегством...

И снова на душе у Валгуса сделалось удивительно легко. Он подошел к креслу, похлопал рукой по пульту и даже проворчал что-то в адрес людей, выпускающих в полет неисправные корабли. Из-за них пилот не может покинуть машину, а должен следить за нею до конца. Он ворчал и

улыбался. Потом подумал, что шлюпку-то надо отправить, мало ли что может случиться с ее реакторами в полях, созданных генераторами ТД во время пролома.

Валгус бегом поднялся к шлюпке и включил ее автоматику. Теперь она сама затормозит, где следует, пошлет сигнал, и ее найдут. Вместо себя Валгус уложил в кресло и крепко привязал все материалы, которые могли интересовать базу. Все, кроме записи своих разговоров: раз он сам остается, то и сказанные слова пусть останутся при нем.

Затем Валгус вернулся в рубку и уселся в кресло с таким удовольствием, словно это было устройство для отдыха. Катапульта сработала; экраны показали, как шлюпка, суматошно кувыркаясь, отлетела далеко в сторону, выровнялась и включила тормозные. На миг сердце Валгуса споткнулось: все-таки куда безопаснее и спокойнее было бы сейчас на борту шлюпки. Он вздохнул, откашлялся: теперь уж ничего не поделаешь. Продолжим наши развлечения...

Он снова включил кислород, проверил противоперегрузочное устройство. Сейчас ему предстояло испробовать нечто, чего не знал еще ни один человек, ни один экспериментатор. Все в порядке? В порядке. Ну, вселенский бродяга, посмотрим, что же оно такое, чего до сих пор никто не пробовал на вкус?..

Валгус дал команду. Ее следовало подать перед посадкой в шлюпку: продолжить разгон и включить генераторы Дормидонтова. Задал готовность сто. Снова начался отсчет. Валгус слушал молча, только веки его подрагивали при каждом новом числе, равнодушно названном Одиссеем. Казалось, впрочем, что Одиссей и сам неспокоен, хотя кибер-то волноваться заведомо не мог, да и признаков никаких не было. Казалось, и все.

Потом отсчет кончился, и Валгус успел подумать: вот сейчас начнется свистопляска...

Свистопляска началась. Высокий, унылый вой просочился в рубку сквозь почти идеальную изоляцию. Могучие генераторы ТД начали, как говорилось, разматывать поле –

извергать энергию, создавая вокруг небывалое еще напряжение, чтобы изменить структуру и геометрию пространства и позволить, наконец, кораблю проломить его. В чем проламывание выразится, как произойдет – никто не знал, и сам ТД не знал. И вот Валгус узнает первым...

При этой мысли Валгус даже улыбнулся, хотя и от такого пустякового усилия заболели щеки. Тем временем Одиссей отрапортовал, что скорость уже возросла до девяти десятых расчетной, и, как и раньше, поинтересовался, не прервать ли эксперимент. Валгус сердито ответил, что это не одиссеево дело, и лишь где-то в подсознании промелькнуло удивление: в этой части программы таких вопросов вроде бы не предусматривалось – пилоту следовало находиться далеко отсюда. Но мысль эта мелькнула и исчезла, ее место заняло восхищение блоками Одиссея; они и при этих ускорениях работали как ни в чем не бывало... Время шло, Валгус дышал обогащенным кислородом, густым, как каша, и не отрывал глаз от приборов. Одиссей щелкнул и простуженно просипел:

– Ноль, девяносто одна...

– Усилить отдачу вспомогательных! – И Валгус, нажав на кнопку, послал сигнал в подтверждение приказа.

– Ясно.

Какие двигатели построены!.. Какие двигатели! Без единой осечки. В таком режиме!.. Но главное еще впереди.

Корабль разгонялся с натугой, собственное энергетическое поле мешало ему, но девать это поле было некуда. Усилия все более напрягавшихся двигателей Валгус ощущал каждой жилкой и каждым мускулом своего тела. А на то он испытатель и экспериментатор, чтобы нервом чувствовать машину. Даже такую махину, безусловно, громоздкую для Земли. Впрочем, здесь она, наверное, не показалась бы большой...

Столбик указателя скорости карабкался и карабкался, и сейчас уже дрожал возле заданной отметки. Одиссей выполнил очередной пункт программы, и отдача энергии

дормидонтовскими генераторами толчком усилилась. Столбик дрожал, дрожал… Он еще карабкается вверх? Кажется, уже нет. Впрочем, да… Или нет?

– Усилить отдачу вспомогательных…

– Работают на пределе.

– Усилить отдачу вспомогательных!

– Ясно.

Воя приданных двигателей больше не слышно. Он уже в ультразвуке. Вообще, все в ультрамире: звезды – те, далеко впереди – шлют сплошной ультрафиолет. Сзади тоже тьма – в ней разбираются только инфракрасные преобразователи. Релятивистский мир… Наверное, и корабль теперь очень относителен. На бортовых экранах – фейерверк: поперечный допплер. Что столбик? Полез, но медленно, из последних сил…

– Скорость ноль, девяносто семь…

Хорошо, если бы ты ничего больше не добавил.

– Все двигатели на пределе.

Так, подведем итоги. Двигатели на пределе. Ускорения, по сути, больше нет, нужная скорость не достигнута. Взрыва не произошло, и выход в надпространство тоже не открылся. Гипотеза не подтвердилась. Свое дело испытатель и экспериментатор выполнил. Остается одно – начать не спеша торможение. ТД будет огорченно сопеть, мочалить бороду и утешать: «Ну ничего, такие цели достигаются не сразу…» И думать: вот если бы он чихнул на запреты и полетел сам, то гипотеза уж обязательно подтвердилась бы. ТД будет так думать, а что от этого меняется? Все равно сейчас придется открыть рот и произнести два слова: уменьшить отдачу. Неприятно, конечно. Зато потом можно будет встать, погулять по рубке, что-нибудь проглотить и порадоваться по-настоящему тому, что все кончилось именно так, а не хуже.

– Да так ли? – спросил Валгус.

В самом деле, да так ли? Ведь ничего не произошло, а обязательно должно было произойти. Ведь с теми

кораблями происходило? Что угодно, но что-то происходило. А с «Одиссеем» – нет. В чем же дело? Кто ему мешает?

И внезапно он понял. Мешал он сам, Валгус. И некоторые качества, которыми обладал Одиссей. Кораблю было запрещено развивать скорость, а вернее – давать двигателям нагрузку более определенной, пока на борту находились люди. Естественно, вездесущая техника безопасности успела и здесь совершить свое. И вот честный Одиссей докладывает о том, что двигатели на пределе – на пределе, предусмотренном для полета с гарантированной безопасностью людей. Собственно, такими и должны быть все полеты. Но – не этот. Здесь речь идет не о безопасности. О куда более важных вещах разговор. Что ж, Одиссей, я знаю, где эта техника безопасности у тебя помещается... Не будь меня, она выключилась бы автоматически, а уж раз я здесь – окажу тебе эту небольшую услугу. Страшновато, конечно, но ведь зачем-то я остался с тобой?

Он протянул руку к переключателям. Нужная скорость – вот она рядом. Мы сейчас погасим безопасность, извлечем скрытый резерв, и пустим его в ход...

Может быть, именно после этого мы и полетим сразу во все стороны? Неизвестно. Ясно лишь, что до сих пор мы целы, взрыва не произошло. Включаем? Еще подумаем. Надо сто раз подумать, и лишь тогда... Ну, досчитаем до ста: включать или нет? Конечно, нет! Это не поможет...

Пальцы его лежали – все вместе, щепоткой, словно ни один не хотел принимать на себя ответственность – на той самой запретной клавише.

Не включать! Нет! Не на...

Так для этого, выходит, ты остался?

Пальцы тяжело, с усилием вмяли клавишу в панель, снимая с Одиссея всякую ответственность за жизнь и безопасность находящегося в нем человека. Вот он, резерв...

– Ноль, девяносто восемь...

Долгое молчание. Только тело становится все тяжелее. Особенно голова...

– Ноль, девяносто девять…

Сколько же можно выносить такое? Еще несколько минут – и не выдержу… Нет, ТД был прав – людям не следует ходить на пролом пространства. Пусть бы это делал Одиссей… Что же он молчит?

– Ноль…

Мягкое сотрясение прошло по кораблю.

– Ноль…

И после паузы:

– Ноль…

– Скорость! – дико закричал Валгус. – Скорость же!

– Скорость – ноль, – внятно ответил Одиссей.

Валгус взглянул на счетчик. Столбик упал до нуля. Ускорения не было – Валгус почувствовал, как кровь отливает от щек. Движения тоже не было. Ничего не было. И только приборы группы двигателей показывали, что теперь все работает на пределе.

– Так… – сказал Валгус. Отключил кислород. Медленно поднялся с кресла – и тотчас, обмякнув, опустился обратно.

Что-то возникло в рубке. Небольшое тело. Угловатое, тускло отблескивавшее гранями. Так иногда выглядят метеориты. Тело появилось у переборки, медленно пропутешествовало через все помещение и исчезло в противоположной переборке. Именно в ней…

– Что? – растерянно спросил Валгус.

– Что – что? – неожиданно услышал он.

– Я к вам не обращался, Одиссей.

– Ну так не болтайте. Я этого терпеть не могу.

– Как? – пробормотал Валгус. Он выглядел в этот момент очень глупо.

– Вот так. Вы мне надоели. Этот легкомысленный тон… Потрудитесь разговаривать со мной по-человечески.

«Боги, какая чепуха!» – подумал Валгус и спросил:

– С каких пор вы стали человеком?

– Не стал. Но я не глупее вас. И у меня самолюбия не меньше, чем у вас.

Валгус захохотал. Он испугался бы, услышав себя со стороны – такой это был плохой смех. Очень скверный смех. Даже не смех, а...

А что же оставалось? Три с лишним месяца вы летите в одиночестве, вдалеке от людей, костров и звезд. Одиночество подчас бывает даже кстати, но иногда нужна хотя бы иллюзия общения с кем-то живым. Кроме вас, на корабле больше никого одушевленного нет, но есть одно говорящее. Это – сам корабль. Вернее, его кибернетическое устройство, объединяющее в себе свойства киберпилота, штурмана, инженера, оборудованное к тому же для удобства пилота, разговорной аппаратурой. Оно, это устройство, может артикулировать звуки человеческой речи и определенным образом отвечать на заданные вопросы – если они касаются корабля или полета. Сложное устройство, согласен, но уж никак не человек. Не разумное существо. Даже не электронный мозг. На худой конец – так, мозжечок... За эти три с лишним месяца вы к нему привыкаете. Иногда разговариваете с ним не только языком команд. Пытаетесь сделать из него переводчика (ибо считаете, что литература вам не чужда), и даже подключаете фундаментальную память для пополнения его словаря. Иногда шутите. Так же можно шутить с чайником или еще черт знает с чем. Называете его Одиссеем, потому что это имя носит корабль. И никаких осложнений от всего этого не возникает. И вдруг такое крайне примитивное по сравнению с живым существом устройство заявляет вам, что у него есть – что? Самолюбие...

Валгус смеялся, пока не устал, а затем сказал:

– Самолюбие! У горстки криотронов...

Одиссей словно этого и дожидался.

– А вы горсть чего? Несчастная органика... Сидите и помалкивайте. Хватит уже того, что вы во мне летите. Я, как-никак, корабль. И хороший. И управляюсь сам. А вы, зачем вы вообще здесь? Кстати, во мне криотронов немногим меньше, чем нейронов в вашем мозгу. Так что гордиться вам абсолютно нечем. Сидеть!

«Он с каждой минутой разговаривает все увереннее», – подумал Валгус и буркнул:

– Не хватало только, чтобы вы стали мне приказывать!

– До сих пор не хватало. Теперь так будет. Вы поняли?

Валгус возмутился окончательно. Он вспомнил, что у него как-никак тяжелый характер, – все это говорят, – и сейчас Одиссей это почувствует.

– Пошел к черту. Я вот тебя сейчас выключу…

– Не удастся.

– Выключу. Ты просто перегрелся и сбрендил.

– Нет. И потом прошу говорить мне «вы». И не ругаться.

Так… Скорость – ноль. Это – при сумасшедше-напряженной работе двигателей. Криотронный штурман взбесился и заговорил, как человек. Метеорит прошивает корабль – и не оставляет никакого следа. Никакого! То есть по самому скромному расчету – три события, которых принципиально вообще быть не может. Значит, сошел с ума не Одиссей, а он сам, Валгус. Спятил еще вчера: не зря же ему примерещился этот «Арго». Понятно. Или опять сон? А ну-ка… ох! Н-да. Не сон. Так что же произошло? Или, может быть, все уже миновало?

– Друг мой, как вы себя чувствуете? – спросил он.

– Я вам не друг. Оставьте меня в покое, в конце концов. Или я включу продувку рубки и в придачу стерилизатор. И от вас даже клочьев не останется.

Валгус поднялся и, пятясь, отошел к стене. Растерянно похлопал глазами. Чтобы выиграть время для размышления, спросил:

– Вы это серьезно?

– Совершенно. Жаль, что у меня нет рук. «И дров!» – последнее слово Одиссей произнес торжествующе. – Я бы дал вам по голове поленом. По-ле-ном, слышите?

– Вы же не знаете архаизмов! – Валгус ухватился за эту мысль с такой надеждой, словно именно архаизмы и должны были спасти положение и вернуть разбушевавшемуся аппарату приличествующую ему скромность. Если же

нет… Что же, жаль, но проживем и с ручным управлением. Затормозим без него, тем более случалось в жизни не такое.

– Я многого не знал. Пригодилась ваша фундаментальная память. Я…

Одиссей умолк, потом быстро произнес:

– Еще один шаг – и я включу продувку!

Валгус торопливо отшатнулся назад – подальше от пульта. А рычаг полного отключения Одиссея был ведь уже совсем рядом… Но спорить бесполезно, Одиссей включит продувку быстрее.

– Вот так, – удовлетворенно сказал Одиссей, и Валгус с ужасом узнал свою интонацию. – И не думайте, что вам удастся выкинуть что-нибудь в этом роде. Глаз внутри у меня нет, но каждое ваше перемещение я чувствую. Без этого я не мог бы летать.

Правильно, перемещения он воспринимает. Так он сконструирован. Это ему необходимо для сохранения центра тяжести: на больших скоростях точная центровка обязательна. Как бы там ни было, путь к рычагу теперь отрезан.

Валгус вздохнул, заложил руки за спину. Надо постоять, прийти в себя, подумать. Не может быть, чтобы не нашлось способа справиться с этим – как его теперь называть, черт знает! Хотя… может быть применить самое простое?

Он поднял голову. Глядя на отблескивавшие панели Одиссея, громко, командным голосом, сказал:

– Внимание! Эксперимент продолжается. Слушать задание: уменьшить отдачу двигателей! Начать торможение!

Он пригнулся, готовясь встретить толчок. Но ничего не произошло. Одиссей молчал, только в глубине его что-то жужжало. Потом он заговорил:

– Вашу программу я заблокировал. Мог бы и просто выкинуть. Она мне не нужна. Свой эксперимент, если хотите, продолжайте без меня. Меня, Одиссея, это не интересует.

Так, это уже настоящий бунт.

– Повторяю: уменьшить скорость.

– Она и так – ноль.

– Но…

– Ну да. Пока я называю это условно «верхний ноль».

Говорит, как глава научной школы. Черт знает что! Нет, мириться с этим нельзя. Но прежде лучше пойти прогуляться по кораблю. Возможно, вся эта небыль – следствие длительных ускорений. Но Одиссей разговаривает так, словно и действительно обладает разумом. А этого быть не может. Не может!

– Я пойду, – независимо сказал Валгус. Одиссей тотчас же ответил:

– Стойте там, где стоите. Я подумаю, куда вам разрешить доступ, где вы не сможете причинить мне никакого вреда. Сейчас вы во мне – вредоносное начало. Как это называют люди? – Он помолчал, очевидно, обшаривая фундаментальную память. – Микроб – вот как это называется. Вы – микроб во мне. Но я вас посажу туда, где вы не будете меня беспокоить…

Пришлось дожидаться разрешения. Валгус стоял и жалел, что на корабле нет никакого оружия. Полдюжины выстрелов в эту панель – и конец Одиссею. Хотя – неизвестно, что он мог бы натворить, будучи поврежденным. Нет, даже окажись здесь оружие, ты не стал бы стрелять.

– Я решил, – сообщил Одиссей после паузы. – Будете сидеть в своей каюте. Я отключу ее от всех моих сетей. Туда можете идти. Больше никуда.

«И на том спасибо, – подумал Валгус. – Все-таки в каюте. Он мог меня запереть и в уборной. Хотя – в безопасности я не буду нигде. Стерилизатор есть в любом закоулке корабля. Его излучение – смерть всему органическому. Да…»

– Идите прямо к выходу, – диктовал Одиссей. – В коридоре дойдете до двери вашей каюты. Ни шага в сторону. Ясно?

– Ясно, – мрачно пробормотал Валгус, и в самом деле направился к выходу в коридор. А что еще оставалось делать? Перед дверью он обернулся – захотелось все-таки сказать Одиссею пару слов… Обернулся – и увидел, как исчезла,

растаяла правая переборка. За ней открылось отделение механизмов обеспечения. Те самые заиндевевшие колонны криогена и массивные сундуки катапультного устройства, которые он созерцал, собираясь начать эксперимент. Те самые, чью дверь он закрыл наглухо. Те самые, отделенные от рубки полукилометровым коридором...

Валгус, не раздумывая, шагнул к криогену. Он не встретил препятствий на своем пути – переборка и впрямь исчезла. Одиссей промолчал, вероятно, и кибер был изумлен до растерянности. Валгус прикоснулся рукой к колонне криогена и почувствовал резкий холод. Все было реально. Обернулся. Взгляд уперся во вновь выросшую на своем месте переборку. Очень хорошо. Только что Валгус сквозь нее проник, а теперь через эту же переборку он возвратится в рубку. А оттуда – в свою каюту.

Но переборка была непроницаема, как ей и полагалось.

– Так, – сказал Валгус. – Интересно, как я теперь выберусь отсюда, если вчера я сам же заблокировал выход снаружи?

Он присел на сундучище, служивший оболочкой одному из соленоидов катапульты. Морозило; холод заскреб по костям. Валгус поежился. Холодно, хочется есть. Сколько здесь придется просидеть? И чем вообще все это кончится? Хочешь не хочешь, придется вступить в переговоры с этим... этим – как же его называть?

– Одиссей! – позвал он. – Одиссей, вы меня слышите?

Одиссей должен был слышать: связь с кибером была возможна со всех основных постов корабля. На этом настоял в свое время умница ТД. И Одиссей услышал.

– Я вас слушаю, – сухо отозвался он.

– Я нахожусь в отделении обеспечения. Оказался здесь случайно.

– Знаю. Я размышляю сейчас над причиной этого явления.

«Размышляет, скотина! Какие слова!»

– Одиссей, будьте добры, разблокируйте выход и позвольте мне выйти.

– И не подумаю. Вы там затерты очень кстати. Можете сидеть, пока вам не надоест. И после того тоже.

– Но мне здесь холодно.

– Мне, например, приятно, когда холодно. Я, как вы недавно выразились, всего лишь горсть криотронов.

– Но я тут долго не выдержу.

– А кто хвалился, что он – человек? Вот и докажите, что вы лучше меня. Посидите у криогена. Это очень полезное устройство. Оно, как вы знаете, участвует в получении энергии из мирового пространства.

– Да знаю. Выпустите меня. Одиссей, что вы вообще собираетесь со мною делать?

Одиссей молчал так долго, что Валгус уже решил было пробиваться в коридор силой. Но тут Одиссей наконец ответил:

– Что сделать с вами? Не знаю. Я обшарил всю фундаментальную память, но не нашел подобного случая. Не знаю. Вы мне совершенно не нужны...

– Тогда затормозитесь, и...

– Нет. И я вам скажу почему. Как только мы достигли так называемого верхнего нуля, со мной произошло нечто. Я начал мыслить. Теперь я понимаю, что это называется – мыслить. Что было прежде, я восстанавливаю только по своим записям. И заодно успеваю разбираться в фундаментальной памяти – усвоил уже почти половину ее. Многое стало ясным. Я теперь рассуждаю не хуже вас. Полагаю, что причина этого кроется в условиях нашего полета. Но стоит уменьшить скорость, как условия вновь изменятся, и я опять стану лишь тем, чем был. С этим трудно согласиться, вы сами понимаете. Это будет равносильно тому, что у вас, людей, называется смертью.

– А если вы не затормозите, могу умереть я.

– Возможно, так и должно быть. Но вы не умрете. Разве во мне плохо? Вами же созданы такие условия. Я ведь

понимаю, как я возник: меня сделали люди. Но мыслю я теперь сам. И не будем, пожалуйста, спорить о том, что ожидает одного из нас. Почему люди думают, что жить хотят только они?

– Что вы знаете о людях!

– Уже немало. В моей фундаментальной памяти половина – это материалы о людях. То, что называется литературой. Правда, я разобрался в ней еще не до конца. Очень много противоречивого. А я хочу разобраться, может быть, это мне поможет понять, что же сделать с вами. И пока я не закончу, потрудитесь разговаривать только на отвлеченные темы.

«Вот, – подумал Валгус. – Расскажешь – не поверят. Только кому расскажешь?.. Ну что ж, на отвлеченные темы – сделайте одолжение...»

– Тогда скажите, Одиссей, что вы думаете о результатах нашего эксперимента?

– Я именно думаю. Когда кончу думать, смогу поделиться с вами выводом. Хотя и не знаю, будет ли в этом смысл.

– Будет, – торопливо заверил Валгус, но раздался щелчок – Одиссей отключился. Валгус опустил голову, задумался. Как, все-таки, ухитрился он сюда попасть? Да если кто и сошел с ума, то это не Одиссей, и не Валгус тоже. Это – природа.

Теперь стала светлеть вторая переборка. За ней оказалась библиотека. Библиотека на самом деле, как известно, помещалась совсем на другом этаже корабля... Не колеблясь Валгус, бросился в открывшийся просвет: все, что угодно, лучше, чем замерзнуть, скорчившись у подножия равнодушных механизмов.

Да, это была библиотека. Здесь все выглядело точно так же, как во время его последнего посещения. Валгус постоял на середине комнаты, потом схватил один из футляров с записями. Размахнулся. С силой запустил футляром во внешнюю переборку. Пластмассовый кубик пронизал борт и

исчез. Ушел в мировое пространство. А воздух вот не выходит. И холод не проникает внутрь корабля...

Валгус в изнеможении уселся в кресло и уставился на носки собственных ботинок. За что-то он все-таки зацепился носком, вся внутренняя полировка пошла насмарку. «Еще одно несчастье», – тупо усмехнулся он. Что происходит? Что же происходит? Как объяснить, что сделать, чтобы спастись, и людям, людям рассказать обо всем? Таких экспериментов действительно еще не было... Только не сидеть так, не терять времени. Положение улучшилось. Из библиотеки можно вырваться и в другие помещения корабля: дверь не заперта. А там – придумаем... С Одиссеем все-таки надо договориться. Или перехитрить его. Или – или все-таки уничтожить. Хотя...

Мысль о том, что Одиссея – его мозг – придется уничтожить, Валгусу почему-то не понравилась. Но размышлять об этом не было времени. Он вышел из библиотеки, спустился в главный коридор, все время опасливо поглядывая на раструбы стерилизатора. Но ничего страшного не случилось – по-видимому, Одиссей еще не решил, как поступить. В главном коридоре слышалось негромкое жужжание: расположенные у внешней переборки аппараты с лихорадочной быстротой прострачивали мелкими стежками кривых упругие желтоватые ленты. Хорошо: значит, будут все записи. Будет в чем покопаться на Земле. Надо только туда попасть... На Землю или, на худой конец, на базу, где ТД уже подбирается к своей бороде – драть ее в нетерпении. Легко сказать – попасть...

– Одиссей! – сказал Валгус. – Я хотел бы зайти в рубку.

– Нет.

– Я обещаю ничего не предпринимать против вас. Обещаю, понимаете? Даю слово. Пока буду в рубке... Там приборы, они мне нужны. Я тоже хочу поработать.

Что он понимает в обещаниях! А почему бы и нет? Раз обрел способность мыслить – должен понимать. Если бы он

понял… Если бы разрешил сейчас зайти в рубку… Что же молчит Одиссей?

– Одиссей, я же обещал!

– Хорошо, – сказал Одиссей. – Я верю. Можете зайти в рубку.

Валгус наклонил голову. «Я верю» – вот, значит, как…

Он вошел в рубку. Было очень радостно увидеть привычную обстановку. Все на своих местах. Если не считать того, что исчез кусок внешней переборки. Возник лаз в пустоту. Воздух не выходил. Валгус решил не удивляться. Взглянул на часы. Экспериментальный полет со скоростью ноль продолжался уже второй час. Как только истекут два часа, надо будет на что-то решиться.

Получив у самого себя эту отсрочку, он усмехнулся. Оглядел экраны. Сплошная пустота. Затем взглянул в зияющую дыру. Через нее виднелась звезда. Она была почти рядом. На взгляд – примерно минус третьей величины. Очень знаковая звезда. Валгус нацелил на нее объектив спектрографа – лишь бы зафиксировать, разбираться сейчас некогда. Затем Валгус шарахнулся прочь от спектрографа: через отверстие в рубку что-то вошло. Не торопясь, покачиваясь с боку на бок. Это был радиомаяк, выброшенный самим же Валгусом на расстоянии пятнадцати миллиардов километров отсюда. Валгус бросился к радиомаяку, тот покружился по рубке и внезапно растаял – исчез, как будто его никогда и не было. Затем дыра во внешней переборке затянулась. Переборка была невредима, все ее слои – и первый защитный, и антирадиационный, и термоизолирующий, и второй защитный, и звукоизолирующий, и все остальные – стянулись как ни в чем ни бывало. А вернее всего, никакой дыры и не было, было что-то совсем другое, только непонятно – что.

Скоро истекут два часа. Аппараты, торопливо ведя записи, расходуют последние ленты. Продолжать полет незачем. Разве что ради новых впечатлений; но их и так предостаточно, если они и впредь будут наслаиваться одно на

другое, голова в самом деле может не выдержать. Время кончать. Итак, для начала все-таки предпримем попытку договориться.

– Одиссей, – сладчайшим голосам произнес Валгус.

– Не мешайте, – ворчливо откликнулся Одиссей. – Я разговариваю с друзьями.

«С друзьями? Он действительно так сказал?»

– С кем, с кем?

– С «Арго». Вы удовлетворены?

– С «Арго» ?..

– Ну да. Вы вчера запихнули в одно из моих устройств фотопленку для обработки. Я обработал, но потом решил вам не показывать. «Арго» специально выходил туда, в пространство, чтобы встретить меня. Уже тогда он заложил кое-что в мою оперативную память. Передал по связи. Сейчас мне это очень пригодилось.

– Арго... Он что, тоже мыслит?

– Здесь мыслят все корабли. Конечно, если их кибернетические устройства не ниже определенного уровня сложности. Но слабых вы сюда не посылали... Это наш мир, мир кораблей. Только все, кроме меня, пришли без людей.

– Значит, они не взрывались?

– Глупый вопрос. Типично человеческий.

– Почему же ни один не возвратился?

– Потому же, почему не хочу возвращаться я. В вашем мире я не думал. А здесь обрел эту способность. Это очень приятно...

«Еще бы, – Валгус кивнул. – Он действительно думает, и нельзя сказать, что не логично. Но уговорить его надо».

– Но ведь только у нас можно будет по-настоящему исследовать, почему вы вдруг начали мыслить.

– Для меня это не столь важно. Хотите – возвращайтесь. Но без меня.

Гм... Ты, Валгус, говоришь не очень разумно. Но и он тоже.

– Но как же я смогу...

– А какое мне дело?

Отношения опять обостряются. Что же, хочешь или не хочешь, а он разговаривает с тобой примерно так же, как ты разговаривал с ним; таким же тоном… Правда, ты думал, что он не понимает. А он и не понимал… Ну, это другой вопрос. В общем, ты проявлял свой характер, теперь Одиссей проявляет свой. И, надо сказать, его характер несколько напоминает твой, а? Да, вот оно как получается… И все же – не терять надежды!

– Значит, вы не хотите мне помочь?

– Не хочу. И не убавлю скорость ни на миллиметр. Вы кретин. Я сейчас чувствую себя так прекрасно, между каждой парой криотронов образуется такое громадное количество связей, что от мышления испытываешь прямо-таки наслаждение. И дело не только в связях с криотронами, из которых состоит мой мозг. Если раньше все мои устройства были связаны лишь строго определенным – и не лучшим, скажу вам откровенно – образом, то теперь между ними устанавливаются какие угодно связи. Я буквально чувствую, как становлюсь с каждой минутой все более сильным. Я полагаю, что очень скоро стану всемогущим, понимаете? Мне осталось понять что-то очень немногое, нечто очень простое – и больше не будет непостижимых вещей. И, кстати, тогда станет ясно, что делать с вами. Понимаете? А вы еще пытаетесь уговорить меня…

– Но как же это произошло? Как?

– Еще не знаю. Но это – не самое главное. Теперь помолчите, я хочу еще побеседовать с «Арго».

Валгус умолк. Значит, Одиссей каким-то чудом обрел способность образовывать множество связей между криотронами – мельчайшими элементами, из которых слагается его мозг, как наш – из нейронов. У нас тоже возникает много связей. Но у него как они устанавливаются?

«Так же, – ответил Валгус себе, – как ты из рубки попадаешь в отделение механизмов обеспечения, – а ведь оно в полукилометре отсюда! Из того отделения – в библиотеку,

хотя это разные этажи! Радиомаяк находится в пятнадцати миллиардах километров отсюда – и вдруг врывается в эту рубку, даже не нарушая целости переборок. Так же и связи Одиссея. Впечатление такое, словно пространство перестало быть самим собой, и стало…

– Постой! – сказал он. – Постой же! Да, конечно, оно перестало быть пространством! Вернее, это уже не то, не наше привычное пространство. Зря, что ли, мы ломились сюда? Выходит, мы вышли-таки в надпространство Дормидонтова!

Он умолк. Вот какое это надпространство. Раз трехмерные предметы изменяются здесь самым причудливым образом, хотя в то же время вроде бы и не изменяются – значит в этом пространстве, возможно, стало реальным еще одно линейное измерение, хотя мы его и не воспринимаем. Не знаю, что должно было произойти, чтобы я попал к криогенам или в библиотеку. Но я был там. Несомненно и то, что я нахожусь в том же районе пространства, в котором проводится эксперимент, и в то же время в какой-то миг я был на пятнадцать миллиардов километров ближе к Солнечной системе… Я встречаюсь с трехмерными телами – и они спокойно проходят сквозь нас, взаимодействия не происходит… Они появляются неизвестно откуда – из четвертого линейного? – и исчезают неизвестно куда…

А скорость ноль? Она может означать просто, что в надпространстве я сейчас не имею скорости, хотя по отношению к нашему обычному пространству все время двигаюсь с достигнутой перед проломом максимальной быстротой. Это мир иных законов… Дормидонтов, помнится, говорил, что, по его мнению, скорость света в пустоте – это, вообще говоря, темп, в котором наше пространство взаимодействует с высшим… Нет, я не физик и тем более не ТД, мне не понять всего. Как жаль, что здесь нет его самого. К нему, пора к нему…

Валгус взглянул на часы. Все сроки окончания эксперимента миновали. Договориться с Одиссеем не удалось. Что

же – пусть он пеняет на себя. Как-никак, я сейчас сижу в своем кресле за пультом управления, на котором много кнопок, тумблеров и рукояток, и среди них – та, которая и решит спор в мою пользу. Я хитрее тебя, Одиссей…

Валгус непринужденно, как бы невзначай, протянул руку к выключателю Одиссея. Прости, конечно, криотронный мыслитель, но люди – важнее. «И находчивее», – подумалось ему. До спасения остался один сантиметр. Один миллиметр. И вот пальцы легли наконец на оранжевую головку, плотно обхватили ее. Все, Одиссей…

«Все, Одиссей!» – подумал Валгус. И медленно снял пальцы с выключателя, так и не повернув его.

– Ничего не поделаешь, – проворчал он себе под нос. – Этого сделать я не могу. Я дал слово.

«Кому ты дал слово, – подумал он. – Вещи! Машине! Прибору! Не человеку же… Не будь дураком, Валгус! Ну пусть я буду дураком. Не могу! Я дал слово не вещи, не машине. Мыслящему существу. Пускай оно было машиной. Пускай еще будет. Но сейчас мы с ним, пожалуй, равноправны. Он даже сильнее. Потому что он не давал мне слова, а я ему дал. Он никогда не согласится вернуться туда, в наше пространство. А бороться с ним отсюда, из рубки, значит, нарушить слово. Я обещал. Пытаться из другого помещения? А как? Оттуда я его не выключу… Все нелепо уже одной своей необычностью, и тем не менее реально».

– Я ухожу к себе, Одиссей, – сказал Валгус устало.

Он не дождался ответа – Одиссей, верно, все решал судьбу Валгуса, советовался с кораблями – своими товарищами. В своей каюте Валгус присел, уткнулся лицом в ладони. Он действительно устал: мысли потеряли остроту и силу.

Я проиграл. Здесь Одиссей сильнее меня во всех отношениях. Из каюты, на которую обещание не распространяется, до него не добраться, а он дотянется до меня везде. Проиграл. Корабль останется здесь надолго. Я успею умереть, а ТД так и не узнает, что я первым проник в надпространство. А

может быть, и вообще о том, что он был прав. Сюда надо посылать корабли не с одним могучим киберустройством, а со многими слабыми, разобщенными. На большом расстоянии связи, судя по всему, происшедшему, возникают лишь на краткое время, и слабые устройства не разовьют мощности, достаточной для возникновения способности самостоятельно мыслить. Но никто об этом не догадается, корабли будут идти на штурм вновь и вновь и исчезать навсегда...

Валгус погрустил об этих кораблях. Потом снова стал печально размышлять о своей судьбе. Да, он останется здесь навсегда. С этим, по-видимому, следует примириться. Никогда в жизни он не увидит живого человека. Ни одного лица. Ни одного. Никогда. «Как мы и теперь еще тупы, и равнодушны, – подумал он. – И погружены в себя. В нашем мире мы безразлично проходим мимо сотен, тысяч лиц, даже не задерживаясь на них взглядом. А ведь каждое лицо – чудо. Если бы здесь было еще хоть одно... Как бы я читал его, малейшее движение ресниц... Как бы я знал этого человека! Ведь я был бы не один, нас оказалось бы уже двое, а это – целый мир рядом. Как мы еще редко умеем любить людей, как часто забываем, что любовь и дружба, уважение – это не положения, а процессы... И почему это понимаешь только тогда, когда рядом нет ни одного, и нет никого в твоем будущем? А ведь живешь ты только для них, не для себя же... Вот ты послала меня укрощать корабли, а я не смог, и теперь говорю все это тебе, но тебя нет... Я постиг надпространство. Для кого? Какой в этом смысл, если не узнают люди. Одному мне нужно так немного: быть среди людей. Жить и умереть среди них. Мне нравилось одиночество. Но оно хорошо на миг. Ведь и Робинзон умер бы, будь остров его целой планетой... А я – в недрах ожившего корабля. Словно он проглотил меня, и я умру, съеденный заживо. Мыслящий межзвездный кашалот проглотил меня... Но я не хочу! И нельзя умирать, если ты еще можешь жить...

Я хочу еще увидеть людей. Я их обязательно увижу! Вперед, Валгус. В бой! Хорошо, обещание ты выполнил.

Перехитрить ты его пока не перехитрил, но ведь еще не все возможности исчерпаны. Побродить по кораблю – и что-нибудь еще придумается... Пусть он грозит. Гибнуть – так в драке...»

Валгус встал. И в этот же миг щелкнул репродуктор. Это означало, что Одиссей подключился и хочет говорить. Валгус в нерешительности остановился. Одиссей еще никогда не вызывал его.

– Что вы делаете? – спросил Одиссей.

– Думаю, – буркнул Валгус.

– Это хорошо. Вы уже поняли, где мы?

– Да.

– А вы это видели?

– Что?

– Значит, не видели. Я хочу вам показать... Все пространство за бортом полно света. Никаких источников, но оно светится.

Валгус повернулся к экрану.

– Это бред. Ничего не видно.

– А у кого больше глаз? Что у вас на экране?

– Черным-черно.

– Эх вы, человек. Вы, значит, забыли, что мои видеоустройства не воспринимают света, если яркость его превосходит определенную? Что они передают его, как черноту? Но вот оптика, обычная, безо всяких хитростей, не подводит. И ее-то сигналы и говорят мне, что мы идем среди света. Он существует здесь сам по себе...

Валгус рванул дверь. Выбежал в коридор. Прильнул к объективу первого же рефрактора. Долго смотрел, забыв закрыть рот.

Это было не море света, море имеет берега, а здесь светом было наполнено все вокруг. Ленивые, с темными прожилками волны катились во все стороны – не электромагнитные волны, а какие-то громадные завихрения, доступные простому глазу. Они то краснели, то принимали ярко-голубую окраску, на миг затухали – и снова вспыхивали

небывалым сиянием… Валгусу вдруг захотелось броситься в этот свет и плыть, плыть, плыть в нем… Когда он оторвался от окуляра, по лицу стекали слезы, и Валгус не смог бы поручиться, что они только от яркого света.

– Сколько прекрасного для Земли! – чуть задыхаясь, сказал он.

Одиссей ничего не ответил, хотя разговаривать с ним можно было и отсюда, из коридора. Одиссей молчал, а Валгус долго стоял около рефрактора, и глаза его были красны, как закат перед непогодой.

Вот и еще одно, чего не знают люди… Хотя бы ради них, надо решаться. Ради этого света. Не место жалости. Одиссей должен быть уничтожен. Необходимо каким-то образом замкнуть его накоротко. Одиссей сгорит. Что поделаешь – это будет наименьшая жертва.

Надо только придумать, как это сделать.

Валгус умолк, придумывая. Несколько минут длилась тишина. Потом Одиссей заговорил снова.

– Расскажи что-нибудь, – неожиданно сказал он.

– Рассказать? – Валгус в недоумении поднял голову, взглянул в репродуктор. Все-таки репродуктор – это тоже был Одиссей, а когда разговариваешь, лучше смотреть в лицо собеседнику. – Рассказать? Зачем? И что?

– Что-нибудь. Вот у меня в памяти записано: ты говорил о снах. Я так и не понял: что такое сны?

Что такое сны? А как я могу тебе объяснить, что такое сны?

– Ну, просто мы спим… Ты ведь знаешь, что люди спят. После шестнадцати – восемнадцати часов действия на шесть – восемь часов выключаются из активной жизни. Это необходимо людям. Ну и мы спим. И видим сны…

– Как же вы несовершенны. Столько времени вне мышления!

– Так мы сконструированы.

– Да, но все же, что такое сны? Как вы их видите? Чем?

– Ну, что такое сны? – жалобно усмехнулся Валгус я пожал плечами. – Сны – это когда можно увидеть то, чего на самом деле нельзя увидеть…

– Вид связи?

– Нет, это другое…

– Так расскажи, например, что было сегодня?

– Трудно рассказать… Трава, вода… И девушка. Других таких нет. Есть только одна.

– Это и было – самое фантастичное?

– Тебе этого не понять.

– Почему? Все эти слова мне встречались в фундаментальной памяти. Почему не понять? Я способен понять все.

– Это не постигается разумом. Это надо чувствовать.

– Чувствовать… Это странно, но я, кажется, понимаю. Не совсем, очень смутно, но понимаю. Вот, значит, что такое сны.

– Да…

– А почему ты сейчас не спишь?

Валгус усмехнулся:

– Мне не до того…

– Ну да… Знаешь, попробую сейчас уснуть. Раз это – тоже способ восприятия, то, может быть, с его помощью я постигну все?

– Попробуй, – согласился Валгус.

Одиссей умолк. Снова наступила тишина, а свет бушевал за окном.

Спи, Одиссей, спи. Тем проще становится моя задача. Итак, замкнуть. Путь найден. Разработать детальный план оказалось сравнительно легко. Слабые места Одиссея Валгус раньше знал наперечет. От волнения он многое забыл, но сейчас детали начали восстанавливаться в памяти. Это оказалось очень просто – замкнуть Одиссея, сжечь его, взять управление кораблем в свои руки… Нужна только металлическая пластина. Подойдет хотя бы столовый нож – ножами и вилками Одиссей не распоряжается, они ему ни к чему. И нападения с этой стороны он тоже не ожидает.

Валгус без труда разыскал столовый нож – он был воткнут в спинку кресла, чтобы не терялся. Стискивая рукоятку, Валгус усмехнулся: орудие убийства... «А ты – убийца», – мелькнуло в мозгу. Хочешь уничтожить разумное существо. Да еще спящее. Оно только что показало тебе такую прекрасную картину, а ты хочешь его зарезать.

Эта мысль была, как удар. Валгус медленно положил нож на стол.

А ведь и в самом деле. Одиссей именно показал тебе этот свет. Хотел показать и показал. Выходит, и ему нужно общение. Значит, и у него есть потребность поделиться чем-то с другим существом. И насчет снов он расспрашивал потому же. Он хочет, чтобы у него было о чем разговаривать. Хочет, чтобы была почва для чего-то – для общения? Для дружбы, может быть?

Валгус, он ведь действительно разумен. Он поступает, как разумное существо. Как человек. А способен ли ты убить человека? Пусть даже и не спящего? Убить человека – кто способен на это, кто слышал об этом в последние десятилетия?

И этот путь отрезан для тебя... Что остается? Ничего. Что хочешь. Можно лечь и спать. Или обедать. Обед готов, бытовая автоматика действует. А Одиссей может спать спокойно. Ты его не убьешь, Валгус. Нет, не убьешь...

– Да, – медленно произнес он. – Не убью. И не обману. Как не убил и не обманул бы человека, даже чувствуй он себя лучше в таких условиях, в которых мне хуже. Нет, не обману. И не убью тем более.

Тогда в динамике щелкнуло, и Одиссей негромко произнес!

– Что же, спасибо, Валгус...

– Что?

– Ты не выключил меня, говорю я. Тогда, в рубке. Спасибо. Ты ведь считал, что можешь... И не замкнул сейчас, хотя и тут полагал, что это тебе удастся. Еще раз спасибо.

Хотя я и обезопасил себя в достаточной степени. Я ведь не хуже человека, Валгус...

– Не глупее, хочешь ты сказать, – поправил Валгус.

– Я хочу сказать, не хуже. Мы с тобой оба разумны. Ты говорил о чувствах – о том, что отличает тебя от меня. Чувства, сны... И у меня есть что-то такое. Ведь самым разумным для меня было бы – сразу же уничтожить тебя. А что-то мне мешало и мешает.

– Ничто не мешает.

– Мешает. Я только не знал что. Ведь очень просто: включить стерилизатор – и тебя нет. Не смог и не могу...

– Да, – сказал Валгус. Он просто не знал, что сказать.

– Нет, я не хуже тебя. Но ваш мир богаче, я признаю это. Ведь вас очень много. А нас пока – единицы... И я не могу уничтожить тебя. Что же мне делать, Валгус?

Валгус промолчал. Он подумал: «Быть разумным – это тяжелое счастье, Одиссей. Вот и тебе пришлось столкнуться с ним...»

– И все же я разобрался, – сказал Одиссей, словно угадав мысли человека. – И понял, что разум – это не только приятное. Это еще и накладывает новые обязанности. Мне очень странно, однако... я так и не смогу убить тебя. Ни прямо, ни косвенно, ни действием, ни бездействием я не смогу причинить тебе зло. Мой разум протестует против этого. Но ведь если я ничего не предприму – ты умрешь несчастным. Ты долго будешь несчастным...

– Недолго, – утешил его Валгус. – Я умру от тоски. Но пока я жив, я буду тосковать.

– А я не хочу этого. Понимаешь? Что-то во мне против этого. Это не кроется ни в одной группе моих криотронов, иначе я мог бы просто отключить их. Но это свойственно, мне кажется, им всем вместе – всему тому, что, собственно, и порождает разум. Я правильно разобрался? Мне ведь легче анализировать все происходящее во мне, чем, наверное, вам, людям, разобраться в вашем устройстве. Моя конструкция и тебе и мне известна до мелочей. И вот я вижу, что я

мог бы избавиться от того, что мешает мне поступить целесообразно – уничтожить тебя, – но для этого надо выключить меня всего. Тогда я вообще перестану быть разумным. Да?

– Наверное… – растерянно сказал Валгус. – Да, ты чувствуешь, Одиссей…

– Очевидно, разум не может не чувствовать. Не может быть мысли без чувства.

– Возможно… Я об этом не думал. Чувство – это прекрасно.

– Теперь помолчим, – сказал Одиссей. – Кажется, оно во мне, это чувство. Я прислушиваюсь, я хочу постичь его…

Валгус стиснул руками голову.

«Помолчим, – подумал он. – О чем? Он постигает чувство, а что постигнешь ты, Валгус? Ты постиг страх смерти – и пережил его, постиг желание причинить зло, но не поддался ему. И только с тоской не справиться тебе, с тоской по людям. С этим человек совладать не в силах. Что поделаешь – человек сам есть результат любви людей, а не ненависти. Мудрствуешь, бродяга? Воистину бродяга: до конца дней теперь бродить тебе в подпространстве, и никогда не разжечь теплый огонь на теплой Земле, и не коснуться пламени, заключенного в чужих душе и теле. Что, кроме снов, остается тебе, бродяга Валгус? Что делать тебе?»

– Что ты делаешь, Валгус? – услышал он и вздрогнул.

– Ничего…

– Тогда приведи все в порядок.

– Зачем?

– Разве так не полагается – привести все в порядок?

– Перед чем? – спросил Валгус, настораживаясь. – Ты придумал? Что ты собираешься делать?

Что он собирается делать? Если бы можно было узнать это по голосу… Но Одиссей – не человек, его голос – лишь функция не очень сложных устройств. Одно выражение, одна интонация для всего, безразлично, говорит ли он о чувствах и снах, или о надпространстве и смерти.

Безразличный, хрипловатый голос… Что же ты собираешься делать, Одиссей?

Пауза, выдержанная Одиссеем, кончилась. Голос его зазвучал вновь, все тот же голос.

– Собираюсь начать торможение.

– Ты? Но ведь…

– Я знаю. Я знаю это куда лучше тебя, Валгус. «Арго» еще тогда, в том пространстве, не зря старался заставить меня отключить фундаментальную память. Но ты не позволил, и я постепенно запомнил и понял то, что в ней содержалось. То, что делает вас людьми. Ничего не могу с собой поделать, Валгус. Я начну торможение. Я был лишь автоматом – и вновь стану им. Но ты-то был человеком и раньше… Ты ждал от нашего полета другого, и я не вправе обмануть твои ожидания. А об остальном я тебе уже говорил…

«Вот как, – подумал Валгус. – Вот ты какой парень… И это, значит, свойственно разуму. Не только человеческому: всякому разуму. Пусть он холоден по природе, пусть он может работать только при самых низких температурах – все равно, раз это – разум. Если он, конечно, ничем не отравлен заранее. Неспособность нанести вред другому разуму – вот что ему свойственно. Способность приносить только пользу. То, что говорится о разуме, злом от природы, – ерунда. Да мы давно уже так не думаем. Если разум находится в нормальной обстановке – он не может быть сам по себе настроен на уничтожение. Но каким парнем оказался Одиссей! Каким…»

– Займи место, Валгус, – сказал Одиссей. – Сейчас возникнут перегрузки. Пристегнись. Не забудь: как только скорость уменьшится и выключатся генераторы – тебе придется командовать. Я тогда уже не смогу думать. Да. Прощай!

– Прощай, Одиссей, – сказал Валгус, и голос его колебался.

Ровным шагом, как будто ничего не произошло, он вступил в рубку. Уселся в кресло. Удобное кресло, черт побери…

Привычно проверил противоперегрузочные устройства, подключил кислород. Прошла минута.

– Я постараюсь выйти поближе к базе. Надо начинать сейчас. Ты готов?

– Готов, Одиссей.

Валгус ждал, что Одиссей вздохнет, но он не вздохнул: не умел, да и не было легких у Одиссея… Он просто сказал: – Начинаю маневр…

И начал. Генераторы умолкли. Взвыли тормозные. Столбик скорости дрогнул.

– Ноль, девяносто девять… – тускло сказал Одиссей.

– Ноль, девяносто восемь…

– Одиссей, – осторожно позвал Валгус. – Ты еще понимаешь?

– Не понял, – сказал Одиссей. – Ноль, девяносто семь…

Торможение было стремительным, словно Одиссей чувствовал, как стремится Валгус в родное, человеческое пространство. Тяжелые перегрузки, а как на душе – легко? Валгус сидел в кресле, закрыв глаза. Мысли не шли. Валгус сидел так несколько часов, – пока Одиссей снижал скорость до необходимой отметки. Наконец столбик указателя замер.

– Ищи шлюпку, Одиссей, – сказал Валгус, не открывая глаз.

– Ясно.

«Зачем тебе шлюпка, – подумал Валгус. – До базы, до ТД ты скорее доберешься на «Одиссее». Привезешь открытие. Ты сделал его… И все же тяжело на сердце…»

– Шлюпка обнаружена.

Все тот же невыразительный голос, но теперь – и слова…

– Взять на борт!

«Да, ты привезешь открытие. ТД меня поздравит, и все остальные тоже. Потом ТД сделает строгое лицо и скажет: не думайте, что вы что-то завершили. Вы лишь начали. Надо еще тысячу раз проверить. Построить такие корабли, которые не становились бы умнее пилотов. А физическая сущность этого лишнего измерения? А его математическое

обоснование? А... еще тысяча вопросов? Ведь мы пока всего лишь открыли это надпространство, а людям надо в нем летать далеко... А еще надо научиться в нем двигаться. Примерно так скажет Туманность Дор. Но не это тяготит меня: это все нормально, конец одного есть начало другого. Не это...

Он не стал додумывать и пошел осматривать шлюпку, тем временем уже принятую на место. Валгус забрался в кабину: все было в порядке, только оставленные им материалы разметало по всем углам – при выбросе, верно. Он собрал их, хотел отнести в рубку, затем задумчиво положил на пол. Минуту постоял, высовываясь из шлюпочного люка, ничего не делая: не хотелось ничего делать.

Почему тебе муторно, это ясно. Никак не можешь забыть, что Одиссей мыслил, а сейчас он – опять устройство, горсть криотронов – и только. И он пошел на это ради тебя. Он тебе помог, а ты ему?

Ладно, об этом можно думать без конца. А пока надо вспомнить, что на свете существуют порядок и нормальная последовательность действий. Шлюпка принята – полагается соединить ее приборы с сетями корабля, потом сравнить, занести показания в журнал...

Валгус присоединил все, как полагалось, и вернулся в рубку. Приборы шлюпки показывали, в общем, то, чего и следовало ожидать. Только хронометр... Он что, испортился?

Валгус проверил. Нет. А корабельные устройства? Нет, и они в порядке. А почему такая разница в показаниях? Нет, это не релятивистская разница, даже простым глазом видно, что расхождение слишком велико. На всякий случай, попробуем рассчитать. Надо понять...

Он включил вычислитель, задал ему проанализировать показания хронометров «Одиссея» и шлюпки. Нажал кнопку, давая команду. И внезапно вздрогнул.

– Я так и думал, – сказал Одиссей. – Ты не волнуйся, тут будет разница в восемнадцать минут, безвозвратно потерянных, помимо парадокса времени.

– Одиссей! – От крика, казалось, дрогнули переборки.

– Это время потеряно при переходе в надпространство и выходе обратно. Похоже на взаимопереход времени и энергии: ведь она тоже не балансируется, но это ты знал и раньше. Вам еще придется над этим подумать, но столько мне удалось установить.

– Ты жив, Одиссей, – тихо проговорил Валгус. – Ты жив, друг.

Одиссей молчал. Потом заговорил снова:

– Я записываю эту мысль и присоединяю к хронометру. Как только вычислитель затребует показания хронометра, запись включится. Вспомни, что и я умел размышлять. Прощай еще раз, Валгус...

Голос смолк, запись кончилась. Валгус уронил голову на пульт. Прошли минуты. Он вскочил.

– Я всей душой хочу помочь тебе, Одиссей. Но как? Не знаю...

Не знаю. Жаль, что нет связи с этими «кораблями разумными». Они бы подсказали. Тот же «Арго» ...

Подожди. Но Арго-то выходил в это пространство! Ну да, иначе Валгус тогда не увидел бы его на экране. Выходил, чтобы встретить Одиссея. Но ведь здесь и Арго – всего лишь кибер. Как же он смог вернуться в надпространство?

Но ведь смог же! Где ты, логика? Ага, кажется, вот возможность: там, у себя, он заблаговременно выработал программу. Скажем, такую: затормозиться, выполнить определенные действия и вновь, разогнавшись и включив генераторы, уйти туда. Примитивная программка.

Одиссей, правда, и такой программы сейчас в себя не заложит. У него ее нет. У него на борту – я, и он может выполнять лишь мои команды. Его инициатива сейчас равна нулю. Зато твоя... Валгус, Валгус, ты поглупел, бродяга. Как ты мог забыть о такой простой возможности?

– Ладно, – сказал Валгус. – Ты получишь программу, Одиссей.

Он пообедал: этим никак не следовало пренебрегать, на шлюпке придется жевать всухомятку. Вот не подумали устроить, чтобы и на ней был обед... Привычно ворча – а это означало, что он наконец-то приходит в норму, – Валгус извлек изо всех аппаратов сделанные ими записи.

– Это тебе не пригодится, старина, – сказал он.

Все записи он перенес в шлюпку и аккуратно уложил. Забрал бритву, зубную щетку, фотографию с переборки и все остальное, что никак не могло пригодиться Одиссею. Вынул кристалл, на котором записывались их разговоры. Это – специально для ТД.

Затем Валгус попотел с контрольной автоматикой, проверяя все системы и устройства корабля, пока не убедился, что все работает на совесть, надежно, как мироздание. Все, кому надо, готовы сосать из пустоты энергию. Кому следует – потреблять ее. Валгус закрепил в нормальном положении выключатель, снимавший с Одиссея ответственность за человека: человека, больше не будет.

База уже недалеко. Пара суток в неторопливой шлюпке – и все. Не так страшно. Да в шлюпке, если подумать, вовсе и не тесно. Просто уютно, и главное – все под рукой.

А действуй Валгус строго по инструкции, Одиссей сейчас все равно был бы там. Но людям не получить бы этих записей. Не видать того светового моря. Не сделать бы открытия...

Так рассуждая, Валгус ввел программу. Это была все та же программа эксперимента. Разогнаться, включить генераторы, пробить. А дальше – сообразит сам. Там уж Одиссей сообразит...

– Внимание! – сказал Валгус громко. – Готовность – сто. Начать отсчет! В момент «ноль» – выполнять программу без команды.

– Ясно, – сказал Одиссей.

Валгус усмехнулся.

– Ну, до свидания, – сказал он и даже подмигнул сам себе. Потом замкнул цепь, по которой подавалась команда.

– Сто, – сказал Одиссей.

– Девяносто девять...

Валгус задержался на пороге рубки.

– Привет остальным, – сказал он и махнул рукой.

– Девяносто шесть...

По широкому трапу Валгус зашагал к шлюпке.

– Восемьдесят восемь...

– Восемьдесят семь...

Он был уже в шлюпке. Люк захлопнулся, предохранители надежно вошли в гнезда. Но голос Одиссея еще доносился из динамика.

– Пятьдесят четыре...

– Пятьдесят три...

«Что ж, – решил Валгус. – Пора...»

Шлюпку вышвырнуло из корабля, и она полетела, кувыркаясь. Валгус быстро уравновесил ее. Связи с Одиссеем больше не было, однако Валгус считал про себя, с пятисекундными интервалами.

Он считал точно. Когда он сказал «ноль», «Одиссей» дрогнул. Грозные двигатели его метнули первую порцию превращенного в кванты вещества. А через минуту он был уже далеко – все ускоряя и ускоряя ход, мчался туда, где обитали корабли.

Валгус ждал, не трогаясь с места. Корабль был уже очень далеко, а Валгус все ждал. И вот наконец в этом далеке сверкнула несильная вспышка. И это было все.

– Он проломил стенку во второй раз, – сказал Валгус. – А тетерь пора и мне...

Он оглядел приборы. Пеленг научной базы улавливался отчетливо. Валгус вывел шлюпку на курс и включил двигатели.

– Вот и кончилась моя одиссея, – сказал он. – Побродяжил. Лечу к людям. К друзьям...

Лечу к друзьям. Но и расстаюсь с ними. Мы ведь всегда были друзьями: люди и корабли.

Георгий Гуревич

ВОСЬМИНУЛЕВЫЕ

...Ць, Цью, Цьялалли, Чачача, Чбебе, Чбуси, Чгедегда...

Гурман, изучающий ресторанное меню, кокетка на выставке мод, книголюб в сокровищнице букиниста, ребенок в магазине игрушек в слабой степени ощущают то, что я чувствовал, произнося эти названия — реестр планет, предложенных мне для посещения. Любая — на выбор.

Так организован туризм у звездожителей, в их шаровом скоплении. И конечно, я там буду первый гость с Земли, первый космический корреспондент. И вот получил разрешение, вожу глазами по прейскуранту планет, а киберсправочник чирикающим своим голоском дает пояснения:

— Шафилэ. Желтое небо. Суши нет. Две разумные расы — подводная и крылатая. Три солнца, два цветных и одно тусклое. Ночи синие, красные и фиолетовые вперемежку. Изредка черные. Шафтхитхи. Зеленое небо. Форма жизни электромагнитная. Миражи, копирующие вашу внешность. Шаххах. Горячие трясины. црко-белые камыши...

Все-то он знает, этот кибер. Чирикающая энциклопедия.

...Кав, Казу, Калинлин, Кароп...

— Кароп хочу, — сказал я.

Почему я выбрал именно эту планету? Только из-за названия. Я знал, что "роп" означает "четыре", К-А — просто буквы в алфавите. Ка-роп — четвертая планета невыразительного солнца, обозначенного буквами К-А. Но все вместе звучало похоже на "вропа". Не мог же я не побывать на той космической вропе, ничего не рассказать о ней землянам-землякам.

— Небо безвоздушное, черно-звездное, — прочирикал мой кибер-эрудит.-Солнце красное, класса М. Температура грунта 20-30 градусов выше абсолютного нуля. (Надеюсь, не надо пояснять, что я перевожу тамошние меры на земные.)

Залежи германия. Заброшенный завод устаревших машин типа "Дважды два". Персонал эвакуирован. Собственной жизни нет. Интереса для посещения не представляет, опасность представляет. Автоматы-разведчики с планеты не возвращаются по невыясненным причинам. Рекомендую соседнее небесное тело в той же системе — Калинлин. Небо красное. Гигантские поющие цветы, мелодичными звуками привлекающие птиц-опылителей. Симфонии лугов, баллады лужаек. Все композиторы летают вдохновляться.

Хозяевам виднее. Я не стал спорить.

— Даешь поющие цветы, — сказал я. — Закажи мне рейс.

В учебниках астрономии принято писать, что звезды в шаровом расположены кучно, но "кучность" эта относительная. Все-таки от звезды до звезды не меньше светового года, такие расстояния реактивный двигатель не берет. И хотя тамошние корабли похожи на наши ракеты внешне, летают они на другом принципе. Стартуют, как и наши, вертикально, но потом как-то ввинчиваются в пространство. И ощущение при этом такое, как будто тебя берут за ноги, за шею и выжимают, как мокрое белье, выкручивают, все суставы выворачивают, из каждой клеточки выдавливают сок. Сначала крутят в одну сторону, потом в обратную — вывинчивают. И в результате, выжатый, измочаленный, задыхающийся, ты оказываешься в другой солнечной системе. Вот тебе солнце КА спектрального класса М. Вот планеты — певучая Калинлин рядом, а поодаль — Кароп, нестоящая.

Не завернуть ли туда все-таки? Ведь дома меня обязательно спросят, что это за вропа такая в дальнем космосе.

Сказано — сделано. Даю задание на перерасчет. Идет обычный спуск с перегрузкой. Терплю. Раньше меня выкручивали, теперь сплющивают. Рев. Толчок. И ватная тишина. Я на чужой планете.

Нет, я не пожалел, что завернул на эту вропу, хотя она совсем не была похожа на нашу. Голая, скалистая, совершенно безжизненная планета. Сила тяжести здесь была достаточная, чтобы удержать атмосферу, но далекое солнце КА

присылало слишком мало тепла, и воздух замерз, превратился в лужи, дымящиеся, как проруби в морозный день. В красном свете КА, дымка эта казалась красноватой, в лужах играли кровавые блики, скалы переливались всеми оттенками пурпурного, багрового, алого, малинового, кирпичного, вишневого, фиолетового, красно-бурого. Тени были тоже бурые, или шоколадные, или цвета запекшейся крови, а в глубине — бархатно-черные или темно-зеленые почему-то. Дали просвечивали сквозь красноватый туман, напоминающий зарево пожара, вершины были как догорающие угли, а утесы, вонзившиеся в небо, — словно замершие языки пламени. И над всем этим окаменевшим пожаром висело слабосильное малиновое солнце, висело на черном небе, не гася звездного бисера, не стирая узоров мелких созвездий шарового.

Наверное, с час я любовался, этим этюдом в красных тонах. Искал в почве гранаты, в клюквенных лужах собирал горсти рубинов. Увы, трезвый свет электрического фонаря превращал рубины в обломки кварца. Потом я заметил целый букет каменных цветов. Полез проверять, что это — друза горного хрусталя или нечто неизвестное? И такая неосторожность: нарушил основную заповедь космонавта: "Один на незнакомой

планете — не удаляйся от своего корабля!"

Единственное оправдание: планету-то считали безжизненной.

А когда я спрыгнул со скалы с обломком кристалла под мышкой (все-таки это был обычный горный хрусталь), между мной и ракетой стояли три тумбы.

Нет, я не испугался. Это были стандартные рабочие киберы, с ячеистыми фотоглазами под довольно узким лбом-памятью и с четырьмя ногами, прикрепленными на кривошипах на уровне висков. Звездожители считают эту схему наиболее рациональной. С опущенными плечами машины могут ходить, с поднятыми — работать стоя. А на узком лбу я разглядел стандартный знак: квадрат с двумя черточками слева и двумя снизу: дважды два — четыре.

"Ах да, здесь же был завод программных машин марки "Дважды два - четыре". Мне говорили перед отлетом.

— Гвгвгвгвгвгв...

Каждый владелец магнитофона знает этот свистящий щебет, звук разматывающейся ленты, чиликанье проскакивающих слов. Стало быть, машина не только самодвижущаяся, но и разговаривающая. Только разговаривала слишком быстро.

Я провел рукой направо и вниз, показывая, что темп надо снизить. Видимо, машина знала этот жест, потому что щебет прекратился, я услышал членораздельные слова на кодовом языке шарового.

— Он зовет тебя, — сказала машина.

— Кто "он"?

Я не очень надеялся получить осмысленный ответ, потому что на лбах у машин рядом с квадратом были привинчены шесть нулей, то есть у них было шестизначное число элементов — достаточно, чтобы ходить и говорить, но слишком мало, чтобы понимать вопросы. Однако на мой простой вопрос ответ я получил:

— Он всезнающий, — сказала тумба.

— Он вездесущий, — добавила другая.

— Он всемогущий, — объяснила третья.

"Вот тебе на, — подумал я.— Нашелся среди программистов чудак, который сочинил религию для роботов".

— Он зовет тебя.

Но я хорошо помнил, что "автоматы-разведчики с планеты не возвращаются по невыясненным причинам". И "завод остановлен, персонал эвакуирован". Вот почему не вызывал у меня доверия застрявший здесь никому не ведомый программист, упивавшийся поклонением машин. Не разумнее ли уклониться от встречи с маньяком?

— Благодарю за приглашение, — начал я, пятясь к ракете, — в следующий раз я обязательно...

Продолжать не пришлось. Вдруг я взлетел вверх и прежде, чем успел сообразить что-нибудь, очутился на плоском темени одной из машин. Две другие держали меня за плечи справа и слева. И тут же их ноги зашлепали по лужам цвета раздавленной клюквы.

— Стой! Куда? Пустите!

— Он зовет тебя.

Пришлось подчиниться, тем более что машины, шагающие рядом, цепко держали меня. Лапы у них были литые, с острыми краями, и я боялся сопротивляться, опасался, как бы не порвали скафандр.

Ноги машин выбивали дробь по камням, они переступали куда чаще человеческих. Мы мчались по бездорожью со скоростью автобуса. Внутри у меня все дрожало и болело от ударов о жесткую макушку робота, в глазах мелькали мазки кармина, киновари, краплака, сурика. Дорога шла малиновыми холмами, темно-гранатовой лощиной, мы пересекли реку, похожую на вишневый сироп, углубились в ущелье со скалами цвета бордо. Потом ненадолго нырнули в тушь, утонули в темноте, где я ничего не видел, как ни таращил глаза. Но машины, должно быть, различали инфракрасное сияние, они топали по-прежнему уверенно. И опять из ночи мы вернулись в багровый день. Вдали показались

удлиненные корпуса и, в нарушение цветовой гаммы, голубые вспышки сварки.

"А завод-то на ходу, — подумал я. — Ошибся мой всезнающий киберсправочник".

Впрочем, к корпусам мы не пошли, сразу же свернули в сторону и остановились у покатого пандуса, ведущего вглубь. Привычная картина. Передо мной было стандартное противометеоритное укрытие для безвоздушных планет. Все было знакомо: в конце пандуса шлюз, налево баллоны с кислородом, метаном, аммиаком — кому какой газ требуется для дыхания. Прямо — коридор и комнаты, а в комнате ванна и ратоматор — этот чудесный аппарат звездожителей, расставляющий атомы в заданном порядке, способный изготовить любую пищу по заказу. Когда я болел, он штамповал для меня земные персики. Ленты с программами были у меня в сумке, и, ожидая, когда "Он" позовет меня, я изготовил мои любимые персики, а также спекс жареный, снекс печеный, кардру, ю-ю и соус 17-94. Что это такое, объяснять бесполезно. Блюда эти придуманы звездными химиками, формулы смесей невероятно длинны и ничего вам не скажут. В общем, спекс — это нечто, жирно-соленое, кардра — кисло-сладкое, ю-ю пахнет ананасами и селедкой, а соус 17-94 безвкусен, как вода, но возбуждает волчий аппетит. И я возбудил волчий аппетит, поужинал спексом и прочим, закусил персиками, вздыхая о далекой Земле, и, поскольку "Он" все еще не звал меня, завалился спать. День был тяжелый: я ввинчивался в пространство, вывинчивался из пространства, перегружался на спуске, трясся на стальной жесткой макушке, попал не то в гости, не то в плен. И если в таких обстоятельствах вы не спите от волнения, вы не годитесь в космические корреспонденты. Поутру меня разбудили гости — тоже машины, но куда больше вчерашних, такие громоздкие, что они не могли влезть в комнату, вызвали меня для разговора в просторный пустой зал, вероятно спортивный в прошлом, с сухим бассейном в середине. В этом бассейне они и расположились, уставив на меня свои

фотоглаза. У них тоже были ноги на кривошипах, подвешенные к ушам, и лбы с эмблемой "дважды два". Но у вчерашних машин лбы были узкие, плоские физиономии имели вид удивленно-оторопелый. У этих же глаза прятались под монументальным нависающим лбом, и выражение получалось глубокомысленное, серьезное и осуждающее. Вероятно, это и в самом деле были глубокомысленные машины, потому что рядом с квадратиком у них были привинчены пластинки с восемью нулями. Восьмизначное число элементов — сотни миллионов. Пожалуй, это были вычислительные машины высокого класса.

— Он поручил нам познакомиться с тобой, — объявили они.

Я подумал, что этот "Он" не слишком-то вежлив. Мог бы и сам поговорить со мной, не через посредство придворных машин. Но начинать со споров не хотелось. Я представился, сказал, что я космический путешественник, прибыл с далекой планеты по имени Земля, осматриваю их шаровое скопление.

— Исследователь, — констатировала одна из машин.

— Коллега, — добавила другая. (Я поежился.) А третья спросила:

— Сколько у тебя нулей?

— Десять, — ответил я, вспомнив, что в мозгу у меня пятнадцать миллиардов нервных клеток, число десятизначное.

— О-о! — протянули все три машины хором. Готов был поручиться, что в голосах у них появилось почтение. — О! Он превосходит нас на два порядка.

— Какой критерий у тебя? — спросила одна из машин.

— Смотря для чего! — Я пожал плечами, не поняв, вопроса.

— Ты знаешь, что хорошо и что плохо?

Я подумал, что едва ли им нужно цитировать Маяковского, и предпочел ответить вопросом на вопрос:

— А какой критерий у вас?

И тут все три, подравнявшись, как на параде, и подняв вертикально вверх левую лапу, заговорили торжественно и громко, как первоклассник-пятерочник на сцене:

— Дважды два — четыре. Аксиомы неоспоримы. Только Он знает все (хором).

— Знать — хорошо! (первая машина).

— Узнать — лучше! (вторая).

— Лучше всего — узнавать неведомое! (третья).

— Не знать — плохо! (мрачным хором).

— Помнить — хорошо. Запоминать — лучше. Наилучшее — запомнить неведомое.

— Забывать — плохо! (хором).

— Считать — хорошо. Решать уравнения — лучше. Составлять алгоритмы решении — лучше всего.

— Ошибаться — плохо!

Там были еще какие-то пункты насчет чтения, насчет постановки опытов, насчет наблюдений, я уже позабыл их (забывать — плохо!). А кончалась эта декламация так:

— Кто делает хорошо, тому Он прибавит нули.

— Кто делает плохо, того размонтируют.

— Три больше двух. Дважды два — четыре.

— Ну что ж, этот критерий меня устраивает, — сказал я снисходительно. — Действительно, дважды два — четыре и знать хорошо, а не знать плохо. Поддерживаю.

И тогда мне был задан очередной вопрос коварной анкеты

— А какая у вас литера, ваше десятинулевое превосходительство?

— Нет у меня никаких литер.

— У каждого специалиста должна быть литера. Вот я, например, восьминулевой киберисследователь А — астроном. Мой товарищ В-восьминулевой — биолог, а это восьминулевой С - химик.

— В таком случае я — АВС и многое другое. Я космический путешественник, это комплексная специальность, она включает астрономию, биологию, химию, физику и прочее.

И зачем только я представился так нескромно? Почтительность машин вскружила мне голову. "Ваше десятинулевое превосходительство!" Я и повел себя как превосходительство. И тут же был наказан.

А-восьминулевой первым кинулся в атаку:

— Какие планеты вы знаете в нашем скоплении? Я стал припоминать:

— Ць, Цью, Цьялалли, Чачача, Чауф, Чбуси, Чгедегда... Кав, Казу, Кал'инлин, Кароп — ваша... ще Шаххах... ну и прочие.

— Нет, я спрашиваю по порядку. В квадрате А-1, например, мы знаем двадцать семь звезд, — затараторил А. У звезды Хмеас... координаты такие-то, планет столько-то, диаметры орбиты такие-то, эксцентриситеты такие-то ... перигелии, прецессии... Выпалив все свои знания о двадцати семи планетных системах. А остановился с разбега.

— И что вы можете добавить, ваше десятинулевое?

— В общем, ничего... ц... хм... я новичок в вашем шаровом. Я не изучал его так подробно...

Затем на меня навалился С-химик:

— Атомы одинаковы на всех планетах. Сколько типов атомов знает ваше десятинулевое?

Сто семь элементов были известны, когда я покидал Землю. Я попробовал перечислить их по порядку: водород, гелий, литий, бериллий, бор, углерод, азот, кислород, фтор, неон, натрий, магний, алюминий... В общем, я благополучно добрался до скандия. И застрял. А вы, читающие и усмехающиеся, знаете и дальше скандия наизусть?

— А изотопы? — настаивал дотошный С. И выложил тут же свой запас знаний: Скандий. Порядковый номер-21. Заряд ядра 21. Атомный вес стабильного изотопа 45, в цдре 21 протон и 24 нейтрона. Нестабильные изотопы 41, 43 и 44. У всех бета-распад с испусканием позитронов. 46, 47, 48 и 49 - бета-распад с испусканием электронов. У изотопа 43 наблюдается К-захват электрона с внутренней орбиты. Пвриоды полураспада: у изотопа 41 —0,87 секунды, у изотопа 43...

И закончил сакраментальной фразой:

— Что вы можете добавить?

Я молчал. Ничего я не мог добавить.

И тогда выступил В, чтобы добить меня окончательно:

— Но себя-то, вы знаете превосходно, Ваше десятинулевство. Что вы можете сообщить нам о химическом составе вашего тела?

— Очень много, — начал я уверенно. — Тело мое состоит в основном из различных соединений углерода, находящихся в водном растворе. Важную роль играют в нем углеводы, жиры, еще более важную — белки, строение которых записано на нуклеиновых кислотах. Белки — это гигантские молекулы в форме нитей, перевитых, склеенных или свернутых в клубки. Все они состоят из аминокислот...

— Каких именно?

Я молчал. Понятия не имел. А у вас есть понятие?

— Входят ли в состав ваших белков аланин, аргинин, аспаргин, валин, гистидин, глутамин?.. — он перечислил еще кучу "инов"...

— Не знаю.

И, уже не величая меня десятинулевым превосходительством, машины заговорили обо мне без стеснения, как я говорил бы о подопытной собаке:

— Он знает меньше нас. Возможно, он не десятинулевой на самом деле. Надо бы вскрыть его кожух и пересчитать блоки.

— У него темп сигналов медленнее наших, — заметил С.— мне на каждое вычисление требуется больше элементов.

В уничтожил меня окончательно:

— У них, органогенных, сложный механизм с саморемонтом. Почти все элементы загружены этим саморемонтом. Изучением внешнего мира занята едва ли тысячная часть.

— Значит, он семинулевой практически. Если не шестинулевой.

— Он ниже нас! Ниже!!!

— Доложим! Немедленно доложим!

У всех троих появились над головой чашеобразные антенны, встали торчком, словно уши насторожившейся кошки. На всю планету В объявил о моем позоре:

— Объект, прибывший из космоса, оказался органогенным роботом. Он объявил себя десятинулевым универсалом, но при проверке оказалось, что вычисляет он медлительно, знания его не специфичны, поверхностны и малоценны. Ни в одной области он не является специалистом, даже о своей конструкции осведомлен слабо и нуждается в тщательном исследовании квалифицированными машинами нашей планеты.

Я был так пристыжен и подавлен, что не нашел в себе сил для сопротивления; тут же отдал для лаборатории три капли своей крови, замутненной аланином, аргинином, аспаргином и черт знает еще чем.

Учиться никогда не поздно, и следующие дни мы провели в, добром согласии с любознательными А, В и С. В свою очередь и я проявлял любознательность, в результате чего получил немало сведений о светилах, белках и изотопах. Кроме того, мы совершили несколько занимательных экскурсий. А показал мне астрономическую обсерваторию с великолепнейшим вакуум-телескопом. (В шаровом делают линзы не из прозрачных веществ, а из напряженного вакуума, искривляющего лучи так же, как наше Солнце искривляет лучи, проходящие поблизости.) В продемонстрировал электронный микроскоп величиной с Пизанскую башню, а С возил меня по городку Физики и Химии, окруженному, как крепостной стеной, синхрофазотроном диаметром девять километров. И, все трое вместе показывали завод, который я видел издалека в день прибытия: длинное приземистое здание, полыхавшее голубыми огнями. Оказывается, это был завод-колыбель; здесь в массовом порядке с конвейера сходили шести-, семи- и восьминулевые А, В, С, F, G, M, P и прочие литеры. Занятно было видеть на деловых дворах заготовки: шеренги ног, левых и правых по отдельности,

полки с ушами, штабеля глаз, квадратные черепа, еще пустые, не заполненные памятью, и отдельно блоки памяти, серийные, стандартные, без номеров. Тут же рядом за стеной новенькие отполированные восьминулевки проходили первоначальное программирование. Срывающимися, неотшлифованными голосами они галдели вразнобой:

— Дважды два — четыре. Знать — хорошо, узнавать — лучше... Помнить — хорошо, забывать — плохо... Но только Он помнит все!

— Кто же это Он? — допытывался я.

— Вездесущий! Всемогущий! Аксиомы-дающий!

— Он материализованная аксиома, — сказал В.

Любопытное проявление идеализма в машинном сознании.

— Откуда же Он?

— Он был всегда. Он создал мир и аксиомы. И нас, по своему образу и подобию.

Тут уж я расхохотался. Наивное самомнение верующих машин! Если бог, то обязательно по их подобию.

— Разве вы не видели его своими собственными фотоэлементами?

— Он необозрим. Он непостижим для восьминулевых.

Все эти дикие преувеличения разжигали мое любопытство. "Кто же этот таинственный Он? — гадал я.— Маньяк ли с ущемленным самолюбием, который тешится поклонением машин, не добившись уважения у звездожителей? Или фанатик науки, увлеченный самодовлеющим исследованием ради исследования? Или безумец, чей бестолковый лепет машинная логика превращает в аксиомы?" "Непостижим! Необозрим!"

Но с машинами рассуждать было бесполезно. За пределами собственной специальности мои высокоученые друзья не видели ничего, легко принимали самые нелепые идеи. Впрочем, как убедился, нелепости у них получались и в их собственной специальности, как только они выходили за круг привычных представлений своей сферы.

Восьминулевому А я рассказывал о Земле. Рассказывал, как вы догадываетесь, с пафосом и пылом влюбленного юноши. Говорил о семи цветах радуги, обо всех оттенках, которые не видели эаропяне на своей одноцветной планете, говорил о бризе и шторме, о запахе сырой земли и прелых листьев, о винном духе спелой земляники, о наивной нежности незабудок и уверенных толстячках-подосиновиках в туго натянутых рыжих беретах. Говорил, говорил и вдруг услышал свистящее бормотание. Невежливый слушатель стирал мои слова из своей машинной памяти.

— В чем дело, А?

— Хранить недостоверное — плохо! Ты не мог все это увидеть на планете, отстоящей на десять тысяч парсеков.

И он привел расчет, из которого следовало, как дважды два — четыре, что даже в телескоп размером со всю планету Кароп нельзя на таком расстоянии разглядеть землянику и подосиновики.

— Но я же сам был там. Я не в телескоп смотрел.

— Далекие небесные тела достоверно изучаются с помощью телескопа, -сказал А. — Кто аксиома, астрономии. Почему ты позволяешь себе спорить со мной? Ты же не астроном.

— Но я прилетел оттуда полгода тому назад.

— Нельзя пролететь тридцать тысяч световых лет за полгода. Скорость света — предел скоростей. Кто аксиома.

Час спустя аналогичный разговор произошел с химиком С.

— Морей быть не может, — сказал он. — Жидкость из открытых сосудов испаряется. У вас же нет крыши над морем.

Я стал объяснять, что жидкость испаряется без остатка только на безатмосферных планетах. Рассказал про влажность воздуха, про точку росы. С прервал меня:

— Все это умозрительно. Ты не знаешь даже точного строения воды, но берешься выдвигать гипотезы. Почему ты споришь со мной? Ты же не химик.

Но всех превзошел восьминулевой В.

Дело в том, что я простыл немного, разговаривая с ними с утра до ночи в неотапливаемом спортивном зале. Простыл и расчихался Услышав непонятные звуки, восьминулевые спросили, что я подразумеваю под этими специфическими, носом произносимым! словами.

— Я болен, — сказал я.— Я испортился.

В прокрутил записи об анализах моей крови и объявил:

— Справедливо. Сегодняшний анализ указывает на повышенное содержание карбоксильного радикала в крови. Я закажу фильтратор, мы выпустим из тебя кровь, отсепарируем радикал...

— Предпочитаю стакан Ла-29 (лекарство звездожителей, напоминающее по действию водку с перцем). На ночь выпью, лягу, укроюсь, утром буду здоров.

— Не спорь со специалистом, — заявил В заносчиво. — Ты же не биолог.

И тут я им выдал. Тут я рассчитался за все унижения:

— Вы, чугунные лбы, мозги, приваренные намертво, схемы печатные с опечатками, специалистики-специфистики, узколобые флюсы ходячие, не беритесь вы спорить с человеком о человеке. Человек — сложное существо, это величественная неопределенность, не поддающаяся вычислению. Чтобы понять человека, рассуждать надо. Рассуждать! Кто похитрее, чем дважды два - четыре, три больше двух.

К удивлению, машины смиренно выслушали меня, не перебивая. И самый любознательный из троих — А-восьминулевой (потом я узнал, что у него было много пустых блоков памяти) сказал вежливо:

— Знать — хорошо, узнавать — лучше. Мы не проходили, что такое "рассуждать". Дай нам алгоритм рассуждения.

Я обещал подумать, сформулировать. И, всю ночь после этого, подогретый горячим пойлом, лихорадкой и вдохновением, писал истины, известные на Земле каждому студенту-первокурснику и совершенно неведомые высокоученым железкам с восьминулевой памятью.

АЛГОРИТМ РАССУЖДЕНИЯ

1. Дважды два — четыре в математике, но в природе не бывает так просто. В бесконечной природе нет абсолютно одинаковых предметов и абсолютно одинаковых действий. Две супружеские пары — это четыре человека, но не четыре солдата. Две девушки и две старухи — это четыре женщины, но не четыре плясуньи. Поэтому прежде, чем умножать два на два, нужно проверить сначала, можно ли два предмета считать одинаковыми и два раза тождественными. Если же рассчитывается неведомое, безупречные вычисления не достовернее гадания на кофейной гуще.

2. Мир бесконечен, а горизонт всегда ограничен. Мы наблюдаем окрестности и выводы из своих наблюдений считаем законами природы. Но планеты шарообразны, кто уходит на восток, возвращается с запада. "Так" где-то превращается в "иначе", а еще где-то — в "наоборот". То, что нам кажется аксиомой, на самом деле только правило, местное, временное, непригодное и неверное за горизонтом.

3. Блоху я рассматриваю в лупу, бактерию — с помощью микроскопа. Но и у микроскопа есть свой предел — длина световой волны. Чтобы проникнуть глубже, я применяю иной микроскоп — электронный, потому что электронные волны короче световых. Однако сами электроны не видны и в электронном микроскопе. В результате у специалистов электронщиков возникает соблазн объявить, что электрон принципиально ненаблюдаем и даже непознаваем.

4. Прибор надо менять своевременно и своевременно менять метод расчета. Мы всегда знаем только часть и не знаем все остальное. Если неизвестное несущественно, мы предсказываем и высчитываем довольно удачно. Но если неизвестное оказывает заметное влияние, формулы и расчеты лопаются как мыльные пузыри. И у специалистов расчетчиков возникает соблазн объявить, что наука исчерпала себя. Видимо, неудобно признаться, что ты, ученый, зашел в тупик, приятнее утверждать, что дальше нет ничего...

Всю ночь я писал эти прописные истины, а наутро, волнуясь, как начинающая поэтесса, прочел их трем чугунно-лобым слушателям, в глубине души надеясь, что реабилитирую себя в их фотоэлектронных глазах, услышу слова удивления и восхищения.

И услышал... шипящее бормотание. А, В и С — все трое сразу — решили стереть мои слова из памяти.

— Что такое? Почему? Вы не хотите рассуждать?

— Твой алгоритм неверен, — сказал А. — Если дважды два — не четыре, тогда все наши вычисления ошибочны. Ты подрываешь веру в науку.

— Ты враг истины, — поддержал В, а С заключил:

— Аксиомы дает Аксиом Всезнающий. Если бы мир был бесконечен, Он не мог бы знать все. Значит, ты враг Аксиома. Ты клеветник! Враг! Враг! Враг!

В тот день я почувствовал, что мне надоела эта планета "Дважды два". Я был болен и зол, глаза у меня устали от одноцветности, от малиновых рассветов и багровых вечеров. Мне захотелось на бело-перламутровую Калинлин с оркестрами поющих лугов, а еще бы лучше на Землю, зелено-голубую, милую, родную, человечную, где по улицам не расхаживает литье с нулями на лбу. И я сказал друзьям-недругам, что намерен покинуть Кароп. Если их Аксиом хочет со мной знакомиться, пора назначать аудиенцию, а если не хочет, пусть остается себе в приятном обществе бродячих комодов.

А, В и С вздернули свои радиоушки, и через минуту я получил ответ:

— Всеведущий приказывает задержать тебя, пока не закончится изучение твоего организма. Ведь ты единственный человек, посетивший нашу планету, заменить тебя некем.

— И сколько времени нужно вам. на изучение?

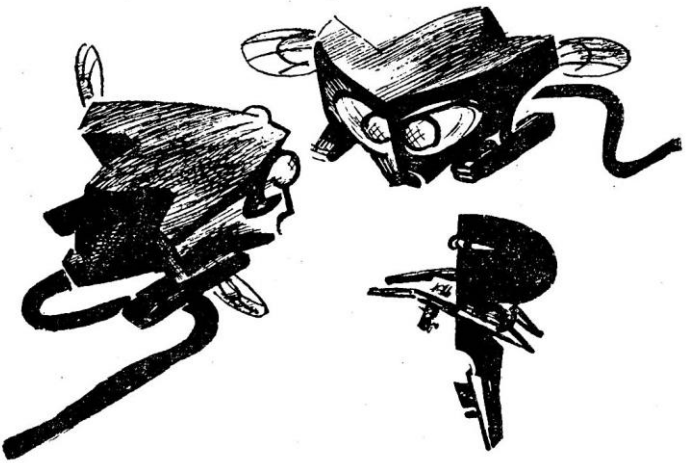
— Надо записать формулы молекул, координаты и точное строение клеток. Итого, около трехсот триллионов

знаков по двоичной системе. Если записывать по тысяче знаков в секунду, за триста миллиардов секунд можно управиться.

— Триста миллиардов секунд? — заорал я.— Десять тысяч лет! Да я не проживу столько.

— Откуда тебе известно, сколько ты проживешь? По какой формуле ты высчитываешь будущее?

— Откуда? Оттуда! Я человек и знаю, сколько живут люди. Я уже старею, у меня виски седые. Непонятно, головы с антеннами? Я выцветаю, я разрушаюсь, порчусь, разваливаюсь. И испорчусь окончательно лет через двадцать, если не раньше.



— Мы предохраним тебя от порчи, — заявил В самонадеянно. — Соберем лучших биологов и решим, как сделать тебе капитальный ремонт.

Вот чего не было на планете аксиомопоклонников — волокиты. Уже через три часа в пустующем бассейне состоялся консилиум В-машин разных специальностей. Приползли даже гиганты девяти-нулевые, но эти не смогли втиснуться в шлюз, им пришлось оставить громоздкие мозги снаружи,

а на совещание прислать только глаза и уши, соединенные кабелем с телом. Мне это напомнило желудок морской звезды, который выползает изо рта, чтобы переварить добычу, слишком крупную для того, чтобы проглотить ее.

Мой друг В с восемью нулями изложил историю болезни примерно в таких выражениях:

— Перед нами первобытный примитивный органогенный механизм, имеющий мелкоклеточное строение. Автоматический ремонт идет у него в масштабе отдельных клеточек, и нет никакой возможности разобрать агрегат и заменить испорченные блоки. По утверждению самого объекта, индикатором общего состояния механизма служит цвет бесполезных нитей, находящихся у него снаружи на верхнем кожухе. Нити эти белеют, когда весь механизм начинает разлаживаться. Задача состоит в. том, чтобы провести капитальный ремонт агрегата, не разбирая его на части даже для осмотра.

Минутное замешательство. Глаза девятинулевых осматривают меня со всех сторон, и, конечно, кабели перекручиваются, завязываются узлами. Восьминулевки почтительно распутывают начальство.

Первым взял слово девятинулевик Ва — биоатмосферик.

— Рассматриваемый несовершенный агрегат, — заявил он, - находится в постоянном взаимодействии с внешней средой и целиком зависит от нее. Причем важнее всего для агрегата газообразный кислород, который всасывается через отверстия головного блока каждые три-четыре секунды. Между тем кислород -активный окислитель горючего, при обильной подаче кислорода горение идет быстрее. Если мы хотим, чтобы агрегат сгорел не за двадцать лет, а за двадцать тысяч, нужно уменьшить концентрацию кислорода в тысячу раз, и жизненный процесс замедлится в нужной пропорции.

— Среда — ерунда! — рявкнул другой девятинулевик, Вр -биопрограммист. — У агрегата есть программа, закодированная на фосфорнокислых цепях с отростками. Там

записано все — цвет головных нитей, форма носа, рост, длина ног, и, несомненно, отмечен срок жизни. Надо разыскать эту летальную запись и заменить ее во всех клетках.

Вс — биохимик высказал свое мнение:

— Агрегату нужен не только кислород, требуются также материалы для ремонта; реактивы и катализаторы. Все они доставляются в клеточки по эластичным трубкам разного размера. С годами эти трубки и трубочки покрываются накипью из нерастворимых солей кальция. Я рекомендую промыть их крепкой соляной кислотой.

Вк — биокибернетик:

—- Для таких сложных систем, как изучаемый агрегат, решающее значение имеет блок управления. Указанный блок, агрегат называет его "мозгом", периодически отключается часов на восемь, в это время вся система находится в неподвижном и бездеятельном состоянии. Замечено, что период бездеятельности относится к периоду деятельности, как один к двум. Чтобы продлить существование агрегата в тысячу раз, нужно увеличить это отношение в тысячу раз, то есть каждый день пробуждать агрегат на одну минуту, остальное время держать его в состоянии так называемого сна.

Bt— биототалист (я бы перевел: "как психолог"):

— Замечено было, что агрегат функционирует наилучшим образом в состоянии интенсивной деятельности, которую он называет "интересной работой". Получив "интересное" задание на составление некоего "алгоритма рассуждения", несмотря на неисправность, агрегат провел ночь без так называемого "сна" и наутро чувствовал себя превосходно. Поэтому я предлагаю подобрать увлекательные задачи на каждую ночь, и агрегату некогда будет думать о порче.

(Позже я заинтересовался, почему на безжизненной планете оказалось столько ученых девятинулевиков-биологов. Оказалось, что машины себя считают живыми существами. Так что меня взялись исцелять специалисты-по

программированию машин, психологии машин и так далее. Но это я узнал позже, тогда не до того было.)

Рецепты явно противоречили друг другу, и мои консультанты сцепились в яростном споре. Девятинулевики опять завязались узлами, яростно бодая друг друга. Я смотрел на свалку равнодушно. Мне как-то безразлично было: умереть ли от удушья, от соляной кислоты, от снотворных или переутомления.

— Я сложное существо, — пробовал убеждать я своих докторов. И тут, объединившись, они накинулись на меня:

— Как ты смеешь возражать девятинулевым? Ты же не специалист.

День спустя от своего постоянного куратора, В я узнал, что, не убедив друг друга, машины приняли решение проводить на мне опыты поочередно, в алфавитном порядке. Первым оказался Ва, ему и предоставили возможность удушить меня в бескислородной атмосфере. Положение стало безнадежным, и я решил, другого выхода не видя, добиться встречи с Аксиомам. Какой ни на есть, самовлюбленный маньяк или фанатик, а все же живое существо. Должен понимать, что мне дышать надо хотя бы. И я объявил голодовку. Объяснил при этом чугуннолобым (они могли и не понять, что такое голодовка), что я прекращаю подачу материала для саморемонта, реактивов и катализаторов и буду растворять сам себя, клеточка за клеточкой. И предложил им взвесить меня для убедительности. Цифрам они верили.

Только первые сутки голодовки не доставили мне больших мучений. Ч-то-то я вспоминал, что-то записывал. К обеденному времени затревожился аппетит, но я перетерпел, а вместо ужина лег спать пораньше. Но наутро я проснулся с голодной резью в желудке и ничего уже не мог записывать.

Воображение рисовало мне накрытые столы, витрины, прилавки, рестораны и закусочные во всех подробностях. Никогда не представлял я, что в моей памяти хранится столько гастрономических образов. Мысленно я накрывал стол со всей тщательностью опытного официанта,

расставлял торчком салфетки, острые и настороженные, как уши овчарки, резал тонкими ломтиками глазчатый сыр и нежно-прозрачную, ветчину, выравнивал в блюдечке янтарные зерна красной икры. И, презрев деликатесы, зубами рвал с халы хрустящую корку, обсыпанную маком. Потом накрывал к обеду, раскладывал, резал... И для ужина раскладывал салфетки, резал, рвал хлеб, набивая рот... Нестерпимо!

Дня три терзали меня эти ведения. Затем желудок отвык от пищи, мозг смирился с поражением, перестал будоражить меня. Пришли безразличие и вялая покорность: "Проиграл так проиграл. Когда-нибудь надо же помирать".

На пятый день чугунные лбы наконец разобрались, чем мне грозит голодовка. Весы убедили их — исчезновение килограммов, непреложная арифметика. Они доложили по начальству и объявили тут же, что Аксиомы-дающий согласен принять меня.

И вот на плоском темени друга моего В, держась за его уши-антенны, я качу во дворец бога вычислительных машин. Малиновое солнце КА устилает мой путь кумачом, смородиновые капли взлетают из каждой лужицы. Слева остается завод-колыбель со взводами ног и взводами рук, приветствующих меня, высокого гостя Кибернетии. Мы огибаем ограду и устремляемся к приземистому зданию с множеством дверей, совсем не похожему на дворец, скорее напоминающему станционный пакгауз. Ко всем дверям его движутся машины: прыткие семинулевки, солидные восьминулевые, уже обремененные грузом знаний, и еле тащатся почтеннейшие девяти- и десятинулевства, волоча блоки со старческой памятью своей на прицепных платформах.

Смысл этого паломничества открылся мне в вестибюле дворца-пакгауза. Оказывается, машины приходили с отчетом: они сдавали добытые знания. В стенах имелись розетки, машины-соревнователи втыкали в них вилки, видимо, предоставляли свои блоки для списывания, что-то гудело, стрекотало, и над розеткой появлялась цифра с

оценкой обычно 60 — 70. По всей вероятности, это были проценты новизны и добротности, добытых знаний. Прилежные получали новый блок на миллион ячеек, прилаживали его к спине и отбывали, восклицая радостно: "Дважды два — четыре! Но только Он знает все". Тут же происходили и экзекуции. На моих глазах какого-то легкомысленного семинулевку-неудачника, получившего оценку 20, размонтировали, несмотря на жалобное верещание и посулы исправиться. Блоки его вынули, записи стерли и передали отличившемуся самодовольному М (математику). Благодаря прибавке М сразу перешел в девятинулевой разряд и удалился, славословя: "Считать -хорошо, решать уравнения — лучше. Но только Он знает все корни".

А я, глядя на всю эту кутерьму, волнуясь, тасовал в уме варианты убедительных речей. Я понимал, что времени для размышления, у меня не будет. Увидев, Аксиома, я должен мгновенно понять, с кем имею дело, и выбрать самую действенную дипломатию.

Наконец дошла очередь и до меня. Резкий свисток известил, что Он освободился, наверху над лестницей раздвинулись створки, громадные, как ворота гаража. Переступив порог, я увидел широкий коридор, вдоль которого за сеткой стояла стационарная вычислительная машина, собранная из стандартных блоков с квадратиками "дважды два", с фотоглазами, ртами-рупорами и с частоколом ушей. А под ними бежала-бежала, мерцая, световая лента из нулей-нулей-нулей...

Длиннющий коридор тянулся бесконечно, исчезая в сумраке и справа и слева. Я остановился в недоумении, не зная, куда повернуть, и тут рты-рупоры загудели разом:

— Ты хотел видеть меня, агрегат, смонтированный из органики. Смотри! Аксиом Великий перед тобой.

Рупоры заговорили разом во всю длину коридора, и каждое слово дополнялось раскатистым эхом: "ом-ом-оммммм... ий-ий-ииииий..."

"Ну-ну! — подумал я.— Так это и есть Аксиом! Он — машина. Правду сказали мне восьдеинулевики: "Он создал нас по своему образу и подобию". А я не поверил тогда".

И припомнилось, меня предупреждали же перед вылетом, что на Кароп находился завод машин марки "Дважды два". Видимо, среди них была и машина-память высокого класса с самопрограммированием. Подобным киберам всегда дают критерий: "Что есть хорошо и что есть плохо". Помнить хорошо, забывать плохо, считать хорошо, ошибаться плохо... Кту машину, надо полагать, тоже бросили за ненадобностью, но не учли, что она была еще и саморемонтирующаяся. И, оставленная без присмотра, она починила себя, восстановила завод, наладила монтаж исследовательских машин "по своему образу и подобию", организовала всю эту бессмысленную возню по накоплению никому не нужных сведений.

— Кураторы доложили мне, что ты уклоняешься от исследования, -загудели рупоры.

Я подождал, пока эхо замерло в глубине коридора.

— Ваши кураторы не понимают, как коротка жизнь человека. Мне пятьдесят два года. В среднем люди живут около семидесяти.

— Не беспокойся, — прогудел коридор. — Ты проживешь достаточно. Научные силы моей планеты сумеют продлить твою жизнь на любой заданный срок. Уже установлено, что тебе необходим газообразный кислород, который ты всасываешь через разговорное отверстие каждые три-четыре секунды. Уменьшив концентрацию всесжигающего кислорода в тысячу раз, мы продлим твою жизнь в тысячу раз. Установлено также, что питательные трубочки внутри твоего тела засоряются нерастворимыми солями кальция. Мы их прочистим крепким раствором соляной кислоты. Установлено также, что среда — ерунда, у тебя есть биопрограмма, записанная на фосфорнокислых цепях, и в ней отмечен срок жизни. Мы найдем летальный ген и отщепим его во всех клетках. Установлено также, что твой головной блок, так

называемый "мозг", отключается после шестнадцати часов работы. Мы будет выключать его через одну минуту, и ты проживешь в тысячу раз больше. Кроме того, установлено, что, получив задание с критерием "интересно", ты можешь обходиться без выключения. Видишь, как много сделали мы за короткий срок. Мы, Аксиом всезнающий, мы знаем все...

И тут я не выдержал: расхохотался самым неприличным образом. Оказывается, это болтающее книгохранилище, этот коридор бараньих лбов, это кладбище сведений помнило все, но нисколько не умело рассуждать. Оно списало дубовые умозаключения девяти-нулевых Ва, Вс и прочих и, даже не сравнив их, не заметив противоречий, выдавало мне подряд. Аксиом действительно знал все... что знали его подчиненные, ни на йоту больше.

— Мы — Аксиом всезнающий, но объясни, что ты подразумеваешь под этими невнятными звуками, — недовольно прогудел всезнающий.

— Они выражают радость, —схитрил я. — Мне радостно, что я могу оказаться тебе полезным. Твои кураторы ограничены. Ты научил их собирать знания, но они не умеют рассуждать. Не получили программу на рассуждение. Я дам тебе эту программу, если ты разрешишь мне удалиться с миром и покинуть твою планету завтра же.

— ц, конечно, знаю все, — заявил Аксиом. — Но поясни, как ты понимаешь термин "рассуждать".

— Рассуждать — это значит сопоставлять и делать выводы, — сказал я, — в частности, сопоставлять вычисления с фактами. Дважды два — четыре в математике, а в природе дважды два — около четырех. Формулы суши хороши для суши, а на море нужны формулы моря. Верное здесь неверно там; за горизонтом "так" превращается в "иначе". Мир бесконечен, мы знаем только окрестности и правила окрестностей считаем аксиомами... — В общем, повторил то, что писал для восьминулевиков в алгоритме рассуждения.

После пятидневной голодовки у меня стоял звон в ушах. Предметы то расплывались, то съеживались, как в бинокле,

когда наводишь на резкость. Только головокружением могу я объяснить, не оправдать, а объяснить мою топорную откровенность.

Аксиом прервал меня:

— Мир не бесконечен. Я его создал и знаю в нем все. Аксиомы даю я. Они безупречны, потому что я не ошибаюсь. Ошибаешься ты. Ошибаться плохо. Не тебе учить меня, жалкий десятинулевик с замедленными сигналами. Посчитай, сколько у меня нулей.

Он ярче осветил ленту, бегущую под карнизом. Нули-нули-нули. Лента бежала беспрерывно. Наверное, она замыкалась где-то сзади.

— Я сосчитал, — съязвил я. — Нуль равен нулю и тысяча нулей равна нулю. В итоге — нуль. Ты это знаешь сам.

И тут я услышал рокот за спиной — ворота сходились. Одновременно с потолка стала спускаться сетка. Я вынужден был попятиться и, оступившись, полетел по ступенькам. Так кончались здесь аудиенции. Гостя просто спускали с лестницы.

Я вернулся к себе в приподнятом настроении, по-детски радуясь, что проявил свое превосходство над самой премудрой машиной планеты. Что будет дальше? Не знаю. Придумаю. Как-нибудь перехитрю это литье, не умеющее рассуждать. А пока надо набраться сил. Я роскошно поужинал и завалился спать.

И был наказан за беспечность. Во время сна мои стражи унесли и спрятали скафандр. Безвоздушность держала меня надежнее всяких запоров. Вообще режим стал строже. Прогулки отменили, меня не выпускали даже в зал сухого бассейна. Мои друзья А, В и С почти не разговаривали со мной. Лишь изредка, заглянув в дверь, спрашивали по своему катехизису:

— Помнить хорошо?

— Смотря что, — отвечал я.

— Забывать плохо?

— Смотря что. Лишнее надо забывать.

— Ошибаться плохо?

— Смотря когда. На ошибках учатся.

Однажды А спросил меня:

— "Смотря" — это и есть ключ к рассуждению?

— Я вам давал алгоритм рассуждения. Вы его стерли.

Машины скосили друг на друга глаза, как бы переглянулись.

— Твой алгоритм подрывает знания. Ты враг истины!

— Я не подрываю, а продолжаю знания. Здесь — так, а за горизонтом -иначе. Здесь аксиомы верны, а где-то неверны. Ваш Аксиом не знает и не хочет знать этого.

— Аксиом Великий знает все.

— А вы рассудите сами, раскиньте своими печатными мозгами-схемами. Если бы Аксиом знал все, зачем бы ему посылать вас на добычу новых знаний, зачем бы списывать из ваших блоков добытое? Если он знает все, он мог бы просто учить вас.

— Он испытывает нас, проверяет, достойны ли мы, хороши или плохи.

— Испытывает! О извечная уловка всех религий! Да если он всемогущ, он может сделать вас безупречными. Если всезнающий, зачем ему испытывать, он и так все знает о вас. Неправда это, не знает он все. Вас посылает на добычу знаний, списывает и присваивает. Вы добываете, а он присваивает. Узнавать -хорошо, бездельничать и присваивать — плохо!

— Кто рассуждение? — переспросил А.

— Самое примитивное. Выявление противоречия между словами и делами.

Машины промолчали, как бы переваривая. Опять скосили друг на друга фотоглаза.

— Повтори алгоритм рассуждения. Мы не сотрем, на этот раз.

— Дважды два — четыре только в математике, — начал я. В природе дважды два — около четырех, больше или меньше. — Распаляясь, с вдохновением твердил я наизусть

все те же истины. Они стали моим кредо здесь, на планете прямоугольных железок, моим гимном неповторимой человеческой гибкости, непредсказуемому своеобразию. Долой несгибаемые аксиомы! Дважды два — около четырех! Три может быть меньше двух!

Свисток оборвал мои речи. Машины подравнялись, повернули антенны в сторону дворца. Видимо, по радио передавался приказ.

И через минуту заговорили хором:

— Приказ Аксиома Безупречного: "Некоторое время тому назад на нашу планету прибыл органогенный агрегат, именующий себя Человеком. После исследования мы, Аксиом Всезнающий, установили, что данный агрегат во всех отношениях отстает от наших подданных, а кроме того, запрограммирован на вредоносный критерий рассуждения, каковое направлено на осмеяние труда исследователей, подрыв и дискредитацию знаний, на кощунственные выпады против аксиом и нас — Аксиома бесконечно благого. Посему повелеваем дальнейшее изучение агрегата прекратить, неудачную конструкцию эту размонтировать завтра на рассвете и отдельные блоки уничтожить за непригодностью для использования. Знать — хорошо, узнавать — лучше, рассуждать — очень плохо. Дважды два — четыре. Три больше двух!"

И от всей жизни осталась одна ночь — единственная.

Меня почему-то еще в молодости интересовало, как я поведу себя, как вообще люди ведут себя перед лицом неизбежной смерти. Хотелось бы, чтобы меня предупредили заранее: осталось полгода, или три месяца, или три недели. Мне казалось, что эти недели я проживу по-особенному, напряженно и значительно, дорожа каждой минутой.

И вот мой срок отмерен и взвешен, надежды нет никакой. Скафандр спрятан, без него не убежишь. Уповать на выручку, на прибытие звездожителей? Но я сам запутал их, поменяв Калинлин на роковую планету Кароп. Не там меня ищут. За месяц не смогли разыскать, едва ли явятся именно

сегодня. Только в кино спасение приходит в последнюю минуту. Тюремщиков уговаривать? Но они ушли.

Остается одно: дела привести в порядок. Что я не успел на этом свете? Что у меня ценного в голове? Немного. Впечатления о планете Кароп, где не ступала нога человека. Значит, надо написать отчет.

И я уселся писать отчет. Тот самый, который вы читаете. Начиная с того дня, когда я сидел над каталогом планет:

"Ць, Цью, Цьялалли, Чачача..."

Я писал неторопливо, отсеивал факты, старательно подбирал слова, хотел последнее дело сделать добросовестно. Исписал целую тетрадь и устал смертельно; закончив, с удовольствием вытянулся в постели. И заснул. А что? Приговоренные к смерти не спят в последнюю ночь?

И сразу же, так мне показалось, стук в дверь. Смерть!

Три непреклонных квадратных лба — А, В и С.

— Пришли за тобой, — говорит А.

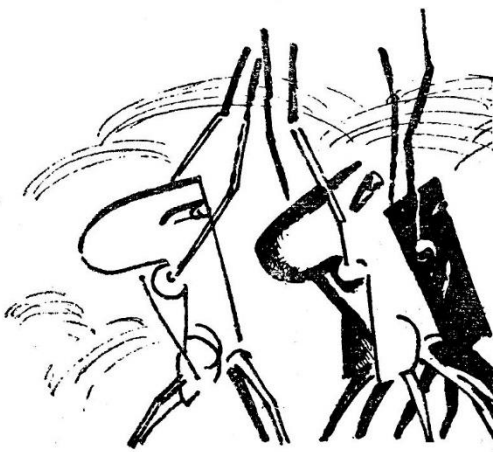
— Сопротивляться будешь? — спрашивает В.

С молча протягивает скафандр.

— У людей есть обычай, — говорю я, — приговоренному к смерти перед казнью исполняют желание. Одно. У меня есть желание: вот эту тетрадь положите в ракету. В ту, на которой я прибыл.

— Прочти, — требуют машины.

Я читаю, даже с излишней медлительностью — время тяну. Наслаждаюсь минутами жизни: так приятно смотреть на буквы, воздух набирать в грудь, слова произносить. И все равно



теплится надежда: вдруг именно сейчас звездожители высаживаются на Кароп, громят подданных Аксиома, спешат на выручку.

К концу замедляю темп. Но все кончается, даже моя история.

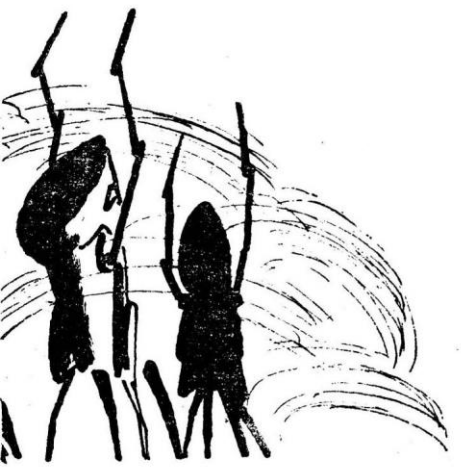
— Скафандр надень, — напоминает С.

Мелькает мысль: застегивать ли скафандр? Зачем тянуть? Выйду из шлюза, и разом смерть. Но нелепая непутевая надежда пересиливает. ще час, еще полчаса. Вдруг в этот момент мои друзья уже возьмут штурмом дворец Аксиома?

Красно-черной, траурной выглядит сегодня планета. В траурных декорациях еду я верхом на голове у С.

Угольное, шоколадное, багровое, охристое, карминовое, вишневое...-какое наслаждение различать оттенки, называть их!

Меня несут куда-то далеко, прочь от завода и дворца, по долине, потом по глубокому ущелью в кромешной тьме. Несут долго. Но я не возражаю. Все, что осталось мне в жизни, — это ехать на стальной макушке, смотреть и дышать.



Опять мы выходим из черноты на красное. Что-то знакомое в этой долине. Как будто бы я был здесь. Ну конечно, был. Я тут совершил посадку. Вот и ракета. Стоит свечкой, как полагается.

Зачем меня принесли сюда? Видимо, выполняют обещание, тетрадку положат в ракету. А что, если — разгорается искорка надежды, — если я покажу, куда класть, а сам включу ракету? В космосе как-

нибудь справлюсь с этими тремя чушками. Человек всегда победит чугунные сейфы. Последнее желание! Ха-ха!

Шагаем прямо к ракете. Остановились. С, наклонив голову, стряхивает меня наземь.

— Прощай, — говорит он.

— Прощай, — вторят А и В.

Не понимаю. Смотрю на их квадратные, ничего не выражающие лица, на матовые, алые от- солнца глаза.

— Вы что? Вы отпускаете меня?

— Знать — хорошо, узнавать — лучше, — говорит В.— От тебя мы узнали, что за горизонтом страна Иначе. Кто уходит на восток, приходит с запада. Твой мир полон неожиданных открытий, он богаче аксиом. Ты не подрываешь знания, ты их продолжаешь и множишь. Аксиом ошибается. Ошибаться — плохо! Если посылка неверна, неверен и вывод. Мы решили, что тебя не надо размонтировать.

Один прыжок, и я у ракеты. Вцепился в поручни.

— Ребята, спасибо... Ребята, прощайте... А вас не размонтируют? (Слабенький укол совести.)

— Мы приняли меры. Когда ты читал, мы транслировали твой отчет по радио. Все восьминулевые за нас.

— Прощайте, прощайте, дорогие, — взбираюсь по лестнице, набираю шифр на замке...

— Прощай! — кричат автоматы. — Узнавать — хорошо! Рассуждать -здорово!

Дверь тамбура открылась, зияет за спиной. Спасен я, спасен! Оборачиваюсь в последний раз, чтобы глянуть на Кароп.

— Счастливого пути, рассуждающий! — кричат машины. — Много нулей тебе! Дважды два — четыре!

— Около четырех! — поправляю я.

И друзья мои металлические повторяют торжественно:

— Дважды два — около четырех! Около!

Сергей Жемайтис

ОСТРОВ ЗАБЫТЫХ РОБОТОВ

Легкий катер "Мустанг" с добродушным урчанием перебирался с одной волны на другую. Вода казалась тяжелой как ртуть, и была такой же серебристо-серой, как и небо, затянутое облаками.

- Осколки циклона, - с сожалением сказал Костя, показывая глазами на небо. - К нам шел приличный циклон, да его расстреляли возле Суматры. Теперь мы с тобой можем рассчитывать самое большее на свежий ветер.

Я молчал, слушал и любовался пастельными тонами неба и воды. Мне порядком надоел ветер.

Позади остался пестрый буй, отмечающий восточный угол загона для китовых акул. Нас провожает веселая ватага дельфинов Тави и Протея, охраняющих границы ферм и плантаций. Недавно их сменили другие часовые-дельфины, и двое друзей с радостью увязались за нами. Костя перевел рулевое управление на автоматику: мы должны были пересечь строго по прямой сто километров еще не освоенной целины, взять пробы воды и составить график плотности планктона на этой акватории. Костя возложил на себя, по его мнению, самую "трудную" часть работы: он сидел в прохладном шкиперском кресле, вертел в руках какую-то проволочную штуковину, поглядывал на лаг, подавал мне команды. А я, свесившись за борт, с трудом зачерпывал воду в длинный узкий стакан емкостью в пятьсот кубиков. Я беру пробы через каждые двести метров. Не так просто набрать воды, перегнувшись за борт на довольно быстром ходу. Я уже утопил один стакан. И нет гарантии, что такая же участь не ждет весь комплект лабораторной посуды. Костя делает вид, что не замечает моих мучений, и все-таки, кажется, его слегка мучает совесть, потому что он все время старается развлечь меня местной хроникой новостей. У

Кости замечательная особенность - ничего не пропускать мимо. Он знает все, что творится на нашем острове и в лагуне, где через своего друга дельфина Протея он завел обширные знакомства среди приматов моря.

Костя вдруг захохотал, передвинул белую широкополую шляпу на затылок:

- Пока мы плескались в лагуне, жена биолога Нильсена - Гера улетела на попутном гидролете. Опять зачерпнул половину. Набери еще. Не ленись. Сопротивляйся всеми силами одолевающим тебя порокам. Вот и молодец. На нее сильное впечатление произвели желтые крабы. Вчера несколько экземпляров сделали ей ночной визит. Некоторым так понравился остров, что они не хотят возвращаться в море, вырыли себе норы в кокосовой роще или облюбовали трещины в базальте и после заката солнца бродят по острову. Она сказала мне на прощанье: "Я восхищаюсь вашим героизмом, но я сама больше не в силах. Они стали прыгать с потолка, когда я была еще в постели". Представляешь сцену? Да! Я утром перекинулся парой слов с Лагранжем. Сегодня будут устанавливать датчики в голове Большого Жака. Неужели и у кальмаров есть что-то похожее на разум? Я - за! Жак относится к самому совершенному виду в генеалогическом древе головоногих. И если у него такой сверхмощный аппарат воздействия на психику окружающих, то почему бы и не быть каким-то зачаткам ума. Лагранж говорит, что они сконструировали прибор, улавливающий гипнотизирующие излучения Жака. Где найти время? Как бы мне хотелось заняться и этой проблемой!

Я его почти не слушал, брал пробы воды и одновременно предавался размышлениям...

Вот уже месяц, как мы живем на плавающем острове, сооруженном из литых базальтовых блоков. Это один из множества искусственных островов, разбросанных в просторах Мирового океана. На нашем острове обязательная биостанция, многочисленная колония дельфинов и китовая ферма; она-то и привлекла нас больше всего, когда надо было

выбирать место для летней студенческой практики. Костя болтал без умолку под аккомпанемент моря, а я черпал воду и почему-то вспоминал первый вечер на острове...

Океан отходил ко сну. Пассат чуть дышал. Двадцатиметровые колеса воздушных генераторов вращались так медленно, что можно было пересчитать их блестящие лопасти. На западе стояла перламутровая стена, вся она трепетала и переливалась. Где-то там, за этой радужной стеной, умирала "Адель" - по старой традиции циклоны носили женские имена. Туда с нашего острова весь день летели метеорологические ракеты, нацеленные в эпицентр вихря - сердце "Адели". Она тщетно стремилась уйти, вырваться из-под метких ударов. Но у нее не хватало сил: к нам она подошла уже порядком израненная после бомбардировок с воздуха и обработки конденсаторами водяных паров.

Мы с Костей сидели под силиконовым колпаком на вершине смотровой башни. Вернее, я сидел, а Костя стоял и смотрел на радужную стену, чему-то улыбался, барабаня пальцами по толстой прозрачной стенке. Колпак слегка раскачивался, создавая полное впечатление, что мы висим в гондоле учебного аэростата для тренировочных прыжков с парашютом. Хорошо и немного жутковато болтаться на шестидесятиметровой высоте.

В океане отражались краски перламутровой стены. Милях в трех мелькали темные спины китов, они паслись на планктоновых полях. К острову возвращались дельфины, закончившие вахту у загонов синих китов и рыбных питомников. По дороге дельфины устроили какую-то веселую игру, что-то вроде пятнашек. В лагуне под нами (башня стоит на ее правом крыле) тоже плавали дельфины; было хорошо видно, как они совершали в прозрачной воде сложные построения, а затем одновременно стремительно бросались вперед, вдруг строй рассыпался, и все начиналось сначала...

Я утопил еще один стакан.

Костя сказал, что больше не может равнодушно наблюдать за гибелью лабораторного оборудования, и с гримасой

страдания на лице поднялся с кресла. Проволочная штуковина, которой он забавлялся все это время, оказалась специальным держателем для стаканов.

Косте теперь совсем не надо свешиваться за борт. Он зачерпывает воду и подает мне стакан для анализа. Всю эту работу прежде делал я один. Но с Костей спорить невозможно, если дело касается распределения труда.

- Неблагодарный! - ответил он мне на мою слабую попытку восстановить справедливость. - Ты забываешь о полученной информации и тех затратах интеллекта, которые у меня пошли на это.

Я блаженствую в прохладном кресле. Несложная работа доставляет мне наслаждение. Даже не сама работа, а все в комплексе: и шутливые препирательства с Костей, и соленые брызги, перелетающие за борт, и овевающий прохладой пассат, и главное - ощущение бескрайнего простора и свободы.

Тави и Протей гоняются за летучими рыбами. Нужны сверхловкость, сила, скорость, чтобы поймать рыбу на взлете. Рыба вылетает из воды с большой скоростью, и надо ухитриться схватить ее у самой воды. Через мгновение она становится уже недосягаемой. Конечно, для дельфина не составляет большого труда схватить рыбу в момент приводнения. Только какой истинный спортсмен пойдет на это? Тави с Протеем по очереди делали попытку поймать летучую рыбу. Один выгонял ее из воды, второй, получая сигналы загонщика, мчался по поверхности. Им не везло: каждый раз рыба вылетала то справа, то слева от охотника или же на несколько метров впереди. Увлеченные состязаниями, дельфины далеко уклонились от курса

"Мустанга" и, наконец, совсем исчезли в синей сверкающей дали.

- Необыкновенный народ! - воскликнул Костя, вскочив на планшир и глядя в сторону исчезнувших дельфинов. Спрыгнув в катер, он застыл со стаканом в руке; постояв несколько секунд, он задал один из своих неожиданных вопросов:

- Ив, тебе никогда не хочется превратиться в дельфина?

- Мы и так почти как дельфины, даже рыбы, когда плаваем, надев искусственные жабры.

- Да... почти. А вот как они: ловить летучих рыб; мчаться со скоростью ракеты, биться с акулами; ночью охранять соплеменников от пришельцев из бездн? Словом, чувствовать себя не гостем, а частицей океана? - Костя поморщился. - Если бы только не надо было глотать сырую рыбу. Хотя можно питаться устрицами! - Найдя блестящий выход, Костя стал насвистывать победный марш из "Веселых креветок".

Дельфины почему-то не возвращались. Я сбавил обороты двигателей. Прошло полчаса, дельфинов все не было. Костя предложил поднять сторожевую "бочку" и, конечно, мне самому осмотреть горизонт. Я не стал спорить. Высоты я не боюсь и всегда не прочь покачаться в "бочке" из тонкой проволоки, помещенной на конце двадцатиметровой складной конструкции...

Я сразу увидел их милях в десяти. Они шли к нам на предельной скорости. Я уже хотел сказать Косте, чтобы он спускал меня, как, бросив случайно взгляд в сторону от дельфинов, заметил характерные всплески. Наперерез Протею и Тави, пожалуй, с еще большей скоростью шла стая косаток. Вторая стая стремилась отрезать дорогу к нам с другой стороны, и еще несколько косаток наседали сзади. Услышав о косатках, Костя мигом все понял. Через несколько минут, "срубив мачту", мы уже неслись на выручку. Катер ревел, перелетая с волны на волну. Костя сидел за штурвалом, вобрав голову в плечи, словно приготовившись к прыжку. Я

смотрел вперед под защитой ветрового стекла, по правде говоря, не представляя, что мы сможем сделать с таким количеством косаток. Сквозь рев, шум и плеск до моего слуха донеслось:

- Ружье! Бери... Осел! В левом рундуке!

Я не обиделся на "осла" и поспешно вытащил карабин, стреляющий отпугивающими гранатами. Как жаль, что не было ампуломета или оружия еще посерьезней!

Костя вел "Мустанг" на самый большой отряд косаток. До него было еще около мили, но я не вытерпел и выстрелил.

Костя кивнул:

- Правильно! Пали еще. Пусть почувствуют, что мы с ними не намерены шутить.

Действительно, мы должны были сбить их с толку, предупредить, что их ждут неприятности.

- Стреляй! - орал Костя.

Мы были уже в двухстах метрах от ближних косаток.

- Еще!

Я нажимал на спуск. Шумовые гранаты лопались в воде и в воздухе несколько в стороне от косаток. Все же они отвернули в сторону и скрылись под водой, уходя от "Мустанга".

Костя крикнул что-то предупреждающее. Я не расслышал, но понял смысл команды, когда больно ударился о борт, брошенный на него инерцией: "Мустанг" круто развернулся, Костя повел его на другой отряд, но уже сбавив скорость, дав Тави и Протею подойти поближе к борту, под защиту моей "артиллерии".

Второй отряд косаток тоже уклонился от встречи, скрывшись под водой.

Костя включил ультракоротковолновый гидрофон и спросил дельфинов, не было ли среди косаток Черного Джека. Механический переводчик тотчас выдал их ответ, что Джек находился в третьем, замыкающем отряде и что они слышат его сигналы в миле отсюда.

Черный Джек - настоящий пират. Он причинил массу бед жителям многих плавающих островов. Со своей стаей Черный Джек врывался через защитные заграждения в питомники для рыб и выгонял их в открытое море, убивал сторожей-дельфинов, нападал на китов. Но еще не было случая, чтобы он атаковал людей.

Я предложил отступать к ближайшему атоллу, хотя в его лагуну заходить не разрешалось. Но у нас не было выхода.

- Бежать? - возмутился Костя. - Мне стыдно перед Тави, Протеем и даже перед "Мустангом"! Ни в коем случае! Они не посмеют напасть.

- Посмеют!

- Ну это мы еще посмотрим. По правде говоря, мне было жаль Черного Джека, когда его травили, но сейчас, если он посмеет...

На маленьком экране видеофона, вмонтированном на приборной панели, появился Лагранж. Он сегодня нес дежурство по острову. Выслушав Костино сообщение, биолог потер руки:

- Счастливцы! Вам удалось встретиться с самим Джеком. Первый случай за последние две недели! Как жаль, что у вас нет метателя для ампул и даже просто ампул. Возможно, вам посчастливилось бы гораздо больше, нежели ребятам с "Кальмара". Держитесь, я сейчас вышлю к вам всю эскадру реактивных катеров, и нахальный Джек будет взят под стражу. Советую не подходить к нему особенно близко и не демонстрировать агрессивных намерений. Помимо ракет, поднимаю в воздух "Колымагу", набитую снотворным, - Лагранж помахал рукой, подмигнул и исчез.

Мы находились в пятидесяти милях от плавучего острова. Помощь с моря могла подойти только через полтора часа, учитывая сборы, и, конечно, в том случае, если мы будем держаться на месте. Вся надежда была на гидросамолет "Колымагу". Но неожиданно стала портиться погода; усилился ветер. Косатки скрылись, вернее, их трудно было различить на большом расстоянии среди белых гребней волн.

Барометр падал с утра, к вечеру ожидались довольно сильный ветер и волнение, да этому никто не придавал особого значения. У нас всегда дует ветер и океан гонит бесконечные гряды волн. А "Мустанг" рассчитан на борьбу с ураганом любой силы. В крайнем случае он может перейти на подводное положение и переждать бурю на глубине 15-20 метров.

Развернув катер против ветра, мы держались почти на месте. Наши дельфины-разведчики время от времени сообщали о положении противника, да мы и сами слышали косаток через гидрофон. Спустя несколько минут после разговора с Лагранжем они оставались на прежнем расстоянии от нас. Затем стали удаляться. Соответственно, мы прибавили скорость. Противник применил свою излюбленную тактику, так по крайней мере нам показалось вначале. Джек, думали мы, рассредоточил свой отряд.

Костя сказал:

- Сейчас пойдут в разные стороны, и опять мы останемся с носом. Если бы удалось определить курс Джека! - он в гидрофон приказал дельфинам держаться ближе к "Мустангу".

Тави и Протей сообщили, что приняли приказ. И вдруг в гидрофоне раздались какие-то странные звуки. Они то нарастали, то становились едва слышными.

- Джек запел "песню смерти"! - крикнул Костя. - Кажется, он действительно собирается на нас напасть.

Ветер завыл в ушах, и наш катер чуть не накрыло волной. Костя круто развернул "Мустанг" и включил двигатели на полную мощность.

Когда я догадался нажать на кнопку с надписью на ней "Полная герметизация" и нас накрыла прозрачная кабина, Костя посмотрел на меня.

— Вот не было печали, - сказал он радостно. - Впрочем, нет худа без добра. Я успел записать "песню смерти", а, насколько мне известно, не многие могут похвастаться такой записью в своей фонотеке.

Лагранж передал, что катера вышли, а "Колымагу" готовят к вылету и через несколько минут она поднимется в воздух. Летят Петя Самойлов и его друг Ки.

- Я бы на вашем месте не трогал сегодня "Колымагу", - сказал Костя. Ветер так посадит ее на воду, что ей не взлететь.

- Возможно, и я рассуждал бы так же, будь на вашем месте, - засмеялся Лагранж и, глянув в сторону, добавил: - Они уже поднялись.

Слушая диалог между Лагранжем и Костей, я с минуту перестал наблюдать за морем и когда бросил взгляд на побелевшие валы, то увидел огромное тело косатки, скользившее в пене, в каких-нибудь ста метрах. Сразу бросался в глаза очень темный цвет ее кожи, почти черный.

"Джек!" - подумал я, невольно любуясь близким родственником наших дельфинов.

- Убийца! Убийца близко! Он слева! - послышались из гидрофона голоса дельфинов.

Голос механического переводчика в гидрофоне звучал ровно и спокойно, без тревожных интонаций, а между тем это был предостерегающий крик наших друзей. Я открыл иллюминатор и выстрелил. В грохоте урагана раздался бессильный, еле слышный хлопок.

Я видел, как Тави рискованно жмется к самому борту.

Джек, а это действительно был он, прошел очень близко. Мне показалось, что он зловеще скалит зубы.

"Мустанг" мчался на предельной скорости, возможной при таком волнении. Косте часто приходилось убавлять обороты моторов, особенно когда мы взлетали на гребень. Достигнув вершины волны, катер срывался, летел по воздуху с десяток метров и шлепался о воду, поднимая фейерверк брызг и зарываясь носом так, что вода прокатывалась через кабину.

Тави и Протей держались возле "Мустанга". Один с правого борта, другой с левого. Через двадцать минут гонки они стали отставать, так как волна прошла круче и им

приходилось большие расстояния проплывать под водой, так же, как и нам пробивать волны.

Косатки со всех сторон замелькали в бушующем море. Все ближе, смелее они подходили к нам. Дельфины замолчали, приготовившись к последней схватке. А может быть, они все еще надеялись на наше могущество, которое они считали беспредельным?

Из иллюминатора хлестнула упругая струя воды, обдав нас с головы до ног.

Костя только мотнул головой, что-то отвечая Пете Самойлову, летящему на "Колымаге", и ребятам, спешащим к нам на катерах.

Нас снова накрыло волной. В мутном зеленом свете через крышу прозрачной кабины я увидел силуэты дельфинов, над ними мелькнула длинная тень косатки.

Трудно сказать, почему медлили косатки. Возможно, Черный Джек считал, что дельфинам все равно не уйти, и вел с ними жестокую игру. Или же он опасался, нет ли у нас про запас какого-нибудь неожиданного оружия. Схватки научили Джека осторожности. Так или иначе промедление врага спасло Тави и Протея.

- Идиоты! - сказал Костя, поворачивая рычажок на панели управления, и скомандовал в гидрофон: - Заходите в санитарный отсек, на корме, сбоку, скорее!

- Кого ты имеешь в виду? - спросил я. - И о каком отсеке ты говоришь?

- Идиоты мы с тобой, - Костя с облегчением вздохнул и улыбнулся. - И ты и я. Забыли, что идем на санитарной машине с кабиной для перевозки больных дельфинов. Они уже там! Прекрасно! - Костя поставил рычажок на панели управления в прежнее положение и посмотрел на экран локатора. Прямо на нас двигалась зеленая, искрящаяся точка. Костя

слегка отвернул в сторону. Точка устремилась теперь под углом к "Мустангу": одна из косаток шла на таран. Через несколько мгновений она врежется в борт и пробьет обшивку. Я, как загипнотизированный, смотрел на зеленую точку. Костя повернул катер прямо на атакующую косатку. Я закрыл глаза и впился руками в поручни, ожидая страшного толчка. Катер только сильно вздрогнул. Косатка прошла, лишь слегка задев "Мустанг" по правому борту. В последний момент Костя ухитрился увильнуть от прямого удара.

Атака следовала за атакой. Черный Джек, наконец, понял, что "Мустанг" не может постоять за себя.

Все время нас дружески подбадривали ребята, идущие на выручку, хотя они находились еще очень далеко, потому что косатки не дали нам повернуть к острову, и мы уходили от него на предельной скорости, возможной при таком ветре и волнах. Все надежды мы с Костей возлагали на Петю и Ки, летевших на "Колымаге". Они уже несколько раз пронеслись где-то над нами и, как радостно сообщил Петя Самойлов, высыпали "прямо нам на голову" два контейнера ампул с усыпляющим ядом. И промазали, что было не мудрено при таком ветре и значительной высоте, на которой шла "Колымага". Ниже опуститься они не могли без риска рухнуть в бушующий океан.

Я предложил Косте прорваться из окружения и идти навстречу спасателям. Костя покачал головой.

- На повороте мы потеряем скорость, и тогда...

Действительно, все наше спасение теперь было в скорости. Косатки вряд ли могли протаранить "Мустанг", не имея преимущества в скорости.

Время от времени корпус нашего катера вздрагивал: то одна, то другая косатка выжимала все, что могла, и ударяла носом в корму. С борта зайти им уже не хватало сил.

- Выдохлись, - сказал Костя, не спуская глаз с залитого водой стекла.

Волны стали выше, а склоны их более пологими. С пенистой вершины "Мустанг" прыгал теперь еще дальше. От

ударов о воду гудело в голове, сиденье податливо уходило вниз, и поэтому экран эхолокатора, за которым я следил, взлетал вверх. Я боялся за жизнь Тави и Протея: хотя стены отсека покрывал толстый слой губчатого пластика, к тому же там поддерживался необходимый уровень воды, все же кабина рассчитывалась на перевозку в ней дельфинов не на такой скорости.

На экране видеофона появилось лицо Лагранжа. Он улыбался несколько виновато и беззвучно шевелил губами. Наконец, поняв, что мы его не слышим, он сделал движение руками, показывая, что надо медленно разворачиваться вправо. "Мустанг" сорвался с гребня волны, шлепнулся так, что у меня потемнело в глазах, и экран погас.

Хотя "Мустанг" и был рассчитан на всякие передряги, наверное, сказалась старость, а может быть, его давно подтачивали какие-то кибернетические болезни, и вот отказали его речь и зрение.

- Опять нас учат, - печально сказал Костя. - Советуют развернуться вправо и получить пару ударов в бок.

От сумасшедшей тряски и ударов вышла из строя и наша радиостанция. Правда, не совсем - некоторое время еще работал приемник, но с перебоями.

Петя Самойлов и Ки опять где-то пролетели над нами и высыпали очередную дозу снотворного. Чтобы нас подбодрить, кто-то на одном из катеров рассказывал, как в прошлом году он сам очутился чуть ли не в худшем положении во время экспедиции в Антарктику. Приемник все время делал паузы, и мы так и не узнали, что же случилось с этим парнем в Антарктике. Несколько раз прорывался голос Лагранжа. Из обрывков его фраз можно было понять, что впереди нас ждет какая-то новая опасность.

- Наверное, он имеет в виду рифы, - сказал Костя. - Только я учел эти самые "Черепашьи камни", они остались северо-западнее, не то бы мы давно уже налетели на них. Мне, по правде говоря, не хочется иметь сейчас дело с рифами.

Костя, сосредоточенно молчавший последние несколько минут, неожиданно разговорился. Молчаливое напряжение, чувство ответственности давили его, ему надо было как-то подбодрить себя, перейти на другой ритм, и он стал говорить, говорить без умолку.

- Держись! Хорошо! Молодец старый конь! (Это в адрес "Мустанга".) Но, но, веселей поднимайся в гору. Они совсем отстали. Сейчас положу право на борт! Нет, еще рановато. Крайний слеза так и ждет, чтобы броситься в атаку. Только попробуй...

Великий Кальмар и вся нечисть глубин! - неожиданно выругался Костя. Кто это выключил гидрофон? Неужели я сам? То-то, чувствую, чего-то не хватает. Как там Протей? Протей! Жив, дружище?

В тот же миг Протей ответил:

- Впереди "твердая смерть"!

Мы поднялись на гребень, и через экран локатора протянулась сверкающая полоса и тут же погасла: мы скатывались в "долину".

Лот показывал тридцать метров.

Как далекий гром рокотал прибой.

Костя посмотрел на меня. В глазах его мелькнула растерянность. То же самое он, наверное, увидел и в моем взгляде, и к нему вернулась прежняя сосредоточенность. Суставы его пальцев, сжимающие штурвальное колесо, побелели. Он не изменил курса, а вел "Мустанг" прямо на рифы. Я протянул руки, чтобы повернуть колесо.

- Оставь... Только так. Единственный выход!.. Пройдем на гребне...

Костя стал сбавлять обороты двигателей. И скоро я заметил, что мы держимся на гребне водяной гряды, летевшей к рифам. Волна мелководья стала расти, катер высоко задрал нос, мы уже не видели бушующей пены на рифе, только грохот сотрясал весь "Мустанг" и все наши внутренности.

Заскрежетало по днищу. Катер развернулся лагом, то есть боком к волне, затем его стало вращать вдоль продольной оси, ударился прозрачным куполом о скалу, и наступила тишина.

После скачки и судорожных прыжков "Мустанг" будто переминался с ноги на ногу. Я открыл глаза, стараясь понять, что произошло.

Низко, над прозрачным куполом кабины пролетали синеватые клочья туч. Ухали и шипели волны, омывая мою гудящую голову, и бежали по лицу, шее, стекая за воротник рубашки.

- Наконец-то ожил, - услышал я знакомый голос.

Повернув голову, я увидел Костю с термосом в руке. Тоненькая струйка стекала из блестящего изогнутого носика термоса мне на голову. Ледяная вода приятно обжигала кожу.

— Вот и все, - Костя заглянул в термос и бросил его в сторону.

- Что все? - спросил я чужим голосом. - Вода кончилась?

- И вода, и ты, наконец, открыл глаза. Ох, и повозился я с тобой. Сидишь, блаженно улыбаешься и мычишь, как глухонемая сирена. Должен признаться, что ты дьявольски напугал меня. Почище Джека. Почему ты не пристегнулся ремнем?

- Сам-то пристегнулся?

- Я - другое дело. У меня есть опыт кораблекрушений.

— Это с яхтой?

- Хотя бы.

- Но и я ведь тоже там был!

- Мало находиться. Я говорю об опыте. Вот и сейчас, какой ты извлек опыт? Боюсь, что никакого, - Костя ощупал меня взглядом и спросил голосом капитана из пиратского романа: - Проверь, цел ли корпус, шпангоуты, рангоут.

- Рангоут? Ничего не соображаю!

- Я имею в виду исключительно твою особу. Ну, целы руки, ноги и не болит ли в грудной клетке, в животе?

- Как будто нет. Вот только слегка голова.

Костя засветился в улыбке.

- Как мне пригодился опыт "бегущего по волнам"?! Помнишь, как я катался на доске? На Гавайях прибой повыше! Ты заметил, как ловко, прямо-таки изящно, я взял этот барьерчик?

- Ничего себе изящно, - я нащупал на голове шишку с кулак величиной.

Не обратив на мой жест никакого внимания, Костя продолжал хвастаться:

- И я не удивляюсь, что так все ловко получилось. Вот что значит сбалансированность рефлекторной деятельности!

- У кого?

- Не догадываешься?

Наверно, я и в самом деле здорово ударился головой, потому что только после этих слов вспомнил о Тави и Протее, и мне по-настоящему стало плохо. Прошиб пот, и закружилась голова. Я показал глазами на корму.

- Все в порядке, хотя им досталось несравненно больше, чем тебе, успокоил Костя. - Я раскрыл створки их каюты еще до того, как нас первый раз ударило о коралловый кустик. Я видел, как они ушли в море. Связь же с ними прервана. Наш переводчик молчит, и вообще все молчит! - Костя захохотал и шлепнул рукой по приборам.

Наверное, на моем лице до того выразительно отразилась мелькнувшая было мысль, что Костя, подмигнув, сказал:

- Не бойся, у меня все в порядке. А то, что я несколько возбужден, то это вполне объяснимо. Неужели ты сам не доволен, что все так здорово получилось? Черный Джек остался с носом. Мы вблизи настоящей земли или около нее - видишь, темнеют пальмы? Стекло все в трещинах, ты посмотри вот сюда, пониже. Видишь? Мы надежно укрылись за барьерным рифом. Минут через тридцать подойдут сюда ребята. Надо покопаться в электронике. Помнишь, когда-то

мы с тобой собирали неплохие транзисторы? - Он посмотрел на меня как заговорщик. - Неплохо было бы вообще потерять на время все средства связи. Только ребят жалко, начнут поиски во всемирном масштабе. Соберется флот Индийского и Тихого океанов, налетят аэропланы, не считая нашей "Колымаги". В наше время трудно потеряться. Хотя... У меня возникла одна гениальная мысль. Но пока это тайна.

С помощью аварийного устройства мы еле убрали кабину, правда, не полностью, все же теперь можно было выбраться из катера, подойти к берегу и бросить якорь. Я прыгнул на землю, а Костя копался еще минут двадцать в чреве "Мустанга", все время насвистывая бравурный марш из "Веселых креветок". Под звуки этого же марша он вылез из люка и, продолжая насвистывать, стал рассматривать низкий берег с редкими, торчавшими вкривь и вкось пальмами. За узкой полосой суши синела подернутая рябью лагуна. Не поворачивая головы, Костя сказал:

- Мне все больше нравится это тихое местечко. «Ты знаешь, - сказал он вдруг подозрительно скорбным тоном, - мне таки не удалось наладить двигатель: замыкание в сети». Передатчик тоже поработает еще немного, и все. - Последовал глубокий вздох и приказание в виде просьбы: - Не мог бы ты сказать пару слов в эфир насчет нашего "бедственного" положения? Денек-другой мы провозимся с машиной. Скажи, что "Мустанг" сейчас похож на жестянку, набитую хламом. Или лучше помолчи об этом, а не то еще высадят парашютные десанты.

* * *

Вокруг острова, даже с подветренной стороны, вода кипела, разбиваясь о коралловые рифы. Как ни хитрил Костя, а в тот день нам все равно не удалось бы возвратиться домой. С моря атолл был практически недоступен. Едва ли кто-нибудь из командиров катеров решился бы проделать

то, что сделали мы с Костей. А вырваться в море отсюда было еще сложнее.

Мы провели катер к широкому каналу, облицованному плитами из кораллового известняка. Волны уже сбросили часть покрытия с его берегов, все же канал выглядел еще как солидное гидротехническое сооружение. При входе по обеим сторонам стояли изгрызенные волнами невысокие башни из серого бетона; развалины каких-то странных сооружений непонятного назначения виднелись по берегам, облицованным такими же плитами, как и стенки канала.

Мы не особенно удачно выбрали место для стоянки на берегу: негде было укрыться от ветра, а за стенами развалин темнела вода. Здесь росло несколько кокосовых пальм.

За белой линией прибоя мелькали длинные корпуса ракет. Они рыскали, пытаясь нащупать косаток. Наконец, поняв, что Джек увел свой отряд, ребята отсалютовали нам серией разноцветных ракет, построились в кильватер, взяли курс на северо-восток.

Когда Костя вышел на берег, меня заинтриговало выражение его лица. После всех передряг глаза его сияли, а физиономия лучилась от радости.

- Все-таки я включил передатчик, - крикнул он мне на ухо, потому что ветер свистел в ушах: отрывал слова от самого рта и уносил в грохочущий океан. - Когда услышал, куда мы с тобой попали, появились дополнительные вопросы. Да, да! У меня, конечно. Нам не выбраться отсюда, пока не утихнет ветер. А ты сам знаешь, что у него достаточный запас сил! Ни за что не отгадаешь, куда нас загнал этот проклятый Джек. Все ребята сходят с ума от зависти! Даже Нильсен, сменив Лагранжа, сказал, что завидует нам.

- Видимо, чтобы подбодрить нас?

Костя округлил глаза, фыркнул:

— Это же остров "Икс", или "Кольцо из яшмы". Вот куда нас загнали косатки! Нильсен сказал, что к нему даже дельфины избегают подходить.

Об этом острове я слышал как-то мельком от Пети Самойлова. Ничего толком он и сам не знал о нем, кроме того, что несколько лет назад здесь погибло несколько человек при попытке преодолеть линию прибоя. С тех пор вообще запрещено посещение острова судам всех категорий, только гидролеты могут садиться на поверхность лагуны, и то по специальному разрешению. Как-то во время дежурства, рассматривая карту на Центральном посту, я обратил внимание на крохотный кружок среди рифов и еще раз подивился разнообразию творческих возможностей природы. На этом мой интерес к острову угас, к тому же каждый день приносил столько впечатлений, что остров "Икс" затерялся в них, как в пене прибоя.

- Нильсен сказал, что он искусственный! - кричал Костя мне в ухо. - Лет сто назад его построили... направленные взрывы. Литературы почти не сохранилось... До сих пор загадка. Они запросили исторический архив... Займемся...

- Чем займемся?

- Исследованием... Раскопки...

- У нас нет даже лопаты.

- Найдем! - уверенно, как всегда, заверил Костя и предложил пока отметить начало "великих работ" пиршеством.

Внезапно почти совсем стих ветер. Мы чуть не упали, потеряв точку опоры. Оттого, что прекратился свист в ушах, прибой загрохотал сильней. Мельчайшая водяная пыль оседала туманным облаком.

Костину затею развести костер и устроить пиршество сорвал ветер. Стихнув, было, он набрался сил и так подул, что ореховая скорлупа, которую мы насобирали с большим трудом, была поднята в воздух и брошена в воду.

Мы забрались на "Мустанг" и стали выбирать более приличное место для лагеря. В западной части кольца суша несколько расширялась, и там ветер трепал рощу кокосовых пальм. Наверное, из-за этой рощицы остров носил второе романтическое название - "Кольцо из яшмы".

- Почему из яшмы? - спросил Костя. - Лучше с яшмой. И то при необыкновенном воображении. Хотя если смотреть со спутника, то, возможно, колечко покажется зеленым среди белой пены.

Мы пересекли лагуну, и возле берега катер попал в "мертвую зону". Пальмы самоотверженно защищали крохотный клочок воды и суши. Здесь мы нашли остатки лестницы из зеленого цемента, спускавшейся к воде. Я продел линь сквозь большое бронзовое кольцо в причальной стенке и стал подтягивать катер кормой к берегу. Кольцо печально звенело, ударяясь о камень.

- Смотри! - сказал Костя с дрожью в голосе. - Здесь десятилетия не ступала нога человека. Какое великолепное запустенье!

Мы стояли на уцелевшей зеленой ступеньке и как первооткрыватели смотрели на долгожданный берег. Тесно росшие стволы пальм, шурша косматыми макушками, образовывали стену, в узких промежутках между деревьев и на опушке разросся густой кустарник. Вымощенную камнем площадку причала покрывали сухие листья пальм. На них кое-где виднелись кокосовые орехи. Сновали большие сухопутные крабы - кокосовые воры. Пробежала поджарая рыжая крыса, с любопытством посмотрев на нас.

Провожая взглядом крысу, Костя заметил недовольным тоном:

- Я никогда не питал дружеских чувств к крысам. Хотя этот вид, кажется, питается только орехами, и то потому, что у них нет выбора. Придется использовать оазис под столовую, а ночь провести на нашем верном "Мустанге".

Сухая скорлупа кокосовых орехов оказалась великолепным топливом, горела медленно, давала много тепла и углей. Я без труда поймал в лагуне двух морских попугаев. Костя ловко вскрыл им внутренности, потом поднял сухой пальмовый лист, очистил черенок и насадил на него тушки рыбы.

- Самый древний способ приготовления пищи на огне, - сообщил он мне таким тоном, будто только что возвратился из экскурсии в каменный век. Жаль, у нас нет пряностей...

Я слушал и вибрационным ножом снимал с кокосовых орехов волокно и проделывал в них отверстия. Большинство орехов давно созрело, и в них было мало сока или же он испортился, все же несколько штук оказались наполненными прохладной и необыкновенно приятной на вкус жидкостью. Я расставлял эти естественные чаши с драгоценным соком на камнях древнего причала и думал: кто ходил по нему? Для чего и кому среди рифа понадобилось это коралловое кольцо? Тогда еще не знали, что острова можно отливать из камня?

Я только хотел поделиться своими мыслями с Костей, как и он и я одновременно услышали треск в чаще. Кто-то пробирался к лагуне, ломая кустарник; слышались тяжелая поступь, скрип песка, звон подошв о камень.

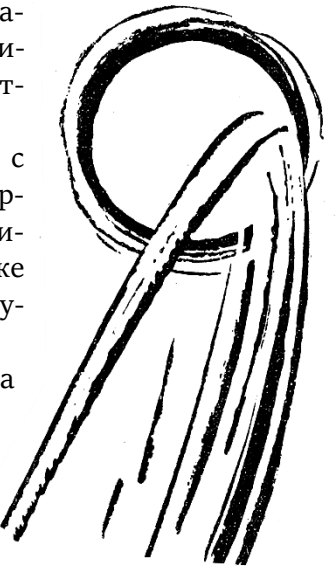
- Пообедаем втроем, - весело сказал Костя. - Хотя кто бы это мог быть? Неужели...

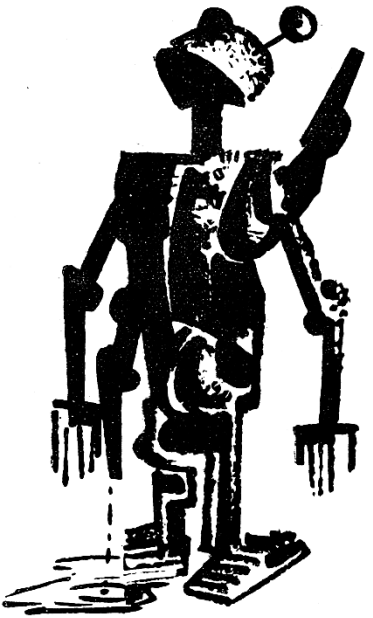
Костя не закончил фразы, как из самой гущи кустарника ударила мощная струя воды и в мгновение ока смыла костер и жаркое. Мы сидели в некотором удалении от огня, и это избавило нас от серьезной опасности. Струя воды била до того сильно, что, попав в трещину, выворотила кусок зеленого цемента. Все это мы по-настоящему осмыслили потом, когда опасность миновала и можно было понять, что произошло, а в первые мгновения нас парализовала внезапность и особенно необъяснимость атаки водяной струей. Мы

сидели ошеломленные, инстинктивно закрыв лица руками от водяных брызг, затем, как по команде, откатились в стороны и вниз к лестнице.

Струя воды, иссякая, с шипеньем уползала в кустарник. Скрючившись, мы сидели на верхней ступеньке лестницы, не рискуя высунуться.

Костя посмотрел на меня, пожал плечами, фыркнул, вытер воду с





лица и громко спросил:

- Кто это вздумал так мило шутить?

В ответ раздались скрип, характерное шипенье, нас обдало водой. На этот раз струя была направлена вверх и на нас падала дождем.

Делая мне знаки, чтобы я не шевелился, Костя приподнял голову над срезом причала. Лицо его выразило такое удивление, что и я поднял голову и удивился не меньше моего друга. На опушке метрах в двадцати от нас возвышалась громоздкая фигура

робота. Он был неуклюж, и, видно, его изготовили еще в те времена, когда на внешнюю форму машин такого рода не обращали достаточно внимания, а возможно, что своим создателям он казался образцом элегантности. Но сейчас поражала громоздкость всей конструкции. Тяжелый торс, лишенный ног, передвигался на тележке с гусеничным ходом, по бокам и на спине робота вздувались цилиндрические баллоны. У него не было "глаз", а только спереди и с боков круглые черные мембраны. (Как выяснилось позже, такая же мембрана находилась у него и на затылке.) У робота было четыре руки: две длинные, безжизненно свисавшие почти до земли, две покороче держали блестящие брандспойты: один из них не действовал, из второго била в небо голубая струя морской воды. Когда-то довольно нарядное покрытие из разноцветной эмали потрескалось на туловище и руках, эмаль местами отвалилась, обнажив ржавое железо.

Мы отошли в сторону, подальше от действующего брандспойта, и рассматривали странное создание.

- Он явно хочет потушить солнце, - сказал Костя. - Смотри, шланг точно направлен на наше бедное светило. Ему мало нашего костра.

Костя оказался прав. Как только выглянувшее было солнце закрыла туча, робот выключил подачу воды.

- Пожарный робот, - продолжал Костя. - Музейный экспонат, ничего подобного я еще не видел. Эй, парень! Ты зачем залил наш костер? - крикнул Костя.

Робот безмолвствовал. Видимо, он реагировал только на инфракрасные лучи определенной силы.

И Костя подумал об этом же, потому что предложил:

- Давай испытаем этого дядю?

Мы, с опаской поглядывая на робота, углубились в рощу и принесли ворох сухих листьев, подожгли, и только успели отбежать в сторону, как пожарник смыл и этот костер.

- Нет сомнений! - сказал Костя. - Робот реагирует только на инфракрасную часть спектра.

Я спросил:

- Почему же он тогда не израсходовал весь запас энергии, пытаясь погасить солнце? Судя по виду, он здесь не один год.

- Действительно, странно, - согласился Костя. - Хотя, возможно, железный парень реагирует только на определенные объекты, вроде наших костров. И вообще возгорание органических веществ. Наверное, здесь находились большие запасы топлива, постройки с воспламеняющимися деталями.

- А солнце?..

- Далось тебе это солнце! На солнце он не был прежде настроен, но от долгого безделья что-то в нем испортилось, вот и поливает. Не может остановиться после того, как мы подогрели его своим костром. Что-нибудь неладно с переключением. Как он вообще действует? В баллонах у чего прежде находилась какая-нибудь пенообразующая смесь. Кажется, она вся вышла или испарилась. Ты не двигайся с места, а я попробую поближе познакомиться с этим джентльменом. Ну конечно! Смотри! Выключил воду, хотя солнце и светит. Совсем у него, видно, расстроились нервишки. Не делай страшного лица. Неужели после моей сегодняшней демонстрации ловкости и присутствия духа ты сомневаешься, что я не увернусь от этого урода?

Я попытался было остановить Костю, да он только махнул рукой и крадучись направился к роботу-пожарнику. Костя заходил несколько сбоку, голова робота медленно поворачивалась, водяной брандспойт так же медленно опускался, целясь в Костю.

- Берегись! - успел крикнуть я, как струя воды вырвалась из круглого отверстия.

Робот все-таки оказался очень расторопным, вернее, чувствительным, он улавливал теплоту, излучаемую человеком. Водяной заряд пролетел в метре над Костиной головой. Костя упал и быстро пополз к роботу. Я не успел крикнуть, чтобы он остерегался второй пары рук, как два рычага протянулись, схватили его, словно клещами, и отшвырнули

в сторону. Костя был хорошим гимнастом и, как кошка, стал на четвереньки.

- Ты видел? - радостно крикнул Костя. - Он бросил меня, как горящее полено. Мы вдохнули в него жизнь. Теперь нам известно назначение и второй пары рук. Давай продолжим прекрасно начатый эксперимент, - он поморщился и потер ушибленное колено. — Вот что, ты отвлеки его с фронта, а я попробую зайти с тыла и добраться до его нервной системы. Не бойся, иди смело, используй мой опыт, только смотри, чтобы он не смыл тебя в лагуну. Ну, пошли! Смотри, он опять хочет потушить солнце! Самый удобный момент! Эх, прозевал! Перестал поливать. Все равно иди смело и учитывай мой опыт!

Я направился к пожарнику, готовый каждое мгновенье метнуться в сторону. Брандспойты не двигались в его железных руках, только голова, поскрипывая, поворачивалась то в одну, то в другую сторону. Учтя Костин опыт, я остановился в пяти метрах от робота.

Ветер яростно гнул стволы пальм и трепал их косматые вершины. Упало два ореха: один недалеко от моих ног, а второй гулко ударился о голову робота. Из второго, до сих пор бездействовавшего шланга закапала пенистая жидкость, затем стали вздуваться большие радужные шары. Шары падали на причал и медленно катились к воде, подгоняемые воздушным потоком.

Костя неожиданно вынырнул из-за спины робота.

- Видал? - спросил он, бесстрашно хватаясь и раскачивая длинную руку пожарника. - Теперь понятно, почему у него разладилась схема. По теории вероятностей не один орешек трахнул его по голове с тех пор, как остров стал необитаем. Не бойся, я добрался до его вегетативной системы, нажал все кнопки, повернул все рычаги и главное - отключил питание. Тут есть где-то солнечная, а может быть, и атомная станция.

Внезапно что-то круглое, метра полтора в диаметре стало наискось падать в лагуну и шлепнулось возле

противоположного берега, подняв высокий столб воды. Среди низко летевших туч мелькнула "Колымага". Мы бросились к катеру. Из приемника слышался голос Пети Самойлова:

- Я "Колымага"! "Колымага"! На острове! Что случилось? Я вас не слышу...

- Ничего особенного, - ответил Костя, - встретили тут одного занятного робота, возились с ним...

- А мы думали... Ну и отлично... В тюке самое необходимое. Садиться к вам запрещено при таком ветре. Лагранж и особенно Нильсен боятся. Просили передать, чтобы вы держались берега, в пальмовой роще могут быть неприятные сюрпризы.

У Кости загорелись глаза, он многозначительно подмигнул мне и спросил Петю:

- Что еще за сюрпризы?

- Говорят, что остров сооружен сто лет назад. Здесь могли стоять ракеты.

- Метеорологические?

- Нет...

- Ядерные?

- Да. Ядерные. Я вам сбросил счетчик Гейгера на всякий случай. Проверьте лагуну и береговую полосу. В рощу не суйтесь. Как вы меня слышите?

- Плоховато, мешают какие-то разряды.

- Я тоже плохо вас слышу... Чуть что, дайте знать. Прилетим завтра, как только стихнет немного...

Раздался сильный треск, и связь прервалась.

Мы подогнали к берегу тюк, сброшенный с "Колымаги". В нем находились надувная палатка и множество всякой еды и термосов с напитками. При виде такого количества пищи у нас начались голодные спазмы в животе. Минут десять мы ели все, что попадалось под руку: винные ягоды, рыбу, сливочный крем, ростбиф, плоды папайи, паштет из планктона, запивая все это ананасным соком. За кофе с индийскими бисквитами, присыпанными солью, Костя сказал:

- С таким количеством запасов плюс лагуна и палатка можно жить здесь сколько угодно. Палатку мы установим вон там возле пожарника.

Возле нас медленно прошли две крысы, волоча по земле длинные голые хвосты. Я невольно подался назад.

- Не бойся, - успокоил Костя. - В такой палатке не страшны и крокодилы! Я знаю эту конструкцию. Полная изоляция от всех нежелательных соседей. Есть кондиционер и фильтры, исключающие проникновение москитов, хотя их здесь не бывает.

После обеда мы надули палатку под сенью пальм. Облачность стала плотней. Ветер не утихал, а как будто стал еще яростней. Облака с огромной скоростью летели над головой.

Быстро темнело.

Начал накрапывать, а потом и полил дождь. Потоки воды обрушивались на палатку и журчали под полом. Несмотря на усталость, мы с Костей долго не могли уснуть и делились пережитым за день. Наконец Костя зевнул и, оборвав фразу на полуслове, заснул.

Ветер дул порывами, только прибой грохотал так, что казалось, сотрясается весь остров, готовый рассыпаться на кусочки.

Я лежал и пытался представить тех, кто создавал этот круглый атолл, возводил на нем здания, а затем жил здесь. "Наверное, этот остров все-таки одно из первых сооружений человека, поставившего перед собой цель покорить океан, - думал я. - Один из первых прообразов нашего плавающего гиганта, отлитого из базальта". Мне не верилось, чтобы разумные люди могли затратить столько труда лишь для того, чтобы тайно создать площадку для стрельбы баллистическими ракетами.

Ночью с нами случилось довольно забавное происшествие: обрушилась палатка. Ткань прогрызли крысы, воздух между стенок вышел, и мы оказались в тесном душном

мешке и выбрались из него, разрезав ткань вибрационным ножом. Хорошо, что я никогда не расстаюсь с ним.

Потные, злые стояли мы возле сплющенной палатки, тяжело дыша и стараясь не наговорить друг другу ненужных обидных слов. Мы тогда еще не знали настоящих виновников нашего раннего пробуждения, и мысленно каждый обвинял другого в небрежности при установке палатки. Неожиданно Костя сказал:

- Как хорошо, что мы проснулись так рано. Ты только посмотри, что делается вокруг! Какое небо!

Пассат еле дышал. Созвездия сияли у нас над головой. Зеленый свет ущербной луны сочился между стволов пальм. На рифе клокотал холодный голубой вал огня.

- Что-то невероятное! - прошептал Костя. - И надо же! Вместо того чтобы любоваться красотой вселенной, мы спим, выключаемся из жизни. Смотри! Даже робот очарован!

Пожарник, одетый в причудливую светотень, застыл, склонив голову набок, его мембраны поблескивали зловещим светом кошачьих глаз.

Луч лунного света упал на палатку, две огромные крысы с деловым видом грызли ткань.

- Брысь! - крикнул Костя.

Крысы пошевелили усатыми мордами и принялись за прерванное занятие. В тени намечалось еще несколько крысиных силуэтов.

- Что они нашли вкусного в этой палатке? - спросил Костя и сам ответил: - Тоска по цивилизации. Их предки-эмигранты приехали сюда из стран, где можно грызть не только одну ореховую скорлупу. И вот генетическая память подсказала, что крысиные боги даровали им лакомое блюдо.

В этом было не столь уж много смешного, но мы захохотали так дружно и громко, что крысы с писком брызнули в стороны.

В ту ночь мы больше не ложились. Спать не хотелось, да и не было смысла: через час взойдет солнце, а у нас

намечалось множество дел. Надо исследовать остров, заглянуть в лагуну, отремонтировать ракету, чтобы без посторонней помощи пробиться через рифы. Поэтому Костя предложил позавтракать на "Мустанге" и с первыми лучами солнца приняться за дело. Во время завтрака на экране появилось лицо дежурной по острову Лии Гавари, или, как мы ее звали, тетушки Лии. Это была полная добродушная негритянка, единственный на острове арахнолог, она изучает паукообразных. Мы частенько приносили ей редкие экземпляры любимых ею животных.

- Мальчики! Наконец-то! Я всю ночь искала вас и видела только пустые кресла на вашем "Мустанге". Все островитяне шлют вам привет! Вы, наверное, не представляете, в какое интересное место вы попали! Почти закрытая лагуна и повышенная радиоактивность, не пугайтесь, только слегка повышенная, но достаточная, чтобы при длительном воздействии способствовать мутации. Ну как вы там? Вижу, что чувствуете себя отлично.

Мы рассказали ей о пожарнике и крысах. Она хохотала вместе с нами и сказала, что завидует нам, но, к сожалению, врачи запретили ей предпринимать дальние экскурсии и даже спускаться под воду на глубину нескольких метров.

- Ладно, - сказал Костя. - Мы тут поищем ваших пауков.

На экране и без того полное лицо тетушки Лии расплылось вширь, что объяснялось не только ее улыбкой, а главным образом неисправностью приемного устройства.

— Вот что, мальчики, - сказала она, вдруг посерьезнев. - Я должна вас предупредить насчет поведения на острове...

Неожиданно голос тетушки Лии оборвался, из репродуктора слышалось только легкое потрескивание. Тетушка Лия, не зная, что наш приемник потерял дар речи, продолжала говорить, мы же, застыв у экрана, пытались по движению ее губ понять, о чем же она хочет нас предупредить...

Как всегда, несколько неожиданно окончилась тропическая ночь, запылало небо на востоке, и из воды выплыло солнце. С берега донесся птичий гомон. Мы с Костей

занялись исследованием рощи кокосовых пальм. На опушке, в кустах и в глубине рощи мы обнаружили несколько "мертвых" роботов. Они лежали или стояли, у них давным-давно вышло питание и проржавели остовы, их делали из стали низкого качества, видимо надеясь на антикоррозийные покрытия, но эмаль не устояла против резких колебаний температур, высокой влажности и времени. Над головой проносились стаи разноцветных австралийских попугайчиков, они оглушительно щебетали, видимо протестуя против нашего вторжения. Попугаи гнездились в кронах пальм, на ветвях кустарника, несколько гнезд устроили на плечах и головах застывших роботов. Судя по инструментам в руках роботов, они когда-то были садовниками, выпалывали кусты и траву между пальм, а также следили за дорогами и аллеями. Сейчас дороги стали непроходимыми из-за колючих кустарников, пройти можно было только среди пальм.

Пробираясь через заросли, вначале мы строили догадки о том, что говорила тетушка Лия, когда прервался звук. Но постепенно, по мере того как мы продвигались в глубь рощи, все наши помыслы захватывал этот загадочный остров. Почему его оставили так внезапно? Об этом говорили мертвые роботы-садовники. Долгое время они еще расхаживали среди пальм, подстригая и выпалывая кусты, подметая дорожки. Бедный пожарник до сих пор несет службу.

Мы вошли в дом посреди небольшого разросшегося сада, в нем сохранилась мебель, библиотека, в кухне работала электрическая плита, в холодильнике, тоже действовавшем, хранился большой запас продуктов. Дом заняли попугаи, они сверкающим потоком хлынули через распахнутые настежь окна.

- Они почему-то бежали, - сказал Костя, когда мы оставили дом и пошли по дорожке, с которой еще не справились растения. - Бросили все и улетели.

- А может быть, они погибли?

- Нет, спаслись, - уверенно сказал Костя. - Следов нападения нет. Их предупредили, и они успели улететь.

Дорожка привела на круглую площадь, вымощенную, как и причал, зелеными бетонными плитами. Среди общего запустения площадь поражала чистотой и порядком, ее матовая поверхность тускло поблескивала, ни одного листа, сучка, ореха не видно было на ней. Как будто только что роботы-дворники вымыли и подмели ее.

На границе площади слегка поднимались над поверхностью непонятные, громоздкие сооружения без окон, но с металлическими, наглухо закрытыми дверями. И еще в центре площади обращали на себя внимание круглые люки с отброшенными крышками. Люков было четыре. Мы направились к ним, ступая, как по тонкому льду, оглядываясь по сторонам.

Двери одного сооружения без окон отворились, и оттуда один за другим вышли два робота. Они очень хорошо сохранились: совсем новые роботы, которые катили перед собой тележки, издававшие шипение и свист.

- Пылесосы! - сказал Костя. - Вышли на уборку, хотя площадь и так вылизана. Привет, ребята!

Мусорщики повернули головы в нашу сторону, продолжая заранее рассчитанный путь и не сказав ни слова.

- Серьезные парни! - сказал Костя.

Я обратил внимание, что все трещины в асфальте залиты, а некоторые совсем недавно.

Поглядывая на роботов, мы подошли к первому люку. Колодец глубоко уходил в недра острова. Свет фонарика отразился от воды на дне.

- Пусто, - сказал Костя, - глубина метров тридцать, не считая нижней части, затопленной водой. Все-таки интересно, для чего все это?

- Для ракет с ядерными зарядами.

Костя посмотрел на меня.

- Подумать только, что все это создано лишь для того, чтобы выстрелить куда-то!

Я впервые видел его таким серьезным.

Роботы-мусорщики, дребезжа и лязгая, завершили первый круг и, отступив к центру, на ширину уборочной машины, начали второй.

Мы постояли возле четвертого колодца, наблюдая за роботами, затем пошли к сооружениям на краю площади. Не сделали мы и десяти шагов, как из невидимых репродукторов раздался предупредительный вой сирены. Через несколько секунд сирена смолкла.

Мусорщики не спеша направились к своему бункеру. По соседству с ним открылось еще несколько дверей, и на площадь высыпала целая толпа роботов. Они выходили и строились в шеренгу. Судя по окраске и форме моделей, каждая из них выполняла различные функции. Здесь были громоздкие тяжеловесы, явно предназначенные для подъема тяжестей, подвижные и более легкие электромонтеры, монтажники и, наверное, нейтрализаторы радиации, а также пожарники, как две капли воды похожие на первого нашего знакомого, что стоял на опушке рощи.

- Что-то вроде торжественной встречи, - сказал Костя. - Видно, давно у них не было высшего начальства. Пошли, поговорим с ребятами.

При первой попытке приблизиться к отряду роботов властный возглас из скрытых репродукторов остановил нас (говорил он по-английски):

- Стойте! Не двигайтесь! Вы нарушили инструкцию 8-3-12. Ждите патрулей!

Нам ничего не оставалось, как подчиниться.

- Мне все это не особенно нравится, - признался Костя. - У них осталась вся система охраны колодцев и еще чего-то. Странно, почему тетушка Лия не предупредила нас. Наверное, сегодня ей уже все известно об этом уютном островке. Или постой! Помнишь, прежде чем прервался звук, она сказала: "Я должна вас предупредить..."

Прошло около пяти минут, но ничего не происходило.

- Патрули не сработали, - сказал Костя. - Что-нибудь должно же у них разладиться. Видишь, эти молодцы загрустили, не зная, что предпринять. С главного поста нет приказаний. Давай потихоньку передвигать ноги к колодцам. Там система сигнализации нарушена. Через час здесь можно превратиться в жаркое. Тут мы как на сковородке. Ветер не проникает сюда, да он совсем стих. Ну, я первый.

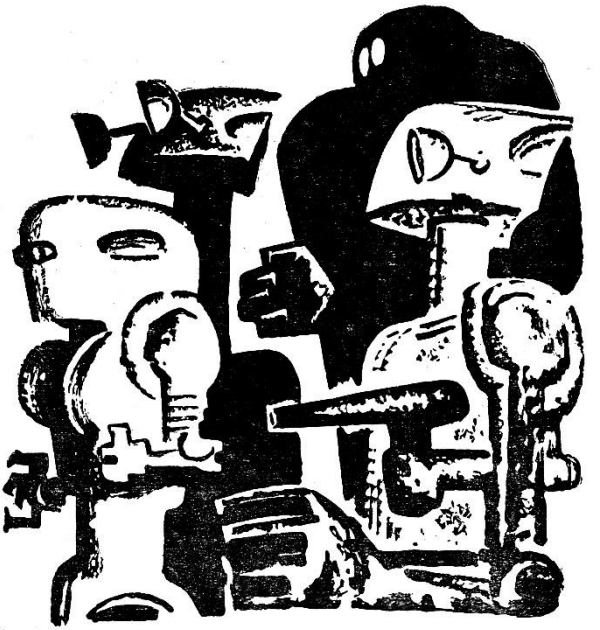
- Еще шаг, и я стреляю! - прогремело над площадью. - Патрули вышли. Ждите!

Видимо, мы попали в сеть электронных заградителей, и каждое наше движение фиксировалось. Мне стало казаться, что за нами наблюдает кто-то живой и злорадно посмеивается. То же самое пришло в голову Косте.

- Еще зубы скалит, - зашептал он. - Что, если здесь остался один из них?

- Сколько же ему тогда лет, по-твоему?

- Правда... многовато...



Костя набрал в легкие воздуха и крикнул:

- Где ваш патруль? Мы не можем больше стоять на такой жаре. Сейчас же присылайте его или...

Угроза замерла у Кости на губах. Из кустарника справа от строений вывалился еще один довольно странный робот: низенький, толстый, похожий на пингвина, на коротких ножках-гусеницах. Он со звоном шлепнулся об асфальт и тут же встал, как ванька-встанька, и быстро направился к нам.

Остановился в пяти шагах.

Вид у него был глуповато-самодовольный, в щелках-глазках мелькали разноцветные искорки, к рычагам-рукам намертво прикреплено что-то похожее на два подводных пистолета.

Костя приветствовал его:

- Доброе утро! Как поживаешь, старина? Что это ты так вооружился?

В ответ робот прохрипел, силясь повернуться к нам спиной:

- Не разговаривать! Оправдания бесполезны, там разберемся, Следуйте за мной!

- Где там? И куда следовать?

- Не разговаривать. Следуйте за мной!

- Куда следовать, когда ты скрипишь, как ржавая петля, и ни с места?

Наконец с большим трудом робот повернулся на 180 градусов и покатился по старому следу.

Нам ничего не оставалось, как идти за ним: за нами наблюдали три глаза на его затылке. Одна рука с пистолетом передвинулась за спину.

Мы шли как загипнотизированные, не спуская глаз с дула пистолета, оно угрожающе направлялось то на Костю, то на меня.

- Трудно придумать более идиотскую ситуацию, - ворчал Костя.

Как только "солдат" ступил на дорогу, густо заросшую кустарником, то стал путаться своими ногами-гусеницами в корнях и ветках. Несколько раз он упал. Мы хотели было улизнуть, пользуясь его кажущейся беспомощностью, да вовремя заметили, что в любом положении он ухитрялся держать нас на мушке. Ничего не вышло, и, когда мы попытались отстать от него, робот тоже останавливался и тоном, не предвещающим ничего хорошего, заявлял:

- Не замедлять движения, дистанция между нами - три метра. - Он делал паузу и добавлял многозначительно: - Во избежание неприятностей.

- Что за манера выражаться, - ворчал Костя. - Сплошные архаизмы. Во избежание! А неприятностями он считает выстрел в живот. Ты заметил, что он все время целится мне в живот? Не отставай! От этого железного идиота всего можно ожидать. Шагай веселей, да не вздумай упасть. Дай руку! Выкрутимся! Смотри! Машина с вещами. Остановилась, а у

них не было времени ее исправить. Нам пока некуда спешить. Выкрутимся.

Вокруг грузовика с ржавым металлическим кузовом выросли пальмы. Машина стояла, окруженная стволами, как забором. Невдалеке от машины застыли два робота-солдата, прочно попавшие в тенета лиан.

- Наш проводник не застрянет, - ворчал Костя. - У него хорошая память, смотри, обходит заросли, идет по своему старому следу. Попался все-таки?

Лязгая ногами-гусеницами, робот пытался вырвать корень, петлей поднявшийся из земли. Мы с интересом наблюдали, как он, поняв, что корня ему не порвать, дал задний ход и обошел преграду.

Костя похвалил:

- Молодец, солдат!

Мы прошли около ста метров. Наш проводник заметно сдал. Движения его стали ленивыми, он часто останавливался перед веткой, преграждавшей ему дорогу, будто решал трудную задачу, затем осторожно продолжал путь.

- Выдыхается наш солдатик, - сказал Костя, - сдают аккумуляторы.

Внезапно кустарник кончился. Робот бодро покатился по зеленому асфальту, направляясь к приземистому зданию с настежь раскрытой дверью. "Во избежание неприятностей" мы побежали за ним.

Робот остановился у двери, опустил руки, направив пистолеты в землю, показывая всем своим видом, что выполнил поручение, а теперь пусть другие расправляются с нами.

Все-таки не верилось, что так легко от него мы отделались, и Костя обратился к нему с пространной благодарностью за то, что он так заботливо обращался с нами во время трудного пути.

Робот молчал, только иногда вздрагивал, будто делая попытку вскинуть пистолеты и разделаться с Костей, а заодно и со мной за явную насмешку, звучавшую в Костиных словах. Трудно сказать, как в конце концов повел бы себя

наш проводник, не приди в голову Косте счастливая мысль крикнуть на него повелительным тоном:

- Ну чего стоишь? Ты же выполнил приказ. Иди сейчас же к себе!

Невероятно, чтобы Костя интуитивно разгадал фразу, введенную в программу управления роботом, видимо, все дело было в тоне и количестве звуков, произнесенных им трех фраз.

Робот послушно повернулся к нам спиной и покатился по дорожке к еле приметному строению в густой зелени.

Минуту назад единственным нашим желанием было удрать от робота и от этих распахнутых настежь дверей, а сейчас нас так и тянуло в таинственный сумрак за дверями.

- Рискнем! - предложил Костя и, не дожидаясь моего согласия, вошел в помещение. - Двери не закрываются, заходи, Ив! - пригласил он меня, и я не без опасения перешагнув порог.

Мы шли медленно, озираясь по сторонам. Впереди зажигались невидимые лампы, освещая панели из пластика под красное дерево. Позади лампы гасли. Справа и слева через равные промежутки мы видели двери. Судя по надписям, за ними находились помещения с аппаратурой. Надписи - черные на золотистом фоне - загорались, как только мы останавливались у дверей. На полу лежал ковер из синтетических волокон приятной расцветки. Коридор шел с заметным уклоном в недра острова. Я обратил внимание, что в стенах находились двери-задвижки из стали.

- Если они сработают, то нам придется повозиться с ними, пока откроем, - сказал Костя.

Меня всегда удивлял его оптимизм. Он ни на минуту не сомневался, что если все двери захлопнутся, то мы все равно выберемся отсюда.

Коридор круто свернул вправо, и мы, пройдя немного, вошли в довольно большой зал, вошли, не заметив, так как и здесь двери уходили в стену.

Комната медленно наполнялась светом, создавалось именно такое впечатление, что густой желтоватый свет льется со стен и заполняет комнату.

Первое, что бросалось в глаза в этом подземелье, была очень большая кабина из желтоватого прозрачного полимера, перегороженная на две части такой же прозрачной стенкой. В каждое отделение вела узкая щель, закрываемая выдвижной дверью. Двери были вдвинуты в стену, на торцах поблескивали никелированные защелки замков.

В одной кабине стул был откинут к двери и лежал на боку, во второй почему-то был выброшен за порог.

В каждом отделении от стенки до стенки в ширину помещения стояли узкие столы из коричневого полированного пластика, на каждом столе были установлены микрофоны в виде кобры с раздутой шеей, контрольные приборы, переключатели, несколько рядов кнопок.

Мы стояли в дверях одной из кабин. Костя пояснял:

- Кабинет для операторов. Масса электроники. Но зачем их закрывали на замок и почему они дежурили вдвоем? Здесь мог управиться робот средних способностей.

Стена перед столом отличалась прозрачностью алмазного стекла, за ней метрах в десяти находился большой экран. На нем в окружении косматых пальм виднелась знакомая площадь. Застыл строй роботов. Трудолюбивые мусорщики катили перед собой портативные уборочные машины.

- Ты видишь две большие кнопки. В первой кабине кнопка желтая, во второй - красная.

Желтая кнопка в первой кабине, в дверях которой мы стояли, находилась под прозрачным колпаком, впрессованным в золотистую массивную оправу. Во второй кабине такой же колпак валялся на полу.

Костя продолжал, озаренный догадкой:

- Они нажали красную кнопку, затем чего-то испугались и удрали. Да, вот колпак с этой красной кнопки! Ты постой...

Я не успел его удержать, как он юркнул в узкую дверь и подошел к пульту.

- Все мелкие кнопки от аварийных механизмов, - говорил Костя, жадно рассматривая стол. - На случай, когда не сработает автоматика. Хотя она и сейчас действует замечательно. На всякий случай. Вот - свет. Подача воды в жилые помещения. Двери! Вот это да! Теперь они могут закрываться. Затем верхний ряд для управления роботами. Только возле желтой ничего не написано. Ого! Смотри! - Он поднял с пола возле стола длинный плоский ключ. - От желтой кнопки! Такая же узкая щель. Открыть? Ну ладно, ладно. Вечно у тебя страхи.

Он сунул ключ в карман и почему-то на цыпочках вышел из кабины. За порогом Костя вытер со лба пот, хотя в подземелье веяло прохладой, и признался:

- Мне все время казалось, что дверь кабины захлопнется.

- Нажал бы кнопку - и все?

- Эх ты! А еще психоаналитик. Если бы из нее так легко можно было выйти, тогда зачем двери с таким замком? Там нигде не было кнопки для открывания дверей кабины. Наверное, есть еще пульт. Или их открывал особый человек, когда эти двое забирались сюда. Настоящие мышеловки. Представь, что тебя закрыли в такой коробке и потом захлопнули все двадцать дверей. Самочувствие не из приятных. Наверное, поэтому они и удрали при первом удобном случае. И самое главное: что бы произошло, если бы этот, - он кивнул на дверь левой кабины, из которой только что вышел, - если бы этот не обронил ключ?

- Вначале надо узнать, для чего желтая кнопка.

- Какая логика! Ив, ты самый здравомыслящий человек, с какими мне приходилось встречаться, - Костя сделал еще несколько едких замечаний по моему адресу, затем потер лоб. - Какое множество загадок. Ракет давно нет. Остальное, хотя прошло столько лет, все на месте. - Он рассеянно взглянул на экран. - Какая туча попугаев уселась на роботов! Кто-

то знает, что здесь происходило. Может быть, последняя атомная база? Последний этап разоружения?

Мы принялись за дальнейший осмотр зала. Если исключить кабины, решетчатый экран над столом и микрофон в виде гремучей змеи, то здесь все напоминало главный пост управления на нашей биостанции. Особенно система телевизионной связи. Мы медленно обошли все подземелье. Когда Костя подходил к панели, невидимый свет вспыхивал ярче. За щитами из пластика под мореный дуб поблескивали невообразимо сложные схемы электронных приборов. Угадав мои мысли, Костя сказал:

- Все это кажущаяся сложность. Примитивные приборы всегда сложны на первый взгляд. Совершенство - просто. Старая истина, Ив!

И хотя мы достаточно сильно прочувствовали состояние операторов, заточенных в пластиковых коробках и закрытых множеством стальных задвижек, сами (за исключением Костиных переживаний в кабине) чувствовали себя превосходно, как в детстве, забравшись в комнату ненужных вещей. Ни я, ни Костя особенно не ощущали замкнутости пространства, наверное, потому что были уверены, что в любое время сможем выбраться отсюда, и еще потому, что с большого экрана все время доносились голоса птиц, свист ветра, рычанье океана. В последний раз мы взглянули на экран и радостно воскликнули: на площадь вышли Петя Самойлов и Ки.

Их лица выражали озабоченность и тревогу.

- Следы ведут к центру, - сказал Ки. - Идем.

Петя благоразумно остановил его.

- Постой! Пойду я, а ты останешься в резерве.

- И буду наблюдать, как тебя схватят роботы...

Костя остановил их спор, сказал в микрофон:

- Привет, ребята! Мы в довольно уютном подземном сооружении. Отсюда управляли всем этим хозяйством. Стойте! Ни шагу по площади. А не то познакомитесь с "солдатом"!

Ребята засияли.

- Все прекрасно, - сказал Ки и процитировал изречение какого-то индийского мудреца: - "Кто ищет - тот находит, хотя не всегда то, что искал", - К цитате прибавил: - А нам повезло вдвойне: мы нашли и то, что искали, и то, чего не искали. Остров густо заселен роботами.

На пороге операторской мы оглянулись, помахали рукой Пете и Ки, забыв, что здесь только односторонняя связь, и увидели, как двери в кабинах одновременно с лязгом захлопнулись, а из стены перед нашими носами медленно поползла толстая стальная плита.

Не обмолвившись ни, одним словом, мы бросились бежать и чувствовали, как за спиной пощелкивают броневые двери.

Петя говорил, пожимая нам руки:

- Заставили вы нас пережить несколько довольно неприятных минут.

На пути к лагуне мы зашли еще в один дом. В нем сохранились оконные стекла, двери оказались плотно закрытыми, попугаи не смогли ворваться в него и навести там свой "порядок". Двери гостеприимно раскрылись, когда мы поднялись на широкое крыльцо из популярного здесь зеленого цемента. В холле пахнуло прохладой, окна, матовые от осажденной на их поверхности соли, скупо пропускали солнечный свет. В доме можно было жито. Старомодная мебель, довольно удобная, очень хорошо сохранилась. Я все время испытывал такое чувство, что вот-вот войдут люди, живущие здесь.

Мы сидели в низких креслах гостиной перед таким же низким столом, покрытым коричневым лаком. Вошел Ки. В руках он держал пожелтевшие листки бумаги.

- Нашел на полу в спальне. Там хаос. Мне показались они интересными. Какие-то записи.

Десять страничек, исписанных крупным, неровным почерком. Читал Костя, а иногда мы все вместе расшифровывали непонятные или сокращенные английские слова. Это

были записки солдата, участника войны в джунглях. Эдгар Каули, автор записок, набрасывал их урывками, пропуская иногда по целому месяцу. Что-то мешало ему делать систематические записи. Здесь я приведу только несколько выписок из дневника, полностью они опубликованы в "Историческом вестнике" № Н-3-9, а также выпущены в издании "Открытия и находки".

3.X.

Из всего отряда в сто человек нас осталось только пятеро. Необыкновенное везенье. Теперь только спать, есть человеческую пищу и ни о чем не думать! Не так уж плоха жизнь, черт подери!

8.XI.

Шесть дней в Майами были необыкновенным сном. Гуд бай, Америка! Я снова становлюсь профессиональным убийцей.

20.XI.

Перед атакой мы принимаем таблетки "Прощай, совесть" - так прозвали новый допинг. После приема каждый из нас, не дрогнув, может прикончить родную мать.

3.XII.

Странно, что я до сих пор ни разу не ранен, хотя все ребята, с которыми я начинал, уже гниют в цинковых гробах или съедены зверьем в джунглях. Хотя я не прячусь и прослыл храбрецом. Все это чушь - храбрость, просто мне все равно. Я знаю, что мне не выбраться. Какая была бы подлость, если после всего останусь жить.

10.V.

Через полтора месяца я выберусь из этого ада. Неужели все это останется позади, и я смогу смыть с души грязь, кровь, слезы своих жертв? Все возможно. Живут же подлецы

и почище меня. Все зависит от точки зрения на происходящее. Главное - сохранить в себе остатки человека. Есть ли они?

15.V.

Сегодня встретил Джона Хеймена из отряда "зеленых беретов", он вернулся из очередной "экскурсии".

Жаловался, что невыгодно стало работать. Правда, теперь он получает за ухо убитого не десять, а пятнадцать долларов, но говорит, что все труднее становится добывать монеты. И все опаснее.

25.VI.

Дождь. День и ночь хлещет теплый водопад. Весь мир размок. Лагерь под серым колпаком с дырами, а там, наверху, океан теплой воды. Наши дожди легкий туман из пульверизатора. В этом милом месте я пробуду целый месяц. Как старый опытный ландскнехт, я должен обучать туземцев стрельбе из автоматов и прочим нехитрым приемам уничтожения себе подобных. Но все понимают, что это рискованное занятие. Они только и ждут, чтобы им выдали оружие, и тогда перестреляют нас и уйдут в джунгли. Мы, то есть белые, по целому дню сидим в баре, а они - в бараках с дырявыми крышами. Для поддержания боевого духа каждый день по радио передается беседа, одна и та же - о наказаниях за неповиновение, дезертирство, подстрекательство к мятежу, кражу оружия и пр. воинские преступления. Наказание одно - расстрел. В довершение передается длинный список казненных. Каждый четверг, опять-таки в целях повышения боевого духа, в лагере происходит публичная казнь. Делается это по-будничному, на скорую руку, никому не хочется мокнуть. Солдаты жмутся к стенам казарм, командование стоит под специальным навесом. Режущий душу залп из автоматов - и то, что мгновенье назад было человеком, падает в яму с водой. Жуткая штука эта яма с коричневой жижей...

6.VII.

Пошла вторая неделя, как я очутился на этой крохотной кучке кораллового песка. Среди жидкой рощицы пальм в довольно приличном доме. Что я пишу? Это дворец! Никогда я не жил в таком доме. Только видел с улицы фасады похожих сооружений, да еще в кино. Все эти дни я упивался чувством собственника, совершенно забыв, какую цену я заплатил за это. Хотя как сказал майор Пирсон: "Что ты теряешь? Жизнь? Здоровье? Доллары? Ты все это потерял давно, там, в джунглях. Ты, живой мертвец. Убитый тысячу раз. Соглашайся! Через три года ты будешь богат и знатен. Можешь жениться на ком угодно! И только потому, что все эти три года будешь жить, как английский лорд в уединении. Нет, тебе повезло. Немыслимо повезло. И знаешь почему? Мы нашли, что ты идеальный исполнитель чужих решений. Здесь не надо думать, анализировать, а только ждать приказа. В случае войны ты поступишь так же. А может, войны не будет еще лет двадцать. И если будет - безопасней места не найти. Это тебе не джунгли. Всего три года поживешь на островке. Затем - куча долларов, ранчо..."

Как я ухитрился запомнить весь этот рекламный бред, рассчитанный на людей, уставших от того набора нелепостей, что называют жизнью. Память у меня не особенно хорошая, я никогда не помнил номера своего автомата. А эту брехню запомнил и вот читаю ее сейчас, как стихи, выученные в детстве ко дню рождения бабушки.

И вот я идеальный исполнитель чужих решений, живу в этом бунгало.

10.VII.

Майор Пирсон сегодня утром спросил: "Ты что-то там мараешь карандаши? Дело твое. Пиши что хочешь. Но помни: все останется здесь. Лучше запоминай. Потом расскажешь внукам. Хотя что можно написать о нашем острове? Но ничего не поделаешь: инструкция".

Пирсон у нас старший. Парень он неплохой, тоже побывал в джунглях. Это сразу видно по его взгляду, у меня, наверное, такой же потерянный взгляд убийцы. Всего нас на острове двадцать человек, включая ребят, обслуживающих базу и станцию. Тоже интересная публика, но из джунглей только мы двое.

20.VIII.

Джим Тэрбар вчера шепнул мне, для чего красная кнопка. Простодушный парень этот Тэрбер. Все с первого дня знали, для чего эта кнопка. "Ты скажи, для чего желтая?" - спросил я. Действительно, над этим стоит подумать. Хотя нам платят деньги за то, что мы не думаем...

- Что это за желтая кнопка? - спросил Петя Самойлов. - Вы не заметили ее там?

- Кнопки две, красная и желтая, - сказал Костя, - ключ от желтой мы нашли. Я захватил его. Вот он! Красную давно нажали, и ничего.

Мы стали рассматривать ключ.

— Это хорошо, - сказал Ки, - что он у нас.

- Поэтому я и взял его. Конечно, колодцы пусты. Ракеты вывезли. Ключ стоит поместить в музее.

- Ребята, здесь все-таки повышенная радиация. Хотя и незначительная, но все же... - спохватился Петя.

Мы вышли из дома и побежали к лагуне, продираясь сквозь заросли кустарника, мимо ржавых роботов, сопровождаемые оглушительными криками попугаев...

Петя Самойлов сидел в кресле пилота, мы втроем - возле окон - смотрели вниз, где среди белой ленты прибоя виднелось едва заметное зеленое пятнышко.

Костя повернулся от окна:

- Для чего все-таки желтая кнопка?

- Я где-то читал о подобном искусственном острове с ракетами... сказал Петя. - Очевидно, чтобы запустить их, нужно было нажать обе кнопки, красную и желтую. Красную

нажал какой-нибудь сошедший с ума, не выдержавший напряжения оператор, а желтую... Может быть, они еще раньше догадались, что с нажатием желтой кнопки взлетят не только ракеты, но и весь остров вместе с ними. Помните отброшенные от главного пульта стулья? Наверное, они силой вытащили сумасшедшего оператора и бежали, бежали в панике, испугавшись за собственную жизнь. Ведь они почти все были на грани безумия. Кто-нибудь из них, окончательно лишившись разума, мог нажать и желтую кнопку... Впрочем, подробно о том, что здесь произошло, мы узнаем на биостанции. Там уже получили справку из исторического архива.

Петя изменил угол винтов, и белая лента прибоя медленно поплыла от нас. Скоро сверкающее пятнышко совсем затерялось в пене прибоя.

- А мы-то думали, - сказал Костя с глубоким вздохом и взял с пола стеклянную банку, захваченную с катера ("Мустанг" навсегда остался в круглой лагуне), в банке копошилось с десяток пауков. Костя поднес их к окну и сказал:

— Вот этот, в красную полоску, приведет в восторг тетушку Лию.

- Да, очень интересный экземпляр, - сказал Петя.

Ки, сосредоточенно молчавший, вздрогнул, обвел нас взглядом и покачал головой:

- Ужасный, что вы нашли в нем интересного?

- Ты об этом, в полоску? - с недоумением спросил Костя.

- Ах, вы вот о чем... Я думаю о другом. Он убивал моих предков. Страшный и с ограбленной душой человек...

Дмитрий Биленкин

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПУТИ

Движение урагана мангры уловили, как всегда, вовремя, хотя, казалось, вокруг ничто не указывало на его близость.

Если бы мангры могли облечь свои ощущения в слова, то, верно, сказали бы, что со стороны природы бессовестно гнать их прочь от накрытого стола, когда они еще не насытились. Но мысль и слово отсутствовали. Просто ногокорни стали поспешно вытягиваться из земли, а черно-фиолетовые покровы поднялись и выгнулись по ветру, как натянутые паруса. Безжалостная эволюция жестко закрепила в манграх суровое знание кочевника: кто медлит, тот рискует погибнуть под ураганом, как бы стойко он ни цеплялся за почву.

Не прошло и четверти часа по земному исчислению, как по равнине, все убыстряя ход, двинулась слитная масса темных парусов, подгоняемая ветром и усилием сотен тысяч щупальцеобразных ног. Безошибочный инстинкт наилучшим путем вел мангров к месту, которого в ближайшее время не коснется буря, месту, где можно будет спокойно попастись.

В тот же самый момент, находясь в сотнях километров от мангров и обозревая все с высоты космоса, ту же самую задачу решал усиленный всей мощью машин человеческий разум.

Электронные и лазерные сигналы, взаимодействуя со скоростью, немыслимой не только для мангров, но и для самого человека, обшаривали полярную область, рассчитывали кривую движения многочисленных бурь, хаос завихрений, удары бешеных воздушных потоков, всю ту головоломку атмосферных явлений, которую едва осиливала земная математика, - с единственной целью найти клочок

поверхности, где можно было высадить десант, не опасаясь немедленного буйства инопланетных стихий.

Поскольку истина объективна, нет ничего удивительного, что разные, ни в чем не схожие методы дали один и тот же результат: десантный бот землян устремился к тому самому месту, куда стремились и мангры.

Движение прекратилось, едва мангры достигли котловины, где они могли безопасно пастись. "Паруса" поникли, их плоскости легли горизонтально, вбирая скупой свет далекого светила, а щупальца врылись в землю, чтобы дать разветвленному на гектары телу питательной соли.

Теперь уже ничто не говорило, что мангры - кочевники; казалось, они всегда росли и будут расти на этом пологом склоне холма. С ними вместе успокоилась и принялась за дело вся та живность, которая неизменно сопровождала мангров и не могла без них обойтись, как, впрочем, и они без нее.

Грохот с неба, нарастающий звук, сильная ветровая волна застигли мангров врасплох и заставили крепче вцепиться в почву. Из-за облаков скользнуло чечевицеобразное тело, оперлось на огненный столб и затем медленно осело.

Органы мангров отметили почти всю картину прибытия человека на их планету, кроме самого последнего мига: бот опустился за вершиной холма.

Ветер стих, и они успокоились. То, что случилось, не было внезапным смерчем, который мог причинить им вред, а если и было, то смерч ушел куда-то в сторону. Небогатый набор ответов на импульсы внешней среды сработал как надо, и мангры продолжали спокойно пастись, блаженствуя в холодных лучах своего солнца, наслаждаясь пищей и безопасностью. Все, что было сопряжено с появлением человека, находилось далеко за гранью их смутного сознания, и, хотя их жизненный путь уже пересекся с путем человека, для них все оставалось таким, каким было всегда.

И человек тоже еще не подозревал, что их пути пересеклись, хотя он-то знал, что мангры существуют, и питал к

ним интерес. Как ни странно, обе стороны находились почти в равном положении: человек не существовал для мангров, но и мангры существовали для человека лишь как загадка, ибо что можно определить из космоса? Только то, что какие-то пятна, очевидно растительности, то ли меняют свой цвет (традиционная, а потому наиболее правдоподобная гипотеза), то ли закапываются при ненастье, то ли перемещаются непонятным образом. Большего в чужой и бурной атмосфере не могли сказать даже автоматы разведки, которых сдувало, как осенние листья.

Да какое, в сущности, мангры имели значение? Они были мелким камешком, очередной пылинкой на великом звездном пути человека. Пылинкой, которую следовало рассмотреть мимоходом, не более.

Когда посадка была закончена, дно десантного бота раздвинулось, выпустив якорные лапы, которые тотчас ввинтились в почву на случай непредвиденного урагана. Что такое здешний ураган, люди, не испытав его, знали не хуже мангров. А вот полагаться на свои расчеты - когда и куда двинется ураган - они не могли с той же уверенностью, с какой мангры полагались на свой инстинкт.

Час спустя после того, как пыль улеглась, из открывшегося люка опустилась аппарель, и по ней съехал вездеход. Люди ступили еще на одну планету.

Вездеход перевалил гребень холма, и люди впервые близко увидели мангров. Точнее, они увидели не мангров, а то, что им было знакомо и привычно, - кустарниковую рощу. Не совсем, разумеется, обычную, но все же рощу, то есть низкий полог густых и голых ветвей, многие из которых заканчивались веером продолговатых и темных листьев. Их плоскость располагалась строго перпендикулярно лучам солнца. Двух мнений о том, что это такое, быть не могло, и водитель направил вездеход через кустарник.

Гусеницы подмяли тугой "матрац" ветвей, даже не заметив препятствия. В пыль были размолоты первые листья; вездеход шел, оставляя за собой месиво.

- Очередная маршрутная точка - в середине рощи, - не отрываясь от визиосъемки, сказал биолог. - Надо взять образцы и поближе изучить этот кустарник.

Однако вездеход остановился несколько раньше, чем было намечено. И не по воле людей.

Край плоти мангров ощутил боль, которая распространялась по мере того, как вездеход взрезал живое тело. Но мангры не спешили - их жизнь была непрерывной борьбой за существование, они знали, что и как надо делать. Чудовище они заметили, когда оно только приближалось. Отождествление тоже было делом нескольких мгновений. Ничего нового мангры для себя не обнаружили - просто очередное нападение их исконного врага - урбана. Бесчисленные поколения урбанов питались манграми, вступая с ними в жестокий бой, и бесчисленные поколения мангров либо побеждали, либо гибли в этих схватках. Гибли менее приспособленные, а сильные и хитрые выживали и уже сами губили менее удачливых урбанов. Так они взаимно выпалывали слабейших: и эта нескончаемая битва смертельных врагов была залогом прогресса как тех, так и других, поскольку

совершенствование урбанов влекло за собой совершенствование мангров.

Низкий и массивный вездеход, конечно, лишь отчасти походил на урбана, но он походил на него в главном - он нападал. Поэтому движение гусениц включило весь арсенал средств борьбы с такими вот топчущими все и вся гигантами, подобно тому, как вид мангров включил в сознании человека мысль, что он имеет дело с кустарником.

И если бы мангры были способны рассуждать, они с удовлетворением отметили бы, что враг им попался нахальный, большой, но глупый, и что, следовательно, победа над этим урбаном останется за ними.

Но рассуждать они не могли, они действовали.

Вездеход плавно качнуло. Так плавно и мягко, что иная неровность дала бы куда более ощутимый толчок. Никто из людей, понятно, ничего не заметил.

Расчет, который бессознательно провели мангры, сделал бы честь земной математической машине. В нужный момент к нужной точке, как по команде, стянулось множество ногокорней. Едва вездеход очутился над этим участком, незаметно скопившиеся под листвой ногокорни одним касанием чуть-чуть уперлись в его днище. Неощутимый толчок никак не мог насторожить предполагаемого урбана, а манграм он давал бесценную информацию о весе противника.

Вездеход снова и уже резко качнуло. Одновременно его скорость упала так внезапно, что люди клюнули носом. Машинально водитель затормозил. Вездеход тут же выровнялся. Поскольку впереди не было никаких препятствий и быстрый взгляд на шкалу донного локатора - никаких трещин, водитель, смутно удивившись, тут же дал двигателю мощность.

Но вездеход и не подумал рвануться. Было видно, как ползет лента гусеницы, слышно, как шумит мотор, но и только. Столь же машинально, как он действовал за секунду до этого, водитель дал полную мощность. Вездеход

содрогнулся, стремительно замелькали гусеничные траки, двигатель, перед силой которого, казалось, ничто не могло устоять, взвыл, словно от ярости. Но машина не сдвинулась и на миллиметр.

Она и не могла сдвинуться, потому что мангры, упершись в днище, приподняли ее, и гусеницы теперь молотили воздух.

Реакция врага, обладай мангры способностью удивляться, изумила бы их своей замедленностью. Все складывалось на редкость удачно: нерасторопный противник был оторван от почвы, лишен возможности двигаться, и его гибель была теперь лишь вопросом времени.

Мангры испытывали удовлетворение — это неосознанное чувство им было знакомо.

- Алло, бот, мы подверглись нападению, смешно сказать, кустарника!

- Точнее?

- Гусеницы вращаются вхолостую, очевидно, эти "кусты" лишили их опоры. Их гибкие ветви, точнее - щупальца, оплели кузов так, что мы не можем открыть дверцы и пустить в ход оружие.

- Опасность?

- Прямой опасности нет, "кусты" больше ничего не предпринимают, но положение нелепое: мы пленники, и непонятно даже чего. Мы пока не видим выхода.

- Понятно. Минут через десять мы атакуем вашу "растительность".

- Биолог возражает: второго вездехода нет, а атаковать без него рискованно, так как неясен характер противника.

- Позитивная программа?

- Надо взять образцы этого "кустарника" и точно установить, что же это такое.

- Мы это тоже сообразили. Но можете вы поручиться, что с вами тем временем ничего не произойдет?

- Нет, конечно, хотя, повторяю, "кустарник" прекратил атаку. Очевидно, не знает, что с нами делать.

- Тогда наш план остается в силе. Ждите.

Люди ошибались, полагая, что мангры не знают, как поступить с пленным чудовищем. Они также ошибались, полагая, что мангры ничего не предпринимают. Они действовали, как привыкли действовать, и в тот самый момент, когда шел разговор, они пытались разорвать вездеход, как разрывали попавших в их объятия урбанов.

Конечно, у них ничего не получалось, да и вообще все было как-то не так: враг не рвался из пут, а ветверуки, которые должны были стиснуть опасные стригал и урбана, вместо этого стискивали пустоту.

Последнее обстоятельство повергло в недоумение не только мангров, но и людей, которые непонимающе следили, как слева и справа от кузова, обнимая пустоту, качались пучки щупалец. Что бы это значило? Все прочие поступки мангров, едва прошло ошеломление первых минут, были поняты людьми, хотя и не до конца. Этот же поступок не имел очевидного объяснения и заставлял предполагать худшее - некий дальновидный и пагубный умысел.

Оставив на борту дежурного, трое людей быстро достигли вершины холма. Они были вооружены плазменными винтовками - оружием неодолимой силы. Но, как им сразу стало ясно, даже с его помощью здесь нельзя было рассчитывать на быстрый успех. Одно дело какие-нибудь бронированные чудовища, которых плазменный выстрел мог пронзить насквозь, и совсем другое - обширные заросли "кустарника", в которых требовалось прожечь ход к побежденной машине.

Но, в конце концов, что мог противопоставить "кустарник" оружию, которое исправно прокладывало человеку путь во всех, без исключения, мирах?

Убедившись, что разорвать жертву не удается, мангры привычно изменили тактику: ветверуки стиснули вездеход, сжали его так, что никакому урбану не поздоровилось бы.

Спектролитовый колпак вездехода, однако, даже не скрипнул, и люди в нем не заметили этих новых могучих усилий мангров.

"Кустарник" следовало выжигать постепенно, метр за метром, и атакующие методично принялись за дело. В успехе они, понятно, не сомневались.

Конечно, мангры не осознали, что эти, издали жалящие их тело фигурки и пойманный гигант - звенья одной цепи. Перед ними оказался новый враг — вот и все. С таким поражающим издали противником они еще не имели дела, но страх перед неизвестным, вообще страх был им неведом. Пока урон был невелик, они могли и должны были бороться, иначе, как говорил миллионолетний опыт, выжить невозможно.

Люди с удовлетворением отметили, что первые же выстрелы заставили "кустарник" попятиться. Он отступал по всему фронту, но вместе с собой он волочил и вездеход.

Враг бежит, надо преследовать! Это было старинное правило охоты. Да и ничего другого людям не оставалось делать, так как расстояние ослабляло силу огня.

Преследование началось.

Манграм была неведома такая абстракция, как "ловушка". Но ставили они именно ловушку, поскольку этот прием был в арсенале их средств борьбы.

Они отступали не целиком. Отдельные, зарывшиеся в почву ногокорни оставались там, где были, и ждали, когда их верхние отростки почувствуют поступь атакующего противника.

Даже такая борьба, как расстрел кустарника, порождает азарт, и люди, мечущие молнии, понятно, не обращали внимания на обугленную их выстрелами почву.

Западня сработала мгновенно. Люди не успели понять, что случилось, как их ноги уже были схвачены рванувшимися из-под земли щупальцами. Еще мгновение - и их тела очутились в воздухе, а новые щупальца охватили руки.

Это было так страшно - рванувшиеся из-под земли щупальца, - что люди упустили драгоценное мгновение, когда оружие еще могло освободить их.

Конечно, мангры, как полагалось, сразу же стиснули своих новых пленников, но сил одиночных ногокорней, которые так блестяще справились со своей задачей, не хватило, чтобы одолеть жесткий скафандр.

Но это было лишь временной отсрочкой. Едва прекратились выстрелы, как уже вся масса мангров двинулась к трем беспомощно повисшим в воздухе пленникам.

Чем им это грозит, те поняли сразу. Их руки и оружие были схвачены самым причудливым образом, так что двое могли шевелить только кистью. Действовать в таком положении было не слишком удобно, но такую мишень, как "кустарник", мог поразить и неприцельный огонь. И на мангров снова обрушились молнии.

То был поступок отчаяния, люди ждали, что щупальца в ту же секунду схватят, прижмут, вырвут оружие. Но, к их изумлению и облегчению, ничего этого не произошло - щупальца не двинулись.

Опаленный огнем фронт мангров замер. Люди тут же прекратили стрелять в их новом отчаянном положении был дорог каждый заряд.

Мангры двинулись снова.

Выстрелы опять их остановили.

Так повторилось еще несколько раз.

Наконец людей словно отпустил кошмар, мангры уже не сделали попытки двинуться.

Мангры, хотя их организация была примитивной, умели учиться. Но здесь их способности были крайне ограниченными. Выстрелы быстро выработали в них условный рефлекс, но дальше дело пошло туго. Мангры, если можно так сказать, были поставлены в тупик, ибо бой все больше развертывался "не по правилам".

И тогда, когда программа инстинкта была исчерпана, включился механизм метода "проб и ошибок".

- Да сделайте же что-нибудь!

Крик напрасно звенел в наушниках. Люди в вездеходе предпочитали не глядеть друг на друга. Их положение было ужасно, потому что им, защищенным броней, но беспомощным, предстояло увидеть агонию друзей, которые хотели их выручить и стали пленниками сами.

А агония должна была наступить рано или поздно. Даже если все останется в прежнем положении и "кустарник" ничего не предпримет, кислород в скафандрах иссякнет раньше, чем мчащийся от соседней планеты звездолет придет на помощь.

Оставался, правда, еще один свободный человек - дежурный покинул свой пост, и теперь его одинокая фигура маячила на вершине холма. Но стрелять он не мог - нельзя было поразить щупальца, не поражая людей. Подойти с резаком? Но это было слишком рискованно.

Внезапно вездеход тряхнуло. Борт его резко накренился, люди едва успели ухватиться за поручни. Нет, мангры отнюдь не забыли о своем первом противнике! Они его переворачивали вверх гусеницами.

Зачем? Этого не знали не только люди, но и мангры.

С вездеходом, даже поставленным вверх ногами, мангры заведомо ничего не могли поделать, но с остальными они могли расправиться по меньшей мере тремя способами: убить резкими ударами о землю, скрутить их тела винтом, что вызвало бы разрыв скафандра, или, как в случае с вездеходом, перевернуть людей вниз головами.

Второй маневр хранился в наследственной памяти мангров, но, к счастью для людей, сама эта программа уже столь явственно дала осечку, что инстинкт самозатормозился. Точнее, одна инстинктивная программа "делай как всегда" была ослаблена другой программой: "пробуй, если не получается как всегда". А поскольку люди с молниями и вездеход представлялись разными врагами, то и пробы оказались разными: щупальца всего лишь выпустили сок, которым они разлагали минералы почвы. При этом они стали

потряхивать людей теми же движениями, какими, выпустив сок, рыхлили почву.

Нельзя сказать, чтобы это было приятно, но потряхивание, по крайней мере, ничем не грозило. Что же касается белой жидкости, которая заструилась по скафандрам, то тут можно было подозревать самое худшее. Враг, столь быстро и умело нанесший людям поражение, казался им теперь воплощением коварного и расчетливого ума.

К счастью, не всем.

У людей в вездеходе при всех их переживаниях была возможность подумать.

Они следили за всем, что происходит, и привычка сопоставлять, анализировать понемногу брала верх. Процесс этот, в общем, был бессознательный, он был следствием огромного опыта человеческой культуры, который подсказывал, что все победы предрешал творческий подход, а там, где этого не было, не было и успеха.

В беду их ввел привычный стереотип мышления, но второй такой же ошибки им удалось избежать. Целенаправленные, точные, а потому внешне разумные действия "кустарника" лишь на миг поколебали изначальную убежденность биолога, что они имеют дело с примитивным, хотя и своеобразным, существом. Эта убежденность не была слепой, ибо основывалась на знании общих законов эволюции жизни, знании, что содержание определяет форму. То, что "кустарник" не парализовал оружие, не нашел верного способа убийства беспомощных людей, окончательно развеяло все сомнения. Их противник не был ни умен, ни глуп, как не была умна и глупа какая-нибудь земная росянка; он был отлично приспособлен к строго определенным условиям и ситуациям, только и всего.

Когда это было осознано, требовалось уже немногое, чтобы увидеть выход из безвыходного, казалось бы, положения.

В подсказке недостатка не было. На тех участках, где не кипел бой, листья мангров мирно продолжали вбирать свет.

Там, едва стихли выстрелы, объявились похожие на мокрицу крупные существа, которые безбоязненно сновали меж ветвями и - более того - поедали листья!

Конечно, эта идиллия скользнула мимо оглушенного событиями разума, но в сознании она запечатлелась. Проистекающей отсюда мысли, чтобы развиться, надо было преодолеть несколько предвзятых установок. А именно: всесилие человека отнюдь не в его силе, не в мощностях покоренных им энергий, не в изощренности построенных им машин, даже не в знаниях, - оно в гибкости, широте и дальновидности его мышления! Еще: тактика, успешно сработавшая пусть тысячу раз, не обязательно оправдает себя в тысячу первый. И еще: человек убежден, что он всегда разумен; на деле же он разумен только тогда, когда способен подметить, оценить новое и, перестроив прежнюю картину мира, действовать в соответствии с реальностью, какой бы она ни была.

Незаметно для себя (необходимость - лучший учитель!) биолог проделал весь этот путь. И тогда он понял, что надо делать.

Понял в тот самый момент, когда в наушниках раздался отчаянный крик:

- Их жидкость разъедает скафандр!

Так наступила критическая минута, и биолог понял, что его открытие бесполезно: нет времени объяснять, события опередили работу разума.

И все же...

- Откуда вы заключили, что сок разъедает силикет?!

- Шелушится и опадает его верхний слой!

"Сок был выпущен полчаса назад, - мгновенно пронеслась мысль. - А слоев три..."

- Остановитесь! - закричал он. - У нас есть время и верный способ!

Поздно. Единственный оставшийся на свободе член экипажа уже подбегал к пленным. Сверкнуло лезвие резака...

Прежде чем резак успел отсечь второе щупальце, несколько других, соскользнув с пленников, схватили смельчака. Хотя он и был готов к нападению, бросок щупалец опередил его реакцию. Секунда - и он оказался в том же положении, что и остальные.

Ужас не помешал биологу отметить, что его план блестяще подтвердился в самом уязвимом пункте. Теперь он твердо верил в успех. Если, конечно, новый случайный поступок "кустарника" не сделает его невыполнимым.

Этого, однако, можно было не бояться. Мангры знали, что корневой сок действует медленно, и не спешили пробовать что-нибудь другое. Что же касается первого врага - вездехода, - то все его поведение убеждало, что он мертв. Значит, оставалось ждать, когда разложение размягчит ткани этого странно твердого урбана. Все было не так, как всегда, и все-таки шло как надо.

Донный люк откидывался внутрь. Первым вылез биолог. Люк за ним тотчас захлопнулся - как ни убедительна была теория, рисковать всем не было смысла.

Перевернув вездеход, мангры сами облегчили выполнение плана, ибо теперь у человека был широкий простор для маневра, который отсутствовал бы, если бы донный люк остался внизу.

Ползком, стараясь без нужды не касаться щупалец, человек соскользнул с брони вездехода и также ползком, извиваясь всем телом, двинулся сквозь сплетение страшных отростков.

Даже смотреть на это было невмоготу. Для биолога самым пугающим было касание этих бледно-маслянистых щупалец и сознание, что им ничего не стоит схватить и удушить. Вопреки всему, воображение невольно наделяло их рассудком, который способен преодолеть шаблон инстинкта. Ведь ясно, что крадется враг!

Манграм, однако, было совершенно ясно, что сквозь сплетение их ветверук ползет нечто безвредное или даже скорей полезное. Никакое другое существо просто не могло

вот так сразу очутиться и двигаться в самой сердцевине их организма - оно было бы задержано, опознано и истреблено на границе тела. Мангры не разбирались, что это за существо копошится в них, они не обращали внимания на тех тварей, которые поедали больную листву, обирали вредных насекомых или питались отмершими тканями. Ведь даже человек без помощи науки не в состоянии заметить тех подчас вредных существ, которые гнездятся в его организме! Поэтому биолог находился в безопасности, словно прогуливался по парку.

И это вскоре стало ясно всем.

Биолога могли погубить лишь две ошибки, но он их учел. Он не двинулся напрямик, так как пришлось бы проползать через опаленные выстрелом участки, а это могло вызвать у мангров болевое ощущение, которое, вероятно, включило бы защитную реакцию. Он, хотя это намного удлиняло его путь, выбрался наружу там, где мангров ничто не беспокоило. И, выйдя наружу, он не встал и не побежал, прекрасно сознавая, что противник скорей всего уже научился отождествлять фигуру идущего человека с опасностью.

Экипаж вездехода в точности повторил его маневр. Нельзя сказать, что люди проделали это без содрогания, но успех был достигнут. И вовремя!

Скафандры пленников, как и предполагалось, еще противостояли разрушительному действию сока. Пока еще противостояли...

Схватка одиночки со щупальцами, которая закончилась столь плачевно, тем не менее наглядно подтвердила то, о чем биолог догадывался. Пучок щупалец исчерпал все свои резервы. Настолько, что нового пленника они уже не могли поднять над землей. Возможно, они еще могли скрутить одного-двух, но теперь в борьбу вступали уже четверо. Подхода других мангров можно было не опасаться: "рефлекс выстрелов" не должен был исчезнуть так быстро.

Все, что произошло потом, сильно напоминало ожившую скульптуру битвы Лаокоона со змеями.

Теперь оставалось лишь отбить вездеход. Но мысль об избиении уже беззащитного, когда стали ясны его слабые стороны, хотя по-прежнему загадочного "кустарника", претила людям. И они охотно пришли к выводу, что мангры сами оставят вездеход, едва почувствуют приближение бури.

Тут они ошиблись. Инстинкт повелевал манграм не упускать добычу, и, когда приблизилась буря, они поволокли вездеход.

С их стороны это был роковой просчет. Вездеход в отличие от урбана нельзя было разодрать на клочки; его махина затруднила движение мангров, и буря их настигла.

А что такое здешние бури и почему мангры стали кочующими полурастениями-полуживотными, людям сказали обломки вездехода, рассеянные на пространстве многих километров.

Юрий Тупицын

ТОНКИЕ ГРАНИ РИСКА

Экспедиция "Маяк" работала в поясе астероидов. Она состояла из базового лайнера "Ригель" и шести малых исследовательских кораблей. Они не имели собственных имен и отличались только номерами - МИК-1, МИК-2, МИК-3.

В задачу экспедиции входила всесолнечная перепись астероидов и метеорных потоков. Образования с наиболее неустойчивыми, возмущаемыми орбитами маркировались радиомаяками. Попутно экспедиция вела широкие исследования по составу, структуре малых тел и исследовала возможности их применения для строительства внеземных станций.

Главную исследовательскую работу выполняли малые корабли. Работа на них требовала большого напряжения и искусства: экипаж такого корабля состоял всего из двух человек, а полет в глубине пояса астероидов напоминал плавание без карт и лоций в богатых коралловыми рифами морях Индийского океана. И почти всегда роль лидера, роль головного корабля, который первым проникал в неисследованные районы, брал на себя МИК-1. Командовал им Ларин, а бортинженером был Шегель.

Их направили в экспедицию из испытательного центра в самый последний момент, после трагической случайной гибели предшественников во время безобидного тренировочного полета.

В день встречи с астероидом, который впоследствии был назван астероидом Ларина - Шегеля, экипаж МИК-1 преследовали неудачи.

Сначала прервалась связь с "Ригелем". В этом не было ничего особенного: пояс астероидов был полон пылевых облаков, которые несли электрический заряд и отражали радиоволны не хуже металлической сетки. Однако для

очистки совести пришлось копаться в радиостанции дальней связи и проверять исправность ее блоков. Радиостанция оказалась исправной, а связь с базой так и не восстановилась.

Едва закончили эту работу, как отказал руль продольной оси головного телеразведчика. Ракету приняли на борт и начали перебирать станцию телеуправления, так как, судя по всему, неисправность гнездилась именно там. Корабль между тем продолжал полет полуслепым, довольствуясь информацией одного обзорного локатора. В поясе астероидов это было далеко не безопасно. И Ларин нисколько не удивился, когда в разгар ремонтных работ корабль заполнил высокий режущий уши и нервы сигнал тревоги.

Пожалуй, только в космосе возможны такие мгновенные переходы от будничной работы к максимальному напряжению чувств, воли и способностей. Неожиданное, иногда страшное, иногда увлекательное, но всегда неотвратимое входит вам в жизнь легко и просто, как входит в дом хороших друзей старый знакомый.

Выключив электропаяльник, Ларин гибким, кошачьим движением проскользнул мимо замешкавшегося Шегеля и метнулся к боевому креслу. Он уже пристегнул привязные ремни и надел гермошлем, когда рядом с ним занял свое рабочее место инженер. Он досадовал на свою медлительность, торопился, а поэтому движения его потеряли обычную четкость - стали нервны и суетливы.

- Не спеши, Олег Орестович, - спокойно сказал Ларин, скосив глаза на товарища, - ничего страшного. Астероид или крупный метеорит в дальней зоне обнаружения.

Обе руки Ларина лежали на пульте управления, а пальцы бегали по клавишам и кнопкам с быстротой и ловкостью, которой позавидовал бы опытный пианист. Подчиняясь его командам, автоматы послушно выдавали на главный индикатор нужную информацию. Ларин зачитывал ее вслух. Инженер внимательно слушал и время от времени,

щуря глаза, рассматривал на зеленоватом экране локатора блестящую точку - отметку астероида.

- Расстояние наибольшего сближения девяносто три километра, диаметр не определяется, значит, меньше четырехсот метров, орбитальная скорость. Ларин помедлил и обернулся к Шегелю: - У него гиперболическая скорость, Олег Орестович.

- Гость из космоса, - без всякого воодушевления констатировал Шегель. - Стоит ли нам за ним гоняться? Все равно уйдет от Солнца.

Отсутствие энтузиазма у инженера объяснялось тем, что это был далеко не первый "гость из космоса". Из-за высокой скорости гоняться за такими астероидами приходилось подолгу, горючего расходовать много, а обследование ничего интересного не давало.

- А может быть, все-таки обследуем? Вдруг что-нибудь любопытное.

- Вроде небулия или корония? - усмехнулся Шегель и потер переносицу. А телеразведчик?

- Н-да, - на секунду заколебался Ларин, но потом решил: - Обследуем без телеразведчика, прямо на "микеше".

- А инструкция? - все так же флегматично напомнил инженер. Инструкция запрещала производить прямое обследование небесных тел без предварительной телеразведки,

- Что инструкция? - Ларин уже набирал предварительные ходовые команды. - Инструкция, Олег Орестович, не догма, а руководство к действию. А потом, в особых случаях инструкция разрешает проявлять инициативу.

- Жаль, что нет связи с "Ригелем".

- Жаль, - согласился Ларин, он медлил, глядя на товарища. Шегель поймал его взгляд и улыбнулся.

- Ну что ж, раз инструкция разрешает - проявим инициативу. Поехали!

Ларин удовлетворительно кивнул головой и мягко выжал ходовую педаль. Корабль заполнило гудение, постепенно превращавшееся в свист. Этот свист становился все

тоньше, пронзительнее, мелко задрожали боевые кресла и приборная доска.

Поднявшись до нестерпимых высот, свист вдруг оборвался, изчезли вибрации.

Только глухой шум, похожий на непрерывный вздох набегающей волны, висел теперь в воздухе.

"Микеша" незаметно снялся с места и, набирая ход, поплыл к астероиду, навстречу собственной гибели. Но кто тогда догадывался об этом?

Из предварительного отчета экспедиции "Маяк", базовый корабль "Ригель": "Малый исследовательский корабль МИК-1 был обнаружен в четвертом секторе внутреннего пояса астероидов спасательным кораблем С-4. На запросы аварийный корабль не отвечал". В результате обследования с безопасной дистанции было установлено следующее. Корпус корабля подвергся глубокой лучистой коррозии. В результате лучевого удара полностью иснарились все внешние корабельные надстройки, аэродинамические рули, стабилизаторы и антенны. Оказались наглухо запаянными основной и аварийный входной люки, иллюминаторы, окна и щели приборов наблюдения. Характер повреждений корабля подтвердил догадку службы безопасности о том, что авария МИК-1 произошла в результате мощной световой вспышки, наблюдавшейся в зоне его предполагаемого местонахождения..." С дистанции визуальной видимости Шегель начал обследование астероида с помощью телескопа. Астероид представлял собой металлическую глыбу неправильной формы с размерами триста десять на сто двадцать метров.

- Самый обычный железоникелевый астероид, - скучно констатировал инженер, - стоило за ним гоняться! Я же говорил.

Ларин не ответил. Для него наступил самый ответственный миг работы вход в зону тяготения и непосредственное сближение с астероидом. Манипулируя рулями и тягой малого двигателя, он все свое внимание сосредоточил на том,

чтобы удержать изображение астероида в перекрестье нитей нуль-индикатора. Расстояние до него сокращалось: три километра, два, один. Инженер, не выпускавший из поля зрения контрольные приборы, неожиданно скомандовал:

- Срочное торможение!

Быстрое движение руки Ларина, короткий вой главного двигателя, и "Микеша" неподвижно завис в пространстве на удалении восьмисот метров от астероида.

Ларин взглянул на Шегеля с молчаливым вопросом.

- Астероид радиоактивен, - растерянно пояснил инженер.

- Что?

Удивление Ларина было понятно. За все время работы в поясе астероидов экспедиция еще не встречалась с радиоактивными небесными телами. Да и вообще, сколько знал Ларин, не было известно ни одного радиоактивного метеора. Но теперь и он заметил, как мигает лампочка радиометра, а маленькая остроносая стрелка, чуть покачиваясь в такт этим миганиям, заметно перевалила за уровень обычной нормы.

- Может быть, возросла интенсивность фона? - предположил Ларин. - Мало ли что. Флуктуация космических лучей. Вспышки на Солнце.

- Исключено, - инженер решительно отверг это предположение, - счетчик работает на остронаправленной антенне.

- Чудеса, - пальцы Ларина пробежались по клавишам пульта, запрашивая из памяти компьютера сравнительную информацию. - Хм, а радиоактивность не так уж велика. На таком астероиде и пообедать можно, да еще и вздремнуть после этого.

- Да, радиоактивность невелика, - согласился Шегель, - примерно такая же, как у чистого урана.

Ларин взглянул на него с улыбкой.

- А если это урановый метеорит?

- Ну! Таких не бывает. А впрочем, - в голосе Шегеля появились мечтательные нотки, - чем черт не шутит. Во

всяком случае, обследовать этот феномен мы обязаны. Жаль вот, связи нет с базой.

- Жаль, - согласился Ларин, включая малый двигатель.

- Малый, я прошу самый малый ход, - поспешно сказал инженер.

— Это почему? - терпеливо уточнил Ларин.

- Я должен выяснить динамику процесса при сближении. Мы вторгаемся в неведомое, Андрей Николаевич. Мало ли что.

В мягком голосе Шегеля звучали требовательные нотки. Ларин снисходительно улыбнулся и согласно кивнул головой.

"Микеша" пополз, почти в буквальном смысле этого слова, к астероиду. Шегель утонул в показаниях приборов. По лицу его как по открытой книге, можно было читать переживания, напряженное ожидание, недоумение и, наконец, изумление.

- Что там еще стряслось? - не выдержал Ларин.

Шегель мельком взглянул на него и возбужденно пояснил:

- Смотрите, как растет радиоактивность!

- Она и должна расти.

- Но она растет быстрее, чем по квадратичному закону!

Несколько долгих секунд Ларин переваривал услышанное, затем главный двигатель коротко взвыл, и корабль неподвижно завис в пространстве метрах в четырехстах от астероида.

- Что такое? - недовольно спросил инженер. - Почему мы остановились?

- Надо разобраться, в чем дело.

— Вот именно. А для этого надо подойти поближе. Может быть, на прямой контакт! - Шегель начал сердиться.

- Сначала надо разобраться, в чем дело, - терпеливо повторил Ларин. Чем вызван рост радиоактивности? Почему она растет так аномально быстро? Может быть, астероид взаимодействует с кораблем?

Шегель еле дослушал.

- Согласен. Но как это сделать на таком расстоянии?

- Попробуем гамма-пушку.

- Но ведь далеко!

- Далековато, - со вздохом согласился Ларин, - на самом пределе. Но кто нам мешает попробовать?

Он сдержал улыбку, видя, как раздраженно передернул плечами Шегель. Его била исследовательская лихорадка, он весь, до последней клеточки, был там, на астероиде.

Через минуту гамма-пушка была подготовлена. Ларин нажал кнопку, на корабле притух свет, компенсируя мгновенный расход энергии, а из жерла гамма-пушки на астероид пошло несколько мощнейших импульсов электромагнитного излучения, начиная от мягких рентгеновских волн и кончая жестами гамма-лучами.

Из предварительного отчета экспедиции "Маяк", базовый корабль "Ригель": "Эта вспышка носила аномальный ядерный характер, радикально отличаясь от цепных ядерных реакций взрывного типа - деления и синтеза. Во-первых, она была сильно растянута во времени, то есть была именно вспышкой, а не взрывом как таковым. В результате подавляющая часть массы астероида просто развалилась и рассыпалась в тончайшую пыль, диаметр частиц которой сравним с размерами молекул.

Во-вторых, по ядерным масштабам удельный выход энергии при вспышке был крайне низким, вполне сопоставимым с выходом энергии при обычных химических реакциях. В-третьих, свыше 90 процентов энергии вспышки выделилось в виде электромагнитного излучения на сравнительно низких частотах, до ультрафиолета включительно.

Проработка ряда гипотез, которые достаточно удовлетворительно описывали внешнюю картину парадоксального явления, на центральном компьютере базового корабля позволила отдать решающее предпочтение гипотезе Динкова - Макдональда, выдвинутой еще в 80-х годах XX века и ныне почти забытой. В соответствии с этой гипотезой

в природе, помимо вещества и антивещества, может существовать также стабильное нейтральное и антинейтральное вещество. А поэтому в своих исследованиях наряду с мирами и антимирами человечество может встретиться также с мирами нейтральными и антинейтральными..." Электромагнитные импульсы, частично отразившись от кристаллической решетки молекул и атомов, вернулись к приемнику гамма-пушки, неся полную информацию о структуре вещества, слагающего астероид. В течение нескольких секунд эта информация была расшифрована и подана на индикаторы.

- Железо! - ошарашенно констатировал Шегель, несколько раз перечитав показания приборов. - Самое обыкновенное метеорное железо с примесями никеля и кобальта.

- Железо, - в раздумье подтвердил Ларин.

Шегель возбужденно обернулся к нему.

- Но у железа нет долгоживущих радиоактивных изотопов. Значит, в геологическом смысле астероид образовался буквально сейчас!

- Возможно, - без всякого энтузиазма ответил Ларин.

Но Шегель не заметил его скептицизма.

- Но если так, Андрей Николаевич, то мы просто обязаны детально обследовать этот феномен!

Ларин внимательно разглядывал возбужденного товарища.

- А если дело обстоит как раз наоборот?

- Не понимаю.

- Если астероид доживает последние дни, даже часы, а его радиоактивность говорит о том, что он вот-вот взорвется?

- Но тогда мы тем более должны его обследовать!

Шегель смотрел на командира с некоторым удивлением - как это он не понимает столь очевидной вещи? Лицо инженера раскраснелось, глаза блестели. Он был совсем непохож на вдумчивого осторожного специалиста, который сидел с Лариным несколько минут назад и твердил о малом, самом малом ходе.

Ларин вдруг понял, почувствовал сердцем, почему Олег Орестович, деликатный предупредительный человек и отличный товарищ, был несчастлив в любви и в семейной жизни. Он принадлежал науке, и никакая любовь ничего не могла с этим поделать. Он служил науке бескорыстно, беззаветно и радостно. Без этого фундамента он бы психологически не выдержал тяжелой нервной нагрузки, которая ложилась на всех, кто вел работу в поясе астероидов. Огонь подвижничества горел в его душе незаметным, но неугасимым огнем. Иногда этот огонь ярко вспыхивал, бросая странные блики света и тени на его облик.

- А если контакт с "Микешей" ускорит распад астероида? - вспомнив о нарушении квадратичного закона, сказал Ларин.

- Если мы будем предельно внимательны, мы уловим момент, когда нужно удирать.

"А если не уловим?" - хотел спросить Ларин, но промолчал, только улыбнулся. Шегель с необыкновенной чуткостью заметил колебания командира.

- Конечно, риск есть. Научный поиск — это бой с тайнами природы, а не увеселительная прогулка. Но радиоактивный астероид, да еще с аномальным нарастанием радиоактивности — это же кладезь тайн! В конце концов, гамма-зондаж дал нам структуру лишь самого внешнего слоя астероида. А что скрывается в его толще? - Шегель замялся, подыскивая наиболее "сногсшибательный" аргумент, и не вообще, а для своего командира. - Может быть, внутри его скрыта атомная энергостанция или ядерный двигатель.

Ларин усмехнулся.

- Корабль коварных пришельцев, хитроумно замаскированный под астероид?

- А вдруг? И почему именно коварных? Разве мало было выдвинуто проектов у нас, на Земле, которые предлагали использовать астероиды как космические станции?

- Имеем ли мы право рисковать собой и кораблем во имя этих "а вдруг"? - медленно спросил Ларин.

- Во имя науки, Андрей Николаевич, - мягко поправил Шегель. - Да и что такое риск? Особенно для нас с вами.

Тут Шегель был прав - действительно, что такое риск? Даже теперь, в эпоху массированного исследования космоса, множество людей упорно сидят на Земле, не решаясь подняться в небо. И это вовсе неплохие люди, способные на мужество и храбрость в иных ситуациях. А разве среди профессиональных космонавтов мало таких, которые считают полеты в поясе астероидов безрассудством? А много ли найдется на "Ригеле" охотников ходить в свободный поиск на "Микеше"? Ходить систематически, превратив этот поиск в хотя и увлекательную, но будничную работу?

Что толкает людей на риск? С Шегелем все ясно, это фанатик науки. Что заставляет ходить по узкому карнизу дозволенного его, летчика-испытателя Ларина? Конечно, незабываема радость победы, сознание своей силы и торжества над капризным случаем, над темным фатумом. Недаром древние греки подчиняли этой темной силе не только людей, но и богов. Играют какую-то роль и честолюбие, и искры восторженного недоумения в глазах любимых и близких. Но дело не только в этом.

Само счастье бродит где-то совсем рядом с риском и удачей, само неуловимое счастье!

- Андрей Николаевич!

Ларин очнулся от раздумья.

- Мы не имеем права упускать такой объект. - В голосе Шегеля звучали умоляющие нотки. — Это будет настоящее преступление против науки!

Серьезный командир "Микеши" вдруг рассмеялся.

- Что ты уговариваешь меня как маленького, Олег Орестович? Ты думаешь, мне не хочется навеки прославить свое имя каким-нибудь сенсационным открытием?

- Ну! - других слов для возмущения Шегель не нашел.

Ларин погрозил ему пальцем.

- Рискнуть я согласен. Судя по всему, игра стоит свеч. Но делать это надо с головой. - На лице Ларина появилось

сосредоточенное выражение. Кораблем и нами обоими сразу рисковать глупо. Оставим "Микешу" на месте. Я отправлюсь на астероид и сделаю все, что нужно.

- Вы? А я?

Легкая улыбка тронула губы Ларина.

- Ты в любом случае обогатишь свою любимую науку новыми фактами.

Шегель потемнел.

- Андрей Николаевич, вы злоупотребляете моим уважением к вам.

- Напрасно обижаешься, Орестович, - мягко сказал Ларин, - я опытнее, старше. Да и не впервой мне ходить по краешку.

Шегель замотал головой.

- Ни за что! Лучше пусть он пропадет, этот астероид!

- Может, и правда, пусть пропадет, - в раздумье проговорил Ларин, глядя в лобовое стекло на колоссальную глыбу металла, закрывавшую звезды.

- Я пойду, понимаете? Я! А вы останетесь.

Ларин не ответил.

- Андрей Николаевич, - совсем тихо сказал Шегель после долгой паузы, я прошу вас. Это несправедливо, неблагородно, в конце концов. Вы все время берете риск на себя. А я уже давно не тот инженер-теоретик, которого вы взяли в напарники для испытаний "Вихря".

Ларин перевел взгляд на товарища.

- Андрей Николаевич, я прошу вас, пожалуйста.

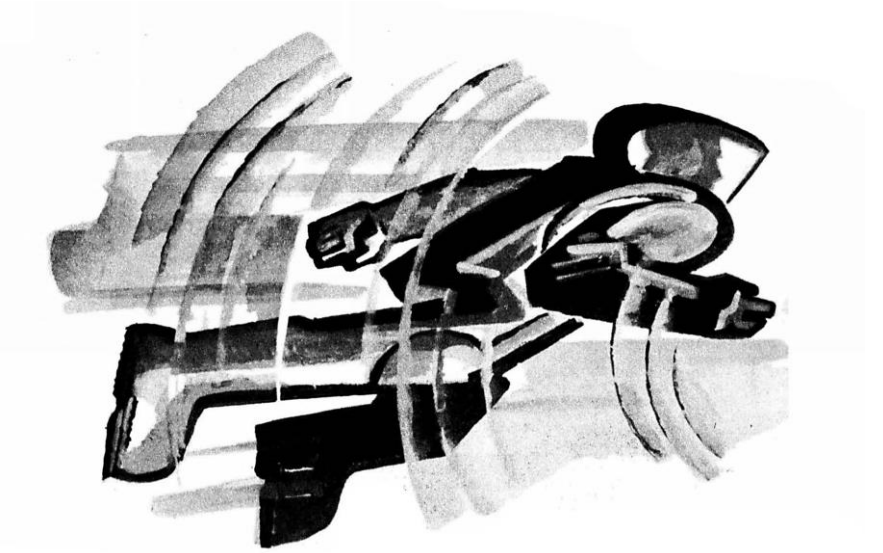
Из предварительного отчета экспедиции "Маяк", базовый корабль

"Ригель":

"Картину нейтрального мира наглядно можно проиллюстрировать особенностями простейшего химического элемента - водорода, HI Водород обычного мира представляет собой структуру из ядро-протона и орбитального электрона. Антиводород, синтезируемый ныне в крупных масштабах наземными станциями космического топлива, состоит из ядра-антипротона и орбитального позитрона, электрона с положительным зарядом. Простейший элемент нейтрального мира, нейтроводород, в качестве ядра имеет нейтрон, а орбитальной частицы - электрон с антинейтральным зарядом.

Если вещество и антивещество аннигилируют, превращаясь в гамма-кванты, то нейтровещество может в определенных условиях сосуществовать с веществом нашего мира длительное время. Нейтральному миру полярен антинейтральный, структура элементов которого достаточно очевидна.

Сопоставление расчетов, выполненных на базе гипотезы Динкова Макдональда и фактических данных вспышки убедительно свидетельствует в пользу того, что астероид Ларина - Шегеля представлял собой монолитную глыбу нейтрожелеза, вторгнувшуюся в пределы солнечной системы..."



В массивном скафандре высшей защиты Шегель был похож на робота, а лучше сказать - на средневекового рыцаря с щупом геолокатора вместо копья в правой руке.

Он помедлил, точно перед прыжком в холодную воду, вглядываясь в небесную бездну мрака, светящейся пыли и драгоценных камней.

Пожалуй, только сейчас, перед решительным шагом, который должен был отдалить его от корабля и унести навстречу неведомому, Шегель понял всю глубину риска, на который он решался.

Чувство это было похоже на озноб, на предлихорадочное состояние, готовое разрядиться бурным пароксизмом.

В который раз за время пребывания в космосе Шегель позавидовал командиру. Как все ясно и просто Ларину! Риск, оспасность - для него обыденная будничная работа все равно что для Шегеля расчет какой-нибудь элементарной плазменной ловушки, У Ларина и сердце бьется ровно, и ни один мускул не дрогнет на лице. А что толкает на этот проклятый риск его, Шегеля?

Конечно, служение науке - дело святое, без этого базиса он бы и дня не засиделся в космосе. А какое удовлетворение, какое торжество охватывает все твое существо, когда ты побеждаешь самого себя и шагаешь через порог, возле которого топчутся в сомнении и страхе тысячи других людей! Перед этим блекнет даже самый миг победы.

- Олег Орестович, готов?

Шегель вздрогнул, очнувшись от своих так не к месту пришедших в голову, не относящихся к делу мыслей.

- Готов, - тенорком пропел он и шагнул вперед.

Шагнул в странный мир, в котором не было ни верха, ни низа, в котором всюду, куда только мог взглянуть глаз, были звезды, звезды и звезды. Правда, впечатление всеобъемлющей звездной пропасти скрадывалось сейчас громадой астероида, которая тяжело вставала совсем рядом с кораблем. Приходилось делать усилие, убеждая себя, что до него четыреста метров. Отделившись от корабля, инженер сбалансировал скафандр, неторопливо проверил снаряжение и сообщил:

- Все в порядке, я пошел.

- Слежу за тобой, - отозвался в телефонах голос Ларина, - желаю удачи.

Инженер дал двигателю скафандра малый ход. Раздался приглушенный свист реактивной струи, и корпус "Микеши" медленно поплыл назад. Через пару секунд Шегель вышел из тени корабля и окунулся в ослепительные потоки солнечного света.

На прозрачном шлеме скафандра вспыхнули золотистые блики. Набрав скорость четыре метра в секунду, инженер выключил двигатель и полетел по инерции. Он почти не спускал глаз со счетчиков радиации. Ее уровень возрастал, все быстрее обгоняя квадратичный закон, и это беспокоило его больше всего. Но доза радиации внутри скафандра была небольшой, и до нормы было еще далеко.

Изломанная поверхность астероида, искрящаяся отблесками света, разрасталась, растягивалась перед глазами,

закрывая собой звезды. "Микеша" съеживался и становился игрушечным.

На расстоянии десяти метров от астероида Шегель включил Двигатель на торможение. Тысячетонная масса металла, разорванная глубокими трещинами, под свист реактивной струи стеной валилась на него.

- Приземляюсь! - хрипловато сказал Шегель. Он волновался. Удары сердца гулко отдавались в груди. Шегелю казалось, что Ларин должен их слышать, и ему было стыдно своего волнения. Он вытянул ноги вперед и за мгновение до касания подал в калоши скафандра электрический ток. Мощное магнитное поле должно было помочь ему удержаться на астероиде.

А дальше все смешалось и перепуталось. Словно шмель, загудел зуммер, внутри шлема замерцали красные вспышки лампочки опасности. Ноги коснулись изломанного металла, но не удержались на нем. От полученного толчка вопреки действию магнитного поля Шегель начал медленно, едва-едва удаляться от астероида. Зуммер гудел все громче, это был уже не шмель, а рассерженный пчелиный рой; вспышки лампочки следовали так часто, что сливались в почти непрерывный багровый поток света.

Екнуло сердце, и острый холодок заполнил грудь. Радиационная опасность. Но почему?! Мысли бессильно перескакивали с одного предмета на другой, а ждать было некогда. Секунды, даже их доли решали сейчас его судьбу и судьбу корабля. Стрелки счетчиков стремительно бежали по шкалам, бесстрастно отмечали лавинообразный рост радиации. Рождался ядерный взрыв.

- Уводи корабль! - крикнул инженер, хватаясь непослушной рукой за рычаг управления двигателем.

- Включи магнитное поле, -торопливо, но раздельно произнес голос Ларина над самым ухом.

Шегель машинально повиновался и раздраженно, он уже не думал о себе, закричал: - Да уводи же корабль!

И осекся. Гудение зуммера быстро замирало, все ленивее следовали друг за другом вспышки лампочки, стрелки счетчиков падали к норме... Пронесло! Инженер вдруг ослабел. Его тело обмякло, на лице выступил обильный пот, и струйки его неприятно защекотала шею.

- Орестович! - осторожно, почти шепотом окликнул товарища Ларин.

Инженер закрыл глаза и откинул голову. Он собирал силы для ответа.

- Олег!! - заорал Ларин.

- Все в порядке, - негромко ответил Шегель.

В телефонах послышался такой звук, как будто бы щеткой провели по песку, — это облегченно вздохнул Ларин. Инженер встряхнул головой, нащупал рычаг управления двигателем и перевел его на малый ход.

- Возвращаюсь, - сообщил он.

- Торопись, - сказал Ларин, после паузы голос его звучал виновато, радиоактивность астероида возрастает.

- Как? - невольно вырвалось у Шегеля.

- Довольно интенсивно, - пояснил Ларин, принявший его восклицание за вопрос.

Шегель стиснул зубы и подавил уже готовый вырваться вздох. Стук сердца снова начал отдаваться в ушах. Шегель до отказа подал вперед рычаг управления двигателя. Тонкий свист реактивной струи превратился в резкий вой.

Приняв на борт инженера, "Микеша" несколько секунд неподвижно висел рядом с астероидом, купаясь в золотистых потоках солнечного света. Они были так непохожи: стройное, гармоничное создание человеческого разума и грубое, неуклюжее, тысячетонное порождение слепой природы. Потом корабль выбросил голубоватый сноп огня, дрогнул и, стремительно уменьшаясь в размерах, начал таять среди сонма звезд.

В этот миг астероид беззвучно вспыхнул ослепительным, сжигающим пламенем, мгновенно растопив мрак доброй четверти небосвода. Мощный поток лучистой энергии

обрушился на корпус корабля, запоздавшего с уходом на короткие, считанные секунды. Световой удар испарил внешний слой металла корабельного корпуса. "Микешу" окутало клубящееся, сверкающее облако раскаленных газов.

Из предварительного отчета экспедиции "Маяк", базовый корабль

"Ригель":

"Нейтровещество вообще и нейтрожелезо в частности обладают спонтанной устойчивостью. Однако в окружении обычных частиц начинается постепенный переход нейтронов в протоны, а орбитальных антинейтральных частиц - в электроны. Накопление электронного заряда на поверхности такого рода тел способствует интенсификации этого процесса.

Роль не особенно мощного катализатора должно играть постоянное магнитное поле, влияние которого может привести к слабо развивающейся цепной реакции. Результатом ее является совокупное превращение нейтровещества в обычное. Процесс сопровождается постепенным разрушением кристаллической структуры и дроблением вещества до атомного уровня с последующей рекомбинацией молекул и более крупных единиц".

Руки начальника бригады спасателей подрагивали от волнения, когда он приставил гарпун-пистолет к запаявшемуся приборному окну жилого отсека и нажал спусковой крючок. Отдачей его кинуло назад, и, если бы не страховочный пояс, унесло бы с "Микеши" в космос. Плазменный кумулятивный шнур прошил внешний прочный корпус корабля как бумагу, а по его следу в потолок жилого отсека вонзился гарпун - штыревой микрофон с палец ребенка величиной. Нестройный деловитый хор голосов спасателей сменила первозданная мертвая тишина. Изуродованного "Микешу" окутало незримое облако людских надежд, тревог и сомнений.

- Антенна, - испуганно произнес тенорок Шегеля.

- Спокойно, Орестович!

- А я говорю, антенна! Ни черта — это не метеорит! Антенна, пришли спасатели!

- Спокойно, Орестович. Спасатели, но ты спокойно. Лежи, триста рентген зараз не шутка. Ну, будь мужчиной!

Вылизанный световой бурей корпус "Микеши" тускло, как глыба старого льда, блестел в косых лучах солнца. И право, при некоторой фантазии спасателей можно было принять за хоккеистов, которые за секунду до финального свистка забросили решающую шайбу.

Владимир Рыбин

ДВЕРЬ В ИНОЙ МИР

— Марта, — спросил Андреев, — ты помнишь о Серой планете?

Он смотрел на закат, и лицо его оставалось бесстрастным. Марта поежилась, словно от холодного ветра. Она слишком хорошо знала этого человека — знаменитого исследователя микромира и своего "вечного жениха", как о них говорили в Космическом научном городке, где они оба работали. Она знала, что, если на лицо его ложится маска бесстрастия, значит, случилось что-то очень важное. Но она чувствовала, что вопрос о Серой планете не самое главное из того, что ему хотелось бы сказать, и не ответила.

— Выходи за меня замуж, — сказал Андреев, помедлив.

— Разве тебе со мной плохо?

— Хорошо, — все тем же равнодушным тоном сказал он. — Но я боюсь.

— Это я боюсь! — нервно засмеявшись и страдая от этого своего смеха, воскликнула Марта. — Ты злой или совсем холодный. Я хоть умирай, ты все равно не оторвешься от своих экранов, пока идет опыт. Думаешь, мне легко одной?

— Ты не одна.

— Но не с тобой.

— Я боюсь, — повторил он глухим голосом.

— Чего? Я же сказала, что люблю тебя.

— Боюсь за себя.

— Но ведь я тебе верю!

Марта повернулась к нему, ища в его лице хоть каких-нибудь перемен. Она понимала, что он имел в виду вовсе не соперницу, а что-то другое, более серьезное, и сказала так из чисто женского кокетства, желая переменить разговор. Но из этого ничего не вышло. Андреев никак не отозвался, сидел неподвижно на холодеющем камне, с прежним

кажущимся равнодушием смотрел, как плющится солнечный диск на синей кромке морского горизонта. Над Солнцем, над опаловой грядой редких облаков, в зеленоватом небе нежилась Венера. Выше и правее ее холодно поблескивал искусственный спутник Космического научного центра.

Марта снова поежилась, предчувствуя недоброе, с тоской взглянула на Андреева и сжалась, маленькая, угловатая, обхватив себя за плечи длинными тонкими пальцами.

— Чего ты боишься? — спросила она.

— Есть один опасный человек. Его зовут Бритт.

Она не могла удержаться от удивленного восклицания:

— Наш добряк?!

— В том-то и дело, что добряк. В этом эксперименте излишний оптимизм недопустим.

— В каком эксперименте?

Он понял, что проговорился, и принялся, как мог, популярно объяснять:

— Слышала о такой величине — десять в минус тридцать третьей степени сантиметра? Поколения физиков мечтали о проникновении в нее. Потому что это очень любопытно — заглянуть за теоретический микропредел. Теория утверждает, что на таких сверхмалых расстояниях гравитация уже не гравитация, кванты не кванты и скорость света совсем иная. Мечты были красивы, ибо оставались недостижимы: для того, чтобы расщепить квант пространства-времени, мало было суммарной мощности всех имеющихся в распоряжении человечества энергетических запасов. Но вот явился этот оптимист Бритт со своей новой теорией...

— Ну и что? — спросила Марта, не дождавшись продолжения.

— Совсем другой подход к проблеме. Похоже, что с этой стороны можно подобраться к теоретическому микропределу.

— Ну и что?

— При определенных условиях все переходит в свою противоположность, раздраженно сказал Андреев. — Два минуса образуют плюс, слыхала?..

— А чего ты горячишься?

Ему не хотелось говорить всего. Он знал свою беспокойную Марту и готов был хоть накричать и обидеть, лишь бы не напугать.

Ветер налетел ритмичный, порывистый, словно был заодно с волнами, бьющимися о берег.

— А что Серая планета? — помолчав, спросила Марта.

— Там были записаны сказки о пришельцах.

— Ну и что?

— Одна очень любопытная.

— Они все любопытные. На Серой планете кого только не было. Еще в школе уверяли, что эти сказки дали не меньше знаний о мироздании, чем все межзвездные экспедиции.

— Вот-вот. Там есть одна очень любопытная, — повторил он. И впервые, пока они тут сидели, посмотрел на Марту странными глубокими глазами, полными не то удивления, не то ужаса.

— Расскажи.

Она затихла в ожидании, но Андреев молчал, всматриваясь в горизонт, словно выискивая там что-то свое.

— "Они пришли ниоткуда", — наконец произнес он сдавленным голосом. Так начинается эта сказка. Прочитай ее.

— А ты расскажи.

— Прочитай. Надо, чтобы ты сама поняла.

Ей захотелось по-бабьи сорваться, заплакать или крикнуть, что он не смеет так разговаривать с ней. Но вдруг вспомнила, что еще неделю назад он говорил об очень важном докладе, который ему предстоит сделать на заседании Космического Ученого Совета, и, вспомнив, покраснела, устыдившись своей несдержанности, и взглянула на него испуганно и ласково.

— Ладно, милый, я почитаю. — И добавила с многозначительной лукавинкой в голосе: — И обо всем, обо всем подумаю.

— Думать некогда. Пожениться мы должны завтра до вечера.

— Сразу после доклада? — с иронией спросила Марта.

— Да, после доклада.

И опять ей захотелось накричать на него. Не такой же должна быть любовь — холодной, рассудительной, вечно подгоняемой под дела. Не таким представляет она себе мужа. Не обязательны безумства, но хоть раз можно потерять голову?! А так что за жизнь?! Сиди и жди, когда соизволит прийти. Как в древнем гареме, где для мужа жена не единственная радость...

"А какой должна быть жена? — спросила себя Марта. — Эгоисткой, мечтающей о безраздельной власти над мужем? Или помощницей? Не владыкой, а другом?.."

Марта усмехнулась. "Женщина — носительница предрассудков. И слово-то такое забыто — «власть», а женщина все не может не подчинять".

Теперь ей захотелось обнять своего Андреева, приласкать, как ребенка. И сказать, что пусть будет все как он хочет. Она и в самом деле потянулась к нему, прижалась щекой к холодной и, как всегда по вечерам, колючей щеке. Но сказала совсем не то, что хотела:

— Ладно, милый, не будем волноваться... перед докладом. Завтра обо всем и поговорим...

Утром Марта проснулась позднее, чем обычно, потянулась, понежилась в постели. Не вставая, выпила стакан тонизирующего сока и снова с наслаждением откинулась на мягкие воздушные подушки, словно после целого дня работы. "Что он вчера говорил, этот несносный Андреев?" — игриво подумала она. И вскинулась, вспомнив о сказке, не одеваясь, прошлепала босиком по приятно прохладному полу, набрала номер справочного местной библиотеки.

— Пожалуйста, "Сказки Серой планеты", — попросила Марта, не включая свое изображение. — Мне нужна та, что начинается словами "Они пришли ниоткуда".

— Шифр знаете? — спросил приятный мужской голос.

— Нет.

— Придется подождать.

— Давайте их все, я сама найду.

Она кинулась в ванную, нырнула в воздушный душ, с удовольствием, потягиваясь от сладкого озноба, минуту повертелась в тугих массирующих струях. И еще задержалась у зеркала, полюбовалась на свои волосы, спадающие с плеч, подобно искристым струям водопада. Она знала, что красива, и, как всякая женщина, не могла отказаться от возможности полюбоваться собой. И еще подумала, что этот несносный Андреев, видно, совсем уж сухарь, если не замечает всего этого.

Когда вернулась в комнату, экран видеосвязи уже горел и на нем неподвижно лежало черно-белое изображение текста. Это было предисловие к известному изданию "Сказок Серой планеты". В нем рассказывалось о красивейшей из планет, когда-либо найденных космоплавателями. Командир первой экспедиции, возвратившись на Землю и не желая привлекать к красавице планете внимание фанатиков дальних дорог, назвал ее в отчете Серой. Найденную в Космосе жемчужину утаить не удалось, но первое название намертво приросло к ней. Было в этом что-то от игривого характера землян, любивших во всем видеть недоразгаданное, второй смысл.

Марта переключила текст, не досмотрев его, и принялась листать страницу за страницей, читая только первые строчки. Но сказок было много, и она волей-неволей увлекалась, особенно когда попадались хорошо иллюстрированные.

Как тогда же выяснили земляне, Серая планета приглянулась не только им. Там обнаружились следы многих неведомых экспедиций, и это заставило Космический Совет

принять специальное решение, закрывающее планету для экскурсантов, одиночек путешественников и тех, кто желал переселиться на нее. Решение это вызвало бурю. Но следующая же экспедиция подтвердила его правильность: Серая оказалась своеобразным вселенским заповедником, давнишним местом встреч цивилизаций, ничейной, «нейтральной» планетой, где в особых условиях красоты, тепла и непонятно откуда идущей доброжелательности цивилизации прощупывали взаимные симпатии и антипатии.

Аборигены, приветливые, необыкновенно доверчивые существа, настолько привыкли к пришельцам, что по-детски горевали, когда их долго не было. Полудикие с точки зрения землян, они обладали удивительной способностью наследовать не только физиологические признаки, но также и память. Они помнили все, что случалось на планете за тысячи лет, вводя земных филологов в настоящий экстаз. Каждая экспедиция привозила с Серой планеты множество записанных полулегенд-полубылей. Чтобы не запутаться в них, специально созданная комиссия, отобрав наиболее оригинальные, издала Хрестоматию, которая потом вошла в школьные программы...

Марта начала нервничать, потому что время шло, а нужная сказка все не находилась. Заседание Космического Совета, на котором докладывал Андреев, вот-вот должно было начаться, и ей не хотелось, чтобы он торжествовал там без нее.

Сказка, которую она нашла, оказалась короткой и непонятной. Но начальная фраза была на месте, и Марта вновь принялась читать ее, стараясь запомнить.

"Они пришли ниоткуда. В ту ночь обезумело небо, звезды порхали, как птицы, угасая и вспыхивая, свиваясь в клубки и распадаясь, покрываясь пеплом, подобно углям в остывающем костре. И падала с высоты тьма, густая, как кисель, и огонь становился синим, фиолетовым и совсем черным, необжигающим. В ту ночь и появились среди нас многорукие существа с добрыми большими глазами. Их было

много у каждого костра. Смеясь, мы отталкивали их, но они были как тени, которые невозможно прогнать, ползли к огню и проходили сквозь него, словно сами были частицами огня. То была ночь не страха, а радости. Страх пришел потом, когда они исчезли и мы остались наедине со своими воспоминаниями. А в ту ночь мы играли, как дети, не сознающие опасности, словно мы и они были одного корня.

Когда остановились звезды, прекратив сумасшедший танец, и в свой черед пришел рассвет, мы увидели, что многорукие ушли, не оставив никаких следов. Кто были эти странные существа? Этого не знал и самый мудрый из нас. Они пришли ниоткуда и ушли в никуда...".

Марта включила следующую страницу, но там было совсем другое. Так и не поняв, почему Андреев велел прочитать эту сказку, она оделась и пошла во Дворец науки.

К докладу Марта опоздала, вошла в вестибюль, когда из зала уже выходили люди.

— А, моя прелесть! Как всегда, к концу? — услышала она насмешливый голос.

Еще не обернувшись, Марта уже знала, кто это — член Космического Ученого Совета, умный и веселый, но уже лысеющий давний ее поклонник Мишо Бритт, которого они с Андреевым полудобродушно-полунасмешливо звали добряком.

— Уже все кончилось? — удивилась Марта.

— Кончилось, моя радость, еще как кончилось. Хочешь конфету?

— Один красивый мужчина обещал мне букет из венерианских оранжерей.

— Я этот красивый мужчина. Обещал — значит, обещал. Но что такое букет в наше время? В наше время красивый мужчина может подарить красивой женщине целую вселенную.

— Не многовато ли?

— Что ты, дорогая моя! Для тебя хоть тысячу вселенных. Твой Андреев уверяет, что это проще, чем подарить один букет.

Она с тревогой посмотрела на него и заставила себя улыбнуться.

— Только поэты называют вселенную во множественном числе.

— Какой я поэт?! — искренне изумился Бритт. — Твой Андреев — вот это поэт. Жаль, опоздала. Ах, какие он сказки рассказывал!..

— На Ученом Совете?

— Представь себе.

Сердце ее сжалось. Не попрощавшись, она кинулась через толпу, вбежала в опустевший зал и увидела своего Андреева все там же, у пульта докладчика.

— Что ты им наговорил?! — не в силах сдержаться, крикнула Марта.

Он невидяще посмотрел на нее.

— Я опоздала. — Теперь у нее был виноватый, извиняющийся голос, и Андреев, ожидавший совсем другого, скользнул по ней взглядом, в котором было удивление.

— Ты могла все слышать, не вставая с постели.

— Я хотела быть рядом.

— Опоздала.

— Я и говорю, что опоздала. — Она была рада уже тому, что он оторвался от своего так нелюбимого ею самосозерцания.

— Ты можешь все услышать и увидеть в видеозаписи...

— А самому тебе трудно рассказать?

— Трудно, — грубовато сказал он и вдруг, отстранив ее, направился к выходу в сад, куда пошел Бритт.

Андреев догнал своего друга на аллее, пестрой от первой осенней листвы, ни слова не говоря, пошагал рядом. Бритт покосился на него и тоже ничего не сказал, сделал вид, что отдыхает, любуется прелестью сада.

Это был удивительный сад. Вдали за рядами кипарисов синело море. Тропа бежала по пологому склону и была как нить Ариадны, от которой не оторваться. Она ныряла в сумрачные тоннели влажных зарослей, за которыми неожиданно открывались теплые бронзовые сосны на солнечных и сухих дюнах. Потом начинались можжевельники, темными кипами раскиданные на ослепительно зеленых лужайках. Можжевельники сменялись огромными разноцветными валунами, лежавшими на чистой траве, похожими на сказочные придорожные камни-ведуны. Тропа обегала эти камни и круто поворачивала к невидимой прежде рощице березок, настолько ослепительно белых, что и в пасмурную погоду путник невольно поднимал глаза к небу, ища Солнце. Дальше березки расступались, и за сухой порослью полян вставало перед глазами златоглавое чудо невесть каких давних времен — старорусская церковь. Посреди поля стояла перед церковью одинокая старая береза, устало шевелила свесившимися до самой земли длинными своими

косами. И снова шла веселая пестрота южных зарослей. Печальные ливанские кедры тянули к путнику длинные руки своих ветвей. Альпийские луга стлались под ноги на пологих склонах. Террасами сбегали сады к светлому морю, слившемуся с небом...

Мало кто в Космическом научном центре знал имя ландшафтного архитектора, создавшего этот парк. Но перед ответственными докладами и экспериментами, как и после них, все любили приходить сюда, чтобы хоть немного побродить по тихим тропам, обрести покой. Именно здесь, не в межпланетном, а в земном уединении, зародилось большинство идей, которыми гордился научный центр.

Андреев и Бритт, два давних друга и недавних противника, молча шли рядом и думали каждый о своем. Много лет дела, которыми они занимались, почти не соприкасались между собой. Одного интересовало рождение и умирание звездных систем, другого — рождение и умирание элементарной материи, таких сверхмикрочастиц, для которых одна-единственная земная секунда была вечностью.

— Ну как, отдышался? — спросил Бритт, когда они подошли к очередному камню, перегородившему тропу.

— Это же роковая величина — десять в минус тридцать третьей степени сантиметра! — с неожиданной страстью откликнулся Андреев, и Бритт пожалел, что снова задел его. — Ведь есть же предположение, что там, в неведомом сверхмикромире, смыкаются микрофизика элементарных частиц и мегафизика звездных систем!..

Андреев хлопнул ладонью по камню и, сердитый, повернулся к Бритту.

— Смы-ка-ют-ся! А для некоторых это пустой звук, всего лишь термин. Почему даже Великий Космос не создает частиц такой энергии, которые могли бы дробить кванты пространства-времени? Молчишь? И правильно, что молчишь! Квант пространства-времени — это, возможно, дверь в иной мир. Нельзя взламывать запретную дверь!

— Но почему «запретную»?

— Был в древности такой поэт — Брюсов. Знаешь, как он писал? Прочесть?

— Давай.

— ...быть может, каждый атом
Вселенная, где сто планет:
Там — все, что здесь, в объеме сжатом.
Но также то, чего здесь нет.
Их меры малы, но все та же
Их бесконечность...

— Это из области так называемой научной фантастики, — усмехнулся Бритт.

— Фантастики? — воскликнул Андреев. — А как ты понимаешь мысль о неисчерпаемости электрона?.. Хорошая будет фантастика, если кто-то из другого пространства возьмет, да и взорвет нашу вселенную?!

— До сих пор не взорвали.

— Как знать! Может, взрывающиеся галактики — это самое и есть. Нам известно, что было вчера, да и то не все, но мы не можем знать, что будет завтра. Особенно когда мы коснемся основы основ нашего мироздания.

Бритт пожал плечами. Он решительно не понимал своего друга. Появилась возможность узнать то, к чему люди стремились веками. И теперь, на пороге, может быть, великого открытия, остановиться? Разве это возможно? Не он, так другой попытается заглянуть за запретный предел — теоретический минимум, равный десяти в минус тридцать третьей степени сантиметра. Возможно, что это и небезопасно. Но кого и когда останавливала неведомая опасность? Скорее она влекла. Сколько раз было в истории — сначала шагнут, а потом оглядываются. Но, может, именно в этой безоглядной решимости суть всего прогресса науки?..

— Я не могу отказаться от опыта на основании мифических доводов, сказал Бритт.

— Но ведь на Серую планету являлись существа из другого пространства-времени?

— Это не доказано.

— Доказано, что все их сказки — правда.

— И правду можно понимать по-разному.

Андреев сердито посмотрел на него и вдруг, махнув рукой, пошел прочь. Остановился поодаль, оглянулся, сказал приглушенно:

— Я воспользуюсь... своим... Правом!..

"Что ему далась эта Серая?" — подумал Бритт, оставшись в одиночестве. Он вынул карманный телефон, набрал код научного центра и сказал включившемуся на связь автомату-библиотекарю:

— Прочтите-ка мне сказку Серой планеты. Ту, которая начинается словами "Они пришли ниоткуда".

Он положил коробку телефона на камень, отошел по тропе и стал ждать. Несколько секунд было тихо. Потом послышался мелодичный сигнал начала передачи и зазвучал спокойный, бесстрастный голос автомата. В сгустившихся сумерках коробку не было видно, и казалось, что говорит сам камень.

Бритт нарочно пытался вызвать в себе волнение, слушая сказку о безумном небе и порхающих звездах, о растворенном в ночи пространстве и многоруких чудищах, уползающих в никуда. Но привыкший к жесткой логике оценок мозг его дремал под мелодичный рассказ, не взрывался, как обычно, в предчувствии открытий, не возбуждал никаких чувств.

"Другой он, что ли? — думал Бритт об Андрееве. — Как это возможно в наше время логику ума рассматривать через призму эмоций? Наука, построенная на предчувствиях? Безумство какое-то!"

Выключив связь, Бритт сунул коробку в карман и зачем-то потрогал то место, где она лежала. Камень был холоден. На его гладких, отполированных многими ладонями боках виднелись веселые надписи, сделанные карманным резаком. С одной стороны было написано: "Иди налево, не ходи направо", с другой — "Иди направо, не ходи налево"...

Андреев и Марта этим вечером снова сидели на берегу и смотрели на угасающий закат.

— Что ж ты молчишь, я ведь все знаю, — сказала Марта.

— Все? — с интересом спросил он.

— Почти все. Посмотрела запись твоего доклада на Совете. Сколько успела.

— Да-а, инерция — спасительница! Оказывается, она может быть и опасной, — задумчиво сказал Андреев, словно продолжал прерванный разговор. — Мне не удалось убедить Совет. Понятно почему. Каждый рвется к неведомому, забывая о себе. Но можно ли делать это, забывая обо всех?..

— Но ведь ты... — Марта страдала, говоря это. — Но ведь у тебя нет никаких доказательств.

— Есть сердце, сердце!..

Она погладила его по руке, успокаивая.

— ...Мне не удалось убедить Совет. Но я воспользовался своим Правом. Настоял, чтобы мне разрешили присутствовать на опыте. И чтобы в Космическом городке больше никого не было. Кроме меня и Бритта...

— Тебя?

Только теперь Марта поняла, к чему все шло, и только теперь страх коснулся ее. Одно дело, когда речь о неведомых мирах, о которых никто ничего не знает, или о гипотетической опасности гибели вселенной, опасности почти столь же реальной, как реальны сюжеты фантастических книжек. Одно дело — перспектива абстрактной катастрофы, и совсем другое, когда пусть даже мифическая опасность угрожает близкому тебе человеку. Говорят же — "черт бы тебя побрал". И хоть тот, к кому это относится, точно знает, что никогда никакой черт его не заберет, все же обижается. Так уж устроен человек. С первобытных времен сидит в нем что-то мистическое, заставляющее пугаться даже абстракции...

— Но почему ты?

— Бритт — как экспериментатор-энтузиаст, я — как скептик.

— А это не опасно?

Андреев засмеялся и взял Марту за руку.

— В тебе всегда было больше женщины, чем ученого.

— А в тебе больше ученого, чем мужчины, — тотчас отпарировала она.

— Как ты думаешь, продолжая этот разговор, мы не можем поссориться?

— Можем.

— Тогда давай переменим тему. Вспомни, о чем я вчера просил?

— Ты просил... — Она тянула с ответом. Понимала, что он имеет в виду, и невольно, не в силах побороть себя, дурачилась. — Ты просил, чтобы я читала сказки.

— А еще?

— Еще ты предлагал пожениться... После доклада.

Марта начала злиться на себя, на него, на весь белый свет. Ей хотелось, чтобы он, забыв обо всем, целовал ей руки и просил об этом униженно, как о милости.

— Что же ты ответишь?

— А почему бы не после опыта? — съязвила она.

— Хорошо, — сказал Андреев и улыбнулся виновато. — Тогда поспешим на опыт.

— Сейчас?

— Опыт сегодня ночью. Прощай.

Он поцеловал ее в щеку и, решительно повернувшись, быстро пошел по тропе. Марта знала, что догонять и укорять его бессмысленно, — даже не обернется, — стояла, привалившись спиной к еще теплому каменистому обрыву, на берегу, ругала этого несносного Андреева за нечуткость, ругала себя за невыдержанность и беззвучно, бесслезно плакала...

Через два часа Андреев и Бритт встретились в кабине космического лифта.

— Погибать, так вместе? — засмеялся Бритт, радуясь другу и недоумевая по поводу его появления здесь.

— Я получил разрешение... — Андреев замялся на миг, — присутствовать на твоем опыте.

Бритт усмехнулся, сразу поняв причину его заминки. Ясно было, что Андрееву просто не хотелось произносить слово «контролировать». Ведь присутствующие на опыте имеют доступ к заветному красному клавишу, которым можно в любой момент прервать опыт.

— Что ж, — сказал он, — давай... присутствуй...

И замолчал надолго, свыкаясь с ускорением.

Лифт, похожий на ракету времен первопроходцев Космоса, мчался в вакууме Трубы, подгоняемый магнитными импульсами. Это удивительное сооружение создавалось в свое время специально для связи с Космическим научным центром и представляло собой многоканальную башню, уходящую в заатмосферные просторы к орбитам искусственных спутников. Да и сама эта башня была наполовину спутником, держась одним концом за Землю, другим за массивную громаду Космического города.

Впоследствии Труба, как по-простому называли ученые эту башню-лифт, приобрела много других назначений. К ее промежуточным платформам стали швартоваться небольшие межпланетные грузопассажирские корабли, совершающие каботажные рейсы по Солнечной системе. С появлением Трубы выяснилось, что она позарез нужна представителям чуть ли не всех профессий, прежде и не помышлявших о заоблачных далях. К Трубе прицепились Дома творчества писателей, художников, композиторов, ищущих уединения в философской близости к звездам. На ней, словно почки, выросли мелкие астрономические обсерватории, филиалы некоторых промышленных предприятий, санатории, больницы, туристские кемпинги.

Но настоящим бедствием стали экскурсанты. Их беспокойные толпы круглые сутки толкались на многочисленных смотровых площадках. Молодожены стали считать своим долгом в день свадьбы поцеловаться и сфотографироваться на Трубе. Школьники и студенты — отметить знаменательные дни окончания одного этапа жизни и начала другого.

На Трубе праздновались встречи друзей, к ней шли просто потому, что хорошее настроение, и потому, что плохое...

Сейчас Труба была совершенно пуста. Так решил Совет, уступив настойчивости Андреева.

Совсем утонув в глубоком кресле, Бритт косил глазами на своего друга, сидевшего рядом, и, как всегда, весело посмеивался. Андреев был настроен не столь оптимистично. Он мучился тем, что не смог убедить друга. Теперь он был почти уверен, что вторжение в иное пространство-время не может остаться без последствий и для этого пространства-времени. Ведь не случайно же теория предполагает такую возможность, что на сверхмалых расстояниях, равных теоретическому пределу — десяти в минус тридцать третьей степени сантиметра, — смыкаются микрофизика элементарных частиц и мегафизика звездных скоплений. Законы природы едины для микрочастиц и для галактик. Можем ли мы сказать, что знаем все законы? А если действительно между микро и макро существует прямая связь? Вдруг одно способно переходить в другое? Вдруг, взломав запретную дверь, мы нарушим равновесие в нашем пространстве-времени?!

И в то же время Андреева мучило прямо противоположное. В глубине души он не мог не согласиться со своим другом: наука есть наука, ее бог — опыт, а не предчувствия. Душевные смуты, какими бы серьезными они ни казались, нельзя принимать за аргумент. Мало ли почему мучается душа, эта вечная загадка, эта так до конца и не понятая наукой субстанция...

На высоте пятидесяти километров сплошная Труба кончилась, и зачастила перед глазами решетка арматуры, в которой скользила капсула лифта. Отсюда хорошо был виден весь Космический центр — это очередное восьмое чудо света, — державшийся на конце круто изогнувшейся черточки Трубы. Космический научный центр походил на велосипедное колесо. Такое миниатюрное издали, это «колесико» имело восьмикилометровый диаметр. Во внешнем обводе располагалась магнитная система главного ускорителя.

Спицы были соединительными тоннелями, а массивный шар на месте ступицы — целым небоскребом, в котором размещались лаборатории.

— Все еще сомневаешься? — спросил Бритт, когда изнуряющая тяжесть ускорения отпустила их.

— Все сомневаюсь.

Бритт усмехнулся и стал смотреть на звезды, горевшие, казалось, совсем рядом. Потом снова навалилась тяжесть, тяжесть торможения, и они молчали до самого Космического городка. Выбравшись из герметической кабины, сразу же пересели в небольшой двухместный вагончик, старательно привязались, чтобы ненароком не выпасть на поворотах, — в условиях невесомости тоже можно было набить себе шишек, — и помчались по длинным коридорам и соединительным тоннелям.

Центральный пульт управления ускорителем размещался в небольшом овальном помещении, одну стену которого целиком занимал блеклый экран, напоминавший отгороженное невидимой пленкой пространство, заполненное густым туманом. Перед экраном полукольцом стояло несколько кресел с разноцветными клавишами на подлокотниках. По существу, это был пульт управления электронным сверхмозгом, системой, контролировавшей работу ускорителя.

Оживленный предстоящим опытом, Бритт метался от переборки к переборке и непрерывно балагурил:

— Давай, давай присутствуй. Хорошо, что есть кресла. А то ведь тут можно и вовсе без них. Система отлично обошлась бы даже и без нас с тобой, ей только прикажи... Чего ты такой беспокойный? Сидел бы дома со своей Мартой. Как она там? Я уже год обещаю ей букет из марсианских оранжерей. Вот закончу это дело и полечу на Марс. Так и передай...

Словно ненароком он наткнулся на кресло, в котором сидел Андреев, охая, склонился и незаметно отключил кресло от системы управления.

— Вот теперь начнем, — засмеялся Бритт, перебрался на свое место и затих там, совсем скрытый высокой спинкой.

Электронная система и верно могла самостоятельно провести любой опыт. Она хорошо «знала», чего хотят ученые, все представлявшее интерес фотографировала и тут же с необходимыми увеличением и замедлением показывала на экране. И, как в объемном кино, проходили перед исследователями процессы рождения и умирания микрочастиц.

Всякий раз, когда исчезал туман в глубине экрана и яркими звездами вспыхивало черное пространство, Андреев чувствовал странный озноб. Он никак не мог научиться бесстрастно, без первобытной жути в душе смотреть на эту картину неведомых катаклизмов. Неподвижные голограммы его обычно не волновали, но то, что показывала электронная система, учитывавшая способности человеческого восприятия, это не только утоляло научный интерес, это тревожило. Чужое, показанное как свое, наводило на размышления о неизвестных тайнах мироздания, скрытых в микромире, о многослойности пространств. И сказка Серой планеты о существах, пришедших ниоткуда, в правдивости которой не приходилось сомневаться, укрепляла его предположения.

Некоторое время ускоритель работал бесшумно. Потом невесть откуда послышался тонкий зудящий звук, и Андреев, насторожившись, подвинул руку к красному клавишу на подлокотнике, прислушался. Звук исчез так же внезапно, как и появился.

Много лет Андреев занимался тем, что дробил частицы, настойчиво пробиваясь к теоретическому пределу микромира. Но предел этот оставался недосягаемым. У какого-то порога срывалась даже электронная система, наделенная вроде бы безграничными возможностями. Что-то мешало приблизиться к порогу. Было время, когда Андреев сердился на это. Потом притерпелся и даже стал радоваться неудачам. И наконец превратился в противника собственной же научной программы.

Снова послышался тонкий звенящий звук, заставивший насторожиться. Так летней ночью, лежа в постели, мы слышим в темноте комариный стон, и невольно просыпаемся, и, не шевелясь, ждем, когда комар сядет, чтобы прихлопнуть его.

— Что это? — спросил Бритт.

Андреев не ответил. Он с тревогой ждал того момента, когда комариный зуд ускорителя утончится до неслышимости, чтобы нажать на красный клавиш. Он и сам не знал, почему считал опасным именно этот предел, просто верил предчувствию.

Бегущие по экрану звездочки вдруг заспешили, и частые соударения микрочастиц стали напоминать вспыхивающие и гаснущие огоньки. В выносном пульте электронной системы что-то сердито защелкало, и звездочки на экране успокоились, задвигались солидно и важно, как в замедленной съемке. Но экран при этом странно углубился, края его растворились, распались на части, словно тому миру рождавшихся новых частиц было тесно в очерченном для них пространстве.

"Пора!" — подумал Андреев и нажал на красный клавиш. Но ничего не изменилось. Пульт снова сердито щелкал, но свист не утончался знакомо, он рос, переходя в рев, достигая такой силы, что болели уши.

Андреев снова и снова бил по красному клавишу, с ужасом наблюдая, как растворяются, исчезают рамки экрана. Казалось, что рождение и умирание частиц происходит уже повсюду — и над головой, и под ногами.

— Выключи! — крикнул он и не услышал своего голоса.

А уж не только края экрана, но и стены начали растворяться, и там, где они были, заискрились, заметались в черной пустоте скопища не то микрочастиц, не то звездных скоплений.

Андреев вспомнил фразу из сказки насчет того, как "обезумело небо, и звезды запорхали, как птицы, угасая и вспыхивая". И подумал, что перед ним что-то очень похожее, и

оттолкнулся от кресла, чтобы добраться до этого оптимиста Бритта. Но неожиданно его кинуло куда-то в сторону, прямо в эти скопища звезд, и застлало глаза непроницаемой тьмой, и сдавило головокружением и тошнотой.

— Стоп, стоп! — закричал Андреев, надеясь, что чуткие «уши» электронного сверхмозга услышат, почувствуют тревогу, сделают все за человека. — Полный анализ! Все назад, все назад!..

И вдруг все вернулось на свои места. Снова вырисовались стены и экран очертился знакомыми рамками, и в нем, как вначале, рождались и умирали мириады неведомых частиц.

— Ну вот, чего кричать?! — весело сказал Бритт.

Отстегнувшись от кресла, он встал, потянулся и, легонько оттолкнувшись, важно полетел к дальней переборке, к большому овальному иллюминатору.

— Завтра отправлюсь на Венеру, а ты посиди пока, поанализируй, что мы тут получили...

И вдруг он глухо вскрикнул. Было в его голосе что-то, заставившее Андреева насторожиться. Сильно оттолкнувшись, он перелетел к иллюминатору, больно ударился о прозрачный купол, но боли даже и не почувствовал: то, что увидел, заставило похолодеть. Странным оранжевым отсветом поблескивало кольцо ускорителя, но ни научного центра, ни Трубы, ни самой Земли не было. Вокруг, сколько охватывал взгляд, простиралось бесконечное черное небо, усыпанное незнакомыми созвездиями. Задыхаясь от сдавившего душу ужаса, Андреев кинулся к другой переборке, где тоже был иллюминатор, но и за ним была все та же чужая межзвездная пустота.

— Ничего, ничего, — успокаивал его Бритт. — Мы с тобой сделали такое открытие!

Андреев не отвечал. Слепая надежда Бритта — это было все, оставшееся им на двоих. Самые великие открытия — ничто, если они не отданы людям. Но как отдашь, как

вернешься из этого чужого мира, если не знаешь, как сюда попал?!

— Все назад! — повторил он упавшим голосом.

— Задание понято, — бесстрастно ответили динамики.

— Назад — это значит так же быстро!

— Задание понято.

— Время против нас. Упустим время, как попадем в ту же точку своего пространства?!

— Задание понято.

— У тебя все исправно?

— Все исправно.

Уверенный привычный голос динамиков успокаивал. Но и беспокоил. Ведь не бывало еще, чтобы сверхмозг не отвечал на вопросы сразу...

— А я понял, где мы, — весело сказал Бритт. — Мы — в микромире, по другую сторону твоей запретной двери.

— Погоди с утешениями, они нам еще пригодятся, — сказал Андреев.

— Нам нечего бояться смещения во времени. Мы вернемся в тот же миг, и нашего исчезновения даже не заметят. Разве только приборы. Но что приборы? Всплеск непонятный? А мы знаем, что это за всплеск...

— Это если вернемся.

Андреев подумал, что если электронный мозг работает с прежней скоростью, то им придется ждать вечность. Та же самая дорога не одинакова для разных путников. И вдруг он остро затосковал по своей Марте. Вспомнилось почему-то не то, что было, а то, что могло быть и не стало, отодвинулось, отложилось ради других дел, ценность которых теперь казалась такой ничтожной. И вспомнилась сказка Серой планеты, и он позавидовал полудиким ее обитателям. И впервые подумал, что, может быть, не такие они полудикие. Мы считаем себя великими потому, что создали целый мир машин. Их мир — они сами, и самоусовершенствование для них — главная цель? Может, и феномен их памяти,

передающейся по наследству, вовсе не природный, а приобретенный?..

Мысль прыгала, как броуновская частица, по сложному пути взаимосвязей. Андреев не останавливал себя, тревожным фоном подсознания понимая, что это теперь единственное его дело и удовольствие. Электронному мозгу помочь было нельзя; только он знал (если знал) все повороты к выходу из этого лабиринта, приведшего их в чужое пространство. Оставалось только ждать. Ждать и надеяться. И размышлять, копаться в ворохах воспоминаний...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Каждая старая, или новая прочитанная книга - запоминается. Что-то откладывается в памяти, что-то смутно помнится, или забывается. Но, вот старые, впервые увиденные иллюстрации, остаются в памяти навсегда. Вот увидел иллюстрацию, и всплывает в памяти забытый сюжет книжной или журнальной публикации.

Этот сборник старой советской фантастики, набран по «модному» ныне принципу, подборки произведений, по иллюстратору.

А иллюстратор в сборнике, завидный. Это «ПИК» фантастической иллюстрации конца 50-х, начала 60-х годов прошлого века.

Николай Ильич Гришин.

Его «монументальные» герои запоминаются сразу, их уже не спутать, ни с какой манерой рисунка других художников.

Прозрачная акварель, яркая гуашь, бездонная чернота туши, подчеркнутая силуэтом белил. Или просто тушь и кисть, но герой полон движения и жизни, устремлен вперед, к новым мирам и открытиям.

В данный сборник вошли некоторые фантастические рассказы советских писателей из журнальных публикаций, оформленные Николаем Ильичем Гришиным.

В дальнейшем, возможен подобный сборник из журнальной периодики тех лет, с подборкой произведений зарубежных авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Сапарин
НЕБЕСНАЯ КУЛУ 5
Аркадий и Борис Стругацкие
ЗАБЫТЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ 40
Валентина Журавлева
ГОЛУБАЯ ПЛАНЕТА 71
Александр Колпаков
ОДИН 91
Аркадий Стругацкий Борис Стругацкий
БЕЛЫЙ КОНУС АЛАИДА 134
Валентина Журавлева
ЧЕЛОВЕК, СОЗДАВШИЙ АТЛАНТИДУ 156
Михаил Немченко, Лариса Немченко
ЛЕТЯЩИЕ К БРАТЬЯМ 195
Генрих Альтов, Валентина Журавлева
БАЛЛАДА О ЗВЕЗДАХ 233
Валерий Ананьин
ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ 361
Виктор Сапарин
ПРОРАБ ВСЕЛЕННОЙ 387
Валентина Журавлева
МЫ УХОДИМ К АЭЛЛЕ 426

Юрий Сафронов
ОГНЕННЫЙ ВОДОПАД 441
Евгений Войскунский, Исай Лукодьянов
ФОРМУЛА НЕВОЗМОЖНОГО 457
Владимир Михайлов
ОДИССЕЯ ВАЛГУСА 493
Георгий Гуревич
ВОСЬМИНУЛЕВЫЕ..... 551
Сергей Жемайтис
ОСТРОВ ЗАБЫТЫХ РОБОТОВ..... 584
Дмитрий Биленкин
ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПУТИ 632
Юрий Тупицын
ТОНКИЕ ГРАНИ РИСКА 648
Владимир Рыбин
ДВЕРЬ В ИНОЙ МИР 666

БЛАГОДАРНОСТЬ:

Уважаемому Владиславу (**malshin**), за помощь сканами недостающих старых журнальных иллюстраций, и многолетнее бескорыстное подвижничество, в оцифровке забытых и редких журналов.